ВОКРУГ СВЕТА

1 1970
ЯНВАРЬ

КАНУН БАНКРОТСТВА

САКЁ КОМАЦУ

Фантастический рассказ

— Господин директор, что прикажете делать? — в трубке рыдал голос молодого бухгалтера. — Контора ломится от кредиторов. Просто яблоку негде упасть... Денег требуют. Пятеро сказали, что не уйдут до тех пор, пока не получат хоть сколько-нибудь... Кое-кто грозится привести банду рэкетиров и разнести контору...

— Ты откуда звонишь? — заволновался Маруяма. — Надеюсь, не из конторы?

— Да вы что! Попробуй я звонить из конторы, они бы меня растерзали в клочья: как же, знаю, где шеф, и скрываю от них!.. Я из соседней табачной лавки говорю...

— Н-да... — Маруяма задумался. — Скажи им: пусть приходят завтра. Завтра, мол, обязательно уплатим часть долга...

— Да как же я скажу? Мы ведь сколько раз обещали — завтра. Меня они и слушать не станут. Сами пришли бы и сказали, а то всё прячетесь...

— Я не прячусь. Мотаюсь по городу, стараюсь раздобыть деньги, неужели не понимаешь?.. — Маруяма замолчал и тоскливо оглядел дешевую чайную, где он сидел. — Ладно, сейчас приду, поговорю с ними сам.

Был конец года. Конец года всегда чреват неприятностями, но на этот раз пахло не неприятностями, а катастрофой. Никогда еще не было такого отчаянного, безнадежного положения. Количество банкротств среди мелких и средних предпринимателей достигло ужасающих размеров. Маленький металлообрабатывающий заводик «Маруяма и компания» ждал своего часа, неизбежного в этом циклоне банкротств. Даже крупные фирмы испытывали затруднения. Завтра он рухнет. Да, да — завтра. Сегодня только канун банкротства. А утром, когда предъявят к оплате многочисленные выданные им векселя...

Недолго просуществовал заводик. Маруяма создал его буквально по крохам. Только-только встал на ноги, и вот — конец... Жену и детей пришлось отправить к ее родителям, прокормить их он уже не мог. Рабочие работали из-под палки: еще бы, кому охота гнуть спину, если нет никакой уверенности в завтрашнем дне и хозяин вот уже несколько месяцев не выдает полностью зарплату?.. За последнее время Маруяма совсем исхудал, килограммов семь потерял, не меньше. Беготня в поисках денег и игра в прятки с кредиторами не проходят даром.

Рисунок В. КОЛТУНОВА

Не конец года, а начало кошмара: никто не принимает оборотные векселя, банки, специализировавшиеся на финансировании мелких и средних предприятий, все разом перестали давать кредиты. Даже у ростовщиков не достанешь денег. А осаждающие его контору кредиторы такие же мелкие предприниматели, как он. Бедняги... Получить с него деньги для них сейчас вопрос жизни и смерти...

Маруяма вообще никогда не отличался смелостью, а сейчас от этих мыслей ему стало и вовсе невмоготу. Собственная контора казалась уже не конторой, а геенной огненной. И он решился на отчаянную ложь. На ложь, которая даст отсрочку до завтрашнего дня.

— Привет, господа! — Собрав все свое мужество, он приветливо улыбнулся кредиторам. У них кровожадно блеснули глаза, как у изголодавшейся волчьей стаи, лишь только он переступил порог конторы. — Честное слово, мне очень жаль, что пришлось заставлять вас столько раз приходить сюда. Небось мозоли на ногах набили... Но теперь, к счастью, удалось кое-что уладить и...

— И что вы можете дать нам взамен наших мозолей? — резко сказал один, окидывая Маруяму недоверчивым взглядом. — Сколько уже раз вы обманывали нас подобным образом!

— Нет, нет, на этот раз без всякого обмана! — Маруяма безмятежно улыбнулся. — Свет не без добрых людей. Один очень уважаемый и — очень-очень! — обеспеченный человек обещал завтра после обеда одолжить мне порядочную сумму... Не стану врать, сумма не такая, чтобы я мог сразу и полностью расплатиться со всеми долгами, но хоть какую-то часть долга я верну каждому.

— Наличными?

— Разумеется, наличными! Да вы не сомневайтесь. Если хотите, сейчас позвоню ему, пусть сам подтвердит, — Маруяма протянул руку к телефону.

— Да нет, не стоит. Мы верим вам. Что ж, спасибо за старания. Благодаря вам не останемся на Новый год без риса...

Кредиторы поднялись, собираясь уходить.

— Так, значит, завтра после обеда? Это точно?

— Абсолютно точно. Приходите часа в три. Впрочем, чтобы вам не ждать, лучше в четыре.

Когда они ушли, бухгалтер спросил:

— Маруяма-сан, вы это всерьез?

— А то как же? Удалось кое-что раздобыть. Некоторую толику собрал. Не густо, конечно, но на первый платеж хватит... А ты иди домой, отдыхай. Хватит тут сидеть. Устал ведь до смерти, даже позеленел весь. Иди, иди...

Бухгалтер ушел домой. Оставшись один в опустевшей конторе, Маруяма задумался.

Канун банкротства... Завтра металлообрабатывающий заводик «Маруяма и компания» вылетит в трубу. Какое странное чувство!.. Остается еще ночь. Если бы что-нибудь сделать... Но... нет, ничего не придумаешь. Может быть, попробовать скрыться?..

Зазвонил телефон.

— Простите, напоминаем вам, что вы задержали плату за телефон уже на четыре дня, — голос кассира телефонной компании звучал сухо. — Если завтра не уплатите, с вашего позволения, отключим телефон.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, завтра обязательно уплачу...

Опять звонок. Один из держателей его векселей. Тех самых векселей, которые завтра станут ничего не значащими бумажками.

— Маруяма-сан, надеюсь, не подведете? Завтра мы подадим их к оплате, в банк...

Завтра... Завтра его здесь не будет. Нет, он не собирается кончать жизнь самоубийством. Придется скрыться. Родители жены, конечно, его примут. Будут пилить день и ночь и попрекать каждым куском, но все же не выгонят...

Вдруг по полу метнулось что-то серое. Крыса! Фу ты, гадость! Он сделал невольное движение и успел прижать ее хвост каблуком.

— Ой-ой-ой! Пусти-и-и! Больно! — взвизгнула крыса.

Маруяма вздрогнул от неожиданности и всмотрелся в удивительного говорящего зверя. Оказывается, это была не крыса, а какое-то диковинное существо такого же цвета и размера.

— Что это? — пробормотал Маруяма, покрываясь холодным потом. — Ты... ты кто?

— Да дьявол же, дьявол я! Неужели не понимаешь? — визжало существо. — Говорят тебе, больно! Отпусти!

— Ах, дьявол?! — заорал Маруяма, выходя из себя. — Вот уж правда: не везет так не везет! Мало мне своих печалей, что ли? А тут еще всякая нечисть развелась! Значит, это из-за тебя я должен обанкротиться?

В пылу гнева Маруяма хотел раздавить серую гадину, но дьявол взвыл:

— Пощади! Я исполню любое твое желание!

— Любое?! — Маруяма все никак не мог успокоиться, ярость бушевала в нем с силой цунами. — Только не трепись! Видали мы таких! Ишь ты — любое желание!

— Да я не вру, не вру! Попроси что-нибудь, и сам увидишь!

— Ну тогда сделай что-нибудь с завтрашним днем. Сегодня ведь канун моего банкротства... А завтра последний срок уплаты по векселям...

Маруяма подумал о завтрашнем дне, и его начала бить дрожь. Все мускулы расслабились. Дьявол улучил момент и выдернул хвост из-под каблука. Стремглав метнулся в угол, но прежде, чем юркнуть в дырку, обернулся и крикнул:

— Я сдержу слово! Сделаю что-нибудь с завтрашним днем!

— ...Господин директор, что прикажете делать? — В трубке рыдал голос молодого бухгалтера. — Контора ломится от кредиторов. Просто яблоку негде упасть... Денег требуют... Пятеро сказали, что не уйдут до тех пор, пока не получат хоть сколько-нибудь. Кое-кто грозится привести банду рэкетиров и разнести контору...

Маленькая грязная чайная. Маруяма побелевшими пальцами вцепился в телефонную трубку. В горле у него комок. Он на грани истерики...

Да, дьявол сдержал слово. Он обещал что-нибудь сделать с завтрашним днем. И сделал. Завтрашний день, день уплаты долгов, не наступил в жизни Маруямы.

Сегодня на календаре то же самое число, что и вчера, — канун банкротства. И завтра будет так же и послезавтра... И вся жизнь — канун банкротства...

Перевел с японского З. РАХИМ

СЕРДЖО ТУРОНЕ,
итальянский писатель

УКРАДЕННАЯ ДУША

Фантастический рассказ

Внезапно врач задал ему странный вопрос: «Вы дорожите своей душой?» До этого визит протекал как обычно, и Зигфрид Моргентойфель ясно дал понять, что весьма сомневается в успехе. Долгие месяцы бесплодных хождений по врачебным кабинетам основательно подорвали его веру в медицину. Впрочем, к этому врачу он попал на прием впервые. Обратиться к нему посоветовал Моргентойфелю знакомый психолог. Но он почему-то сказал, что никому не следует называть имени этого врача. И теперь Зигфрид Моргентойфель подумал, что, видимо, предприимчивый эскулап, стремясь сильнее подействовать на пациента, умышленно окружил себя ореолом таинственности. Очевидно, и этот, казалось бы, неожиданный вопрос был отрепетирован заранее.

— Разумеется, я дорожу своей душой, хотя и не слишком, — ответил он.

Врач улыбнулся.

— Надеюсь, вы не приняли меня за Мефистофеля? Речь идет о научном открытии. Правда, аппарат еще проходит экспериментальную проверку, и его применение в лечебных целях пока запрещено законом. У меня могут быть неприятности. К тому же аппарат чрезвычайно дорогой.

— Что до цены, — сухо ответил Зигфрид Моргентойфель, — то, как вам уже известно, это беспокоит меня меньше всего.

Врач выдержал эффектную паузу и затем продолжал:

— Аппарат называется «экстрактор дельта», изобретен он совсем недавно и предназначен для извлечения души без какого бы то ни было ущерба для пациента. Но, повторяю, он еще не прошел окончательные испытания.

— Значит, чтобы избавиться от кошмаров, я должен пожертвовать своей душой?

— Совершенно справедливо, ведь больна именно ваша душа.

Зигфрид Моргентойфель растерянно потер глаза и сказал, что подумает. Он никогда не был особенно ревностным католиком, но мысль о том, что придется навсегда лишиться души, привела его в смятение.

Вообще-то рассказывать эту историю нелегко, ибо, в сущности, это две истории, в какой-то миг слившиеся в одну. Если прибегнуть к классической геометрии, то это равносильно тому, что две параллельные прямые пересекаются в некой точке А. Нелепость, абсурд? Да, но и сама эта история абсурдна.

Итак, наступил момент, когда параллельные прямые вот-вот должны были пересечься. Два главных действующих лица, незнакомых друг с другом, едут в одном купе первого класса. У окошка сидит Зигфрид Моргентойфель, шестидесятичетырехлетний владелец предприятия в Цюрихе. Напротив устроился Винченцо Лагана, двадцативосьмилетний калабриец из селения Корильяно Калабро. Сиденья обиты желтым бархатом. У Моргентойфеля на коленях лежит газета, но он не читает. Он дремлет, прислонившись головой к спинке сиденья, его одутловатое лицо нервно подергивается. Винченцо Лагана не спит, он смотрит в окно на поля и деревья. Время от времени он начинает разглядывать свои руки. Одет он с претенциозной элегантностью, свойственной богатым южанам.

Конечно, путешествовать в вагоне первого класса — это вам не шутка. Винченцо Лагане нравится чувствовать себя важным синьором. Он с удовлетворением потянулся. В купе первого класса сиденья удобные, мягкие, не то что в тот раз. Да, в тот раз... А ведь прошло каких-нибудь десять дней.

Тот вагон заполнили молодые калабрийцы, одетые так же плохо, как и он сам. Сиденья были жесткие, деревянные. Стоило на минуту отлучиться в коридор, пусть даже в уборную, как по возвращении тебя обдавало застоявшимся запахом дешевого сыра, вина и пота. Во сне ты прислонялся головой к плечу соседа, а он к тебе.

Скорый прибыл на пограничную станцию Кьяссо. Слабый толчок при торможении разорвал непрочную нить сна Зигфрида Моргентойфеля. Он выпрямился и кончиком указательного пальца быстро снял желтую пленку в уголках глаз. Началась проверка паспортов. Таможенный чиновник вежливо обратился сначала к пожилому господину, затем к молодому человеку. Протягивая зеленую книжицу, Винченцо сумел притвориться уверенным и равнодушным. Чиновник небрежно

Рассказ взят из сборника «Бандагал», который будет выпущен издательством «Мир» в 1970 году.

перелистал листы и возвратил паспорт, даже не поставив печати.

Маневровый паровоз оттащил состав на несколько сот метров, и Винченцо вновь увидел бетонную ленту вокзала, где их выгрузили десятью днями раньше, чтобы отправить назад. Некоторые громко протестовали и ругались, рискуя угодить в тюрьму. А Винченцо сразу понял, что спорить бесполезно. Путь закрыт — Швейцарии больше не нужны итальянские эмигранты.

Каким мучительным было возвращение в переполненном вагоне! Милан. А что дальше? Одни поехали на юг, в родные места, другие, у кого не было денег, но было много надежд, остались в Милане. Остался и Винченцо Лагана. Прежде всего, решил он, надо хорошенько обдумать положение. Он пересек привокзальную площадь и зашел в большой, ярко освещенный бар. Возле стойки пять-шесть человек спорили о футболе. Один из них обругал защитников команды «Турин». Лагана хотел было сказать несколько теплых слов этому болвану, но потом решил не вмешиваться — хватит с него своих неприятностей. В углу стоял музыкальный ящик. Сесть за столик — значит непременно заказать что-либо. Так не лучше ли послушать песню? Он подошел к ящику со сверкающими клавишами, выбрал песню Челентано и сунул в прорезь монету. Нажал на клавиши и тут же негромко выругался. Ну и кретин! Нажал B-15, а надо было B-14. Теперь слушай бог весть кого. С ума можно сойти, это же сказка — он по ошибке выбрал детскую пластинку. Счастье еще, что другие клиенты продолжали громко спорить о футбольном чемпионате, не то бы они посмеялись над ним от души. Но раз уж он потратил пятьдесят лир, стоит послушать сказочку. В ней рассказывалось о коте в сапогах, который помог разбогатеть своему хозяину, жалкому бедняку, нарядив его в шикарное платье. Король принял бедняка за настоящего принца и отдал ему в жены свою дочь — принцессу. Говорящий кот — ерунда какая-то! Один из болельщиков сказал, что игроки туринского «Ювентуса» — живые мертвецы. В другое время горячая калабрийская кровь Винченцо Лаганы вскипела бы — и не миновать бы ссоры. Ведь южане болеют не столько за Турин, сколько против Милана, города богачей, которые имеют все, чего нет у них, нищих калабрийцев. Но сейчас Винченцо лишь окинул этого глупца презрительным взглядом, его мысли были заняты котом, который помог хозяину стать богатым, нарядив его в богатые одежды.

Рисунки С. ПРУСОВА

А ведь это неплохая идея. Швейцария не хочет итальянских эмигрантов. Ну что ж — значит, нужно пересечь грани·

цу под видом богатого синьора. И Винченцо решил рискнуть всеми своими сбережениями, довольно-таки скудными, но достаточными, чтобы купить отличный костюм и билет в вагоне первого класса.

Приобрести костюм оказалось делом совсем не легким, потому что продавец магазина заподозрил неладное: обычно клиент в рваной одежде не покупает костюм за сорок тысяч лир. Винченцо пришлось вначале показать ему деньги. Помимо костюма, он купил рубашку и платок для верхнего кармашка пиджака, галстук, носки, ботинки. Когда он вышел из магазина одетый с иголочки, его остановили двое полицейских и потребовали документы. Продавец тут же позвонил в полицию: он твердо знал, когда оборванец вдруг одевается как синьер — это означает, что он совершил одно ограбление и теперь готовит другое. Полицейские тщательно обыскали Винченцо, но даже это не испортило его хорошего настроения. Спасло его рекомендательное письмо приходского священника бывшему односельчанину, который теперь жил и работал в Цюрихе. Больше того — встреча с полицейскими оказалась даже полезной, она позволила Винченцо усовершенствовать свой план. Один из полицейских, схватив его за руку, презрительно посмотрел на грязные ногти и мозолистую ладонь. Кот в сапогах никогда бы не допустил подобной оплошности. С такими ногтями самый роскошный костюм не поможет ему пересечь границу. Маникюрша изрядно потрудилась, но когда Винченцо вышел из парикмахерской, его пальцы нельзя было узнать.

И вот теперь скорый, миновав границу, мчится вдоль Луганского озера. Мерное покачивание вагона таит в себе опасность — оно навевает сон и одновременно не дает заснуть. Когда поезд въехал в туннель и стук колес сменился грохотом, проснулся и Зигфрид Моргентойфель. Он посмотрел на часы и попытался снова забыться сном. Но это ему не удалось. Тогда он взял лежавшую на коленях газету и стал рассеянно просматривать первую страницу. Читать не хотелось. С минуту он разглядывал своего соседа по купе. Наверняка итальянец. Одет довольно безвкусно, но если бы все итальянцы были такими же аккуратными и презентабельными, не существовало бы и его проблемы.

А его проблема — итальянские эмигранты, которых он принял на работу в пекарню. Тогда-то и начались ночные кошмары, нервное истощение и бесконечные визиты к врачам. Первое время он испытывал лишь смутное чувство неприязни. Ему было противно смотреть на этих черных волосатых оборванцев. Его раздражала их манера тараторить на своем тарабарском наречии и эта их привычка вечно собираться в круг. Не говоря уж о варварском обычае носить в кармане нож.

Он всячески пытался избавиться от этой напасти, но его неприязнь к итальянцам все усиливалась.

В газетах писали, что наплыв итальянских эмигрантов с юга грозит нарушить этническую структуру Швейцарии, и это очень беспокоило Зигфрида Моргентойфеля. Его мучили угрызения совести — ведь он один из тех, кто невольно помогает создавать подобную диспропорцию.

У них и слуха-то нет. А еще говорят, что все итальянцы музыкальны от природы. Сплошное вранье — когда они поют хором, то это похоже на рев пьяных ослов. И все-таки хуже всех Риччапулли, иссиня-черный, словно бедуин, грязный, вульгарный, охочий до женщин, к тому же наглец, каких мало.

Всех их уволить? Легко сказать. А кто будет работать в пекарне? С некоторых пор швейцарцы предпочитают не заниматься тяжелым физическим трудом. Нет, он не мог их уволить. Они это прекрасно знали. А он, Моргентойфель, знал, что они это знают, и оттого ненавидел их еще сильнее.

Однажды ему приснилось, что Риччапулли ущипнул за бок белокурую работницу, и тогда он хорошенько отлупил нахального итальянца. Утром он проснулся в превосходном настроении — его лишь разочаровало, что это был сон. Потом, быть может, от переутомления, а возможно, от чрезмерного нервного напряжения, его сны стали все более беспокойными и тревожными. К Риччапулли прибавились другие итальянцы, и теперь он не только избивал их, но и бросал живыми в печь и со сладострастием глядел, как в огне они, наконец, из черных становились черно-красными. Впрочем, эти ночи еще нельзя было назвать кошмарными. Больше того — они были своего рода отдушиной, выхлопным клапаном, благодаря которому находили выход (и притом безболезненный) переполнявшие Моргентойфеля чувства.

Но внезапно канва сновидений изменилась. Случилось это однажды вечером, когда на ужин он поел жареного перца с рисом. Едва он заснул, как очутился в зале суда. На нем был серо-зеленый арестантский костюм. Судья, толстый, безликий человек в штатском, не говорил, а кричал: «Вы обвиняетесь в умерщвлении тысячи итальянцев! Что вы можете сказать в свое оправдание?» Присутствовавшие в зале негодовали. Кто-то крикнул: «Убийца!» Судья повторил вопрос, стукнув деревянным молотком по столику: «Что вы можете сказать в свое оправдание?» Его адвокат, сухой, морщинистый старик, подошел к нему и, брызгая слюной, прохрипел: «Скажите, что вы действовали согласно приказу вышестоящих властей». Судья громовым голосом рявкнул: «Отвечайте же!» — «Я выполнял приказание». Жирный судья покрутил в воздухе молотком и вновь с яростью стукнул им по столу: «Ах, приказ! Все убийцы так говорят».

Зигфрид Моргентойфель подскочил в постели, словно его ударили электрическим током. Какое-то время он тешил себя надеждой, что виною всему жареный перец, но, увы, он ошибался. На четвертую ночь сон повторился и уже больше не оставлял его, всегда один и тот же, безмерно страшный. Менялось лишь число убитых — с каждым разом оно все возрастало: две тысячи, пять, двадцать тысяч... И в конце неизменно: «Все убийцы так говорят».

За несколько месяцев Зигфрид Моргентойфель катастрофически похудел. Врачи выписывали ему какие-то дурацкие лекарства, советовали отдохнуть, ничего лучшего они придумать не могли. Теперь приближение ночи приводило Зигфрида Моргентойфеля в содрогание. Он пробовал обра-

щаться к другим врачам — никакого эффекта! Лишь доктор Гольдентойфель единственный из всех предложил нечто конкретное: экстрактор дельта. Но слишком уж подозрительный тип, этот Гольдентойфель. И потом, где гарантия, что он сможет жить без души, не испытывая неприятных ощущений?

С каждым новым сном росло число убитых итальянцев: сорок тысяч, пятьдесят, сто тысяч... Кошмары стали преследовать Моргентойфеля и днем. Если взгляд его случайно падал на молоток, он тут же вспоминал деревянный молоток грозного судьи. Однажды он буквально опозорился на официальном приеме в муниципалитете — в момент, когда произносились тосты, он заметил, что пожилой асессор похож на сухого, морщинистого адвоката. Ему стало нехорошо, пришлось уйти с приема.

Не помогли ни специальный курс лечения, ни рентгенотерапия, ни таблетки. Искушение вновь сходить на прием к Гольдентойфелю было очень велико, но он решительно отверг саму мысль об этом. Как-то в газете ему бросилась в глаза заметка о знаменитом шведском специалисте по психоанализу, творившем чудеса в лечении невроза. Он отправился в Стокгольм. Лекарство, которое ему прописал шведский профессор, принесло облегчение всего на одну ночь. Затем снова начались кошмары. Теперь число убитых достигло пятисот тысяч. Оставался один выход — экстрактор дельта. Когда искушение доводит вас почти до исступления, всегда находится уловка, чтобы сдаться, притворяясь, будто вы сопротивляетесь. Уловка эта изящно именуется компромиссом. Механизм предельно прост — он ничем не отличается от автомата с прорезью, только вместо жетона вводится словечко «если»: я твердо решил отказаться, поищу-ка другие возможности, лишь в том случае, если и эти попытки окажутся безрезультатными, я отвечу «да». Но это будет «да» с весьма серьезной оговоркой, ибо оно обусловлено целым рядом «если».

Он снова отправился к Гольдентойфелю. В этот раз кабинет врача не произвел на него такого мрачного впечатления, как прежде. И все-таки ему подействовала на нервы самодовольная улыбка Гольдентойфеля, встретившего его словами:

— Я знал, что вы решитесь.

— Я еще ничего окончательно не решил, — сказал Зигфрид Моргентойфель. — Вначале я хотел бы кое-что уточнить.

— Всегда к вашим услугам. — Врач почтительно склонил голову.

— Я хочу хорошенько отдохнуть, месяца два, не меньше. Быть может, длительный отдых поможет мне избавиться от кошмаров.

— Превосходная идея.

— Если уж и отдых не принесет мне облегчения, я прибегну к экстрактору дельта. Однако я намерен сам выбрать место и время. Могу ли я купить аппарат и затем в случае нужды сам, без вашей помощи, воспользоваться им?

— Прошу вас, вот инструкция, аппарат очень прост и удобен в обращении.

И врач вынул экстрактор из белого пластмассового футляра.

— Одну минуту, — остановил его Зигфрид Моргентойфель. — Мне требуется еще одна гарантия. Видите ли, у меня нет ни малейшего желания остаться без души. Позволяет ли ваш аппарат обменять мою душу на душу другого человека?

— Конечно, конечно, — заверил его Гольдентойфель. И тут же убедительно посоветовал никому не показывать экстрактор, ибо это может вызвать серьезные осложнения.

Наконец он назвал цену. Цифра была совершенно фантастической, но больной вручил требуемую сумму без малейших возражений.

От врача он ушел в превосходном настроении. Так или иначе, но его мучения прекратятся. Местом отдыха он выбрал Италию. И не случайно — путешествие по этой стране позволит ему познакомиться с итальянцами из высшего общества, и тогда он, возможно, сумеет преодолеть отвращение к итальянским рабочим из пекарни.

Он посетил Капри, Таормину, Гаргано и другие знаменитые курорты, где отдыхают и развлекаются приличные, состоятельные люди. Правда, на улицах встречались и нищие, но здесь они были живописной деталью пейзажа, элементом фольклора. Тут все помогало забыть о горестях и бедах. Однако исчезнут ли кошмарные сновидения? Первое время ему снилось все то же убийство итальянских эмигрантов, но постепенно сны становились более расплывчатыми, туманными. Однажды ночью безликий судья предстал пред ним в купальном костюме, вместо молотка он держал в руке резиновую надувную утку. А затем ему и вовсе перестали сниться рабочие-итальянцы; два месяца полного спокойствия. И теперь Зигфрид Моргентойфель, довольный, умиротворенный, возвращался в скором поезде в родной Цюрих. В багажной сетке в чемодане из крокодиловой кожи покоился экстрактор дельта. Он так и не вынул его из футляра. Выброшенные на ветер деньги, и все-таки это лучше, чем ночные кошмары.

До прибытия в город оставалось еще несколько часов. Зеленый однообразный пейзаж навевал сон. Солнце зашло, и стук колес стал более размеренным. Контролер бесшумно открыл дверь. С минуту он подождал, не проснутся ли оба пассажира, но те не просыпались. «Эти хорошо одетые господа не из тех, кто ездит зайцем», — подумал контролер и, решив не будить их, осторожно закрыл дверь.

Зигфрид Моргентойфель проснулся внезапно, негромко вскрикнув от испуга. Но Винченцо Лагана спал так крепко, что ничего не услышал. Старый предприниматель закрыл лицо руками. Кошмарное видение, снова кошмарное видение! И на этот раз отчетливое до ужаса.

Среди свидетелей обвинения Моргентойфель сразу же узнал Ричапулли. Он сидел рядом с белокурой работницей-швейцаркой, и та тоже крикнула ему: «Убийца!» Нет, от этого кошмара никуда не спрячешься. Мирные сны на отдыхе были всего лишь кратковременной иллюзией. Зигфрид Моргентойфель мгновенно взмок, словно только что пробежал стометровку. Задыхаясь, он поднял голову и с завистью посмотрел на своего попутчика, спавшего сном праведника.

Решение пришло мгновенно, и с этой минуты он действовал автоматич‹ес›ки. Он встал, до-

тянулся до чемодана, открыл замок и ощупью отыскал среди вещей пластмассовый футляр. Вынув экстрактор дельта, он снял колпачок и ослабил винт. Он столько раз читал инструкцию, что теперь делал все механически. Два шнура заканчивались маленькими присосками. Один из них Моргентойфель закрепил на запястье своей левой руки, другой — на запястье правой руки Винченцо Лаганы. Затем опустил рычаг и нажал белую кнопку. Он не ощутил ничего, кроме легкого покалывания. В инструкции было сказано, что в короткие минуты извлечения души у него возникнет такое же чувство усталости, какое обычно испытывает донор. Зигфрид Моргентойфель терпеливо ждал, когда загорится зеленый глазок — знак того, что взаимный обмен душами закончен. В его затуманенном мозгу вяло шевелились мысли: «Интересно, что я почувствую в этот миг?» Но что это? Молодой человек проснулся, вскочил и сунул руку в карман. Молниеносный взмах руки, блеск лезвия, и Зигфрид Моргентойфель вдруг увидел на груди кровь, свою собственную кровь. А затем пустота, холод смерти — душа Моргентойфеля и нож Винченцо Лаганы совершили убийство.

Полиция, разумеется, верила лишь документам. Молодой человек по имени Винченцо Лагана, уроженец селения Корильяно Калабро, был арестован.

Наутро швейцарские газеты сообщили, что трагический эпизод — новое доказательство роста преступности, вызванной наплывом итальянских эмигрантов. Некоторые ультраправые организации предложили ввести смертную казнь, но для одних иностранцев.

Убийца знал, что он не Винченцо Лагана, а Зигфрид Моргентойфель, но и не подумал заявить об этом. Отчасти потому, что не сомневался — ему все равно не поверят, отчасти же потому, что был даже рад, что это убийство вновь привлекло внимание общественности к тяжким последствиям все возрастающей эмиграции итальянцев. Этих варваров, принесших ему столько бед...

Перевел с итальянского
Л. ВЕРШИНИН

В. КОЛУПАЕВ

МА-А-АМА!

Фантастический рассказ

Что знаем мы, двадцатилетние, о войне? Мы, ни разу не видевшие разрывов бомб, не слышавшие свиста пуль, никогда не голодавшие, не знавшие, что такое похоронная, безногий отец, в тридцать лет поседевшая мать.

Что знаем мы о войне?..

...Близилась экзаменационная сессия. Около университетской рощи нельзя было пройти, не захлебнувшись запахом цветущей черемухи. Днем уже было жарко. Вечером — еще прохладно. Проспект Ленина от Дворца Советов до Лагерного сада заполняла шумная, смеющаяся толпа. Время вечерних и ночных гуляний.

Я учился в Усть-Манском университете на историческом факультете. Мы гурьбой шли с лекции по теории прогнозирования на лабораторные занятия в главный корпус.

— А вы знаете, — сказал Валерий Трубников, — эта лабораторная — практически зачет по прогнозированию будущего.

— Ну да! — ахнула идущая рядом со мной Вера и схватила меня за локоть. — Это правда?

— Правда, правда. — Трубников утвердительно закивал головой.

— Откуда ты взял? Откуда ты знаешь? — загалдели вокруг.

— Знаю, и все. Сами увидите.

Нельзя сказать, что его заявление нас обрадовало. Все знали педантичную скрупулезность старшего преподавателя Тронова, который вел лабораторные. Его любимой фразой было: «С временем шутить нельзя».

Он выжимал из нас все. Он заставлял нас думать так, что голова раскалывалась на части. Его не устраивали витиеватые или слишком эмоциональные рассуждения и доказательства.

Рисунок И. ГОЛИЦЫНА

Ему была нужна строгая логика. Только логика. Мы считали его сухарем.

После яркого солнца легкий полусумрак коридоров был даже приятен. Рассчитанные на двух человек учебные машины времени располагались в правом крыле старинного здания на втором этаже. Все лабораторные я делал вместе с Верой, и в группе уже перестали острить на эту тему. Привыкли.

Содержание лабораторных работ всегда сводилось к следующему: нам отводился определенный участок времени в прошлом, и минут пятнадцать мы могли наблюдать события, происходящие в нем. А потом, пользуясь математической машиной и своей головой, мы должны были сделать заключение, что изменилось бы, не будь тех событий, которые все-таки произошли. Ведь историкам полагалось не только знать прошлое, но и разбираться в нем, прослеживать его неосуществленные возможности, мыслить исторически, делать выводы и на их основании видеть будущее, потому что даже историка, занимающегося изучением древнейшего мира, в первую очередь интересует все-таки настоящее и будущее человечества.

У нас уже были подобные лабораторные. Не очень сложные, часто в присутствии преподавателя. Сегодня же все должно быть гораздо сложнее. Теперь мы должны узнать, чему научились.

Старший преподаватель Тронов вошел в кабину и положил на стол конверт.

— Если кому-нибудь станет плохо, нажмите вот эту кнопку, — сказал он. — Это случается.

— Почему? — спросила Вера.

— Война... Что вы знаете о войне? — Тронов пожал плечами.

— О какой войне? — осведомился я, стараясь казаться деловитым молодым историком.

Тронов как-то странно посмотрел на меня и пожевал губами, словно что-то хотел сказать и передумал. Рука его двигала конверт по столу. Я машинально проследил это движение глазами. «Великая Отечественная... 1941 г. ...» — было написано на конверте. Остальное загораживали чуть заметно вздрагивающие пальцы. Странно, сухарь Тронов волновался и хотел скрыть это.

— Об этой войне мы знаем. И много, — уверенно сказал я. — Брест. Ленинград. Севастополь.

— Сталинград. Берлин, — подхватила Вера.

— Люди, в первую очередь люди, — тихо сказал Тронов и пошел к выходу. — ...То была война за вас.

— Что он сказал? — спросил я Веру.

— Что это была война за нас. Так, значит, мы будем участвовать в войне! Сережка, ведь это здорово!

— Участвовать, — передразнил я ее. — Смотреть со стороны. Кино.

— Нет. Это не кино. Это действительно было.

Мы прочитали задание, набрали на пульте машины координаты пространства и времени и включили ее.

...Пронзительно завизжали тормозные колодки, и поезд остановился. Из теплушек, как горох, посыпались люди. Над головой на бреющем полете пронеслись один за другим три самолета. Горели два средних вагона. Люди скатывались с насыпи и бежали в степь. Женщины и дети.

Эффект присутствия был ошеломляюще полным.

Рядом со мной упала женщина. Она была в сером тяжелом платье, черном платке и кирзовых сапогах. Девчушка лет пяти раза два дернула ее за руку, говоря: «Мама, мама». Потом, поняв, что мама уже не поднимется, закричала страшно, захлебываясь слезами и тряся маленькими кулачками:

— Ма-а-а-ма!

Рядом, оставляя за собой полосу крови, ползла женщина к краю воронки, где еще что-то шевелилось, полузасыпанное землей, что было ее ребенком, мальчиком или девочкой.

В открытом поле смерть настигала людей быстро и безжалостно. Горели уже почти все вагоны. Люди бежали по полю, падали, зарываясь ногтями в землю. Пахло горелым. Пахло цветами. Это смешение запахов было настолько неестественным, диким, что хотелось закричать.

Все это навалилось на нас так внезапно. Смерть, смерть кругом. После солнца и весны, после запаха черемухи...

Какой-то лейтенант, еще почти мальчишка, пытался навести порядок в этом кричащем мире, приказывая лежать или бежать к балке, видневшейся метрах в трехстах, в зависимости от того, где были самолеты.

На тендере паровоза застрочил пулемет. Трое в военной форме с грязными полосками бинтов разворачивали его навстречу ревущим самолетам. И вдруг один из самолетов, выпустив черный шлейф дыма, с визгом понесся к земле и ухнул где-то за полотном дороги.

Вера стояла на обгоревшей траве рядом с воронкой.

— Ложись! — крикнул я, хватая ее за руку и рывком пытаясь бросить на землю. — Ложись!

Она вырвалась и бросилась к сидевшему метрах в пяти ребенку, спокойно подбрасывающему комья земли. И когда земля, рассыпаясь, летела ему в лицо, он смеялся и смешно отплевывался, пуская пузыри. Совсем рядом с ним возникли бурунчики пулеметных очередей. Это его не испугало. Для него еще не существовало понятия «война».

Вера бросилась к нему и вдруг в полуметре, широко расставив руки и навалившись грудью, как бы уперлась в упругую стену воздуха, не пускающую дальше. Она стучала о невидимую преграду кулаками и что-то кричала, пока, обессиленная, не сползла вниз, к траве.

Я на ощупь нажал кнопку возврата. Панели пульта управления, высокие стойки аппаратуры, мягкий, приглушенный свет, букетик цветов в стакане на столе. Скорченная фигура Веры в углу кабины, возле самого выхода. Я бросился к ней и приподнял, думая, что она потеряла сознание. Но она широко открытыми глазами посмотрела на меня, через меня, вдаль, в пустоту и осторожно высвободилась. Подошла к столу, села, уронив голову на ободранную крышку стола. Я знал ее, знал, что творится в ее душе.

Так она сидела довольно долго, и я не смел потревожить ее. Потом она подняла голову и сказала:

— Все сначала.

— Можно отказаться от этой работы и попросить другую.

— Другой такой быть не может. Я выдержу.

...Пронзительно завизжали тормозные колодки, и поезд остановился... Мы стояли на краю

воронки. Ветер, смешанный с дымом, рвал волосы.

Плача и размазывая слезы по грязным щекам, кричала девочка:

— Ма-а-а-ма!

Играл сухой обгоревшей землей ребенок. Он был еще настолько мал, что нельзя было понять, девочка это или мальчик. Бурунчики пулеметных очередей возникли почти рядом с ним, и он, смешно переваливаясь на коротеньких неокрепших ножках, затопал к этому месту, неумело повторяя: «Мма... мма... мма...»

Через секунду он был убит.

Страшный эпизод далекого прошлого на мгновение смазался — и изображение исчезло.

— У нас мало времени, — сказала Вера. — Начнем моделирование. — Ее глаза сухо блеснули, встретившись с моими. — Ничего, Сергей. Мы успеем.

Нам нужно было проследить судьбу малыша в предположении, что он останется живым. И мы делали десятки таких предположений, выбирая наиболее вероятный вариант его будущей жизни. Логическая машина, используя информацию о прошлом человека, о людях, которые его окружали, событиях, выбирала наиболее возможный вариант, и мы его видели. Вся трудность заключалась в том, чтобы учесть наибольшее количество существенных, главных факторов, отыскать их среди, может быть, на первый взгляд более бросающихся в глаза, более эффектных. Эта работа требовала железной логики, умения мыслить строгими логическими категориями, сдерживать в себе раздирающие сознание взрывы эмоций, обязательно возникающие при этом. Эта работа требовала обширных знаний о том времени.

И вот мы увидели, как маленький человечек неуверенно сделал шаг к своей смерти, покачнулся и упал, не дойдя до нее двух шагов. А через минуту самолеты, израсходовав весь свой боезапас, скрылись на горизонте.

Вокруг плакали, перевязывали раненых, искали родных и знакомых и находили их лежащими в неестественных позах смерти.

Потом вереница людей потянулась вдоль насыпи на восток. Ребенка несла на руках чужая старуха, почерневшая от горя, сухонькая, маленькая. Как она только его несла?

Мальчик, это оказался мальчик, попал в детдом, окончил школу, Томский университет. В сорок лет он разработал математическую теорию раковых заболеваний. Это почти на год раньше, чем произошло на самом деле. Кто-то другой сделал это на год позже. На год позже... Сколько жизней не удалось из-за этого сохранить.

Второй человек, тот, который грязным комком еще шевелился на краю воронки, не стал бы выдающимся ученым. Он был бы учителем истории.

До звонка оставалось не более трех минут, когда Вера сказала:

— Я хочу изменить судьбу девочки. Пусть ее мать останется живой. Хоть краем глаза я хочу посмотреть на это.

Я молча кивнул.

Сначала мы увидели то же, что и раньше. Женщину, лежащую с запрокинутой головой, и девочку. Услышали ее крик:

— Ма-а-а-ма!

Потом то, что хотели увидеть: улетающие на запад самолеты и женщину, исступленно целующую свою дочь. Слезы радости, безмерной радости и счастья, что ее дочь жива и невредима, что она будет жить. Девочка, прильнувшая к матери. К заплаканному, постаревшему лицу матери.

Я тронул Веру за локоть:

— Звонок.

Она сама нажала кнопку возврата в настоящее.

Вся группа собралась в коридоре. Не было обычного оживления и вопросов «ну как!», «успели?».

Ну что ж. Мы выполнили задание лабораторной работы. Осталось сделать выводы. Тронов обычно не торопил нас. В своем маленьком кабинетике он будет работать допоздна. И мы можем прийти к нему когда захотим.

Мы вышли из университета. На воздухе по-прежнему было солнечно и жарко. По аллее возле фонтана гуляли с детьми мамы и бабушки. Где-то вдалеке пели песню. Низкий женский голос радовался маю и цветам. Мы прошли мимо фонтана и свернули вправо, к библиотеке. Там, под ветвями сосен, было прохладнее. Все молчали, потом Трубников сказал:

— Так и будем молчать? Я уже сделал выводы. Тут и размышлять-то особенно нечего.

— Эх, война, война, — со вздохом сказал кто-то.

— Что война?! Надо было спасти этого гения любой ценой! Если бы было возможно... я бы спас его. Он бы принес столько пользы человечеству!

— А других? — спросила Вера.

Трубников любил мыслить глобальными масштабами.

— Раз уж так получилось... А он ведь гений!

— Нет. Ответ должен быть другим, — сказала Вера. — Разве дело в том, что одним великим человеком могло быть больше? Просто человек мог быть... Дело не в том, что убили будущего ученого. Они этого еще не могли знать. Убили чью-то радость, чье-то счастье. Главное в том, чтобы не было этого страшного крика: «Ма-а-а-ма!» Чтобы никогда не было этого страшного крика. Пусть из нее или из него не получилось бы гения, все равно людям от этого было бы лучше... Но это было... было за нас.

— Тронова этим не возьмешь, — сказал Трубников. — Ему нужна только логика, строгие доказательства, без эмоций.

— Это самая лучшая логика! Я пойду...

— Я с тобой, — сказал я.

Мы побежали по молодой, еще только начинающей выбиваться из земли траве. Почти вся группа...

Тронов поднял на нас чуть настороженные глаза, когда мы ввалились к нему в кабинет. И я понял, почему волновался этот сухарь, когда раздавал нам конверты с заданием. Уж конечно, не потому, что боялся, вдруг мы не выдержим, он хотел знать, что мы сами из себя представляем...

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. По лицу Тронова скользнула улыбка. Нет. Мне не показалось. Этот человек был счастлив. Потом он отвернулся к окну и сказал:

— Логика. Только логика. Заходите по двое.

А когда он отошел от окна, то снова стал таким же, как и всегда. Только теперь мы стали немного другими. И мы видели его по-другому.

Запах цветущей черемухи врывался в открытое окно. В Усть-Манске это было время вечерних и ночных гуляний.

КШИШТОФ БОРУНЬ,
польский писатель

COGITO, ERGO SUM...

Рисунок И. ГОЛИЦЫНА

Фантастический рассказ

Камни словно бы ожили... Растут, вспухают, раздирают спайки... Белые стиролитовые спайки... Меня так и тянет отступить, помчаться вверх по ступеням, убежать от того, что уже здесь, рядом, передо мной, но я не могу преодолеть парализующий страх...

Вспышка света. И уже нет ни разбухающей стены, ни мрачного коридора, ни истлевших ступеней... Теперь я понимаю, что это был всего лишь сон, и чувствую колоссальное облегчение.

Мучительный, кошмарный сон — настойчиво повторяющийся с детства. Скрипящие ступени, ведущие в подвал. Из мрака проступает темная, закопченная стена. Сквозь пролысины в штукатурке проглядывают большие шершавые камни — фундамент нашего дома. Я спускаюсь в густеющий мрак и, уже коснувшись ладонью камней, слышу позади шорох шагов, резкий скрип заржавевших петель, и меня охватывает непроглядная темень. Потом шаги удаляются, и наступает тишина. Гнетущая, наполненная страхом и бессильной злобой. Достаточно преодолеть несколькими прыжками ступени, отделяющие меня от подвальной двери, и опять вернется свет. Но я знаю, это бессмысленно — Михаль, затаившийся в коридоре, только и ждет, чтобы опять захлопнуть дверь.

Я должен побороть страх и дойти в темноте до

поворота. Оттуда всего несколько шагов до тяжелой изогнутой задвижки, которую надо открыть, чтобы увидеть свет, проникающий сквозь зарешеченное оконце.

Я всегда боялся мрачного подвала, и всегда мне удавалось преодолеть страх, когда ребенком я спускался за картошкой или углем... Так было наяву.

Но во сне было иначе. В снах как бы сосредоточивались все желания и опасения, которым не было доступа в сознание наяву. Меня охватывала злость на Михаля, я гнался за ним по крутым ступеням вверх до закрытой двери, в бессильном бешенстве молотил кулаками в твердые, покрытые потрескавшейся краской доски. Только потом приходил страх. Другой страх... которого невозможно побороть... Усиливающийся с каждой секундой. Мускулы слабели от этого непреодолимого страха... Я чувствовал, что э т о приближается, хотя никогда не мог определить, что́ это и откуда оно придет...

Всегда одно: подвал, запертая дверь, парализующий страх, освободиться от которого можно только... проснувшись.

И теперь то же... Нет. Как будто все так же, и все-таки не так... Разбухшая, выгнутая стена... Пожалуй, это появилось впервые. Что за стена? Белые стиролитовые спайки... Откуда взялся стиролит в подвале? Такое может привидеться только во сне...

Вспышка. Как темно... Неужели надвигается буря? Странно. Абсолютная темнота — даже окошка не видно. Перед глазами мельтешат мириады искорок, какие-то темные и светлые пятна, непрестанно изменяющие цвет и форму.

Опять всплеск света. Один, второй, третий... Напоминает блеск фотовспышки, отраженный от белой или желтой стены. Потом опять темнота. Непроницаемая.

Открыты ли у меня глаза? Странно, но я не в состоянии этого определить. Шевелю веками, но не чувствую их... Как чешется правая нога! Я хочу коснуться ее. Пожалуй, мне действительно удалось согнуть ногу, и теперь я тянусь к ней рукой... Хотя... я не уверен в этом. Может быть, у меня отказали органы осязания? Я не могу поручиться, что касаюсь ноги...

А может, я все еще сплю? Можно ли видеть во сне, что ты спишь?

Вспышка. На этот раз как будто более продолжительная... Потом две коротких... Осветило стену. Какую стену? Ничего не понимаю... Хорошо помню, я уже укладывался спать, когда позвонила Анка и сказала, что в С-4 повышается давление... Все время после обеда мы работали, и все было в порядке. Реакция затухала. Как и всегда, при резонансных частотах... После звонка Анки я оделся и сразу же поехал в лабораторию...

Опять вспышки. Два раза. Короткая и длинная. Словно буква «А» в азбуке Морзе. Только вряд ли это действительно сигналы.

Где я?.. В лаборатории?.. Белая стена, что за белая стена? Дома нет такой стены... Впрочем, не помню, чтобы я возвращался домой... Домой? Я не знаю даже, как окончился опыт...

Вспышка. Какая длинная... И три короткие. Вроде буквы «Б». Неужели действительно сигналы? Кому понадобилось сигналить морзянкой? И зачем?

Опять вспышки. Передают алфавит. Что за странная забава? А может, соседский мальчишка...

Вспышки следуют одна за другой. «Е» и «Ж». Это начинает нервировать. Разве я обязан смотреть на эти вспышки?

Почему я не могу прикрыть глаза рукой? Почему не знаю, что с рукой творится? А может, это паралич? Может, я в больнице?

Кажется, я начинаю что-то вспоминать. Вспухающая стена... Это был не подвал, а лаборатория. Белые стиролитовые спайки... И крик. Да. Это был крик Анки...

Но что потом? Что было потом?

Все время сигналят... Пожалуй, «Ю»... а теперь «Я». Ну наконец-то алфавит кончился.

Нет. Опять начинается.

«Б... Р... А... Ц... К... И... Й...»

Меня.

«Я — С... К... Р... И... Н... А...»

Скрина? Почему Скрина? Зачем?

«ЕСЛИ ТЫ ПОНЯЛ СИГНАЛЫ, НАЙДИ СУММУ ПЯТИ ПЕРВЫХ ПРОСТЫХ ЧИСЕЛ».

Что это значит? Чего ради мне заниматься арифметикой? Первые простые числа... 2, 3, 5, 7, 11... Два плюс три — пять, плюс пять — будет десять, плюс семь — уже семнадцать, плюс одиннадцать — двадцать восемь...

Опять вспышки.

«ВСЕ В ПОРЯДКЕ. У НАС С ТОБОЙ КОНТАКТ НЕПОСРЕДСТВЕННО ЧЕРЕЗ КОРУ. ПОПРОБУЙ ПОШЕВЕЛИТЬ ПРАВОЙ РУКОЙ».

Что все это значит? Контакт через кору. Непосредственно через кору... Неужели эти вспышки... раздражение коры мозга? Но почему? Неужели полный паралич? Но ведь Скрина велел мне пошевелить рукой. Я прочел безошибочно: попробуй пошевелить правой рукой.

Пошевелил. Ничего не чувствую.

Опять сигналит.

«ХОРОШО. ТЕПЕРЬ ЛЕВОЙ».

Пытаюсь, но ничего не ощущаю. И эта тишина...

«ПОРЯДОК. ПРАВАЯ РУКА — ТОЧКА, ЛЕВАЯ — ТИРЕ. МОЖЕШЬ ПЕРЕДАВАТЬ. ЗАПОМНИ: ПРАВАЯ — ТОЧКА, ЛЕВАЯ — ТИРЕ. ДОСТАТОЧНО ПОШЕВЕЛИТЬ ПАЛЬЦАМИ».

Ничего не понимаю. Хотя... Ну, ясно же! Я потерял слух и речь. Неужели я действительно не могу говорить? Откуда они знают? Ведь я и не пытался.

— Скрина!

Ничего не слышу. Не слышу собственного голоса... Сказал ли я вообще что-нибудь? Не знаю. Ничего не знаю и ничего не чувствую.

Они передали, что поддерживают со мной связь через кору... Что это значит? Может быть, я полностью потерял способность воспринимать сигналы с помощью органов чувств? Поэтому и не чувствую даже боли. Им приходится использовать электрические раздражители. Вспышки. Вероятно, они воздействуют непосредственно на зрительный центр. А Скрина велел складывать числа, чтобы с помощью электроэнцефалографа установить, способен ли я вообще сознательно мыслить.

Однако любопытно, что я могу шевелить руками. Только действительно ли я шевелю руками?

Правая рука — точка, левая — тире. Могу спрашивать.

«ЧТО СО МНОЙ?»

«ПЛОХО. У НАС С ТОБОЙ КОНТАКТ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ КОРУ. ТЕБЯ ОЧЕНЬ УТОМЛЯЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ?»

Что-то они крутят. Почему не отвечают прямо?

«СКРИНА, ГОВОРИ ПРАВДУ: ЧТО С АНКОЙ?»

Почему нет вспышек? Почему они молчат? Может быть, Анка погибла, и они боятся ответить... Ее крик...

«ОНА ПОГИБЛА?»

Опять вспышки: точка, точка, тире, точка, тире... Не знаю... В голове кружится, словно от вина... Точки это или тире? Что они... Ничего не могут понять... Что они...

Кажется, я заснул. Вспышки... Надо быть внимательнее...

«...ПРИНИМАЕШЬ...»

Видимо, конец фразы.

«ПОВТОРИТЕ».

«МЫ СПРАШИВАЛИ, ПРИНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ УЖЕ НАШИ СИГНАЛЫ. ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ СЕБЯ ПЛОХО?».

«Я, КАЖЕТСЯ, ЗАСНУЛ».

«ВРЕМЕННЫЙ ОБМОРОК. НЕДОСТАТОК КИСЛОРОДА. СОСРЕДОТОЧЬСЯ. ТЫ ПОМНИШЬ МОМЕНТ ПЕРЕД ВЗРЫВОМ?»

Так. Стало быть, это действительно был взрыв... Анка звонила, что в С-4 возрастает давление. Я поехал в лабораторию. Помню еще, что Анка стояла у контрольного окна. А я? Кажется, подошел к щиту управления... Но что было дальше?

«Я СТОЯЛ ОКОЛО ЩИТА, ДАЛЬШЕ НЕ ПОМНЮ».

«ВСПОМНИ, ЧТО ТЫ ВИДЕЛ НА ЩИТЕ».

Третий экран... Да, я смотрел на третий экран. Что-то меня удивило... Но что? Анка стояла перед окном... Там что-то горело... Оранжевым... потом желтым... и белый, ослепительный свет... Цепная реакция продолжалась... Помнится, я изменил фазу... Нет. Фаза уже была изменена. Анка? Нет. Теперь я вспомнил. Это я первый заметил... И сказал, что боюсь, как бы не затух резонанс... составляющая эн-лямбда... Да. Теперь я начинаю понимать... Анка сказала, что пыталась повысить мощность составляющей эн-лямбды. Думала, она слишком низка. А ведь я ей говорил...

Двадцать семь удачных опытов. Нарастающие заряды. И полная нейтрализация за предвычисленный промежуток времени.

Двадцать семь... Этот — двадцать восьмой. Неужели Скальский был прав, утверждая, что при определенных условиях может быть нарушена стабильность и процесс пойдет в обратном направлении?

Теперь я понимаю беспокойство Скрины. Если вместо нейтрализации ядерного заряда произойдет взрыв...

Шесть лет работы — и все впустую...

Впустую ли? Ведь это просто ошибка Анки. Анки? Может, это я допустил какую-то ошибку?

Что я делал у щита? Теперь я понимаю, почему это так важно.

Меня опять тянет в сон. Зачем Скрина морочит мне голову? Чего ради он меня мучает? Неужели нельзя подождать, пока мне станет лучше. Пока я смогу говорить и слышать.

А может, я уже никогда не буду слышать и видеть? Может, с момента взрыва прошло несколько месяцев? Может, я все это время лежал без сознания?

Скрине одному не справиться... А еще так недавно задирал нос...

А может, просто нельзя больше ждать?

Если удастся расширить радиус резонансного поля до нескольких тысяч километров, то опасность термоядерной войны перестанет существовать. Не взорвется ни один снаряд. Но если стабильность процесса в результате действия каких-то неизвестных факторов будет нарушена и произойдет изменение фазы... Камера не выдержала взрыва... Это значит, что для высвобождения энергии не требуется критической массы... Даже миллиграммовый заряд...

Я понимаю опасения Скрины... Но ведь у него есть мои расчеты. Даже если Анка погибла, он должен сориентироваться. Анка погибла... Откуда я знаю, что она погибла. Никто не подтвердил моих предположений.

Сколько вопросов, сколько сомнений...

Незаменимых нет. Значит, дело во времени...

В субботу я должен был встретиться с Евой. Полгода ее не видел...

В середине июня собирался поехать на отдых... Я думаю обо всем, только не о том, о чем надо. Надо взять себя в руки. Ведь кое-что я все-таки помню.

«Я ЗАМЕТИЛ ИЗМЕНЕНИЕ ФАЗЫ. ВЕРОЯТНО, В РЕЗУЛЬТАТЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЭН-ЛАМБДЫ. ВСЕ БОЛЕЕ ЯРКИЙ СВЕТ В КОНТРОЛЬНОМ ОКНЕ. ДАЛЬШЕ НЕ ПОМНЮ».

Уже мигает:

«ТЫ ПЫТАЛСЯ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТЬ?»

«КАЖЕТСЯ, ДА. НО НЕ ПОМНЮ ЧТО. У ВАС ЕСТЬ ЗАПИСЬ».

«ЗАПИСЬ ПОГИБЛА. КРОМЕ ТОГО, МЫ НЕ МОЖЕМ НАЙТИ ТВОЮ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ».

Записная книжка... Действительно. В четверг вечером мне в голову пришла мысль о трансформации. Составляющая тэта могла принимать отрицательные значения. Я показал Анке, и, кажется, это ее взяло за живое... Может быть, поэтому она и пыталась повысить мощность эн-ламбды.

Может быть, она взяла книжку. Нет. Пожалуй, я взял... Положил во внутренний нагрудный карман.

«КНИЖКА БЫЛА ПРИ МНЕ».

«ТЫ НЕ СДЕЛАЛ ФОТОКОПИИ?»

«НЕТ. ЧТО С КНИЖКОЙ?»

«СГОРЕЛА».

Так. Значит, у них нет моих расчетов. И Скрина ничего не может знать об изменении знака составляющей тэта. Я вообще не говорил с ним о преобразовании последнего варианта. Не было времени. Теперь я понимаю, почему ему так нужна моя помощь.

Говорит, что записная книжка сгорела... Кто ее сжег?

Глупец, это же ясно. Она сгорела после взрыва. Возник пожар. Может быть, даже образовалось что-то вроде огненного шара. Если радиоактивный распад действительно вместо торможения ускоряется... Быть может, даже больший, чем до сих пор, процент массы покоя переходит в энергию... Необходимо это рассчитать...

Ирония судьбы: мы искали путей, чтобы обезвредить смертоносные свойства ядерных снарядов, а нашли способ изготовлять еще более мощные бомбы. Как же легко «ангела мира» превратить в «демона смерти». Достаточно сменить фазу...

«ТЕОРИЯ СКАЛЬСКОГО?» — спросил я.

«ДА».

Итак, это случилось...

Кажется, я опять потерял сознание. Видимо, дело скверно. Однако почему они так мучают меня? Почему не подождут, пока я приду хоть немного в норму.

А приду ли? Что я, собственно, знаю о своем состоянии. Ничего у меня не болит, но я и ничего не чувствую. Я словно колода...

Впрочем, нетрудно представить себе, как я выгляжу. Если записная книжка полностью сгорела...

«СКРИНА, СКАЖИ ПРАВДУ, ЧТО СО МНОЙ? У МЕНЯ ВООБЩЕ ЕСТЬ ШАНСЫ ВЫЖИТЬ?»

Не отвечают... Тянут. Видно, нелегкое дело...

«НЕ СКРЫВАЙТЕ НИЧЕГО».

Наконец вспышки света:

«ТЫ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ПОСТРАДАЛ. ТЕЛО НЕ УДАЛОСЬ СПАСТИ. НО У ТЕБЯ ЕСТЬ ШАНСЫ. ЕСЛИ СОГЛАСИШЬСЯ, МЫ ЗАМОРОЗИМ ТВОЙ МОЗГ».

Что все это значит? Что это Скрина плетет? Заморозить? Меня?

Видимо, состояние безнадежное. Они рассчитывают на то, что в будущем, когда медицина сделает дальнейшие успехи, меня смогут спасти...

Нет, тут что-то не так. Он говорил только о мозге. Почему они хотят сохранить только мозг? Никогда не соглашусь...

Не соглашусь? Через сто или тысячу лет — другое тело. Все равно — искусственное или естественное... Искусительная мечта... Что он плетет?

А может, это уже случилось? Может, я только мозг... Без глаз, без ушей, без рук...

Правая рука, левая рука... Это только плод моего воображения. Только колебания биотоков, которые возникают при каждой мысли в соответствующих двигательных центрах мозга, управляющих правой либо левой рукой, сигнализируют о том, что я мыслю, существую, хочу знать...

Страшно...

«ТОЛЬКО МОЗГ?»

«ДА. НО У ТЕБЯ ЕСТЬ ШАНС».

Шанс... Что делать? Ухватиться, словно утопающий, за последнюю соломинку спасения, в надежде, что она удержит меня на поверхности...

Честно говоря, мне все равно... Нет. Не все равно. Не ради самой жизни, а ради того, чтобы увидеть будущее, я готов воспользоваться этой единственной возможностью.

Чем скорее, тем лучше... Что связывает меня с теперешним миром? Миром, полным противоречий, которые все труднее распутывать...

Да, но и я в этом участвовал...

«СКРИНА, СКАЖИ, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ПРЕРВАТЬ ОПЫТЫ?»

«УЖЕ НЕЛЬЗЯ. ПРЕРВАТЬ ОПЫТЫ — ЗНАЧИТ ОТДАТЬ СЕБЯ НА ВОЛЮ ПРОТИВНИКА. ТЫ МОЖЕШЬ ГАРАНТИРОВАТЬ, ЧТО ОН БУДЕТ КОЛЕБАТЬСЯ?»

Скрина прав. Но понимает ли он последствия своей правоты?

«НЕОБХОДИМО ПОПРОБОВАТЬ. У НАС НЕТ ВЫБОРА. А ВРЕМЯ УХОДИТ!»

«Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ».

«ПРОФЕССОР ГАЛЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ГИПНОЗ. ТОГДА МОЖНО БУДЕТ ПРОНИКНУТЬ В ПОДСОЗНАНИЕ».

«НО ЭТО НЕВОЗМОЖНО. У ВАС ТОЛЬКО МОЙ МОЗГ».

«ГИПНОТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ МОЖНО ВЫЗВАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ИМПУЛЬСАЦИЕЙ. ТЫ СОГЛАСЕН?»

Как ответить? Что охотнее всего я забыл бы обо всем? Что я уже не хочу брать на себя ответственность за то, что уничтожено пожаром и что сейчас продолжается в тканях моего изолированного от мира мозга?

Изолированного ли? Разве именно то, что происходит сейчас, не доказывает, как прочно я связан с моим миром? Что только этот мир связывает меня с миром будущего... Что я тоскую по нему, верю, что он будет счастливее, лучше.

Опять начинается головокружение...

Что-то я слишком часто теряю сознание... Неужели они этого не видят?

Вспышки за вспышками...

«...НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ».

На что не хватит времени? О чем он?

«ПОВТОРИ».

«ТЫ СОГЛАСЕН НА ЗАМОРАЖИВАНИЕ?»

«ДА. НО О ЧЕМ ТЫ СИГНАЛИЛ?»

«СЕЙЧАС НАЧИНАЕМ».

Что начинают? Замораживание?

«КАК С ЗОНДИРОВАНИЕМ ПОДСОЗНАНИЯ?»

«К СОЖАЛЕНИЮ, НА ЭТО НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ. В ТВОЕМ МОЗГУ НАЧИНАЮТСЯ НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ИХ ПРЕДОТВРАТИТЬ. БОЛЬШЕ ТЯНУТЬ НЕЛЬЗЯ. ЗОНДИРОВАНИЕ ПОДСОЗНАНИЯ ЗАЙМЕТ НЕ МЕНЬШЕ ЧАСА, И ТЕБЯ УЖЕ НЕВОЗМОЖНО БУДЕТ СПАСТИ. ВЫБИРАЙ».

Итак, я опять должен выбирать... Который мир должен стать моим миром?

Разве могу я колебаться! Ведь именно об этом я мечтал все время. Сама природа и случай освобождают меня от ответственности...

Освобождают. Путей развития много... Если Скрина сможет использовать только разрушительные свойства эффекта изменения фазы... Если не использует всех возможностей... Существует вероятность... Это следует из теории...

Убегая из нашего времени, я не мог бы без стыда смотреть в глаза тем, с которыми встречусь в будущем...

«СКРИНА. Я ХОЧУ, Я ОБЯЗАН ВСПОМНИТЬ».

«ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧЕМ ЭТО ГРОЗИТ?»

«ЗНАЮ. НО ИМЕННО ЭТО И ЕСТЬ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС».

...Мне хочется бежать. Спрятаться от того, что тут, рядом со мной. Но страх парализует мускулы.

Я обязан преодолеть страх. Должен дойти в темноте до поворота, чтобы открыть дверь... Чтобы опять увидеть свет.

Нет. Это не свет сочится сквозь зарешеченное окошко. Это контрольный щит. Я в лаборатории, а в глубине, направо, около контрольного окна, — Анка. Она с беспокойством смотрит на меня.

«ПОСМОТРИ НА КОНТРОЛЬНЫЙ ЩИТ, — сигналит Скрина. — ПЕРЕДАВАЙ ПОКАЗАНИЯ ПРИБОРОВ».

Я читаю медленно и руками почти автоматически передаю сигналы. Длинные ряды цифр — одну за другой.

«ВЫНЬ ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ. ОНА В КАРМАНЕ ПИДЖАКА, — сигналит Скрина. — ОНА УЖЕ У ТЕБЯ В РУКЕ. ТЫ ОТКРЫВАЕШЬ ЕЕ И ПЕРЕДАЕШЬ ДАННЫЕ».

Действительно, я вижу перед глазами белые листки записной книжки. Листки, заполненные рядами знаков и цифр.

Как хорошо я знаю эти формулы! Вот здесь Анка поставила вопросительный знак. И была права. Именно здесь началось. Ключевой эффект фазовой составляющей тэта.

Я передаю знак за знаком, цифру за цифрой...

Фаза перемещается. Ядерный резонанс. Резонанс, изменяющий внутреннюю структуру материи...

Неужели действительно эти черные значки на белом листке могут так много значить для будущего мира?..

Перевел с польского Евг. **ВАЙСБРОТ**

КИР. БУЛЫЧЕВ

Я ВАС ПЕРВЫМ ОБНАРУЖИЛ!

Джерасси не спится по утрам. В шесть, на рассвете, он включает внутреннюю связь и громко спрашивает Марту:

— Ты проснулась?

Мы все слышим его пронзительный голос, от которого не спрячешься под одеяло, не закроешься подушкой. Голос неотвратим, как судьба.

— Марта, — продолжает Джерасси, — сегодня мы что-то очень интересное найдем в фундаменте. Нечто крайне любопытное. Ты как думаешь, Марта?

Марте тоже хочется спать. Марта тоже ненавидит Джерасси. Она говорит ему об этом. Джерасси хохочет, и динамик усиливает его хохот. Капитан подключается к сети и говорит укоризненно:

— Джерасси, до подъема еще полчаса. Кстати, я только что сменился с вахты.

— Прости, капитан, — отвечает Джерасси. — Сейчас мы потихоньку соберемся, уйдем на объект, и ты выспишься. Утренние часы втрое продуктивнее дневных. Всего два дня осталось. Не так ли?

Капитан не отвечает. Я сбрасываю одеяло и сажусь. Ноги касаются пола. Коврик в этом месте чуть протерся. Тысячу раз я наступал на него по утрам. Приходится вставать. Джерасси прав: утренние часы лучшие.

После завтрака мы выходим из «Спартака» через грузовой люк. По пандусу, исцарапанному грузовыми тележками. За ночь на пандус намело бурого песка, щебня, сухих веток. Мы без скафандров. До полудня, пока не разгуляется жара, достаточно маски и баллона за спиной.

Безнадежная, бурая, чуть холмистая равнина тянется до самого горизонта. Пыль висит над ней. Пыль забирается повсюду — в складки одежды, в башмаки, даже под маску. Но пыль все-таки лучше грязи. Если налетает сизая туча, выплескивается на долину коротким ливнем, то приходится бросать работу и добираться по слизи до корабля, пережидать, пока просохнет. В эти минуты бессильны даже вездеходы.

Вездеход ждет нас у пандуса. Можно дойти до раскопа пешком, за десять минут, но лучше эти минуты потратить на работу. Нам послезавтра улетать — запасов осталось в обрез на обратный путь. Мы и так задержались. Мы и так уже шесть лет в полете. И пять займет обратный путь.

Рано̀ с Захиром возятся у второго вездехода. Геологи собираются в последнюю экспедицию. Мы прощаемся с ними и занимаем места в машине. Места в ней привычны, как места за столом, как места в кают-компании. Я вешаю аппаратуру на крючок слева. Месяц назад мы попали в яму, и я разбил об этот крючок плечо. Я обмотал его тогда мягкой лентой. Не оборачиваясь, вешаю на крюк сумку с аппаратурой.

Джерасси протягивает длинные ноги через проход и закрывает глаза. Удивительно, что человек, который так любит спать, может просыпаться раньше всех и будить нас отвратительным голосом.

— Джерасси, — говорю я. — У тебя отвратительный голос.

— Знаю, — отвечает он, не открывая глаз. — У меня с детства пронзительный голос. Но Веронике он нравился.

Вероника, его жена, умерла в прошлом году. Исследовала культуру вируса, найденного нами на заблудившемся астероиде. Тогда умер и Калниньш.

Вездеход съезжает в ложбину, огороженную большими щитами, чтобы раскоп не так заносило пылью. Я спрыгиваю на землю третьим, вслед за Мартой и Долинским. Щиты мало помогают — пыли за ночь намело по колено. Джерасси уже тащит хобот пылесоса, забрасывает его в раскоп, и тот, будто живой, принимается ползать по земле, пожирая пыль.

Вести здесь археологические работы — безумие. Пылевые бури способны за три дня засыпать небоскреб, следа не останется. А за следующие три дня они могут вырыть вокруг него стометровую яму. Бури приносят также сажу и частицы древесного угля от бесконечных лесных пожаров, что бушуют за болотами. Мы не смогли пока датировать ни единого камня. Мы так и не знаем, кто и когда построил это поселение, кто жил в нем. Мы не знаем, что случилось

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

с обитателями этой планеты, куда они делись, отчего вымерли. И мы ждем, пока пылесос очистит раскоп, потом спустимся туда, вооружимся скребками и кисточками и будем пялить глаза в поисках кости, обломка горшка, шестеренки или, на худой конец, какой-нибудь органики.

— Они основательно строили, — говорит Джерасси. — Видно, бури и тогда им мешали жить.

В раскопе вчера обнажилась скальная порода — фундамент здания или зданий, которые мы копали, врезался в скалу.

— Они очень давно ушли отсюда, — сказала Марта. — Если переворошить пустыню, мы отыщем и другие строения. Или их следы.

— Надо было бы получше проверить горы за болотом, — говорю я. — Здесь мы ничего так и не найдем.

— Но мачта, — сказал Джерасси.

— И пирамида, — сказала Марта.

Мачту мы увидели еще при первом облете. Но ее унесло очередной бурей раньше, чем мы сюда добрались. И схоронило в недрах пустыни. Пирамидку мы откопали. Если бы не было пирамидки, мы не стали бы третью неделю подряд барахтаться в раскопе. Метровая пирамидка стоит перед нами, шероховатая, влившаяся в скалу и будто выросшая из нее. Пирамидку мы обязательно возьмем с собой. Остальные находки — обломки обтесанного камня и рубцы на скалах. Ни надписей, ни металла...

— В горах жить было нельзя. Скалы как терка, воды нет и не было.

Джерасси опять прав. Не проживешь ни в болотах, по которым плавают, сплетя корни, кущи колючих кустов, ни в горах, таких, что к ним не подберешься. И океан. В нем лишь самые примитивные формы жизни. Жизнь ушла куда-то отсюда. Может, погибла.

Мы спускаемся в раскоп. Рядом со мной Долинский.

— Пора домой, — говорит он, отслаивая ножом породу. — Тебе хочется?

— Хочется, — говорю я.

— А я не знаю. Я стал летучим голландцем. Кто нас ждет?

— Ты знал, на что идешь, — отвечаю я.

— Я знал. Когда мы улетали, то были первыми, были героями. А что может быть печальнее, чем образ забытого героя? Все заняты своими делами, а он ходит по улицам и пристает к прохожим: «Вы меня случайно не помните?» — «Нет, не помним». Представляешь, насколько изменится мир за двести лет? Тредиаковские и моторельс... Рип Ван Винкль и атомный котел...

— Смотри, по-моему, металл, — говорю я.

Долинский сдал. Мы все сдали. Мы все жили эти годы целью, что была в конце пути. Планетной системой, которую никто до нас не видел, звездными течениями, тайнами великих открытий. Мы достигли планетной системы. За это время на Земле прошло сто лет. Шесть лет наши открытия и находки откладывались миллионами символов, цифр и формул в ячейках Мозга, на складах и в лабораторных шкафах. Весь последний год мы метались по планетной системе, спешили, спешили, спешили, высаживались на мертвых астероидах и приближались к ядовитым планетам, тормозили, набирали скорость, понимали, что неотвратимо приближается время повернуть домой, ждали и боялись этого момента, потому что елка была уже убрана игрушками, праздник был в самом разгаре, подарки розданы, — оставалось проводить гостей и заняться мытьем посуды, уборкой, пора было снимать с елки стеклянные шары и прятать их в шкаф. И мы понимали, что праздник не оправдал ожиданий. Все было как положено, но Дед Мороз не пришел. Сенсаций не было.

К последней планете мы подлетели, когда до возвращения оставался месяц. Большего она, казалось бы, и не заслуживала. Почти мертвая планета. И здесь мы нашли следы разумных существ. Мы были первыми людьми Земли, кто обнаружил наконец реальные следы разумных существ. И в промежутках между ливнями и пыльными бурями мы вгрызались в песок и ска-

лы, рылись в пыли, чтобы узнать все, что можно, об этой разумной жизни. И вот послезавтра старт. И пять лет обратного пути.

Тяжелый матовый шарик размером с лесной орех лежал у меня на ладони. Он не окислился. Он был очевиден, как песок, как скалы, как туча, нависшая над нами.

— Джерасси! — крикнул я. — Шарик.

— Что?

Поднимающийся ветер относил слова в сторону.

— Какой шарик?

Заряд пыли обрушился на нас сверху.

— Переждем? — спросила Марта, подхватив шарик. — Тяжелый...

— К вездеходу, — сказал по рации капитан. — Большая буря.

— Может, мы ее переждем здесь? — спросил Долинский. — Мы только что нашли шарик. Металлический.

— Возвращайтесь к вездеходу. Большая буря.

— Погоди, — сказал Джерасси. — Если в самом деле большая буря, то лучше нам забрать пирамидку. Ее может так засыпать, что за завтрашний день не раскопаем. И придется улетать с пустыми руками.

— Не раскопаем — оставим здесь, — сказал капитан. — Она снята нами, обмерена... А то вас самих засыплет. Раскапывай тогда...

Долинский засмеялся.

— Мы будем держаться за находки. Нас не унесет.

Новый заряд пыли обрушился на нас.

Джерасси сказал:

— Взялись за пирамидку?

Мы согласились.

— Долинский, подгони сюда вездеход. Там все готово.

Вездеход был снабжен подъемником.

— Приказываю немедленно вернуться на корабль, — сказал капитан.

— А где геологи? — спросил Джерасси.

— Уже возвращаются.

— Но мы не можем оставить здесь эту пирамидку.

— Завтра вернетесь.

— Буря обычно продолжается два-три дня.

Говоря так, Джерасси накинул на пирамидку петлю троса. Я взялся за резак, чтобы отпилить лучом основание пирамидки. Резак зажужжал, и камень покраснел, затрещал, борясь с лучом, сопротивляясь ему.

Туча — такой черной я еще не видал — нависла прямо над нами, и стало темно, пыль взлетала облаками, ветер норовил утянуть вверх, закрутить в смерче. Я оттолкнул Марту, которая принялась было помогать мне, крикнул ей, чтобы пряталась в вездеходе. Ветер налетел сзади, чуть не повалил меня, резак дернулся в руке и прочертил по боку пирамидки алую царапину.

— Держись! — крикнул Джерасси. — Немного осталось!

Пирамидка не поддавалась. Успела ли Марта спрятаться в вездеходе? Там, наверху, скорость ветра несусветная. Трос натянулся. По рации что-то сердитое кричал капитан.

— Может, оставим, в самом деле?

Джерасси стоял рядом, прижавшись спиной к стенке раскопа. Глаза у него были отчаянные.

— Дай резак!

— Сам!

Пирамидка неожиданно вскрикнула, как вскрикивает срубленное дерево, отрываясь от пня, и маятником взвилась в воздух. Маятник метнулся к противоположной стенке раскопа, разметал пластиковые щиты и полетел к нам, чтобы размозжить нас в лепешку. Мы еле успели отпрыгнуть. Пирамидка врезалась в стену, взвилось облако пыли, и я потерял из виду Джерасси. Любой ценой выскочить из ловушки, из ямы, в которой бесчинствовал, метался маятник, круша все, стараясь вырваться из объятий троса.

Ветер подхватил меня и понес, словно сухой лист, по песку, я старался уцепиться за песок, и песок ускользал между пальцев, я даже успел подумать, что чем-то похож на корабль, несущийся на скалы, якоря которого лишь чиркают по дну и никак не могут вонзиться в грунт. Я боялся потерять сознание от толчков и ударов, мне казалось, что тогда я стану еще беззащитнее, тогда меня будет нести до самых болот и никто никогда меня не отыщет.

Меня спасла скала, обломком зуба вылезавшая из песка. Ветер приподнял меня, оторвал от земли, словно хотел забросить в облака, и тут эта скала встала на пути, подставила острый край, и я потерял сознание.

Я пришел в себя. Было темно и тихо. Песок, схоронивший меня, сдавливал грудь, сжимал ноги, и стало страшно. Смерть в этой могиле представилась мне настолько ясно, что меня охватила судорога, тело без приказания мозга рванулось кверху... и ничего не случилось. Я был заживо погребен.

«Теперь спокойно, — сказал я себе. — Теперь спокойно».

— «Спартак», — сказал я вслух. — «Спартак».

Рация молчала. Рация была разбита. Что ж, мне повезло, сказал я. Могло разбить маску, и я бы задохся. Пошевелил пальцами. Прошла минута, две, вечность, и я убедился, что могу двинуть правой рукой. Еще вечность — и я нащупал рукой край скалы.

И когда я понял, что все-таки выбрался на поверхность, когда ушла, пропала паника первых мгновений, вернулось все остальное.

Сначала боль. Меня основательно избило в бурю, в довершение ударило о скалу так, что не только больно дотронуться до бока, но и дышать больно. Наверно, сломало ребро. Или два ребра.

Что с воздухом? Я взглянул на указатель. Воздуха оставалось на час. Значит, с начала бури прошло три часа. И почему я не взял из вездехода запасной баллон? Их там штук пятьдесят, резервные. И каждый — на шесть часов. Положено иметь при себе как минимум два. Но лишний баллончик мешает работать в раскопе, и мы оставляли их в вездеходе. А как далеко я от корабля? И добрались ли до корабля остальные? И если добрались, догадались ли, в какую сторону унесло меня, где искать?

Я присел под скалу, переводя дыхание. Скала была единственным надежным местом в этом аду. Корабля не было видно. Даже если он и стоял совсем близко. В пыли ничего не разглядишь даже за пять метров. Ветер был не так яростен, как в начале бури. Хотя, может быть, я себя обманывал. Я ждал, пока очередной по-

рыв ветра разгонит пыль, прижмет ее к земле. Тогда я осмотрюсь. Мне очень хотелось верить в то, что ветер прижмет пыль и тогда я увижу «Спартак».

В какую сторону смотреть? В какую сторону идти? Очевидно, так, чтобы скала оставалась за спиной. Ведь именно она остановила мой беспорядочный полет.

Я не дождался, пока ветер прижмет пыль. Я пошел навстречу буре. Воздуха оставалось на сорок четыре минуты (плюс-минус минута).

Потом его оставалось на тридцать минут. Потом я упал, и меня откатило ветром назад, и я потерял на этом еще пять минут. Потом оставалось пятнадцать минут. И потом я перестал смотреть на указатель.

Неожиданный штиль, передышка, случился уже тогда, когда, по моим расчетам, воздуха не оставалось вовсе. Я брел сквозь медленно опускающуюся пыль и старался не обращать внимания на боль в боку, потому что это уже не играло ровным счетом никакой роли. Я старался дышать ровно, но дыхание срывалось, и мне все время чудилось, что воздух уже кончился.

Он кончился, когда в оседающей пыли, далеко, на краю света, я увидел корабль. Я побежал к нему. И воздух кончился. Задыхаясь, я сорвал маску, хоть это не могло спасти меня, легкие обожгло горькой пылью и аммиаком...

Локатор увидел меня за несколько минут до этого.

Я очнулся в госпитале, маленьком белом госпитале на две койки, в котором каждый из нас побывал не раз эти годы. Залечивая раны, простуды или отлеживаясь в карантине. Я пришел в себя и сразу понял, что корабль готовится к старту.

— Молодец, — сказал мне доктор Грот. — Молодец. Ты отлично с этим справился.

— Мы стартуем? — спросил я.

— Да, — сказал доктор. — Тебе придется лечь в амортизатор. Твоим костям противопоказаны перегрузки. Три ребра сломал, и порвана плевра.

— Как остальные? — спросил я. — Как Марта? Джерасси? Долинский?

— Марта в порядке. Она успела забраться в вездеход. Тебя послушалась.

— Ты хочешь сказать...

— Джерасси погиб. Его нашли после бури. И представляешь, как грустно — в тридцати шагах от раскопа. Его швырнуло о вездеход и разбило маску. Мы думали, что ты тоже погиб.

— А Долинский?

— Он здесь...

И больше я ни о чем не спрашивал. Доктор ушел готовить мне амортизатор. А я лежал и снова по секундам переживал свои действия там, в раскопе, и думал: вот в этот момент я еще мог спасти Джерасси... и в этот момент тоже... и тут я должен был сказать: к черту пирамидку, капитан сказал: возвращаться, и мы возвращаемся... Наверное, наша беда в том, что мы очень много пережили за эти годы и видели, как гибли наши товарищи, и решили, что сам черт нам не брат. И все из-за этой пирамидки...

На третий день после старта «Спартак» набрал крейсерскую скорость и пошел к Земле. Перегрузки уменьшились, и я, выпущенный из амортизатора, доковылял до кают-компании.

— Я поменялся с тобой очередью на сон, — сказал Долинский. — Доктор говорит, тебе лучше с месяц пободрствовать.

— Знаю, — сказал я.

— Ты не возражаешь?

— Чего возражать? Через год увидимся.

— Я вам кричал, — сказал Долинский. — Чтобы вы бросали эту пирамидку и бежали к вездеходу.

— Мы не слышали. Впрочем, это не играло роли. Мы думали, что успеем.

— Я отдал шарик на анализ.

— Какой шарик?

— Ты его нашел. И передал мне, когда я пошел к вездеходу.

— А... Я совсем забыл. А где пирамидка?

— В грузовом отсеке. Она треснула. Ею Марта с Рано̀ занимаются.

— Значит, моя вахта с капитаном?

— С капитаном, Мартой и Гротом. Нас теперь мало осталось.

— Лишняя вахта.

— Да, лишний год для каждого.

Вошел Грот. Он держал в руках листок.

— Чепуха получается, — сказал Грот. — Шарик совсем молодой. Добрый день, Долинский. Так я говорю, шарик слишком молод. Ему только пятнадцать лет.

— Нет, — сказал Долинский. — Мы же сколько дней просидели в том раскопе. Он древний как мир. И шарик тоже.

— Вы шарик обследовали?

— Да. Сплав мне неизвестен. Тверд невероятно. Элементы знакомые, а сплав неизвестен.

Капитан стоял в дверях кают-компании, слушал наш разговор.

— Вы не могли ошибиться, Грот? — спросил он.

— Мне бы сейчас самое время обидеться, — сказал доктор. — Мы с Мозгом четыре раза повторили анализ. Я сам сначала не поверил.

— Может, его Джерасси обронил? — спросил капитан, обернувшись ко мне.

— Долинский видел — я его выскоблил из породы.

— Тогда еще один вариант остается.

— Он маловероятен.

— Почему?

— Не могло же за пятнадцать лет все так разрушиться.

— На этой планете могло. Вспомни, как тебя несло бурей. И ядовитые пары в атмосфере.

— Значит, вы считаете, что нас кто-то опередил?

— Да. Я так думаю.

Капитан оказался прав. На следующий день, распилив пирамидку, Марта нашла в ней капсулу. Когда она положила ее на стол в лаборатории и мы столпились за ее спиной, Грот сказал:

— Жаль, что мы опоздали. Всего на пятнадцать лет. Сколько поколений на Земле мечтало о контакте. А мы опоздали.

— Несерьезно, Грот, — сказал капитан. — Контакт есть. Вот он, здесь, перед нами. Мы все равно встретились с ними.

— Многое зависит от того, что в этом цилиндре.

— Надеюсь, не вирусы? — сказал Долинский.

— Мы его вскроем в камере. Манипуляторами.

— А может, оставим до Земли?

— Терпеть пять лет? Нет уж, — сказал Рано.

И мы все знали, что любопытство сильнее нас — мы не будем ждать до Земли. Мы раскроем капсулу сейчас.

— Все-таки Джерасси не зря погиб, — сказала тихо Марта. Так, чтобы только я услышал.

И я кивнул. Я взял ее за руку. У Марты были холодные пальцы...

Щупальца манипулятора положили на стол половинки цилиндра и вытащили свернутый листок. Листок упруго развернулся. Через стекло всем нам было видно, что на нем написано.

«Галактический корабль «Сатурн». Позывные 36/14.

Вылет с Земли-14 — 12 марта 2167 г.

Посадка на планете — 6 мая 2167 г.»

Дальше шел текст — и никто из нас не прочел текста. Мы не смогли прочесть текста. Мы снова и снова перечитывали первые строчки: «Вылет с Земли 14—12 марта 2167 г.» — пятнадцать лет назад. «Посадка на планете — 6 мая 2167 г.» — тоже пятнадцать лет назад.

Сто лет назад по земному исчислению наш корабль ушел в Глубокий космос. Сто лет назад мы покинули Землю, уверенные в том, что никогда не увидим никого из наших друзей и родных. Мы уходили в добровольную ссылку, длиннее которой еще не было на Земле. Мы знали, что Земля отлично обойдется и без нас, но мы знали, что жертвы наши нужны ей, потому что кто-то должен был уйти в Глубокий космос, к мирам, которые можно было достигнуть, только пойдя на эти жертвы. Космический вихрь унес нас с курса, год за годом мы стремились к цели, мы теряли наши годы и отсчитывали годы, идущие на Земле.

«Вылет с Земли... посадка...» В тот же год.

И каждый из нас, как бы крепки ни были у него нервы, как бы рассудителен и разумен он ни был, пережил в этот момент свою неповторимую трагедию. Трагедию ненужности дела, которому посвящена жизнь, нелепости жертвы, которая никому не потребовалась.

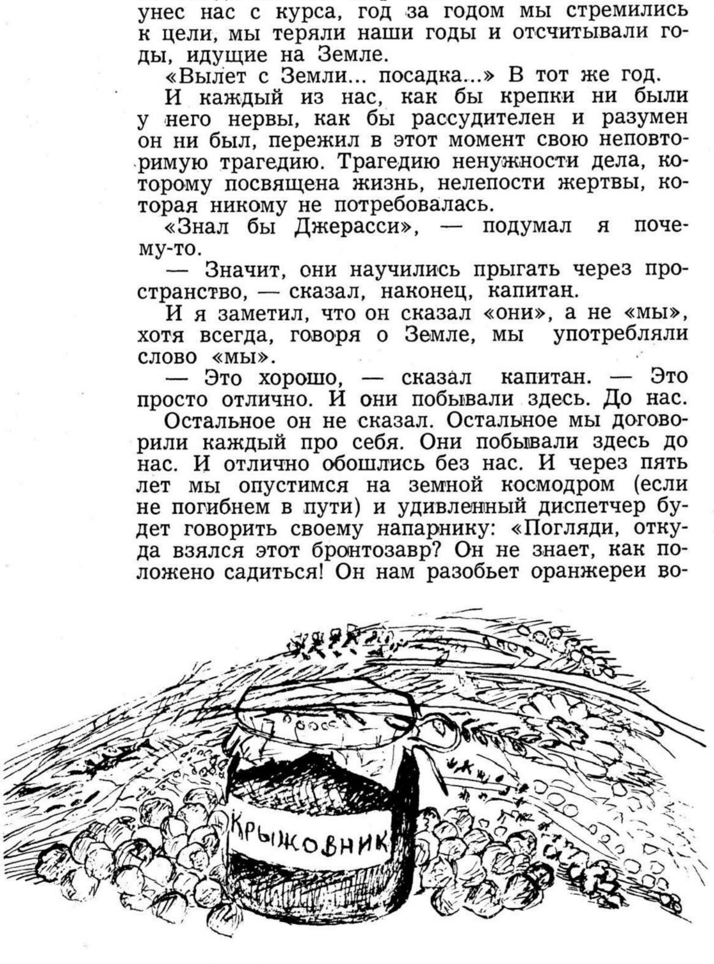
«Знал бы Джерасси», — подумал я почему-то.

— Значит, они научились прыгать через пространство, — сказал, наконец, капитан.

И я заметил, что он сказал «они», а не «мы», хотя всегда, говоря о Земле, мы употребляли слово «мы».

— Это хорошо, — сказал капитан. — Это просто отлично. И они побывали здесь. До нас.

Остальное он не сказал. Остальное мы договорили каждый про себя. Они побывали здесь до нас. И отлично обошлись без нас. И через пять лет мы опустимся на земной космодром (если не погибнем в пути) и удивленный диспетчер будет говорить своему напарнику: «Погляди, откуда взялся этот бронтозавр? Он не знает, как положено садиться! Он нам разобьет оранжереи вокруг Земли и погнет зеркало космической обсерватории! Пускай роботы подхватят этих дикарей и до выяснения, кто такие, зачем прилетели на Землю, поместят в самый строгий изолятор...»



Мы должны были радоваться! Невероятного прогресса достигла наша планета. Космос стал обыденным, и многие дальние точки его доступны. И этого добились наши потомки. Но...

— Знаешь, — сказала Марта, зайдя вечером ко мне в каюту. — Может, лучше бы мы послушались капитана и вернулись без пирамидки. И Джерасси был бы жив...

— Ничего не поделаешь, — ответил я. — Это банально, но это истина: люди никогда не могут отказаться от возможности овладеть знанием. Чего бы это ни стоило. Нас послали, чтобы открыть, исследовать этот мир. И мы это делали.

— Зачем?

— А разве те, кто посылал нас, знали, что научатся летать куда быстрее? Что же, надо было отложить полет до тех пор, пока он не станет обыденным? Да и добились бы чего-нибудь люди, если бы они откладывали свои попытки?

— Ты успокаиваешь себя. Тебе тоже грустно.

— Конечно, грустно. Мы — осечка. Все, или почти все, добытое, найденное нами уже добыто еще раз. Вернее, раньше, чем мы это сделали. И проще. И без жертв.

— Лучше бы мы не находили эту пирамидку, — повторила Марта. — Меня пугает обратный путь. Пять лет возвращения в мир, где наши открытия не нужны. Это будут очень печальные годы.

— Мы будем работать, — не очень убедительно сказал я. Мне самому не хотелось представлять себе бесконечность этих лет. Для Земли мы станем живыми памятниками истории. Кажется, в этом будет наша главная ценность.

Щелкнул динамик внутренней связи. Капитан сказал:

— Внимание всех членов экипажа. Слушайте рацию дальнего приема.

Потрескивание и шорохи космоса... Фраза, начавшаяся с середины:

— ...с точностью до тысячи километров. Повторяю: «Спартак»! «Спартак»! Вы меня слышите? Ложусь на встречный курс!

Голос был молодым. Говоривший старался говорить сухо и деловито, но голос дрожал и срывался:

— Я — патрульный корабль «Олимпия»! Наконец-то мы вас обнаружили! Семнадцать лет мы идем по вашим следам! Мы уже отчаялись найти вас! Меня зовут Артур Шено! Я вас первым обнаружил! Перехожу на прием. Через три дня встретимся... Вы себе представить не можете, сколько у меня новостей! И еще на борту «Олимпии» мешок лесных орехов. Это для Долинского. Он же любит лесные орехи. И банка варенья из крыжовника. Для Рано. А для Джерасси с Вероникой настоящий торт из «Лакомки». Вы слышите меня, Джерасси? Черт возьми, я вас первым обнаружил...

Потом была пауза. И я успел вспомнить, как тосковал Джерасси по настоящему торту из «Лакомки». И капитан сказал:

— Патрульный корабль «Олимпия»! Я — «Спартак». Выхожу на связь...

— Ни одной планеты! — пробасил Тим О'Шо поднимая свое широкое розовое лицо от окуляров радароскопа. — Ни одной хотя бы малюсенькой планеты около Бетельгейзе!

Голос ирландца выдавал раздражение, а ведь он считался одним из лучших игроков в покер по эту сторону Сатурна. Но ведь они вложили в это предприятие изрядную сумму денег и четыре года своей жизни!

Черноволосый итальянец Маджио Форлини оторвался от антигравитационной установки, сверкнули по-детски голубые глаза:

— Точно? Ты уверен?

Тим ухмыльнулся:

— Так же уверен, как в том, что бабка Анжело была команчской скво в каком-нибудь медвежьем углу забытого богом края — Нью-Мехико!

Квартерон Анжело дел Норте, старший из членов команды космического корабля «Погремушка», идущего курсом на красный гигант, известный под именем Бетельгейзе, промолчал. Как обычно. Ничто в его темно-желтом лошадином лице не говорило о том, что он слышал оскорбление. Он хорошо знал, сколько самообладания нужно, чтобы выдержать четыре года в этом летающем термосе. А быстрее до Бетельгейзе и обратно не пройдешь на такой старой посудине, скорость которой всего-то в несколько раз превышает световую.

— Посмотри еще раз, — предложил четвертый член экипажа, немец Эгге Керл.

Он задумчиво скосился на свой круглый живот. В космическом корабле с моционом скверно, только карты, сон да еда...

— Сколько можно смотреть? — Хотя Тим возглавлял маленький международный отряд «разведчиков» космоса, он хуже других владел собой. — Уже который день кружим, и хоть бы намек на планету. Пустой номер... Шестьсот световых лет, и десять миллионов долларов за каждую открытую планету... Да только где они?

Он свирепо оглядел своих товарищей. Его злили неподвижные лица. Все его злило: осточертевшие консервы, затекающие мышцы, зубная боль (сэкономили на пломбах!). Конечно, разведчик, будь то на Земле или в космосе, должен идти на риск. Но не до бесконечности... Пылкий ирландский нрав искал выхода.

С минуту царила тишина, все думали о долгом унылом пути домой. Через огромные иллюминаторы они видели Бетельгейзе — огромное облако пылающего газа в черной бездне с левого борта. Светомагнитные моторы «Погремушки» работали в четверть мощности, корабль, описывая огромный эллипс, завершал четвертый облет исполинского солнца. С мелодичным гудением ракета падала в безбрежное пространство, а справа далеко-далеко мерцала во тьме едва заметная искорка — родное Солнце.

Земной капитал получил возможность распространить свою деятельность на соседние звезды, ведь планеты солнечной системы давно уже были превращены в доходные филиалы Земли. Соблазненные царским вознаграждением за каждую новую планету, четыре авантюриста вызвались вести «Погремушку» к Бетельгейзе. И вот они у цели после семисот тридцати нелегких дней среди опасностей космоса: метеоров, магнитных бурь, жестких излучений, — нервы на пределе, и только новая планетная система может принести им разрядку...

Фантастический рассказ

«Погремушка» была снаряжена Панамской Космической Торговой Компанией, одним из тех международных картелей, которых расплодилось видимо-невидимо после того, как двадцать лет назад была открыта пáрная относительность и стало наконец возможным летать с надсветовой скоростью.

А Бетельгейзе оказалась одинокой багровой звездой, заброшенным маяком в необозримом океане, старой девой, из пылающего чрева которой не вышло ни одной планеты! Даже в спокойных карих глазах Анжело угадывалось разочарование.

— Смотри, смотри, у меня уже глаза лопаются! — Тим сжал кулаки, но остыл под холодным взглядом немца.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Он сердито подошел к электронному мозгу, чтобы вложить перфокарту с заданием на обратный путь. Двести световых лет одолели — и хоть бы одна планета в награду!

Керл пожал плечами и наклонил свое одутловатое лицо над окулярами радароскопа. Анжело и Маджио медленно подошли к Керлу. Тим презрительно фыркнул. Еще надеются, болваны,— на что?

Анжело посмотрел над головой Керла на море красного пламени с левого борта. Миллиарды лет звезда источает в пустоту чудовищную энергию, но ни одна планета не купается в ее животворных лучах! Почему? В Анжело говорила индейская кровь, для него Солнце было почти богом, и он недоумевал: почему нет никого, кто поклонялся бы этому исполинскому красному богу, почему под сенью его необъятных огненных крыльев не рождаются, не живут и не умирают народы?

— Планета впереди... тридцать градусов влево, — раздельно произнес Керл.

— Что?

Одним прыжком Тим О'Шо очутился возле него.

— Это исключено! Я увидел бы любое небесное тело с радиусом от десяти миль!

Керл неторопливо выпрямился.

— Убедись!

Тим прильнул к окуляру и надолго замер. Наконец поднял голову и потер припухшие веки.

— Верно! Атмосфера, моря, облака... все! Но как я мог ее прозевать?

Он виновато посмотрел на товарищей. Но им было не до его переживаний, они приникли к телескопу. И видели маленький серебристый диск, переливающуюся росинку в черной бездне, живое лицо планеты. До нее еще далеко — она не больше монеты, — но это, несомненно, планета. И даже с атмосферой! Драгоценная, да что там, бесценная находка!

— Десять миллионов долларов, — благоговейно прошептал Маджио.

Остальные кивнули. Усталость и досаду словно рукой сняло. Губы их сделались жесткими и узкими, как у охотника при виде добычи. Теперь только пройти вблизи планеты, чтобы приборы сделали положенные замеры и анализы: воздух, вода, сила тяготения, масса, минеральный состав... Затем можно возвращаться домой за заслуженной наградой, а целая эскадрилья ракет с Земли отправится умиротворять новую колонию нервным газом и вирусом кори, чтобы можно было без помех добывать драгоценные камни и редкие металлы. И через десять лет Панамская Космическая сможет выплатить своим акционерам славную прибыль!

«Погремушка» изменила курс и пошла прямо на планету. Судя по визуальному пеленгу, до нее оставался не один миллион миль. Вдруг замигали тревожные красные лампочки радарной установки: препятствие впереди! Автоматически включились тормозные двигатели, космонавты упали на пол, зазвучала брань. Если бы не антигравитация, они были бы расплющены таким резким торможением.

Метеор? Четверка уставилась на экран ближнего радара. Попрежнему в пустоте перед ними парила маленькая планета. Она стала чуть покрупнее, но расстояние все еще огромное... И больше ничего не видно.

— Разрази меня гром... — У Тима отвалилась нижняя челюсть.

За ним и остальные поняли: радар реагировал на планету, это с ней они едва не столкнулись! Но в таком случае...

— До нее каких-нибудь сто саженей, — прошептал Анжело. — И эти размеры не кажущиеся, а истинные!

— Десять метров в поперечнике! — Керл уже стоял у приборов. — Точнее, 10,2 метра, — добавил он с немецкой пунктуальностью.

— О господи! — простонал Тим. — Поглядите на эти кристаллики... Это же города, чтоб мне провалиться! Эти белые ленты — дороги! А эти прямоугольнички, конечно, возделанные поля. И все это величиной от силы, от силы...

Он онемел от изумления.

— Если размеры городов относятся к размерам планеты так же, как на Земле... — Керл быстро произвел расчет, — тогда рост ее обитателей не больше двух тысячных миллиметра!

Он посмотрел на своих товарищей. В его холодных голубых глазах появилось что-то похожее на юмор.

— Иначе говоря, они как бациллы — тифозные, туберкулезные, холерные!

— Ты хочешь сказать, планета населена... тифозными бациллами? — Покрытый синеватой щетиной подбородок Маджио дрожал мелкой дрожью.

— Не совсем так...— Керл рассмеялся. — Разве бациллы строят города? Возделывают поля? И вообще, проблема эта представляет лишь теоретический интерес, потому что...

— Потому что эта карликовая планета гроша ломаного не стоит! — воскликнул Тим, приходя в себя.

Анжело смотрел на крохотную планету, безмятежно вращающуюся перед «Погремушкой». Голубая пушинка, затейливая игрушка мироздания...

— Знаешь... — Тим хотел сказать невозмутимому квартерону что-то резкое, но его кислое лицо вдруг повеселело. — Конечно, Космическая Торговая нам ничего не даст за планету десяти метров в диаметре. Но что вы скажете насчет Лондонского астрофизического музея?

— Верно! — обрадовался Маджио. — Настоящая обитаемая планета под стеклом — это же сенсация! Народ повалит валом! Музей охотно раскошелится на десять миллионов за такую штуку!

— Скафандры, живо! — Тим уже отдавал команды. Глаза его стали жестокими. — Одевайтесь! Возьмем ее магнитным краном. Водяная цистерна номер два пуста. Поместим ее туда. Цистерна герметичная, за атмосферу можно не бояться!

Он схватил свой гермошлем.

— Точно! — Снова послышался тихий бесстрастный смех Керла. — Ты не так уж глуп, Тим, верно?

— Десять миллионов! — ликовал Маджио.— Если мы доставим этих бацилл живьем!

Они пулей выскочили из переходной камеры, двигаясь с помощью кислородных пистолетов. Методичный Керл держал под мышкой микроскоп. Замыкающим был молчаливый Анжело.

«Миллиарды, — думал он, испытывая непонятный ужас, — может быть, на этой планете живут миллиарды людей... Матери в эту минуту вытирают мокрые носы своих отпрысков, мужчины ведут корабли через океан. И вдруг — странные си-

луэты в небе, загадочные сияния, космические демоны, божественная десница...»

Четверка в громоздких скафандрах подлетела к планете. Окружила ее. Тени космонавтов пали на горы, затмили океаны. Они протягивали руки к планете, показывали на нее друг другу, переговаривались в шлемофонах.

— Дюймовочка! — рассмеялся Маджио. — Планета Дюймовочка!

Между их алчными руками, следуя по своей орбите вокруг красного солнца, парила младшая сестричка исполинов космоса. И это был не лишенный атмосферы, безжизненный астероид, не скованный холодом камень. Окруженная слабо светящимся кольцом — царственной диадемой атмосферы, летела в космосе планета. Поблескивая водой, зеленея растениями, вращалась планета — радостное, улыбчивое дитя солнца, законнорожденный носитель жизни.

— Миниатюрная Земля, — пробормотал Керл. — Очевидно, со своим тяготением, отличным от нашего. Уникальный для космических масштабов экземпляр!

У Анжело появился ком в горле. Он видел, как на карликовой планете рождается день. В лучах зари ярко белели снежные вершины. Красное солнце отразилось в могучих светло-серых океанах. Тут и там на материках поблескивали какие-то причудливые кристаллы. Реки извивались среди равнин, мерцали озера. Миллионы лет избороздили складками лицо планеты, но оно все же оставалось юным и могло зардеться румянцем...

— Оставим ее! — Суеверный индейский страх победил алчность. — Она принадлежит им! Это люди. Может быть, у них душа такая же, как у нас!

— Душа? — фыркнул Тим. — Вот именно! Бациллы с душой, подумаешь! Это только повышает цену. Я пошел за магнитным краном!

И он понесся обратно к кораблю, стальной корпус которого переливался красными бликами в свете гигантской звезды. От кислородного пистолета протянулся длинный белый след.

— Города кишат живностью! — Керл рассматривал планету в свой микроскоп. — Черные точечки... явно испуганы. Очевидно, там паника. Они видят нас в своем небе...

Он наводил микроскоп то на одну, то на другую точку. Он видел корабли — малюсенькие чешуйки, под линзой проходили облака, леса, и, будто в капле воды, на предметном стекле что-то живое копошилось, преследовало, боролось, жило, умирало...

Маленькая серебристая планета мирно шла по своей орбите. Они видели ее вращение. С невозмутимостью подлинного исследователя Керл наблюдал, как закачалась и рассыпалась одна из гор. Он рассмеялся:

— Наша масса влияет на вращение планеты. У них начались землетрясения! А что будет, когда мы ее совсем остановим. Тогда погибнут миллионы!

Подлетел Тим, волоча за собой кабель магнитного крана.

— Захватим ее за магнитные полюса!

Он пронесся, словно пловец, через темную пустоту вокруг планеты и нырнул вниз — мифическое создание из мира исполинов.

— Поглядите на него! — ухмыльнулся Маджио. — Интересно, что сейчас представляется этим бациллам? У них теперь есть чем пугать непослушных детей! «Ложитесь, дети, не то Тим О'Шо заберет вас!»

Керл рассмеялся.

— Я их вижу! — Голос его напряженно звенел. — Вон как засуетились. Мы им, наверно, кажемся архангелами с огненными мечами!

— Ха! — От смеха Тим выпустил кабель. — Это ты здорово придумал: архангелы! Первый и последний раз в жизни нам представляется возможность изобразить архангела Михаила!

Мысль об этом опьянила их. Космические боги! Они взяли друг друга за руки — даже Анжело поддался общему порыву, — включили кислородные пистолеты и закружились в буйном хороводе вокруг планеты, быстрее, быстрее... Они кричали, гикали, хохотали. Это был поистине гомерический смех. Они чувствовали себя великанами, достающими головой до звезд! От их прыжков в атмосфере планеты рождались циклоны, и темные воронки в облачном покрове проносились над кораблями, берегами, городами, производя страшные опустошения. Каждый прыжок стоил жизни десяткам тысяч обитателей Дюймовочки...

— Хватит... довольно!

Анжело вышел из круга. Он вспомнил давно слышанные слова... Как бабушка, показывая на звезды над их горемычной деревушкой, дрожащим старческим голосом говорила: «Каждая звезда — это один из ангелов господних, Анжело».

Крохотная планета миллионы лет отважно летела сквозь мрак колодцев вечности. Полярное сияние трепетало над полюсами, тучи орошали землю ливнями... Расправив серебристые крылья, планета рождала жизнь и как могла охраняла ее.

— Не делайте этого! — простонал Анжело в шлемофон. — Разве вы не видите... Она священна, она — луч света, что падает в двери жизни. Если мы ее украдем, нас постигнет суровая кара. Может быть, и к нашей планете когда-нибудь прилетят вот так, как мы прилетели к Дюймовочке...

Ответом ему был дружный смех.

— Переживать из-за каких-то микробов! — хохотал Тим. — Из-за щепотки праха на ладони! Для этого надо быть полоумным индейцем!

Он поймал рукой скобы магнитного крана.

— Глядите! Вот как добываются десять миллионов долларов!

Он спикировал на карликовую планету. Клешни крана были словно разверстая пасть дракона. Крепкий кабель натянулся, натужно взвизгнула сталь...

«Погремушка» мчалась к Земле — блестящее зернышко, за которым тянулся в космосе тусклый след. Обгоняя время, они тигриным прыжком превозмогали космическую бездну. Летели победители. В грузовом отсеке корабля висела Дюймовочка — плененная синяя птица с перебитыми крыльями...

Правда, Керл и Тим бережно обращались с драгоценной добычей. Включили антигравитационные генераторы и создали поле невесомости во второй цистерне, где, будто редкостная колибри в клетке, парила карликовая планета. Накачали туда кислород, углекислый газ, аргон, водяные пары, чтобы «они» могли дышать. Установили даже искусственное солнце. Словом, сделали все, чего не жаль ради десяти миллионов долларов.

И им удалось уберечь от поголовного вымирания крупинки, или бациллы, или черные точ-

ки — то, что было видно в микроскоп. Уберечь миллионы обитателей планеты, которые пережили потопы и циклоны, когда кран грубо остановил вращение Дюймовочки, и маленькие кристаллы заволокло клубами красного дыма, и ожили вулканы в миниатюрных грозных извержениях. Космическая катастрофа на ладони...

Обратный путь оказался вовсе не таким уж скучным. Они провели немало увлекательных часов во второй цистерне, вооруженные микроскопом и лупами. Тонкими пинцетами подбирали копошащиеся живые крупинки и клали их на освещенное белой лампочкой предметное стекло.

— Это будет почище блошиного цирка! — приговаривал Тим, добродушно смеясь. — Глянь, как мечутся! Ха-ха! Миллиметр в час. Им невдомек, что происходит. Они не способны даже представить себе, что есть такие суперсущества, как мы!

— Идеальный объект для опытов с наследственностью, — деловито заметил Керл. — Размножаются по меньшей мере так же быстро, как банановые мушки. У них должна быть совсем другая мера времени, чем у нас. Вероятно, наш час для них целый год. Представляете себе, что это означает для исследователя! Можно целому народу привить рак, изолировать его в спичечной коробке и наблюдать несколько поколений: сопротивляемость, распространение болезни, смертность!

— Может, не стоит продавать Дюймовочку астрофизическому музею? — задумчиво сказал Маджио. — Лучше устроим питомник и будем продавать их оптом. А? Тысяча долларов за миллион! Предположим, они размножаются со скоростью десяти миллионов в сутки. И никаких расходов на кормление и уход!

— Знай себе собирай с Дюймовочки урожай — по десяти тысяч в день! — Тим хлопнул себя по ляжке. — А сколько всевозможных применений! Миллион — для школ, наглядное пособие. Десять миллионов — для военных игр, которыми развлекаются полководцы: могут заселить целую искусственную планету и проверить, что будет в случае атомной войны!

— А если их можно обучить, чтобы работали в микроаппаратуре космических кораблей, это будет куда дешевле транзисторов! — Керл поднес свою лупу к планете. — Смотрите, они уже восстанавливают разрушенные города. Видно, как меняется форма кристалликов. Да, живучее племя....

Он усмехнулся.

— Слушайте! — Маджио осенила новая идея. — Их можно еще сажать по нескольку тысяч в стекляшки в серьгах. Вот будет женщинам о чем потолковать, как соберутся. Брошка, а внутри копошится эта мелюзга!

Да, немало повеселились четыре приятеля, разглядывая Дюймовочку. Они строили воздушные замки и предвкушали, как будут загребать неслыханные деньги. Наперед основали новую фирму: синдикат «Дюймовочка»!

Один лишь Анжело молчал. Он глядел на голубую планету, которая невесомым мыльным пузырем парила в цистерне номер два, глядел на опустошенные континенты и уничтоженные пожаром города с расходящимися из центра лучами новых улиц... И представлял себе, как миллионы живых созданий смотрят в беззвездное пространство вокруг планеты, замкнутое в ржавых стенках второй цистерны. У него пропал сон, пропал аппетит, он осунулся и стал рассеянным и раздражительным.

— Ох уж эта его индейская фантазия, — проворчал Тим. — Только и думает об этих бациллах. Верит, что они могут мыслить и говорить. Бациллы!

— Несомненно, могут, — заметил Керл.

— Это как же так? — Тим недоверчиво глянул на него.

— В этом-то и все дело! — Глаза Керла сверкали. — Сенсация: мыслящие бациллы!

Он поднял руку, и огромная тень от кисти легла на города, горы и страны.

— Вся прелесть в этом! Понимаешь?

— Ну да... — Тим посмотрел на руку, которая хищной птицей парила над карликовой планетой. — Ну конечно!

Их смех было слышно даже в том отсеке, где Анжело метался на койке, преследуемый кошмаром, который, несомненно, был вызван чересчур живым воображением.

— Ваш корабль должен пройти стерилизацию! — холодно заметил служащий. — Таково правило: все корабли, возвращающиеся из космоса, подлежат суточной тепловой обработке при температуре сто градусов, чтобы обезвредить возможные чужеродные бактерии и вирусы.

— Но как же вы не понимаете? — кипятился Тим. — Эта планета в цистерне номер два обитаема! На ней есть жизнь!

— Особого рода микроскопические существа, — пояснил Керл. — Ростом около двух тысячных миллиметра. Уникальное племя, чрезвычайно подходит для научных экспериментов!

— Планета? — сухо произнес служащий. — Этот минеральный образец, этот... гм, астероид, который вы доставили?

— Настоящая живая планета! — заверил его Маджио. — Мы сами видели, как она вращалась вокруг Бетельгейзе. Полярное сияние, облака и все такое прочее!

Панамский межпланетный космодром. За окнами космопорта, весь в оспинах от метеоров, высится корпус «Погремушки», только что завершившей свой далекий космический рейс. Техники уже подали к люку огромный электрический теплонагнетатель, чтобы произвести предписанную законом стерилизацию.

Тим, Керл и Маджио изо всех сил старались отстоять интересы синдиката «Дюймовочка». Какое там! Разве способен тупой чинуша осмыслить такую великолепную идею?

— Можете говорить что хотите! — строго сказал служащий. — Про целые народы в капле воды, про микролюдей по тысяче долларов за миллион человек!

Он постучал пальцем по своду инструкций.

— Закон есть закон! Мы не можем рисковать, не можем выпускать этих... гм, бацилл на нашей планете! Это было бы безответственно, господа, без-от-ветствен-но!

Они протестовали. Они размахивали руками и повышали голос. И даже не заметили, как «Скорая помощь» потихоньку увезла Анжело, который что-то бормотал про «голубых ангелов» и «бедную украденную птицу».

Басовито загудел теплонагнетатель. Волны обжигающего воздуха ворвались в корпус «Погремушки» и потекли из отсека в отсек. Три космонавта смолкли. Против факта не пойдешь. Служащий захлопнул свод правил и проводил их взглядом, ка-

чая головой. Приступ космического помешательства, не иначе... Все эти космонавты, как вернутся из рейса, переживают своего рода кризис. Что говорить, нелегко служить контролером на Панамском межпланетном космодроме!

Возле своего корабля тройка задержалась. Глядя на отсек с водяной цистерной, они прислушались к низкому гудению теплонагнетателя, пытаясь уловить — что?.. Крики? Рев пламени, пожирающего города? Кипение океанов?

— Есть же бестолковые люди! — от души возмутился Маджио.

— Да уж, — буркнул Тим. — Мы могли заработать миллионы, понимаете, миллионы!

— Мы были для них все равно что боги, — мечтательно произнес Керл. — И вдруг — пожалуйста, стерилизация!

Двадцать лет спустя один из чиновников нашел в пакгаузе Космической Торговой какой-то огромный круглый камень. Он осторожно навел справки и выяснил, что этот кусок породы никого не интересует. Космонавты вечно тащили на Землю метеоры в качестве сувениров.

Тогда чиновник велел водителю автокрана после работы вывезти камень за город. Он знал, что из метеоров получаются очень красивые плитки. Взорвал камень динамитом и соорудил из осколков великолепный ансамбль у себя в саду.

И когда клумбы запестрели цветами, он частенько приходил с женой полюбоваться своим сооружением.

— Подумать только, — приговаривал он всякий раз, — получить декоративный камень, который привезли за триста световых лет, от самой Бетельгейзе, за каких-нибудь десять долларов!

Перевел с датского Л. ЖДАНОВ

ПОХИЩЕНИЕ «ДЮЙМОВОЧКИ»

Разве не предугаданы волшебными сказками аэроплан (ковер-самолет), телевизор (волшебное зеркальце), передвижение людей с космической скоростью (семимильные шаги сапогов-скороходов) и многие другие сегодняшние, веками казавшиеся несбыточными, свершения! Ныне роль сказочников, в мгновение ока переносивших своих героев из одной страны в другую, в одночасье возводивших хрустальные дворцы, приняли на себя писатели-фантасты. Подлинная душа сказки была, однако, не в описании устройства того или иного волшебного предмета — скатерти-самобранки, мельницы-самомолки, — а в утверждении с их помощью моральных, этических или социальных идеалов народа, в осмеянии тех сторон жизни, которые этим идеалам противоречили. Так и теперь, в лучших своих произведениях писатели-фантасты не столько заняты решением технических проблем и технологией разного рода изобретений и открытий, а тем, как эти изобретения воздействуют на страсти человеческие, раскрывают характеры героев, формируют их. Или, подобно Свифту, они ставят действующие лица в необычные условия, чтобы резче и яснее осмеять то, что неприемлемо для подлинного гуманиста на земле.

В волшебных сказках зло терпит поражение, любовь торжествует, карается низкая корысть, награждается самоотверженность. Но чтобы такой конец, который делу венец, был счастливым, должно совершиться чудо. И оно свершается! Писатель же фантаст из своего арсенала чудо, как правило, исключает. Вероятно, потому так грустны в большинстве своем повести о мире всесильных машин и бессильных перед созданием рук своих людях, о мощи доллара и беспомощном перед ним человеке, так печальны размышления прогрессивных западных фантастов о судьбах людей в капиталистическом обществе. Сила лучших произведений не в прямой морали, тут же, на глазах читателя, наказывающей зло, с которого сорвана маска, а в том, чтобы читатель сам, всей душой, всем разумением своим решительно стал на сторону добра и осудил зло.

В сказке великого датского сказочника Ханса Андерсена «Дюймовочка» девочку, очаровательную крохотку, умещающуюся на листе кувшинки, хотят насильственно выдать замуж за слепого крота только потому, что он хотя и стар, но богат. А злато превыше всего! И лишь с помощью чуда удается предотвратить этот возмущающий душу брак. В фантастическом же рассказе «Продается планета», написанном Нильсом Нильсеном — земляком великого сказочника, нашим современником, виднейшим скандинавским писателем-фантастом, — чуда не происходит и авантюристы-астронавты в погоне за чистоганом, мечтая получить за открытую ими планету «Дюймовочку» десять миллионов долларов, губят цивилизацию, да и самую жизнь миниатюрной планеты и населяющий ее народец. Разве не угадывается в этом судьба малых народов, чья культура и самое существование ни в грош не ставятся могущественными колонизаторами? Но, подобно сказкам, зло «карается» и в рассказе Нильсена по законам презираемого им общества: за привезенную ими планету «Дюймовочку» космические пираты не получают ни цента!

Впрочем, не к чему пересказывать только что прочитанный рассказ. У Нильсена есть и такие фантастические истории, где чувство справедливости читателя удовлетворяет счастливый конец с победой человечности над бездушным господством роботов, с добрыми пришельцами из космоса, прилетающими, чтобы запросто поиграть с детьми. Есть у Нильсена и реалистические романы. Действие одного из них происходит в Южной Африке, и автор безоговорочно восстает против расового угнетения.

В некоторых рассказах автор протестует против угрозы американизации, которая нависла над его маленькой страной.

Гуманизм, обеспокоенность бесправным положением трудового человека в буржуазном обществе, обличение и осмеяние зла выдвигают лучшие произведения известного датского писателя в один ряд с книгами ведущих, прогрессивно мыслящих зарубежных писателей-фантастов.

ГЕННАДИЙ ФИШ

ВАН ВОГТ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Фантастический рассказ

Остров был стар, очень стар. Даже Иилах, который лежал у входа во внутреннюю лагуну миллионы миллионов лет, не понимал, пока был еще жив, что это гребень первородного материка, восставшего над водами в первые дни творения.

Остров был длиной примерно в три мили и шириной в полторы мили в самом широком месте. Он судорожно изогнулся вокруг синей лагуны, подобно гигантскому человеку, пытающемуся дотянуться руками до пальцев ног. Сквозь оставшийся просвет в лагуну врывалось море.

Волнам было тесно в узком канале. С бесконечным упорством они пытались разрушить каменные стены, и рев прибоя был здесь особенно хриплым и яростным — символ вечной битвы между осажденной сушей и штурмующим ее океаном.

На самом стрежне под грохочущими волнами лежал Иилах, забытый временем и вселенной.

В начале 1941 года к острову пришли японские корабли и проникли через бурную стремнину канала в тихую лагуну. С палубы одного из кораблей пара любопытных глаз заметила странный предмет в русле неспокойных вод. Но обладатель этих глаз был на службе у правительства, которое строго пресекало всякую деятельность своих подданных, если она не имела прямого отношения к войне. Поэтому инженер Таку Онило ограничился тем, что отметил в своем отчете:

«В устье канала на дне находится массивное образование из блестящей, похожей на гранит породы, длиной около четырехсот футов при ширине в девяносто футов».

Маленькие желтокожие люди построили подземные резервуары для бензина и нефти и покинули остров.

Океан наступал и отступал, снова наступал и снова отступал. Так проходили дни и годы, а десница времени тяжела. Дождливые сезоны приходили в положенный срок, и вскоре ливни смыли все следы, оставленные человеком. Там, где машины обнажили землю, поднялись зеленые заросли. Окончилась война. Подземные резервуары слегка осели в своих каменных гнездах, и в главных нефтепроводах появились многочисленные трещины. Нефть медленно просачивалась наружу, и воды лагуны годами покрывала радужная пленка.

В сотнях миль от острова вблизи атолла Бикини произвели один взрыв, затем другой, и перепутанные течения понесли радиоактивные воды неведомыми путями. Первая волна потенциальной энергии достигла острова ранней осенью 1946 года.

Еще несколько лет спустя терпеливый чиновник, разбирая в Токио архив императорского военно-морского флота Японии, обнаружил документ о существовании тайного нефтехранилища. По прошествии должного срока, в 19... году, эскадренный миноносец «Коулсон» отправился в обычное для таких случаев инспекционное плавание.

Час апокалипсиса пробил.

Капитал-лейтенант Кейт Мейнард угрюмо рассматривал остров в бинокль. Он был готов к неприятным неожиданностям, однако не ждал ничего сверхъестественного.

— Обычный подлесок, — пробормотал он. — Цепь холмов, хребет острова, деревья...

И тут он умолк.

На обращенном к ним склоне пальмовый лес прорезала широкая просека. Деревья на ней были глубоко вдавлены в гигантскую борозду, уже поросшую травой и молодым кустарником. Борозда шириной примерно в сотню футов тянулась от берега вверх по склону и обрывалась у длинного плоского утеса, лежавшего близ вершины холма.

Ничего не понимая, Мейнард уставился на фотографии острова, сделанные еще японцами. Машинально он обратился к своему заместителю лейтенанту Джерсону.

— Черт побери! — сказал он. — Как очутился здесь этот утес? Его нет ни на одной фотографии.

Едва успев закрыть рот, он уже пожалел о сказанном. Джерсон взглянул на него с чуть прикрытой иронией и пожал плечами.

— Наверное, мы попали не на тот остров.

Мейнард счел за лучшее промолчать. Этот Джерсон был странным типом. На языке у него всегда вертелись какие-нибудь колкости.

— Пожалуй, эта штука весит миллиона два тонн, — продолжал лейтенант. — Может, японцы нарочно притащили ее сюда, чтобы сбить нас с толку?

Последние слова Джерсона еще больше уязвили его: как раз в это мгновение, глядя на утес, он и в самом деле подумал о японцах. Однако вес утеса, определенный лейтенантом довольно точно, заставил его отказаться от столь диких предположений. Если бы японцы могли сдвинуть с места утес, весящий два миллиона тонн, они бы выиграли войну.

Они вошли в лагуну без всяких происшествий. Проход оказался шире и глубже, чем предполагал Мейнард, судя по японской карте, и это облегчило задачу. Обедали они уже в лагуне под прикрытием береговой гряды. Мейнард заметил на воде нефтяные пятна и тотчас приказал следить, чтобы кто-нибудь не бросил за борт спичку. Посовещавшись с офицерами, он решил поджечь эту нефть, когда работа будет закончена и эсминец выйдет из лагуны.

Примерно в половине второго шлюпки были спущены на воду и быстро добрались до берега. Еще через час с помощью калек, снятых с японских планов, удалось отыскать все четыре замаскированных нефтехранилища. Понадобилось немного больше времени, чтобы определить их размеры и выяснить, что три из них пусты. Только четвертое, самое маленькое, оказалось совершенно целым и полным высокооктанового бензина примерно на семнадцать тысяч долларов. Это была слишком маленькая добыча для крупных танкеров, которые все еще выкачивали остатки горючего из американских и японских нефтехранилищ на островах. Мейнард подумал, что сюда надо было бы прислать за бензином лихтер, но это уже его не касалось.

Несмотря на то, что все было закончено довольно быстро, Мейнард с трудом поднялся на борт.

— Что, сэр, совсем выдохлись? — спросил Джерсон излишне громко.

Мейнард ощетинился и решил обследовать утес в тот же вечер. Сразу после ужина он вызвал добровольцев. Было уже совсем темно, когда Мейнард с командой из семи матросов и боцманом Юэллом высадились на песчаный пляж, окаймленный высоченными пальмами. Не теряя времени, они двинулись в глубь острова.

Луны не было, и лишь звезды мерцали среди разорванных облаков — последних примет только что закончившегося дождливого сезона. Они шли по дну гигантской борозды, инкрустированному поваленными деревьями. При слабом свете фонариков эти бесчисленные стволы, обугленные, впрессованные в землю какой-то сверхъестественной силой, производили тягостное впечатление...

Мейнард услышал, как один из матросов пробормотал:

— Ну и тайфун же здесь был... Натворить такое!

«Не тайфун, — подумал Мейнард. — Всесокрушающий ураган, такой страшный, такой чудовищный, что...» И тут мысль его словно споткнулась. Он не мог себе представить ураган, способный протащить двухмиллионотонную глыбу четверть мили, да еще вверх по склону, на высоту четырехсот футов над уровнем моря. Вблизи поверхность утеса выглядела как обыкновенный гранит. В лучах фонариков он переливался бесчисленными розовыми искрами. Мейнард вел свою команду вдоль поверженного великана, подавленный его размерами: в длину он насчитал четыреста шагов, и эта глыба нависала над людьми как гигантская мерцающая стена. Даже верхний конец утеса, глубоко зарывшийся в землю, возвышался над их головами футов на пятьдесят.

Ночь становилась все более жаркой, удушающе жаркой. Мейнард обливался потом. Лишь мысль о том, что он выполняет свой долг в столь тяжелых условиях, приносила ему удовлетворение. Он постоял в нерешительности, мрачно наслаждаясь напряженным безмолвием первозданной ночи, потом наконец сказал:

— Отколите вот здесь и вот там несколько образцов! Эти розовые прожилки довольно любопытны.

Несколько секунд спустя нечеловеческий вопль разорвал ночную тишину. Вспыхнули фонарики. Они осветили матроса Хикса, который бился в корчах на земле рядом с утесом. В скрещении лучей все увидели его руку: запястье казалось тлеющим черным початком кукурузы.

Он прикоснулся к Илаху.

Мейнард сделал обезумевшему от боли матросу укол морфия и поспешил доставить его на корабль. Тотчас связались с базой. Дежурный хирург шаг за шагом давал по радио указания, как вести операцию. Было решено, что за пострадавшим прилетит санитарный самолет. В штабе, видимо, недоумевали, как могло все это случиться, потому что оттуда запросили «более подробные сведения» относительно «горячего» утеса. К утру там уже окрестили его метеоритом. Мейнард, который обычно никогда не спорил с начальством, на сей раз, услышав такое определение, насупился и позволил себе заметить, что этот «метеорит» весит два миллиона тонн и лежит на поверхности острова.

— Я пошлю второго механика измерить температуру, — сказал он.

Судовой термометр показал, что температура поверхности утеса едва достигает восьмисот градусов по Фаренгейту[1]. И тогда Мейнарду задали вопрос, от которого он побелел.

[1] Примерно 430° по Цельсию.

— Да, сделали, — ответил он.—Радиоактивность воды чуть выше нормы. Есть! Мы немедленно уйдем из лагуны и будем ждать корабль с учеными на внешнем рейде.

Он поспешил закончить разговор. Девять человек побывали всего в нескольких ярдах от утеса, в зоне смертоносного излучения. Да и эсминец, стоявший в полумиле от берега, тоже должен был получить опасную дозу радиации.

Однако золотые лепестки электроскопа не шевелились, а опущенный в воду счетчик Гейгера — Мюллера лишь слабо потрескивал, да и то с большими интервалами. Немного успокоившись, Мейнард спустился вниз навестить матроса Хикса. Пострадавший забылся беспокойным сном, но, как видно, не собирался умирать, что было уже неплохим признаком. Когда прилетел санитарный самолет, прибывший на нем врач перевязал Хикса и взял на анализ кровь у всего экипажа. Поднявшись на мостик, этот симпатичный молодой человек доложил Мейнарду:

— Ну что ж, могу сказать, что подозрения не оправдались. На корабле все в полном порядке, даже Хикс, если не считать его руки. Для восьмисот по Фаренгейту она сгорела чертовски быстро. Не понимаю...

Пять минут спустя, когда они все еще стояли на мостике, пронзительные дикие крики с нижней палубы взорвали тишину уединенного островка.

Что-то дрогнуло в глубине Иилаха, шевельнулось смутное воспоминание о себе самом, о том, что он должен был сделать.

В сущности, сознание впервые вернулось к нему в конце 1946 года, когда он ощутил прилив энергии извне. Внешний приток ослабел и постепенно исчез. Его энергия была ничтожно слаба. Кора планеты, той, которую он знал раньше, трепетала от приливов и отливов потенциальных сил еще не остывшего юного мира, только что вышедшего из звездной стадии. И лишь долгое время спустя Иилах до конца понял, в какое катастрофическое положение он попал. Сначала же, пока жизнь в нем еле теплилась, он был слишком сосредоточен в себе самом, чтобы обращать внимание на окружающее.

Усилием воли он заставил себя проанализировать и оценить обстановку. Напрягая радарное зрение, он обозрел свой новый странный мир. Иилах лежал на невысоком плато близ вершины горы. Более безжизненного зрелища не хранилось в ячейках его памяти. Здесь не было ни искры атомного огня, не было кипящей лавы, всплесков энергии, выбрасываемой к небесам силой могучих подземных взрывов.

Гора, которую он видел, не представлялась ему островом среди бескрайнего океана. Он воспринимал предметы под водой точно так же, как над поверхностью. Его зрение, основанное на сверхультракоротких волнах, не позволяло ему видеть воду. Он понял, что находится на старой, умирающей планете, где жизнь давным-давно угасла. Он был одинок и тоже обречен на смерть, если только ему не удастся отыскать источник, который вернет ему силы.

Простой логический процесс заставил его двинуться вниз по склону навстречу потоку атомной энергии. Но неизвестно почему он очутился ниже несущего радиацию уровня, и ему пришлось отползти назад. Поскольку он уже двигался вверх по склону, Иилах начал тяжело взбираться на ближайшую вершину, чтобы выяснить, чтó находится позади нее.

Когда он выбрался из невидимой и неощутимой воды лагуны, произошло сразу два взаимоисключающих события. Иилах оказался отрезанным от несомой течениями атомной энергии. И одновременно вода перестала угнетать нейтронную и дейтронную деятельность его собственного организма. Жизнь его тела сразу стала интенсивнее. Период медленного угасания миновал. Он опять превратился в гигантскую самозаряжающуюся батарею, способную черпать нормальные дозы радиоактивной жизни из составляющих его элементов. И хотя дозы эти по-прежнему оставались совершенно недостаточными, Иилах снова подумал: «Я что-то должен сделать. Но что?» Иилах напрягся. Все усиливающийся поток электронов ринулся в огромные ячейки его памяти. Но память молчала, и поток ослаб.

Постепенное пробуждение жизненной активности позволило ему составить более ясное, более точное представление об окружающем. Он начал посылать волну за волной ощупывающие радарные сигналы к Луне, к Марсу, ко всем планетам солнечной системы; и по мере того, как отраженные сигналы возвращались к нему, Иилах с возрастающей тревогой убеждался, что все это тоже мертвые тела.

Он был в плену мертвой системы, обреченный на неотвратимую гибель: когда его внутренняя энергия иссякнет, он станет частицей безжизненной массы планеты, на которую его забросили. И тогда он осознал, что уже был мертв. Каким образом это произошло, он не мог понять, помнил только, что разрушительная, парализующая субстанция внезапно обрушилась на него, окружила и подавила все жизненные процессы. Со временем распад химических элементов превратил эту субстанцию в безобидную массу, не способную более изолировать его от мира.

Теперь он снова жил, но такой слабой, еле теплящейся жизнью, что ему оставалось только ждать конца. И он ждал.

В 19... году он увидел эсминец, плывущий к нему по небу. Задолго до того, как корабль замедлил ход и остановился прямо под ним, Иилах уже понял, что эта форма жизни не имеет с ним ничего общего. Внутри был слабенький источник искусственного тепла, сквозь внешние стенки Иилах улавливал мерцание тусклых огней.

Весь этот первый день Иилах ждал, что существо обратит на него внимание. Но от корабля не исходило никаких волн. Он был мертв, и тем не менее он парил в небе над плато. Этого немыслимого явления Иилах не мог объяснить. Он не ощущал воды, не мог себе даже представить воздух, и его ультракороткие излучения проходили сквозь людей, как если бы их вообще не было. Поэтому сейчас он понимал лишь одно: перед ним чужая форма жизни, сумевшая приспособиться к условиям мертвого для него мира.

Но постепенно Иилах начал волноваться. Существо могло свободно передвигаться над поверхностью планеты. Возможно, оно знает, не сохранился ли где-нибудь источник атомной энергии. Но как установить контакт? На следующий день, когда Солнце стояло в зените, Иилах направил на крейсер луч вопрошающей мысли. Он нацелился прямо на тусклые огни машинного отделения, где, по его представлению, должен был находиться разум чуждого существа.

Тридцать четыре человека, по-

гибшие в машинном отделении, были похоронены на самом берегу. Оставшиеся в живых матросы и офицеры перебрались на полмили в глубь острова. Сначала они решили разбить здесь лагерь и ждать, пока покинутый всеми «Коулсон» не перестанет испускать смертоносную радиацию. Но на седьмой день, когда транспортные самолеты уже начали доставлять научных работников со всем их оборудованием, трое матросов заболели, и анализ крови показал, что у них катастрофически падает количество красных кровяных телец. Поэтому Мейнард, не дожидаясь указаний свыше, приказал переправить всю команду на Гавайские острова.

Офицерам он предоставил право выбора, однако предупредил второго механика, первого артиллерийского офицера и тех мичманов, которые помогали выносить трупы на палубу, чтобы они, не надеясь на судьбу, тотчас улетели с первым же самолетом. Хотя приказ об эвакуации касался всех матросов, многие попросили разрешения остаться. И около десятка из них это разрешение получили после того, как были тщательно опрошены Джерсоном и сумели доказать, что и близко не подходили к опасной зоне.

Мейнард предпочел бы, чтобы Джерсон убрался с острова одним из первых, но эта его надежда не сбылась. Джерсон остался вместе с лейтенантами-артиллеристами Лаусоном и Хори и мичманами Мак-Пелти, Манчиевым и Робертсом.

Среди матросов старшими по званию оказались главный стюард-казначей Дженкинс и старший боцман Юэлл.

Военных моряков на острове словно не замечали, разве что иногда просили убраться со своими палатками куда-нибудь подальше. Наконец, когда стало ясно, что их не оставят в покое, Мейнард скрепя сердце приказал перенести лагерь на самую дальнюю косу, туда, где пальмы расступались, окружая травянистую поляну.

Неделя проходила за неделей, но никаких распоряжений относительно его команды не поступало; Мейнард сначала удивлялся, а потом впал в мрачность. Но вот в одном из номеров официальной газетенки, которая появилась на острове вслед за учеными, бульдозерами и бетономешалками, во «внутреннем обзоре» Мейнард вычитал кое-что, приоткрывшее перед ним завесу. Если верить автору статьи, между флотским начальством и важными шишками из Комиссии по атомной энергии разгорелся скандал. В результате морякам приказали «не вмешиваться».

Мейнард читал обзор со смешанным чувством; в нем крепло убеждение, что он остался единственным уполномоченным военно-морского флота на острове. Эта мысль вызывала в его воображении головокружительные картины — он видел себя в роли адмирала, если только ему удастся найти правильное решение! Но никакого иного решения, кроме как сидеть здесь и следить в оба глаза за всем происходящим, он так и не мог придумать.

Мейнард потерял сон. Целыми днями как можно незаметнее ходил он по острову и осматривал наиболее интересные установки и палаточные городки, в которых разместилась целая армия ученых и их помощников. А по ночам он перебирался из одного тайного укрытия в другое, наблюдая за ярко освещенным берегом лагуны.

Остров казался сказочным, сверкающим оазисом под куполом черной тихоокеанской ночи. Гирлянды огней тянулись над шелестящими волнами вдоль берега на целую милю. На фоне этого зарева вырисовывалось тяжелое сооружение, длинная коробка из массивных железобетонных стен, протянувшихся параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. Внутри открытой сверху коробки лежал утес, и защитные стены подступали к нему почти вплотную, чтобы отрезать его от всего остального мира. На стенах тоже горели фонари. Только к полуночи рычание бульдозеров замолкало, бетономешалки, вывалив последние порции смеси, спускались по временной дороге на пляж, и наступала тишина. Вся громоздкая организация людей и механизмов погружалась в тревожный сон.

Мейнард ждал этого момента с горькой терпеливостью человека, делающего гораздо больше, чем от него требуется.

Его терпеливость принесла плоды. Он оказался единственным человеком, который собственными глазами увидел, как утес вполз на вершину холма.

Это было потрясающее зрелище. До часу ночи оставалось минут пятнадцать, и Мейнард уже считал этот день пропащим, когда вдруг раздался непонятный звук. Похоже было, что самосвал высыпал целый кузов щебенки. В первое мгновение Мейнард испугался только за свой секретный наблюдательный пункт: сейчас его обнаружат и все узнают о его ночной деятельности. Но уже в следующее мгновение он увидел при свете фонарей надвигающийся утес.

Железобетонные стены с грохотом рушились и крошились под неудержимым натиском. Пятьдесят, шестьдесят, наконец все девяносто футов чудовища вздыбились над холмом, тяжело ухнули на вершину, и здесь утес снова замер.

Два месяца Иилах наблюдал за судами, которые заходили в лагуну. Его заинтересовало, почему все они следуют одним и тем же путем. Может быть, способности их ограничены и потому они держатся на одном и том же уровне? Но еще интереснее был тот факт, что неведомые существа каждый день огибали остров и куда-то исчезали, скрываясь за высоким выступом на восточном берегу. И каждый раз, по прошествии нескольких дней, они снова появлялись в его поле зрения, тем же путем заходили в лагуну и повисали там над поверхностью планеты.

В течение этих месяцев Иилах с удивлением замечал несколько раз другие маленькие, но гораздо более мощные крылатые корабли, которые стремительно падали с большой высоты и тоже исчезали где-то на востоке. Всегда на востоке. Любопытство мучило его, но он боялся тратить свои запасы энергии. Наконец он заметил зарево огней, освещавших по ночам восточную часть неба. Он освободил часть мощной взрывной энергии на нижней поверхности своего тела, что придало ему поступательное движение, и преодолел последние семьдесят-восемьдесят футов, отделявшие его от вершины холма. И сразу же пожалел об этом.

Недалеко от берега на рейде стоял один корабль. Зарево огней над восточным склоном холма, по-видимому, не имело своего источника энергии. Пока он осматривался, десяток грузовиков и бульдозеров суетились вокруг него, причем некоторые приближались к нему почти вплотную. Что именно они делали и чего хотели, он не мог понять. Он посылал в различных направлениях

вопрошающие излучения, но ни на одно не получил ответа.

Потом он бросил это безнадежное дело.

На следующее утро утес все еще лежал на вершине холма, и теперь обе части острова были беззащитны перед обжигающими зарядами энергии, которые он ночью беспорядочно излучал во все стороны.

Первый рапорт о причиненном ущербе Мейнард услышал от стюарда-казначея Дженкинса. Семь шоферов с грузовиков и два бульдозериста погибли, с десяток человек получили тяжелые ожоги, и вся двухмесячная работа пошла прахом.

Видимо, ученые посовещались и приняли какое-то решение, потому что вскоре после полудня бульдозеры и грузовики, нагруженные всяким оборудованием, двинулись куда-то мимо лагеря моряков. Отправленный следом за ними матрос вернулся и доложил, что ученые перебираются на мыс в дальнем нижнем конце острова.

Незадолго до сумерек произошло важное событие. На освещенную площадку перед палатками пришел сам начальник экспедиции со своими четырьмя учеными помощниками и сказал, что хочет видеть Мейнарда. Гости улыбались, держались дружелюбно, со всеми здоровались за руку. Мейнард представил им Джерсона, который, как на грех, (по мнению Мейнарда) оказался в это время в лагере. И тут делегация ученых перешла к делу.

— Как вы знаете, — сказал их начальник,—«Коулсон» радиоактивен лишь отчасти. Кормовая орудийная башня совсем не пострадала, а потому мы просим, чтобы вы в порядке сотрудничества обстреляли этот утес и разбили его на куски.

Прошло какое-то время, прежде чем Мейнард опомнился от удивления и сообразил, как ему следует ответить.

В течение нескольких следующих дней он только спрашивал ученых, уверены ли они, что утес можно разбить и тем самым обезопасить. Но в их просьбе отказал сразу. Лишь на третий день он нашел для этого вескую причину.

— Все ваши предосторожности, джентльмены, недостаточны, — сказал он. — Вы переместили свой лагерь, но я считаю, что с точки зрения безопасности этого мало, если утес действительно взорвется. Но, разумеется, если я получу приказ от моего командования исполнить вашу просьбу, в таком случае...

Он оставил фразу незаконченной, поняв по их разочарованным лицам, что они уже имели по этому поводу не один горячий разговор по радио со своим собственным начальством. Прибывшая на четвертый день газетенка сообщила, что один из «высших» морских офицеров в Вашингтоне сделал заявление, согласно которому «любое решение подобного рода может быть принято только представителем военно-морского флота на острове». Кроме того, в статье говорилось, что военно-морское ведомство готово выслать на место своего специалиста-атомщика, если к ним обратятся с такой просьбой по соответствующим официальным каналам.

Мейнарду стало ясно, что он действует именно так, как этого хотелось бы его начальству. К сожалению, как раз тогда, когда он дочитывал статью, тишину разорвал безошибочно узнанный им грохот пятидюймовых орудий эсминца, самый резкий из всего артиллерийского оркестра.

Мейнард, шатаясь, вскочил на ноги. Он бросился бежать к ближайшей высоте. Прежде чем он достиг ее, с той стороны лагуны снова донесся резкий удар, а затем последовал оглушительный взрыв возле самого утеса. Мейнард добежал до своего наблюдательного пункта и увидел сквозь призмы бинокля с десяток человек, которые суетились на корме позади орудийной башни. Ярость и возмущение с новой силой охватили коменданта острова. Он решил немедленно арестовать всех, кто пробрался на эсминец, за опасное и злостное нарушение приказа.

У него мелькнула смутная мысль, что настали поистине печальные времена, если из-за внутриведомственных склок люди решаются открыто попирать авторитет армии и флота, словно для них нет ничего святого. Но эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась.

Он дождался третьего залпа, затем устремился вниз к своему лагерю. Мейнард послал восемь моряков на пляж, чтобы перехватить тех, кто попытается вернуться на остров. С остальными своими людьми он поспешил к ближайшей шлюпке. Им пришлось огибать мыс кружным путем, так что когда Мейнард добрался до опустевшего и снова безмолвного «Коулсона», он заметил вдалеке лишь моторную лодку, уходившую за выступ берега.

Мейнард колебался. Что делать — пуститься в погоню? В бинокль было хорошо видно, что утес почти не пострадал. Неудача этих штатских крыс развеселила его и в то же время обеспокоила. Когда начальство узнает, что он не принял необходимых мер и позволил посторонним проникнуть на корабль, его не похвалят.

Он все еще раздумывал об этом, когда Иилах двинулся вниз по холму прямо на эсминец.

Иилах заметил первую яркую вспышку орудийного залпа. В следующее мгновение он увидел мчащиеся на него маленькие предметы. В давным-давно забытые старые времена он научился защищаться от метательных снарядов. И теперь автоматически сжался, чтобы отразить удар. Но эти предметы, вместо того чтобы просто ударить, взорвались. Сила взрыва ошеломила его. Защитная кора треснула. Сотрясение прервало и замкнуло поток энергии между электронными ячейками в его огромном теле.

Автоматические стабилизирующие пластины мгновенно послали восстанавливающие импульсы. Раскаленная полужидкая материя, составляющая большую часть его массы, стала еще горячее, еще подвижнее. Слабость соединений, вызванная страшным потрясением, усилила приток жидкой материи к поврежденным местам, где жидкость сразу затвердела под огромным давлением. Память восстановилась. Иилах старался понять, что это было. Попытка установить контакт?

Такая возможность взволновала его. Вместо того чтобы закрыть зияющую брешь в своей внешней броне, он лишь укрепил следующий за ней защитный слой, чтобы приостановить утечку радиоактивной энергии. И стал ждать. Еще один метательный снаряд и страшный взрывной удар при столкновении...

После дюжины таких ударов, которые разрушали его защитный панцирь, Иилахом овладело сомнение. Если это и были сигналы, он не мог их принять или понять. Он ускорил химическую реакцию, которая должна была укрепить внешний панцирь. Но взрывающиеся предметы разбивали его

защиту быстрее, чем он успевал затягивать пробоины.

Однако он все еще не мог поверить, что это было нападение. За все его предыдущее существование никто не нападал на него таким способом. Каким именно способом действовали против него раньше, Иилах тоже не мог вспомнить. Но, во всяком случае, не на таком примитивном, чисто молекулярном уровне.

Когда наконец он все же убедился, что это нападение, Иилах не почувствовал гнева. Защитные рефлексы его были логическими, а не эмоциональными. Он рассмотрел эсминец и решил, что его следует удалить от себя. И впредь надо будет удалять любое подобное создание, если оно попытается приблизиться. И все движущиеся предметы, которые он видел с вершины холма, — от всего этого надо избавиться.

Он двинулся вниз по склону холма.

Существо, неподвижно паривщее над плато, перестало изрыгать пламя. Когда Иилах приблизился, единственным признаком жизни был удлиненный предмет гораздо меньшего размера, который быстро плыл вдоль борта.

В этот момент Иилах погрузился в воду.

Он ощутил что-то вроде шока. Он почти забыл, что на этой пустынной горе был определенный уровень, ниже которого все его жизненные силы ослабевали.

Иилах заколебался. Затем медленно двинулся дальше вниз, в угнетающую среду, чувствуя, что теперь он достаточно силен, чтобы противостоять такому чисто негативному давлению.

Эсминец снова открыл по нему огонь.

Снаряды, выпущенные почти в упор, вырывали глубокие воронки в девяностофутовом утесе, каким Иилах представлялся врагу. Когда эта каменная громада коснулась эсминца, стрельба прекратилась. Мейнард, защищавший корабль до последней возможности, бросился со своими людьми в шлюпку у противоположного борта и теперь уходил на предельной скорости.

Иилах толкнул эсминец. Боль от титанических ударов была подобна боли, которую испытывает любое живое существо при частичном разрушении его тела. Медленно, с трудом, он восстанавливал самого себя. А потом с яростью, гневом и уже со страхом толкнул еще раз. Через несколько минут он отбросил это странное неуклюжее существо на скалы у самого края платформы. Дальше этих скал гора уходила вниз крутым обрывом.

И тут случилось неожиданное. Попав на скалы, нелепое существо начало содрогаться и раскачиваться, словно внутри него пробудились какие-то разрушительные силы. Оно упало на один бок, словно раненый зверь, еще раз вздрогнуло и начало разваливаться на части.

Это было удивительное зрелище. Иилах выполз из воды, поднялся на гору и снова начал спускаться по другому склону к лагуне, куда только что зашел грузовой корабль. Однако грузовоз успел обогнуть мыс, войти в канал и убраться из лагуны. Проплыв над мрачной глубокой долиной, начинавшейся за внешними рифами, он удалился на несколько миль, замедлил ход и стал на якорь.

Иилаху хотелось отогнать его подальше, но он был ограничен в своих движениях. Поэтому, едва грузовоз остановился, Иилах развернулся и пополз к мысу, где собрались в кучу маленькие предметы. Он не замечал людей, которые спасались на отмелях недалеко от берега и оттуда в относительной безопасности следили за разгромом своего лагеря.

Иилах, распаленный гневом, обрушился на машины. Немногие шоферы, пытавшиеся их спасти, превратились в кровавую кашу среди сплющенного металла.

В тот день многие пострадали от собственной фантастической глупости или паники. Иилах двигался со скоростью около восьми миль в час. И все же триста семнадцать человек попались в индивидуальные ловушки и были раздавлены чудовищем, которое даже не подозревало об их существовании. Очевидно, каждому казалось, что Иилах гонится именно за ним.

Наконец Иилах взобрался на ближайшую высоту и оглядел небо в поисках новых противников. Но увидел только грузовоз милях в четырех от берега — этого нечего было опасаться.

Темнота медленно опускалась на остров. Мейнард осторожно шел по траве, освещая прямо перед собой крутой спуск лучом фонарика. Каждые несколько шагов он спрашивал:

— Есть здесь кто-нибудь?

Так продолжалось уже несколько часов. В сгущавшихся сумерках моряки разыскивали уцелевших, сажали их в шлюпку и отвозили через лагуну по каналу на рейд, где стоял грузовой корабль.

По радио был передан приказ. За сорок восемь часов они должны были закончить эвакуацию. После этого автоматически управляемый самолет сбросит бомбу.

Мейнард представил себе, что он остался один на этом погруженном во мрак острове, обители чудовища. И содрогнулся от почти чувственной радости. Он был бледен, его била лихорадка от ужаса и восторга. Все было, как в те далекие времена, когда его корабль шел в строю армады, обстреливающей японское побережье. Тогда он тоже скучал, пока не представил себя там, на берегу, в самой гуще разрывов.

Стон отвлек его от этих мыслей. При свете фонарика Мейнард различил знакомое лицо. Человек был придавлен упавшим деревом. Джерсон приблизился и сделал ему укол морфия. Мейнард нагнулся над раненым.

Это был один из всемирно известных физиков, прибывших на остров. Сразу же после катастрофы о нем без конца запрашивали по радио. Без его согласия ни один ученый совет не решался одобрить план бомбардировки, выдвинутый военно-морским штабом.

— Сэр, — начал Мейнард, — что вы думаете относительно...

Он поперхнулся и мысленно сделал шаг назад. На какой-то миг он забыл, что его флотское начальство, получив от правительства разрешение действовать по своему усмотрению, уже отдало приказ использовать атомную бомбу.

Ученый вздрогнул.

— Мейнард! — прохрипел он. — С этой штукой что-то нечисто. Не позволяй им делать ничего...

Глаза расширились от боли. Голос прервался.

Нужно было спросить его. Немедленно! Через несколько секунд великий ученый погрузится в наркотический сон и очнется не скоро. Через мгновение будет уже слишком поздно!

Это мгновение пролетело.

Лейтенант Джерсон поднялся на ноги.

— Ну вот, думаю, все будет в порядке, капитан, — сказал он. Потом повернулся к морякам с носилками: — Двое из вас от-

несут этого человека в шлюпку. Осторожно! Я его усыпил.

Мейнард последовал за носилками, не говоря ни слова. Он чувствовал, что так и не успел принять самостоятельное решение.

Ночь тянулась бесконечно.

Наконец наступил серенький рассвет. Вскоре после восхода солнца тропический ливень прошел над островом и унесся дальше, на восток. Небо стало удивительно синим, а море таким спокойным, что вода вокруг острова казалась неподвижным зеркалом.

Из синей дали, отбрасывая быструю тень на неподвижный океан, появился самолет с автопилотом. Еще не видя его, Иилах почувствовал, какой груз он несет. Дрожь пробежала по всему его телу. Огромные электронные ячейки раскрылись и замерли в жадном нетерпении, и на миг ему показалось, что это приближается кто-то из его породы.

Он послал навстречу ему предупреждающий мысль-сигнал. Многие самолеты, которым он направлял свои мысленные волны, выходили из-под контроля, нелепо кувыркались и падали. Но этот не изменил курса. Когда он был почти над центром острова, громоздкий, тяжелый предмет отделился от него, лениво перевернулся несколько раз в воздухе и устремился прямо на Иилах. Он должен был взорваться примерно в ста футах над целью.

Механизм сработал безупречно, взрыв был титанический.

Когда потрясающее действие огромной массы новой энергии миновало, Иилах, полный жизни и сил, подумал с удивительной ясностью: «Ну конечно, как я мог забыть! Именно это я и должен сделать».

Ему было странно, что он так долго не мог вспомнить. Он был послан сюда во время межгалактической войны, которая, по-видимому, все еще продолжалась. С огромными трудностями его опустили на поверхность планеты, и здесь вражеские лазутчики сразу вывели его из строя. Но теперь он был готов выполнить задание.

Он произвел контрольные расчеты по Солнцу и далеким планетам, до которых доходили сигналы его радаров. Затем приступил к решающей операции, чтобы растворить все защитные поля внутри своего тела. Он собрал все силы внутреннего давления, и все его жизненные элементы в точно рассчитанное мгновение сжались разом для последнего решающего прыжка.

Взрыв, который чуть не вышиб Землю с ее орбиты, был зарегистрирован всеми сейсмографами планеты. А некоторое время спустя астрономы рассчитали, что еще немного, и Земля начала бы падать на Солнце. И ни один человек не увидел бы, как Солнце, превратившись в ослепительную сверхновую звезду, сожгло бы всю солнечную систему, прежде чем потускнеть и сжаться до своих прежних объемов.

Если бы даже Иилах знал, что война, бушевавшая десять тысяч миллионов веков назад, давно кончилась, он поступил бы точно так же.

У него не было выбора.

Атомные бомбы-роботы не рассуждают.

Перевел с английского
Ф. МЕНДЕЛЬСОН

Рисунки В. КОЛТУНОВА

РОБЕРТ БЛОХ

КОШМАР НОМЕР ЧЕТЫРЕ

Фантастический памфлет

Мы решили, что это розыгрыш, прочтя в вечерней газете заметку о каком-то полоумном изобретателе из Джорджии, который будто бы придумал способ печатать на воздухе.

Не дымовые сигналы и не телевидение, а новый аппарат, печатающий слова прямо на воздухе, да так прочно, что ветром не сносит.

Так было написано в газете. Но что такое газетная заметка, чтобы принимать ее всерьез? Только что посмеяться. Или сказать жене:

— Интересно, что они выдумают в следующий раз!

Большинство читателей, наверно, даже и не обратило на нее внимания. Тем сильнее все были огорошены, когда рекламодатели ухватились за эту идею.

Помню, как я, выглянув утром в окно, увидел висящие в воздухе слова (представляете себе, висят буквы — черные, жирные!) и прочел:

«Ты не забыл купить сегодня хорошее слабительное, приятель?»

Помню, я зажмурился.

Буквы словно напечатанные типографской краской, но совсем твердые. И не сдвинешь.

Так это началось. А когда я вышел из дому, направляясь на службу, то на улице увидел еще рекламы:

«Мыло «мукс» самое целебное для кожи!»

«Вы сдали ваши меха на летнее хранение?»

«Смените сегодня масло в коробке скоростей!»

Пассажиры в автобусе удивлялись. Но и только.

Поначалу буквы были небольшие, всего каких-нибудь полметра, черные на белом фоне:

«Для молодых — коскен-кола!»

Вскоре можно было средь бела дня увидеть людей с большими шприцами, из которых они выдавливали буквы. Народ собирался в кучки и смотрел, как они это делают.

Новая реклама стала предметом эстрадных шуток и фельетонов, о ней сочиняли песенки.

Но еще никто не писал негодующих писем в газеты.

А текстов становилось все больше, они появлялись

над газонами,
над дорогами,
над домами,

Рисунок Н. ГРИШИНА

и улицы начали задыхаться от нескончаемых объявлений.

Куда ни повернись — всюду чернеют слова. Домовладельцы подавали в суд на рекламодателей, но ведь воздух никому не принадлежит! Решили судьи.

Водители машин жаловались, что не видят дороги из-за реклам. Резко возросло количество несчастных случаев.

Гибли люди, но рекламы оставались. Чтобы больше покупали хлеба. Чтобы покупали средства, помогающие переваривать хлеб. Чтобы покупали слабительное, помогающее очистить кишечник от хлеба. Когда он будет переварен. После чего, само собой, опять нужна реклама хлеба.

Так и шло, и мы бы, наверно, привыкли со временем, если бы буквы не начали становиться больше и толще. Сперва полметра. Потом метр. Затем два метра, при толщине в полметра. Воздух почернел, его совсем загадили.

Пошло в ход какое-то секретное вещество, от запаха которого людей мутило. Правда, вреда оно не причиняло.

И появилась новая реклама:

«От тошноты принимайте понарол!»

На всякий недуг находилось лекарство — на всякий, кроме слепоты, помешательства и зрелища этих вечных реклам, от которых нигде не было спасения. Они извивались среди бельевых веревок в трущобах, парили над плавательными бассейнами в садах, перегораживали улицы, черной тучей висели над городом...

«Мягчайшая туалетная бумага!»

«Неделя усиленного потребления!»

«От угрей можно избавиться!»

«Худейте с удовольствием!»

Потом рекламы сделали цветными и световыми, чтобы их было видно ночью. И сразу резко участились случаи слепоты и помешательства. Все обычные рекламы исчезли, ведь новый способ был дешевле и прибыльнее.

Вот только слова начали цепляться друг за друга. Посмотришь в окно — все небо в смазанных буквах...

А тут еще придумали использовать насекомых. Не знаю уж, то ли им прививки сделали, то ли натаскали их каким-то способом, чтобы они писали слова. Во всяком случае, шприцы исчезли. Теперь буквы выходили из насекомых. Не иначе их откармливали в каком-нибудь рекламном бюро.

Изобретение очередного гения...

Разумеется, была сделана попытка ввести новые законы — как всегда, когда поздно что-либо предпринимать. И теперь было поздно. Насекомые уже распространились повсюду. Черные рои, тучи насекомых извергали буквы из толстых брюшек. Соблюдалось разделение труда: одна козявка делает черточку, другая — запятую, третья — точку

Сами понимаете, это было началом конца.

Слишком много насекомых.

Слишком трудно их обучать, слишком трудно контролировать. И они начали размножаться безудержно.

Размножаются, всюду летают и всё пожирают. Они гнездились в ящиках со слабительным. Точили всякую тару. Сверлили дыры в картонках с понаролом.

Теперь уже не было никакого резона сдавать меха на летнее хранение.

Все равно насекомые их пожирали, размножаясь еще больше.

Небо вконец почернело. Черным-черно от насекомых. Поздно что-либо предпринимать. Начались эпидемии, голод. Вызвали войска.

Но что сделаешь штыком против насекомого? К тому же очень скоро, когда эпидемии и голод сделали свое, не осталось потребителей.

Не осталось даже — лучше поздно, чем никогда! — рекламодателей.

Только насекомые беспорядочно летали в загаженном воздухе между словами, потерявшими всякий смысл теперь, когда их некому было читать.

Глаза насекомых оглядывали сверху пустой мир, где не осталось ничего, одни слова...

Хорошо еще, мне удалось уберечь несколько слов, чтобы записать этот рассказ...

который перевел с английского
ЛЕВ ЖДАНОВ

ЮН БИНГ, норвежский писатель

РИЕСТОФЕР ЮСЕФ

Риестофер понимал, что на самом деле ему должно быть очень грустно. В книгах для взрослых он читал, что больные дети, которые не могут играть с другими детьми, печально смотрят в окно на своих товарищей и плачут.

А Риестофер ни капли не грустил, хотя болел так сильно, что совсем не мог выходить из дому. У него было что-то с кожей, от солнца на лице и на руках тотчас появлялись страшные нарывы. Поэтому Риестофер очень редко бывал на воздухе, и окно его комнаты смотрело на север.

Но даже не будь этой противной болезни, Риестофер вряд ли смог бы резвиться так же, как другие дети. Ведь он родился с искалеченной левой ногой. Ходить еще можно, но бегать и прыгать совсем нельзя.

Отец ему рассказал, что должны были родиться близнецы, но брат Риестофера сразу же умер. Двоим было тесно в мамином животе, вот и пострадала левая нога. Сам Риестофер говорил себе, что эта странная левая нога — все, что осталось от брата. Хотя нет, не все. Ведь родители ждали двоих сыновей и выбрали два имени. Но выжил только один, и Риестоферу достались оба имени, его назвали Риестофер Юсеф. Ему это даже нравилось.

Риестофер читал не только про то, как тоскливо живется детям, которые не могут играть с другими детьми. Он вообще много читал из того, что пишут про детей взрослые, толкуя на свой лад, как им живется, что они думают и чувствуют.

Все считали, что ему должно быть страшно одиноко и скучно. Ведь Риестофера почти никто не навещал. Он знал только маму, папу и гувернантку, которая обучала его по школьной программе, потому что он не мог ходить в школу. Большую часть дня Риестофер проводил в детской комнате один. Но он не скучал и не чувствовал себя одиноким.

Может, это неправильно, что ему вовсе не так уж плохо, как должно быть? И после того как мама, пожелав ему доброй ночи, гасила свет, Риестофер иногда лежал и говорил себе, как это обидно, что он не может бегать наравне с другими, не может выходить на солнце. Внушал себе, что ему очень грустно и одиноко. Потом пробовал уснуть в слезах, но у него ничего не получалось. Он даже сердился — ведь если верить книгам, другим ничего не стоило уснуть в слезах.

У него же в голове заново проходило все, что он сделал за день, все, что видел, слышал, чувствовал. И еще он думал обо всем том, что лежит в его комнате и ждет, когда он встанет. Мысли и воспоминания чередовались так стремительно, что приходилось покрепче зажмуривать глаза. Тогда в темном пространстве под веками вспыхивал многоцветный фейерверк, множество пляшущих точек, он всматривался в них, угадывая таинственные фигуры и сказочные персонажи, и засыпал.

После завтрака Риестофер первым делом отправлялся на свой наблюдательный пост. Окно детской смотрело на море, и каждое утро через пролив в обе стороны шли корабли.

На подоконнике лежало его снаряжение. Журнал с графами, где он записывал время и опознавательные знаки, папин большой бинокль, четыре цветных карандаша, компас и прочие необходимые вещи. Сидя на высокой табуретке, Риестофер внимательно следил за всем, что делалось в море, зарисовывал и записывал.

Не все замысловатые приборы, которые он сам собрал, были ему нужны. Но они так внушительно выглядели. Скажем, механизм от старого будильника, вставленный в небольшое колесо и подвешенный на резинке. Или толстая линза, которая опрокидывала весь мир вверх ногами. А матовое стекло, освещенное снизу карманным фонариком,— чем не экран радара?

Но наблюдение за судами было только одним из многих важных дел Риестофера. Надоест это занятие, другие уже ждут. Рисование, книги, почтовые марки, карты... И конечно, его собственная страна.

Страну Риестофера составляли две доски, которыми мама и папа прежде наращивали обеденный стол, когда ждали гостей. На этих досках Риестофер делал горы из глины, леса из спичек, а из пластилина лепил крохотных человечков и животных и населял ими страну.

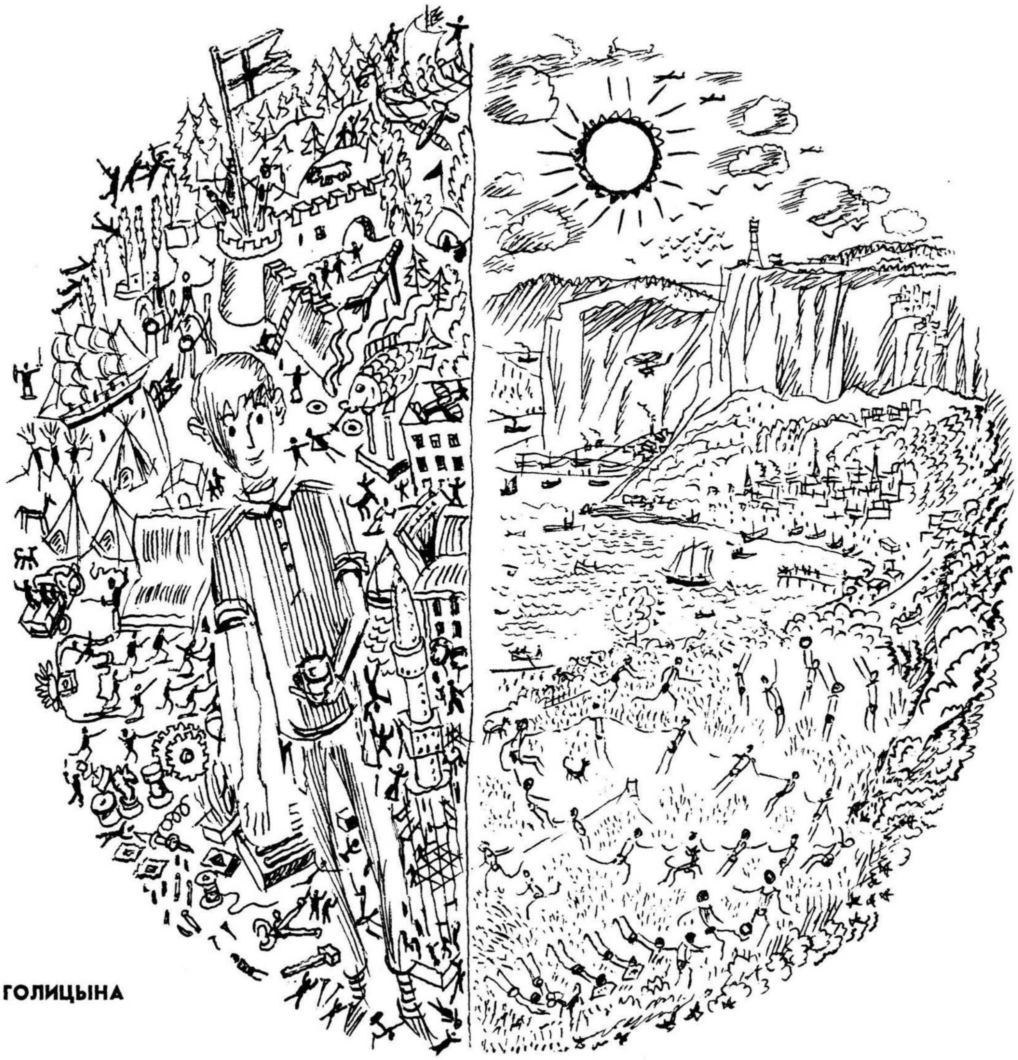
Прочтя какую-нибудь особенно хорошую и увлекательную книгу, он немедля воссоздавал на своих досках край и персонажей, про которых в ней рассказывалось. Здесь Кай и Герда продолжали жить долго после того, как автор расстался с ними. Индейцы и пираты, война и мирная жизнь — всему было место в маленьком мире Риестофера.

Он мог часами сидеть на полу перед своими досками. Перенесется в вымышленный пейзаж и говорит за каждого из людей, гонит скот через прерии, вместе с Оленебоем спускается по реке к блокгаузу белых, выводит племя через тайный перевал из глухой долины за глиняной горой. Рядом с ним лежали коробки с пластилином всех цветов — белого, красного, синего, темно-коричневого, ярко-желтого.

Крохотные человечки послушно делали все, о чем думал Риестофер. Но у них была и собственная воля. Они начинали жить своей жизнью, Риестофер привязывался к ним, разговаривал с ними. При этом персонажи, которых он сам придумывал — например, могучий силач Грозовик,— оказывались живее и всамделишнее любого из книжных героев.

Вот как получилось, что Риестофер, не выходя из комнаты, каждый день то нырял за сокровищами среди живописных коралловых рифов, то курил трубку мира с индейцами в плащах из звериных шкур, то вел эскадрилью боевых самолетов на ненавистного врага в другом конце комнаты, то подстерегал тигров, сидя в ветвях могучего тика в джунглях Индии.

Мама смеялась и ласково ворошила ему волосы рукой. Риестофер приметил: когда он иг-



Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

рает в свою страну, мама частенько стоит в уголке и как будто что-то делает.

— Можно подумать, у тебя там настоящие люди,— говорила она.— Я и сама к ним привыкла. Откуда только у тебя все берется? Почему Грозовик исчез в столбе пламени?

Риестофер посмотрел на площадку между вигвамами, откуда улетел Грозовик.

— Понимаешь, у него была ракета,— объяснил он маме.— Он отправился на свою родную планету, до нее далеко-далеко, там деревья красные и поют.

— Ну и фантазия у тебя, молодой человек, — смеялась мама.

Фантазия? Взрослые всегда толкуют про детскую фантазию. Как будто ему это только представляется, как будто он только сочиняет, а на самом деле ничего такого нет.

Но ведь это неверно! То, что он создавал, было таким же настоящим, как и все остальное в его комнате. Он в самом деле уходил в свою страну, видел лианы в дождевом лесу и спаленные зноем саванны, слышал индейские барабаны, сидел верхом на коне.

Фантазия?.. Какая разница между его воспоминаниями о жизни в своей стране и о сегодняшнем завтраке? И то и другое одинаково ярко живет в его памяти. Так почему одно называют действительностью, а другое — фантазией? Он не может вернуть минуту, когда Грозовик исчез в столбе пламени, но не может вернуть к жизни и урок арифметики с гувернанткой, который кончился час назад!

Эти взрослые, все-то им надо втиснуть в какую-то схему...

А может быть, их тут нельзя винить? Может, и он, когда вырастет, точно так же будет смотреть на детей? Ахать и восклицать: «Что за фантазия?» Риестофер вздохнул. Если он и забудет все это, то уж, во всяком случае, не станет говорить про фантазию: «Это с годами проходит, вырастешь и станешь взрослым и разумным, как мы».

В азбуке Риестофера на букву «С» было нарисовано солнце. И с того самого дня, как он дошел до этой буквы, ему не давала покоя мысль о том, что солнце играет такую большую роль во всем, что он слышит и читает. Ласковое солнце, которое светит, и греет, и серебрит волны, и сверкает в каплях росы... А между Риестофером и солнцем стояла болезнь.

Солнце — будто огромный апельсин, спелый, жаркий, слад-

кий, соблазнительный запретный плод.

Мама уверяла, что он непременно поправится и когда-нибудь узнает солнце. Но в голосе ее звучало взрослое сочувствие, которое ему не нравилось. Поправится, не поправится — это не самое главное. Только бы узнать солнце. Но как узнать кого-то, если нельзя с ним встречаться?

— Придется тебе самому его навестить,— сказала мама как-то вечером, смеясь.

Когда она ушла, Риестофер продолжал думать над ее словами. И пятнышки, которые он видел во мраке в тот вечер, были оранжевыми.

А на другое утро Риестофер принялся разбирать лагерь Грозовика. Он расчленял маленькие фигурки и складывал пластилин обратно в коробку, каждый цвет в свое отделение.

— Что же ты задумал построить теперь? — спросила мама.

— Ракетодром,— ответил Риестофер.

Мама рассмеялась.

Убрав остатки глиняной горы, прерии и дождевой лес, Риестофер начал строить космодром. Он строил с размахом, всю свою страну занял под городок космонавтов. Здание управления, жилые домики с цветниками, склад горючего, автомашины, подъемные краны... Вылепил множество техников и ученых.

Потом вместе с ними принялся за ракету.

Риестофер отлично знал, как должна выглядеть ракета. Она будет большая, серебристая, с капсулой для одного человека. И она полетит к Солнцу.

Однажды утром, когда мама ушла в магазин, он пробрался на кухню и стащил алюминиевую фольгу для корпуса ракеты, который сделал из круглых палочек и пластилина. Риестофер обернул его фольгой и закрепил булавками. Булавочные головки были точь-в-точь как заклепки. Больше всего пришлось повозиться с носовой частью, он долго стриг и прилаживал фольгу, прежде чем она легла как надо.

И вот после многих дней упорного труда ракета готова. Техники и ученые на космодроме были очень довольны, и начальник базы сказал, что можно стартовать когда угодно. Они уже совещались с Риестофером, как назвать космический корабль. Теперь состоялся ритуал крещения — были речи, большой пир, и начальник базы объявил во всеуслышание, что ракета будет называться «Серебряное солнце».

Вечером, ложась спать, Риестофер сказал маме, что завтра полетит на Солнце и привезет домой кусочек солнечного вещества, чтобы узнать его поближе. Из темно-зеленой стеклянной баночки он сделал грузовой отсек. Долетит до Солнца, наполнит отсек веществом и ляжет на обратный курс. За свою кожу он не боится: ведь стекло темное.

Мама засмеялась и погладила его по голове.

На следующий день состоялся старт. Риестофер торжественно попрощался с техниками и учеными, поднялся на башню рядом с ракетой, открыл тяжелый люк и вошел в командный отсек. Сел в кожаное кресло и осмотрелся кругом.

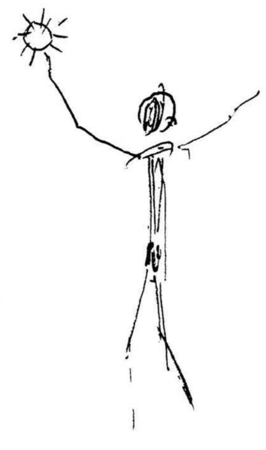
Блестящие приборы в несколько рядов... Цветные лампочки на всех стенках... Большие телевизионные и радарные экраны... Он все проверил, тщательно осмотрел свой скафандр и вызвал по радио командный пост космодрома. Ему ответили, что все в порядке. Начался отсчет — спокойный, бесстрастный. Риестофер откинулся с креслом назад и напряженно ждал.

— Пять... четыре... три... два... один... ноль!

«Серебряное солнце», опираясь на пламенный хвост, поднялось в воздух, взмыло вверх и, сверкая, ушло в космос. Риестофера вдавило в кресло, в ушах что-то громко стучало, но он был счастлив. Ракета не подвела!

Опытной рукой он вращал ручки приборов, после того как взял управление на себя, следил за курсом, передавал на Землю доклады. Стремительно и уверенно ракета мчалась к центру солнечной системы. Как он и думал, путешествие оказалось долгим и однообразным.

Но вот наконец на экране телевизора — Солнце! Риестоферу стало очень жарко в скафандре, потому что солнечные лучи палили



немилосердно. Он включил кондиционер, и жара сменилась прохладой.

Ракета шла прямо к огненному шару. Уже впереди простерлось рокочущее море пламени, но Риестофер бесстрашно вел космический корабль дальше, ведь он сам его конструировал и твердо верил в свои расчеты.

Наступила решающая минута. Риестофер потянул красную ручку. Люк изолированного грузового отсека открылся, в него ворвались языки кипящего белого пламени, и он опять закрылся.

Тотчас Риестофер изменил курс, и ракета устремилась вверх — домой!

Усталый, измученный, он выбрался из командного отсека и спустился на землю, где его ожидал весь персонал космодрома. Начальник базы поздравил его, друзья с троекратным «ура!» понесли Риестофера на руках. Серебристый корпус ракеты оплавился и потрескался, но Риестофер не горевал. Корабль выполнил свою задачу.

В тот же день он начал разбирать все, что построил. Прежде всего полуметровую ракету «Серебряное солнце», на которую положил столько труда. Осторожно снял фольгу и разложил пластилин по ячейкам. Потом взял темную стеклянную банку и бережно поставил ее на тумбочку возле кровати.

Когда мама вечером зашла сказать «доброй ночи», ее ждал усталый и счастливый сын.

— Я побывал на Солнце, как ты мне советовала,— сказал он.— И взял с собой маленький кусочек солнечного вещества. Завтра начну его изучать. Может, пригодится в моей стране для вулкана или еще для чего-нибудь.

Мама улыбнулась, сказала «конечно» и погасила свет.

Попозже она, как всегда перед сном, еще раз зашла посмотреть, все ли в порядке в детской. Риестофер дышал глубоко и ровно. Она поправила одеяло и постояла, глядя на сына.

Одна рука ее придерживала ночную рубашку, а другая нечаянно задела банку на тумбочке. Мама опять слегка улыбнулась, провела пальцем по гладкому стеклу, сняла крышку.

И лицо спящего мальчика озарил яркий белый солнечный луч. На дне банки пылало маленькое солнце.

Перевел с норвежского
Л. ЖДАНОВ

ПОПЫТКА

Т. Л. ШЕРРЕД

Фантастический памфлет

В аэропорту капитана ждала штабная машина. Она рванулась с места и долго неслась по разным шоссе. В узкой комнате сидел прямой как палка генерал и ждал. У нижней ступеньки металлической лестницы, льдисто отсвечивавшей в полумраке, стоял наготове майор. Взвизгнули шины, машина резко остановилась, и капитан бок о бок с майором кинулся вверх по лестнице. Никто не сказал ни слова. Генерал поспешно встал, протягивая руку. Капитан одним движением открыл полевую сумку и вложил в генеральскую руку толстую пачку бумаг. Генерал поспешно пролистал их и отдал майору отрывистое распоряжение. Майор исчез; из коридора донесся его резкий голос. В комнату вошел человек в очках, и генерал протянул ему бумаги. Человек в очках начал перебирать их дрожащими пальцами. По знаку генерала капитан вышел из комнаты — на его усталом лице играла гордая улыбка. Генерал принялся барабанить пальцами по черной глянцевитой крышке стола. Человек в очках отодвинул полуразвернутые карты и начал читать вслух.

— «Дорогой Джо!

Я взялся за эти записки только, чтобы убить время, потому что мне надоело глядеть в окно. Но когда я уже почти их закончил, мне стало ясно, какой оборот принимают события. Ты единственный человек из тех, кого я знаю, кому по силам добраться до меня, а прочитав мои записки, ты поймешь, почему сделать это необходимо.

Неважно, кто их тебе доставит — возможно, он не захочет, чтобы ты мог его впоследствии узнать. Помни об этом и, ради бога, Джо, поторопись!

Всему причиной моя лень. К тому времени, когда я протер глаза и сдал ключи, автобус был уже полон. Я засунул чемодан в автоматическую камеру хранения и отправился убивать час, который оставался до следующего автобуса. Ты, наверное, знаешь этот вокзал — на бульваре Вашингтон, неподалеку от Мичиган-авеню. Мичиган-авеню смахивает на Шестьдесят третью улицу в Чикаго, куда я ехал, — те же дешевые киношки, лавки закладчиков, десятки пивных и рестораны, предлагающие рубленый бифштекс, хлеб с маслом и кофе за сорок центов. До войны такой обед стоил двадцать пять центов.

Я люблю разглядывать витрины, набитые всякой всячиной — от электробритв и наборов гаечных ключей до вставных челюстей. И теперь, имея в своем распоряжении целый час, я отправился пройтись по Мичиган-авеню до Шестой улицы, с тем чтобы вернуться по другой ее стороне. В этом районе живет много китайцев и мексиканцев — китайцы содержат рестораны, а мексиканцы едят блюда «домашней южной кухни». Между Четвертой и Пятой улицами я остановился перед подобием кинотеатра — окна, закрашенные черной краской, объявления, написанные от руки по-испански: «Детройтская премьера... Боевик с тысячами статистов... Только одна неделя... Десять центов». Несколько прилепленных к окнам фотографий были смазанными и мятыми — всадники в латах и что-то вроде яростной сечи. И все за десять центов! Как раз в моем вкусе.

Возможно, мне повезло, что в школе моим любимым предметом была история. И уж, во всяком случае, слепая удача, а вовсе не проницательность заставила меня раскошелиться на десять центов за право сесть на шаткий складной стул, насквозь пропахший чесноком. Кроме меня, объявления соблазнили еще полдюжины мексиканцев. Я сидел возле двери. Две свисавшие с потолка двухсотваттные лампочки давали достаточно света, чтобы я мог оглядеться. Передо мной в глубине помещения виднелся экран, смахивавший на побеленный кусок картона, а когда у себя за спиной я увидел старенький шест-

надцатимиллиметровый проектор, я заподозрил, что даже десять центов — слишком дорогая цена за подобное удовольствие. Впрочем, мне предстояло скоротать еще сорок минут.

Все курили. Я тоже достал сигарету — и унылый мексиканец, которому я вручил свои десять центов, устремил на меня долгий вопрошающий взгляд. Я заплатил десять центов, а потому ответил ему столь же пристальным взглядом. Тогда он запер дверь и погасил свет. Полминуты спустя зажужжал дряхлый проектор. Ни вступительных титров, ни имени режиссера, ни названия фирмы — только белый мерцающий квадрат, а потом сразу же крупным планом бородатая физиономия с подписью: «Кортес». Затем раскрашенный, весь в перьях индеец — «Гватемосин, преемник Монтесумы». Снятые сверху, изумительные модели старинных зданий — «Город Мехико, 1521 год». Кадры допотопных, заряжаемых с дула пушек, изрыгавших ядра, — осколки камней отлетают от огромных стен, худые индейцы умирают, содрогаясь в конвульсиях, дым, искаженные лица, кровь... Лента меня сразу ошеломила... Никаких царапин, склеек, характерных для давнишних фильмов, никакой слащавости, и нет этого банального красавца героя, чья физиономия в заурядных фильмах возникает перед камерой кстати и некстати. Ты когда-нибудь видел те французские или итальянские картины, которые критики восхваляют за глубину и реалистичность, порожденные малым бюджетом, не позволяющим приглашать знаменитых актеров? То, что я увидел, было именно таким, и даже лучше.

Только когда фильм завершился общим планом грандиозного пожарища, я начал кое-что соображать. Нельзя за гроши нанять тысячу статистов и поставить декорации такой величины. Трюковая съемка падения даже с десятиметровой высоты обходится в суммы, от которых бухгалтеры встают на дыбы, а тут стены были гораздо выше. Все это плохо вязалось со скверным монтажом и отсутствием звуковой дорожки. Разве что фильм снимался еще в добрые старые дни немого кино. Но фильм, который я только что видел, был снят на цветную пленку! Больше всего он походил на хорошо отрепетированный и плохо поставленный документальный фильм.

Мексиканцы лениво выходили из помещения, и я направился было за ними, но задержался около унылого киномеханика, который перематывал ленту. Я спросил, откуда у него этот фильм.

Он ответил, что снимал фильм сам. Я принял его сообщение с невозмутимой вежливостью, и он понял, что я ему не верю. Он выпрямился.

— Вы мне не поверили, ведь так?

Я ответил, что он, безусловно, прав в своем заключении, и добавил, что спешу на автобус.

— Но скажите, почему?

— Ну, — ответил я, — такие картины не выпускаются на шестнадцатимиллиметровой пленке. Вы раздобыли копию, снятую с тридцатипятимиллиметровой пленки...

И я перечислил еще кое-какие отличия любительских фильмов от голливудских. Когда я кончил, он минуту молча курил.

— Понятно... — Он вынул бобину из проектора и закрыл крышку. — У меня тут есть пиво...

Я согласился, что пиво вещь очень хорошая, но автобус... Ну ладно, одну бутылку куда ни шло!

Он вытащил из-за экрана бумажные стаканчики и бутылку портера. Пробормотав с усмешкой: «Сеанс откладывается», — он закрыл дверь и открыл бутылку о скобу, привинченную к стене. По-видимому, здесь прежде помещалась бакалейная лавка или пивная. Стулья имелись в избытке. Мы отодвинули пару в сторону и расположились с удобствами. Пиво оказалось теплым.

— Вы как будто разбираетесь в этом деле, — заметил он выжидательно.

Я счел его слова вопросом, засмеялся и ответил:

— Ну, не слишком. Ваше здоровье! — Мы выпили. — Я работал шофером в кинопрокатной фирме.

Мы выпили по второму стаканчику и несколько минут обсуждали климат Детройта. Наконец он сказал, словно что-то обдумывая:

— По-моему, я вас вчера видел здесь... Часов около восьми.

— Вчера вечером? Нет, как ни жаль. Я бы тогда не опоздал на автобус. Нет, вчера в восемь я был в баре «Мотор». И просидел там до полуночи.

— В баре «Мотор»?.. Гм... А может быть, вам хотелось бы...

Прежде чем я сообразил, что он имеет в виду, он скрылся за экраном и выкатил из-за него большую радиолу. В руке он держал третью бутылку пива. Я поднес к свету бутылку, стоявшую передо мной. Еще наполовину полна. Я посмотрел на часы. Он придвинул радиолу к стене и поднял крышку, открыв рукоятки настройки.

— Выключатель позади вас. Будьте так добры!

Я мог дотянуться до выключателя, не вставая, что я и сделал. Обе лампы разом погасли. Я этого не ожидал и начал шарить по стене. Тут снова стало светло, и я с облегчением сел поудобнее. Но лампы не зажглись — просто я очутился на улице!

Я облился пивом и чуть не опрокинул шаткий стул, а улица вдруг сдвинулась с места — улица, а не я! День сменился вечером, и я вошел в бар «Мотор» и увидел, как я заказываю пиво; и при всем при том я твердо знал, что я не сплю и это мне не снится. В панике я вскочил, расшвыривая стулья и пивные бутылки, и чуть не сорвал ногти, нащупывая на стене выключатель. Пока я его отыскивал — наблюдая, как я же стучу по стойке, подзывая бармена, — у меня совсем помутилось в голове и я готов был хлопнуться в обморок. Наконец мои пальцы коснулись выключателя.

Мексиканец смотрел на меня так, словно он зарядил мышеловку и поймал лягушку.

— Что это такое? — просипел я.

— Это были вы. В баре «Мотор», вчера в восемь вечера.

Я тупо уставился на него. А он протянул мне новый бумажный стаканчик, и я машинально подставил его под горлышко бутылки.

— Конечно, это не может не ошеломить. Я забыл, что я сам почувствовал в первый раз. Мне... мне теперь все равно. Завтра я иду в контору «Филлипс-радио».

Я спросил, о чем он, собственно, но он продолжал, не обратив внимания на мой вопрос:

— У меня нет больше сил. Я сижу без гроша. И мне уже все равно. Оговорю себе долю и буду получать проценты.

Ему необходимо было высказаться. И, расхаживая взад и вперед, натыкаясь на стулья, он выложил мне всю свою историю...

Его звали Мигель Хосе Сапата Лавьяда. Я назвал ему мое имя — Лефко. Эд Лефко. Его родители приехали в Штаты где-то в двадцатых годах и с тех пор сажали и убирали сахарную свеклу. Они только обрадовались, когда их старшему сыну удалось выбраться с мичиганских полей,

на которых они гнули спину год за годом, — он получил небольшую стипендию для продолжения образования. Стипендия была временной; и чтобы продолжать ученье и не умереть с голоду, он работал в гаражах, водил грузовики, стоял за прилавком и торговал щетками вразнос. Но получить диплом ему не удалось, потому что его призвали на военную службу. В армии он имел дело с радиолокационными установками, а потом его демобилизовали, и эти годы не оставили ему ничего, кроме смутной идеи. В тот момент было нетрудно подыскать приличную работу, и, в конце концов, он накопил достаточно, чтобы взять напрокат машину с прицепом и накупить разного списанного радиооборудования. Год назад он достиг своей цели. Он наголодался, исхудал и дошел до полного нервного истощения. Но он таки сконструировал и собрал «это»!

«Это» он поместил в футляр от радиолы — и для удобства, и для маскировки. По причинам, которые станут ясны позднее, он не рискнул взять патент. Я осмотрел «это» внимательно и подробно. Место звукоснимателя и кнопок настройки занимали циферблаты с рукоятками. На большом имелись деления от 1 до 24, на двух — от 1 до 60, на десятке — от 1 до 25, а на двух-трех цифр вообще не было. И все. Если не считать тяжелой деревянной панели, скрывавшей то, что было установлено на месте радиоламп и репродуктора. Неприхотливый тайник, скрывающий...

Кто не любит грезить наяву! Наверное, каждый человек мысленно обретал сказочные богатства, всемирную славу, жизнь, полную захватывающих приключений. Но сидеть на стуле, попивать теплое пиво и вдруг понять, что мечта столетий уже больше не мечта, а реальность, ощутить себя богом, сознавать, что стоит тебе повернуть пару рукояток — и ты сможешь увидеть любого человека, когда-либо жившего на Земле, можешь стать очевидцем любого события, если оно только произошло, — это до сих пор не вполне укладывается у меня в голове.

Я знаю только, что дело тут в высоких частотах. И что в аппарате много ртути, меди и всяких проволочек из дешевых и распространенных металлов, но что и как происходит в нем, а главное — почему, это лежит вне сферы моего разумения. Свет обладает массой и энергией, и эта масса непрерывно утрачивает какую-то свою часть и может быть снова обращена в электрическую энергию или во что-то в том же духе. Майк Лавьяда сам говорит, что он не открыл ничего нового — что еще задолго до войны этот эффект не раз наблюдали такие ученые, как Комптон, Майкелсон и Пфейффер, но они сочли его чисто побочным, ничем не интересным явлением. А с тех пор все было заслонено исследованиями атомной энергии.

Когда я несколько пришел в себя, Майк еще раз продемонстрировал мне мое прошлое.

Я погасил свет и снова увидел себя в баре «Мотор», но это меня уже не оглушило.

— Смотрите!

Бар расплылся в тумане. Улица. Два квартала до муниципалитета. Вверх по лестнице — в зал совещаний. Никого. Потом заседание муниципалитета. Потом оно исчезло. Не фильм, не проекция диапозитива, а кусочек жизни размером в четыре квадратных метра. Когда мы приближались, поле зрения сужалось; когда мы удалялись, задний план воспринимался так же четко, как и передний. Изображение — если тут подходит это слово — было таким реальным и жизненным, что казалось, будто смотришь на происходящее через открытую дверь. Все предметы и фигуры были трехмерными. Майк что-то горячо объяснял, пока вертел свои рукоятки, но я был так увлечен, что почти его не слышал.

Вдруг я взвизгнул, уцепился за стул и закрыл глаза — как и ты закрыл бы на моем месте, если бы, взглянув вниз, обнаружил, что висишь в небе и между тобой и землей нет ничего, кроме двух-трех облаков. Когда я открыл глаза, мы, очевидно, вышли из стремительного пике, и передо мной снова была улица.

— Можно подняться куда угодно, хоть до слоя Хевисайда, и спуститься в любую пропасть, когда и где хотите!

Изображение затуманилось, и улица сменилась редким сосняком.

— Потаенные клады! Да, именно! Но чтобы отрыть их, тоже нужны деньги.

Сосны исчезли, и я щелкнул выключателем, потому что он закрыл крышку своего аппарата.

— Как начнешь бизнес без денег?

Этого я не знал, и он продолжал:

— Я дал объявление в газету, что отыскиваю потерянные предметы. И первым ко мне пришел полицейский, потребовавший, чтобы я предъявил разрешение на занятие частным сыском. Я наблюдал, как крупнейшие биржевые дельцы в стране продавали и покупали акции, как они планировали у себя в конторах миллионные операции. Но что, по-вашему, произошло бы, если бы я попробовал торговать биржевыми предсказаниями? Я наблюдал, как отряд перуанских индейцев закопал второй выкуп инки Атуагальпы, но у меня нет денег ни на билет до Перу, ни на инструменты и взрывчатку, чтобы добраться до сокровища! — Он встал, принес еще две бутылки и продолжил рассказ, а у меня тем временем начинали складываться кое-какие идеи. — Я видел, — говорил он, — как писцы переписывали книги, сгоревшие вместе с Александрийской библиотекой, но если бы я изготовил копию, кто бы купил ее и кто поверил бы мне? Что произошло бы, если бы я отправился в университет и посоветовал тамошним историкам внести исправления в свои курсы? Сколько людей с удовольствием воткнули бы мне нож в спину, знай они, что я видел, как они убивали, крали или принимали ванну? Где бы я очутился, если бы попробовал торговать фотографиями Вашингтона, Цезаря или Христа?

Я согласился, что его упрятали бы в сумасшедший дом.

— Как, по-вашему, почему я сижу сейчас тут? Вы видели фильм, который я показываю за десять центов. И большего он не стоит, потому что у меня не было денег на хорошую пленку и я не мог сделать фильм так, как, я знаю, мог бы... — Язык у него начал заплетаться от волнения. — Я занимаюсь этим потому, что у меня нет денег на оборудование, которое мне нужно, чтобы раздобыть деньги, которые мне нужны... — Он свирепо отшвырнул ногой стул.

— Несомненно, если бы я появился на сцене чуть позднее, «Филлипс-радио» достался бы лакомый кус. И может быть, я только выиграл бы... Мне всю жизнь твердили, что я так и умру без гроша за душой, однако никто еще не обвинял меня в том, что я упускал доллар, который сам плывет в руки. А тут передо мной были деньги — и какие!.. Причем получить их было можно почти сразу и без всякого труда.

На мгновение я заглянул далеко в будущее, где я купался в золоте, и у меня даже дыхание перехватило.

— Майк, — сказал я, — допьем-ка это пиво, а потом пойдем куда-нибудь, где можно будет выпить еще и, пожалуй, перекусить. Нам надо о многом поговорить.

И мы поговорили.

Пиво — отличная смазка, а я умею быть убедительным; и к тому времени, когда мы вышли из забегаловки, между нами царило полное взаимопонимание.

Наш договор мы, помнится, не подкрепили даже рукопожатием, но партнерами остаемся по-прежнему, хотя с тех пор прошло шесть лет. Нет человека, которого я уважал бы больше, чем Майка, и он, по-моему, неплохо относится ко мне.

Семь дней спустя я отправился на автобусе в Гросс-Пойнт с туго набитым портфелем, а через два дня я вернулся из Гросс-Пойнта в такси с пустым портфелем и бумажником, вздувшимся от крупных купюр. Это был очень легкий бизнес.

«Мистер Джонс (или Смит, или Браун), я — представитель Аристократического ателье, специализирующегося на частных портретах. Мы полагаем, что вас может заинтересовать эта ваша фотография и... Нет-нет, это всего лишь пробный отпечаток. Негатив находится в нашем архиве... Но если вас это заинтересует, я послезавтра доставлю вам негатив... Да, конечно, мистер Джонс. Благодарю вас, мистер Джонс...»

Подло? Безусловно. Шантаж всегда подлость. Но если бы у меня была жена, дети и безупречная репутация, я бы удовлетворялся бифштексом и не баловался бы рокфором. И к тому же весьма вонючим. Майку эта операция нравилась куда меньше, чем мне. Убедить его удалось далеко не сразу.

Так мы раздобыли необходимые деньги — сумма была невелика, но для начала ее вполне хватало. Мы начали с того, что присмотрели подходящее здание — вернее, присмотрел его Майк, потому что я на месяц улетел на восток, в Рочестер. Майк снял помещение бывшего банка. Мы распорядились заложить окна зала, обставили контору со всей возможной роскошью (бронестекло было моей идеей): аппарат для кондиционирования воздуха, портативный бар, электрооборудование, какое только мог пожелать Майк, и блондинка секретар-

Рисунки В. **КОЛТУНОВА**

ша, которая считала, что служит в экспериментальной лаборатории крупной электрической компании.

Когда «студия» была отделана, Майк перебрался туда, а блондинка приступила к выполнению своих обязанностей, которые исчерпывались тем, что она читала романы о любви и говорила «нет» всем коммивояжерам и агентам всяческих фирм, являвшимся предложить нам свой товар. Я уехал в Голливуд.

Мне пришлось неделю рыться в Центральном архиве, прежде чем я нашел все, что мне было нужно, а чтобы раздобыть камеру, работающую на пленке «триколор», потребовался еще месяц. Зато теперь я был спокоен. Когда я вернулся в Детройт, из Рочестера уже прибыла большая панорамная фотокамера и целый вагон цветной фотопленки. Можно было начинать.

Я уже упоминал, что окна студии мы заложили. Внутренние стены были выкрашены тусклой черной краской, и благодаря высокому потолку — ведь это был прежде зал банка — впечатление создавалось внушительное. Но отнюдь не мрачное. В самой середине зала была установлена кинокамера, готовая к съемке. Она заслоняла аппарат Майка, но я знал, что он стоит сбоку, настроенный так, чтобы изображение появлялось у задней стены. Да, именно у стены, а не на стене, так как изображение проецировалось в воздухе. Майк открыл крышку, и я увидел его силуэт на фоне чуть освещенных циферблатов.

— Ну? — спросил он нетерпеливо.

— Здесь ты командуешь, Майк, — сказал я.

Щелкнул выключатель, и перед нами возник юноша, живший две с половиной тысячи лет назад. Возник во плоти. Александр. Александр Македонский.

О нашей первой картине я, пожалуй, расскажу подробно. Мне никогда не забыть этот год. Сначала мы проследили всю жизнь Александра от рождения и до смерти. Конечно, мы пропускали второстепенные моменты и перепрыгивали через недели, месяцы, а порой и годы. После чего теряли его, или оказывалось, что он значительно смещался в пространстве. Это означало, что нам приходилось прыгать вперед и назад, точно мы вели пристрелочный огонь. Существующие жизнеописания Александра Македонского почти не помогали нам, и мы поражались, насколько мало они соответствуют реальным фактам. Я часто задумываюсь над тем, почему вокруг знаменитых людей обязательно начинают сплетаться легенды. Ведь их подлинная жизнь не менее поразительна, чем выдуманная. К несчастью, мы вынуждены были придерживаться принятых версий, иначе историки объявили бы наш фильм безграмотной стряпней. Рисковать же мы не могли. Во всяком случае, вначале.

После того как мы примерно установили, что происходило и где, мы с помощью наших заметок отобрали наиболее фотогеничные эпизоды и некоторое время работали над ними. В конце концов общие контуры будущего фильма стали нам ясны. Тогда мы сели писать сценарий с учетом кадров, которые предстояло отснять с дублерами. Аппарат Майка действовал как проектор, а я снимал фиксированной камерой, точно при комбинированных съемках. Едва мы отснимали катушку пленки, она тут же отсылалась для проявления в Рочестер. Было бы дешевле прибегнуть к услугам какой-нибудь голливудской фирмы, но Рочестер имел то преимущество, что там все привыкли к жутким любительским киноподелкам, и мы могли быть спокойны, что наши ленты ни у кого не возбудят нежелательного любопытства. Когда проявленная пленка возвращалась к нам, мы просматривали ее, проверяя киногеничность эпизода, цвет и прочее.

Мы непременно хотели включить в фильм хрестоматийную ссору Александра с его отцом Филиппом, но большую ее часть пришлось оставить до съемок с дублерами. Для Олимпиады, его матери, подпустившей к нему змей с вырванными ядовитыми зубами, дублерши не требовалось, так как мы сняли этот эпизод общим планом и под таким углом, что его можно было не озвучивать. Случай, когда Александр укротил коня, на которого не осмеливался сесть никто другой, оказался выдумкой его биографов, однако опустить столь известный эпизод юности нашего героя мы не рискнули: крупные планы мы вклеили позже; но на самом-то деле укрощал коня молодой скиф, один из конюхов царской конюшни. Роксана действительно существовала, как и остальные жены персов, захваченные Александром. К счастью, они оказались достаточно пышного сложения, чтобы на экране выглядеть томными и соблазнительными. Филипп, Парменион и прочие мужи были бородаты, что было очень удобно для дублеров. (Если бы ты видел, каким способом они брились в ту далекую эпоху, ты бы понял, почему бороды были в такой моде.)

Труднее всего было снимать эпизоды в помещениях. Коптящие фитили в чашах с топленым салом, сколько бы их ни было, дают слишком мало света даже для самой чувствительной пленки. Майк вышел из положения, отрегулировав камеру и свой аппарат так, что каждый кадр экспонировался секунду. Этим объясняется поразительная четкость и глубина резкости, которая достигалась сильным диафрагмированием. У нас было сколько угодно времени для того, чтобы выбирать наиболее интересные эпизоды и ракурсы. Нам не нужны были знаменитые актеры и хитроумное оборудование, нам не приходилось снимать по нескольку вариантов одной и той же сцены — в нашем распоряжении была вся жизнь нашего героя, и мы могли спокойно отбирать все наиболее яркое и интересное.

В конце концов мы отсняли примерно восемьдесят процентов того, что ты видел в законченном фильме, склеили и устроили просмотр, упиваясь тем, что нам удалось сделать. Мы даже не рассчитывали, что конечный результат окажется столь блистательным. Хотя фильм еще не был смонтирован и озвучен, мы уже видели, что создали прекрасную вещь. Мы сделали все, что могли, а худшее еще было впереди. Поэтому мы послали за шампанским и сказали блондинке, что у нас праздник.

Майк сказал задумчиво:

— Если мы будем устраивать такие праздники часто, нам бы следовало обзавестись настоящими бокалами.

— Их можно было бы хранить в нижнем ящике моего стола, — радостно подхватила блондинка и мило сморщила нос. — Я ведь в первый раз в жизни пью шампанское, если не считать свадьбы одной моей подруги. Но там я выпила всего один бокал.

— Налей ей еще! — посоветовал Майк. — Да и мне тоже.

— Выпейте еще стаканчик, мисс... — сказал я, закидывая ноги на ее стол. — А как ваше имя? Не люблю официальности в нерабочие часы.

— Но ведь вы и мистер Лавьяда выписываете мне чек каждую неделю! — обиженно воскликнула она. — Меня зовут Руфь.

— Руфь... Руфь... — Я покатал это имя на языке вместе с пузырьками шампанского и решил, что оно звучит очень приятно.

— А вас зовут Эдвард, а мистера Лавьяду — Мигуэль, ведь так? — И она улыбнулась Майку.

— Мигель, — улыбнулся он в ответ. — Старинное испанское имя. Обычно сокращается в Майк.

— Передайте мне еще бутылку, — попросил я, — и сократите Эдварда в Эда.

К тому времени, когда опустела четвертая бутылка, мы уже знали о нашей секретарше все — двадцать три года, совершеннолетняя, белая, незамужняя, любит шампанское.

— Но, — добавила она, надувая губы, — мне все-таки хотелось бы знать, чем вы там занимаетесь с утра до ночи. А иногда всю ночь напролет...

— Ну, — сказал заплетающимся языком Майк после некоторого размышления, — мы там снимаем. Можем и вас снять, если вы хорошенько попросите, — закончил он, подмигнув.

— Мы снимаем модели, — перебил я. — И так, что они выглядят как настоящие.

По-моему, это ее несколько разочаровало.

— Ну, теперь я знаю и очень рада. А то я подписываю все эти счета из Рочестера и не знаю, за что они. И это меня беспокоило...

Я посоветовал ей подумать об отпуске, потому что мы через два дня уедем в Лос-Анджелес, в Голливуд.

— Через два дня? Но ведь...

Шампанское уже ударило нам всем в голову. Майк что-то тихонько напевал себе под нос.

— Нам придется нанять когонибудь вести нашу корреспонденцию. А вдруг это будет не блондинка? В Голливуде блондинок нет. Настоящих. А потому...

Я уловил блестящую мысль Майка и закончил за него:

— А потому мы привезем в Лос-Анджелес хорошенькую блондинку, чтобы она вела нашу корреспонденцию.

Ах, какая это была мысль! Бутылкой раньше она бы скоро потускнела, но теперь Руфь засияла, а мы с Майком ухмылялись до ушей.

— Но я не могу! Я не могу уехать через два дня...

Майк был великолепен.

— Почему через два дня? Мы передумали. Едем сию минуту.

Руфь была ошеломлена.

— Мне нужно взять платья...

— Купите на месте, в Лос-Анджелесе. А теперь звоните в аэропорт. Три билета.

В Лос-Анджелесе мы отправились в отель трезвые, как стеклышко, и сильно пристыженные. На следующий день Руфь пошла покупать гардероб для себя и для нас. Мы сообщили ей свои размеры и дали достаточно денег, чтобы ей легче было переносить похмелье. А мы с Майком взялись за телефон. Потом позавтракали и сидели сложа руки, пока портье не позвонил, что нас желает видеть мистер Джонсон.

Ли Джонсон оказался энергичным человеком высокого роста, не слишком красивым, привыкшим говорить кратко и деловито. Мы сообщили ему, что предполагаем сделать фильм. У него загорелись глаза. Как раз по его части!

— Дело обстоит не совсем так, как вы думаете, — сказал я. — У нас уже готово процентов восемьдесят.

Он поинтересовался, зачем мы в таком случае обратились к нему.

— У нас отснято свыше двух тысяч метров пленки «триколор». Не трудитесь спрашивать, где и когда мы ее получили. Но лента не озвучена. Нам нужно ее озвучить и кое-где ввести диалог.

Он кивнул.

— Это нетрудно. В каком состоянии лента?

— В безупречном. В настоящее время она находится в сейфе отеля. Нам нужно доснять некоторые эпизоды, потребуются дублеры. Причем они должны будут удовлетвориться оплатой наличными — упоминать о них в титрах мы не будем.

Джонсон поднял брови.

— Это ваше дело. Но если материал чего-нибудь стоит, мои ребята потребуют, чтобы они в титрах были упомянуты. И мне кажется, у них есть на это право.

Я согласился с ним и добавил, что платить мы будем хорошо, но с одним условием: они должны держать язык за зубами до выхода фильма на экран. А может быть, и после этого.

— Прежде чем мы будем договариваться об условиях, я хотел бы посмотреть ваш материал, — сказал Джонсон, вставая. — Я не знаю, сможем ли мы...

Я догадывался, о чем он думает. Кинолюбители... Собственное творчество...

Просмотр длился час пятьдесят минут. Мы оба следили за Джонсоном, как кошка за мышиной норой. Наконец мелькнули заключительные кадры. Джонсон нажал на кнопку, вспыхнули люстры, и он повернулся к нам.

— Откуда у вас эта лента?

Я закинул крючок.

— Она снималась не тут. А где — неважно.

Джонсон проглотил крючок вместе с приманкой и поплавком.

— В Европе! Гм-м... Германия. Нет... Франция. Может быть, Россия — Эйнштейн... или Эйзенштейн, как там его фамилия?

Я покачал головой.

— Не угадали. Могу сказать одно: все те, кто снимался в этом фильме и принимал участие в работе над ним, либо в курсе дела, либо умерли. Но у этих последних могут отыскаться наследники... Ну, вы понимаете, что я имею в виду.

О да, Джонсон прекрасно понял, что я имел в виду.

— Конечно, так надежнее. Лучше не рисковать. — Он задумался, а потом сказал киномеханику: — Позовите Бернстайна. И еще Кеслера и Мэрса.

Киномеханик вышел, и через несколько минут в зал с Бернстайном, звукооператором, вошли Кеслер, широкоплечий крепыш, и Мэрс, нервный молодой человек, куривший без передышки. Джонсон познакомил нас, а потом спросил, согласимся ли мы еще раз просмотреть наш фильм.

— С удовольствием. Нам он нравится больше, чем вам.

Тут я был неточен. Едва зажегся свет, как Кеслер, Мэрс и Бернстайн набросились на нас с расспросами. Мы отвечали им в том же духе, как и Джонсону, но нам было приятно, что фильм ошеломил их.

Кеслер чертыхнулся.

— Хотел бы я знать, кто оператор. Черт побери, таких съемок я не видел со времени «Бен-Гура»[1], только эти еще лучше!

— На это я могу вам ответить. Снимали ребята, с которыми вы сейчас беседуете. Спасибо на добром слове.

Они все четверо недоверчиво уставились на нас.

Наконец Джонсон нарушил затянувшееся молчание.

[1] «Бен-Гур» — псевдоисторический американский фильм на библейский сюжет, поставленный в 1960 году. Принадлежит к так называемым «супер-колоссам», постановка которых обходится чрезвычайно дорого.

— Ну, а что дальше?

И мы перешли к делу. Майк, как обычно, сидел прищурившись и молчал, предоставляя мне вести переговоры.

— Мы хотим его озвучить.

— С большим удовольствием, — сказал Бернстайн.

— Понадобится десяток дублеров, очень похожих на актеров, которых вы только что видели.

— Это просто, — уверенно заявил Джонсон. — В Центральном архиве имеются фотографии всех, кто хоть раз появлялся на экране начиная с девятьсот первого года.

— Я знаю. Мы туда уже заглядывали. Значит, тут затруднений не будет. Но по причинам, о которых я уже говорил мистеру Джонсону, им придется обойтись без упоминания в титрах.

— И улаживать это, конечно, должен буду я! — простонал Мэрс.

— Вот именно, — отрезал Джонсон.

— А как с недоснятыми кусками? У вас есть на примете сценарист? — спросил Мэрс.

— У нас имеются наметки сценария. Их можно привести в рабочий вид за неделю. Хотите, займемся этим вместе?

Это его вполне устраивало.

— Каким временем мы располагаем? — перебил Кеслер. — Работа предстоит порядочная. Когда мы должны его кончить?

Уже это были «мы».

— Ко вчерашнему дню! — объявил Джонсон и встал. — У вас есть какие-нибудь предложения о музыкальном оформлении? Ну, так мы попробуем заполучить Вернера Янсена и его ребят. Бернстайн, за этот фильм отвечаете вы. Кеслер, зовите своих мальчиков, пусть они с ним познакомятся. Мэрс, вы проводите мистера Лефко и мистера Лавьяду в Центральный архив и вообще будете поддерживать с ними связь. Ну, а теперь пойдемте ко мне в кабинет и обсудим финансовую сторону...

Легко и просто.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что работа была легкой — несколько следующих месяцев мы были заняты по горло. Начать хотя бы с того, что в Центральном архиве мы отыскали только одну фотографию, похожую на Александра, — фотографию статиста, которому надоело ждать роли и который отбыл в неизвестном направлении. А когда дублеры были подобраны, пришлось без конца с ними репетировать и ругаться с костюмерами и декораторами. Короче говоря, дела у нас хватало. Даже Руфи пришлось по-настоящему отрабатывать свое жалованье. Мы по очереди диктовали ей с утра до ночи, пока не получили сценария, которым остались довольны и я, и Майк, и Мэрс, собаку съевший на диалоге.

Я имел в виду, что мы легко и просто нашли общий язык с этими видавшими виды ребятами, и наше самолюбие было удовлетворено. Они искренне восхищались нашей работой, а Кеслер даже расстроился, когда мы отказались сами доснимать фильм, сказав, что слишком заняты и верим, что он это сделает не хуже, чем мы. И он превзошел и себя, и нас. Не знаю, как бы мы вывернулись, если бы он требовал у нас конкретных советов. Видно, им до смерти надоело возиться с посредственной дребеденью и было приятно иметь дело с людьми, которые понимали разницу между глицериновыми слезами и настоящими и не торговались, если последние обходились на два доллара дороже.

Наконец фильм был готов. Мы снова собрались в демонстрационном зале — Майк и я, Мэрс и Джонсон, Кеслер и Бернстайн, и все, кто так или иначе участвовал в работе. Получилась потрясающая вещь. Когда на экране появился Александр, это был подлинный Александр Великий. Ослепительные краски, пышность, великолепие, блеск на экране буквально ошеломляли. Даже мы с Майком, которые видели все в натуре, и то сидели с раскрытыми ртами.

Однако, мне кажется, самыми сильными в картине были батальные эпизоды. Это был настоящий реализм, а не увлекательные кровопролития, после которых мертвецы встают и отправляются обедать. И солдаты, посмотревшие фильм, писали письма в газеты, сравнивая Гавгамелы Александра с Анцио и Аргоннами[1]. Усталый крестьянин, который милю за милей шагает по пыльным, сухим равнинам, а в конце пути превращается в разлагающийся, облепленный мухами труп, всегда одинаков, несет ли он сариссу или винтовку. Вот что мы пытались показать. И это нам удалось.

Когда в зале вспыхнули люстры, мы вновь убедились, что создали прекрасную ленту. Все поздравляли нас и пожимали нам руки. Затем мы удалились в кабинет Джонсона, выпили за успех и перешли к делу.

— Как вы думаете выпустить его в прокат? — начал Джонсон.

Я сказал, что к нам в отель звонили представители разных фирм, и назвал их.

— Так я и думал. Я этих ребят знаю. Держитесь от них подальше, если не хотите потерять последнюю рубашку. Да, кстати, вы нам порядком задолжали. Надеюсь, у вас хватит, чтобы заплатить нам?

— Хватит.

— Славно! Не то вашу последнюю рубашку забрал бы я! — Он широко улыбнулся, но мы знали, что так оно и было бы. — Но вернемся к вопросу о прокате.

— А вы сами им не занялись бы?

— Я бы не прочь. У меня есть на примете фирма, которой как раз сейчас до зарезу нужна кассовая вещь, а им неизвестно, что мне это известно. И я заставлю их раскошелиться. А мой процент?

— Об этом после, — небрежно сказал я. — Мы удовлетворимся обычными условиями, а вы раздевайте фирму, как хотите. То, чего мы не знаем, нас не касается.

(Они там все норовят перерезать друг другу глотку.)

— Договорились. Кеслер, начинайте печатать копии.

— Упомяните в титрах тех, кто доснимал фильм, мы не возражаем, потому что ваша работа была отличной.

Кеслер счел это комплиментом в свой адрес и не ошибся.

— Но теперь, пожалуй, пора вам узнать, что часть фильма была сделана в Детройте.

Они прямо подскочили.

— Мы с Майком разработали новый метод трюковых съемок. Касаться его сущности мы не будем и не скажем, какие именно эпизоды снимались в лаборатории. Однако вы же не станете отрицать, что отличить их от остальных невозможно. Как мы этого достигаем, я вам не скажу, потому что мы не запатентовали наше изобретение и не будем его патентовать, пока возможно.

Это они понять могли. Подобную штуку выгодней всего хранить в секрете.

на стр. 18 ▶

[1] Гавгамелы — битва, в которой Александр Македонский нанес решительное поражение персидскому царю Дарию (331 г. до н. э.).

Анцио — место высадки союзников в Италии в 1944 году. Там находится американское военное кладбище. Аргонны (сентябрь — ноябрь 1918 г.) — крупнейшее из сражений первой мировой войны, в которых принимали участие американские войска.

ПОПЫТКА

▼ со стр. 11

— Мы надеемся, что в будущем сможем предложить вам сходную работу.

Это их явно заинтересовало.

— Мы не можем назвать точный срок или говорить о конкретных условиях. Но у нас в колоде еще остается пара-другая козырей. С вами мы отлично ладили, и это нас вполне устраивает. А теперь, с вашего разрешения, мы вас покинем.

Джонсон оказался прав. Мы — вернее он — заключили весьма выгодный контракт с «Юнайтед эмюзментс». Джонсон, настоящий бандит, получил с нас причитавшиеся ему проценты и, по всей вероятности, содрал солидный куш и с «Юнайтед».

Фильм вышел на экраны одновременно в Нью-Йорке и Голливуде. Мы торжественно отправились на премьеру вместе с Руфью, надуваясь гордостью, точно трио лягушек. А как приятно рано поутру сидеть на ковре и упиваться хвалебными рецензиями! Но еще приятнее разбогатеть за один вечер. Джонсон и его ребята тоже не остались в накладе. По-моему, до нашего знакомства он сидел на мели и теперь не меньше нас смаковал свой финансовый успех.

Каким-то образом по Голливуду прошел слух, что мы разработали новый метод трюковых съемок, и все крупнейшие кинокомпании загорелись желанием приобрести на него исключительное право, что обещало значительную экономию. Мы получили несколько весьма выгодных предложений — так, во всяком случае, казалось Джонсону, но мы заявили, что на следующий день отбываем в Детройт, а ему поручаем оборонять крепость на время нашего отсутствия.

В Детройте мы немедленно засели за работу, уверенные, что стоим на верном пути. Руфь трудилась в поте лица, отвечая отказом бесчисленным посетителям, которые во что бы то ни стало хотели нас увидеть. У нас не было на них времени. Мы работали с панорамной фотокамерой. Каждый день мы отправляли в Рочестер проявлять все новые и новые пластинки. Нам присылали по отпечатку с каждой, а негатив оставался в Рочестере до наших дальнейших распоряжений. Потом мы пригласили из Нью-Йорка представителя одного из крупнейших издательств и заключили с ним контракт.

Если тебе интересно, то в твоей городской библиотеке наверняка найдется комплект наших фотоальбомов — сотни толстых томов безупречных фотографий, отпечатанных с негатива 20×25 сантиметров. Комплекты этих альбомов поступили во все крупнейшие библиотеки и университеты мира. Мы с Майком наслаждались, решая загадки, над которыми ученые ломали головы столетиями. В римском альбоме, например, мы раскрыли тайну триремы, включив в него серию снимков внутреннего устройства не только триремы, но и военной квинквиремы[1]. (Естественно, ни профессоров, ни яхтсменов-любителей наши снимки ни в чем не убедили.) Мы включили в этот альбом серию снимков Рима с птичьего полета, сделанных на протяжении тысячелетия. И такие же виды Равенны и Лондиниума, Пальмиры и Помпеи, Эборакума и Византии. Сколько удовольствия мы получили! Мы выпустили альбомы Греции, Рима, Персии, Крита, Египта и Фаросского маяка, портреты Ганнибала, Карактака и Верцингеторикса, снимки стен Вавилона, и строящихся пирамид, и дворца Саргона, а также факсимиле утраченных книг Тита Ливия и трагедий Еврипида. И еще много всего в том же роде.

Хотя эти альбомы стоили безумных денег, второй тираж разошелся весь. История с нашей легкой руки тотчас вошла в моду.

Когда шум несколько поулегся, какой-то археолог, раскапывая еще не исследованный квартал погребенной под пеплом Помпеи, наткнулся на маленький храм, причем на том самом месте, на котором его можно было увидеть на нашей фотографии «Вид Помпеи с птичьего полета». Ему увеличили дотацию, и он расчистил еще несколько зданий, которые имелись на нашем снимке, но были скрыты от мира почти две тысячи лет. Немедленно нам приписали удивительную удачливость, а глава одной из калифорнийских оккультных сект публично объявил, что мы, вне всякого сомнения, — новое воплощение двух гладиаторов по имени Джо.

[1] Триремы и квинквиремы — древнеримские гребные суда соответственно с тремя и пятью рядами весел.

В поисках покоя и тишины мы с Майком перебрались в свою студию со всеми нашими пожитками. Бронированные хранилища бывшего банка гарантировали полную безопасность нашего оборудования, а кроме того, мы наняли дюжих частных сыщиков для приема наиболее назойливых посетителей. Нам предстояла новая работа — полнометражный художественный фильм.

Мы опять выбрали историческую тему. На этот раз мы попытались сделать то же, что сделал Гиббон в своем «Упадке и разрушении Римской империи». И, мне кажется, в целом нам это удалось. Конечно, за четыре часа нельзя полностью охватить два тысячелетия, но можно — как это сделали мы — показать постепенное разложение великой цивилизации и подчеркнуть, насколько мучителен такой процесс. Критики ругали нас за то, что мы почти полностью игнорировали роль Христа и христианства, но, право же, зря. В первоначальный вариант мы для пробы включили несколько эпизодов, показывавших Христа и его время. Как тебе известно, в просмотровый совет входят и католики и протестанты. И вот все они — то есть совет в полном составе — буквально полезли на стену. Они утверждали (а мы не спорили), что наша «обработка» священного сюжета кощунственна, непристойна, пристрастна и противна «истинно христианским нормам». Да ведь, — вопили они, — тот, кого вы показываете, не имеет с Иисусом ни малейшего сходства!» И мы тут же решили, что с религиозными верованиями лучше не связываться. Вот почему, как ты можешь убедиться, во всех своих работах мы тщательно избегали любых фактов, которые вступали бы в резкое противоречие с историческими, социальными или религиозными представлениями тех, «кому это лучше известно». Кстати, наш римский фильм — и отнюдь не случайно — так мало отступал от школьных учебников, что лишь горстка специалистов-энтузиастов смогла указать нам на отдельные ошибки. У нас по-прежнему не было возможности приступить к систематической переработке истории, потому что мы не могли открыть источник своей осведомленности.

Перевела с английского
И. ГУРОВА

(Окончание следует)

Т. Л. ШЕРРЕД

Фантастический памфлет

Рим» вышел на экраны точно по плану, и рецензии опять были доброжелательными. Хотя «доброжелательные», пожалуй, не то слово для определения отзывов, благодаря которым очереди за билетами растягивались на несколько кварталов. Мэрс организовал отличную рекламу. Даже те газеты, которые позже преисполнились самой дикой злобы, тогда клюнули на словечко Мэрса «колдовство» и всячески рекомендовали своим читателям посмотреть «Рим». В нашей третьей картине «Пламя над Францией» мы исправили некоторые неверные представления о Великой французской революции и наступили на несколько любимых мозолей. К счастью (а не только по нашим расчетам), во Франции в тот момент у власти было либеральное правительство, которое оказало нам всемерную поддержку. По нашей просьбе оно опубликовало ряд документов, до той поры тихо дремавших в хранилищах Национальной библиотеки в удобном забвении. Я забыл имя очередного извечного претендента на французский трон. Однако я убежден, что он подал на нас с Майком в суд, протестуя против диффамации славной династии Бурбонов, только по наущению одного из вездесущих агентов Мэрса. Адвокат, которого для нас раздобыл Джонсон, довел дело до процесса и сделал из бедняги фарш — претендент не получил ни гроша возмещения. Сэмуэлс, адвокат, и Мэрс огребли премиальные, а претендент отбыл в Гондурас.

Примерно тогда же начал изменяться тон прессы. До той поры нас рассматривали как нечто среднее между Шекспиром и владельцем ярмарочного балагана. Но теперь, когда на свет начали извлекаться давно забытые неприятные факты, несколько заядлых пессимистов принялись намекать, что мы весьма вредоносная парочка. «Кое в чем не стоило бы копаться».

Все время, вплоть до «Пламени над Францией», мы с Майком, хотя и работали вместе, ставили перед собой разные конечные цели. Майк помешался на мысли сделать мир лучше, уничтожив самую возможность войны. Он постоянно повторял: «Войны свели почти всю историю человечества к одним только усилиям выжить. А теперь, получив в свои руки атом, оно располагает средством вовсе себя уничтожить. И если в моих силах сделать что-то, что поможет предотвратить катастрофу, я это сделаю, Эд, клянусь богом! Иначе и жить незачем. И это не пустые слова».

Да, это были не пустые слова. Он рассказал мне о своей заветной цели в первый же день нашего знакомства. Тогда я решил, что он просто расфантазировался с голодухи. Мне его аппарат казался всего лишь средством достижения личных благ. И я думал, что и он вскоре станет на мою точку зрения. Но я ошибся.

Когда живешь и работаешь бок о бок с хорошим человеком, невольно начинаешь восхищаться качествами, которые и делают

Окончание. Начало в № 1 за 1971 год.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

его хорошим. И невольно тебя начинают тревожить беды человечества. Во всяком случае, так произошло со мной. Когда я понял, каким чудесным мог бы стать без предательства и войн наш мир, победила точка зрения Майка. Произошло это, кажется, пока мы работали над «Пламенем», но точное время роли не играет. Важно то, что с этого момента между нами уже не было никаких разногласий и спорили мы только о том, когда именно устроить перерыв на обед. Большую часть свободного времени, которого у нас было немного, мы проводили за бутылкой пива у аппарата, бродя наугад по разным эпохам.

Мы побывали вместе повсюду и посмотрели все. То мы знакомились с фальшивомонетчиком Франсуа Вийоном, то отправлялись бродить по ночам с Гаруном аль-Рашидом (этот беззаботный калиф, бесспорно, родился на несколько сот лет раньше, чем ему следовало бы). А если настроение у нас было скверным, мы могли, например, следить за событиями Тридцатилетней войны. Майк снова и снова, завороженный ужасом, наблюдал гибель Атлантиды — наверное, потому, что он опасался, как бы что-нибудь подобное не повторилось еще раз. А стоило мне задремать, и он возвращался к началу начал — к возникновению нашего мира.

Следующие две картины мы выпустили одну за другой — «Свободу американцам» — про войну за независимость и «Братья и пушки» — про войну Севера с Югом. И сразу каждый третий политикан, множество так называемых «просветителей» и все патриоты-профессионалы возжаждали нашей крови. Все местные отделения «Дочерей американской революции», «Сыновей ветеранов Севера» и «Дочерей Конфедерации»[1] единодушно заскрежетали зубами. Юг совсем взбесился. Все штаты крайнего Юга и один пограничный безоговорочно запретили демонстрацию обоих фильмов — второго потому, что он был правдив, а первого просто за компанию. Они оставались под запретом, пока в дело не вмешались профессиональные политиканы. Тогда запрет был снят, и оба фильма без конца цитировались в речах соответствующих ораторов как ужасные примеры того, во что верят и какие взгляды исповедуют некоторые личности. Это был прекрасный предлог ударить в барабаны расовой ненависти.

Новая Англия попыталась было сохранить достоинство, но надолго ее не хватило. В штате Нью-Йорк депутаты сельских округов дружно проголосовали за запрещение фильмов во всем штате. И в Делавэр, где законодательному собранию некогда было заниматься изданием нового закона, пришлось пустить дополнительные поезда. Вызовы в суд по обвинению в клевете посыпались на нас градом, но, хотя каждый новый иск вручался нам под гром фанфар, почти никто не знает, что мы не проиграли ни одного дела. Правда, нам раз за разом приходилось апеллировать к высшим инстанциям, однако, когда дело попадало к судье, не заинтересованному в нашем осуждении, документы, сохранившиеся в архивах, неизменно подтверждали истинность того, что мы демонстрировали на экране.

Мы таки высыпали на воспаленную гордость, привыкшую чваниться славными деяниями предков, изрядную горсть соли! Мы показали, что далеко не все власть имущие могли похвастаться незапятнанной белизной своих одежд и что в войне за независимость далеко не все англичане были хвастливыми наглецами, но что они не были и ангелами. В результате Англия наложила запрет на ввоз этих двух фильмов и представила государственному департаменту возмущенный протест. Зрелище того, как конгрессмены южных штатов в полном единодушии с конгрессменами Новой Англии одобряют призывы посла иностранной державы к подавлению свободы слова, было очень потешным. В Детройте куклукс-клан зажег у нашего подъезда довольно дохленький крест, а такие организации, как «Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения», выносили весьма лестные для нас резолюции. Наиболее злобные и непристойные письма мы передавали нашему адвокату, но к югу от Иллинойса ни один из их авторов осужден не был.

Постепенно и незаметно складывалось и крепло убеждение, что подобные вещи действительно происходили и могут произойти снова, а возможно, и происходят в эту самую минуту, потому что извращение истины слишком долго воздействовало на психологию нации. Мы были рады, что все большее число людей приходит к выводу, к которому пришли мы сами: прошлое надо не забывать, а понять и оценить беспристрастно. Именно этого мы и добивались.

Запрещение фильмов в некоторых штатах почти не повлияло на чистую прибыль, которую они принесли, а потому в глазах Джонсона мы были полностью оправданы. Ведь он уныло предсказывал полный их провал, так как «в кино нельзя говорить правду. Это вам с рук не сойдет, если зал вмещает больше трехсот человек».

Пока все складывалось так, как мы хотели. Наша известность достигла зенита — никогда еще никого не хвалили и не ругали с таким жаром на страницах газет. Мы были сенсацией дня. С самого начала мы старались обзаводиться врагами в правых кругах, которые способны дать сдачи. Помнишь старое присловье, что человек познается по своим врагам? Ну, короче говоря, шумная известность была водой на нашу мельницу. И мы засучили рукава.

Я позвонил Джонсону в Голливуд. Он обрадовался.

— Что-то мы давно не виделись! Ну что, Эд?

— Мне нужны люди, которые умеют читать по губам. И не позже вчерашнего дня, как ты выражаешься.

— Читать по губам? Это еще зачем?

— Я спрашиваю: можешь ты их найти?

— По-моему, ты переутомился, — ответил он с сомнением.

— Лучше запиши. Готов? Мне нужны чтецы по губам для следующих языков: английского, французского, немецкого, японского, греческого, фламандского, голландского и испанского.

— Эд Лефко! Ты совсем сошел с ума или еще нет?

Пожалуй, моя просьба и в самом деле могла показаться странной.

— Может быть, и сошел. Но эти мне нужны в первую очередь. Если отыщутся специалисты по другим языкам, хватай и их. Они тоже могут понадобиться.

Он разозлился.

— Где, по-твоему, я их возь-

[1] Реакционные общественные организации в США, в задачу которых, в частности, входит «поддержание истинного патриотизма».

му? Вытащу из собственной шляпы или как?

— Это твое дело. Советую начать с местной школы для глухонемых.

Он ничего не ответил.

— И пойми одно: я говорю совершенно серьезно. Мне все равно, как ты их разыщешь и во что это обойдется, но мне нужно, чтобы чтецы по губам ждали нас в Голливуде, когда мы туда приедем, или, во всяком случае, были бы уже в дороге.

— А когда вы приедете?

— Дня через два. Нам еще нужно закончить тут кое-какие дела.

Джонсон принялся проклинать все на свете, и я повесил трубку.

Майк ждал меня в студии.

— Ты говорил с Джонсоном?

Я пересказал ему наш разговор, и он засмеялся.

— Наверное, это действительно производит впечатление бреда. Но если такие специалисты существуют и не прочь заработать, он их разыщет.

Я бросил шляпу в угол.

— Слава богу, с этим покончено. А как дела у тебя?

— Все готово. Кинопленки и заметки отправлены, фирма по продаже недвижимости присылает сюда своего агента завтра.

Я откупорил бутылку пива.

— А как наш архив? И винный погреб?

— Архив отправлен в банк на хранение. Винный погреб? О нем я не подумал.

— Распорядись упаковать бутылки и отошли их Джонсону.

Мы оба расхохотались.

— Идет! Ему нужно будет успокаивать нервы.

— А это? — я кивнул в сторону аппарата.

— Повезем с собой в самолете. — Он внимательно посмотрел на меня. — Что с тобой? Нервничаешь?

— Немножко.

Мы погрузили аппарат в машину, оставили ключи от студии в бакалейной на углу и поехали в аэропорт.

В кабинете Джонсона нас ждал ледяной прием.

— Ну, если это была шуточка!.. Где, по-вашему, можно найти людей, которые читают по губам японский? Или даже греческий, если уж на то пошло?

Мы все сели.

— Ну, что у тебя есть?

— Кроме головной боли? Вот, — он протянул мне короткий список.

— И когда ты их доставишь сюда?

— Когда я доставлю их сюда! — взорвался Джонсон. — Что я — ваш мальчик на побегушках, что ли?

— По сути, конечно. Перестань валять дурака. Ну так как же?

Мэрс взглянул на лицо Джонсона и хихикнул.

— Ты-то что ухмыляешься, кретин?

Мэрс не выдержал и захохотал. Я тоже.

— Валяйте смейтесь! Ничего смешного тут нет. Когда я позвонил в школу глухонемых, они просто повесили трубку. Решили, что я их разыгрываю. Ну ладно, об этом не будем. У меня в этом списке три женщины и один мужчина. Это дает вам английский, французский, немецкий и испанский. Двое живут в восточных штатах, и я жду ответа на телеграммы, которые им послал. Третий живет в Помоне, а четвертая работает в Аризонской школе для глухонемых. Больше мне ничего найти не удалось.

Мы обдумали положение.

— Садись за телефон. Обзвони все штаты, а если нужно — свяжись с Европой.

Джонсон пнул ножку письменного стола.

— Ну, предположим, мне повезет. Но зачем все-таки они вам нужны?

— Тогда и узнаешь. Ставь условием, чтобы они вылетали сюда немедленно. Кроме того, нужен просмотровый зал — не твой. И хороший судебный стенографист.

Он воззвал ко всем добрым людям — что у него за жизнь!

— Мы будем в отеле, — сказал я и повернулся к Мэрсу.

— Пока держите репортеров на расстоянии, но позднее у нас будет для них кое-что.

С этим мы ушли.

Джонсону так и не удалось отыскать никого, кто мог бы читать с губ греческий. Во всяком случае, такого специалиста, который говорил бы при этом еще и по-английски. Однако он снесся со специалисткой по фламандскому и голландскому языкам в Лейдене и в последнюю минуту нашел в Сиэтле японца, который работал там в консульстве. Всего, таким образом, мы могли рассчитывать на четырех женщин и двух мужчин. Они подписали с нами непробиваемый контракт, составленный Сэмуэлсом, который теперь вел все наши дела. Перед тем как они подписали контракт, я произнес небольшую речь:

— Весь следующий год ваша жизнь будет определяться этим контрактом, причем он содержит пункт, позволяющий нам продлить срок его действия еще на год, если мы сочтем это нужным. Давайте сразу же поставим все точки над «i». Вы будете жить в загородном доме, который мы для вас снимем. Фирмы, которым будем платить мы, обеспечат вас всем необходимым. Любая попытка сообщения с внешним миром без нашего ведома приведет к автоматическому аннулированию контракта. Вам это ясно? Отлично. Работа будет нетрудной, но она чрезвычайно важна. Вероятнее всего, вы кончите ее месяца через три, но вы будете в любой момент обязаны отправиться туда, куда мы сочтем нужным, — естественно, за наш счет. Ваши рекомендации и ваша прошлая работа были тщательно проверены, и вы будете находиться под постоянным наблюдением. Вам придется выверять, а возможно, и официально подтверждать каждую страницу, если не каждую строку, стенографических записей, которые будет вести мистер Соресон, здесь присутствующий. Кстати, мистер Соресон, все вышесказанное относится и к вам. У кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Им предстояло получить сказочное вознаграждение, и все они сочли нужным показать, что они это ценят. Контракт был подписан.

Джонсон купил для нас небольшой пансион, и мы платили бешеные деньги детективному агентству, обеспечивавшему нас поварами, уборщицами и шоферами. Мы поставили условием, чтобы наши чтецы по губам не обсуждали свою работу между собой и воздерживались от каких-либо упоминаний о ней в присутствии прислуги, и они точно следовали нашим инструкциям.

Примерно месяц спустя мы созвали совещание в просмотровом зале Джонсона. У нас была готова одна-единственная катушка фильма.

— Ну, в чем дело?

— Сейчас вы узнаете причину всей нашей мелодраматической таинственности. Киномеханика не зовите. Эту ленту прокручу я. Посмотрите, как она вам покажется.

— До чего мне надоели эти детские штучки! — сказал Кеслер, выражая всеобщее раздражение.

Открывая дверь проекционной, я услышал, как Майк ответил:

— Не больше, чем мне!

Из проекционной мне был виден только экран. Я прокрутил фильм, перемотал ленту и вернулся в зал.

— Прежде чем мы продолжим разговор, — сказал я, — прочтите вот эту нотариально заверенную запись того, что говорили персонажи, которых вы сейчас видели. Их слова читались по движению губ.

Раздавая экземпляры стенограммы, я добавил:

— Кстати, они, строго говоря, не персонажи, а вполне реальные люди. Я показал вам документальный фильм. Из стенограммы вы узнаете, о чем они говорили. Читайте. Мы с Майком привезли для вас еще кое-что. Пока мы принесем это из машины, вы успеете прочесть все.

Майк помог мне внести аппарат в зал. Когда мы открыли дверь, Кеслер как раз швырнул стенограмму в экран. Листки рассыпались по полу, а он крикнул в ярости:

— Что здесь, собственно, происходит?

Не обращая внимания ни на него, ни на остальных, мы установили аппарат возле ближайшего штепселя.

Майк вопросительно поглядел на меня.

— Ты что-нибудь предложишь?

Я покачал головой и попросил Джонсона заткнуться на несколько минут. Майк открыл крышку и после секундного колебания начал настройку. Толчком в грудь я усадил Джонсона в его кресло и погасил свет. Джонсон, глядя через мое плечо, ахнул. Я услышал, как Бернстайн негромко выругался от изумления. Я обернулся посмотреть, что показывает им Майк.

Это действительно производило впечатление. Майк начал над самой крышей лаборатории и продолжал стремительно подниматься в воздух все выше, пока Лос-Анджелес не превратился в крохотное пятнышко где-то внизу, в неизмеримой дали. На горизонте встала зубчатая линия Скалистых гор. Джонсон вцепился мне в локоть.

— Что это? Что это?! Хватит! — выкрикнул он.

Майк выключил аппарат.

Ну, ты можешь легко догадаться, что произошло дальше. Сначала они не верили ни своим глазам, ни терпеливым объяснениям Майка. Ему пришлось дважды снова включить аппарат и забраться довольно далеко в прошлое Кеслера. Тут они поверили.

Мэрс курил без передышки, Бернстайн нервно крутил в пальцах золотой карандашик, Джонсон метался по залу, как тигр по клетке, а Кеслер сидел, молча уставившись на аппарат. Джонсон, не переставая, что-то бормотал себе под нос. Потом он остановился и потряс кулаком перед носом Майка.

— Черт побери! Ты отдаешь себе отчет, что такое эта штука? Зачем вам понадобилось тратить время на эти фильмы? Вы же можете взять за горло весь мир! Если бы я знал...

— Эд, да объясни же ему! — воззвал ко мне Майк.

Я объяснил. Не помню, что именно я говорил. Да это и неважно. Во всяком случае, я сказал ему, как мы начали, какие планы наметили и что собираемся делать теперь. В заключение я сообщил, как мы собираемся использовать ленту, которую они только что видели.

Джонсон отскочил, как ужаленный змеей.

— Это вам с рук не сойдет! Вас повесят... если только прежде не линчуют!

— Конечно, но мы готовы рискнуть.

Джонсон вцепился в свои редеющие волосы. Мэрс вскочил и подошел к нам.

— Это действительно так? Вы действительно намерены снять такой фильм и показать его всему миру?

— Вот именно, — кивнул я.

— И лишиться всего, чего вы добились?

Мэрс повернулся к остальным:

— Нет, он не шутит.

— Ничего не выйдет, — сказал Бернстайн.

Начался бестолковый спор. Я пытался доказать им, что мы избрали единственно возможный путь.

— В каком мире вы предполагаете жить? Или вам просто надоело жить?

— А сколько, по-вашему, нам останется жить, если мы сделаем такой фильм? — пробурчал Джонсон. — Вы ненормальные. А я нет. И не стану совать голову в петлю.

— Может быть, вы правы, а может быть, нет, — сказал Мэрс. — Может быть, вы свихнулись, а может быть, свихнулся я. Но я всегда говорил, что в один прекрасный день поставлю на карту все. А ты, Берни?

Бернстайн сказал скептически:

— Вы все видели, что принесла последняя война. Может быть, это и поможет. Я не знаю. Но попробовать надо. Считайте, что я с вами.

— Кеслер?

Он повертел головой:

— Детские штучки! Кто собирается жить вечно? Кто согласится упустить такой шанс?

Джонсон поднял руки.

— Будем надеяться, что нас запрут в одну палату. Уж сходить с ума, так сходить всем.

Вот так.

Мы взялись за работу, охваченные порывом надежды. Через четыре месяца чтецы по губам кончили свою часть. Тут незачем рассказывать, как они относились к тому динамиту, который ежедневно Соренсон заносил на бумагу под их диктовку. Ради их же душевного спокойствия мы не сообщили им, что намерены сделать с записями, а когда они кончили, мы отослали их в Мексику, где Джонсон снял небольшое ранчо. Чтецы должны были нам еще понадобиться.

Пока копировщики трудились сверхурочно, Мэрс вообще не знал отдыха. Газеты и радио кричали о том, что премьера нашего нового фильма состоится одновременно во всех крупнейших городах мира. И это будет последняя картина, которую нам потребуется сделать. Слово «потребуется» приводило в недоумение и интриговало. Мы разжигали любопытство, отказываясь сообщить хоть что-нибудь о содержании. Премьера состоялась в воскресенье. А в понедельник разразилась буря.

Хотел бы я знать, сколько копий этого фильма сохранилось. Сколько копий избежало конфискации и сожжения. Это был фильм о двух мировых войнах, показанных с нелестной откровенностью, с упором на факты, которые до сих пор можно было лишь с трудом отыскать в нескольких книгах, запрятанных в темных уголках библиотек. Мы показали и назвали поименно поджигателей войны — тех, кто цинично лгал своим народам, тех, кто, лицемерно взывая к патриотизму, обрекал на смерть миллионы. Мы показали тайных предателей нашей страны и таких же предателей в стане наших про-

тивников — двуликих Янусов, до той поры не разоблаченных. Наши чтецы по губам поработали хорошо: это были уже не догадки, не предположения, основанные на разрозненных и искаженных сведениях, сохранившихся в архивах, а дела и слова, которые нельзя было ни замаскировать, ни отрицать.

В Европе фильм был снят с экранов в первый или во второй день. (Между прочим, Мэрс потратил сотни тысяч долларов на взятки, чтобы добиться выпуска фильма на экран без предварительной цензуры.)

Но там, где фильм запрещался или уничтожался, тут же появлялись письменные его изложения и начинался тайный показ контрабандно добытых копий.

У нас в Штатах федеральное правительство, вынужденное действовать под яростным нажимом прессы и радио, запретило какие бы то ни было демонстрации нашего фильма, чтобы «содействовать благополучию страны и обеспечить внутреннее спокойствие».

Мы в это время находились в Мексике, на ранчо, которое Джонсон снял для наших чтецов по губам. Джонсон нервно расхаживал по комнате — мы все слушали речь генерального прокурора Соединенных Штатов:

— «...и, наконец, сегодня мексиканскому правительству была направлена нота следующего содержания. Я зачитываю: «Правительство Соединенных Штатов просит о немедленном аресте и экстрадикции нижеперечисленных лиц:

Эдуарда Джозефа Левковича, известного как Лефко.

Мигеля Хосе Сапаты Лавьяды (Майк заложил ногу за ногу).

Эдварда Ли Джонсона (Джонсон швырнул сигару на пол и рухнул в кресло).

Роберто Честера Мэрса (Мэрс закурил сигарету. Его лицо подергивалось).

Бенджамина Лайонела Бернстайна (Он улыбнулся кривой улыбкой и закрыл глаза).

Карла Вильгельма Кеслера (свирепое ругательство).

Вышеуказанные лица подлежат суду по обвинениям, включающим преступный сговор, подстрекательство к мятежу, подозрение в государственной измене...»

Я выключил приемник и сказал, не обращаясь ни к кому в частности:

— Мексиканская полиция, вероятно, уже мчится сюда. Проще вернуться самим и поглядеть, чем все это кончится.

Мы вернулись. Агенты ФБР встретили нас на границе.

Я думаю, за нашим процессом следили газеты, радио и телевидение всего мира. К нам не допускали никого, кроме нашего адвоката. Сэмуэлс прилетел из Калифорнии, но ему удалось добиться свидания с нами только через неделю.

Наш процесс начался с обычных ушатов помоев, которые принято выливать на обвиняемых, чтобы представить их отпетыми негодяями. (Почтенные дельцы, которых мы когда-то шантажировали, давно уже получили назад все свои деньги, и теперь у них хватило здравого смысла промолчать, так что единственная по-настоящему неблаговидная история в нашем прошлом осталась суду неизвестной. Возможно, они опасались, что у нас сохранились кое-какие негативы.) Мы сидели в зале Дворца правосудия и с большим интересом слушали печальную повесть, которую излагал прокурор.

Мы преднамеренно и злокозненно оклеветали великих людей, которые бескорыстно и самоотверженно посвятили себя служению общественному благу; мы бессмысленно поставили под угрозу традиционно дружеские отношения с другими странами, извращенно излагая вымышленные события; мы издевались над мужеством и подвигом тех, кто славно пал на поле брани, и вообще смущали умы и сеяли смятение.

Каждое новое обвинение вызывало одобрительную реакцию солиднейшей публики, заполнившей зал, — высокопоставленные чиновники, влиятельные промышленники и финансисты, представители иностранных держав. На процесс смогли попасть даже далеко не все конгрессмены, и места были предоставлены только депутатам самых больших штатов. Как видишь, нашему защитнику пришлось выступать перед аудиторией, настроенной более чем враждебно. Однако Сэмуэлс наделен тем невозмутимым чувством юмора, которое обычно сопутствует глубочайшей уверенности в себе, и я не сомневаюсь, что ему нравилось стоять перед вершителями судеб нашей страны, зная, какой сюрприз их ждет. И он подвел под них мину с большим искусством. Начал он так:

— Мы считаем, что на подобные обвинения может быть только один ответ, и мы считаем, что одного ответа будет достаточно. Вы видели фильм, о котором идет речь. Возможно, вы заметили то, что было названо «поразительным сходством актеров с изображаемыми государственными деятелями», которые в фильме были названы своими действительными именами. Возможно, вы обратили внимание на жизненность всех деталей. Я еще вернусь к этому позже. Наш первый свидетель, я полагаю, сделает ясным, как именно мы намерены опровергать обвинения, выдвинутые прокурором.

Он вызвал первого свидетеля. Вернее, свидетельницу.

— Ваши имя и фамилия?

— Мерседес Мария Гомес.

— Ваше занятие?

— До прошлого года я была учительницей в Аризонской школе для глухонемых. Я учила глухорожденных детей говорить и читать по губам.

— А сами вы читаете по губам, мисс Гомес?

— Я с пятнадцати лет страдаю полной глухотой.

— Говорящих на каких языках вы способны понимать, мисс Гомес?

— На английском и испанском.

По просьбе Сэмуэлса был проведен судебный эксперимент: мексиканский офицер, личность которого была подтверждена послом его страны, находившимся среди публики, взял библию на испанском языке, ушел в глубину зала, открыл ее наугад и начал читать вслух. Хотя воцарилась мертвая тишина, до скамьи свидетелей, как могли убедиться прокурор и судьи, не доносилось ни звука. Сэмуэлс сказал:

— Мисс Гомес, возьмите, пожалуйста, бинокль и, если можно, повторите суду, что здесь читает этот офицер.

Она взяла бинокль и умело навела его на лицо офицера, который умолк и ждал сигнала, чтобы продолжать.

— Я готова, — сказала она.

Офицер возобновил чтение, и мисс Гомес громко, четко и уверенно начала говорить что-то непонятное — я испанского не знаю. Это продолжалось минуты две.

Затем офицер подошел к судейскому столу, и стенографистка прочитала запись слов мисс Гомес.

— Да, я читал именно это, — подтвердил офицер.

Сэмуэлс предложил обвинению допросить свидетельницу, но экс-

перименты, поставленные прокурором, только подтвердили, что она одинаково хорошо читает по губам и английскую и испанскую речь.

После мисс Гомес Сэмуэлс вызвал свидетелями и остальных наших чтецов по губам. После допроса председатель суда сказал, что в их квалификации он убедился, но не видит, какое отношение все это имеет к разбираемому делу. Сэмуэлс, сияя уверенной улыбкой, повернулся к нему:

— Благодаря снисходительности суда и вопреки усилиям уважаемого представителя обвинения мы доказали поразительную точность, с какой можно читать по губам и с какой, в частности, читают представленные суду свидетели. Свою защиту мы будем строить, исходя из этой предпосылки и еще из одной, которую до этого момента мы не считали нужным делать достоянием гласности, а именно — в фильме были сняты не актеры, а непосредственно те люди, которые названы в нем их полными именами и фамилиями. В этом фильме нет ни единого игрового кадра, он носит чисто документальный характер и представляет собой ряд эпизодов, действительно имевших место и снимавшихся на пленку непосредственно, а затем смонтированных наиболее выигрышным способом!

Зал изумленно зашумел, а прокурор растерянно выкрикнул:

— Это нелепость! Какая могла быть документальная съемка...

Не обращая внимания на шум и протесты, Сэмуэлс вызвал меня. После обычных предварительных вопросов мне было позволено дать объяснения так, как я хотел. Судьи, хотя и были настроены враждебно, вскоре так заинтересовались, что отклоняли все бесчисленные возражения, с которыми то и дело выступал прокурор. Насколько помню, я коротко изложил нашу историю и закончил примерно так:

— Выбрали же мы такой путь потому, что ни я, ни мистер Лавьяда не могли уничтожить его изобретение, так как оно все равно было бы неизбежно повторено. Мы не хотели и не хотим, чтобы этот аппарат секретно использовался нами самими или каким-нибудь узким кругом лиц в своекорыстных целях. — Тут я посмотрел на судью Бронсона, известного своими либеральными убеждениями. — Со времени последней войны все исследования в области атомной энергии ведутся под эгидой номинально гражданского органа, но в действительности — «под защитой и руководством» армии и флота. Эта «защита и руководство», как, несомненно, подтвердит любой компетентный физик, сводятся к дымовой завесе, за которой прячутся тупой консерватизм, глубочайшее невежество и бестолковость. Любая страна, если она, подобно нашей, по глупости положится на окостенелые формы милитаристского мышления, неизбежно должна отстать в развитии науки. Мы твердо убеждены, что даже малейший намек на потенциальные возможности открытия мистера Лавьяды при существующем в нашей стране режиме тут же привел бы к немедленной конфискации патента, который он попробовал бы взять на него. Вот почему мистер Лавьяда не захотел взять патент и не возьмет его. Он, как и я, считает, что такое открытие не может принадлежать одному человеку, группе людей или даже целой стране — оно должно принадлежать всему миру, всему человечеству. Мы знаем и готовы доказать, что внутренней и внешней политикой нашей страны руководят из-за кулис тайные группировки, которые ради личных целей извращают политические теории и пренебрегают человеческими жизнями.

В зале стояло тяжелое, полное ненависти молчание.

— Слишком долго секретные договоры и ядовитая лживая пропаганда определяли мысли и чувства простых людей; слишком долго украшенные орденами воры грели руки на самых высоких должностях. Аппарат мистера Лавьяды сделает предательство и ложь невозможными. И все наши фильмы были сняты ради достижения этой цели. Вначале нам нужны были деньги и известность, чтобы показать людям всего мира то, что, как мы знали, было истиной. Мы сделали все, что было в наших силах. А теперь бремя ответственности ложится уже не на нас, а на этот суд. Мы невиновны в измене, мы невиновны в клевете и обмане, мы невиновны ни в чем, кроме глубокого и искреннего желания служить человечеству. Мистер Лавьяда просил меня сообщить от его имени суду и всему миру, что его единственным желанием было передать свое открытие в руки всего человечества, но до сих пор он не мог этого осуществить.

Судьи молча смотрели на меня. Зрители замерли на своих стульях, от души желая, чтобы меня без дальнейшего разбирательства пристрелили на месте. Под блестящими мундирами прятался страх и кипела ненависть, а репортеры строчили в блокнотах наперегонки со временем. У меня от напряжения пересохло в горле. Эти две речи, которые Сэмуэлс и я отрепетировали накануне, были искрой в пороховом складе. Что последует теперь?

Сэмуэлс умело воспользовался паузой.

— С разрешения суда я хотел бы указать, что мистер Лефко выступил сейчас с некоторыми заявлениями. Да, поразительными заявлениями, но тем не менее они легко поддаются проверке, которая либо полностью подтвердит их, либо опровергнет. И она их подтвердит!

Он вышел и через несколько минут вкатил в зал аппарат. Майк встал. Публика была явно разочарована. Сэмуэлс остановился прямо против судей и чуть-чуть отодвинулся, заметив, что телеоператоры наводят на него свои камеры.

— Мистер Лавьяда и мистер Лефко покажут вам... Полагаю, обвинение не будет возражать?

Он явно провоцировал прокурора, и тот было встал, нерешительно раскрыл рот, но передумал и снова сел.

— С разрешения суда, — продолжал Сэмуэлс, — нам необходимо пустое пространство. Если судебный пристав будет так добр... Благодарю вас.

Длинные столы были отодвинуты. Сэмуэлс продолжал стоять на прежнем месте. Взгляды всех присутствующих были устремлены на него, а он простоял так еще несколько секунд, а потом отошел к своему столу и сел, сказав официальным тоном:

— Мистер Лефко!

Теперь все взгляды сосредоточились на Майке, который молча встал возле аппарата. Я откашлялся и сказал:

— Судья Бронсон...

— Я вас слушаю, мистер Лефко.

— Ваша беспристрастность известна всем...

Он недовольно нахмурился.

— Не согласитесь ли вы послужить мишенью для аппарата, чтобы всякие подозрения о возможности обмана были заранее устранены?

Он подумал, а потом медленно наклонил голову. Прокурор по-

пробовал запротестовать, но его протест был отклонен.

— Не скажете ли вы, в каком месте и когда именно вы были? Так, чтобы вы сами помнили все точно и в то же время могли бы с уверенностью утверждать, что там не было ни посторонних свидетелей, ни скрытых камер.

Он задумался. Шли секунды. Минуты. Напряжение достигло предела. Наконец он сказал негромко:

— Тысяча девятьсот восемнадцатый год. Одиннадцатое ноября.

Майк сделал мне знак, и я спросил:

— Какой-нибудь точный час?

Судья Бронсон посмотрел на Майка.

— Ровно одиннадцать часов. Час, когда было объявлено перемирие... — После небольшой паузы он добавил: — Ниагарский водопад.

Я услышал в полной тишине пощелкивание рукояток настройки, и Майк снова сделал мне знак.

— Необходимо погасить свет. Смотреть следует на левую стену. Во всяком случае, в ту сторону. Мне кажется, если бы судья Кассел немного подвинулся... Мы готовы.

Бронсон посмотрел на меня, а потом на левую стену.

— Я готов.

Люстры погасли. Телеоператоры раздраженно заворчали. Я тронул Майка за плечо.

— Ну-ка, покажи им, Майк!

Мы все в душе любим театральные эффекты, и Майк не составляет исключения. Внезапно ниоткуда возникли гигантские неподвижные каскады. Ниагара. Я услышал судорожные вздохи ужаса, когда прямо под нами разверзлась сверкающая бездна. Вниз, вниз, вниз, пока мы не оказались у самого края безмолвного водопада, жуткого в своем застывшем величии. Я знал, что Майк остановил время точно на одиннадцати часах. Он панорамировал на американский берег. Там стояло несколько туристов. Их замершие в самых неожиданных позах фигуры производили почти комическое впечатление. На земле белел снег, в воздухе висели снежные хлопья. Время остановилось.

Бронсон почти крикнул:

— Достаточно!

Молодая пара — она и он. Длинные юбки, широкая армейская шинель, они стояли лицом к лицу обнявшись. В темноте за-

шуршал рукав Майка, и они задвигались. Она плакала, а солдат улыбался. Она отвернулась, но он притянул ее к себе. Тут к ним подбежала другая пара, и все они весело схватились за руки.

— Довольно! — хрипло сказал Бронсон.

В зале вспыхнул свет, и несколько минут спустя заседание суда было отложено. С тех пор прошло больше месяца.

Аппарат Майка у нас забрали, и нас охраняют солдаты. Пожалуй, это даже не так плохо. Насколько нам известно, было сделано уже несколько попыток линчевать нас, и толпу удалось остановить только на соседней улице. На прошлой неделе мы смотрели, как внизу беснуется седовласый фанатик. Его вопли были неудобопонятными, но кое-какие слова нам все-таки удалось разобрать. «Дьявол! Антихристы! Надругательство над библией!»

Наверное, в городе нашлись бы люди, которые с удовольствием поджарили бы нас на костре, как исчадия ада. Хотел бы я знать, что думают предпринять руководители разных церквей теперь, когда истину можно узреть своими глазами. Найдутся ли специалисты, умеющие читать по губам арамейский язык, или коптский, или латынь? И чудо ли — чудо, сотворенное с помощью механических средств?

Дело принимает скверный оборот. Нас куда-то увезли. Куда именно, я не знаю, но только климат здесь жаркий, и, судя по полному отсутствию гражданских лиц, мы находимся в расположении какой-то военной части. Мы понимаем, что нам угрожает. И эти записки, Джо, которые я начал, чтобы убить время, теперь оказались необходимым предисловием к той просьбе, с которой я намерен к тебе обратиться. Прочти до конца, а потом начинай действовать. Сейчас у нас нет возможности переслать тебе рукопись, а потому я пока продолжаю, чтобы скоротать время. Для этой цели приведу тут несколько выдержек из газет.

«Таблоид»: «Подобное оружие нельзя оставлять в бесчестных руках. Последний кинофильм этих двух негодяев показывает, как можно исказить и извратить изолированные и неправильно понятые события. Ни собственность, ни деловые договора, ни личная жизнь не могут быть ограждены... Внешнюю политику нельзя будет...»

«Таймс»: «...колонии на нашей стороне... ликвидация империи... бремя белых...»

«Ничи-Ничи»: «...неопровержимо доказывает божественное происхождение...»

«Детройт джорнэл»: «...под самым нашим носом, в зловещей крепости на Ист-Уоррен... под строгим федеральным наблюдением... усовершенствованное нашими опытными инженерами могучее средство в руках учреждений, наблюдающих за исполнением закона... излишние обвинения в адрес политических и деловых кругов... Завтра — разоблачение...»

«Обсерваторе романо»: «...Совет кардиналов... с минуты на минуту должно последовать заявление...»

Конечно, из газет мы могли почерпнуть только самое поверхностное и одностороннее представление о ситуации. Однако солдаты тоже люди, и комнату убирает уборщица, а обед приносят официанты. И нам кажется, мы все-таки знаем правду о том, что происходит.

На улицах и в частных домах собираются митинги, два общества ветеранов изгнали свое руководство, семь губернаторов подали в отставку, три сенатора и десяток членов палаты представителей удалились от дел в связи с «состоянием здоровья», и настроение в стране самое тревожное. Ходят слухи, что конгресс спешно проводит поправку к конституции, запрещающую использование таких аппаратов частными лицами и какими бы то ни было организациями, кроме тех, которым будет выдано на это разрешение федеральным правительством. Говорят также, что по всей стране готовится марш на Вашингтон с требованием довести до конца наш процесс и установить, насколько верны предъявленные нам обвинения. По всеобщему мнению, все газеты, радио и телевидение взяты под контроль ФБР и армии. Отовсюду в конгресс посылаются петиции и требования, но они редко попадают по адресу.

Как-то горничная сказала:

— Тут, наверное, места не хватит для писем и телеграмм, адресованных вам! Ну и многим бы хотелось добраться до вас, чтобы с вами поговорить. Только ничего у них не выйдет — все здание битком набито военной полицией, — закончила она угрюмо.

Майк посмотрел на меня, и я, откашлявшись, спросил:

— А что вы думаете об этом?

Она умело перевернула и взбила подушку.

— Я видела вашу последнюю картину до того, как ее запретили. Я все ваши картины видела. После работы я смотрела по телевизору ваш процесс. Я слышала, как вы им ответили. Я так и не вышла замуж, потому что мой жених не вернулся из Бирмы. Вы лучше его спросите, что он думает... — Она кивнула в сторону часового, совсем молодого парня, в обязанности которого входило следить, чтобы она с нами не разговаривала. — Вы его спросите, хочет он, чтобы какие-нибудь сволочи заставили его стрелять в другого такого же беднягу, как он сам?.. Послушайте, что он скажет, а потом спросите меня, хочу ли я, чтобы на меня сбросили бомбу только потому, что кому-то тут хочется заграбастать больше, чем у них уже есть.

На следующей неделе газеты вышли с гигантскими заголовками:

«Чудодейственный луч — собственность США»,

«Поправка к конституции ждет утверждения»,

«Лавьяда и Лефко освобождены».

Мы действительно были освобождены. Спасибо Бронсону. Но в газетах, наверное, не сообщили, что нас тут же снова изолировали «в интересах нашей собственной безопасности», как нам объяснили. И я думаю, из этого места мы выйдем только ногами вперед.

Нам не дают газет, не разрешают переписки и содержат в полной изоляции. Нет, нас не выпустят. Они рассчитывают, что нас нечего опасаться, раз мы отрезаны от внешнего мира и не можем построить другой аппарат. А когда шум уляжется и мы будем забыты, нас можно будет надежно упрятать под двумя метрами земли. Ну, другого аппарата мы построить не можем. Но так ли уж мы отрезаны от мира?

Подумай — с появлением нашего аппарата война становится невозможной. Если у каждой страны, у каждого человека будет такой аппарат, все будут равно защищены. Но если он будет принадлежать одной какой-то стране, то остальные не смирятся

с этим. Может быть, мы действовали неправильно. Но бог свидетель, мы сделали все, что могли, чтобы помешать человечеству попасть в ловушку.

Аппарат Майка в руках армии, и сам Майк в руках армии. Времени остается немного. Один из часовых передаст тебе рукопись, и, надеюсь, вовремя.

Много времени назад мы дали тебе ключ и выразили надежду, что никогда не попросим тебя им воспользоваться. Но теперь пришло время пустить его в ход. Это ключ от одного из сейфов детройтского банка. В этом сейфе лежат письма. Отправь их по адресу — только не все сразу и не из одного и того же места. Они адресованы во все страны — людям, которых мы знаем, которых хорошо проверили, умным, честным и способным выполнить план, который мы предлагаем.

Но поторопись — в любую минуту кому-нибудь может прийти в голову, что у нас где-то спрятан второй аппарат. Второго аппарата у нас нет. Было бы глупо его строить. Но если какой-нибудь сообразительный молодой лейтенант получит аппарат в свое распоряжение на срок, достаточный, чтобы проследить наши прошлые действия, он обнаружит этот сейф с планами и письмами, готовыми для отправки. Теперь ты видишь, почему нужно торопиться. Поторопись, Джо!

Перевела с английского И. ГУРОВА

ЗНАКОМАЯ ИСТОРИЯ

Перевернута последняя страница фантастического памфлета американского писателя Т. Л. Шерреда. Герои повести — мексиканец Мигель Лавьяда, идеалист, пытающийся с помощью своего супергениального изобретения навсегда избавить человечество от войн, и его соратник и «летописец» Эдуард Левкорич, человек хотя и наделенный в известной мере пороками капиталистического мира, но под влиянием благородной цели преодолевающий свое цинически-меркантильное отношение к жизни и бесстрашно разделяющий судьбу своего друга, — надолго запомнятся читателю.

Фантастическая литература имеет много оттенков. Есть фантастика ради фантастики. Она не особенно считается с опытом прошлого и не ставит своей задачей более или менее научное предвидение будущего. Она скорее всего рассчитана на возбуждение воображения. Существует фантастика реалистичная. Она использует огромный опыт, накопленный человечеством, основывает свои прогнозы на достижениях совершающейся на наших глазах научно-технической революции и пытается заглянуть в будущее. Писателей этого направления можно назвать продолжателями традиций Жюля Верна, который оказался провидцем многого из того, что для нас стало обыденной реальностью.

К какой же категории можно отнести только что прочитанную повесть Т. Л. Шерреда? Это не фантастика ради фантастики, хотя то, о чем в ней говорится, если исходить из накопленного человечеством научно-технического опыта, нереально. Возможно, меня назовут «консерватором», но даже при необузданной фантазии трудно представить, чтобы киносъемки могли быть «опрокинутыми в историю» (речь идет не о постановке исторических фильмов, а о точной фиксации на пленке того, что происходило десятки и сотни лет назад). Это и не продолжение традиций Жюля Верна в условиях научно-технической революции.

Произведение Т. Л. Шерреда представляет собою образец совершенно особой фантастики. Оно в чем-то главном родственно творчеству популярного у нас американского фантаста Брэдбери, его горькой и гневной повести «451° по Фаренгейту».

Брэдбери обнажает бесчеловечные тенденции развития американского общества, изображая будущее своей страны, в которой при фантастическом развитии техники сохранился бы социально-политический режим, существующий ныне в Соединенных Штатах Америки.

Шерред тоже прибегает к жанру фантастической повести — памфлету, только делает свою вещь политически острой. Он использует экскурсы в историю посредством фантастического «обратного кино» для разоблачения политических нравов и морали современного общества в США, разоблачения, которое, по мнению героя повести Майка, может привести к избавлению мира от войн.

«Майк, — говорится в повести, — помешался на мысли сделать мир лучше, уничтожив самую возможность войны». Майк понимал, что его изобретение может служить средством шантажа и наживы в руках политиканов и бизнесменов. И он не берет патента на изобретение, считая, что его чудодейственный аппарат должен служить всему человечеству.

Майк заснял своим аппаратом подлинную историю двух мировых войн. «Это был фильм о двух мировых войнах, показанных с нелестной откровенностью, с упором на факты, которые до сих пор можно было лишь с трудом отыскать в нескольких книгах, запрятанных в темных уголках библиотек. Мы показали и назвали поименно поджигателей войны, тех, кто цинично лгал своим народам, тех, кто, лицемерно взывая к патриотизму, обрекал на смерть миллионы». Скандал был грандиозным потому, что, как говорит устами Лефко автор, «извращение истины слишком долго воздействовало на психологию нации».

Все это знакомо нам из подлинной истории.

Фальсификаторы истории! Разве не они пытаются исказить на наших глазах историю второй мировой войны для того, чтобы умалить роль Советского Союза в разгроме гитлеровского фашизма, чтобы обелить оставшихся нацистов, на которых делают ставку вожаки агрессивного блока НАТО?!

А разве сегодня американские правящие круги не фальсифицируют историю возникновения агрессии в Индокитае? Разве «историки» буржуазного мира не фальсифицируют историю для того, чтобы «обосновать» бредовые планы сионистов на Ближнем Востоке? Без фальсификации истории правящим кругам империалистического мира было бы значительно труднее оболванивать рядовых людей в странах капитала.

Участь Майков и Лефко в действительности такая же, как и участь их литературных прообразов в повести Шерреда. Арест, изоляция от общества, предание анафеме и т. д. и т. п. Фантастическая повесть приводит к далеко не фантастическому концу. В этом — разоблачительная сила произведения Шерреда.

В. КУДРЯВЦЕВ

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

ВДОХНОВЕНИЕ

Фантастический рассказ

В одном из залов краеведческого музея открылась выставка картин художников-любителей. Событие не такое уж и ординарное для Марграда! К 12 часам дня широкая лестница, ведущая на второй этаж, была запружена людьми.

Внизу около раздевалки стоял Юрий Иванович Катков, крепкий мужчина лет сорока пяти. Было заметно, что он старается казаться спокойным. А ему было отчего волноваться. Он выставил в зале свою картину, после того как двадцать пять лет не брал в руки кисть.

Приглашенный из Новосибирска известный художник Самарин перерезал красную ленточку, и люди хлынули в зал, светлый и просторный.

Народу внизу стало меньше, и Юрий Иванович не спеша начал подниматься по лестнице. Войдя в зал, он остановился возле первой же картины и начал внимательно ее рассматривать. На полотне были изображены два монтажника, стоящие на пе-

рекладинах высоковольтной линии. Их богатырские фигуры, веселые лица, потоки света, льющиеся на них спереди, создавали атмосферу радости. Им было легко работать.

Каткова мало интересовала техника живописи. О какой уж технике рассуждать, когда столько лет прошло среди станков, машин и гор металла, когда руки огрубели и тяжелый гаечный ключ держат свободнее, чем легкую кисть. Вот и здесь. Отточенная техника мастера не затронула его. И он отметил только общее настроение, которое вызвала у него картина. Это было ощущение победы, но победы, как ему показалось, довольно легкой. Парни наверняка не знали, что такое настоящий бой. И все же картина ему понравилась.

Катков перешел дальше, к унылому серому пейзажу, и не задержался возле него.

Посетители выставки говорили о цвете и красках, о размерах картин и тщательно проработанной перспективе пейзажей, о подражании Дейнеке и самобытном развитии Сарьяна, о том, сколько времени тратит художник на свою картину, и о том, сколько он получит денег, если картину продадут. Одни подолгу останавливались возле каждого полотна, другие чуть ли не бегом осматривали сначала все и лишь потом задерживались возле понравившегося.

Девчонки носились стайками, женщины искали глазами диванчики.

Окна были открыты, и в зал врывался звон трамваев, слышалась смешная песенка, исполняемая нестройными голосами ребятишек из детского сада, далекая музыка и шелест тополей...

Комиссия приняла картину без всяких возражений, но сейчас Юрий Иванович на мгновение испугался. А что, если ее здесь нет?

И вдруг он почувствовал, что следующее полотно его, хотя самой картины еще не было видно, так как перед ней собралось много людей.

— Что это?! — с гневом в голосе вопрошал высокий мужчина, выдираясь из толпы. — Пустое полотно, а названо — «Вдохновение».

— Нет, нет,— сказал другой.— Оно не совсем пустое. Там какие-то тени, но нельзя понять, что это такое.

— Куда смотрят устроители!

Катков посторонился, пропуская разгневанного мужчину и его спутника, и на мгновение увидел свою картину. Да нет же! Она не пустая! Что имели в виду эти двое? Может быть, это и действительно ерунда, но только при чем здесь пустота?

— До ужаса правдоподобно, — покачав головой, сказал полковник женщине, которую он держал под руку. — Это было действительно так. Алексей остался там. И еще многие. И я...

— Не надо вспоминать, — тихо сказала женщина.

— Надо, Надюша, надо! — Полковник ладонью рубанул воздух. — В этом бою нам всем был бы конец. И что подняло нас вперед? Страх? Ненависть? Желание выжить?.. Ты же знаешь, Надюша.

— Знаю. Художник прав. Это — вдохновение!

— Надо узнать, кто это написал. Может, кто-нибудь из наших?

— Нет, Павел. Среди нас не было художников.

— Разве может быть такое совпадение случайным! Я пойду узнаю.

Катков снова уступил дорогу. Он не был на фронте и не стал бы писать то, чего не видел собственными глазами. Тогда о чем же они говорили?

И вообще, возле его картины говорили что-то непонятное, что-то совсем не относящееся к его полотну. Так, во всяком случае, ему казалось. Может, спорили о соседних полотнах? Но рядом висели два пейзажа. Катков постоял немного и отошел к окну.

Он давно хотел написать эту картину. Но была война. Мать возвращалась домой поздно вечером с провалившимися от усталости глазами. Отец, вернувшийся с фронта без руки, все еще ходил по родным и знакомым и пил. Раньше он был резчиком по кости. А теперь, с одной-то рукой! По ночам мать шила рукавицы, стирала белье и плакала. Только семилетний брат и пятилетняя сестра не знали забот и допоздна носились по улицам. А солнце летом в Якутске почти не заходит.

Война была далеко, за тысячи километров. Но ее чувствовали не только по сводкам Совинформбюро. Калеки на улицах. Дети, худые, как прутья. На обед в школе — булочка. Через день они собирали эти булочки, даже в первых классах, и несли в госпиталь. И здесь, за шесть тысяч километров от фронта, был госпиталь. В школах военная подготовка, штыковые бои. Посылки на фронт с теплыми варежками и бельем... А он, ученик девятого класса, организует бригады по заготовке дров, жердей, погрузке угля...

Он услышал за спиной вежливое покашливание и оглянулся. Перед ним стояли Самарин и марградский художник Петровский.

— Самарин, Анатолий Алексеевич,— протянул руку новосибирец.

— Катков, Юрий Иваныч, — ответил Катков.

— А скажите-ка, Юрий Иванович, где мы раньше с вами встречались?

— По-моему, нигде, — ответил Катков. — Да. Я уверен. Мы с вами незнакомы.

— А вы случайно не работали в студии Броховского в Усть-Манске? Примерно в пятидесятом?

— Нет, нет, я никогда не был профессионалом.

— Странно, откуда же вы знаете, что я там работал и что это именно там со мной произошло?

— Да нет же! Я впервые слышу, что вы там работали. А что там произошло с вами, тем более не знаю.

— Странно, — задумчиво сказал Самарин и смешно задвигал козлиной бородкой.

Петровский все время стоял молча, но по его лицу было видно, что и он хочет что-то сказать. Юрий Иванович кивнул ему, и тот, откашлявшись, спросил:

— Вы ведь знаете, что ваша техника не блестяща?

— Но я только любитель.

— Ну да не в этом дело. Я хотел спросить, где вы откопали сюжет для своего полотна?

— Мне его не пришлось откапывать. Он у меня уже двадцать восемь лет. Все никак не мог собраться. Думал, что уж никогда не напишу.

— Вы сказали, двадцать восемь? Но ведь это было всего пятнадцать лет назад.

Юрий Иванович рассмеялся:

— Да нет же. Это было в сорок третьем в Кангалассах.

— Невероятно. Я точно знаю, что это было в Ташкенте в пятьдесят пятом.

— Вы, наверное, говорите о чем-то другом.

— Я говорю о полотне, которое называется «Вдохновение». Вот чем мне пришлось заплатить за это вдохновение. — Его рука от локтя до запястья была обезображена шрамом. — Но я не жалею, — улыбнулся Петровский. —

За это можно было отдать и жизнь.

— За что за это? — спросил Катков.

— За вдохновение, — ответил Петровский.

— И все равно я не могу поверить, что вы никогда не бывали в студии Броховского, — сказал, прощаясь, Самарин. — Простое совпадение здесь невозможно.

Катков еще долго бродил по залу. Многое ему нравилось. И только несколько похожих на рекламы картин вызвали у него недоуменную улыбку. Все в них было напоказ, неестественно легко и неправдоподобно.

И все-таки его против воли тянуло к своей картине. И он пошел к ней.

На картине был изображен обрывистый берег с широкими деревянными мостками, по которым несколько ребят цепочкой катили тачки с углем. Возле берега стояла широкая деревянная баржа. В ее необъятное нутро они сбрасывали уголь и возвращались на берег.

...Да. Все было действительно так. Небольшой поселок Кангалассы в двадцати километрах вниз по Лене, горы угля на берегу, черные от угольной пыли тела, горячее якутское солнце и проливные дожди, четырнадцать ребят и усталость, усталость, усталость...

Они приехали сюда с гитарой, решив, что по вечерам у костра они будут петь... и не спели ни разу. Вначале у них еще было свободное время, но они так уставали за день, что руки не держали гриф. Поскорее смыть с себя грязь и уголь, поесть, блаженно растянуться в палатке во весь рост, немного поговорить, пошутить над нерасторопным Алехой Бирюковым и уснуть. А утром голос Потапыча: «Хлопцы, уголек ждет!» Никто не знал, когда он умудрялся спать. Это был семижильный старик. Он наращивал деревянные сходни с кучи угля, варил картошку, разжигал костер, нагружал тачки. И все время приговаривал: «Уголек-то ждет, хлопцы».

А с хлопцами что-то происходило. Раньше они были уверены, что могут всё. Перевыполняли же план на лесозаготовках! Они и на фронт пошли бы, не берут только. И работать могут как черти. Дайте только работу!.. А вышло, что не такие уж они железные. И летний зной становился невыносимым. И баржи казались какими-то бездонными. Болели мускулы, ныло тело, не успевавшее втягиваться в монотонный, но бешеный ритм работы. Они работали по четырнадцати часов, но Потапычу этого было мало.

Ведь скоро кончится короткое якутское лето, начнутся дожди, холод, пойдет по Лене шуга. И до следующего лета будут лежать бурты угля, засыпанные снегом. А в июне и ночью светло почти как днем. Работать можно круглые сутки.

Всё понимали девятиклассники. И никому не приходило в голову возмущаться дряблым картофелем и перловой баландой. Четырнадцать часов с тачкой! Надо так надо. Только исчезли шутки, потух огонек в глазах, все делалось через силу, машинально, как во сне. Устали ребята.

Потапыч это видел. Каждый раз, когда приезжали новые группы грузчиков, происходило то же самое. Месяц тяжелых работ доводил их до такого изнурения, что они уезжали, забывая попрощаться со стариком. Потапыч не обижался. Он хорошо знал человеческую натуру. Знал, что трудности забудутся, люди отойдут и уже по-другому будут смотреть на месяц, проведенный в Кангалассах.

В конце второй недели произошло ЧП. Алеха Бирюков не удержал тачку. С берега к барже был порядочный уклон, и тачку сильно тянуло вниз. Это был самый неприятный участок. И вот Алеха сплоховал, зазевался, и тачку неудержимо понесло вниз. Растерявшись, он не выпускал ее из рук и бежал рысцой. А тачка катилась все быстрее и быстрее, и Алеха уже несся вниз сломя голову, делая нелепые прыжки и согнувшись в три погибели. Тачка при такой гонке сто раз должна была завалиться набок или перевернуться, но она благополучно влетела на баржу, не снижая скорости, пересекла ее по помосту из досок и с шумным всплеском свалилась с противоположного борта. Вместе с ней ушел под воду и Алеха, так и не разжавший пальцев.

Все это произошло так быстро, что остальные ничего не успели сделать, только кто-то крикнул: «Потапыч! Алеха!» Растерянность прошла, и двое ребят прыгнули в ледяную воду. С откоса, ломая кусты, спрыгнул Потапыч, быстро отвязал лодку и оттолкнул ее от берега. Очутившись в воде, Бирюков выпустил из рук тачку, всплыл на поверхность и тут же начал пускать пузыри. Потапыч рывком втянул Алеху в лодку. Затем он подобрал запоздавших спасателей, и через несколько минут лодка причалила к берегу. Все это он проделал молча. И мимо ребят на берегу он прошел молча, не сказав ни слова. Было странно, что он не упомянул про уголек. Искупавшиеся побежали сушиться к костру. А потом возле них собрались и все остальные.

Это происшествие как бы оправдывало то, что они бросили работу. Ребята сидели у костра, нехотя отгоняя ветками мошкару, лишь иногда перебрасываясь случайными фразами, не находя в себе сил даже для того, чтобы радоваться Алехиному спасению. Все устали. Провалилось бы все ко всем чертям! И уголь, и баржа, и Потапыч... Только бы вот так сидеть... Только бы сидеть...

Потом кто-то вспомнил о Потапыче. Странное дело, Потапыч исчез. Юрка Катков с трудом поднялся и, пошатываясь, пошел к палаткам. В одной из них он нашел Потапыча. Через минуту он вернулся к костру и удивленно сказал:

— А Потапыч-то плачет...

Сначала никто не пошевелился, не поверил.

Потом ребята медленно побрели к палатке. Потапыч, стоя на коленях, уткнулся лицом в березовый чурбан. Плечи его вздрагивали. А парни стояли молча, не зная, что делать. Потапыч почувствовал их присутствие и поднял голову. Некрасивое лицо его стало черным. Он плакал, но слез на его лице не было. И от этого ребятам стало страшно.

— Саньку убили, — хрипло сказал он.

Они догадались, что это известие еще утром привез ему сморщенный якут Тургульдинов, который на разбитой телеге доставлял им хлеб из поселка.

— Саньку, — повторил Потапыч.

Они так никогда и не узнали, кто этот Санька был Потапычу. Сын, брат, друг, а может быть, дочь?

— Картошку я начистил, — вдруг сказал он. — Ешьте... Спите... Сегодня... — Помолчал, потом чуть слышно сказал еще раз: — Саньку убили...

Он снова уронил свою кудлатую голову на чурбан. Они задернули полог палатки и молча пошли по тропинке к костру. Идущий первым чуть замедлил шаг, поравнявшись с костром, но

не остановился и прошел дальше, к бурту угля. Второй носком разбитого сапога подтолкнул в костер обгоревшую ветку. Третий только оглянулся на идущих следом. Четвертый неуверенно шмыгнул носом. Пятый сказал: «Мошка проклятая!» — и зло сплюнул себе под ноги. Шестой... Седьмой... Двенадцатый крикнул: «Тачка есть у шестого бурта!» Это он — Алехе Бирюкову. Ведь его тачка утонула... Последний оглянулся на палатку. Там, едва не возвышаясь над ней, ухватившись рукой за растяжку, стоял огромный Потапыч...

...— Ах, Юрий Иванович! — услышал Катков лукавый голос соседки. — Вечно-то вы что-то скрываете!

— А-а-а! Галина Львовна! И вы здесь?

— Пришла вот посмотреть на вашу картину. Раньше ведь вы все отказывались показать. Ну и талант у вас!

— Что вы! Шутите, конечно.

— А я и не предполагала, что вы такой проницательный. Все-то вы знаете. Кто же это вам рассказал?

— Никто. Я сам видел.

— Ой! — сказала Галина Львовна, хорошенькая женщина, склонная к полноте. — Как же это? И зачем вы меня нарисовали такой? — И она лукаво едва заметным движением показала на середину картины, где Иван Лесков из последних сил, оскалив свои крупные зубы и обливаясь потом, толкал в гору тачку.

Лесков был высокий и худой. И у него уже не хватало сил. Но все же было ясно, что он выдюжит, пусть на четвереньках, да вкатит проклятую тачку в гору, трясущимися руками наполнит ее углем и покатит снова, и упадет, и снова встанет, и снова упадет, и крепкое слово с хрипом вырвется из его горла. Но он все равно докатит тачку до пузатой баржи и вернется назад, потому что в его глазах вдохновение. Вдохновение человека, преодолевшего смертельную усталость. Ему даже не придет в голову, как это выглядит со стороны. Дождь, скользкие доски, грязное тело в ссадинах, шершавые рукоятки тачки.

Алеха Бирюков на вид покрепче. И хотя в семнадцать лет сил еще так мало, его теперь не утащить с этих скользких досок ни за что на свете. Он не упадет и будет толкать тачку, пока не исчезнут бурты мокрого угля... Им овладело вдохновение, рожденное из злости на самого себя, за свое нелепое падение, за свою невольную слабость...

А вот и он сам — тогдашний Катков с его неотступными мыслями об отце, который уже никогда в жизни не возьмет в руки творящий резец. Отец, который выпустил из автомата лишь одну длинную очередь, когда их свежая, только что прибывшая из тыла рота поднялась из окопов... и очнулся за сто километров от фронта, еще не зная, что у него нет руки. Боль за него, за поседевшую мать, боль в мускулах, в висках, в душе. И вдохновение, родившееся из этой боли. Не мимолетное, не легкое, но осознанное и твердое.

Якут Никифор с яростным блеском в узких черных глазах. Второгодник Сапкин со вздувшимися венами на шее и на руках, еще не знающий, что он больше никогда не увидит своих братьев. Комсорг класса Бакин, получивший похоронную на отца 1 мая, в день своего рождения.

Дождь, противный, мелкий, не летний. Вздувшаяся река. Кургузая баржа. Стекающий вниз скользким глинистым потоком берег. И пятнадцать уставших, отчаянно уставших людей. Четырнадцать девятиклассников и один старик. Боль, крик, злость, ненависть, отчаянное вдохновение, потому что надо выдержать, выдержать, выдержать. И где-то чуть заметно в глазах каждого еле уловимая радость. Радость, потому что в душе рождается уверенность, что они выдержат.

Грязные, некрасивые, уставшие, еще не понимающие, что они победили.

Они грузили баржи еще две недели. И еще целый месяц. И еще полмесяца. Им не понадобилось смены. И денег в то время за эти работы не платили. А в последний день, когда по Лене уже шла шуга, Бакин играл на гитаре негнущимися пальцами, и все пели и плясали возле костра, и пар шел из их разгоряченных глоток. А потом Потапыч взял у комсорга гитару и запел: «Там вдали, за рекой...» А они, ошеломленные, слушали и молчали... Такой у Потапыча был голос...

...Юрий Иванович огляделся. Соседка уже отошла, наверное, обиженная тем, что не дождалась ответа.

Он все писал так, как было. Он ничего не приукрасил и нигде не сгустил краски. И название картине он дал правильное. Это было настоящее вдохновение, родившееся из отчаяния и боли, бессилия и усталости, надежды и борьбы. Он уже давно не знал, где эти парни и что с ними. Но в этой картине они снова были вместе...

Катков заглушил в себе воспоминания, снова начиная воспринимать окружающее. Все смотрели на его картину как-то странно. И здесь, в зале, и дома, когда он писал ее, и в приемной комиссии, куда он принес ее после долгих размышлений. Говорили мало, а если и говорили, то что-то непонятное, вроде бы и не относящееся к его полотну. Жена как-то сказала: «Почему ты пишешь про меня? Пиши про Кангалассы. Ты же давно хотел». Что он мог ответить на это? Ведь он и так писал Кангалассы. Значит, жена просто не видела этого. Даже младшая дочь и та все время находила в левом углу картины смешного зайчика. Смотрят, молчат, удивленные, чем-то потрясенные и взволнованные. Но ведь никто не видит этих четырнадцати ребят и кряжистого Потапыча. Почему они этого не видят?

Неужели он не смог выразить в своей картине это трудное вдохновение, которое тогда охватило их, и оно так и осталось в его душе, никого не затронув?

Юрий Иванович взглянул на часы. Пора было идти на завод. Он медленно прошел по залу, опустился по широкой мраморной лестнице и вышел на проспект в зной, в шум и людскую сутолоку.

Однажды он рассказывал школьникам про Кангалассы. Его слушали внимательно, не перебивая. Глаза десятиклассников загорелись. А потом кто-то сказал: «Время тогда было другое». Да, время тогда было другое. Это верно. Но все же, может, время внутри нас? Может, это мы делаем время таким, а не иным?

А Самарин с Петровским спорили, вернувшись к картине Каткова.

— Да, да, да! — говорил Самарин. — Это студия Броховского. Я не вылазил из нее месяцами и никак не мог написать то, что хотел. Я загрунтовывал написанное за месяц и начинал все сначала. И в душу уже закрадывался страх, рука не хотела держать кисть, и тоска, и злость на себя. Было время, когда я хотел все бросить, но пересилил себя. И тогда родилось это незабываемое вдохновение. Катков предельно искренне изобразил тот самый пе-

реломный момент. С него все началось. Не мог он написать свое полотно, не видя меня в то время. Талант этот Катков.

— Согласен с вами, — ответил Петровский. — И про вдохновение тоже правильно. Но только это написано про меня. Здесь изображен момент, когда отчаяние и страх неизбежного поражения заставили меня собрать всю волю, все свои силы и победить. Это было тоже вдохновение.

— Значит, вы видите не то, что вижу я? — удивился Самарин. — Это что-то невероятное! Как ему удалось создать картину, в которой каждый из нас видит свое?

— Мы, наверное, этого никогда не узнаем. Но меня интересует другое. Что за сдвиг произошел в душе этого человека однажды? Что дарит он людям своей картиной, не становясь от этого беднее? И что то общее и главное, что люди находят в ней?

— Это — вдохновение, — убежденно сказал Самарин.

— Счастливый, должно быть, человек этот Катков, — вздохнул Петровский.

А Юрий Иванович шел по мягкому, в дырочках от каблучков, асфальту. В сорок лет уже не особенно расстраиваются от того, что не совершил в жизни ничего значительного, лишь тихая грусть поселяется в сердце.

Катков шел на работу, к станкам и чертежам, к привычному шуму завода. И снова, как и двадцать восемь лет назад, отступили усталость последних сумасшедших месяцев, сомнения и неуверенность. И он уже был уверен, что сегодня или завтра найдет причину, по которой взрываются «подземные кроты», огромные машины, сконструированные им и еще десятком инженеров.

Юрий Иванович расстегнул воротничок рубашки и пошел быстрее. А картина? Ну что ж? Если его не поняли, он напишет еще одну. И снова назовет ее «Вдохновение».

Он еще не знал, что написал нужную людям картину, что в его полотне каждый человек видит свое вдохновение, самое высокое напряжение всех своих внутренних сил. Полковник с седой головой — атаку, в которую их, уже обреченных на верную смерть, вдруг подняла вперед ненависть. Ненависть, и вдохновение, и желание отомстить за оставшихся лежать в земле. Момент рождения своего тяжелого вдохновения видели в ней и Самарин и Петровский. И даже соседка Галина Львовна, которую вдохновение посещало лишь при выборе платьев. А те два критика, которые увидели в картине лишь пустоту? Наверное, была пуста их душа, неспособная ни при каких обстоятельствах на вдохновение и победу над собой. Сотни людей увидели в тот день себя в удивительном полотне. Оно заставило их вспомнить, близко ощутить то, что было самым главным в их жизни.

— Шеф, а шеф... Хорошие ребята на той планете. Уж так нам обрадовались! Вся база просто ликовала. Приятно, правда? — сказал я, увеличивая скорость ракеты.

Шеф кивнул.

— Да. Ради этого стоило забираться в такую даль. А теперь надо спешить на следующую планету. Там небось тоже ждут не дождутся.

Наша ракета — нарядная, ярко раскрашенная желтой, зеленой и красной краской — только что покинула одну из планет и сейчас направлялась к следующей очередной цели нашего путешествия по уютной Вселенной.

Я посмотрел на часы.

— Пожалуй, пора обедать...

— Да, самое время. Эй, все сюда! Обедать!

Не успел шеф окончить фразы, как из соседнего отсека с радостным лаем выскочили собаки.

Мы с шефом выдрессировали несколько смышленых собак, разработали цирковую программу и гастролировали в разных уголках космоса.

На всех планетах, где жили и трудились земляне, мы были желанными гостями.

За время длительного путешествия по космосу мы очень сдружились с нашими собаками. Близость и взаимопонимание были полными. Я думаю, такая дружба большая редкость даже между людьми на Земле.

Собаки понимали нас с полуслова, а мы тоже изучили их язык — мимику, движения хвоста, оттенки лая. Короче говоря, наша ракета была особым мирком, веселым и благополучным, где никто никогда не унывал и не жаловался на дорожную тоску.

Однако на этот раз случилась неприятность.

СИНИТИ ХОСИ,
японский писатель

ЦИРК в космосе

Фантастическая юмореска

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

— Беда, шеф! Продукты кончаются. Не дотянем до следующей планеты...

— Да, сплоховали мы, не проверили запасы перед стартом. Ну, теперь сетовать поздно. Надо как-то выходить из положения. Смотри, вон какая-то планета, прямо по курсу. Придется сесть. Может быть, и раздобудем что-нибудь.

Я посадил ракету на незнакомой нам планете. Посмотрел в иллюминатор.

— Шеф, взгляните на те заросли! Видите плоды? Да какие большие, аппетитные на вид!..

— Действительно, плоды хороши. Выйдем и нарвем побольше.

Мы вышли из ракеты и направились к зарослям. Но тут возникло неожиданное препятствие, и препятствие грозное: откуда ни возьмись появились здоровенные собаки и преградили нам дорогу. Собаки рычали и скалили зубы. Число их все увеличивалось.

— Как бы не растерзали! Бежим обратно!

— Бежим!.. — Должно быть, это собачья планета...

Мы повернулись и во весь дух помчались к ракете.

Оружия у нас не было, а без хорошего револьвера с такой сворой не справиться. Выйти мы боялись, но и покидать планету не хотели — не лететь же навстречу голодной смерти!

И тут наши собаки, наши добрые друзья, пришли на помощь. Они предложили нам, на своем собачьем языке, разумеется, на том языке, который мы отлично понимали:

— Доверьте это дело нам. Мы с ними как-нибудь договоримся.

Мы открыли люк, и наши собаки, одна за другой, вышли из ракеты. Мы наблюдали за ними в иллюминатор. Кажется, у них завязалась беседа с собаками-аборигенами, и беседа мирная, дружеская. Действительно, переговоры увенчались успехом. Вернулась первая собака с сочными плодами в зубах, за ней вторая, третья... Вскоре наша кладовая была доверху набита спелыми, аппетитными фруктами.

— Вот это удача! Как вам удалось их уговорить?

— А очень просто, — ответили наши собаки, — взяли и рассказали им всю правду. Так, мол, и так: гастролируем по космосу, летаем с планеты на планету с цирковыми представлениями. Да вот беда случилась — продукты все вышли, ну и решили мы пополнить запасы на вашей планете... Они все поняли и поделились с нами плодами.

— Прекрасно! А как их отблагодарить?

— Они никогда не были в цирке и даже не знают, что это такое. И теперь, естественно, сгорают от любопытства. Придется выступить.

Такого мы не ожидали. Выступать перед собаками! Но отказать было неудобно.

Мы с шефом под музыку, несущуюся из ракеты, точно выполняли команды наших собак: бегали, прыгали, вальсировали, ходили на руках.

Наконец, обливаясь потом, в полном изнеможении, поплелись к ракете.

Собаки-аборигены, никогда раньше не видевшие цирка, были в восторге. Они визжали, выли и отчаянно виляли хвостами.

Думается, я разгадал, о чем они говорили между собой:

«Удивительно!.. Потрясающе!.. Надо же так выдрессировать этих больших, неуклюжих двуногих животных...»

Перевел с японского З. РАХИМ

КЛИФФОРД Д. САЙМАК

ДОМ ОБНОВЛЕННЫХ

Дом был нелеп. Больше того, он был тут совсем некстати. Ну откуда он взялся? — спрашивал себя Фредерик Грей. Ведь это их заповедный уголок. Они с Беном Ловелом открыли его почти сорок лет назад и с тех пор всегда сюда ездили и ни разу ни души не встречали.

Он стоял на одном колене и машинально ударами весла удерживал каноэ на месте, а блестящая, по-осеннему темная вода бежала мимо, вся в завитках пены с водопада, что шумел в полумиле впереди. Гул водопада слабо доносился до Грея, еще когда он поставил машину и снимал с ее крыши каноэ, и все те полчаса, пока он плыл сюда, и прислушивался, и бережно откладывал голос водопада в памяти, как откладывал все остальное: ведь это в последний раз, больше он сюда не приедет.

Могли бы и подождать, подумал он с беззлобной горечью.

Могли бы подождать, пока не закончится его путешествие. А теперь все испорчено. Он уже не сможет вспоминать речку, не вспоминая заодно и этот нахальный дом. Речка будет вспоминаться не такою, какой он знал ее почти сорок лет, а непременно вместе с домом.

Здесь никогда никто не жил. Никто сюда и не заглядывал. Эти места принадлежали только им с Беном. А теперь вот он, дом, белеет на холме над рекой в раме темно-зеленых сосен, и от места их обычной стоянки к нему ведет чуть заметная тропинка.

Грей яростно заработал веслом и повернул свое суденышко к берегу. Каноэ уткнулось носом в песок, Грей вылез и втащил его повыше, чтобы не снесло течением. Потом выпрямился и стал разглядывать дом.

Как сказать об этом Бену? И надо ли рассказывать? Может быть, в разговоре с Беном про дом лучше не упоминать? Нелегко сказать тому, кто лежит в больнице и скорей всего оттуда уже не выйдет, что у него украли изрядный кусок прошлого. Ведь когда близок конец, почему-то начинаешь дорожить прошлым, — подумал Грей.

Будь это обычное загородное жилище, деревянное, приземистое, с высоченной каменной трубой,— ну, еще туда-сюда. Тогда бы дом не резал глаз. Но ослепительно-белое здание, сверкающее свежей краской, здесь, среди сосен и скал, нелепо, оскорбительно.

Грей с трудом наклонился и подтянул каноэ еще выше на берег. Достал удочку в чехле, положил наземь. Навьючил на себя корзинку для рыбы, перекинул через плечо болотные сапоги. Потом подобрал удочку и медленно стал подниматься по тропе. Приличия и чувство собственного достоинства требовали, чтобы он дал о себе знать новым обитателям холма. Не прошагать же мимо по берегу, ни слова не сказав, — это не годится. Но пусть не воображают, будто он спрашивает у них разрешения. Нет, он ясно даст им понять, что ему здесь принадлежит право первенства, а затем сухо сообщит, что приехал в последний раз и впредь больше их не потревожит.

Подъем был крутой. Что-то в последнее время все, даже малые пригорки стали круты, — подумалось ему. Дышит он часто и неглубоко, и колени гнутся плохо, все мышцы ноют, когда стоишь в каноэ и гребешь.

Может, глупо было пускаться в это странствие одному. Если бы с Беном — дело другое. Он никому не сказал, что собирается поехать, ведь его стали бы отговаривать или, того хуже, набиваться в попутчики. Уверяли бы, что человеку под семьдесят нельзя затевать такое путешествие в одиночку. А в сущности, путешествие вовсе несложное. Каких-нибудь два часа машиной от города до поселка под названием Сосенки и еще четыре мили заброшенной дорогой лесорубов до реки. А потом час на каноэ вверх по течению — здесь, чуть повыше водопада, они с Беном издавна раскидывали лагерь.

Поднявшись до середины холма, он остановился перевести дух. Отсюда уже виден водопад — кипящая белая пена и облачко легчайших брызг, в нем, когда солнечный свет падает как надо, играют радуги.

Грей стоял и смотрел на все это: на темную хвою сосен, на голый склон скалистого ущелья, на золотое и алое пламя листвы— от ранних заморозков она уже полыхала праздничными осенними кострами.

Сколько раз, — думал он, — сколько раз мы с Беном удили рыбу там, за водопадом. Сколько раз подвешивали над огнем котелок. Сколько раз прошли на веслах вверх и вниз по реке.

Славное это было житье, славно они проводили время вдвоем, два скучных профессора скучного захолустного колледжа. Но всему приходит конец, ничто не вечно. Для Бена все это уже кончилось. А после сегодняшней прощальной поездки кончится и для него.

Конечно, будь жив Клайд, все сложилось бы иначе. Они были друзьями, не часто отец и сын бывают так близки. Но теперь он совсем один. Марты давно уже нет в живых, а теперь не стало и Клайда, и он один как перст.

Если рассуждать трезво, похоже, что «Лесной приют» — самый лучший выход. О нем будут заботиться, и можно будет жить так, как он привык... или почти так. Ну ладно, пока он еще справляется и сам, но недалеко то время, когда понадобится чья-то помощь. Надо подумать о будущем, — сказал он себе, потому и договорился с «Лесным приютом».

Он немного отдышался и вновь стал подниматься в гору, пока тропа не привела на небольшую ровную площадку перед домом.

Дом был новехонький, еще новее, чем сперва показалось. На Грея как будто даже пахнуло свежей краской.

А кстати, непонятно, как же сюда доставляли материалы для строительства? Дороги никакой нет. Но еще весной, когда они с Беном приезжали сюда на рыбалку, этого дома не было и в помине.

Грей неторопливо пересек площадку, потом дворик, откуда открывался вид на реку и на водопад. Подошел к двери, нажал кнопку, и где-то в глубине дома зазвенел звонок. Он ждал — вот сейчас послышатся шаги, — но никто не шел. Грей поднял руку и постучал — едва он коснулся двери, она подалась внутрь и распахнулась перед ним.

Он смутился, ему вовсе не хотелось вторгаться в чужой дом. Может быть, вновь затворить дверь и тихонько уйти? Но нет, он не желает действовать крадучись, как вор.

— Эй? — окликнул он. — Есть тут кто-нибудь?

Сейчас к нему выйдут, и он объяснит, что не открывал дверь, она сама отворилась, когда он постучал. Но никто не выходил.

Он чуть поколебался, потом шагнул в прихожую — сейчас он дотянется до ручки и захлопнет дверь.

Тут он увидел гостиную: новый ковер на полу, хорошая мебель. Конечно, здесь живут, просто сейчас никого нет дома. Ушли ненадолго, а дверь не заперли. Впрочем, — подумал он, — в этих краях никто не запирает дверей. Незачем.

Выкину все это из головы, — пообещал он себе. Надо забыть про этот дом, хоть он и испортил всю картину, и всласть порыбачить, и под вечер спуститься по реке к машине и отправиться восвояси. Ничто не должно отравить ему этот день.

Он решительно зашагал по высокому берегу, мимо водопада, к хорошо знакомой заводи.

Денек выдался ясный, тихий. Солнце так и сияло, но в воздухе чувствовалась прохлада. Впрочем, еще только десять. К полудню станет по-настоящему тепло.

Совсем повеселев, Грей шагал своей дорогой; к тому времени, когда он отшагал добрую милю от водопада и, натянув болотные сапоги, ступил в воду, он уже окончательно позабыл про злосчастный дом.

Беда стряслась перед вечером. Он вышел на берег, отыскал подходящий камень, сидя на котором можно будет с удобством перекусить. Бережно положил удочку на прибрежную гальку, полюбовался на трех форелей вполне приличного размера, трепыхающихся в корзинке. И, развертывая сандвичи, заметил, что небо хмурится.

Пожалуй, надо бы двинуться в обратный путь пораньше, — сказал он себе. — Нечего ждать, пока погода вконец испортится. Провел три отличных часа на реке — и хватит с тебя.

Он доел сандвич и мирно посидел на камне, вглядываясь в плавно бегущую мимо воду и в крепостную стену соснового бора на другом берегу. Надо получше все это запомнить, — думал он, — закрепить в памяти прочно, навсегда. Чтоб было о чем вспомнить после, когда больше уже не придется ездить на рыбалку.

Он тяжело поднялся, подобрал удочку, корзинку. Поскользнулся на замшелом камне, которого сверху совсем не было видно, и потерял равновесие. Острая боль резанула щиколотку, он рухнул в мелководье. Нога, соскользнув с камня, попала между двумя глыбами на дне и застряла в узкой щели. Ее стиснуло, неестественно вывернуло, и в ней нарастала упрямая, неотступная боль.

Сжав зубы, чтобы не кричать, Грей кое-как высвободил ногу и выбрался на берег.

Он попробовал встать, но вывихнутая нога подвернулась, и жгучая боль каленым железом пронизала ее до самого бедра.

Он сел и медленно, осторожно стянул сапоги. Щиколотка уже начала опухать, она была вся красная, воспаленная.

Грей сидел на усыпанном галькой берегу и раздумывал. Как быть? Идти он не может, придется ползком. Сапоги, удочку и корзинку надо оставить, они только свяжут ему руки. Лишь бы доползти до каноэ, а там уж он доплывет до того места, где оставил машину. Но потом лодку тоже придется бросить, ему не взгромоздить ее на крышу машины.

Лишь бы сесть за руль, тогда все будет хорошо, машину-то он вести сумеет.

Он сложил все свои пожитки — сапоги, корзинку с рыбой и удочку — аккуратной кучкой на берегу, так, чтобы они сразу бросились в глаза всякому, кто согласится за ними сходить. Посмотрел в последний раз на реку и пополз.

Это был долгий и мучительный способ передвижения. Как ни старался Грей, не удавалось уберечь ногу от толчков, и от каждого толчка все тело пронизывала боль.

Если бы смастерить костыль... но нечем: перочинным ножиком, да еще затупившимся, много не наработаешь.

Он полз медленно, то и дело останавливался передохнуть. Оглядывал больную ногу — от раза к разу она все сильнее распухала и становилась уже не красной, а багровой.

И вдруг — поздновато, пожалуй, — он со страхом сообразил, что предоставлен на волю судьбы. Ни одна живая душа не знает, что он здесь, ведь он никому ни слова не сказал. Если не выбраться своими силами, пройдет немало дней, покуда его хватятся.

Экая чепуха. Он прекрасно управится. В былые времена он прополз бы это расстояние без единой передышки. Но с годами становишься стар и слаб. Куда слабее, чем думал.

Он опять остановился отдохнуть и услышал, как шумят сосны: поднялся ветер. Заунывный шум, даже пугающий. Небо совсем заволокло тучами, все окутал какой-то зловещий сумрак.

Подстегиваемый смутной тревогой, он попытался ползти быстрее. Но только стал еще скорей уставать и жестоко ушиб больную ногу. Пришлось снова замедлить ход.

Он поравнялся с водопадом, миновал его, ползти вниз по отлогому косогору стало немного легче, и тут на вытянутую руку шлепнулась первая капля дождя. А через минуту уже хлестал яростный ливень.

Грей мгновенно промок, холодный ветер пробирал насквозь. Сумрак сгущался, сосны стоном стонали, разыгрывалась настоящая буря, по земле побежали ручейки.

Он упрямо полз. От холода застучали зубы, но он сердито стиснул челюсти — этого еще не хватало!

Он уже одолел больше половины пути к каноэ, но дорога словно стала длиннее. Он продрог до костей, а дождь все лил, и вместе с ним наваливалась свинцовая усталость.

Дом, — подумал он. — Можно укрыться в том доме. Меня впустят.

Он не смел себе сознаться, что прежняя цель — доползти до каноэ и проплыть на нем до того места, где осталась машина, — теперь немыслима и недостижима.

Впереди сквозь сумрак непогоды пробился свет. Это, конечно, в доме. Вернулись хозяева и зажгли свет.

Он полз долго, много дольше, чем рассчитывал, но все-таки дотащился. У самой двери, цепляясь за стену и упираясь здоровой ногой, кое-как подтянулся и встал. Нажал кнопку, в глубине дома зазвенел звонок, и Грей стал ждать — сейчас послышатся шаги.

Никто не шел.

Что-то тут не так. В доме горит свет, должен же там кто-то быть. А тогда почему никто не отзывается?

За спиной еще громче и грозней прежнего шумел лес, и тьма сгущалась. С леденящей злобой свистал и хлестал дождь.

Грей застучал кулаком в дверь — и она, как утром, распахнулась перед ним, дворик залило светом из прихожей.

— Эй, послушайте! — закричал он. — Есть кто дома?

Никакого ответа, ни звука, ни шороха.

Он мучительно напрягся, на одной ноге перепрыгнул через порог и остановился. Позвал еще и еще, но никто не откликался.

Нога подломилась, и он повалился на пол, но, падая, успел вытянуть руки и смягчить удар. Потом медленно, с трудом пополз в сторону гостиной.

Позади раздался какой-то слабый звук. Грей обернулся — входная дверь закрывалась. Закрывалась сама собой, никто ее не трогал. В тишине громко щелкнул замок.

Странно это, — смутно подумалось ему. — Странно, что дверь отворяется, будто приглашает войти. А когда войдешь, сама преспокойно затворяется.

Но это неважно, бог с ней, с дверью. Важно, что теперь он в доме, а леденящая ярость бури осталась там, за стенами.

Осторожно, оберегая от толчков больную ногу, он по ковру дополз до кресла. Подтянулся кверху, кое-как повернулся и сел поглубже, откинулся на мягкую спинку, вытянул ногу. Наконец-то! Ни дождь, ни холод теперь не страшны, а рано или поздно кто-нибудь придет и поможет вправить вывих.

Но где же хозяева? Навряд ли в такую погоду бродят под открытым небом. И наверно были

они здесь совсем недавно, ведь свет в окнах вспыхнул, когда уже стемнело и началась буря.

Он сидел, не шевелясь, боль почти отпустила. Как хорошо, что в доме так тихо, так тепло и спокойно!

Он неспешно, внимательно осмотрелся.

В столовой накрыт стол к обеду, от серебряного кофейника идет пар, поблескивают фарфоровая супница и блюдо под крышкой. Доносится запах кофе и какой-то снеди. Но прибор только один, словно обед ждет только одного человека.

За открытой дверью видна другая комната, должно быть кабинет. Висит какая-то картина, под нею — солидный письменный стол. По стенам, от пола до самого потолка, тянутся книжные полки, но они пусты — ни одной книги.

И еще дверь ведет в спальню. Постлана постель, на подушке — сложенная пижама. У изголовья, на ночном столике, горит лампа. Все приготовлено, кажется, постель только и ждет, чтобы кто-то в нее улегся.

Но есть в этом доме что-то непостижимое, какая-то неуловимая странность. Все равно как в судебной практике: попадется иногда такой юридический казус, чувствуешь, что кроется тут какая-то загадочная мелочь, она-то и есть ключ к делу, но она упорно от тебя ускользает.

Он сидел и раздумывал об этом — и вдруг понял.

Этот дом наготове, но он еще ждет. Он словно предвкушает встречу с будущим хозяином. Он обставлен, налажен, все в нем подготовлено. Но здесь еще никто не жил. Нисколько не пахнет жильем, и в самом воздухе смутно ощущается пустота.

Да нет, что за вздор. Конечно же, здесь кто-то живет. Кто-то зажег свет, сготовил обед, поставил на стол один-единственный прибор, кто-то включил лампочку у постели и отогнул край одеяла.

Он сидел в кресле, дожидался хозяина и клевал носом.

Семьдесят лет, — думал он, — почти уже семьдесят, и это — последнее в жизни приключение. Родных никого не осталось и друзей тоже, один только старик Бен, который умирает медленной, неприглядной смертью в крохотной больничной палате — и все вокруг него чужое и неприглядное.

Вспомнился давний-давний день, когда они познакомились, — Бен, молодой профессор астрономии, и он, молодой профессор права. С первой же встречи они стали друзьями, тяжко будет лишиться Бена.

А еще через месяц он и сам переселится в «Лесной приют». Дом престарелых. Придумывают всякие красивые названия вроде «Лесного приюта», как будто от этого легче.

Впрочем, что за важность. Никого не осталось в живых, кому стало бы горько... кроме него самого, разумеется. А ему уже все равно. Ну, почти все равно.

Он вздрогнул, выпрямился, посмотрел на часы на каминной полке. Видно, задремал или в полудреме грезил о далеком прошлом. Почти час минул с тех пор, как он в последний раз смотрел на часы, а в доме он по-прежнему один.

Обед еще стоит на столе, наверное, все уже остыло. Но, может быть, кофе еще теплый.

Он подался вперед, опасливо встал на ноги. Вывихнутая щиколотка отозвалась пронзительной болью. Он снова откинулся назад, бессильные слезы проступили на глазах, потекли по щекам.

Не надо кофе, — подумал он. — Не хочу я кофе. Только бы добраться до постели.

Осторожно он выбрался из кресла и пополз в спальню. Медленно, мучительно изворачиваясь, сбросил промокшую насквозь одежду и влез в пижаму, что лежала на подушке.

К спальне примыкала ванная — придерживаясь за кровать, за спинку стула, за туалетный столик, он на одной ноге допрыгал до нее. Хоть чем-то утолить боль. Вот если бы найти аспирин, все-таки станет полегче.

Он распахнул аптечный шкафчик, но там было пусто.

Немного погодя он опять дотащился до постели, залез под одеяло и погасил лампу на ночном столике. Что-то будет, когда возвратится хозяин и обнаружит на своем ложе незваного гостя.

А, будь что будет. Теперь уже все равно. Голова тяжелая, мутная, наверно, начинается жар.

Он лежал совсем тихо, тело постепенно осваивалось в непривычной постели. Он даже не заметил, как огни в доме разом погасли.

Когда он проснулся, в окна потоками вливался солнечный свет. Пахло поджаренной ветчиной и закипающим кофе. И громко, настойчиво звонил телефон.

Он сбросил одеяло, подскочил на постели и вдруг вспомнил, что он не у себя, и эта постель не его, и телефонный звонок никак не может относиться к нему. На него обрушились воспоминания о вчерашнем, и он растерянно сел на край кровати.

Что за притча, еще телефон! Откуда ему взяться в такой глуши?

А телефон все трезвонил. Ничего, сейчас кто-нибудь подойдет и снимет трубку. Тот, кто там жарит ветчину, возьмет и подойдет. И видно будет, что это за человек, и станет понятно, чей это дом.

Грей встал. Пол холодный, наверно, где-нибудь есть домашние туфли, но неизвестно, где их искать.

Только выйдя в гостиную, он вспомнил, что у него вывихнута нога. В изумлении остановился, поглядел — нога как нога, не красная, не багровая, и опухоли больше нет. А главное, не болит.

На столике в прихожей опять призывным звоном залился телефон.

— Черт меня побери, — сказал

Рис. И. ЛАРИОНОВА

Фредерик Грей, во все глаза глядя на собственную щиколотку.

Телефон снова заорал на него. Он кинулся к столику, схватил трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Это доктор Фредерик Грей?

— Совершенно верно. Я Фредерик Грей.

— Надеюсь, вы хорошо выспались.

— Как нельзя лучше. Огромное вам спасибо.

— Ваше платье все промокло и изорвалось. Мы решили, что нет смысла его чинить. Надеюсь, вы не в претензии. Все, что было у вас в карманах, лежит на туалетном столике. В стенном шкафу есть другая одежда, я уверен, она вам подойдет.

— Помилуйте, вы так любезны. Но разрешите спросить...

— Отчего же, — заметил голос в трубке. — Но вы лучше поторопитесь. А то завтрак простынет. — И умолк.

— Минуточку! — закричал Грей. — Одну минуту!..

В ответ слышалось только слабое гуденье. Он положил трубку на рычаг, прошел в спальню и увидел под кроватью пару шлепанцев.

Надеюсь, вы хорошо выспались. Ваше платье промокло, мы его выкинули. Все, что было у вас в карманах, мы положили на туалетный столик.

А кто это мы, интересно знать? И где они все?

И как же это, пока он спал, ему вылечили ногу?

Все-таки вчера вечером он не ошибся. Дом пуст. Никого нет. И, однако, он обжитой, а как это получается — непонятно.

Он умылся, но с бритьем возиться не стал, хотя, когда заглянул в шкафчик в ванной, оказалось, что он уже не пустой. Теперь тут были и бритва, и зубная щетка с тюбиком пасты, и щетка для волос, и расческа.

В столовой Грея ждала яичница с ветчиной, аппетитно поджаренная картошка, томатный сок и кофе.

И никаких признаков того, кто приготовил еду и накрыл на стол.

Быть может, здесь о гостях заботится целый штат слуг-невидимок?

И откуда берется электричество? Может быть, тут своя станция? Возможно, берет энергию от водопада? Ну, а телефон? И кто же все-таки ему звонил?

— Кто бы вы ни были, спасибо вам, — громко сказал он. — Я хотел бы вас увидеть. И чтобы вы со мной поговорили.

Но никто с ним не заговорил. Он сел и принялся за еду — только после первого глотка он почувствовал, что голоден как волк.

После завтрака он пошел в спальню и достал из стенного шкафа одежду. Не какой-нибудь шикарный модный костюм, но очень подходящий для рыболова. Когда он переоделся, со стола было уже убрано.

Он вышел из дому — сияло солнце, денек выдался на славу. Видно, буря выдохлась еще ночью. Что ж, теперь можно пойти на вчерашнее место, забрать удочку и все, что он оставил у реки.

Все так и лежало, аккуратно сложенное на берегу. Он нагнулся, подобрал удочку и постоял, глядя на реку. А почему бы и нет? Раз уж он здесь, можно еще немножко порыбачить. Ведь больше он сюда не приедет.

Он отложил удочку, сел, натянул сапоги. Выбросил из корзинки вчерашний улов и надел перевязь через плечо.

И почему только сегодня утром? Почему только еще один день? В город возвращаться незачем, и можно пока пожить в этом доме. Отчего бы не устроить себе самый настоящий праздник?

Однако быстро же он освоился, с какой легкостью готов воспользоваться случаем! Дом этот, конечно, очень странный, но бояться в нем нечего.

Грей шагнул в воду, размахнулся и закинул удочку. С пятой попытки клюнула форель. День начинался недурно.

Не переставая удить, он дошел почти до самого водопада, до того места, где течение набирало силу, и здесь вылез на берег. В корзинке у него было пять рыбин, причем две изрядные. Можно бы еще половить у стремнины с берега, но, пожалуй, не стоит. Лучше вернуться и как следует осмотреть дом. Он глянул на часы и зашагал вниз по тропинке.

К середине дня он закончил осмотр дома.

Ни электрические, ни телефонные провода сюда не подведены, нет и отдельной электростанции. Имеется проводка, но никаких источников электроэнергии. И еще: накануне вечером, когда он сидел в гостиной, ему виден был кабинет — картина на стене, и письменный стол, и пустые книжные полки. А сейчас полки уже не пустуют. Они прямо ломятся от книг, причем именно таких, какие он подобрал бы для себя: целая юридическая библиотека, которой позавидовал бы любой практикующий адвокат. И еще ряд полок... Сперва он решил, что это какая-то шутка, розыгрыш.

Но потом заглянул в телефонный справочник и понял, что это уже не шутка.

Никогда еще ни один человек не видывал такого справочника. Тут значились имена абонентов и номера телефонов, но адреса охватывали всю галактику!

БЕСУР, Йар, Мекбуда V — ФЕ 6-87-31.

БЕТЕН, Вармо, Полярная III — ГР 7-32-14.

БЕТО, Элм, Рас Альгете IX — СТ 1-91-86.

Названия звезд и номера планет. Ничего другого это означать не может.

Для шутки уж чересчур бессмысленно и расточительно.

Многое множество звезд названо в телефонной книге, и названия звезд — на переплетах на той полке в кабинете!

Вывод ясен, — подумал он уныло, — но не принимать же это всерьез. Нелепо, смехотворно. Наверно, возможны какие-то другие разгадки, и в том числе... уж не сошел ли он с ума?

Нельзя ли все же как-нибудь выяснить, в чем дело?

Он захлопнул телефонную книгу, потом раскрыл на первой странице. Ага, вот оно: СПРАВКИ. Он снял трубку и набрал номер.

Гудок, другой, потом голос:

— Добрый вечер, доктор Грей. Мы очень рады, что вы позвонили. Надеюсь, все в порядке? У вас есть все, что нужно?

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Сэр, — ответила Справочная, — мы гордимся тем, что нам известны имена всех наших абонентов.

— Но я не ваш абонент. Я только...

— Конечно, вы наш абонент, — возразила Справочная. — С той минуты, как вы вступили во владение домом...

— Как так — во владение! Я же не...

— Мы полагали, что вы уже поняли, доктор Грей. Нам следовало сказать вам с самого начала. Просим извинить. Видите ли, этот дом ваш.

— Ничего я не понял, — растерянно сказал Грей.

— Дом ваш, — пояснила Справочная, — до тех пор, пока вы хотите там оставаться. И дом, и все, что в нем есть. И вдобавок, разумеется, все, чем еще мы можем быть вам полезны.

— Но это невозможно! Я ничем этого не заслужил. Как же я могу владеть домом, за который ничего не дал?

— А может быть, вы не откажетесь при случае нам немного помочь. То есть это совсем не обязательно и уж, конечно, не слишком трудно. Если вы согласитесь нам помогать, мы будем вам крайне обязаны. Но как бы вы ни решили, дом все равно ваш.

— Помогать? — переспросил Грей. — Боюсь, я мало чем могу вам помочь.

— В сущности, это неважно. Мы очень рады, что вы позвонили. Вызывайте нас в любую минуту, когда пожелаете.

Щелчок отбоя — и он остался стоять дурак дураком, сжимая в руке умолкшую телефонную трубку.

Пока он разговаривал по телефону, в гостиной кто-то (или что-то, или это действовала какая-то непонятная сила) развел в камине огонь, и рядом приготовлены были дрова про запас. В трубе завывал холодный ветер, а здесь от полена к полену перебегали, разгораясь, трепетные язычки пламени.

«Дом престарелых», — подумал Грей.

Ведь если он не ослышался, это оно самое и есть.

Чего ради кто-то вздумал преподнести ему такой подарок? Просто уму непостижимо, чем бы он мог такое заслужить. Дом престарелых — для него одного, на берегу его любимой речки, где водится форель.

Да, чудесно... если б только можно было это принять.

А в сущности, что мешает? Если он не вернется в город, это никого не огорчит.

Да нет, безумие. А вдруг заболеешь? Упадешь, разобьешься? Тогда до врача не добраться и не от кого ждать помощи.

Но вот вчера он искал аспирин, и аспирина не оказалось. И он насилу забрался в постель, нога была вывихнута и вся распухла, а к утру все как рукой сняло.

Этот дом — не только дом. Не просто четыре стены. Это и пристанище, и слуга, и врач. Надежный, здоровый, безопасный дом, и притом исполненный сочувствия. Он дает все, что нужно. Исполняет все твои желания. Дает огонь, и пищу, и уют, и сознание, что о тебе заботятся.

И есть книги. Великое множество книг, именно таких, какие служили ему верой и правдой долгие годы.

Доктор Фредерик Грей, декан юридического факультета. До старости только и знал, что почет и уважение. А теперь стал чересчур стар, жена и сын умерли, и друзья все умерли или уж совсем одряхлели. И ты уже не декан и не ученый, а всего лишь старик, чье имя предано забвению.

Он медленно поднялся и пошел в кабинет. Поднял руку к полке, провел ладонью по кожаным корешкам.

Вот они, друзья, на которых можно положиться. Они-то всегда на месте и только и ждут своего часа.

Он подошел к полкам, которые сначала так его озадачили, показались дикой и неостроумной шуткой. Теперь он знал — это отнюдь не шутка. «Основы законодательства Арктура XXIV», «Сопоставление правовых понятий в системах Центавра», «Юриспруденция на III, IV и VII планетах Зубенешамале», «Судебная практика на Канопусе XII». И еще много томов, на чьих переплетах стоят имена странных далеких звезд.

Пожалуй, он не понял бы так быстро, что это за имена, если бы не старый друг Бен. Долгие годы Бен ему рассказывал о своей работе, и многие из этих имен слетали у него с языка с такой легкостью, словно речь шла об улице по соседству, о доме за углом.

В конце концов, может быть, до них и вправду не так уж далеко. Чтобы поговорить с людьми... ну, может быть, не с людьми, но с теми существами, что населяют эти чужие планеты, надо только подойти к телефону и набрать номер.

В телефонной книге — номера, которые соединяют со звездами, и на книжной полке — звездный свод законов.

Быть может, там, в других солнечных системах, нет ничего похожего на телефоны и телефонные справочники и нет правовой литературы. Но у нас на Земле средством общения поневоле должен быть телефон, а источником информации — книги на полках. Значит, все это надо было как-то перевести, втиснуть в привычные, знакомые нам формы. И перевести не только для Земли, но и для неведомых обитателей всех других планет. Быть может, нет и десятка планет, где способы общения одинаковы, но, если с любой из них обратятся к нему за советом, какими бы способами ни пользовалось существо с той планеты, здесь все равно зазвонит телефон.

И конечно же, названия этих звезд тоже перевод. Ведь жители планет, что обращаются вокруг Полярной звезды, не называют свое солнце Полярной звездой. Но здесь, на Земле, другого названия быть не может, иначе людям не понять, что же это за звезда.

И самый язык тоже надо переводить. Существа, с которыми он объяснялся по телефону, уж наверно, говорили не по-английски, и, однако, он слышал английскую речь. И его ответы наверняка доходили до них на каком-то ином, ему неведомом языке.

Поразительно, непостижимо, но никакого другого объяснения не подберешь.

С дотошностью старого стряпчего он перебрал в уме все факты и свидетельства, тщательно взвесил все возможности.

Может, ему просто мерещится? Наяву все это или только в воображении? Быть может, на самом-то деле он сидит где-нибудь под деревом или на берегу реки, бессмысленно лопочет, выцарапывает ногтями на земле какие-то значки, и ему только грезится, будто он живет в этом доме, в этой комнате, греется у этого огня?

Нет, едва ли. Уж очень все отчетливо и подробно. Воображение лишь набрасывает неясный, расплывчатый фон. А тут вдоволь подробностей и никакой расплывчатости, и он волен двигаться и думать, как хочет и о чем хочет; он вполне владеет собой.

Но если ничего не мерещится, если он в здравом уме, значит и этот дом и все, что происходит,— чистая правда. А если правда, значит дом этот построен, образован или создан какими-то силами извне, о которых человечество доныне даже не подозревало.

Зачем это им понадобилось? Чего ради?

Может быть, его взяли как образчик вида, хотят изучить, что это за существо такое — человек? Или рассчитывают как-то им воспользоваться?

А вдруг он не единственный? Может, есть и еще такие, как он? Получили нежданный подарок, но держат язык за зубами из страха, что люди вмешаются и все испортят?

Он медленно поднялся и вышел в прихожую. Взял телефонную книгу, вернулся в гостиную. Подбросил еще полено в камин и уселся в кресло с книгой на коленях.

Начнем с себя, — подумал он, — поглядим, числюсь ли я в списках.

И без труда отыскал: ГРЕЙ, Фредерик, Гелиос III — СЮ 6-26-49.

Он вернулся к началу и стал читать подряд, ведя пальцем сверху вниз по столбцу имен. Книжка была не толстая, однако немало времени понадобилось, чтобы тщательно ее просмотреть, не пропустить другого землянина. Но другого не нашлось — ни с Земли, ни хотя бы из нашей солнечной системы. Только он один.

Что же это, одиночество? А может быть, можно чуточку и гордиться? Один-единственный на всю солнечную систему.

Он отнес справочник в прихожую — на столике, на том самом месте, лежала еще одна книга. Грей озадаченно уставился на нее — разве их было две? Было две с самого начала, а он не заметил? Он наклонился, вгляделся — нет, это не список телефонов, а что-то вроде папки с бумагами, и на обложке напечатаны его имя и фамилия.

Нет, конечно же, раньше этой папки здесь не было. Ее положили сюда, как ставили на стол еду, как повесили в шкаф одежду, которая в точности пришлась ему впору. Это сделала некая непонятная сила, незримая или, уж во всяком случае, ненавязчивая.

Дистанционное управление? Возможно, где-то существует копия этого дома, там какие-то силы, вполне зримые и в тех условиях естественные и обычные, накрывают на стол или вешают одежду — и действия эти мгновенно и точно воспроизводятся здесь? Если так, значит покорено не только пространство, но и время. Ведь те, неведомые, не могли знать, какими книгами надо заполнить кабинет, пока в доме не появился жилец. Не могли знать, что сюда забредет именно он, Фредерик Грей, чья специальность — право. Поставили ловушку (гм, ловушку?), но не могли знать заранее, какая попадется дичь.

Каким бы способом ни печатались те книги на полках, на это требовалось время. Надо было подыскать нужную литературу, перевести и подготовить к печати. Неужели возможно так управлять временем, чтобы все это отняло лишь двадцать четыре земных часа? Неужели можно растянуть время или, напротив, сжать его ради удобства неведомых зодчих, которые возвели этот дом?

Он открыл папку, и ему бросились в глаза строки, крупно напечатанные на первой странице:

Краткое изложение и документация.
Валматан против Мер Эл.
Дело подлежит рассмотрению по законам межгалактического права.
Судейская коллегия:

Ванз КАМИС, Рас Альгете VI,
Итэ НОНСКИК, Тубан XXVIII,
Фредерик ГРЕЙ, Гелиос III.

Он похолодел. Задрожали руки, и он опустил папку на столик, опустил осторожно, как что-то хрупкое: уронишь — разобьется вдребезги.

Межгалактическое право. Три ученых-законоведа, три знатока (?) из трех разных солнечных систем! А само дело и закон скорей всего еще из какой-нибудь четвертой системы.

«Немножко помочь», — сказал тогда голос по телефону.

Немножко помочь. Вынести приговор согласно законам и судебной процедуре, о которых никогда и не слыхивал!

А другие двое? Они что-нибудь слышали?

Он порывисто перелистал справочник. Вот, нашел: Камис Ванз. Старательно набрал номер.

— Ванза Камиса сейчас нет, — сказал приятный голос. — Что-нибудь передать?

Ошибся, — подумал Грей. — Не следовало звонить. Бессмысленный поступок.

— Алло, — сказал приятный голос. — Вы слушаете? Ванза Камиса нет дома. Что-нибудь передать?

— Нет, — сказал Грей. — Нет, спасибо. Ничего не надо.

Звонить не следовало. Это слабость, малодушие. В такие минуты человек должен полагаться только на себя. И надо быть на высоте. Тут нельзя отмахнуться, не такое положение, чтобы прятаться в кусты.

Он взял куртку, кепку и вышел из дому.

Всходила луна, снизу ее золотой диск был иззубрен темными силуэтами сосен, что росли высоко на другом берегу. Где-то в лесу глухо ухала сова, в реке плеснула рыба.

Вот где можно поразмыслить. Грей остановился и глубоко вдохнул ночную свежесть. Здесь под ногами родная земля. И думается лучше, чем в доме, который, по сути своей, — продолжение многих других миров.

Он спустился по тропинке на берег, к своему каноэ. Оно было на месте, после вчерашней бури в нем застоялась вода. Грей повернул его набок и вылил воду.

«Дело должно рассматриваться по законам межгалактического права», — сказано на первой странице. А существует такая штука — межгалактическое право?

К закону можно подойти по-разному. В нем можно видеть отвлеченную философию или политическую теорию, историю нравственности, общественную систему или свод правил. Но как бы его ни понимать, как бы ни изучать, какую бы сторону ни подчеркивать, его основная задача — установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникающий в обществе конфликт.

Закон не есть что-то мертвое, неподвижное, он непременно развивается. Каким бы медлительным он ни был, он следует за движением общества, которому служит.

Грей невесело усмехнулся, глядя в полутьме на вспененную реку; вспомнилось, как он годами на лекциях и семинарах вколачивал эту мысль в головы слушателей.

На какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом. Но возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватила не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть.

А если так, то он, Грей, может помочь, вернее — могут пригодиться земные законы. Нет, Земле незачем стыдиться того, чем она располагает. Человеческий разум всегда тяготел к закону. Более пяти тысячелетий человечество старалось опираться на за-

кон, и это привело к развитию права — вернее, ко многим путям развития. Но найдутся в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов.

Химия — одна для всей вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна. Те двое, жители двух других планет, судьи, которым вместе с ним надлежит разобраться в спорном деле, скорее всего не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же.

А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии?

Быть может, еще не сейчас. Но через десять тысяч лет. Пусть через миллион лет.

Он снова двинулся в гору, давно уже его походка не была такой легкой, а будущее не казалось таким светлым — не только его будущее, но будущее всего сущего.

Многие годы он именно этому учил и за это ратовал: за надежду, что настанет время, когда в законе и праве воплотится великая, непреложная истина.

Да, становится теплей на сердце, когда знаешь, что и другие чувствуют так же и работают ради той же цели.

Никакой здесь не дом престарелых, и это чудесно. Ведь дом престарелых — тупик, а это — великолепное начало.

Немного погодя зазвонит телефон и его спросят, согласен ли он помогать. Но вовсе незачем ждать звонка. Надо работать, работы по горло. Надо прочесть дело в папке, и основательно разобраться в сводах чужих законов, и разыскать по ссылкам все источники и прецеденты, и думать, думать.

Он вернулся в дом. Прошел в кабинет, положил папку на письменный стол. Достал блокнот, карандаши, удобно разложил все под рукой.

Сел и вплотную занялся межзвездным правом.

Сокращенный перевод
с английского НОРЫ ГАЛЬ

НАКАЗАНИЕ

Фантастическая юмореска

На 346 году Будущей эры некий Нарушитель совершил проступок, вызвавший всеобщее недоумение и самые разнообразные толки.

Проступок объяснили своеобразием характера Нарушителя, недоразумением, временным умопомрачением, педагогическими ошибками, которые, может быть, совершили в детстве воспитатели Нарушителя, уязвленным самолюбием, срывами в работе, неустроенной личной жизнью и даже излишне пылким проявлением добрых чувств.

Но все эти объяснения оставляли у людей той прекрасной эпохи смутное чувство неудовлетворенности. Получалось, что нужно скорее сострадать Нарушителю, чем осуждать его. Да и сам Нарушитель то ухмылялся, радуясь неожиданной популярности, то всем своим скорбным видом взывал к сочувствию.

Объяснения были правдоподобны, но оставался в этом деле некий икс, не раскрыв которого ничего не поймешь.

Решение вопроса поручили электронному мозгу. Ответ пришел поразительный: «Поступок является попыткой достичь своих целей низким искательством при отсутствии чувства чести и самоуважения. В древности его назвали бы подлым».

Ответ вызвал не только отвращение к Нарушителю, но и успокоение умов, чувство облегчения, которое приходит, когда решена сложная задача.

«Если уж в древности только исключительные преступления называли подлыми, то каким же преступлением была сама подлость!» — рассуждали все.

Преступление требовало наказания, которого не было в обычаях и установлениях того чудесного времени. Тогда решили покарать подлость по законам тех исторических эпох, когда она еще существовала на Земле.

В электронный мозг поступили все судебники, уложения, законоположения, уставы и кодексы, начиная с законов древневавилонского царя Хаммурапи. Решения ждали с трепетом, а то и с ужасом: вдруг выйдет, что Нарушителя следует повесить, четвертовать, колесовать или, обмазав медом, посадить в муравейник.

И снова ошеломляющий ответ: «Нет никаких данных, что подлость как таковая преследовалась законами. Она каралась лишь постольку, поскольку входила в состав других преступлений».

— Как? — удивилось человечество. — Неужели древние спокойно терпели такую ужасную вещь, как подлость?

Электронному мозгу пришлось переработать уйму материала, начиная с древних саг и былин и кончая пожелтевшими телесценариями. И вот пришел ответ: «Среднестатистическое наказание за подлость — пощечина, затрещина, плюха, оплеуха».

Наказание было совершено в торжественной обстановке на глазах у всего человечества, приникшего к устройствам, заменившим наши телевизоры.

На ринге Центрального стадиона в разных углах, опираясь на канаты, стояли Нарушитель и Наиболее Потерпевший. По свистку Верховного судьи (судьи сохранились только в спорте) они стали сближаться.

Наиболее Потерпевший был мрачен. «Все-таки жестокие обычаи были у древних, — думал он. — После того, что пережил, ты должен еще и ударить человека. А вдруг этот подлец сообразит после правой щеки подставить левую? Я этого не вынесу. Может, взять и по-братски поцеловать его? А если он тут же умрет со стыда за содеянное?»

Он занес руку. Человечество застонало от ужаса. Ведь люди привыкли ощущать чужую боль как свою.

И вдруг Наиболее Потерпевший опешил. Щека Нарушителя, которая должна была подвергнуться экзекуции, густо покраснела, хотя пощечина еще не была нанесена. Покраснение быстро распространилось на другую щеку, а затем и на все лицо.

— Доктора! Доктора! — закричал Верховный судья.

— Послушайте! — раздался женский голос из первых рядов. — Не надо никакого доктора. Нарушителю стыдно. Он просто покраснел. Так бывает. Я где-то читала об этом!

— Ему стыдно! Он познал стыд! Он спасен!

По всей Земле, на всех обитаемых планетах Солнечной системы люди аплодировали, обнимались и плакали от радости.

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

ГАРРИ ГАРРИСОН

Фантастическая повесть

Трубопровод пневмопочты тихо выдохнул в приемную чашу патрон размером с карандаш. Сигнальный звонок смолк. Язон динАльт уставился на безобидный патрон так, словно это была бомба с часовым механизмом.

Тут какой-то подвох... Он почувствовал, как внутри все напряглось. В чаше лежал не официальный бюллетень и не извещение от гостиничной администрации, а личное письмо. Но ведь он никого не знает на этой планете, еще и восьми часов не прошло, как прибыл сюда на космическом корабле.

Он сорвал ногтем печать и снял крышку. Искаженный записью, металлический голос нельзя было опознать: «Керк Пирр хотел бы встретиться с Язоном динАльтом».

Когда дверь отворилась, Язон полулежал на краю кушетки и прихлебывал какой-то напиток из высокого стакана.

«Бывший борец», — подумал Язон, глядя на вошедшего в номер седого богатыря. Так вот он какой, Керк Пирр. Не человек — скала, сплошные литые мускулы. Строгий серый костюм напоминал форменную одежду. К правому предплечью пристегнута шершавая, потертая кобура, из которой холодно смотрело дуло пистолета.

— Ты — динАльт, игрок, — произнес незнакомец без тени учтивости. — У меня к тебе предложение.

— Простите, приятель, — Язон улыбнулся, — но вы ошиблись дверью. Я бы рад вам помочь, да только от моей игры больше выгадывает казино, чем я. Так что...

— Не будем играть в кошки-мышки, — перебил его властный, рокочущий голос Керка. — Ты динАльт, и ты же Боухил. Если тебе этого мало, могу назвать планету Мэхаута, казино «Туманность» и кучу других. У меня есть предложение, от которого мы оба выиграем, так что лучше выслушай меня.

Язон продолжал улыбаться, словно речь шла не о нем, но весь напружинился. Этот незнакомец знает вещи, которых ему знать не положено... Пора менять тему разговора.

— А у вас недурной пистолет, — сказал Язон. — Да только вид пистолетов действует мне на нервы. Я буду вам признателен, если вы его уберете.

Керк хмуро скосился на кобуру, как будто только сейчас ее заметил.

— Я никогда его не снимаю, — буркнул он с оттенком недовольства.

Прощупывание кончилось. Пора брать руль в свои руки, если он хочет выйти живым из этой переделки. Язон наклонился вперед, чтобы поставить стакан на стол, в это же время его правая рука как бы нечаянно очутилась под подушкой. Пальцы нащупали рукоятку пистолета.

— Боюсь, что я буду вынужден настоять на своем. А то мне всегда как-то не по себе в обществе вооруженных людей.

Керк Пирр стоял, будто монолит, глядя, как пистолет появляется из-под подушки и поворачивается в его сторону. Он оставался безучастным до последней секунды. Но дальше он действовал молниеносно. Только что его пистолет был в кобуре — и вот уже смотрит прямо в лоб Язону.

— Ну, хватит шутки шутить, — сказал Керк. — Займемся делом.

Язон потянулся за стаканом и отпил добрый глоток для успокоения нервов. Он умел обращаться с оружием, быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а тут ему впервые утерли нос.

— Никаких дел, — произнес он ледяным тоном. — Я прилетел на Кассилию отдыхать, у меня отпуск.

— Не будем морочить друг другу голову, динАльт, — нетерпеливо сказал Керк. — Ты и дня не занимался честным трудом. Ты профессиональный игрок, потому я и пришел к тебе.

Язон подавил ярость и отшвырнул пистолет.

— Хорошо, что вам угодно?

Керк опустился в кресло, которое жалобно скрипнуло от такого груза, достал из кармана конверт, вскрыл его и бросил на стол пачку мерцающих галактических банкнотов. Язон взглянул на них и сразу выпрямился.

— Фальшивки? — спросил он, подняся банкнот к свету.

— Самые настоящие, — заверил его Керк. — Сам получал их в банке. Двадцать семь штук — двадцать семь миллионов кредов. Мне нужно, чтобы ты играл на эти деньги в казино сегодня вечером. И нужно, чтобы ты выиграл три миллиарда, ни больше ни меньше.

— А я что получу? — сухо спросил Язон, как будто в этом фантастическом предложении была хоть толика смысла.

— Все, что сверх трех миллиардов, можешь оставить себе. По-моему, это вполне справедливо. Сам ничем не рискуешь, а выиграешь — можешь обеспечить себя на всю жизнь.

— А если я проиграю?

Керк на миг задумался, мысль о проигрыше явно была ему не по вкусу.

— Да, ты можешь и проиграть. Я об этом не подумал...

Решение последовало сейчас же.

— Что ж, проиграешь так проиграешь, приходится рисковать. Только боюсь, тогда мне придется убить тебя. Во имя тех, кто

отдал жизнь, чтобы добыть эти двадцать семь миллионов. — Он сказал это спокойно, без тени злобы, не угрожая, а констатируя факт.

Язон вскочил с кушетки, снова наполнил свой стакан, налил и Керку, который кивнул в знак благодарности, и нервно заходил по комнате. Слова Керка разозлили его, и в то же время так трудно было устоять против соблазна. На игрока такие речи действовали, как вид наркотика на наркомана. Вдруг он остановился, поняв, что в душе давно уже все решил. Проигрыш, выигрыш, жизнь, смерть — да разве можно отказаться, когда речь идет о таких деньгах!

— Я согласен. Да вы, наверно, с первой минуты знали, что я соглашусь. Но с одним условием. Я хочу знать, кто вы такой и кто эти люди, о которых вы говорите. И откуда деньги... Они краденые?

Керк осушил стакан и отодвинул его в сторону.

— Краденые? Ничего похожего. Эти деньги — плод двух лет упорного труда в рудниках и обогатительных цехах. Руда добыта на Пирре и продана здесь, на Кассилии. Проверить это ничего не стоит. Я сам ее продал. Я посланник Пирра.

— Я проверю ваши слова, — сказал Язон. — Если все подтвердится, мы поладим. Свяжитесь со мной завтра...

— Нет, — отрубил Керк. — Деньги должны быть выиграны сегодня.

— Ладно, пусть сегодня, — сказал Язон —Но мне понадобится один из этих кредитных билетов для проверки.

Керк встал.

— Бери их все, мы встретимся после твоего выигрыша. Конечно, я буду в игорном доме, но не показывай вида, что знаком со мной. Лучше, чтобы они не знали, откуда у тебя деньги и сколько их.

Секунду спустя он уже был за дверью.

Керк Пирр, человек, фамилия которого совпадает с названием его родной планеты, — последний дурак во всей вселенной. Или... Или он не дурак. Судя по тому, как протекала их беседа.

— Он знает, что я предпочту играть на деньги, а не красть их, — сказал Язон с кривой усмешкой, засунул в кобуру на поясе пистолет, положил деньги в карман и вышел из номера.

Электронный кассир в банке озадаченно звякнул при виде миллионной кредитки и включил световое табло, предлагающее клиенту пройти к вице-директору Уэйну. Вице-директор, скользкий тип с вкрадчивыми манерами, вытаращил глаза и слегка побледнел, когда Язон предъявил ему пачку кредиток.

— Вы... желаете поместить эти деньги в нашем банке? — спросил он, машинально поглаживая пальцами билеты.

— Не сегодня, — ответил Язон. — Мне вернули долг. Будьте любезны, проверьте их. И разменяйте — мне нужно пятьсот билетов по тысяче кредов.

Оба его внутренних кармана были плотно набиты, когда он покидал банк. Проверка подтвердила подлинность банкнотов, и теперь Язон чувствовал себя ходячим монетным двором.

Казино «Кассилия» служило игорным центром для ближайшего звездного скопления. Язон попал сюда впервые, но он хорошо знал этот род заведений. Почти все свои зрелые годы он провел в таких же игорных домах разных галактик. Только оформление различается, а суть одна. На виду — игра и публичные развлечения, за кулисами — все виды приватного порока. Худощавый и темноволосый, Язон держался решительно и уверенно, ничто в нем не выдавало профессионального игрока.

За одним из столов Язон заметил Керка, но тот даже не оглянулся. Посланник Пирра играл по маленькой в семерку, проигрывал и обнаруживал явные признаки нетерпения.

Как обычно, Язон занял место за столом, где шла игра в кости. Самый верный способ выигрывать по малой. «А если сегодня на меня накатит, очищу всю кассу этого казино!» Он думал о своем секрете, благодаря которому никогда не оставался в проигрыше. А время от времени даже загребал большой куш.

Сидя и машинально делая небольшие ставки, пока кость шла по кругу, Язон размышлял о своем редком свойстве. «Столько лет над этим бьются, а мы до сих пор так мало знаем про психокинез. Научились натаскивать людей — самую малость, развивать врожденные способности — чуть-чуть. И все».

Язон чувствовал себя в ударе, миллионы, оттопыривавшие его карман, сыграли роль импульса, который иногда помогал ему зажечься. Прикрыв глаза, он взял кости и мысленно погладил рисунок, образованный ямками. В следующую секунду они выскочили из его руки на стол, и он увидел семь. Есть!

Такого подъема он не ощущал много лет. А все эти миллионы кредов. Окружающее воспринималось предельно четко и ясно, кости беспрекословно слушались. Он знал с точностью до десятки, сколько денег в бумажниках у других игроков, мысленным взором видел все карты на руках у картежников за другими столами.

И Язон медленно, осторожно начал повышать ставки.

С костями все шло как по маслу, они катились и останавливались по его желанию, словно ученые собачки. Язон не торопился, сосредоточил внимание на психологии игроков и крупье. Почти два часа ушло у него на то, чтобы довести выигрыш до семи миллионов кредов. Тут он перехватил сигнал дежурного, который сообщал дирекции, что казино грозит крупный проигрыш. Выждав, когда этот тип с колючими глазами вернулся к столику, Язон подул на кости, поставил все свои фишки — и одним махом просадил их. Крупье облегченно улыбнулся, лицо дежурного посветлело, а Керк — Язон заметил это уголком глаза — побагровел.

Бледный, вспотевший, Язон чуть дрожащей рукой полез во внутренний карман и достал конверт с новенькими кредитками. Распечатал его и бросил на стол два билета.

— Предлагаю не ограничивать ставок, — сказал он просящим голосом. — Дайте мне шанс отыграться.

Дежурный, с трудом сдерживая улыбку, переглянулся с крупье. Дескать, попался простак, надо его обчистить.

Теперь поединок шел только между Язоном и казино, остальные два игрока превратились в статистов, и зрители плотной стеной обступили столик. Сперва выигрыши чередовались с проигрышами, потом он взял подряд несколько крупных ставок, и гора золотых фишек стала быстро расти. Он прикинул, что дело идет уже к миллиарду. Кости по-прежнему слушались, но Язон весь взмок от напряжения. Он поставил все фишки и протянул руку за костями. Однако крупье опередил его своей лопаточкой.

— Казино требует сменить кости, — твердо сказал он.

Язон выпрямился и вытер руки платком, радуясь передышке. Уже третий раз казино меняло кости, пытаясь оборвать полосу его удачи. Правила допускали это. Дежурный с колючими глазами снова раскрыл свой бумажник и, не глядя, вытащил пару костей. Сорвав целлофановую обертку, он бросил их через стол Язону. Выпало семь очков, и Язон улыбнулся.

Но когда он взял кости в руки, улыбка медленно сошла с его лица. Кости были прозрачные, абсолютно гладкие, одинаково тяжелые со всех сторон. И тем не менее с подвохом.

Медленно встряхивая кости, Язон окинул стол взглядом. Ага, вот то, что ему нужно. На металлической кромке стола стояла магнитная пепельница. Он перестал трясти кости, испытующе поглядел на них, быстро взял пепельницу и опустил ее донышком себе на ладонь.

Когда он снова поднял пепельницу, окружающие дружно ахнули. Кости прилипли к ней шестерками вниз.

— Вы это называете хорошими костями? — спросил Язон.

Рука дежурного метнулась к боковому карману. Один Язон видел, что произошло в следующую секунду. Его глаза были прикованы к этой руке, и сам он уже взялся за свой пистолет. Но тут из-за чьей-то спины вынырнула могучая лапища, которая могла принадлежать только одному человеку. Большой и указательный пальцы на миг сомкнулись клешней вокруг запястья дежурного и тотчас отпрянули. Дежурный пронзительно вскрикнул — сломанная кисть висела, будто перчатка.

С таким фланговым прикрытием Язон спокойно мог продолжать игру.

— Прежние кости, если не возражаете,— сдержанно произнес он.

Огорошенный крупье повиновался. Язон встряхнул кости и бросил. Они еще не коснулись стола, когда он с ужасом почувствовал, что не может больше управлять ими. Наитие кончилось.

Грани костей мелькали перед глазами, наконец остановились. Семь очков.

Принимая выигранные фишки, Язон подсчитал сумму. Чуть меньше двух миллиардов кредов. Но Керку нужно три. Ничего, обойдется. Он хотел уже встать, когда поймал взгляд Керка и увидел, как тот отрицательно мотнул головой.

— Ладно, — устало произнес Язон. — Еще один раз.

Он долго тряс кости, тщетно стараясь восстановить свою власть над ними, наконец бросил.

Толпа вздохнула вместе с ним, со всех сторон загудели голоса. Сейчас бы расслабиться, перевести дух, но Язон знал, что этого не дано. Мало выиграть деньги — надо еще унести их. Он остановил проходившего мимо официанта с полным подносом напитков и сунул ему в карман стокредовую бумажку.

— Я угощаю! — крикнул он, забирая поднос.

Болельщики мигом разобрали бокалы, и Язон принялся складывать на поднос фишки. Кажется, не уместятся... В эту минуту рядом с ним появился Керк с другим подносом.

— Я с удовольствием помогу вам, сударь, если позволите.

Осторожно неся тяжелые подносы, они пробились между рядами возбужденных завсегдатаев к окошечку кассы. Их ожидал сам управляющий с вымученной улыбкой на лице. Но и эта улыбка исчезла, когда он подсчитал фишки.

— Вы не могли бы прийти завтра? Боюсь, у нас сейчас нет в наличии такой суммы.

— Увильнуть задумали? — закричал Керк. — Небось, меня обчистить вам ничто не помешало бы! Нет уж, рассчитывайтесь!

Его поддержали болельщики, которых всегда радовал проигрыш казино. Язон быстро нашел решение.

— Ладно, я согласен уступить,— громко сказал он. — Давайте наличными, сколько можете, на остальное выпишите чек.

В главном зале, набитом посетителями, никто их не тронул, но у выхода из казино дорогу им преградили двое.

— Минуточку, — начал один из них.

Больше он ничего не успел сказать. Керк, не замедляя шага, продолжал идти вперед, и оба незнакомца отлетели в стороны, будто кегли.

— На стоянку, — сказал Керк. — У меня там машина.

Завернув за угол, они увидели мчащийся прямо на них автомобиль. Прежде чем Язон успел выхватить пистолет, Керк шагнул вперед. Его рука взметнулась вверх, и знакомое Язону грозное оружие, прорвав рукав, буквально прыгнуло ему на ладонь. Первый же выстрел убил шофера, автомобиль вильнул в сторону и врезался в дом. Два пассажира упали замертво возле дверец, обронив свои пистолеты на землю.

Больше им никто не мешал. Керк на полной скорости погнал свою машину прочь от казино.

— Слушай, когда будет такая возможность, — заговорил наконец Язон, — объяснил бы ты мне этот фокус с пистолетом.

— Когда будет такая возможность, — ответил Керк, сворачивая в туннель, ведущий в город.

Дом, у которого они остановились, явно принадлежал какому-то знатному кассилийцу. Пока они ехали, Язон успел пересчитать выигрыш и отложить свою долю. Почти шестнадцать миллионов кредов. Прямо сказка... Когда они вышли из машины, он отдал Керку его деньги.

— Вот твои три миллиарда, — сказал он. — И не думай, что они мне легко дались.

— Могло быть хуже, — услышал он в ответ.

— Сир Элл лег спать,— проскрипел репродуктор над дверью. — Приходите утром. Прием только по предварительной зап...

Фраза оборвалась на полуслове, когда Керк высадил дверь, легонько надавив на нее ладонью. Входя, Язон посмотрел на искореженный замок и снова подивился своему партнеру.

«Сила... нет, это не просто сила... это как стихия. Похоже, его ничто не может остановить».

Сир Элл был человек в летах, лысеющий и сердитый. Впрочем, он тотчас перестал брюзжать, едва Керк бросил на стол деньги.

— Погрузка корабля закончена, Элл?

С минуту Элл только молча щупал кредитки.

— Корабль... а, да-да, конечно. Мы сразу начали погрузку, когда поступил аванс. Извините... но это как-то необычно. Мы такие сделки наличными не оформляем.

— А я предпочитаю деньги на бочку, — ответил Керк. — Авансовый чек я аннулировал, вот тут все полностью. Как насчет расписки?

Элл машинально написал расписку, потом вдруг опомнился:

— Погодите... Я не могу взять их сейчас, вам придется прийти завтра утром, в банк, — решительно заключил он.

Керк протянул руку и выдернул бумажку из пальцев Элла.

— Благодарю за расписку, — сказал он.

Прежде чем Язон открыл рот, Керк уже ответил на его очередной вопрос.

— Надо думать, ты не прочь пожить подольше, чтобы истратить денежки, которые выиграл. Я заказал два места на межпланетном корабле. — Керк глянул на часы и продолжал: — Вылет через два часа, у нас куча времени. Я проголодался, поищем ресторан.

Они кружили по туннелям, пока не убедились, что их не преследуют. Наконец Керк загнал машину в темный тупик.

— Мы легко добудем другую,— сказал Керк. — А эта у них, наверно, уже на примете.

На стоянке темнели могучие силуэты наземных грузовозов. Язон и Керк пробрались между колесами в рост человека и вошли в шумный, душный ресторан. Сидевшие за столиками водители и рабочие утренних смен не обратили на них никакого внимания; они высмотрели тихий закуток и набрали заказ на круглом диске.

Керк отрезал от солидной порции мяса хороший кусок и бодро сунул его себе в рот.

— Ну, задавай свои вопросы,— сказал он. — Теперь я готов отвечать.

— За какой корабль ты рассчитывался? Что это за груз, из-за которого я рисковал головой?

— Мне показалось, что ты рисковал из-за денег, — отпарировал Керк. — Не беспокойся, речь идет о добром деле. От этого груза зависит жизнь целого мира. Оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и все такое прочее.

Язон чуть не подавился:

— Контрабанда оружия? Ты что, небольшую войну финансируешь? А еще толкуешь о жизни — это с таким-то грузом! Только не говори мне, что он предназначен для мирных целей. Кого вы убиваете?

Добродушие покинуло лицо седого богатыря; теперь оно выражало хорошо знакомую Язону непреклонность.

— Что ж, выражение «мирные цели» вполне подходит. По существу, мы только к этому и стремимся — жить в мире. И мы убиваем не «кого», а «что».

Язон сердито отодвинул тарелку.

— Я не вижу никакого смысла в твсих словах.

— Смысл есть. Правда, только на одной планете во всей вселенной. Что ты знаешь о Пирре?

— Ровным счетом ничего.

Взгляд Керка стал отсутствующим, было очевидно, что его мысли унеслись куда-то очень далеко. Затем он продолжал:

— Пирр и человек — несовместимые вещи. И однако, люди живут на нем уже скоро триста лет. Средняя продолжительность жизни у нас — шестнадцать лет. Конечно, большинство взрослых живет дольше, но на средней цифре сказывается высокая детская смертность. Это совсем не гуманоидный мир. Сила тяжести вдвое больше нормальной. Температура за день колеблется от арктической до тропической. Климат... его надо испытать на себе. Во всей Галактике не найдешь ничего подобного.

— Как ты меня напугал, — невозмутимо сказал Язон. — Какая у вас газовая оболочка? Метан? Хлор? Бывал я на таких планетах...

Керк ударил кулаком по столу. Тарелки подскочили, ножки стола жалобно скрипнули.

— Лабораторные реакции! — рявкнул он. — Куда как эффектно в химическом кабинете, но ты представь себе целую планету с такими газами! Одно галактическое мгновение, и вся мерзость связана в безобидных стабильных соединениях. Атмосфера может быть ядовитой для кислородного организма, а в остальном не опаснее разбавленного пива. Если хочешь знать, для планеты только одно сочетание является чистым ядом. Побольше аш-два-о, самого универсального растворителя на свете, плюс свободный кислород...

— Вода и кислород? — перебил его Язон. — Ты подразумеваешь Землю? Или что-нибудь вроде Кассилии? Это же абсурд.

— Ничего подобного. Ты родился в такой среде, оттого она и кажется тебе естественной и нормальной. Ты привык, что металлы должны окисляться, а берега разрушаться, привык, что грозы мешают радиосвязи. Обычная история для водно-кислородных миров. Да только на Пирре все это возведено в энную степень. Ось планеты наклонена под углом около сорока двух градусов, и колебания температур в году огромные. Это одна из главных причин, почему все время изменяется ледяной покров. И получаются такие перемены погоды, что не описать.

— Если это все, — сказал Язон, — я не понимаю...

— Все? Это только начало. Моря и океаны — вот тебе еще разрушительный фактор, даже два. Во-первых, испарения, которые

поддерживают мощные ветры; во-вторых, чудовищные приливы. Два спутника Пирра, Самас и Бессос, когда их притяжение складывается, могут нагнать приливную волну высотой до тридцати метров. Кто не видел, как такая волна захлестывает действующий вулкан, тот вообще ничего не видел. Нас привели на Пирр тяжелые элементы, и по милости этих же элементов планета напоминает кипящий котел.

Язон молча слушал, пытаясь представить жизнь на планете, которая, можно сказать, непрерывно сражалась сама с собой.

— Но самое приятное я приберег на десерт, — сказал Керк с мрачным юмором. — Теперь, когда ты получил представление о среде, вообрази, какие организмы в ней обитают. Сомневаюсь, чтобы на других планетах нашелся хотя бы один вид, который выживет там больше минуты. На Пирре что растения, что животные — это же чистые гангстеры. Они без конца сражаются с родной планетой и друг с другом. Сотни тысяч лет генетического отбора создали такие штуки, что электронно-вычислительную машину жуть возьмет. Бронированные, ядовитые, сплошные когти и щупальца. Это относится ко всему, что ходит, летает или просто сидит на месте. Видел ты когда-нибудь растение с зубами? Растение, которое кусается? Скажи спасибо, что ты не пиррянин и никогда не увидишь Пирр.

— Вот тут-то ты и ошибся, — возразил Язон, стараясь говорить хладнокровно. — Дело в том, что я полечу с тобой.

— Не болтай вздора, — сказал Керк, заказывая вторую порцию жаркого. — Пирр — планета смерти, а не достопримечательность для пресыщенных туристов. Я не могу позволить тебе лететь со мной.

Игроки, не умеющие владеть собой, долго не живут. Язон основательно разозлился. Но внешне это проявлялось, так сказать, со знаком минус: его лицо было совершенно бесстрастным, голос — предельно спокойным.

— Не учи меня, что мне можно, а чего нельзя, Керк Пирр. Ты сильный человек и ловкий стрелок, но это еще не дает тебе права распоряжаться мной. Ты можешь помешать мне лететь на твоем корабле. Но что мне стоит найти другой способ? И нечего изображать меня туристом, ведь ты не знаешь, какие соображения влекут меня на Пирр.

Язон не стал объяснять, что это за соображения. Во-первых, он еще сам в них не до конца разобрался; во-вторых, ему не хотелось раскрывать душу. Чем больше он путешествовал, тем меньше разницы видел. Старые цивилизованные планеты все на одно лицо, сплошная скука. Пограничные миры — однообразный примитив, что-то вроде временных лагерей в лесу. Нельзя сказать, чтобы все галактики ему опостылели. Просто он исчерпал их возможности, а себя еще не исчерпал. До знакомства с Керком Язон не встречал никого, кто превзошел бы его самого или мог хотя бы равняться с ним. Это было вовсе не самомнение, а голый факт. И вот он стоит перед новым фактом: похоже, есть планета, где каждый превосходит его. Язон знал, что не сможет спать спокойно, пока не побывает там и не убедится в этом своими глазами. Даже если это будет стоить ему жизни. Но разве скажешь об этом Керку. Он лучше поймет другие аргументы.

— Вот ты не хочешь пускать меня на Пирр, — сказал Язон. — А ты сперва подумай. Я не буду говорить о том, что ты мне обязан, что я выиграл нужные тебе деньги. Сейчас тебе понадобилась уйма всякого оружия, — может, и снова понадобится. Так не лучше ли иметь под рукой испытанного и верного товарища, чем изобретать какой-нибудь новый ход, который может подвести?

Керк задумчиво уписывал вторую порцию мяса.

— Что ж, в этом есть смысл. По правде говоря, мне это в голову не пришло. Такой уж изъян у нас, жителей Пирра, — мало думаем о будущем. День прожить, и то задача. Можешь лететь со мной. При условии, что ты неукоснительно будешь выполнять все наши указания по поводу твоей личной безопасности.

— Условия приняты, — сказал Язон. И спросил себя, отчего это он с такой радостью подписывает свой смертный приговор.

Керк расправлялся с третьей порцией десерта, когда его часы тихонько зажужжали. Он отбросил вилку и встал.

— Пора, — сказал он. — Нам надо выдерживать график.

Язон ничуть не удивился, когда они за углом ступили на межъярусный эскалатор. Он уже сообразил, что после казино каждый их шаг был точно рассчитан заранее. Можно не сомневаться, что объявлена тревога и их разыскивают по всей планете.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Живей, — буркнул Керк, снова глянув на часы.

Они пробежали пять пролетов, ни встречных, ни догоняющих не было. Наконец Керк угомонился и предоставил эскалатору выполнять всю работу. На втором автоярусе Керк сошел с медленно ползущей лестницы. В ту самую секунду, когда они очутились на улице, прямо перед ними около тротуара остановилась машина. Здравый смысл подсказал Язону, что хвататься за пистолет не надо. Открылась дверца, водитель вышел. Керк молча вручил ему полоску бумаги и сел за руль. Язон едва успел вскочить в кабину, как машина рванула с места.

В тусклом свете Язон не смог как следует присмотреться к шоферу, однако он и без того узнал его. Нет, они никогда не встречались прежде, но после знакомства с Керком Язон где угодно определил бы пиррянина по атлетической фигуре.

— Ты отдал ему расписку Элла, — сказал он.

— Точно. Можно быть спокойным за корабль и груз. Они будут достаточно далеко, пока кассилийцы проследят путь чека от казино до Элла. А теперь позаботимся о себе. Я объясню тебе все подробно, чтобы ты не дал маху. Слушай внимательно и, если будут вопросы, задашь их, когда я кончу говорить.

Это было сказано так категорично, что Язон безропотно подчинился. Хотя не без улыбки подумал о том, как быстро Керк отнес его в разряд сосунков.

Они свернули, вливаясь в поток транспорта, направляющийся к космодрому. Керк легко вел машину и объяснял:

— В городе объявлен розыск, но мы опережаем противника. Я уверен, что кассилийцы не захотят портить себе марку на всю вселенную и не станут перекрывать дороги. Но космодром, конечно, уже кишит их людьми. Если деньги уплывут с планеты, их уже не вернешь, они это знают. И когда мы пойдем напролом, они будут уверены, что деньги еще при нас. Тогда корабль с боеприпасами уйдет без всяких помех.

Язон слегка опешил:

— Это как же, ты хочешь, чтобы мы, как говорится, приняли огонь на себя и прикрыли вылет транспортного корабля?

— Можно и так выразиться. Но ведь нам все равно надо убираться отсюда, так почему не превратить наше бегство в дымовую завесу? А теперь помолчи, пока я не закончу, понял? Еще раз перебьешь, я тебя высажу.

Язон в этом ничуть не сомневался.

— Служебный въезд, наверно, будет открыт. И за каждой машиной будут наблюдать агенты в штатском. Может быть, нам даже удастся проникнуть на территорию неузнанными, в чем я сильно сомневаюсь. Это неважно. Мы проедем через ворота и прямо к стартовой площадке. У нас билеты на «Гордость Дархана», за две минуты до взлета он сигналит сиреной и отцепляет трап. Мы занимаем свои места, и корабль тут же взлетает.

— Это все очень здорово, — сказал Язон. — А что в это время делает охрана?

— Стреляет в нас и друг в друга. А мы воспользуемся неразберихой — и в корабль.

— Хорошо, допустим, мы пробрались на корабль. А что помешает им задержать старт, пока нас не вытащат и не поставят к стенке?

Керк на миг оторвал глаза от дороги, чтобы окинуть Язона презрительным взглядом.

— Я же сказал тебе, что корабль называется «Гордость Дархана». Кассилия и Дархан, так сказать, планеты-сестры, и они во всем соперничают между собой. Как только мы ступим на борт корабля, мы окажемся на дарханской территории. Соглашения о выдаче у них нет. И как бы ни хотелось Кассилии нас заполучить, все же не настолько, чтобы затевать войну.

Дальше объяснять было некогда, Керк вывел машину из общего потока и свернул на эстакаду с объявлением: «Для служебных машин».

Ворота были закрыты.

С другой стороны появилась встречная машина, и Керк сбавил ход. Один из охранников что-то сказал водителю, потом сделал знак дежурному, и створки ворот стали раскрываться внутрь. В ту же секунду Керк выжал до отказа акселератор.

Все произошло молниеносно. Турбина взвыла, покрышки взвизгнули, и машина с ходу распахнула ворота. Язон успел заметить ошеломленные лица охранников; в следующую секунду оба они юркнули за угол будки. Вдогонку машине грянуло несколько выстрелов, но пули просвистели далеко в стороне.

Ведя одной рукой, Керк другой достал из-под приборной доски пистолет — копию чудовища, которое лежало в его кобуре.

— Держи взамен своего, — сказал он. — Пули реактивные. Грому от них... Не старайся в когонибудь попасть, это я беру на себя. Просто попугай их немного, чтобы держались подальше.

Он быстро выстрелил в боковое окошко и бросил пистолет Язону чуть не раньше, чем пуля поразила цель. Пустой грузовик взлетел на воздух, обрушив на соседние машины град обломков и заставив водителей броситься врассыпную.

И вот уже погоня далеко позади, а впереди — только стройный шпиль «Гордости Дархана». Посланец соперничающей планеты, само собой разумеется, был окружен крепкой проволочной изгородью. Закрытые ворота охранялись солдатами, которые уже изготовились к стрельбе. Но они напрасно ждали. Керк погнал машину прямо на ограду.

— Береги лицо! — крикнул он.

Язон закрыл руками голову в ту самую секунду, когда они врезались в изгородь.

Пронзительно заскрежетал металл, проволока прогнулась и опутала машину, но все же устояла. Язона сорвало с сиденья и бросило на приборную доску; хорошо, что амортизаторы смягчили удар. Когда Керк выломал дверцу, Язон уже решил, что путешествие окончено. Должно быть, Керк увидел его закатившиеся глаза, потому что он, не говоря ни слова, выдернул Язона из кабины и толкнул его на изуродованный капот.

— Лезь через проволоку и бегом к кораблю! — заорал он и для полной ясности сам показал пример.

Рабочие уже отцепили трап, но озадаченно остановились, когда плечистый атлет затопал по ступенькам. На верхней площадке Керк повернулся и начал стрелять по солдатам, которые ворвались в распахнутые ворота. Они сразу залегли и открыли ответный огонь, сосредоточив все свое внимание на Керке.

Бегущему Язону казалось, что он видит замедленное кино. Керк спокойно отстреливался, стоя под градом пуль. Люк корабля распахнут, ничего не стоит укрыться, но Керк продолжал прикрывать Язона.

— Спасибо, — выдохнул Язон, одолевая последние ступеньки и обессиленно ныряя в люк.

— Добро пожаловать! — сказал Керк, входя следом и помахивая

в воздухе пистолетом, словно он остужал его.

Хмурый офицер, который стоял в сторонке, чтобы его не задела шальная пуля, смерил их взглядом и пробурчал:

— Ну и как это все надо понимать?

Керк поплевал на палец, потрогал ствол пистолета и вернул его в кобуру.

— Мы законопослушные граждане другой планетной системы, ничего преступного не совершили. Но эти кассилийцы — дикари какие-то, цивилизованному человеку с ними просто невозможно иметь дело. И мы решили улететь на Дархан, вот наши билеты. Насколько я понимаю, мы теперь находимся на суверенной территории Дархана?

Последнее было сказано специально для кассилийского офицера, который в эту минуту появился на верхней площадке трапа и выхватил свое оружие.

— А ну, выходи, сволочи! Сбежать думали, да не тут-то было! Руки вверх и пошли, не то живо на тот свет отправлю...

Дарханский офицер шагнул в сторону, и оружие кассилийца дернулось было следом за ним, но тут же снова нацелилось на беглецов. Дарханец сделал только один шаг, но этого было довольно, чтобы он очутился рядом с вмонтированной в переборку красной коробкой. Быстрым движением руки он отворил крышку и поднес большой палец к расположенной внутри кнопке.

— Один выстрел на дарханской территории, и я нажму эту кнопку! — крикнул он. — Вы знаете, что это за кнопка, на ваших кораблях стоят точно такие же. Малейший враждебный акт против корабля, и кнопка будет нажата. Через секунду из реактора будут вынуты все регулирующие стержни, корабль взлетит на воздух — и половина вашего паршивого города вместе с ним.

Его улыбка, словно высеченная в камне, не оставляла никакого сомнения в том, что он выполнит свою угрозу.

— Ну, стреляйте, чтобы я мог нажать кнопочку!

Завыла стартовая сирена, сердито замигала команда капитана: «Закрыть люк». Еще секунду четыре человека смотрели друг на друга, будто персонажи из какой-нибудь жестокой драмы. Наконец кассилиец, взвыв от бессильной злобы, повернулся и побежал вниз по трапу.

— Все пассажиры на борту. Сорок пять секунд до старта. Очистить площадку, — прозвучал голос дарханца.

Одновременно он закрыл коробку и запер крышку. Керк и Язон едва успели лечь на перегрузочные ложа, как «Гордость Дархана» оторвался от земли.

Продолжение следует

Перевел с английского
Л. ЖДАНОВ

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

ГАРРИ ГАРРИСОН

Фантастическая повесть

Как только корабль вышел на орбиту, капитан пригласил Язона и Керка. Керк рассказал начистоту о ночных происшествиях, умолчав лишь о том, что Язон — профессиональный игрок. Словом, нарисовал привлекательный портрет двух удачливых иностранцев, у которых кассилийцы задумали отнять честно выигранные деньги. Его рассказ превосходно согласовался с представлением капитана о Кассилии.

Перелет до Дархана длился недолго. Так как у Керка с Язоном не было багажа, они первыми прошли через таможню. Выходя из здания, они увидели, как поодаль приземляется другой корабль. Керк остановился, наблюдая посадку, и Язон последовал его примеру. Корабль был серый, изборожденный рубцами. Старенький транспорт, но пушек не меньше чем у крейсера.

— Это, конечно, твой, — заметил Язон.

Керк кивнул и направился к транспортному кораблю. Когда они подошли, открылся люк, но никто их не встретил. Автоматический трап со стуком дотянулся до земли, грузный Керк живо вспорхнул по нему, и Язон угрюмо вскарабкался следом. Керк сам задраил люк, и под звуки стартовой сирены они устроились на ложах. Взревели рабочие двигатели, и на Язона навалилась перегрузка.

Когда Язон пришел в себя, на корабле уже царила невесомость. Он лежал с закрытыми глазами, ощущая, как боль постепенно отпускает его. Вдруг совсем рядом раздался голос Керка:

— Это я виноват, Мета. Надо было предупредить тебя, что у нас на борту непривычный пассажир. А то ты всегда рвешь с места, так что кости трещат.

— У него как будто все кости целы... Но что он тут делает?

Язон слегка удивился, услышав, что говорит девушка. Впрочем, не

Продолжение. Начало в № 5.

настолько, чтобы поднять налитые болью веки.

— Летит на Пирр. Я, понятно, старался его отговорить, но мы вроде как бы в долгу перед ним: он добыл для нас деньги.

— Это ужасно, — сказала девушка.

«Что тут ужасного? — спросил себя Язон. — Ничего не понять».

— Лучше бы он остался на Дархане, — продолжала она. — Он симпатичный. Досадно, что ему придется умереть.

Тут Язон не выдержал. Сделав над собой усилие, он открыл сперва один глаз, затем другой. Рядом с его ложем стояла девушка лет двадцати и смотрела вниз, на Язона.

Он раскрыл глаза еще шире, когда разобрал, что она очень красива — особой красотой, которой Язон никогда не встречал на центральных планетах. Высокая гравитация Пирра, снабдившая мужчин могучей мускулатурой, налила и женские мышцы тугой силой. Упругая фигура богини, бронзовая кожа, безупречный овал лица. Коротко подстриженные волосы обрамляли голову золотым венцом. Единственной неженственной чертой была пристегнутая к предплечью массивная кобура. Увидев, что Язон открыл глаза, она улыбнулась. Белизна ее безупречных зубов вполне оправдала его ожидания.

— Я Мета, пилот этого корабля. А вы, как я понимаю...

— Язон динАльт. Ну и взлет у вас, Мета!

— Извините, честное слово, — рассмеялась она. — Но у того, кто родился на планете с двойным тяготением, своего рода иммунитет к перегрузкам. К тому же синергическая траектория сберегает горючее...

Керк хмыкнул.

— Ладно, Мета, пошли посмотришь груз. Там есть новинки!

— Пошли скорей! — Она чуть не захлопала в ладоши от радости. — Я заглянула в спецификацию, это же просто прелесть.

«Совсем как школьница, которой подарили новое платье. Или коробку конфет. Надо же радоваться так... бомбам и огнеметам!» Язон криво усмехнулся и поднялся на ноги. Керк и Мета уже вышли, и он протиснулся в дверь следом за ними, морщась от боли.

В одной из ярко освещенных кают он обнаружил спящего человека. Это был водитель, который передал им машину на Кассилии. Спящий тотчас открыл глаза.

— Как пройти в грузовой трюм? — спросил Язон.

Пиррянин ответил, закрыл глаза и снова уснул.

Керк и Мета уже успели вскрыть несколько ящиков и захлебывались от восторга, рассматривая смертоносный груз. Мета держала в руках канистру с распылителем; заметив Язона, она повернулась к нему:

— Вы только взгляните! Порошок, которым заряжена канистра, — его хоть ешь, ничего не будет. А все формы растительной жизни он убивает мгновенно...

Она запнулась, видя, что Язон не разделяет ее ликования.

— Простите. Я забыла, что вы не пиррянин. Вам не совсем понятно, о чем речь?

Он не успел ответить, как включилась система оповещения и чей-то голос позвал Мету.

— Переход на новую программу, — сказала она. — Идемте со мной на мостик, я займусь уравнениями, а заодно поговорим. Я ведь, кроме Пирра, почти нигде не бывала, у меня к вам тысяча вопросов.

На мостике Мета сменила вахтенного офицера и принялась готовить данные для ОХР — особого ходового режима. Странно было видеть среди электронной аппаратуры ее плотную, но гибкую фигурку в облегающем скафандре.

— Мета, а вы не молоды, чтобы водить межзвездный корабль?

— Я? — Она призадумалась. — Скоро три года, как я вожу корабль, а мне почти двадцать. Это мало для космонавта?

Язон открыл рот — и рассмеялся.

— Должно быть, все зависит от того, с какой ты планеты. Но на Пирре вы, наверно, уже в старушках ходите.

— Вы, конечно, шутите, — сказала Мета. — Я видела старушек на некоторых планетах. Морщинистые, с седыми волосами. У нас таких лиц не увидишь.

— Я не это хотел сказать. — Язон искал нужное слово. — Не старая, конечно, а взрослая.

— У нас все взрослые. Вернее, как перестал нуждаться в присмотре, так и взрослый. Это, значит, лет с шести. Мой первый ребенок уже взрослый и второй был бы взрослым, если бы не умер. Так что уж я точно взрослая.

Мета закончила перфорировку, дождалась, когда машина начала выдавать ленту с данными для нового курса, и опять повернулась к Язону.

— Я рада, что вы летите с нами, жаль только, что на Пирр. Расскажите о своей планете.

Язон медленно перебрал басни, которыми обычно потчевал посторонних, и все забраковал. Какой смысл врать девушке, которой решительно все равно — холоп ты или аристократ? Для нее в галактике есть только два рода людей: пирряне и все остальные. Впервые с тех пор, как Язон бежал с Поргорсторсаанда, он решил сказать правду о своем происхождении.

— Моя планета? Самый нудный медвежий угол во вселенной. Кто не был там, тот не может себе представить, что значит загнивающий аграрный мир с сословным делением, весьма довольный своим бесцветным существованием. Никаких перемен, больше того — никто их не хочет! Мой отец был фермером, и я тоже стал бы фермером, если бы послушался старших. Они даже мысли не допускали, что я могу заняться чем-то другим. А все мои мечты и желания шли вразрез с установленными порядками. Читать я научился только в пятнадцать лет, да и то по книге, которую украл в аристократической школе. Дальше так и пошло. К девятнадцати годам, когда я удрал зайцем на корабле с другой планеты, не было закона, который я не успел бы нарушить. И с каким удовольствием я их нарушал! Покинуть родную планету для меня было все равно что вырваться из тюрьмы на волю.

Мета покачала головой.

— Просто не могу себе представить такого мира.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Язон. — Ну вот, вырвался я в космос — без профессии, не приученный ни к какому делу, и никак не мог найти себе место. Конечно, можно было пойти на военную службу, но уж очень я не люблю, когда мной командуют. А тут я заметил, что мне везет в азартных играх, так мало-помалу и втянулся. Люди-то везде одни и те же, так что я всюду неплохо устраиваюсь.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, когда говорите, что люди везде одни и те же. И все-таки они такие разные... Я хочу сказать, что дома я всегда знаю, как человек поступит и почему. И на других планетах тоже люди ведут себя в общем одинаково, как вы и говорите, но мне трудно бывает их понять. Ну вот, например... Когда мы куда-нибудь прилетаем, мне нравится пробовать местную пищу, и, если есть время, я иду в бар или, скажем, ресторан. И каждый раз у меня какие-нибудь неприятности с мужчинами. Они непременно хотят угостить меня вином, подержать за руку.

— Что ж, в таких заведениях одинокая девушка всегда привлекает внимание мужчин.

— Это я понимаю, — сказала Мета. — Мне непонятно другое: почему они не слушают, когда я говорю, что не хочу знакомиться, и прошу отойти от меня. Они только смеются в ответ. Но я нашла одно безошибочное средство. Я говорю такому человеку, что сломаю ему руку, если он не оставит меня в покое.

— И это помогает? — спросил Язон.

— Конечно, нет. Но когда в самом деле сломаешь ему руку, он наконец отстает. А главное, все это зря, потому что еда чаще всего отвратительная.

Язон воздержался от смеха и больше прежнего утвердился в своем стремлении побывать на планете, рождающей таких странных людей, как Керк и Мета.

— Расскажите мне про Пирр,— попросил он. — Почему вы с Керком так уверены, что я упаду замертво, как только мы сядем? В чем дело?

Ее лицо сразу посуровело.

— Пирр не похож ни на одну планету во всей галактике. И что бы я ни говорила, вы не поверите. Обещаете мне одну вещь?

— Нет, — ответил Язон. — Я должен сперва услышать, в чем дело.

— Оставайтесь на корабле, когда мы сядем. На борту вам ничего не грозит, а я через несколько недель опять повезу груз.

— Отсиживаться в корабле? И не подумаю.

Мета молча закончила расчеты. Между ними возникло напряжение, которое исключало дальнейший диалог.

Язон увидел ее только на следующий день. Войдя в темную астронавигационную рубку, он обнаружил, что она стоит там и смотрит через прозрачный купол на мерцающую искрами черноту. До сих пор Язон видел Мету только в форме, теперь она стояла в мягком одеянии из облегающей тело блестящей ткани.

Она улыбнулась ему.

— До чего звезды хороши. Посмотрите.

Руки Язона сами обняли ее и ощутили тепло плотного тела под тонкой тканью. Судя по тому, что Мета накрыла его пальцы своими ладонями, она не была возмущена.

— Ты улыбаешься, — сказала она. — Ты тоже любишь звезды.

— Очень люблю, — ответил он. — Но... Мне вспомнился твой рассказ. Ты не сломаешь мне руку, Мета?

— Конечно, нет, — серьезно произнесла она, потом улыбнулась. — Ты мне нравишься, Язон. Хотя ты не пиррянин, ты мне очень нравишься. И я устала от одиночества.

Она посмотрела на него в упор, и он поцеловал ее. Мета ответила на его поцелуй без напускной стыдливости.

— Моя каюта тут рядом, — сказала она.

С того дня они редко разлучались. Когда Мета несла вахту, Язон приносил ей еду на мостик, и они разговаривали. К тому, что он успел узнать о ее планете, мало что добавилось; по молчаливому соглашению, они не касались больше этой темы. Зато он много рассказывал о местах, где бывал, о людях, которых встречал. Она была благодарной слушательницей, и время летело быстро.

Перелет подходил к концу. На борту было четырнадцать человек, но Язон ни разу не видел больше двоих-троих одновременно. Люди работали по строгому графику. Свободные от вахты были поглощены своими делами и не стремились к общению. Лишь после того, как корабль с особого ходового режима перешел на обычный и динамики системы оповещения рявкнули «сбор», все собрались вместе.

Язон внимательно присматривался к поведению пиррян. Они теперь и говорили и двигались порывисто, словно солдаты, готовящиеся к бою.

Впервые ему бросилось в глаза, как они схожи между собой. Сходство выражалось не во внешности, а в их движениях и реакциях. Сейчас они напоминали больших кошек, выслеживающих добычу. Упругая походка, постоянная готовность к прыжку, глаза беспокойно рыскают, мышцы напряжены...

После совещания Язон попытался заговорить с Метой, но ее словно подменили. Язон протянул было руку, чтобы задержать ее, но передумал.

Один Керк проявил к нему внимание — приказал Язону занять место на амортизирующем ложе.

Самый миг приземления Язон пропустил. Пиррянские два g он воспринял как торможение, и только стихающий вой двигателей убедил его, что перелет закончен. С непривычки ему пришлось поднатужиться, чтобы расстегнуть ремни и сесть.

А вообще-то двойное тяготение оказалось не таким уж страшным. Словно несешь груз, равный твоему собственному весу. Язон вышел в проход и побрел к главному люку.

Здесь уже собралась вся команда. Двое выкатывали из ближайшего отсека какие-то прозрачные цилиндры. Смысл конструкции стал ясен Язону лишь после того, как Керк откинул крышку одного цилиндра.

— Полезай. Закроем, потом тебя вынесут.

— У меня нет никакого желания являться на твою планету в виде сосиски в консервной банке, — возразил Язон.

— Не говори вздора, — оборвал его Керк. — Нас всех вынесут в таких цилиндрах. Мы слишком долго отсутствовали, чтобы выходить на Пирр без переподготовки.

Керк последним занял место в контейнере. Медленно отворились оба люка, и в корабль просочился дневной свет, приглушенный завесой дождя.

Долго тянулось томительное ожидание, наконец подъехал маленький грузовик, и водитель перенес цилиндры в кузов, будто неодушевленный груз. Язону не повезло, он очутился в самом низу, так что ровным счетом ничего не видел, когда грузовик покинул космодром.

Первого представителя пиррянской фауны Язон увидел, когда цилиндры были выгружены в помещении с металлическими стенами.

Водитель грузовика уже закрывал толстую наружную дверь, вдруг что-то ворвалось внутрь и с лета ударилось о стенку.

Язон невольно подался назад, забыв о предохраняющем его металле. Упавшая сверху тварь вцепилась в стенку контейнера, и Язону представился случай рассмотреть ее как следует.

Зрелище было настолько кошмарное, что он не поверил своим глазам. Квинтэссенция смерти... Голова — сплошная пасть с острейшими зубами в несколько рядов. Кожистые крылья окаймлены когтями; на царапающих металл конечностях еще более длинные когти.

Язону стало жутко, когда он увидел, как эти когти оставляют борозды на поверхности цилиндра. А в тех местах, куда попадала слюна с зубов чудовища, прозрачный металл мутнел и крошился.

Только после того, как крылатая тварь начала как бы таять, он догадался, что это за помещение. На цилиндры со всех сторон полились струи пенящейся жидкости, пока совсем не затопили их. Зубы пиррянского зверя в последний раз царапнули металл, затем его смыло и куда-то унесло. Пенящаяся жидкость ушла в отверстия в полу, но за первым душем

последовал второй, а потом и третий.

Пока длилась эта обработка, Язон старался унять овладевшее им смятение. Что с ним происходит? Конечно, чудовище жуткое, и все-таки непонятно, как оно могло внушить ему такой ужас. Даже теперь Язону стоило огромных усилий усмирить свои нервы и заставить себя дышать ровно.

Мимо прошла Мета, и Язон понял, что процедура окончена. Он открыл свой цилиндр и выбрался на волю. Все остальные уже ушли, остался только какой-то незнакомец с орлиным носом; он явно ждал его.

— Меня звать Бруччо, я заведую адаптационной клиникой. Керк сказал мне, кто ты такой. Зря ты сюда прилетел. Пошли, сделаем анализ крови.

— Вот это мне по душе, — отозвался Язон. — Узнаю пиррянское гостеприимство.

Бруччо только фыркнул в ответ и протопал к двери. Шагая за ним по пустому коридору, Язон вошел в лабораторию, сверкающую стерильной чистотой.

Двойное тяготение угнетало его, и, пока Бруччо исследовал его кровь, Язон воспользовался случаем немного отдохнуть. Он успел даже вздремнуть немного, но тут вернулся Бруччо с пузырьками и шприцами.

— Поразительно, — объявил пиррянин. — Ни одного антитела в крови, которое могло бы пригодиться тебе здесь. Ничего, у меня тут есть отличный набор антигенов, от них ты денек будешь чувствовать себя как в аду. Снимай-ка рубашку.

В соседней комнате стояла кровать, и Бруччо помог Язону дойти до нее. Чувствуя себя так, словно его накачали наркотиками — вероятно, так оно и было, — Язон уснул.

Ему снился сон... Страх и ненависть... Страх и ненависть захлестнули его жаркой волной. Если это сон, лучше больше никогда не спать. Если это явь, лучше умереть. Он силился отогнать видение, а оно только сильнее затягивало его. Страх без начала и без конца, и никакого спасения от страха...

Когда Язон пришел в себя, он не помнил подробностей кошмара, осталось лишь чувство страха. Он взмок от пота, каждая мышца болела. Не иначе, это уколы виноваты, сказал он себе. Да еще двойное тяготение. И все-таки его не покидал привкус страха.

Дверь отворилась, Бруччо просунул голову внутрь и окинул взглядом Язона.

— Я уже думал, ты загнулся. Целые сутки спишь. Ладно, не вставай, сейчас принесу тебе кое-что для бодрости.

«Кое-что для бодрости» заключалось в еще одном шприце и стакане какой-то мерзкой на вид жидкости. Она утолила жажду Язона, зато он сразу почувствовал жуткий голод.

— Есть хочешь? — спросил Бруччо. — Можешь не отвечать, и так знаю. Я подстегнул твой обмен, чтобы ты побыстрее наращивал мышцы. Единственный способ поладить с тяготением. Так что в ближайшие дни у тебя будет зверский аппетит.

Бруччо тоже решил поесть, и Язон поспешил расспросить его.

— Когда я смогу взглянуть поближе на вашу замечательную планету? До сих пор мое путешествие было не более увлекательно, чем тюремная отсидка.

— Отдыхай и навались на еду. Раньше чем через три-четыре месяца ты не выйдешь. Если тебя вообще выпустят.

У Язона отвалилась нижняя челюсть.

— Может, ты объяснишь мне почему?

— Конечно. Тебе надо пройти тот курс обучения, какой проходят у нас дети. Они тратят на это шесть лет. Правда, это первые шесть лет их жизни. А ты взрослый и, казалось бы, можешь справиться куда быстрее. Но ведь у них еще есть наследственность. Словом, ты выйдешь отсюда не раньше, чем получишь полную подготовку.

Бруччо управился с едой и теперь перенес внимание на голые руки Язона, глядя на них с явным отвращением.

— Прежде всего снабдим тебя пистолетом, — сказал он. — Меня мутит, когда я вижу человека без кобуры.

Они вышли в коридор, и Бруччо провел Язона на оружейный склад, набитый орудиями убийства.

— Сунь-ка руку сюда, вот в эту штуку, — сказал пиррянин. — Займемся подгонкой.

«Штука» представляла собой какую-то коробку с пистолетной рукояткой на боку. Язон взялся за рукоятку: металлический хомут схватил его локоть; Бруччо зафиксировал штифтами положение руки со всех сторон и записал показания приборов. Сверяясь с полученными данными, он быстро собрал кобуру и пистолет из частей, разложенных по ящикам. Когда Язон пристегнул кобуру к предплечью и взял в руку пистолет, он увидел, что они соединены гибким проводом. Рукоятка пистолета пришлась ему точно по руке.

— Тут заключен весь секрет силовой кобуры. — Бруччо коснулся провода пальцем. — Пока пистолет в деле, провод висит свободно. А как только надо вернуть его в кобуру...

Бруччо что-то сделал, провод превратился в твердый прут, пистолет выскочил из руки Язона и повис в воздухе.

— Смотри дальше.

Увлекаемый проводом, пистолет нырнул в кобуру.

— А когда надо выхватить пистолет, происходит все то же самое, только в обратном порядке.

— Здорово! — сказал Язон. — Но все-таки, с чего надо начинать? Посвистеть или там еще что-нибудь?

— Нет, он не звуком управляется. — Бруччо даже не улыбнулся. — Тут все потоньше и поточнее. Ну-ка попробуй представить себе, что ты сжимаешь левой рукой рукоятку пистолета... Так, теперь согни указательный палец. Замечаешь, как напряглись сухожилия в запястье? Ну, вот на твоем правом запястье помещены чувствительные датчики. Но они реагируют только на сочетание импульсов, которое означает «рука готова принять пистолет». Постепенно вырабатывается полный автоматизм. Только подумал о пистолете, и он уже у тебя в руке. Не нужен больше — возвращается в кобуру.

Язон напряг правую руку и согнул указательный палец. В ту же секунду что-то больно ударило его по ладони и грянул выстрел. Рука держала пистолет, из дула вился дымок.

— Понятно, пока человек не освоится со своим оружием, мы заряжаем холостыми. А вообще пистолет всегда должен быть заряжен. Видишь, предохранителя нет. Скобы тоже нет. Поэтому выстрел следует сразу, если заранее согнуть указательный палец.

Язон никогда еще не имел дела с таким грозным оружием. И таким непослушным. Борясь с непривычной силой тяжести, от которой болели все мышцы, он занялся этим дьявольским изобретением. Пистолет упрямо возвращался в кобуру, не дожидаясь, когда он нажмет курок. Но еще хуже было то, что пистолет слишком быстро выскакивал из кобуры и нещадно бил его по пальцам, если он не успевал их правильчо согнуть.

Со временем он овладеет этой техникой, но уже теперь ему стало ясно, почему пирряне никогда не снимают пистолета. Это бы-

ло бы все равно что расстаться с частью тела.

Бруччо ушел, предоставив ему упражняться. В конце концов избитая рука забастовала, и Язон направился в отведенную ему комнату. В коридоре он заметил знакомую фигуру.

— Мета! Постой! Мне надо с тобой поговорить.

Она нехотя повернулась, и он прибавил шагу, насколько ему позволяли два g. Мета была совсем не похожа на девушку, которую Язон знал по кораблю. На ногах — высокие, по колено, сапоги, тело защищено каким-то мешковатым комбинезоном из металлизированной ткани. Стройную талию искажал пояс с флягами. Да и сама она держалась отчужденно.

— Я соскучился по тебе, — сказал Язон. — Мне было невдомек, что ты находишься в этом же здании.

Он хотел взять ее за руку, но Мета отступила.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Как — что надо? — Он рассердился. — Я же Язон, ты что, забыла меня? Мы с тобой друзья. А друзья могут поговорить просто так, не потому что им что-то «надо».

— Что было на корабле, не распространяется на Пирр. — Ей не терпелось уйти. — Я закончила переподготовку и приступаю к работе. А ты останешься здесь, так что мы с тобой не будем встречаться.

— Сказала бы уж напрямик: мол, останешься здесь с другими детьми... Не спеши ты так, давай разберемся...

Забывшись, Язон вытянул руку, чтобы задержать Мету. И не успел опомниться, как очутился на полу.

Бормоча проклятия, Язон побрел в свою комнату, плюхнулся на твердокаменную постель и стал вспоминать, что привело его на эту планету. Сопоставив свои мотивы с тем, что он обрел на Пирре — непрерывная пытка двойным тяготением, порожденные ею кошмары, презрительное отношение ко всем инопланетникам, — Язон почувствовал, что жалеет себя. Что ж, на пиррянскую мерку он и впрямь беспомощный и жалкий. Чтобы эти люди изменили свое отношение к нему, надо основательно перемениться.

Совершенно разбитый, он погрузился в тяжелый сон, но и тут ему не давали покоя жуткие видения.

Он проснулся с дикой головной болью и с таким ощущением, будто за всю ночь глаз не сомкнул. Принимая стимуляторы, доза которых была скрупулезно рассчитана Бруччо, Язон снова попытался разобраться, чем же все-таки вызваны кошмары, отравляющие его сон.

— Ешь живей, — сказал Бруччо, когда они встретились за завтраком. — Я не могу больше заниматься тобой особо. Будешь обучаться в группе по общей программе. Ко мне обращайся только в тех случаях, когда возникнет какая-нибудь проблема, которой инструктор не сможет разрешить.

Группы, как и следовало ожидать, были составлены из маленьких детей с суровыми лицами. Эти плотные и весьма прямолинейные в своем поведении крепыши были типичными пиррянами. Но дети есть дети, и вид взрослого за партой их сильно веселил.

Сходство с обычной школой не шло дальше конфигурации классных помещений. Во-первых, ученики, даже самые маленькие, ходили с пистолетами. Во-вторых, все предметы вращались вокруг выживания. В этой школе признавалась только стопроцентная успеваемость, и учащийся переходил к следующему разделу лишь после того, как полностью усваивал предыдущий. Обычных школьных предметов здесь не преподавали. Видимо, ими занимались после того, как ребенок оканчивал первую ступень и становился вполне самостоятельным. Очень трезвый и очень логичный подход.

Почти вся первая половина дня ушла на знакомство с аптечкой, которую носили на поясе. Она состояла из анализаторов, их прижимали к ранам, и, если рана была заражена ядом или инфекцией, автоматически впрыскивалось лекарство. Просто в обращении, зато невероятно сложно по конструкции. А так как каждый пиррянин должен был сам следить за своим снаряжением (некого винить, кроме себя, если откажет!), полагалось знать устройство всех приспособлений и уметь их ремонтировать. Язон справился с заданием лучше, чем его малолетние соученики, хотя это стоило ему немалых усилий.

Во второй половине дня он впервые познакомился с тренажером. Инструктировал его двенадцатилетний паренек, в бесстрастном голосе которого угадывалось презрение к этому мягкотелому инопланетнику.

— Все тренажеры воспроизводят обстановку на планете и отражают происходящие на ней перемены. Они различаются по степени опасности для жизни. Вы начнете, разумеется, с тренажера для самых маленьких...

— Что вы, что вы, — пробормотал Язон. — Такая честь!..

Инструктор продолжал, не обращая внимания на его слова:

— ...самых маленьких, так сказать, ползунков. С виду все как на самом деле, но модель, конечно, деактивирована.

Слово «тренажер» не совсем подходило к тому, что увидел Язон, войдя через дверь с тяжелыми створками. В огромный зал словно перенесли часть внешнего мира. Очень даже просто забыть, что небо и солнце искусственные, и вообразить себе, что он наконец-то на воле. И с виду совсем ничего угрожающего, разве что темные тучи на горизонте, чреватые пиррянской грозой.

— Пройдите кругом и осмотритесь, — говорил инструктор. — Когда прикоснетесь рукой к какому-нибудь предмету, услышите его характеристику. Показываю...

Мальчик нагнулся над покрывающей землю шелковистой травой и тронул пальцем стебель. Тотчас голос из скрытых репродукторов пророкотал:

— Ядовитая трава. Не снимать обуви.

Язон опустился на колени и присмотрелся. Травинка заканчивалась блестящим твердым крючком. С легким содроганием он понял, что вся трава такая. Зеленый газон был ковром смерти. Выпрямляясь, Язон заметил под широким листом другого растения что-то диковинное. Там прижалась к земле странная чешуйчатая тварь с заостренной головой, переходящей в длинный шип.

— Что за диво в моем саду? — спросил Язон. — Это называется товарищ детских игр для милых крошек?

Он повернулся и обнаружил, что его никто не слушает. Инструктор исчез. Язон пожал плечами и погладил чешуйчатое чудовище.

— Рогонос, — сообщил механический голос. — Одежда и обувь не защищают. Убей его.

Послышался резкий хлопок, и запрограммированный на звук холостого выстрела «рогонос» упал на бок.

— Кажется, у меня что-то начинает получаться, — с удовольствием отметил Язон.

«Убей его», — командовал Бруччо, когда обучал Язона пользоваться пистолетом. И команда закрепилась в подсознании, судя по тому, что Язон выстрелил прежде, чем осмыслил свои действия. Его уважение к пиррян-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ской методике обучения сразу возросло.

Несколько далеко не приятных часов бродил он по этому необычайному детскому парку. Повсюду таилась смерть, и бестелесный голос неизменно твердил краткую и выразительную команду. И он учился убивать, чтобы не быть убитым. До сих пор Язон и не подозревал, что насильственная смерть может выступать в таком количестве отвратительных обличий. Все здесь, от самого крохотного насекомого до самого высокого растения, представляло смертельную опасность для человека.

В этой специализации было даже что-то противоестественное. Почему планета Пирр так непримирима к человеку? Не забыть спросить об этом Бруччо... А пока поищем хоть какой-нибудь организм, который не жаждет отправить его на тот свет.

Язон тщетно искал. Правда, ему в конце концов удалось найти предмет, не ответивший зловещей командой на прикосновение руки. Это был большой камень, торчащий из ядовитой травы. Язон сел на него с чувством симпатии к неорганической материи и подобрал ноги. Оазис мира... Прошло несколько минут, обессиленные двойной гравитацией мышцы начали отходить.

— Едкая плесень! Не прикасаться!

Камень покрылся пятнами серой пленки, которых раньше не было.

— Ах ты дрянь коварная! — крикнул Язон, обращаясь к тренажеру. — Сколько раз уже ты сгонял с этого камня малюток, которые думали, что наконец-то можно посидеть и отдохнуть!

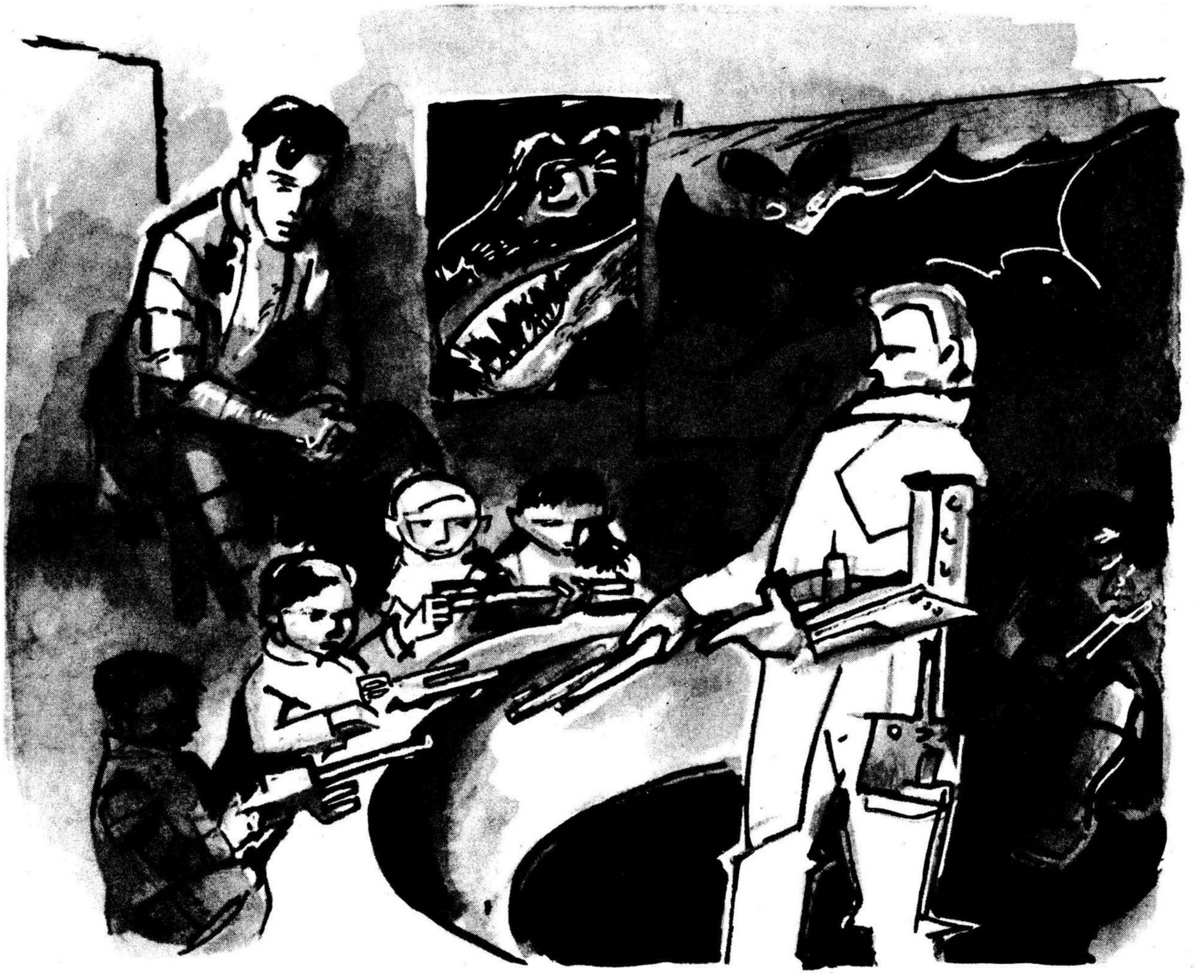
Его возмущало такое изощренное коварство, и в то же время он понимал, что оно оправдано. Пирряне с малых лет узнавали, что на этой планете для человека нет безопасности, кроме той, которой он сам себя обеспечит.

Так Язон, изучая Пирр, узнавал что-то новое и о пиррянах.

Дни складывались в недели, и Язон понемногу начал гордиться тем, как лихо косит всяких врагов. Он уже знал всю фауну и флору детской комнаты, и его перевели на тренажер, где звери не сидели на месте, а вяло атаковали. Пистолет Язона безошибочно поражал их.

Когда Язон освоил всю защитную технику, которой пользовались пирряне, дошла очередь до тренажера, предельно приближенного к действительности. Разница заключалась только в степени поражения. Яд насекомых вызывал не мгновенную смерть, а всего лишь сильную опухоль и боль. Животные могли нанести болезненные раны, но конечностей не отрывали.

Язон ходил по этой имитации густых необозримых джунглей вместе с пятилетними мальчуганами. В их недетской суровости было что-то забавное и в то же время удручающее. В комнатах они еще могли смеяться, но каждый из них твердо знал, что на воле будет не до смеха. Умение выжить определяло общественное положение и социальную ценность человека. В этом смысле общество на Пирре делилось, условно говоря, на черных и белых. Хочешь утвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих,— умей за себя постоять. Это было важно для выживания народа в целом, но сильно ограничивало развитие личности. Из детей вырастали безликие убийцы, готовые сеять смерть на каждом шагу.



Закончив курс, кто-то уходил, на его место приходил другой. Прошло некоторое время, прежде чем Язон сообразил, что из тех, с кем он начинал обучение, уже никого не осталось. В тот же день он пошел к начальнику адаптационного центра.

— Бруччо, — сказал он, — долго еще вы собираетесь держать меня в этом детском тире?

— Тебя никто не держит, — ответил Бруччо в обычном для него брюзгливом тоне. — Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько нужно, чтобы тебя можно было выпускать.

— Мне почему-то сдается, что эта минута никогда не наступит. Я уже могу с закрытыми глазами разобрать и собрать любое из ваших окаянных изобретений. Я бью из этой пушки без промаха. Если мне велят, могу хоть сейчас сесть и написать толстую книгу «О флоре и фауне планеты Пирр и как ее истреблять». Может быть, я еще не достиг того же уровня, что мои шестилетние приятели. Но что-то подсказывает мне, что я достиг своего потолка. Ну как, верно?

Бруччо неловко уклонился от прямого ответа:

— Понимаешь, ну ведь ты же не здешний, так что...

— Ладно, брось, — ехидно сказал Язон. — Куда тебе, прямодушному старому пиррянину, тягаться во лжи с представителем более слабой расы, которая в этом деле собаку съела. Я и сам понимаю, что из-за двойного тяготения всегда буду здесь увальнем и что у меня есть куча других врожденных дефектов. Все это так, и не об этом речь. А о том, даст мне что-нибудь дальнейшая тренировка или мои возможности в этом смысле исчерпаны?

Бруччо покрылся испариной.

— Со временем, конечно, будут сдвиги...

— Хитрец! — Язон поводил пальцем из стороны в сторону. — Говори: да или нет. Тренировка может дать мне еще что-то?

— Нет.

Бруччо хмуро смотрел на Язона, который не замедлил окончательно припереть его к стенке.

— И все-таки я торчу здесь. Это не случайно. Значит, тебе приказано не выпускать меня. И судя по тому немногому, что я успел узнать об этой планете, приказ исходит от Керка. Верно?

— Он хочет, чтобы ты жив остался, — объяснил Бруччо.

— Ну вот все выяснилось, — сказал Язон. — Я прилетел сюда не затем, чтобы упражняться в стрельбе по роботам вместе с вашими чадами. Будь любезен показать мне, где тут выход. Или сперва должен быть выпускной вечер? Речи, вручение значков, торжественный ритуал...

— Ничего подобного, — отрезал Бруччо. — Вообще, я не понимаю, как взрослый человек вроде тебя может нести такой вздор. Будет зачет в последнем тренажере. Он связан с внешней средой, так что это даже не искусственный тренажер, а частица планеты. Только самые опасные формы органической жизни исключены. Да и то некоторые иногда ухитряются проникать...

— Когда? — выпалил Язон.

— Завтра утром. Постарайся хорошенько выспаться. Тебе это пригодится.

Когда Язон утром вошел в кабинет Бруччо, тот метнул ему через стол тяжелую обойму.

— Настоящие патроны. Отныне твой пистолет всегда должен быть заряжен.

Вместе они дошли до переходной камеры, и Язон впервые увидел по-настоящему запертую дверь. Пока Бруччо раскручивал тяжелые болты, к ним подошел, прихрамывая, хмурый мальчуган лет восьми с перевязанной ногой.

— Его зовут Гриф, — сказал Бруччо. — С этой минуты он будет тебя всюду сопровождать.

— Персональный телохранитель? — осведомился Язон, глядя на коренастого коротыша, который был ему по пояс.

— Называй как хочешь. — Бруччо отворил дверь. — Гриф столкнулся с птицей-пилой и на время потерял трудоспособность. И ты ведь сам признал, что тебе никогда не сравняться с настоящим пиррянином, так что помощь тебе будет кстати.

Тех немногих зверей, которые им попадались, первым замечал мальчуган. В конце концов Язон до того разозлился, что расстрелял какое-то зловещее с виду колючее растение. Но он напрасно рассчитывал, что Гриф пройдет мимо его мишени и не проверит ее.

— Это растение нам не угрожало, — сказал мальчик. — Глупо тратить попусту боеприпасы.

День прошел без серьезных осложнений, Язон даже слегка разочаровался да к тому же промок от частых ливней. Если Гриф и умел поддержать разговор, то он это ловко скрывал. Все попытки Язона затеять беседу потерпели крах. Следующий день прошел точно так же. На третий день появился Бруччо.

— Не хочется тебя огорчать, — сказал он, смерив взглядом Язона, — но боюсь, что выше этого уровня тебе не подняться. Меняй носовой фильтр каждый день. Внимательно проверяй обувь и одежду, чтобы не было дыр. Перезарядка аптечки раз в неделю.

— Помни про носовой платок и не выходи без галош, — добавил Язон. — Еще что?

Бруччо хотел что-то добавить, но передумал.

— Больше ничего. Пора уже самому все знать. Будь начеку. И... желаю успеха.

Несколько неожиданно для Язона он присовокупил к этим словам крепкое рукопожатие.

Как только в руке восстановилось кровообращение, Язон вышел вместе с Грифом на волю через главные ворота.

Как ни реалистичны были тренажеры, встреча с Пирром ошеломила Язона. Нет, на первый взгляд все то же. Ядовитая трава под ногами... Хаотичный полет шипокрыла, тут же подстреленного Грифом... Но все это как-то растворялось в буйном клокотании стихий.

Дождь лил как из ведра. Ветер рвал эту пелену и хлестал по лицу. Язон с трудом различил на горизонте два вулканических конуса, извергающих дым и пламя. Это пекло отбрасывало зловещий багровый отсвет на тучи, которые стремительно проносились над вулканами.

Что-то пробарабанило по его шлему и отскочило на землю. Язон нагнулся и поднял градину толщиной с большой палец.

Буря кончилась так же быстро, как разразилась. Жгучее солнце растопило градины, над улицей закурились струйки пара. Язон взмок от пота в своей защитной одежде. Но не прошли они и квартала, как снова хлынул ливень, и его забил озноб.

Более унылую прогулку трудно было придумать. Сквозь завесу дождя виднелись очертания приземистых мрачных зданий, половина которых была разрушена. Язон и Гриф шли по пешеходной дорожке посередине улицы. Время от времени то с одной, то с другой стороны проносились бронетранспортеры. Язон недоумевал, почему пешеходам отведена середина, пока Гриф не подстрелил какую-то тварь, которая бросилась на них из развалин. Понятно: просвет по бокам служит для страховки... На Язона вдруг навалилась дикая усталость.

— Видно, о такси здесь нечего и мечтать, — сказал он.

Гриф озадаченно посмотрел на него, но пошел потише, приноравливаясь к тяжелой поступи гостя.

Через полчаса Язон уже утолил свое любопытство.

— Гриф, что-то этот город не блещет. Надеюсь, другие города у вас в лучшем состоянии.

— Не блещет? Не знаю, что вы хотите сказать, но других городов у нас нет. Есть лагеря, там, где руду добывают. Но городов нет.

— Ты знаешь Керка? — спросил Язон мальчика. — Насколько я понимаю, он ваш посланник...

— Кто же не знает Керка. Но он занят, вам незачем с ним встречаться.

Язон погрозил ему пальцем.

— Твоя забота — охранять мое тело. А душу оставь в покое. Давай условимся: я задаю тон, а ты поешь. Идет?

Очередная буря обрушила на них градины величиной с кулак и заставила искать укрытие. Когда она унялась, Гриф нехотя повел Язона в центр. Они зашли в относительно высокое здание. Здесь людей было больше, и некоторые из них даже на миг отрывались от дела, чтобы взглянуть на Язона. Одолев два лестничных пролета, он увидел дверь с надписью: «КООРДИНАЦИЯ И СНАБЖЕНИЕ».

— Керк сидит здесь? — спросил Язон.

— Конечно, — ответил мальчик. — Он начальник управления.

— А я все жду, когда же ты появишься, — сказал пиррянин вместо приветствия.

— Давно пришел бы, если бы ты не препятствовал, — ответил Язон, тяжело опускаясь на стул.— Я понял, что я могу всю жизнь проторчать в этих ваших яслях для убийц, если не приму срочные меры. И вот я здесь, у тебя.

— Насмотрелся на Пирр и готов возвращаться в «цивилизованные» миры?

— Представь себе, нет. И мне уже порядком надоело слушать, как все советуют мне улететь. Я начинаю подозревать, что ты и твои пирряне стараетесь что-то скрыть.

Керк улыбнулся.

— Что нам скрывать? Вряд ли найдется другая планета, где жизнь текла бы так просто и прямолинейно.

— В таком случае ты, конечно, не откажешься ответить мне на несколько откровенных вопросов о Пирре?

Керк явно хотел что-то возразить, но вместо этого рассмеялся.

— Сдаюсь. Куда мне с тобой спорить. Ну, что тебе хочется узнать?

— Сколько жителей на твоей планете?

Керк помялся, потом ответил:

— Около тридцати тысяч. Немного для планеты, которая уже давно обитаема, но причина достаточно ясна.

— Хорошо, население тридцать тысяч. Ну а какую площадь вы контролируете? Знаешь, я удивился, когда узнал, что этот город с его защитными стенами, которые вы называете периметром, единственный на всей планете. Рудники не в счет, они только придатки города. Так вот, можно ли сказать, что контролируемая вами территория растет? Или она сокращается?

Керк призадумался, машинально вертя в руках кусок стальной трубы, заменявший ему пресс-папье. При этом его пальцы гнули сталь, как резину.

— На это трудно так сразу ответить, — наконец произнес он. — Наверно, где-то есть такие данные, хотя я не знаю, где именно. Тут столько факторов...

— Ладно, оставим пока этот вопрос, — уступил Язон. — Можно ли сказать, что население Пирра медленно, из года в год, сокращается?

Труба с резким звоном ударилась о стену.

Продолжение следует

Перевел с английского
Л. ЖДАНОВ

ГАРРИ ГАРРИСОН

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

Фантастическая повесть

Керк вдруг очутился прямо перед Язоном, его руки были угрожающе вытянуты вперед, лицо побагровело от ярости.

— Никогда не повторяй этих слов, понял? Чтобы я больше не слышал этого от тебя!

Стараясь выглядеть невозмутимым, Язон продолжал:

— Не сердись, Керк, я ведь не хотел тебя задеть.

Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, понимая, что его жизнь висит на волоске.

— Не забывай, что я на вашей стороне. С тобой я могу говорить начистоту, потому что ты повидал гораздо больше тех пиррян, которые никогда не покидали родной планеты. Ты умеешь дискутировать, ты знаешь, что слова только символы. Что можно спорить и не выходить из себя из-за слов...

Керк опустил руки и сделал шаг назад. Потом отвернулся, налил стакан воды и выпил.

Лицо Язона покрылось испариной, и жара была лишь отчасти повинна в этом.

— Извини... сорвался. — Керк тяжело сел. — Это со мной редко бывает. Работаю на износ, вот нервы и не выдержали.

Вопрос Язона, вызвавший вспышку ярости у Керка, остался без ответа.

— Со всяким бывает, — сказал Язон. — А что было с моими нервами при первой встрече с Пирром — лучше не говорить. Могу только признать, что ты был прав во всем, что говорил об этой планете. Самое жуткое место во вселенной. Здесь могут выжить только урожденные пирряне. Правда, после обучения я кое-как могу постоять за себя, но в одиночку мне ни за что не справиться. Ты, очевидно, знаешь, что у меня восьмилетний телохранитель.

— Ты прилетел сюда, чтобы доказать, что не уступишь коренным пиррянам, — ответил Керк.— А сам теперь признаешь, что восьмилетний мальчик владеет пистолетом лучше тебя. Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе. Ты даром ничего не уступишь... Ну, так в чем же ты все-таки видишь свое врожденное превосходство?

Как ни старался Керк говорить ровно, в голосе его угадывалось напряжение.

Язон ответил не сразу.

— Ладно, скажу, — произнес он наконец. — Только не отрывай мне за это голову. Я делаю ставку на то, что твой цивилизованный разум способен управлять твоими рефлексами. Потому что сейчас речь пойдет о таких вещах, которые на Пирре явно под большим запретом. Для ваших людей я слабак, потому что прилетел извне. Но ты-то должен понимать, что в этом заключается и моя сила. Я вижу то, чего вы не видите из-за давней привычки. Ну, знаешь, как о человеке говорят, что он за деревьями не видит леса.

Керк кивнул, и Язон продолжал:

— Теперь разовьем эту аналогию. Когда я вышел из космического корабля, то видел, так сказать, только лес. И мне бросились в глаза некоторые факты. Думаю, что и вам они известны, но вы тщательно подавляете в себе эти мысли. Это для вас своего рода табу. Сейчас я выскажу вслух самое главное, о чем вы даже думать боитесь. Надеюсь, что ты достаточно хорошо владеешь собой и я останусь жив...

Реакция Керка выразилась лишь в том, что его могучие руки крепче стиснули подлокотники.

— По-моему, люди проигрывают битву на Пирре. После сотен лет оккупации этот город остается единственным на планете, да и то половина домов заброшена. Очевидно, раньше жителей было больше. Трюк, который мы выкинули, чтобы добыть оружие, он трюк и есть. Могло и сорваться. А что тогда было бы с городом? Вы тут ходите по шаткому краю вулкана и не хотите этого признать.

Все мышцы Керка напряглись, он будто окаменел, на лице блестели бисеринки пота. Чуть перегни — взорвется... Язон лихорадочно соображал, как разрядить атмосферу.

— Не подумай, что мне приятно говорить тебе эти вещи. Но ведь ты все это давно знаешь. Знаешь, да не хочешь признавать. Не хочешь признавать, что вся эта бойня не имеет смысла. Если численность населения неуклонно сокращается, ваша битва — попросту жестокий вид коллективного самоубийства. Вы могли бы покинуть эту планету, но это значит признать свое поражение. А я не сомневаюсь, что пирряне предпочтут поражению смерть.

Керк привстал, и Язон тоже поднялся, повышая голос, чтобы его слова доходили до собеседника сквозь пелену гнева.

— Я пытаюсь вам помочь, неужели не понимаешь? Сейчас ты скорее готов убить меня, чем сознаться, что битва уже проиграна. Это даже не настоящая война, вы, так сказать, отсекаете один за другим пораженные пальцы и думаете таким образом спасти обреченный организм. Конечный итог может быть только один — проигрыш.

Керк стоял над Язоном, словно башня, готовая вот-вот обрушиться на голову святотатца. Только сила убеждения Язона сдерживала его.

— Когда-то надо же научиться мыслить реально. А то ты видишь все только войну да войну. Но ведь можно докопаться до ее причин и покончить с ней раз и навсегда!

Смысл слов Язона дошел наконец до сознания Керка и погасил его ярость. Пиррянин опустился на стул, у него было какое-то растерянное лицо.

— Что ты подразумеваешь, черт тебя дери? Говоришь, будто какой-нибудь паршивый корчевщик!

Язон не стал спрашивать, что значит «корчевщик», но слово запомнил.

— Ты несешь околесицу, — продолжал Керк. — Нас окружает враждебный мир, с ним надо сражаться, и все тут. А причины конфликта заложены в самой природе вещей.

— Ничего подобного, — возразил Язон. — Посуди сам. Стоит кому-то из вас на какой-то срок оставить планету, как потом надо проходить переподготовку. Получить инструктаж, что в ваше отсутствие изменилось к худшему. Это, так сказать, линейная прогрессия. Но если в проекции

Продолжение. Начало в №№ 5, 6.

на будущее всегда получается ухудшение, значит в прошлом дело обстояло лучше. Теоретически — я не знаю, конечно, подтвердится ли это фактами, — если вернуться достаточно далеко в прошлое, можно дойти до такого времени, когда люди совсем не воевали с Пирром.

Керк явно не знал больше, что говорить, он только сидел и слушал, пока Язон набирал очки своей неотразимой логикой.

— Я могу привести доводы в пользу моей гипотезы. По-моему, даже ты должен признать, что я, хоть и не могу бороться на равных с пиррянскими тварями, кое-что в них смыслю. Ну так вот — всех представителей здешней флоры и фауны, которых я видел, объединяет одна черта. Они не функциональны. Ни одно оружие из своего чудовищного арсенала они не применяют друг против друга. Их яды безвредны для пиррянских организмов. Они смертоносны только для гомо сапиенс. Но ведь это абсурд. За триста лет, что человек обитает на этой планете, местные организмы не могли, естественно, развиваться по такому пути.

— Но ведь это произошло! — крикнул Керк.

— Да, произошло, — спокойно подтвердил Язон. — А значит, есть какие-то причины, какие-то силы. Как они действуют, я себе не представляю. Но что-то заставило пиррянские организмы, так сказать, объявить войну. И мне хотелось бы выяснить, что именно. Какие организмы доминировали на планете, когда здесь высадились ваши предки?

— Откуда мне знать, — ответил Керк. — Уж не хочешь ли ты сказать, что на Пирре, кроме человека, есть другие мыслящие существа? Которые организуют сопротивление нам?

— Я этого не говорил, ты сам пришел к такому выводу. Значит, до тебя дошла суть моих рассуждений. Не знаю, что именно вызвало такой поворот, но мне хотелось бы это узнать. И посмотреть, нельзя ли повернуть колесо назад. Конечно, я ничего определенного не обещаю. Но согласись, что разобраться в этом стоит.

Керк расхаживал по комнате, ударяя себя кулаком по ладони, и казалось, все здание вздрагивает от его тяжелой поступи. Что-то пробило защитный экран открытого окна и ворвалось в комнату. Не останавливаясь, даже не отдавая себе отчета в своих действиях, Керк одним выстрелом уложил крылатую тварь.

Его размышление длилось недолго. Привыкший быстро действовать, плечистый пиррянин и решал быстро. Он остановился и пристально посмотрел на Язона.

— Я не могу сказать, что ты меня убедил, но сейчас у меня нет ответа на твои доводы. Значит, будем пока считать их верными. Итак, что ты собираешься предпринять?

— Во-первых, мне нужно место, где бы я мог жить и работать, хорошо защищенное место. Чтобы я мог заняться этим делом, а не тратить всю энергию только на то, чтобы выжить. Во-вторых, мне нужен человек, который помогал бы мне. Лучше всех для этого подходит Мета.

— Мета? — удивился Керк. — Она космонавт и оператор защитных экранов, что она тут может сделать?

— Очень много. Она знакома с другими мирами и способна — в какой-то мере — взглянуть на вещи под другим углом зрения. И она знает о Пирре не меньше любого взрослого пиррянина, так что сможет ответить мне на любой вопрос.

Язон улыбнулся и добавил:

— Наконец, она симпатичная девушка, мне приятно ее общество.

Керк фыркнул.

— Я все ждал, назовешь ли ты эту причину. Но остальные доводы достаточно веские, так что не буду спорить. Подберу замену для Меты и вызову ее сюда. В городе найдется достаточно надежных зданий, выбирай любое.

Вошла Мета и обратилась к Керку, не глядя на Язона.

— Меня сняли с вахты и послали сюда. В чем дело? Расписание изменилось?

— Если хочешь, да, — ответил Керк. — Ты с этой минуты освобождаешься от всех прежних обязанностей и приписываешься к новому управлению, которое будет заниматься исследованием и расследованием. Возглавлять управление будет вот этот задохлик.

— Что такое? Чувство юмора? — сказал Язон. — Первый случай на Пирре. Поздравляю, еще не все надежды потеряны.

Мета быстро перевела взгляд с одного на другого.

— Не понимаю. Не может быть. Новое управление — зачем?

— Извини, — ответил Керк. — Не обижайся на меня. Похоже, что Язон может оказать серьезную услугу Пирру. Ты согласна ему помочь?

Мета уже овладела собой. И слегка рассердилась:

— Я должна? Это приказ? Ты же знаешь, у меня хватает работы. И уж тебе-то известно, что она будет поважнее всего, что может придумать какой-то инопланетник.

— Да, это приказ, — оборвал ее Керк.

Мета вспыхнула.

— Может быть, я объясню, — вступил Язон. — Тем более что это моя затея. Но сперва выполни мою просьбу. Вынь обойму из пистолета и отдай ее Керку, хорошо?

На лице Меты отразилось недоверие, но Керк кивком подтвердил свое согласие.

— Это всего на несколько минут, Мета, — сказал он. — Я ведь вооружен, так что тебе тут ничто не грозит. Я догадываюсь, о чем пойдет речь, и думаю, что он прав.

Мета неохотно рассталась с обоймой и вынула патрон из ствола. Лишь после этого Язон приступил к делу.

— У меня есть гипотеза по поводу пиррянских организмов, и боюсь, эта гипотеза может поколебать кое-какие иллюзии. Прежде всего надо признать тот факт, что ваш народ постепенно проигрывает войну, и в конце концов вас ждет полное истребление...

Он не договорил: пистолет Меты смотрел ему прямо в лоб, и ее палец яростно щелкал курком. Лицо девушки выражало предельное отвращение и ненависть. Какие ужасные вещи он говорит. Что война, которой они целиком себя посвятили, уже проиграна!..

Керк обнял ее за плечи и усадил на стул, пока она не натворила чего похуже. Прошло несколько минут, прежде чем Мета успокоилась настолько, что могла слушать Язона. Не так-то легко человеку видеть, как рушится система представлений, впитанных им за много лет. Только тот факт, что она побывала на других планетах и что-то повидала, помогал ей сдерживать себя.

И все-таки глаза Меты еще сверкали бешенством, когда Язон кончил излагать ей то, что уже говорил Керку. Она вся напряглась, и, казалось, лишь руки Керка не дают ей броситься на Язона.

— Понятно, с одного раза это трудно переварить, — заключил Язон. — Скажем проще. Мне кажется, что мы можем установить причину такой лютой ненависти к человеку. Может быть, наш запах виноват. И мы придумаем настой из пиррянских жуков — натерся и выходи, ничего не бойся. Пока что мы не знаем ответа. Но как бы то ни было, этот вопрос нуж-

но расследовать. Керк со мной согласен.

Мета посмотрела на Керка, он кивнул. Плечи ее поникли, она сдалась.

— Я... нет, я не могу сказать, что согласна с тобой, — прошептала она. — Я даже не все поняла. Но я помогу тебе. Если Керк считает, что так надо.

— Да, считаю, — подтвердил он. — Ну как, можно вернуть тебе обойму? Больше не будешь стрелять в Язона?

— Я вела себя глупо, — сухо произнесла Мета, перезаряжая свое оружие. — Зачем мне пистолет? Если понадобится убить его, я могу сделать это голыми руками.

— Я тоже тебя люблю, — улыбнулся Язон. — Ну пошли... Ты готова?

— Конечно. — Она убрала со лба локон. — Сперва найдем место, где ты сможешь жить. Это я беру на себя. А работа нового управления — это уж твое дело.

Они молча спустились по лестнице. Выйдя на улицу, Мета с каким-то изощренным злорадством разнесла выстрелом птицу, которая им совсем не угрожала. Язон решил не корить ее за напрасную трату боеприпасов. Пусть лучше стреляет по птицам, чем по нему.

В здании одного из вычислительных центров нашлись свободные помещения. Все здания такого рода наглухо запирались, чтобы никакие твари не добрались до тонкой аппаратуры. Мета пошла искать койку, а Язон, напрягая все силы, перетащил из пустующей канцелярии в облюбованную им комнату конторку, стол и стулья. Когда Мета вернулась с надувным матрацем, он сразу плюхнулся на него.

— Тебе придется привыкать, — сказал он. — Я собираюсь работать по преимуществу в горизонтальном положении. Ты будешь моей сильной правой рукой. А теперь, Правая Рука, раздобыла бы ты чего-нибудь поесть. Кстати, есть я тоже предпочитаю в уже упомянутой позе.

Мета возмущенно фыркнула и вышла.

Управившись с безвкусной трапезой, Язон приступил к делу.

— Мета, ты не знаешь, где хранятся исторические архивы? Всякая там информация о первой поре освоения Пирра.

— Я никогда не слышала о таких вещах. Не знаю даже...

— Что-то где-то должно быть, — настаивал он. — Это теперь все силы вашего общества обращены на борьбу за существование, но ведь не всегда было так. Уверен, что прежде люди вели какие-то записи, регистрировали события. Где будем искать? Есть у вас какая-нибудь библиотека?

— Конечно, — ответила она. — Есть прекрасная техническая библиотека. Но я уверена, что там нет ничего подобного.

— Ладно, я уж как-нибудь разберусь. Показывай дорогу.

Библиотека была полностью автоматизирована. Индекс-проектор позволял быстро находить шифр нужного текста. Лента поступала на стол выдачи через полминуты после того, как читатель набирал номер. Использованные записи опускались в приемное гнездо и автоматически возвращались на место. Весь механизм работал безотказно.

— Великолепно, — заключил Язон, отрываясь от проектора. — Образец технического совершенства. Да только здесь нет ничего для нас. Сплошные выдержки из справочников и учебников.

— А что еще может быть в библиотеке? — Мета была искренне удивлена.

— Ладно, об этом после, — сказал он. — Сейчас не время. Сейчас нам нужно отыскать какую-нибудь нить. Могут быть в библиотеке ленты или, скажем, печатные книги, которые не внесены в индекс?

— Не думаю, но мы можем спросить Поли. Он заведует библиотекой и живет здесь же.

...Обычно смерть не мешкала на Пирре. Стоило человеку получить увечье, как вездесущие враги быстро довершали дело. Поли был исключением из правила. Противник, который некогда добрался до него, потрудился на совесть. Нижней части лица у Поли практически не осталось. Изуродованная левая рука бездействовала. Ноги были так искалечены, что он едва мог передвигаться.

Никто не знал, сколько лет этот калека елозил по библиотечным коридорам. Несмотря на мученья, он продолжал жить, жить и стариться: такого старика Язон еще не видел на Пирре.

Когда Язон принялся объяснять, в чем дело, старик извлек из-под складок своей одежды слуховой аппарат, и Язон понял, что библиотекарь ко всему еще и глухой. Он повторил, зачем пришел. Поли кивнул и написал на дощечке ответ: «Старые книги есть. Хранятся в подвалах».

Язон и Мета прошли за старым библиотекарем до запертой двери в дальнем конце главного зала. Пока Мета и Язон сражались с проржавевшими засовами, Поли написал на дощечке: «Много лет не открывали. Крысы».

Рефлекс сработал безотказно: тотчас в руках у Язона и Меты появились пистолеты.

Язон один завершил поединок с дверью. Оба пиррянина в это время стояли наготове — и слава богу: он ни за что не управился бы в одиночку с волной нечисти, хлынувшей в проем.

Прошло немало минут, прежде чем последнее когтистое чудовище совершило свой предсмертный прыжок. Мета и Поли упивались возможностью сеять смерть. А Язона мутило после этого немого свирепого штурма, отражая который оба пиррянина сами уподобились свирепым бестиям.

У Поли был с собой сильный фонарь. С молчаливого согласия пиррянина Язон вооружился этим фонарем; старик, хотя и искалеченный, лучше его управлялся с пистолетом. Они начали медленно пробираться вниз по ступенькам, заваленным всяким хламом.

— Ну и вонь! — Язон скривился. — Если бы не фильтры в ноздрях, наверно, один запах убил бы меня.

Спустившись в подвал, они посмотрели по сторонам. Да, тут, несомненно, хранились книги и магнитозаписи. Когда-то. Потому что после многолетней систематической обработки острыми зубами от них ничего не осталось.

— Хорошо вы храните свои старые книги, — негодующе произнес Язон.

— Это были бесполезные книги, — холодно заметила Мета. — Иначе их хранили бы, как положено, в библиотеке наверху.

Язон мрачно переходил из помещения в помещение. Ничего стоящего... Одни лишь клочки да обрывки. И такие разрозненные, что собирать бесполезно, ничего связного не составишь. Носком бронированного башмака он сердито пнул кучу мусора. Мелькнуло что-то вроде ржавого металла.

Позабыв об опасности, он принялся разгребать мусор. Показался плоский металлический ящик с буквенным замком.

— Это же бортовой журнал! — удивленно воскликнула Мета.

— Я так и подумал, — отозвался Язон. — Похоже, что мы трудились не зря.

Они заперли наглухо подвал и отнесли металлический ящик в контору Язона. Обрызгали его

дезинфицирующим раствором и только потом приступили к осмотру. Мета первая заметила выгравированные на крышке буквы.

— «М. Т: ПОЛЛУКС ВИКТОРИ»... Это, должно быть, название корабля. Но я не вижу, какого класса корабль. И что означают буквы «М. Т.»?

— «Межзвездный транспорт», — объяснил Язон, принимаясь за замок. — Я только слышал о них, а видеть не пришлось. Их строили во время последней волны галактической экспансии. Собственно, это были всего лишь огромные металлические контейнеры. Их собирали в космосе, загружали людей, аппаратуру, снаряжение и буксировали к той или иной планетной системе. Разовые ракеты и буксиры тормозили «М. Т.» для посадки. Транспорт оставался на планете. Используя металлический корпус, поселенцы могли сразу же приступать к созиданию нового мира. Ведь транспорты были гигантские. Каждый вез не меньше пятидесяти тысяч человек.

Произнеся эту фразу, Язон вдруг сообразил, что из нее вытекает. Он взглянул на побледневшее лицо Меты. Да, да... Теперь на Пирре меньше людей, чем было, когда создавалась колония.

А ведь население, если не ограничивать рождаемость, обычно растет в геометрической прогрессии. Язон вспомнил привычку Меты чуть что хвататься за пистолет и добавил:

— Но мы не знаем точно, сколько народу было на этом корабле. Не знаем даже, в самом ли деле это журнал корабля, который доставил первых поселенцев. Ты не придумаешь, чем открыть эту штуку? А то крышка совсем приржавела.

Мета выместила свою ярость на ящике. Под нажимом ее пальцев край крышки подался, она нажала еще сильнее, металл заскрипел, ржавые петли лопнули, крышка слетела, и на стол со стуком упала тяжелая книга. Надпись на обложке положила конец всем сомнениям.

«Бортовой журнал «М. Т. Поллукс Виктори». Маршрут Сетани — Пирр. На борту 55 тысяч переселенцев...»

— Вот! — крикнул Язон. — Доказательство того, что мы идем по верному следу. Читай вот здесь.

«...второй день как ушли буксировщики, и мы полностью предоставлены самим себе. Колонисты еще не освоились на новом месте. Каждый вечер проводятся специальные беседы. Мои агитаторы работают двадцать часов в сутки. Да и можно ли упрекать людей, которые жили в подземных городах Сетани и видели солнце от силы раз в год? Здесь солнца хватает, а такого ветра я не встречал нигде, хотя побывал на сотне планет. Может быть, я допустил ошибку при разработке плана и надо было настоять на вывозе людей с какой-нибудь из аграрных планет? Людей, привычных к вольному воздуху? Эти горожане с Сетани даже дождя боятся. Правда, на своей планете они росли при полуторной силе тяжести, так что им легче привыкнуть к здешней двойной. Этот фактор сыграл решающую роль. Как бы то ни было, теперь поздно переигрывать. И с этими бесконечными ливнями, снегом, градом, ураганами тоже ничего не поделаешь. Надо скорее пускать рудники, продавать металл и строить закрытые города.

Все на этой злополучной планете против нас — все, кроме животных. Правда, в первые дни появилось несколько крупных хищников, но часовые быстро с ними расправились. Остальные звери нас не беспокоят. И на том спасибо! Они ведут жесточайшую борьбу за существование. Я еще не видел более устрашающих тварей. Даже самые маленькие грызуны, длиной с ладонь, вооружены не хуже танка...»

— Не верю ни одному слову, — вдруг сказала Мета. — Это написано не про Пирр...

Она не договорила: Язон молча ткнул пальцем в надпись на обложке и стал листать дальше, пробегая страницы глазами. Одно место заставило его задержаться, и Язон прочел вслух:

— «...все больше осложнений. Во-первых, Хар Пало выдвинул гипотезу, будто злаки растут так хорошо потому, что почва теплая от близости магмы. Даже если это так, что мы можем поделать? Мы должны сами себя всем обеспечивать, если хотим выжить. А тут еще новость. Похоже, что лесной пожар гонит в нашу сторону животных, с какими мы раньше не встречались. Звери, насекомые, даже птицы нападают на людей. (Обратить внимание Хара: проверить, не связано ли это с сезонными миграциями.) Уже четырнадцать человек погибло от ран и отравления. Надо будет строго-настрого приказать всем постоянно пользоваться репеллентами от насекомых. А для защиты от крупных животных придется, пожалуй, обнести лагерь защитной стеной».

— Отсюда все и пошло, — сказал Язон. — Что ж, теперь мы хоть знаем, в чем дело.

Дальнейшее чтение ничего существенного не добавило. В журнале содержались дополнительные данные об исконной фауне и флоре, об их опасности для людей, о первых мерах защиты. Сведения, интересные в историческом плане, но ровным счетом ничего не дающие для того, чтобы отвратить участь, которая грозила пиррянам теперь. Капитану явно не приходило в голову, что пиррянские организмы изменяются, он думал, что колонисты открывают все новые виды. Ему так и не довелось пересмотреть свои взгляды. Последняя запись, сделанная спустя два месяца, была очень короткой. И писала уже другая рука.

«Капитан Курковски умер сегодня после укуса ядовитым насекомым. Все сожалеют о его гибели».

Причину такой нелюбви планеты к человеку еще предстояло выяснить.

— Надо показать эту книгу Керку, — сказал Язон. — Он, наверно, знает, что было потом.

В ту самую минуту, когда они вошли в канцелярию Керка, из визифона вырвался пронзительный крик. Язон не сразу разобрал, что это не голос человека, а механический сигнал.

— Что случилось? — спросил он.

Керк ринулся к выходу. Остальные сотрудники последовали за ним. Мета в замешательстве посмотрела на дверь, потом на Язона.

— В чем дело? Ты можешь мне ответить? — Он дернул ее за руку.

— Секторальная тревога. Периметр прорван. Все должны явиться к месту прорыва, кроме часовых на других участках периметра.

— Ну так иди, — сказал Язон. — За меня не беспокойся.

Его слова подействовали как спусковой крючок. Он еще не договорил, а Мета с пистолетом в руке уже исчезла за дверью. Язон устало опустился на стул.

Неестественная тишина в здании начала действовать ему на нервы, тогда он пододвинулся вместе со стулом к визифону, повернул переключатель, и аппарат буквально взорвался красками и звуками.

Он быстро уразумел, что бой идет нешуточный. Каким-то образом — как именно, из отрывочных реплик нельзя было понять —

оборонительный пояс был прорван, и теперь аварийные отряды заделывали брешь. Судя по всему, руководил операцией Керк. Время от времени звучали его команды; тогда мозаика маленьких лиц как бы таяла, вытесняемая большим, во весь экран, изображением Керка: «Всем заставам направить 25 процентов личного состава на участок 12».

Снова появились маленькие лица, нестройный гул голосов усилился.

«...очистить первый ярус, радиус кислотных бомб недостаточен».

«Если останемся здесь, будем отрезаны, на западном фланге нас уже обходят. Просим подкреплений».

«...напалм уже на исходе. Какие будут приказания?»

«Транспортер еще здесь, живо на склад, там найдете...»

Из всего речевого сумбура только две последние реплики прозвучали осмысленно для Язона. Он помнил надписи у входа в здание и знал, что оба первых этажа заняты под склад боеприпасов. «Кажется, мой выход», — сказал он себе.

Сидеть и смотреть сложа руки было невыносимо. Язон не переоценивал своих возможностей, однако не сомневался, что и его пистолет будет нелишним.

Когда он дотащился до первого этажа, на улице у грузовой платформы уже стоял турбомобиль. Два пиррянина поспешно выкатывали со склада бочки с напалмом, нисколько не думая о своей безопасности. Язон не отважился нырнуть в этот водоворот катящегося металла. Он смекнул, что от него будет гораздо больше проку, если он возьмется кантовать тяжелые бочки в кузове. Пирряне восприняли его помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ворочать свинцовые бочки, борясь с двойным тяготением, — адский труд... Кровь стучала в висках, глаза застилала багровая мгла. Язон работал вслепую и, что дело сделано, понял лишь после того, как транспортер вдруг рванулся вперед. Водитель гнал тяжелую машину полным ходом, и Язона мотало во все стороны. К тому времени, когда они достигли зоны боя и круто затормозили, в глазах у него немного прояснилось, но отдышаться он еще не успел.

Его взгляду представился сплошной сумбур: стрельба, языки пламени, со всех сторон — бегущие мужчины и женщины. Кругом кишели какие-то мелкие твари, он убил двух, которые пытались его атаковать. В остальном ход битвы оставался для него непонятным.

Рядом с собой он увидел пиррянина с бледным от боли и напряжения лицом. Правая рука его, с зияющей, рваной раной, которую кто-то уже обработал специальным раствором, безвольно повисла. В левой руке он держал пистолет с обрывком провода. Язон подумал, что раненый ищет, кто бы мог его перевязать. Но это было не так.

Стиснув пистолет зубами, пиррянин захватил здоровой рукой бочку с напалмом и повалил ее на бок. Потом снова взял в руку пистолет и начал катить бочку по земле ногами. Она плохо поддавалась, но раненый не хотел выходить из боя.

Язон протиснулся к нему между снующими людьми.

— Дай-ка я буду катить, — сказал он. — А ты прикрывай меня пистолетом.

— Ладно, кати, я еще могу стрелять. Два полчеловека — вместе, пожалуй, выйдет боец.

Язон уже сражался с бочкой, и ему было не до обид.

Улица впереди была разворочена взрывом. Два человека трудились на дне воронки, углубляя ее лопатами. Язон не понимал, зачем это нужно. В ту самую минуту, когда он подкатил бочку, оба пиррянина — юноша и молоденькая девушка — выскочили из ямы и открыли огонь, целясь вниз.

— Давайте напалм! — выдохнула девушка. — Одно из новых чудовищ пробивается на участок тринадцать, мы только что его обнаружили.

Она развернула бочку, сшибла пробку, и студенистое вещество потекло в яму. Не дожидаясь, когда все вытечет, девушка столкнула бочку в воронку. Ее товарищ сорвал с пояса осветительную ракету и швырнул следом.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Назад, живо! — крикнул он.

Напалм вспыхнул, вверх взметнулись языки коптящего пламени, заклубился дым. Земля под ногами Язона заколыхалась, среди огня возникло что-то длинное, черное и изогнулось в воздухе. Окруженное пеклом чудовище как-то странно дергалось. Оно было огромное, не меньше двух метров в поперечнике, а о длине можно было догадываться по тому, как дыбился и трескался асфальт на полсотню метров по обе стороны воронки. Пламя не укротило его, только придало еще больше ярости. Петля за петлей появлялась из-под земли. Следуя примеру других, Язон начал стрелять по извивающемуся телу, но пули не производили никакого видимого действия.

Со всех сторон прибывало подкрепление, люди несли разное оружие, но всего эффективнее оказались минометы и огнеметы.

— Освободить участок, открываем массированный огонь!

Голос прозвучал так громко, что у Язона зазвенело в ушах. Он повернулся и увидел Керка, который привел транспортеры с оружием.

Язон растерялся. Освободить участок? Какой участок? Он рванулся было к Керку, но вдруг увидел, что все бегут в противоположную сторону. Да как бегут!

Язон остался в одиночестве посреди улицы, чувствуя себя совсем беззащитным. Все остальные исчезли. Нет, не все. Раненый, которому он помог справиться с бочкой, приближался, размахивая здоровой рукой. Язон не мог разобрать, что он говорит. Машины тронулись с места. Язон понял, что надо пошевеливаться.

Поздно. Земля вспучилась сразу со всех сторон, из трещин петля за петлей выбиралась наружу невиданная тварь.

Толстое тело, серое и шершавое, будто старое дерево. С множеством извивающихся по-змеиному, длинных белесых отростков. На вид растение, а двигается как животное... И оно лопается, трескается! Это было самое ужасное.

Появились какие-то трещины, отверстия. Словно разинутые пасти, они изрыгали полчища мертвенно-белых тварей, которые издавали пронзительный визг. Он видел страшные челюсти с множеством острейших клыков.

Ужас встречи с неведомым сковал руки и ноги Язона. Он приготовился умереть. Керк орал ему что-то громовым голосом в мегафон, по атакующему чудовищу непрерывно стреляли, а Язон стоял словно в забытьи.

Вдруг чье-то твердое, как камень, плечо сильно толкнуло его вперед. Это был раненый пиррянин, он все еще надеялся выручить Язона. Держа пистолет зубами, он здоровой рукой потащил Язона за собой. Прямо на чудовище. Стрельба на время прекратилась. Другие пирряне поняли его замысел.

Под изогнувшейся в воздухе петлей образовался большой просвет. Пиррянин уперся как следует ногами, весь напрягся, рывком оторвал Язона от земли и буквально швырнул его в проход под живой аркой. Извивающиеся щупальца обожгли лицо Язона, в следующую секунду он уже катился по земле по ту сторону петли. Раненый пиррянин прыгнул следом за ним.

Он опоздал. Обстановка позволяла спастись только одному. И пиррянин, вместо того чтобы использовать этот единственный шанс, протолкнул вперед Язона. Щупальца, которые задел Язон, передали сигнал в мозг чудовища, оно опустилось и накрыло пиррянина. Но пистолет-автомат еще долго продолжал стрелять.

Язон встал на четвереньки и пополз. Несколько клыкастых бестий бросились к нему, но были подстрелены. Он этого не видел. Чьи-то сильные руки грубо поставили его на ноги и дернули. Он ударился о борт транспортера и увидел разъяренное лицо Керка. Могучая пятерня схватила его за грудь, оторвала от земли и безжалостно встряхнула, словно кучу тряпья.

Керк не убил Язона, только отшвырнул в сторону. Кто-то подобрал его и забросил в кузов. Он еще был в сознании, когда машина рванулась с места. Ничего, сейчас все пройдет, и он сядет. Он просто устал немного, вот и все... Здесь течение его мыслей оборвалось.

— Совсем как в давние времена, — приветствовал Язон входящего в комнату Бруччо.

Пиррянин молча подал Язону и другим раненым еду и вышел.

Шутка, улыбка, все как положено. Вот только губы словно чужие. Как будто их налепили, и они говорят и улыбаются сами по себе. И внутри все онемело. Мышцы не слушались, а перед глазами стояла одна и та же картина: живая арка, которая обрушивалась на однорукого пиррянина и оплетала его миллионами жгучих щупалец.

Язон представлял себя на месте погибшего. Ведь по справедливости он должен был там остаться... Эта мысль преследовала Язона с того самого утра, когда он пришел в сознание.

Другой человек умер, чтобы он мог жить. От этого никуда не уйдешь. При всем желании погибшего не вернешь к жизни. Значит, надо сделать так, чтобы его смерть была не напрасной.

Язон знал, что он должен делать. Теперь его поиск приобретает еще большее значение. Если он решит загадку этого свирепого мира, он вернет тем самым часть своего долга.

Язон сел, тотчас голова закружилась так, что он машинально ухватился руками за край кровати. Прошло несколько минут, прежде чем головокружение унялось. Остальные раненые даже не смотрели на него, когда он медленно, кривясь от боли, начал одеваться. Вошел Бруччо, увидел, чем он занят, и молча вышел.

Одевание затянулось надолго, наконец он управился. Когда Язон вышел из комнаты, за дверью его ожидал Керк.

— Керк, я хочу тебе сказать...

— Не говори мне ничего! — Голос Керка громом раскатился по коридору. — Говорить буду я. Ты выслушаешь меня, и на этом разговор будет окончен. Мы не желаем больше видеть тебя на Пирре, Язон динАльт, мы не нуждаемся ни в тебе, ни в твоих премудрых суждениях постороннего. Один раз тебе с твоим лживым языком удалось меня убедить. Я помог тебе за счет более важных дел. Я должен был раньше сообразить, куда заведет твоя пресловутая логика. Велф умер, чтобы ты мог жить. А он стоил двоих таких, как ты.

— Велф? Его звали Велф? — неловко спросил Язон. — Я не знал...

— Ты не знал. — Зубы Керка обнажились в презрительной гримасе. — Ты даже не знал его имени, а он умер, чтобы ты мог и дальше влачить свое жалкое существование.

Керк сплюнул, словно ему попала в рот какая-то дрянь, и зашагал к выходу. Потом вспомнил что-то и повернулся к Язону.

— Ты будешь здесь, в изоляторе, пока не придет корабль. Через две недели ты покинешь эту планету. А если вернешься, я убью тебя на месте. С большим удовольствием.

Он вышел в переходную камеру.

— Постой! — крикнул Язон. — Так нельзя. Ты еще не видел того, что я нашел. Спроси Мету...

Дверь захлопнулась, и Керк исчез.

Черт знает что. Бессильное отчаяние сменилось яростью. С ним обращаются как с несмышленым ребенком, ни во что не ставят важное открытие, которое он сделал.

Язон обернулся и увидел Бруччо.

— Ты слышал? — спросил он.

— Да. И я с ним полностью согласен. Считай еще, что тебе повезло.

— Повезло! — Язон окончательно рассвирепел. — В том, что ко мне относятся как к малолетнему недоумку, что моих усилий не принимают всерьез...

— А я говорю — повезло, — перебил его Бруччо. — У Керка из всех сыновей только Велф и оставался. Керк возлагал на него большие надежды, готовил себе в преемники.

Бруччо повернулся, чтобы уходить, но Язон окликнул его:

— Погоди. Мне очень горько, что Велф погиб. Независимо от того, что ты мне сейчас сказал. Но теперь мне понятно, почему Керку не терпится меня выпроводить. Вместе с материалами, которые я нашел. Бортовой журнал...

— Знаю, видел я его. Мета приносила. Очень интересный исторический документ.

— И это все, что ты можешь о нем сказать? Исторический документ... А суть перемены, которая произошла с планетой, до тебя не дошла?

— Дошла, — сухо ответил Бруччо. — Но я не вижу, при чем тут сегодняшнее?..

Все, все впустую, прямо хоть вой... Куда ни повернись, сплошное безразличие.

— Ты же умный человек, Бруччо, и, однако, видишь не дальше собственного носа. Наверно, с этим ничего не поделаешь. Ты и все остальные пирряне — супермены на земную мерку. На Пирре человек находится в условиях, которые требуют максимума от его мышц и рефлексов. Но ведь это тупик. Мозг вывел человека из пещер и открыл ему путь к звездам. Если опять впереди мозга поставить мышцы, мы вернемся к пещерному уровню. В самом деле, кто вы, пирряне, если не шайка троглодитов, которые бьют зверей по голове каменными топорами? Вы когда-нибудь задумываетесь над тем, для чего вы тут живете? Что делаете? Куда идете?

Язон остановился, чтобы перевести дух. Бруччо задумчиво потер подбородок.

— Пещеры? — повторил он. — Где ты видел у нас пещеры и каменные топоры? Я тебя совсем не понимаю.

«Можно ли тут сердиться?..» — подумал Язон. Он открыл рот, хотел ответить, но вместо этого рассмеялся. Это был невеселый смех. Он устал спорить с этими пиррянами. Они мыслят только в настоящем. Прошлое для них непознаваемо, а будущее неизменимо и потому не представляет никакого интереса.

— Да, как идет бой на периметре? — спросил Язон, переводя разговор на другое.

— Окончен. Во всяком случае, подходит к концу. Это был самый серьезный прорыв за много лет, но мы вовремя его засекли. Жутко подумать, что было бы, опоздай мы на неделю-другую.

— А это что за твари? — спросил Язон. — Какие-нибудь гигантские змеи?

— Не говори вздора, — фыркнул Бруччо. — Корни. Только и всего. Сильно видоизмененные, конечно, но все равно корни. Задумали пробраться под периметром; такого глубокого подкопа еще никогда не было. Сами-то по себе они не опасны. Обруби такой корень — долго не проживет. А вся опасность в том, что они служили как ходы для штурма. Каждый корень внутри испещрен ходами, в них живут два или три вида животных, своего рода симбиоз.

Предельные условия. Жизнь на краю вулкана, грозящего всех истребить. Пирряне рады каждому прожитому дню. Видно, их уже не переделаешь. Язон не стал продолжать разговор. Забрав в комнате Бруччо бортовой журнал корабля «Поллукс Виктори», он отнес его к себе.

Два дня Язон не выходил из палаты. Раненые быстро поправлялись, он остался один и внимательно читал страницу за страницей, пока не изучил во всех подробностях историю освоения Пирра. Кипа заметок и выписок быстро росла. Он вычертил карту первоначального поселения и наложил ее на самую последнюю. Ничего похожего...

Да, это тупик. Сравнение карт неумолимо подтверждало то, о чем он догадывался. Все детали местности и рельефа были описаны в журнале очень точно. Город, несомненно, переместился со времени первоначальной высадки колонистов.

Весь следующий день Язон пролежал на койке, уныло глядя в потолок и пытаясь переварить мысль о своем проигрыше. Приказ Керка не выходить из изолятора связывал его по рукам и ногам. Ему казалось, что лишь несколько шагов отделяют его от ответа. Но в каком направлении идти?

Его хандры хватило ровно на один день. Язон не видел в позиции, занятой Керком, ни капли логики, одни эмоции. Мысль об этом неотступно преследовала его. Жизнь давно научила Язона относиться с недоверием к суждениям, основанным на эмоциях. Он ни в чем не мог согласиться с Керком — значит, надо использовать оставшиеся десять дней, чтобы решить проблему. Пусть даже для этого придется нарушить приказ Керка.

Он с жаром взялся опять за свой блокнот. Первые источники информации исчерпаны, но должны быть другие. Язон перебирал возможные варианты. В конце концов он остановился на двух. Первый — старые документы, записки или дневники, которые могли сохраниться в личном владении у кого-нибудь из пиррян. Второй — изустные предания, передававшиеся из поколения в поколение. Вариант номер один казался ему наиболее реальным, и Язон тотчас приступил к делу. Тщательно проверив свою аптечку и пистолет, он пошел к Бруччо.

— Что нового смертельного появилось на свете за то время, что я тут сижу? — спросил он.

Бруччо воззрился на него.

— Тебе нельзя выходить. Керк запретил.

— Он велел тебе следить, чтобы я повиновался? — холодно осведомился Язон.

Бруччо потер подбородок и насупил брови. Поразмыслив, он пожал плечами.

— Да нет, я тебя не сторожу. И ни к чему это мне. Я понимаю так, что это ваше с Керком личное дело — ну так и разбирайтесь сами. Уходи когда тебе вздумается. И постарайся, чтобы тебя где-нибудь тихо прикончили, для нас будет одной заботой меньше.

Никем не замеченный, Язон покинул здание изолятора и побрел по пыльным улицам к ближайшим казармам, сверяясь с планом города. Было душно, царила тиши-

на, нарушаемая лишь далеким рокотом да изредка его собственными выстрелами.

Внутри толстостенных бараков было прохладно, и Язон тяжело опустился на скамейку. Когда пот на лице высох и сердце забилось ровнее, он вошел в комнату отдыха и приступил к опросу.

Дознание не затянулось. Никто из пиррян не хранил старинных предметов: сама мысль об этом казалась им нелепой.

Значит, остаются изустные предания. Но и тут опрос ничего не дал. К тому же пиррянам надоела его назойливость, и они начали ворчать. Лучше остановиться вовремя, пока он еще цел... От кого можно получить толковый ответ? Все, с кем он здесь говорил, очень уж молоды. Какое им дело до преданий старины. Это чисто стариковское хобби. Но на Пирре нет стариков.

А впрочем, есть одно исключение: библиотекарь Поли. В самом деле, человек, который имеет дело с документами и книгами, мог сберечь что-нибудь старинное. На худой конец он может помнить что-то из прочитанного. Не очень надежная нить, но ее надо проверить.

Поли копался во внутренностях одной из библиотечных машин и оторвался от работы только после того, как Язон тронул его за плечо. Включив слуховой аппарат, старый инвалид приготовился слушать.

— У вас есть старые бумаги или письма, которые вы храните для себя лично?

Пиррянин отрицательно покачал головой.

— А как насчет преданий — может, вы в молодости слышали какие-нибудь рассказы о первых поселенцах, об их подвигах?

Снова отрицательный жест.

О чем бы Язон ни спросил, Поли только качал головой. Наконец старый пиррянин раздраженно показал на ожидавшую его работу.

— Да, да, я знаю, что вам надо работать. Но это очень важно.

Поли сердито мотнул головой и поднял руку, намереваясь выключить слуховой аппарат. Язон лихорадочно старался придумать такой вопрос, который мог бы вызвать более позитивную реакцию. В мозгу вертелось какое-то слово, которое он однажды слышал и, так сказать, заложил в память, чтобы потом выяснить его значение. Слышал от Керка...

Есть! Заветное слово вынырнуло из подсознания.

— Минуточку, Поли, только еще один вопрос. Что такое корчевщик? Вы когда-нибудь видели корчевщика? Чем они занимаются? Где их можно увидеть?

Он не договорил. Поли развернулся и со всего размаха ударил Язона по лицу здоровой рукой так, что едва не раздробил ему челюсть. Язон отлетел в сторону и словно в тумане увидел, как старый калека идет, ковыляя, к нему. Уцелевшая часть лица библиотекаря была искажена яростной гримасой, изувеченное горло издавало какие-то клекочущие звуки.

Тут уж было не до объяснений. Со всей скоростью, какую только он мог развить при двойном тяготении, Язон направился к двери.

Дождь успел смениться снегом, и Язон зашлепал по слякоти, потирая ноющую скулу и осмысливая единственный факт, которым он располагал. «Корчевщик» — явно ключ, но к чему? И куда теперь обратиться за информацией? Из всех пиррян только с Керком у него получался путный разговор, но с ним больше не поговоришь. Остается Мета. Надо немедленно повидаться с ней. Но тут им вдруг овладела такая слабость, что он еле добрел обратно до учебного центра.

Утром он чуть свет позавтракал и снова отправился в город. Всего неделя осталась в запасе... Дотащившись до здания диспетчерской службы, Язон узнал, что Мета вот-вот должна вернуться с ночного дежурства на периметре, и отправился в ее казарму. Когда Мета вошла, он лежал на ее койке.

— Уходи, — бесстрастно сказала она. — Или тебя надо вышвырнуть?

— Терпение. — Он сел. — Я было прилег отдохнуть, пока ждал тебя. У меня один-единственный вопрос. Ответь мне, и я сразу уйду.

— Какой еще вопрос? — Мета нетерпеливо постукивала по полу каблуком, но Язон уловил нотку любопытства в ее голосе. Язон собрался с духом и выпалил:

— Что такое корчевщик?

На миг Мета словно окаменела. Потом с отвращением посмотрела на него.

— Ты умеешь находить самые омерзительные предметы для разговора.

— Возможно, — согласился он. — Но это не ответ на мой вопрос.

— Это... В общем, это одна из тех вещей, о которых люди не говорят.

— Я говорю.

— А я нет! Это самая отвратительная вещь на свете, больше я ничего не скажу. Потолкуй с Кранноном, а с меня хватит.

Говоря, Мета схватила его за руку и выволокла в тамбур. В следующую секунду дверь захлопнулась за его спиной. Язон сердито буркнул: «Силачка», — но гнев улетучился, как только он сообразил, что Мета, хотела она того или нет, дала ему в руки ключ.

В диспетчерской Язон узнал, кто Краннон, а также где и в какую смену он работает. Идти туда было недалеко, и Язон скоро очутился перед большим кубическим строением без окон. У каждого из надежно запертых входов висело по вывеске с одним только словом: «Продовольствие».

Краннон, коренастый и весьма мрачный мужчина в залатанном комбинезоне, работал один в просторной кладовой. При виде Язона он перестал ворочать тюки и сел. Угрюмые складки на его лице, казалось, стали еще глубже, когда Язон принялся объяснять, зачем пришел. Разговор о пиррянской старине нагнал на него тоску.

— Ты обратился не по адресу, инопланетник, — услышал он. — От разговора со мной тебе будут сплошные неприятности.

— Это почему же?

— Почему? — Язон увидел, что лицо Краннона может выражать не только уныние. — Я тебе скажу почему! Однажды я допустил промашку, только одну, и был наказан за это пожизненным приговором. На всю жизнь — понятно тебе? Я один, все время один. Корчевщики и те надо мной начальники.

Язон постарался не выдать своего ликования.

— Корчевщики? А кто это такие — корчевщики?

От такого чудовищного вопроса Краннон на миг онемел.

— Корчевщики — предатели, иначе их не назовешь. Предатели рода человеческого, я бы их всех перебил, была бы моя воля. Живут в джунглях. А что они с животными делают...

— Вы хотите сказать, что это люди? Такие же пирряне, как вы сами? — перебил его Язон.

— Нет, сударь, не такие же, как я. И не повторяй этой ошибки, если тебе жизнь дорога. Допустим, я один раз задремал на посту, за что и должен теперь делать эту работу. Но отсюда еще не следует, что она мне по душе. Или что

они мне по душе. От них смердит, да, да, смердит, и если бы они не давали нам продовольствие, их завтра же прикончили бы всех до одного. Вот работенка, за которую я взялся бы с великой радостью!

— Но если они поставляют вам продовольствие, вы должны давать им что-то взамен?

— Меновой товар — бусы, ножи и все такое прочее. Мне их сюда привозят в коробках, мое дело только доставить эти коробки по адресу.

— Как вы это делаете?

— Отвожу в условленное место на бронетранспортере. Потом еду снова и забираю продовольствие, которое они оставляют.

— Можно мне поехать с вами?

Краннон немного поразмыслил, прежде чем ответить.

— Что ж, валяй поезжай, если природа обделила тебя умишком. Подсобишь мне с погрузкой. Сейчас урожай еще не собран, так что следующий рейс через восемь дней...

— Но ведь это будет после того, как улетит корабль. Слишком поздно. А раньше вы не можете поехать?

— Не лезь ко мне со своими проблемами, сударь, — пробурчал Краннон, вставая. — Через восемь дней, и никаких перемен ради твоей милости.

Язон понял, что от этого человека ему большего за один раз не добиться. Он уже собрался уходить, но затем обернулся.

— Еще один вопрос. Как выглядят эти дикари? Эти корчевщики?

— Откуда мне знать! — рявкнул Краннон. — Я с ними торгую, а не целуюсь. Попадись мне хоть один, я пристрелил бы его на месте.

Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, заставляя пистолет выскакивать из кобуры. Язон предпочел тихо удалиться.

Растянувшись на койке, чтобы мышцы отдохнули от перегрузки, он ломал голову над тем, как убедить Краннона перенести срок. Его надо подкупить. Но чем? В этом мире, где валюта не котируется, его миллионы кредов ничего не значат. Глаза Язона остановились на стенном шкафу, в котором висела его старая одежда... Кажется, придумал!

На другой день — еще одним днем меньше! — он спозаранок пришел в здание продовольственного склада. Краннон даже не обернулся на звук его шагов.

— Хотите получить эту штуку? — Язон протянул изгою плоский золотой футляр с крупным алмазом посередине.

Краннон хмыкнул и повертел футляр в руках.

— Игрушка, — сказал он. — Какой от нее прок?

— А вы нажмите кнопку, появится огонь.

Над дырочкой в крышке вырос язычок пламени. Краннон вернул футляр Язону.

— Погодите, — сказал Язон. — Это не все. Если надавишь на этот камень посередине, выскочит... вот, видите?

У него на ладони очутился черный шарик величиной с ноготь.

— Граната, из чистого ульранита. Сдави ее хорошенько, потом брось, и будет такой взрыв, что начисто разнесет дом вроде этого.

Краннон снова взял золотой футляр. На грозное оружие он смотрел с улыбкой, словно ребенок на конфетку.

— Футляр и бомбы будут ваши, если вы перенесете очередной рейс на завтра и возьмете меня с собой, — поспешил объявить Язон.

— Будь здесь ровно в пять утра, — ответил Краннон. — Мы выедем рано.

Рокоча гусеницами, бронетранспортер подкатил к воротам периметра и остановился. Краннон сделал рукой знак часовым и опустил металлический щит перед ветровым стеклом. Ворота распахнулись, и транспортер — по сути дела, это был тяжелый танк — медленно пополз вперед. За первыми воротами были вторые, они открылись после того, как сомкнулись внутренние створки. Язон смотрел в перископ, как отворяются наружные ворота. Автоматические огнеметы поливали пламенем проход, пока транспортер не подошел вплотную. Широкая полоса выжженной земли окаймляла периметр; дальше начинались джунгли. Язон непроизвольно съежился на сиденье.

Растения и животные, которых он до сих пор знал лишь по образцам, здесь окружали его со всех сторон. Колючие ветви и лианы переплелись, образуя сплошную массу, кишащую всякой живностью. Воздух наполнился неистовым гулом, что-то непрерывно царапало броню, стучало по ней. Краннон усмехнулся и включил контакт, подающий электрический ток на защитную решетку. Царапанье умолкло.

Транспортер продирался сквозь джунгли на самой малой скорости. Лицо Краннона будто срослось с перископом. Он молча управлял машиной. С каждой милей транспортер шел все лучше; наконец водитель убрал перископ и поднял щит. По-прежнему их грозно обступал густой лес, но это было совсем не то, что около периметра, вдоль которого, казалось, сосредоточилась главная смертоносная мощь планеты. «Почему? — спросил себя Язон. — Откуда эта исступленная ненависть направленного действия?»

Мотор стих, Краннон встал и потянулся.

— Приехали, — сказал он. — Давай выгружать.

Транспортер стоял на голой скале с такими крутыми и гладкими склонами, что на них не держалась никакая растительность. Краннон открыл грузовые отсеки, и они принялись сгружать клети и ящики. Когда работа была закончена, Язон обессиленно привалился к груде ящиков.

— Полезай в кабину, едем обратно, — приказал Краннон.

— Вы поезжайте, я останусь.

Краннон холодно посмотрел на него.

— Лезь в машину, или я тебя убью. Здесь нельзя оставаться. Во-первых, ты и часа один не проживешь. А главное, попадешь в руки корчевщикам. Они тебя сразу прикончат, но не в этом беда. А в том, что у тебя есть снаряжение, которое не должно попасть в их руки. Только корчевщика с пистолетом нам не хватает!

Пока пиррянин говорил, Язон лихорадочно продумывал следующий ход. Вся его надежда была на то, что Краннон смекает не так быстро, как реагирует.

Язон уставился на деревья, точно заметил что-то среди ветвей. Краннон, продолжая говорить, автоматически последовал его примеру. И как только в руке Язона оказался пистолет, Краннон тотчас выхватил свое оружие.

— Вон там! На макушке! — крикнул Язон, стреляя наугад в зеленый хаос.

Краннон тоже открыл огонь. В ту же секунду Язон отпрянул назад, сжался в комок и покатился вниз по склону.

Лежа в кустах, исцарапанный, запыхавшийся, Язон слышал, как Краннон честит его последними словами. Взбешенный пиррянин продолжал стрелять наугад, однако спускаться в заросли не стал. В конце концов он сдался и сел в кабину. Мотор взревел, гусеницы звякнули и заскребли по камню, транспортер пошел обратно через джунгли.

Язон остался один. Риск немалый.

Продолжение следует

Перевел с английского
Л. ЖДАНОВ

ГАРРИ ГАРРИСОН

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

Фантастическая повесть

Будь у него менее опасный способ решить проблему, он предпочел бы его; роль героя-мученика Язону вовсе не улыбалась.

Волоча ноги, Язон добрел до высоких деревьев. Что-то шевельнулось среди ветвей и тут же пропало. Он поглядел на ближайшее дерево. Окружающие толстый ствол растения не производили впечатления ядовитых, и Язон вошел в лес. Вроде бы ничего угрожающего кругом. Странно... Он прислонился к шершавому стволу, собираясь с силами.

Что-то мягкое накрыло его голову, руки и ноги точно сковало железом, и чем сильнее он отбивался, тем крепче становилась хватка. Кровь стучала в висках, легкие готовы были взорваться.

Наконец он прекратил сопротивление, и сразу хватка несколько ослабла. Поняв, что на него напал не зверь, Язон слегка воспрянул духом. Он ничего не знал о корчевщиках, но рассчитывал на то, что человеческое в них возьмет верх.

Он был крепко связан, кобуру с пистолетом у него забрали. Без оружия Язон почувствовал себя словно голый. Все те же могучие руки снова схватили его и бросили ничком на что-то мягкое и теплое. Это «что-то» явно было каким-то крупным животным, и Язона опять обуял ужас, ведь все пиррянские животные — смертельные враги человека.

Когда животное тронулось с места, унося его на себе, на смену страху пришло огромное облегчение. Выходит, корчевщики сумели наладить своего рода сотрудничество по меньшей мере с одним представителем местной фауны. Если он выяснит, как это оказалось возможно и сумеет сообщить секрет жителям города, все его труды и мытарства окупятся. Пожалуй, даже смерть Велфа будет оправдана, если удастся умерить, а то и вовсе прекратить многовековую войну...

Наконец тряска прекратилась, Язона стащили со спины животного и бросили на землю. Чувствительность вернулась к развязанным рукам, он поднял их и сдернул с головы мешок, сшитый из какого-то густого меха.

Отдышавшись немного, Язон огляделся вокруг. Он лежал на полу из неструганых досок; через дверной проем прямо в лицо ему светило заходящее солнце. Весь склон холма до самого леса занимало вспаханное поле.

Что-то заслонило свет, на пороге выросла высокая фигура. В первую секунду Язону почудилось, что это зверь, потом он увидел лицо человека с длинными волосами и густой бородой. Человек был одет в шкуры, даже чулки были меховые. Поглаживая рукой подвешенный к поясу топор, он пристально смотрел на пленника.

— Кто ты? Чего тебе надо? — вдруг спросил бородач.

Язон помешкал с ответом — как бы этот дикарь не оказался таким же вспыльчивым, как горожане.

— Меня зовут Язон. Я пришел с миром. Я хочу быть вашим другом...

— Ложь!.. — Бородач взялся за топор. — Врешь, жестянщик! Я видел, как ты прятался. Хотел меня убить. Но раньше я тебя убью.

— Погодите! — отчаянно воскликнул Язон. — Вы не поняли.

Топор качнулся вниз.

— Я инопланетник и...

Топор вонзился возле уха Язона с такой силой, что даже пол вздрогнул. Бородач передумал в последнюю секунду. Схватив Язона за грудь, он подтянул его к себе, так что их лица соприкоснулись.

— Правда? Инопланетник?

Не дожидаясь ответа, он разжал пальцы, и Язон упал на доски. Дикарь перескочил через него и шагнул куда-то в глубину хижины.

— Надо доложить Ресу, — сказал он, возясь с чем-то у стены.

Загорелся свет. Язон ошарашенно вытаращил глаза. Одетый в шкуры косматый дикарь включил связное устройство. Грубые грязные пальцы быстро набрали номер.

Вздор какой-то... В уме Язона вид волосатого варвара никак не вязался с электронной аппаратурой. Кого он вызывает? Если есть связное устройство, должно быть по меньшей мере еще одно. Кто такой Рес?

Закрыв глаза, чтобы не мешали пробивающиеся сквозь макушки деревьев лучи солнца, Язон попробовал анализировать факты. Их можно было разделить на две группы: то, что он видел сам, и то, что узнал от жителей города. Вторая категория явно нуждалась в проверке и сопоставлении с наблюдаемым. Может статься, что многие, если не все, «факты» этого рода окажутся ложными.

— Вставай, — вторгся в его мысли голос бородача. — Поехали.

Затекшие ноги не держали Язона. Бородач презрительно фыркнул, поднял его и прислонил к наружной стене. Потом он куда-то исчез. За спиной Язона послышалось фырканье. Он резко обернулся и окаменел; рука сжимала несуществующий пистолет, палец дергал курок, которого не было.

Перед ним стоял какой-то зверь, неприметно вышедший из леса. Длиной около двух метров,

---

Продолжение. Начало в №№ 5—7.

шесть толстых ног с когтистыми лапами, тусклая черно-желтая шерсть, только череп и лопатки выстланы налегающими друг на друга роговыми пластинами. Зверь был так близко, что Язон хорошо все разглядел.

Он приготовился умереть.

Раскрылась жабья пасть, обнажая два ряда пильчатых зубов.

— Ко мне, Фидо, — позвал вышедший из сарая бородач и щелкнул пальцами.

Шестиногая тварь пробежала мимо огорошенного Язона и потерлась головой о ногу пиррянина.

— Хороший, хороший песик, — приговаривал тот, почесывая лопатку зверя около последней пластины.

Язон увидел, что бородач вывел двух оседланных и взнузданных верховых животных. Садясь на своего «коня», Язон обратил внимание на его гладкие, лоснящиеся бока и длинные ноги. Хозяин крепко привязал ступни Язона к стременам. И они тронулись в путь, сопровождаемые лысой тварью.

— Хорошая собачка! — сказал Язон, и вдруг на него напал беспричинный смех.

Путь был нетрудный, но долгий; плавная трусца животного и усталость сделали свое, и Язон задремал, просыпаясь каждый раз, когда сильно клевал носом. В конце концов он приспособился спать, сидя прямо. Так прошло несколько часов. Вдруг Язон, в сотый раз открыв глаза, увидел впереди освещенный квадрат. Путешествие окончилось.

Когда его освободили от стремян, он, морщась от боли, с великим трудом слез на землю. Онемевшие ноги подкосились, и он едва не упал. Открылась дверь, Язон вошел в дом. Как только его глаза привыкли к свету, он разглядел кровать и лежащего на ней человека.

— Подойдите сюда и сядьте.

Голос был громкий, властный, привыкший повелевать, а тело, закрытое до пояса одеялом, принадлежало инвалиду. Болезненно-бледная кожа в красных узелках дряблыми складками облегала костяк. Вот уж поистине кожа да кости...

— Не очень красивое зрелище, — сказал человек на кровати, — но я уже привык. — Он продолжал совсем другим тоном: — Накса сообщил, что вы инопланетник. Это верно?

Язон кивнул. Живые мощи сразу взбодрились. Голова больного оторвалась от подушки, обрамленные красными веками глаза впились в Язона.

— Мое имя Рес, я... корчевщик. Вы мне поможете?

Язона озадачило волнение, с которым были произнесены эти, казалось бы, такие простые слова. Тем не менее он, не задумываясь, ответил:

— Конечно, я помогу вам чем смогу. Только бы это не было во вред другим. А что вы хотите?

Больной уже опустил голову обратно на подушку, но глаза его горели по-прежнему.

— Не беспокойтесь, я никому не желаю вреда, — заверил он. — Напротив. Как видите, у меня болезнь, против которой все наши средства бессильны. Мне осталось жить несколько дней. Но я видел... у горожан... какое-то приспособление... Они прикладывают его к ранам и укусам. У вас нет с собой такого аппарата?

— Вы, очевидно, говорите про аптечку. — Язон нажал кнопку на поясе, и аптечка оказалась у него в руке. — Вот. Это устройство определяет и излечивает большинство...

— Вы не могли бы испробовать его на мне? — нетерпеливо перебил его Рес.

— Извините, я должен был сразу сообразить.

Язон подошел к Ресу и прижал аппарат к воспаленному участку кожи на его груди. Вспыхнул контрольный огонек, вниз пошел тонкий штифт анализатора. Как только он возвратился на место, аппарат зажужжал, потом трижды щелкнул: три иглы поочередно вошли в тело. Наконец огонек погас.

— И все? — спросил Рес, глядя, как Язон пристегивает аптечку к поясу.

Язон кивнул и увидел влажные дорожки на щеках больного. Рес поймал его взгляд и сердито смахнул рукой слезы.

— Стоит заболеть, — проворчал он, — и твое тело, все твои органы чувств тебя предают. Я с детства не плакал, и сейчас мне не себя жаль, а тысячи людей, умерших только потому, что у нас нет этой маленькой штучки, с которой вы так запросто обращаетесь.

— Неужели у вас нет своих лекарств и врачей?

— Знахари и колдуны, — Рес сделал рукой выразительный жест, в который вложил все свое презрение к этим людям.

Разговор утомил Реса. Он вдруг умолк и закрыл глаза. Уколы уже начали действовать, и красные пятна на груди посветлели.

Язон осматривал комнату, надеясь найти какие-нибудь ключи к загадке этого народа.

Пол и стены — простые, грубые доски. Ни краски, ни резьбы, как и должно быть у дикарей. А впрочем, точно ли они грубые? Какая сочная фактура у этого дерева, кажется, что оно светится изнутри... Язон нагнулся и увидел, что доски натерли воском, чтобы выявить узор. Чьих рук это дело — дикарей или людей с тонким вкусом, которые стремились облагородить простейший материал? И выглядит куда красивее, чем комнаты горожан с их унылой краской и стальными заклепками. Недаром говорят, что простота венчает оба конца шкалы артистизма... Непосвященный абориген облекает простую идею в бесхитростную форму и творит красоту. А искушенный критик отвергает чрезмерную изощренность и красивость ради чистой подлинности незатейливого искусства. Какой конец шкалы сейчас перед ним?

Ему говорили, что эти люди дикари. Они носят одежду из шкур, и речь у них, во всяком случае у Наксы, грубая. Но как совместить это со связными устройствами? И с люминисцентным потолком, который заливает всю комнату мягким светом.

Рес открыл глаза и уставился на Язона так, будто видел его впервые.

— Кто вы? — спросил он. — И зачем вы пришли к нам?

Холодная угроза, прозвучавшая в его голосе, не удивила Язона. Городские пирряне ненавидели корчевщиков, и это чувство, несомненно, было обоюдным. Об этом ему сказал еще топор Наксы... Кстати, вот и Накса стоит, держа руку на том самом топоре. Язон прекрасно понимал, что, пока эти люди не услышали от него удовлетворительный ответ, жизнь его под угрозой.

Но и правды говорить нельзя. Стоит им заподозрить, что он шпионит в пользу горожан, и на этом все кончится. Как же выяснить, каким образом они ухитряются выживать в джунглях?

Решение пришло тут же, он повернулся к больному и ответил, стараясь говорить возможно спокойнее:

— Меня зовут Язон динАльт, я эколог, так что, сами понимаете, у меня были все основания выбрать эту планету. Я много слышал о ней и наконец решил сам с ней познакомиться. Поработал в городе, но понял, что этого мало. Люди там считают меня помешанным, но я все же добился того, что меня повезли в лес.

— Когда и как они должны вас забрать? — быстро спросил Рес.

— Мы об этом не договаривались. Они твердили, что меня сразу убьют, что я ни за что не вернусь. Никак не хотели отпускать одного, и мне пришлось убежать.

Судя по улыбке Реса, ответ Язона как будто удовлетворил его.

— Типично для этих жестянщиков. Они шагу не шагнут за свои стены без бронированной машины с амбар величиной. А что они вам рассказывали про нас?

Язон ответил не сразу, понимая, как важно сейчас не промахнуться.

— Что же, может быть, мне снесут голову этим топором, но лучше я скажу правду. Вам следует знать, что они о вас думают. Мне описывали вас как грязных, невежественных дикарей, говорили, что от вас смердит и что вы общаетесь с животными. Что они дают вам бусы и ножи в обмен на продовольствие...

Оба пиррянина громко расхохотались. Правда, Реса хватило ненадолго, но Накса буквально закатился смехом и справился с собой только после того, как плеснул на голову холодной воды из высушенной тыквы.

— Охотно верю, — сказал Рес. — Как раз в их духе глупость. Эти люди совсем не знают мира, в котором живут. Надеюсь, остальное, что вы говорили, тоже правда. Но все равно вы желанный гость. Я уже убедился, что вы инопланетник. Ни один из жестянщиков пальцем не пошевельнул бы, чтобы меня спасти. Вы первый инопланетник, с которым встречается мой народ, поэтому мы вам вдвойне рады. Мы готовы помочь вам всем, чем только можем. Моя рука — ваша рука.

Каждая клеточка его тела, придавленная двойным тяготением к твердому деревянному полу, ныла. Он с трудом сел и едва подавил стон.

— Добрый день, Язон, — приветствовал его с кровати Рес. — Не верь я так в лекарства, я бы сказал, что ваша машина исцелила меня за одну ночь волшебством.

Сразу было видно, что дело идет на поправку. Пятна на коже пропали, глаза освободились от горячечного блеска. Он сидел, опираясь на подушки, и смотрел, как под лучами солнца тает на поле ночной град.

— Там в шкафу вы найдете мясо, — продолжал Рес. — А для питья есть вода и виск, что больше нравится.

Виск оказался прозрачным напитком чрезвычайной крепости, от которого у Язона слегка зазвенело в ушах. А окорок нежнейшего копчения неизмеримо превосходил вкусом все, что он ел с тех пор, как покинул Дархан. Усталость прошла, ничто не угрожало его жизни, и мысли Язона снова обратились к волнующей его проблеме. Информация — вот что ему надо. А для начала хотя бы отчасти развеять туман дезинформации.

— Рес, вы рассмеялись, когда я сказал, что в городе меня уверяли, будто дают вам безделушки за продовольствие. А что вы получаете от них на самом деле?

— Все до известных пределов. Разные фабричные изделия, в том числе электронику для наших связных устройств. Нержавеющие сплавы, которые мы сами не можем производить, атомно-электрические преобразователи, которые работают на любых радиоактивных элементах... В общем, что попросим, то и получаем, если только это изделие не числится в списке запрещенных товаров... Жестянщики остро нуждаются в продовольствии.

— А что входит в список?

— Оружие, конечно, и все, из чего можно изготовить мощное оружие. Они знают, что мы делаем порох, поэтому нам не дадут крупного литья или бесшовных труб, пригодных для изготовления стволов большого калибра. Еще они стремятся ограничить нас в знаниях, поэтому к нам доходят одни только технические инструкции без каких-либо теоретических основ. Наконец, это вы уже знаете, запретна медицина. Меня это особенно бесит, я ненавижу их все сильнее с каждым смертным случаем, который можно было бы предотвратить.

— Я знаю их соображения, — сказал Язон.

— Соображения?.. Я не вижу в этом никакого смысла.

— Борьба за существование, только и всего. Вам, очевидно, невдомек, что население города сокращается. Через несколько десятков лет там вообще никого не останется. А у вас численность населения, надо думать, стабильная, наверно, даже есть небольшой прирост, а то бы вам без механических средств защиты не уцелеть. Отсюда эта ненависть и зависть горожан. Если дать вам лекарства, вы сумеете выиграть битву, которую они уже проиграли. Думаю, они терпят вас как неизбежное зло, ради продовольствия, которым вы их снабжаете. Иначе они поспешили бы отправить вас на тот свет.

— Похоже на правду, — пробурчал Рес и стукнул кулаком по кровати. — Именно такая извращенная логика и должна быть у этих жестянщиков. Они кормятся за наш счет, дают нам минимум взамен и отрезают нас от знаний. Но самое главное — они отрезают нас от звезд и от остального человечества.

Лицо его выражало такую ненависть, что Язон невольно попятился.

— Ну, а как вы, Язон? Тоже считаете нас дикарями? Но мы кое-что знаем о звездах. Вон в том сундуке, в железном, хранится около трех десятков книг — все, что у нас есть. По большей части художественная литература, но есть исторические труды и научно-популярные книжки. Из них мы черпаем наши представления о прошлом колонии на Пирре и об остальной вселенной. Мы видим, как в городе садятся корабли, и знаем, что есть другие миры, о которых мы можем только грезить. Что же удивительного в том, что мы ненавидим этих зверей, которые называют себя людьми? Они правильно делают, что не дают нам оружия, иначе мы перебили бы их всех до одного.

Суровый приговор, но справедливый. Язон не стал говорить сердитому хозяину дома, что городские пирряне считают свою линию единственно возможной и правильной.

— А с чего вообще начался этот разлад между вашими двумя группами? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Рес. — Я об этом много думал, но у нас нет никаких документов той поры. Известно, что все мы происходим от колонистов, которые в какой-то момент разделились на две группы. Возможно, была война...

— Я допускаю, что не так уж важно, кто начал, — уступил Язон, хотя в душе этого не считал. — Но согласитесь, что горожане непрерывно воюют со всеми здешними организмами. А ваш народ, как я уже мог убедиться, сумел одомашнить, во всяком случае, два вида. Вам не известно, как именно удалось этого добиться?

— Спросите об этом Наксу, — ответил Рес, — он у нас лучший говорун.

— Говорун? У меня о нем прямо противоположное мнение. Он отнюдь не речист, а когда заговорит, то... простите, его не всегда поймешь.

— Он говорун не в том смысле, — объяснил Рес. — Говоруны занимаются животными. Обучают собак и доримов, а лучшие, вроде Наксы, стараются приручить и других животных. Одеты просто, но это по необходимости. Они говорят, что животные не любят никакой химии, металлов, крашеной кожи. Вот и носят чаще всего шкуры.

— Доримы? Это так называются верховые животные, на которых мы приехали сюда?

Рес кивнул.

— На них не только верхом ездят — они на многое годятся. Крупные самцы тянут плуги и другие механизмы, а молодые животные — это мясо. Хотите узнать побольше, расспросите Наксу, он сейчас на конюшне.

— Пожалуй, так и сделаю. — Язон встал. — Только я как-то неловко себя чувствую без пистолета...

— Возьмите его, милости прошу, он лежит в ящике около двери. Да только не стреляйте без разбора.

Накса стоял в глубине сарая и стачивал копыто дориму. Удивительная картина, полный контраст... С одной стороны, человек, одетый в шкуры, и диковинный зверь, с другой стороны — напильник из сплава бериллий-медь и электро-люминесцентное освещение. При виде Язона дорим раздул ноздри и шарахнулся в сторону. Накса погладил животное по шее и ласково заговорил с ним; наконец дорим успокоился, только иногда по его шкуре пробегала дрожь.

Что-то шелохнулось в сознании Язона. Словно напряглась мышца, которой он давно не пользовался. Какое-то неуловимо знакомое чувство...

— Доброе утро, — поздоровался он.

Накса буркнул в ответ и продолжал работать напильником. Язон глядел на него и силился разобраться в своей собственной душе, осмыслить загадочное чувство, которое дразнило его и упорно не хотело поддаваться определению.

— Вам не трудно позвать собаку, Накса? Мне хочется посмотреть на нее поближе.

Не поднимая головы, Накса тихонько свистнул. Язон готов был поклясться, что этот свист не мог проникнуть через стену сарая. Тем не менее не прошло и минуты, как в конюшню тихо вошла пиррянская собака. Говорун поскреб ей загривок, бормоча что-то, а она пристально смотрела ему в глаза. Когда же Накса снова взялся за напильник, собака сразу заметалась по сараю, тревожно принюхиваясь, потом устремилась к двери. И тут Язон окликнул ее.

Точнее, он собирался ее окликнуть. В последнюю минуту Язон передумал и, подчиняясь внезапному побуждению, позвал собаку мысленно. Произнося про себя слова: «Иди сюда», — он сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы передать команду собаке примерно так же, как делал это с игральными костями.

Собака остановилась и повернулась в его сторону.

Постояла, глядя на Наксу, потом подошла к Язону,

Вблизи это была кошмарная тварь. Голые защитные пластины, маленькие глазки с красным ободком и поблескивающие слюной клыки отнюдь не внушали доверия. И однако Язону не было страшно. Между человеком и зверем установился обоюдный контакт. Язон машинально протянул руку и почесал зверю спину.

— А я и не знал, что ты говорун, — сказал Накса; впервые в его голосе прозвучала дружеская нотка.

— И я не знал... до этой минуты, — ответил Язон.

Он заглянул в глаза зверю, еще раз почесал уродливую спину и подумал, что загадка вроде бы проясняется.

У говорунов хорошо развиты телепатические способности. Надо проникнуть в душу, понять ее, чтобы исключить ненависть и страх, потом можно наладить прямое общение. Видимо, говоруны первыми преодолели барьер ненависти на Пирре и научились ладить с пиррянскими тварями. Другие последовали их примеру — может быть, так и сложилась мало-помалу община корчевщиков.

Настроившись на нужный лад, Язон отчетливо воспринимал окружающие его мысленные флюиды. Телепатическое поле питалось биотоками не только дорима, с которым был занят Накса; не выходя из конюшни, Язон внутренним зрением видел других доримов, ходивших на лугу за сараем.

— Это все совсем ново для меня, — сказал он. — А вы никогда не задумывались, Накса, над этой своей способностью? Сами-то вы знаете, почему вас животные слушаются, а другим людям никак не удается ими управлять?

Накса явно не привык размышлять о таких предметах. Он расчесал пятерней свои густые волосы и насупился.

— Не знаю, я об этом не думал. Просто так получается. Ты только знай животных как следует и всегда угадаешь, как они себя поведут. И все тут.

Было очевидно, что Накса никогда не ломал себе голову над истоками своего умения управлять животными. И не только он. Похоже, эти люди воспринимают дар говорунов как нечто само собой разумеющееся.

В мозаике, которую он мысленно складывал, прибавилось еще несколько кусочков. В беседе с Керком Язон говорил, что все пиррянские организмы явно объединились в борьбе против человека, но он не знал почему. Он и сейчас не знает почему, зато, кажется, догадывается как...

— Сколько отсюда до города? — спросил Язон. — Долго ехать, если отправиться туда на дориме?

— Полдня туда, полдня обратно. А что? Хочешь уехать?

— Нет, в город я не хочу, пока не хочу. Но мне хотелось бы подобраться к нему поближе.

— Поглядим, что Рес скажет.

Рес сразу дал свое согласие, не задавая никаких вопросов. Они оседлали доримов и немедля отправились в путь, чтобы обернуться до темноты.

Не прошло и часа, как Язон почувствовал приближение города. С каждой минутой это ощущение становилось все сильнее. И Накса как-то беспокойно ежился в седле. Доримы проявляли растущую тревогу, их приходилось все время поглаживать и успокаивать.

— Хватит, — сказал наконец Язон, и Накса с облегчением остановился.

Одну вещь Язон понял со всей очевидностью: пиррянские животные восприимчивы к телепатическому излучению; вероятно, это относится также и к растениям, и к низшим организмам. Не исключено, что и они общаются телепатически между собой. Причем здесь, в этом районе, напряженность телепатического поля превосходила все, с чем он когда-либо встречался. Хотя сам Язон лучше всего владел психокинезом, иначе говоря, усилием мысли приводил в движение неодушевленные предметы, он был восприимчив и к другим феноменам этого ряда. Сколько раз во время спортивных состязаний он улавливал мощный аккорд порыва, который одновременно овладевал душами массы зрителей. Вот и сейчас он испытывал что-то в этом роде.

С одной зловещей разницей... Толпа на стадионе ликовала, когда спортсмен добивался успеха, стонала, когда его постигала неудача. Там по ходу игры менялись и сила, и полярность телепатического поля. А здесь излучение было мощным и постоянным, и оно навевало тревогу. И не сразу подберешь для него определение... Тут и ненависть, и страх, а больше всего — страсть к разрушению. В двух словах — что-то вроде команды: «УБЕЙ ВРАГА!».

Да нет, и это определение всего не исчерпывает... Его сознание будто омывала мощная река исступления и смерти.

— Поехали назад, — сказал Язон, почувствовав внезапное из-

неможение от внутренней борьбы с этим потоком...

Когда они вернулись, Рес спал, и пришлось разговор с ним отложить на утро. Несмотря на усталость, Язон долго не мог уснуть, все думал о сделанных в этот день открытиях. Стоит ли делиться этим с Ресом? Вряд ли. Ведь тогда придется не только разъяснить всю важность выводов, к которым он пришел, но и говорить, что он собирается дальше делать. А от Реса не приходится ожидать, чтобы он приветствовал какие-либо шаги, способные хоть немного облегчить жизнь горожан. Нет, лучше уж не говорить, пока дело не будет сделано.

После завтрака Язон сказал Ресу, что решил вернуться в город.

— Значит, насмотрелись нашего варварского мира, и вас потянуло обратно к вашим друзьям? Уж не за тем ли, чтобы помочь им разделаться с нами?

Рес весело произнес эти слова, однако за ними угадывалась леденящая злоба.

— Надеюсь, вы не думаете так на самом деле, — ответил Язон. — Ведь дело-то обстоит как раз наоборот. Я мечтаю, чтобы эта междоусобная война прекратилась и ваш народ мог воспользоваться всеми благами науки и медицины, которых он был лишен. И я собираюсь сделать для этого все, что в моих силах.

— Все равно их не переделать, — мрачно произнес Рес. — Не тратьте зря времени. Обещайте только для вашего и для нашего блага одну вещь. Не говорите им, даже не намекайте, что вы разговаривали с корчевщиками!

— Почему?

— Почему?! Гром и молния. Вы взаправду такой простак?! Они же на все готовы, только бы не дать нам подняться на ноги, предпочтут, чтобы все мы подохли! Стоит им заподозрить, что вы с нами встречались, и они вас сразу прикончат. Или вы в этом сомневаетесь? Не знаю, может быть, вам это невдомек, но они отлично понимают, что в вашей власти изменить соотношение сил на планете. Рядовые жестянщики, возможно, и верят, что мы недалеко ушли от животных, но руководители так не думают. Им хорошо известно, в чем мы нуждаемся и к чему стремимся. И они сразу сообразят, с какой просьбой я мог обратиться к вам. Да-да, Язон динАльт, у меня есть к вам просьба. Помогите нам. Вернитесь к этим двуногим бестиям и солгите. Скажите, что вы не имели с нами никаких дел, что вы скрывались в лесу, и мы напали на вас, и вам пришлось отстреливаться. А мы для большей верности подбросим несколько свежих трупов. Постарайтесь, чтобы вам поверили. Потом скажите им, что вы закончили свои исследования и возвращаетесь домой. Постарайтесь улететь с Пирра на другую планету, и я вам обещаю любые блага. Все, чего вы только пожелаете. Деньги, могущество — что угодно: Пирр — очень богатая планета. Жестянщики добывают и продают металл, но мы могли бы справиться с этим делом куда лучше. Возвращайтесь сюда на другом корабле и приземляйтесь в нашем краю где угодно. У нас нет городов, но фермы разбросаны повсюду, и наши люди отыщут вас. И мы поведем с вами торговлю. Это наша мечта. А вся заслуга будет принадлежать вам. И вы получите от нас все, чего пожелаете. Я вам это обещаю, а мы свое слово держим.

Волнение, с каким говорил Рес, и перспектива, которую он нарисовал, подействовали на Язона. Он знал, что Рес говорит правду, что все ресурсы планеты будут в его распоряжении, если он сделает то, о чем его просят. И он даже чуть не поддался искушению, представив себе на секунду, как это все будет выглядеть. Но тут же понял, что это будет половинчатое решение, к тому же далеко не лучшее. Как только эти люди обретут желаемую силу, они первым делом попробуют разделаться с горожанами. Начнется кровавая междоусобная война, которая скорее всего кончится плохо для обеих сторон.

— Я не сделаю ничего, что могло бы повредить вашему народу, Рес, и всячески постараюсь помочь ему, — сказал он.

Ответ Язона удовлетворил Реса, который не уловил заложенного в нем двойного смысла. И пиррянин подсел к связному устройству, чтобы условиться о доставке продовольствия с ферм на место обмена.

— Ну так, продовольствие доставлено, и мы передали в город положенный сигнал, — сообщил Рес через несколько часов. — Транспортер придет завтра утром, к этому времени вы будете там. Все подготовлено, как я говорил. Отправляйтесь в путь вместе с Наксой. Вам надо поспеть туда раньше транспортера.

— Машина сейчас придет. Ты все помнишь, что надо делать? — спросил Накса.

На этот раз бронетранспортер тащил на прицепе три грузовые платформы. Автопоезд взобрался на скалу и остановился. Краннон вылез из кабины, внимательно посмотрел по сторонам, затем приступил к погрузке. Ему помогал спецробот.

— Пошел! — прошипел Накса.

Язон выскочил из леса и побежал к транспортеру, громко крича имя Краннона. За его спиной раздался треск ломающихся ветвей, это двое сопровождающих бросили следом мертвое тело. Язон повернулся и несколько раз выстрелил на ходу по летящей в воздухе мишени.

Краннон немедленно поддержал его огнем из своего пистолета, и дважды покойник упал на землю, весь обугленный. Тем временем

Краннон, плюхнувшись на камень, перенес огонь на деревья за спиной Язона.

В ту самую секунду, когда Язон добежал до транспортера, что-то со свистом пролетело по воздуху, ожгло ему спину и бросило на скалу. Краннон живо втащил его в кабину. Язон оглянулся и увидел торчащий из лопатки черенок металлической стрелы.

— Везучий ты, — сказал пиррянин. — На дюйм пониже, и попало бы прямо в сердце. Говорил я тебе — берегись этих корчевщиков. Еще легко отделался.

Перевязав Язона, Краннон осторожно выбрался из кабины и быстро завершил погрузку, после чего повел автопоезд обратно в город. Получив обезболивающий укол, Язон почти сразу же забылся.

Очевидно, Краннон передал о случившемся по радио, пока он дремал, потому что среди встречающих был Керк. Как только машина вошла внутрь периметра, он распахнул дверцу и вытащил Язона. Повязка слетела, и рана вскрылась. Язон скрипнул зубами. Нет, Керк не дождется его стона.

— Кому было сказано ждать отправления корабля в изоляторе?! Почему ты ушел? Почему покинул город? Ты разговаривал с корчевщиками? Ну?

С каждым вопросом он грубо встряхивал Язона.

— Я... ни с кем... не разговаривал, — через силу вымолвил Язон. — Они охотились за мной, я убил двоих... И прятался, пока не пришла машина.

— Потом пришил еще одного, — вступился Краннон. — Я сам видел. Чистая работа. Да и я вроде не промазал. Отпусти его, Керк, они его ранили, когда он бежал к машине.

«Больше оправдываться не надо, — сказал себе Язон. — Незачем пережимать. Сейчас лучше переменить тему. Есть одна вещь, которая сразу отвлечет его мысли от корчевщиков».

— Пока вы отсиживались тут в безопасности за периметром, я за вас воевал, Керк. — Он прислонился к транспортеру, пользуясь тем, что хватка Керка немного ослабла. — Мне удалось разобраться в причинах ваших неладов с планетой. И я понял, как победить в этой битве. Дай-ка я сяду, и уж тогда расскажу.

Вокруг них собралась толпа пиррян. Они стояли, словно оцепенев, и неотступно глядели на Язона. Керк тоже был явно огорошен. Наконец он медленно произнес:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То самое, что сказал. Планета Пирр воюет с вами, воюет упорно и сознательно. Стоит удалиться от города, и сразу чувствуешь направленные на него волны ненависти. Вы-то их не почувствуете, ведь вы здесь выросли. А вот я чувствую. И любой человек с телепатическими способностями почувствует. На город постоянно направлено излучение, своего рода команда, которая настраивает здешние организмы, восприимчивые к телепатии, на войну. Все эти атаки, видоизменения, мутации — все подчинено одной цели: истребить вас. И так будет продолжаться, пока вы не погибнете все до одного. Если, конечно, вам не удастся положить конец этой войне.

— Как? — выпалил Керк; этот же вопрос был написан на лицах всех окружающих.

— Надо установить, кто или что излучает эту команду. Организмы, которые вас атакуют, сами не наделены разумом. Они только выполняют команду. И мне кажется, я знаю, как обнаружить источник, откуда она поступает. А потом останется решить, как передать предложение о перемирии и таким образом покончить с войной.

Пирряне примолкли, осмысливая услышанное. Наконец Керк жестом велел всем расходиться.

— Возвращайтесь к работе. Это по моей части, я займусь этим делом. Как только выясню, что тут правда, а что ложь, получите мой полный отчет.

Люди молча разошлись, то и дело оглядываясь на Язона.

— Так, теперь давай все сначала, — сказал Керк. — И ничего не пропускай.

— Да, пожалуй, мне нечего добавить... Я наблюдал животных, разобрался в команде, которая их направляет. Даже сам провел несколько опытов, и животные подчинялись моим мысленным приказам. Теперь я должен обнаружить источник, откуда идет команда на войну. Сейчас я скажу тебе то, чего еще никому не говорил. Мне не просто везет в игре. Я обладаю телепатическим свойством, оно позволяет мне в какой-то мере влиять на вероятный исход игры. Правда, свойство непостоянное, и я, естественно, старался его развивать. За последние десять лет сумел ознакомиться со всем, что делают в этой области разные научные центры. Просто удивительно, как мало известно о телепатии, если сравнить с другими отраслями знания. Как бы то ни было, врожденные способности можно развить упражнением. Созданы даже аппараты, которые усиливают телепатическое излучение. Один из этих аппаратов вполне может работать как пеленгатор.

— Ты хочешь собрать такой аппарат? — спросил Керк.

— Вот именно. Собрать и вылететь с ним на корабле за город. Если сигнал достаточно мощный, чтобы из столетия в столетие стимулировать войну, значит можно его засечь. Я пойду по пеленгу, свяжусь с существами, которые передают команды, и попытаюсь выяснить, зачем они это делают. Надо думать, ты поддержишь разумный план, чтобы прекратить войну?

— Разумный — да, — холодно ответил Керк. — Сколько времени тебе надо, чтобы собрать аппарат?

— Несколько дней, если найдутся все нужные части.

— Приступай. Я отменяю очередной рейс и держу корабль наготове. Когда соберешь аппарат, лети и засеки сигнал, а потом доложи мне.

— Договорились. — Язон встал. — Как только мне залатают дыру в лопатке, составлю список того, что мне нужно.

В помощники и телохранители Язону назначили сурового, неулыбчивого типа по имени Скоп. Он ревностно отнесся к своему поручению, и Язон быстро убедился, что о полной свободе ему мечтать не приходится. Хотя Керк не оспаривал его версию, это еще не означало, что он в нее поверил. Скажет слово, и телохранитель превратится в палача...

Составляя список деталей для пеленгатора, Язон продолжал упорно искать выход, которого не было. Его мысли вращались по заколдованному кругу. Задний ход давать поздно, Керк его не выпустит. Либо он найдет способ покончить с войной и решит проблему корчевщиков, либо его ждет пожизненное заточение на Пирре. И надолго оно не затянется...

Подготовив список, он связался с Управлением снабжения, и ему обещали немедленно выполнить заказ. Скоп сидел и клевал носом. Подперев рукой тяжелую голову, Язон принялся составлять монтажную схему.

Внезапно его внимание привлекла тишина. Тишина?.. Он слышал, как работает аппаратура в здании, слышал голоса в соседнем помещении. Так в чем же дело?

Ах вот оно что — внутренний слух. После возвращения в город

у Язона было столько забот, что он только теперь обратил внимание на полное отсутствие телепатических импульсов. Постоянный фон, образованный реакциями животных, исчез, исчез и его собственный телепатический настрой. И ведь в городе — он только сейчас это сообразил — всегда было так.

Какая-то часть мозга, действуя как предохранитель, выключала телепатическое восприятие и спасала рассудок. Но и того, что все-таки просачивалось, хватало, чтобы он ощущал напор извне.

От мозгового предохранителя была еще и та польза, что без давления извне Язону легче было сосредоточиться, и, как он ни устал, работа над схемой продвигалась быстро.

Ближе к вечеру появилась Мета с заказанными им деталями. Она бросила на верстак длинный ящик и явно хотела что-то сказать, но потом раздумала. Язон поднял взгляд на нее и улыбнулся.

— Ты чем-то озадачена? — спросил он.

— О чем это ты? Вовсе я не озадачена. Просто мне досадно. Очередной рейс отменен, график поставок нарушен. Вместо того чтобы идти в рейс или дежурить на периметре, я должна слоняться без дела и ждать тебя. Потом зачем-то лететь куда-то, куда ты скажешь. Разве это не причина для досады?

Язон тщательно разместил детали на шасси, потом продолжил разговор.

— Если я говорю «озадачена», в этом нет ничего обидного для тебя. Конечно, Пирр — это как бы остров с множеством сложных проблем, решать которые вы мастера. Но остров — он остров и есть. Перед лицом внепланетной проблемы ты теряешься. И еще сильнее теряешься, когда ваши островные проблемы оказываются частью более широкого контекста. Представь себе, что ты ведешь игру, в которой правила непрерывно меняются.

— Какой вздор ты говоришь, — оборвала она его. — Пирр вовсе не остров, и борьба за существование — отнюдь не игра.

— Извини, — улыбнулся он. — Я ведь это в переносном смысле, да, видно, сравнение не совсем удачно выбрал. Ладно, давай более конкретно. Разберем пример. Допустим, я скажу тебе, что вон там, на двери, сидит шипокрыл...

Прежде чем он договорил, пистолет Меты нацелился на дверь. С грохотом опрокинулся стул — Скоп очнулся, вскочил на ноги и тоже прицелился.

— Это я так, для примера, — объяснил Язон. — Там же нет ничего.

Охранник убрал пистолет, наградил Язона презрительным взглядом, поднял стул и снова сел.

— Сейчас вы оба подтвердили свою способность решать пиррянские проблемы, — продолжал Язон. — Ну а если я скажу, что над дверью сидит тварь, которая только с виду похожа на шипокрыла? А на самом деле это огромное насекомое, и оно прядет тонкую шелковую нить, пригодную для изготовления ткани?

Скоп метнул из-под густых бровей взгляд на дверь, и пистолет его выскочил было из кобуры, но тотчас вернулся на место. Буркнув что-то нелестное для Язона, пиррянин сердито вышел и хлопнул дверью. Мета наморщила лоб, размышляя.

— Это мог быть только шипокрыл, — сказала она наконец. — Никаких других тварей, похожих на шипокрыла, нет. И шелковая нить тут ни при чем. А если бы ты подошел к нему поближе, он бы тебя укусил. Так что тебе поневоле пришлось бы убить его.

Судя по улыбке Меты, она была довольна логикой своего ответа.

— Опять промах, — возразил Язон. — Я описал мимикрирующего паука, который водится на планете Стовера. Этот паук умеет маскироваться под самых опасных животных, да так ловко, что ему не нужна никакая другая защита. Так вот, этого паука можно спокойно посадить себе на руку, он будет сидеть и прясть. Представь себе, что я завез бы сюда, на Пирр, несколько тонн таких пауков, как вы бы знали, когда стрелять, а когда нет?

— Но их здесь нет, — стояла на своем Мета.

— Сейчас нет, а вдруг появятся? Придется менять все правила вашей игры. Ну как, поняла? В Галактике действуют определенные законы и нормы, но они отличаются от ваших. Для вас нормой стала нескончаемая война с местными организмами. Я хочу нарушить этот порядок и покончить с войной. Разве ты против? Разве не хочешь, чтобы твоя жизнь перестала быть сплошной борьбой за существование? Чтобы в ней было место для счастья, любви, музыки, искусства — всего того, на что у вас теперь просто нет времени?

Слушая Язона и стараясь осмыслить все эти непривычные понятия, Мета преобразилась, пиррянская суровость сошла с ее лица. Он как-то машинально взял ее за руку — рука была теплая и отзывалась на его прикосновение частым биением пульса.

Вдруг Мета опомнилась, отдернула руку и бросилась к двери. Вдогонку ей неслись слова Язона:

— Скоп бежал, потому что боялся за свою драгоценную черно-белую логику. Это все, что у него есть. Но ведь ты-то видела другие части Галактики, ты знаешь, что жизнь не сводится к тому, чтобы убивать или быть убитым. Ты чувствуешь, что я прав, только не хочешь этого признать.

Она выскочила за дверь.

Проводив ее взглядом, Язон задумчиво потер пальцами щетинистый подбородок: «Кажется, женщина берет верх над пиррянином, — сказал он себе. — По-моему, я видел слезы на ее глазах... Может быть, даже первые слезы за всю кровавую историю этого истерзанного войной города...»

Язон последним поднялся на борт и задраил за собой люк.

— Где ты его поставишь? — спросила Мета.

— Где ты посоветуешь, — ответил Язон. — Мне нужно для антенны такое место, чтобы ее не экранировал металл. Тонкий пластик — не страшно. В крайнем случае установлю антенну снаружи и налажу дистанционное управление.

— Может, так и придется сделать. Корпус сплошной, для обзора у нас служат приборы и телевидение. Так что... Хотя погоди, кажется, есть подходящее место.

Мета проводила его к отсеку, где помещалась одна из спасательных капсул. Вход в этот отсек всегда был открыт. Они вошли; за ними вошел и Скоп со своей ношей.

— Капсулы утоплены в корпус только наполовину, — объяснила Мета. — У них прозрачные носовые иллюминаторы.

— Превосходно, — заключил Язон. — Здесь и устроюсь. А как мы с тобой будем переговариваться?

— Вот... Видишь — связное устройство и блок с фиксированной настройкой? Только больше ничего не трогай, особенно вот этот контакт.

Мета показала на рукоятку посредине панели управления.

— Если включить его, через две секунды капсула отстреливается. А своего запаса горючего у нее нет.

— Есть не трогать, — сказал Язон. — Теперь вели этому крепышу подключить меня к сети питания, и я соберу пеленгатор.

Закончив сборку и установку, Язон кивнул изображению Меты на экране визифона.

— Пошли, да потише, пожалуйста. Обойдемся без твоих любимых девятикратных перегрузок. Когда взлетим, пойдешь медленно над периметром, пока не дам новую команду.

Корабль медленно поднялся в воздух, набрал высоту и лег на круговой курс. После пятого круга Язон покачал головой:

— С аппаратом, по-моему, все в порядке, но слишком много помех от местной активности. Отойди-ка километров на тридцать от города, там опять пойдем по кругу.

На этот раз дело пошло лучше. Со стороны города поступал мощный импульс; пеленгатор давал его направление с точностью до одного градуса. Держа антенну под прямым углом к курсу, Язон получал достаточно постоянный сигнал. Мета повернула корабль вокруг продольной оси так, что капсула Язона оказалась точно внизу.

— Теперь полный порядок, — сказал он. — Держи так и старайся, чтобы нос не отклонялся.

Сделав засечку на лимбе, Язон повернул антенну на 180 градусов. Корабль продолжал идти по кругу, а Язон внимательно следил, нет ли импульсов, направленных к городу. Когда половина окружности была пройдена, он снова услышал сигнал.

Полоса была узкая, но мощная. Для полной уверенности Язон прошел еще два круга и оба раза точно засек гирокомпасом направление. Показания совпали. После этого он вызвал Мету.

— Приготовься делать поворот вправо, или как это там у вас называется. Кажется, есть пеленг. Внимание... давай!

Поворот был сделан так плавно, что Язон ни на секунду не потерял сигнала. Два-три раза стрелка прибора качалась, но Язон тотчас возвращал ее на место. Как только корабль лег на заданный курс, Мета увеличила тягу.

Они шли прямо на область лесных пиррян.

Час хода почти на предельной атмосферной скорости не принес никаких изменений. Мета ворчала, но от курса не отклонялась. Направление сигнала не менялось, а мощность понемногу росла. Они прошли над цепью вулканов по краю материка, а когда берег остался позади и внизу простерлось море, Скоп тоже начал ворчать. Он все крутил свою турель, однако вдали от суши не по чему было стрелять.

Но вот из-за горизонта появились острова, и сразу направление сигнала переменилось.

— Сбавляй ход! — скомандовал Язон. — Похоже, наш источник на этих островах!

Торчащие из океана клочки суши стали убежищем последних обитателей погибшего континента, победителей долгой и жестокой борьбы за существование. Здесь уцелели древнейшие виды пиррянской фауны.

— Пониже, — распорядился Язон. — Курс на большую гору. Кажется, сигнал идет оттуда.

Они прошли над самой горой, но увидели только деревья да опаленные солнцем камни.

Дикая боль пронизала голову Язона. Словно страшный заряд ненависти проник из приемника ему в череп. Он сорвал наушники и стиснул голову руками. Сквозь слезы он увидел, как внизу с деревьев сорвались черные тучи крылатых тварей. Склон промелькнул и исчез, в ту же секунду Мета резко прибавила ход, и корабль пошел вверх.

— Нашли! — прозвучал ликующий голос Меты, однако она сразу переменила тон, увидев на экране лицо Язона. — Что с тобой? Что случилось?

— Я совсем разбит... В жизни не ощущал такой мощной телепатической атаки! Перед самой атакой я заметил какую-то дыру, что-то вроде входа в пещеру. Похоже, излучение идет оттуда.

— Ложись и отдыхай, — сказала Мета. — Я тебя живо доставлю домой. Сейчас свяжусь с Керком. Он должен знать, что произошло.

В здании космопорта стояла кучка ожидающих. Они выбежали на поле, как только ракетные двигатели смолкли. Керк первым ворвался внутрь корабля и отыскал взглядом Язона, распростертого на перегрузочном ложе.

— Это правда? — рявкнул он. — Ты выследил извергов, которые начали войну?

— Спокойно, брат, не горячись, — отозвался Язон. — Я засек источник телепатической команды, которой направляется война. Но я не установил, кто начал войну, и у меня нет никаких оснований называть их извергами...

— Мне надоела твоя игра словами, — перебил его Керк. — Ты нашел этих тварей, их логово засечено!

— Совершенно точно, — подхватила Мета. — Найду с завязанными глазами.

— Отлично, отлично, — Керк потер руки. — Даже не верится, что наконец-то мы можем покончить с этой многовековой войной. Можем! Вместо того чтобы без конца косить эти проклятые самовозрождающиеся легионы, мы доберемся до вожаков. Разыщем их — пусть на себе узнают, что такое война, — и сотрем с лица планеты!

— Ни в коем случае! — возразил Язон, заставив себя сесть. — Ни за что на свете! С первого дня, как я прибыл на эту планету, мной все время помыкают, сколько раз моя жизнь висела на волоске! Думаешь, я сделал это только затем, чтобы ты мог потешить свою кровожадную душу? Я добиваюсь мира, а не истребления. Ты обещал связаться с этими существами, попробовать повести с ними переговоры. Честный человек держит свое слово!

— В другое время я убил бы тебя на месте за оскорбление, — сказал Керк. — Ну да ладно... Ты сделал большое дело для нашего народа, и мы не стыдимся признать, что обязаны тебе. И вообще — не надо обвинять меня в нарушении обещаний, которых я не давал. Я отлично помню свои слова. Я обещал поддержать любой разумный план, чтобы покончить с войной. Это самое я и собираюсь теперь сделать. Твой план вести мирные переговоры нерационален. Поэтому мы уничтожим врага.

Керк повернулся, чтобы уходить.

— Подумай как следует! — крикнул Язон ему в спину. — Что плохого в том, чтобы попытаться устроить переговоры и и объявить перемирие? А уж если не получится, испытаешь свой способ.

В отсек успело набиться довольно много народа. Керк остановился на пороге.

— Я скажу тебе, почему перемирие не годится. Это выход для трусов, понял? Ты инопланетник, с тебя нечего спрашивать. Мы не боимся схватки и умеем постоять за себя. Мы знаем, что и без войны сможем наладить здесь совсем другую жизнь. Но если нам придется выбирать между войной и трусливым миром — мы за войну! И кончится она только тогда, когда враг будет поголовно истреблен.

Его поддержали другие, и Язону пришлось сильно напрячь голос, чтобы перекричать всех:

— Блестяще. Уверен, ты даже считаешь свои речения оригинальными. Но ты прислушайся — слышишь овации на хорах? Это тебя приветствуют духи всех подонков, которые когда-либо бряцали оружием и кричали о пользе войн. Они узнают свои старые лозунги. Мы-де представляем светлые силы, а противник воплощает силы тьмы. Правда, враг говорит то же самое, но это ничего не значит. Знай себе тверди старые фразы, которые губят людей, сколько существует человеческий род. «Трусливый мир» — это надо же! Мир означает отсутствие войны, прекращение военных действий. При чем тут трусость? Что ты пытаешься замазать этим путаным определением? Свои истинные побуждения? Ты их стыдишься? И правильно делаешь, я бы тоже стыдился. Скажи лучше напрямик, что ты раздуваешь войну, потому что тебе нравится убивать! У тебя и твоих убийц душа радуется, когда кто-то умирает, вот вы и стараетесь!

Наступила напряженная тишина. Все ждали, что скажет Керк. Он побелел от ярости, но держал себя в руках.

— Ты прав, Язон. Нам нравится убивать. И мы будем убивать. Все, что противилось нам на этой планете, будет уничтожено. И мы сделаем это с величайшим удовольствием.

Керк повернулся и вышел, не дожидаясь, когда развеется впечатление от его слов. Остальные последовали за ним, возбужденно переговариваясь. Язон откинулся на ложе, совершенно разбитый.

Когда он снова поднял взгляд, все уже ушли. Все, кроме Меты. На ее лице тоже был написан кровожадный экстаз, однако, посмотрев на Язона, она словно протрезвела.

— Ну что, Мета? — резко спросил он. — Никаких сомнений, никаких колебаний? Ты тоже считаешь, что другого пути покончить с войной нет?

— Не знаю, — ответила она. — Я не уверена. Впервые в жизни я чувствую, что может быть несколько ответов.

— Поздравляю, — сказал Язон. — Ты становишься взрослой.

Стоя в сторонке, Язон смотрел, как в трюм корабля укладывают смертоносный груз. Пирряне весело таскали пулеметы, гранаты, газовые бомбы. Когда дошла очередь до ранца с атомной бомбой, кто-то запел лихой марш, и все подхватили. Они явно радовались, а Язон с тяжелым сердцем думал о предстоящем побоище. Он чувствовал себя предателем. Может быть, найденные им организмы следовало уничтожить. А может быть, и нет. Все равно, сперва надо было сделать хоть что-то для примирения, а так это будет просто-напросто убийство.

Из здания оперативного центра вышел Керк; из недр корабля донесся вой пусковых насосов. Через несколько минут — старт. Язон затрусил к кораблю и перехватил Керка на полпути.

— Я полечу с вами, Керк, ты не смеешь мне отказать. Как-никак ведь это я их нашел.

Теперь, когда цель была известна, полет занял гораздо меньше времени. Мета подняла корабль в стратосферу по высокой баллистической кривой, которая заканчивалась на острове. Керк занял кресло второго пилота, Язон устроился позади них так, что видел экраны. Десантники — двадцать пять добровольцев — поместились в грузовом трюме, где лежало оружие. Все экраны были подключены к носовой видеокамере. Вот показался зеленый остров; он быстро надвигался, потом его заслонило пламя тормозных ракет. Мета сбросила ход и плавно посадила корабль на ровной площадке рядом с устьем пещеры.

На этот раз лучи ненависти не застигли Язона врасплох — и все-таки заставили его сморщиться от боли. Стрелки, злорадно смеясь, открыли ураганный огонь по живности, которая окружила корабль плотным кольцом. Они косили тысячами представителей островной фауны, а те все шли и шли.

Лишь через полчаса огонь немного ослаб. Животные продолжали атаковать, но массовый штурм кончился. Керк распорядился:

— Десантному отряду — выходить! И глядеть в оба! Отнесите бомбу в пещеру и проверьте, насколько тянется ход. Не выключайте визифоны. Положите бомбу и, как только я скомандую, возвращайтесь. Ну, пошли!

Десантники скатились по трапам на землю и образовали штурмовой порядок. Они подверглись атаке, но косили противника, не подпуская его близко. И вот командир отряда уже вошел в пещеру. Его видеодатчик был обращен вперед, и на экранах было хорошо видно, как продвигается отряд.

— Вошли в пещеру, никаких признаков жизни, — докладывал командир отряда. — У входа были обглоданные кости, помет летучих мышей. На искусственное сооружение не похоже, обыкновенная пещера.

Десантники продолжали двигаться дальше, постепенно замедляя шаг. При всей нечувствительности жестянщиков к телепатии даже они ощущали лучи концентрированной ненависти, от которых у Язона все сильнее раскалывалась голова.

— Берегись! — вдруг закричал Керк, с ужасом глядя на экран.

Всю пещеру заполнили какие-то белесые безглазые твари. Боковые ходы, из которых сыпалась эта мерзость, были настолько малы, что животные казались порождением самой горы. Пламя огнеметов пожирало передовые шеренги, но сзади напирали другие. Изображение пещеры опрокинулось: командир упал. Линзу видеодатчика накрыли белые тела.

— Сомкнуть ряды! Огнеметы и газ! — рявкнул Керк в микрофон.

После первой атаки осталось меньше половины отряда. Прикрываясь огнеметами, уцелевшие бросили газовые гранаты. Десантники были надежно защищены от газа боевыми скафандрами. Кто-то нырнул в кучу тел и вытащил видеодатчик.

— Вижу впереди что-то еще... другого вида, — произнес прерывающийся голос.

Узкий ход, постепенно расширяясь, сменился огромным залом — ни потолка, ни дальней стены не видно.

— Что это там? — спросил Керк. — Прожектор — направо!

— Никогда не видел... ничего подобного, — продолжал голос. — Что-то вроде больших растений, высота метров десять... Только они шевелятся. Не то ветви, не то щупальца... прямо в нас целятся... голова разламывается...

— Подстрели одно, посмотрим, что получится, — сказал Керк.

Грянул выстрел, и в ту же минуту мощная волна ненависти повергла десантников на землю. Они корчились от боли, теряя сознание, неспособные дать отпор безглазому зверью, которое снова пошло в атаку.

Сидя в корабле, Язон ощутил сильнейший шок и спросил себя: каково же людям там, в подземелье? Керка и Мету тоже поразило излучение. Керк ударил кулаком по раме визифона и закричал:

— Назад, назад сейчас же!

Но было поздно. Пиррянские твари захлестнули бьющихся в судорогах десантников. Наконец

кому-то удалось встать. Отбиваясь руками от зверья, он с трудом сделал несколько шагов, нагнулся над копошащейся массой, напрягся и поднял своего мертвого товарища, у которого на спине был укреплен ранец. Мелькнули окровавленные пальцы, в следующую секунду все накрыла волна смерти.

— Это была бомба! — крикнул Керк Мете. — Если он не переключил механизм, у нас в запасе десять секунд. Уводи корабль!

Язон едва успел плюхнуться на перегрузочное ложе. Взревели ракетные двигатели, и на него навалилась огромная тяжесть. В глазах потемнело, но сознания он не потерял. Вой рассекаемого воздуха резал уши, потом наступила тишина — они вышли из атмосферы.

В тот самый миг, когда Мета сбросила ход, экраны озарила белая вспышка. И тотчас они потемнели — наружные видеодатчики не выдержали. Мета нажала одну кнопку — установка фильтров, потом другую — замена датчиков.

Далеко внизу, посреди клокочущего моря, на месте острова вспухало раскаленное грибовидное облако. Они молча смотрели на него. Керк опомнился первым.

— Курс домой, Мета. Свяжись с оперативным центром. Мы потеряли двадцать пять человек, но они выполнили задание. Добили эту мерзость. И покончили с войной. Достойная смерть для мужчин.

Мета рассчитала орбиту, потом вызвала центр.

— Нет связи, — доложила она. — Наводящий луч принимаю, а на вызов никто не отвечает.

В эту минуту на экране появилось изображение жестянщика. Встревоженное лицо блестело от пота.

— Керк, ты? Сейчас же возвращайся с кораблем! Без его пушек не справимся! Минуту назад тут началось что-то невообразимое, со всех сторон атакуют, такого еще никогда не было!

— Как это так? — недоверчиво вымолвил Керк. — Война окончена. Мы взорвали их, уничтожили штаб.

— Они лютуют, как никогда прежде! — прозвучал сердитый ответ. — Не знаю, что вы там

Рисунки Г. **ФИЛИППОВСКОГО**

сделали, но только тут сейчас настоящая чертова мельница. Ладно, хватит болтать, гони сюда корабль!

Керк медленно повернул к Язону лицо, искаженное животной яростью.

— Ты! Это ты виноват! Надо было убить тебя в первый же день. Как мне хотелось это сделать, теперь вижу, что зря удержался. Ты словно чума — как прибыл сюда, кругом смерть сеешь. Ведь я знал, что ты не прав, да поддался твоему лживому языку. А что вышло? Сперва ты убил Велфа. Потом наших людей, которые пошли в пещеру. Теперь идет бой по всему периметру. Каждый, кто там погибнет, будет на твоей совести!

Взбешенный Керк шаг за шагом наступал на Язона, а тот медленно пятился. Вдруг рука Керка метнулась вперед. Это был не кулачный удар, а простая оплеуха. Язон дернулся в сторону, но ладонь Керка настигла его и сбросила на пол. Он упал на спину, и пальцы его коснулись контейнеров с матрицами ОХР.

Язон схватил обеими руками контейнер, выдернул его из гнезда и со всего размаха ударил им Керка. Металлическая трубка рассекла пиррянину лоб и скулу, но рана ничуть его не обескуражила. Он нагнулся и с улыбкой, не сулящей ничего доброго, поднял Язона на ноги.

— Сопротивляйся, — сказал он. — Тем приятнее мне будет прикончить тебя.

И он занес над Язоном гранитный кулак, который был способен снести противнику голову с плеч.

— Давай. — Язон прекратил борьбу. — Убивай. Тебе это ничего не стоит. Только не называй это правосудием. Да, Велф умер, чтобы спасти меня. Но десантники на острове погибли из-за твоей глупости. Я добивался мира, ты добивался войны. Ты получил ее. Убей меня, заглуши голос своей совести, ведь ты боишься смотреть правде в глаза.

Керк взревел от ярости, и его кулак, подобный копру для забивки свай, пошел вниз.

Мета обеими руками схватила руку Керка и повисла на ней, отвращая удар. Все трое повалились на пол; у Язона хрустнули кости.

— Не смей! — кричала Мета. — Язон был против высадки этих людей. Это была твоя затея. Ты не имеешь права убивать его за это!

Рассвирепевший Керк ничего не слышал. Сейчас он сражался с Метой. Конечно, женские мышцы не шли ни в какое сравнение с его могучими мускулами. Но она была пиррянка и сделала то, с чем не справился бы ни один инопланетник. Ей удалось на момент удержать Керка, и, хотя ему понадобилось лишь несколько секунд, этих секунд Язону оказалось достаточно, чтобы добраться до перехода, быстро захлопнуть люк и задвинуть засов. Мгновением позже Керк обрушился всей тяжестью на люк с другой стороны. Сталь заскрежетала и подалась. Одна петля лопнула, другая держалась только чудом. Еще толчок, и она полетит.

Этот космический корабль у пиррян единственный. Мета както говорила ему, что они давно хотели приобрести второй, да так и не собрались. Каждый раз деньги уходили на вооружение. И к тому же они вполне обходились одним кораблем, только надо было всегда держать его в готовности, чтобы город мог жить. Без поставок горожане просуществовали бы от силы два-три месяца. Поэтому, что бы ни случилось с кораблем, команде никогда не пришло бы в голову покинуть его в полете. Ведь гибель корабля означала гибель их мира.

Это освобождало их от необходимости заправлять горючим спасательные капсулы. Во всяком случае, всю шестерку. Но хоть одна-то должна быть заправлена для коротких рейсов, в которые нет смысла гонять большой корабль! Язон чувствовал, что тут в его рассуждениях намечается слабина. Чересчур много «если»... Если они вообще пользуются капсулами, то какую-то из них поддерживают в рабочем состоянии. Если так, то в ее баках должно быть горючее. Если горючее есть, то в которой из шести? Проверять некогда. Он должен угадать с первого раза.

Правда, на этот счет у него была догадка. Еще одна. Если капсула заправлена, то скорее всего та, которая расположена ближе всех к пилотской кабине. Та самая, к которой сейчас метнулся Язон, думая о том, что его жизнь висит на тонкой цепочке догадок.

Крышка люка за его спиной с грохотом упала. Яростно рыча, Керк прыгнул вниз. Тогда Язон нырнул в люк спасательной капсулы, схватил обеими руками стартовый рычаг и рванул его.

Зазвенел аварийный сигнал, и люк капсулы закрылся перед самым носом Керка.

Пусковая установка отстрелила капсулу. Кратковременное ускорение бросило Язона на пол, потом началось свободное падение, и он поплыл по воздуху. Двигатель молчал.

Вот когда Язон постиг смысл выражения «верная смерть». Без горючего капсула камнем рухнет на землю и разлетится вдребезги. Теперь его ничто не спасет.

И вдруг сработало зажигание, взревели ракеты, Язон врезался в переборку и расквасил себе нос. Сел, вытер кровь и осклабился. Все в порядке, горючее есть. А зажигание так и должно запаздывать, чтобы капсула успела отойти от корабля.

Язон увидел через иллюминатор, как корабль закладывает крутой вираж. Он мог только гадать, в чем смысл этого маневра. Как бы то ни было, лучше не рисковать. Он резко подал штурвал вперед и выругался, потому что капсула, вместо того чтобы спикировать, плавно пошла вниз. Корабль не был так ограничен в своих маневрах. Он резко изменил курс и ринулся на перехват. Носовая турель открыла огонь, и капсулу тряхнул взрыв. От сильного толчка что-то случилось с автопилотом, плавный спуск сменился крутым пикированием, все поле зрения занял стремительно надвигающийся лес.

Язон рванул штурвал на себя и едва успел закрыть руками лицо.

Рев ракет... треск ломаемых деревьев... громкий всплеск... Затем тишина.

Ветер унес дым. Высоко в небе кружил космический корабль. Вот он пошел вниз, словно собираясь сесть. Но тут же снова набрал высоту. Город звал на помощь, и корабль, извергая пламя, помчался домой.

Ветви спружинили, тормозные ракеты сработали вовремя, трясина тоже смягчила падение. И все-таки это была не посадка, а крушение. Разбитый цилиндр медленно погружался в болотную жижу. Нос капсулы целиком ушел под воду, прежде чем Язону удалось ударом ноги открыть аварийный люк. Весь в синяках и ссадинах, он еле нашел в себе силы выкарабкаться наружу. Спотыкаясь и падая, он добрел до относительно сухого места и тяжело сел.

Над болотом проносились насекомые, безмолвие леса нарушалось только мерзким воем какого-то зверя. Потом и этот звук замер, воцарилась полная тишина.

Окончание следует

Перевел с английского
Л. ЖДАНОВ

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА

ГАРРИ ГАРРИСОН

Фантастическая повесть

Язон сбросил с себя оцепенение. У него было такое чувство, будто его пропустили через мясорубку; мысли вязли в густом тумане, заполнившем голову; наконец он вспомнил, что у него есть аптечка.

...Рассудок вернулся и привел с собой чувство одиночества. Без еды, без друзей, кругом враждебные силы чужой планеты... В недрах души зародился страх, и Язону стоило большого труда укрощать его.

— Думай, Язон, думай, не поддавайся эмоциям, — сказал он вслух, увещевая самого себя.

Сказал — и не обрадовался, так жалко прозвучал в пустоте его голос. В горле что-то застряло, он откашлялся, сплюнул и увидел кровь. Глядя на красное пятнышко, Язон вдруг ощутил прилив ярости. Как он ненавидел эту свирепую планету и невообразимую тупость живущих на ней людей! Он громко выругался. На этот раз голос его уже не казался жалким. Язон орал, грозил кому-то кулаком. И это, как ни странно, помогло. Гнев вытравил страх и вернул ему здравый смысл.

Совсем не так уж плохо посидеть на земле... Солнце ласково пригревало; и когда он откинулся на спину, то почти забыл о двойном тяготении. Где-то в глубинах сознания возникло старое стертое изречение: «Пока есть жизнь — есть надежда». Банально, ничего не скажешь, но в этих словах кроется зерно истины.

Итак, что у него есть в активе? Он изрядно потрепан, но жив. Ушибы и ссадины не страшные, кости целы. Пистолет в порядке; едва Язон подумал о нем, как он тотчас выскочил из кобуры. Да, пиррянское снаряжение сработано на совесть. Аптечку он уже проверил. Если он сохранит трезвость суждений, будет идти по возможности прямо и сумеет прокормиться плодами здешней земли, есть надежда добраться до города. Какой прием ждет его там — это другой вопрос. Придет — узнает. Сначала надо дойти.

Неистовые порывы ветра забросали его листьями и мусором, потом хлынул ливень. Мокрый, озябший, адски усталый, с трудом переставляя ноги, он брел по планете смерти.

Спустилась ночь, а дождь все лил. Ориентироваться было невозможно — значит, идти дальше бессмысленно. К тому же Язон совсем выбился из сил. Деревья кругом были такие толстые и скользкие, что он и при обычном тяготении ни на одно не влез бы. Проверял под упавшими стволами, под кустами — всюду одинаково мокро. Под конец Язон свернулся калачиком на земле...

Около полуночи дождь прекратился, и сразу сильно похолодало. Язону приснилось, что он замерзает, к нему подкрадывается смерть, а проснувшись и с трудом открыв глаза, он убедился, что это почти так и есть. Между ветвями сыпал снежок, припорашивая землю, а заодно и Язона. У него все суставы окоченели; и когда он чихнул, грудь пронизала острая боль. Ноющие мышцы жаждали только покоя, но еще теплившийся рассудок приказал встать. Придерживаясь рукой за ствол, чтобы не упасть, он пошел вокруг дерева. Шаг за шагом, круг за кругом... Холод мало-помалу отступал, дрожь унялась. Усталость окутывала его тяжелой серой пеленой, а он все шел и шел с закрытыми глазами, открывая их только тогда, когда падал и надо было вставать.

На рассвете солнце выжгло снеговые тучи. Язон прислонился к дереву и поднял к небу воспаленные глаза. Кругом все было бело, лишь чернела натоптанная им дорожка. Опираясь спиной о гладкий ствол, Язон медленно опустился на землю. Всеми клетками он впитывал солнечные лучи. Солнце, едва выйдя из-за горизонта, уже припекало. Одежда быстро высохла, потом ему стало жарко. Очень жарко...

Что-то не в порядке... Что?.. Его самочувствие. Явные признаки пневмонии.

Язон улыбнулся, потом слизнул с губ капельки крови. Право, смешно: он успешно отбивался от пиррянских хищников и ядовитых рептилий, а вот самые крохотные бестии его одолели. Ничего, найдется и на них управа! Он засучил рукав и дрожащими пальцами прижал к руке жерло аптечки. Послышался щелчок, затем сердитое жужжание. Ну конечно. Нет антибиотика, предписанного анализатором. Аппарат нуждается в заправке.

Язон выругался и отшвырнул аптечку; она шлепнулась в лужу и утонула: Конец лекарства, конец аптечки, конец Язона динАльта. Одинокий воитель против полчищ планеты смерти... Отважный чужепланетник, ни в чем не уступающий местным жителям... Всего один день без посторонней помощи — и смертный приговор утвержден.

За спиной раздалось свирепое рыканье. Он мгновенно повернулся и выстрелил, бросаясь на землю. И даже не успел осознать происходящего, как уже все было кончено. Пиррянская школа здорово натренировала его подкорковые центры. Глядя на уродливую тварь, которая корчилась в предсмертных судорогах в метре от него, Язон сказал себе, что часы учения не пропали зря.

Он живо поднял голову. И вовремя поднял! Между деревьями крались серые силуэты. Язон уложил двух хищников; остальные, яростно ворча, отступили в лес.

Сидя спиной к дереву. Язон отражал повторные атаки. Подпустит зверье поближе и только тогда открывает огонь. После каж-

---

Окончание. Начало в №№ 5—8.

дого выстрела, сопровождающегося предсмертным визгом жертвы, все яростнее выли уцелевшие.

Лишь под вечер он истратил последний заряд. Поймав себя на том, что он все чаще промахивается, Язон на этот раз дал зверю подойти совсем близко, потом выстрелил. Чудовище захрипело и испустило дух. Остальные с воем отпрянули; при этом одна тварь подставила бок, и Язон поспешил нажать на спуск.

Последовал негромкий щелчок. Осечка? Он нажал снова — опять щелчок. Магазин был пуст, опустел и патронташ на поясе.

Выходит, конец. Верно ему говорили. Пирр не по его зубам.

Теперь, когда ему не надо было держаться начеку и отстреливаться, болезнь взяла верх. Ему страшно хотелось спать, и он знал, что это будет долгий сон. Слипающимися глазами он смотрел, как подкрадывается зверье. Вожак уже совсем близко... Язон увидел, как его мышцы напряглись для прыжка.

Вожак прыгнул и упал подле Язона. Из клыкастой пасти струилась кровь, в голове сбоку торчал металлический черенок.

Два человека вышли из зарослей. Звери тотчас скрылись; одного появления этих людей было достаточно, чтобы отогнать их.

Корчевщики. Он так спешил добраться до города, что забыл про корчевщиков. Хорошо, что они здесь. Хорошо, что пришли.

Язон провалился в полузабытье. Они куда-то долго двигались... Какие-то крупные животные кругом... Стены, запах дыма, голоса... Но его ничто не волновало и не заботило — он слишком устал.

— Наконец-то, — сказал чей-то голос. — Еще день-другой, и мы закопали бы тебя в землю.

Язон прищурился и узнал Реса. Хотел ответить, но едва открыл рот, как на него напал нестерпимый кашель. Кто-то поднес к его губам чашку, и он проглотил какую-то сладковатую жидкость. Отдохнув немного, он снова попытался заговорить.

— Давно я здесь? — Язон не узнал собственного голоса, так тонко и слабо он прозвучал.

— Восемь дней, — сказал Рес. — Но почему ты не остался около ракеты? Наши люди не теряли времени, они еще до темноты были на месте аварии. Увидели сломанные деревья, увидели след от затонувшей ракеты и сперва подумали, ты погиб. Но тут одна из собак взяла твой след. Ночью в болотах она его опять потеряла. Сколько ни искали, не могли найти. Сам понимаешь — грязь, снег... На следующий день уже хотели вызывать подмогу, когда вдруг услышали стрельбу. Подоспели, насколько я понимаю, в последнюю минуту. К счастью, в отряде был говорун; он приказал диким собакам уходить. Иначе пришлось бы их всех перебить, а это никуда не годится.

— Спасибо, что выручили, — сказал Язон. — Без вас я пропал бы. Воспаление легких — верная смерть в моем тогдашнем состоянии. Выходит, вы ошибались, когда говорили, что от ваших лекарств мало проку. Мне-то они помогли...

Он замялся, глядя на Реса, который хмуро покачал головой.

— В чем дело? — насторожился Язон. — Как же вы меня спасли? Во всяком случае, моя аптечка была пустая.

— Ты умирал, — медленно заговорил Рес. — Мы не могли тебя вылечить. Тут нужен был такой аппарат, какие делают жестянщики. Мы добыли его у водителя транспортера.

— Как добыли? — поразился Язон. — Вы же сами говорили, что горожане не дают вам лекарств. Он ни за что не отдал бы свою аптечку. Только...

Рес кивнул и договорил:

— ...мертвый. Я сам его убил С превеликим удовольствием.

Слова Реса поразили Язона в самое сердце. Он мысленно перебирал всех тех, кто погиб после того, как он попал на Пирр. Люди умирали, чтобы спасти его, умирали, чтобы он жил, умирали из-за его идей. Он чувствовал себя последним негодяем. Будет ли Креннон последней жертвой или горожане захотят отомстить?

— Вы понимаете, что это значит? — произнес он через силу. — Гибель Креннона окончательно восстановит город против вас. Вы больше ничего от них не получите. Они будут нападать на вас при каждом удобном случае, убивать ваших людей...

— Все это мы знаем! — ответил Рес охрипшим от волнения голосом. — Не подумай, что нам было легко решиться. У нас было что-то вроде соглашения с жестянщиками. Транспортеры с товарами считались неприкосновенными. Ведь это была единственная наша связь с Галактикой, последняя надежда на то, что когда-нибудь все-таки удастся наладить контакт с внешним миром.

— Тем не менее вы разрушили это звено, чтобы спасти меня. Во имя чего?

— На этот вопрос только ты можешь ответить. Город подвергся сильнейшей атаке, мы видели бреши в стене, в одном месте им пришлось отодвинуть линию обороны. В это время космический корабль находился над океаном и сбрасывал бомбы. Наши люди видели вспышку. Потом корабль пошел обратно, а ты покинул его на маленькой ракете. Они обстреляли ее, но убить тебя им не удалось. И ракета уцелела, мы как раз собираемся поднять ее из болота. Мы понимали, что произошли очень важные события. Тебя нашли живым, но было очевидно, что ты обречен. Может быть, ракету еще можно отремонтировать. Может быть, ты украл ее для нас. Мы не могли дать тебе умереть, хотя бы это и привело к войне с горожанами. Все были за то, что тебя надо спасти любой ценой. Я убил жестянщика, взял аптечку, загнал двух доримов и поспел как раз вовремя. А теперь скажи нам, что произошло? Какой у тебя план? Что он нам даст?

Чувство вины лишило Язона дара речи. В памяти промелькнул эпизод из старинной легенды — про Иону, который загубил космический корабль с людьми, а сам остался жив. Неужели он погубит целый мир? Смеет ли он признаться, что угнал ракету только за тем, чтобы спасти свою жизнь?

Три пиррянина выжидательно наклонились над ним. Язон закрыл глаза, чтобы не видеть их лиц. Как быть? Если он скажет им все как есть, они тут же убьют его — и будут правы. Но ведь если он сейчас умрет, все жертвы окажутся напрасными. А между тем война между планетой и людьми может быть прекращена. Он уже знал бы ответ, если бы не эта проклятая усталость. Решение готово, схоронилось где-то в мозгу и ждет, чтобы его извлекли из тайника.

За стеной послышался топот, потом невнятный крик, но пирряне не обратили внимания на эти звуки; они напряженно ждали, что ответит Язон. А он никак не мог подобрать нужные слова.

В гнетущей тишине громко отдался стук распахнутой двери. На пороге стоял кряжистый человек; его багровое лицо, обрамленное седой бородой, дышало гневом.

— Вы что тут, оглохли все? — рявкнул он. — Всю глотку сорвал, а вы сидите, словно клуши. Вы-

ходите! Живо! Землетрясение! Скоро начнется землетрясение!

Все вскочили. На вошедшего обрушился град вопросов. Голос Реса прозвучал громче других:

— Хананас! Сколько у нас времени?

— Сколько времени? Нашел, о чем спрашивать! Уходите, пока живы, это все, что я знаю!

Не тратя времени на дальнейшие разговоры, корчевщики приступили к сборам, и через минуту Язон уже лежал на носилках, укрепленных на спине дорима.

— В чем дело? — спросил он пиррянина, который привязывал его к носилкам.

— Хананас — наш лучший предсказатель по этой части, — ответил тот, затягивая узел.— Он всегда заранее знает, когда ждать землетрясения. Кого успеет предупредить, те уходят. Предсказатели всегда наперед знают — чувствуют, что ли.

Когда они тронулись в путь, уже смеркалось, и красный закат перекликался с пунцовым заревом на севере. Издалека доносился глухой гул. Доримы без понукания пустились валкой рысью. Они прошлепали копытами по мелкому болоту, после чего Хананас резко изменил курс. Причину этого Язон понял немного погодя, когда небо на юге словно взорвалось. Яркая вспышка озарила лес, потом сверху посыпался пепел, по деревьям забарабанили раскаленные камни. Земля шипела там, где они падали, и быть бы лесному пожару, если бы не недавний дождь.

Рядом с маленьким караваном колыхалось что-то большое и черное. Когда они выехали на поляну, Язон присмотрелся и в отраженном свете разглядел косматое чудовище с огромными кривыми рогами.

— Рес... — позвал он.

Рес бросил взгляд на зверя и отвернулся. Чудовище его не то что не испугало — даже не заинтересовало. Присмотревшись, Язон понял — почему.

Животные бежали молча, поэтому они не заметили их раньше. Между деревьями справа и слева мелькали темные силуэты. Несколько минут совсем рядом, мешаясь с одомашненными собаками, бежала стая диких псов. Над головой у всадников проносились жуткие твари. Все живое объединилось в борьбе за жизнь. Путь пересекли жирные животные с изогнутыми клыками, похожие на свиней. Доримы замедлили бег, осторожно ставя ноги, чтобы не затоптать их. Иногда мелкие твари залезали на спину более крупным и какое-то время ехали на них верхом.

Скрипучие носилки немилосердно трясли Язона, и в конце концов он уснул. Ему грезились звери, несущиеся вперед в бесшумном стремительном беге. Откроет глаза, закроет глаза — та же нескончаемая череда животных.

Эта картина таила в себе какой-то глубокий смысл... Но что именно? Язон нахмурился, соображая. Бегущие животные, пиррянские животные...

Вдруг он сел на носилках, сон как рукой сняло.

— Что случилось? — спросил Рес, подъезжая вплотную.

— Ничего, — отозвался Язон. — Нам бы только выбраться. Я теперь знаю, как вашему народу получить то, чего он хочет, и прекратить войну.

В памяти оседали только отдельные фрагменты ночного перехода. Кое-что запечатлелось очень четко — например, громадная, с космический корабль величиной, глыба раскаленного шлака, которая упала в озеро и обдала всадников брызгами горячей воды. А вообще подробности этого бесконечного перехода мало занимали изнуренного болезнью Язона. На рассвете они вышли из опасной зоны, и доримы с рыси перешли на шаг. Как только угроза миновала, звери исчезли, тихо разошлись в разные стороны, все еще соблюдая перемирие.

Но кончилась опасность — кончился и мир; Язон убедился в этом, когда они устроили привал. Вместе с Ресом он направился к зеленому пятачку возле упавшего дерева, однако на мягкой траве под стволом уже лежала дикая собака. При виде людей она вся напряглась; румяный восход высекал красные искры из ее глаз. В трех метрах от зверя Рес остановился и замер. Язон тоже остановился, спрашивая себя, почему корчевщик не берется за оружие и не зовет никого на помощь. Что ж, ему виднее...

Неожиданно собака прыгнула прямо на них. Рес оттолкнул Язона в сторону, так что он упал

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

навзничь, и сам припал к земле, держа в руке длинный нож, который он успел выхватить из ножен. Молниеносный выпад... Собака изогнулась в воздухе, пытаясь схватить нож зубами, но он уже вонзился в ее тело. Она еще была жива, когда упала на землю, но Рес уже сидел на ней верхом. Задрав кверху защищенную пластинами голову, он перерезал собаке горло, потом тщательно вытер нож о ее шкуру и сунул его обратно в ножны.

— Обычно они смирные, — спокойно сказал он, — но эта чем-то была взбудоражена. Должно быть, потеряла стаю.

Как это непохоже на поведение горожан! Рес не стал нападать первым, он до последнего избегал схватки. Рес не упивался победой — напротив, он был огорчен гибелью живого существа.

Правильно. Все стало на свои места. Теперь ему ясно, как начался смертельный поединок Пирра с человеком, и ясно, как его прекратить. Нет, жертвы не были напрасными! Каждая из них приближала его к цели. Осталось сделать последний шаг.

Рес смотрел на Язона; казалось, он думал о том же.

— Выкладывай, — сказал он. — Что ты придумал? Как нам перебить жестянщиков и завоевать свободу?

Язон не стал поправлять: пусть думают, что он на их стороне.

— Собери людей, я объясню. И надо, чтобы Накса непременно был, и другие говоруны.

Люди Реса не заставили себя ждать. Каждый знал, что для спасения инопланетника убит жестянщик и теперь вся надежда на него. Глядя на обращенные к нему лица, Язон думал, как лучше растолковать им, что нужно сделать. Мысль о том, что многие из них погибнут, выполняя его план, сковывала Язона.

— Всем нам хочется, чтобы прекратилась война на Пирре. Есть способ сделать это, но он потребует человеческих жертв. — Он обвел взглядом напряженные лица. — Мы нападем на город и прорвем периметр. Я знаю, как это сделать...

Толпа зашумела. Одни ликовали, предвкушая расправу с исконным врагом. Другие таращились на Язона как на сумасшедшего. Третьи были ошеломлены дерзким замыслом сразиться с вооруженным до зубов врагом в его оплоте. Язон поднял руку.

— Я знаю, это кажется невозможным, — продолжал он. — Но сейчас самое время действовать. Дальше будет только еще хуже. Город Пирр... жестянщики обойдутся без вашего продовольствия, их концентраты — порядочная дрянь, но прожить можно. А вот вам они постараются отомстить. Вы перестанете получать металл, инструменты, части для электронной аппаратуры. Они будут выслеживать с воздуха и уничтожать ваши фермы. И это только начало... Горожане проигрывают войну против планеты. С каждым годом их остается все меньше, в один прекрасный день последние вымрут. Но сперва — уж я их знаю! — они взорвут корабль, а заодно и всю планету, если сумеют.

— А как мы им можем помешать? — крикнул кто-то.

— Помешаем, если нанесем удар теперь, — ответил Язон. — Я хорошо изучил город, знаю, как устроена оборона. Периметр предназначен для защиты от животных, а мы можем прорваться, если очень постараемся.

— Что толку? — возразил Рес.— Мы прорываем периметр, они отходят, потом собирают все силы и наносят ответный удар. Разве мы устоим против их оружия?

— До этого не дойдет. Их космодром примыкает к периметру, я знаю точно, где стоит корабль. Именно там мы и должны прорваться. Около корабля нет постоянной охраны, и вообще на космодроме мало людей. Мы захватываем корабль. У кого в руках корабль, у того в руках весь Пирр. Мы пригрозим уничтожить корабль, если не будут приняты наши условия. Им придется выбирать — либо самоубийство, либо сотрудничество. Надеюсь, у них хватит ума предпочесть второе.

Секунду царила полная тишина, но тут же загудели голоса, все старались перекричать друг друга, пока Рес не вмешался и не навел порядок.

— Тихо! — крикнул он. — Дайте Язону договорить, потом решайте. Мы еще не слышали, как он предлагает осуществить прорыв.

— Успех моего плана зависит от говорунов, — сказал Язон. — Накса тут?

Он выждал, пока одетый в шкуры корчевщик не протиснулся вперед, и продолжал:

— Слушай, Накса. Вы, говоруны, умеете приказывать доримам и собакам, это я знаю. А как с дикими животными? Можете вы их заставить слушаться вас?

— Диких-то? А что, заставим. Чем больше говорунов, тем больше наша сила. Что захотим, то и будут делать.

— Значит, можно организовать атаку, — возбужденно подытожил Язон. — Вы смогли бы собрать всех говорунов в одном месте, в противоположном конце от космодрома, и натравить животных на город? Заставить их атаковать периметр?

— Сможем ли мы? — Идея Язона явно привела Наксу в восторг. — Да мы отовсюду зверей сгоним, такой штурм устроим, какого они еще не видели!

— Значит, решено. Вы, говоруны, организуете штурм периметра в дальнем конце. Только сами не показывайтесь, чтобы охрана не догадалась. Я видел, как они действуют. При сильной атаке вызывают подмогу из города и снимают часть людей с других участков периметра. В разгар битвы, когда все их силы будут связаны, я поведу отряд на прорыв и захвачу корабль. Вот такой у меня план, и я уверен, что у нас все получится.

Кончив говорить, Язон в изнеможении опустился на траву.

Когда бурное обсуждение кончилось и все разошлись, Рес подошел к Язону.

— Ну так, в принципе все решено, — сказал он. — Никто не возражал. Теперь гонцы оповестят говорунов — ведь это наша ударная сила; чем больше мы их соберем, тем лучше. Вызывать их по визифону не стоит — кто поручится, что жестянщики не перехватывают наши передачи? Нам нужно пять дней, чтобы все подготовить.

— Да и мне нужно не меньше пяти дней, чтобы хоть сколько-нибудь восстановить силы, — ответил Язон.

— Ну и ну!.. — прошептал Язон. — Я ведь никогда не видел периметр снаружи. Уродство — другого слова не подберешь.

Он лежал на бугре рядом с Ресом и смотрел из-за кустов вниз на периметр. Несмотря на полуденный зной, оба были закутаны в шкуры, ноги защищены толстыми крагами, руки — кожаными рукавицами. От жары и двойного тяготения у Язона кружилась голова.

Впереди, за выжженной полосой, тянулся периметр. Глухая стена, неодинаковая по высоте, неоднородная по материалу. Невозможно сказать, какой она была первоначально. Атаки, атаки, атаки долбили, подрывали, разрушали ее. Горожане наспех ремонтировали стену, лепили заплаты. Грубая каменная кладка рассыпалась, на ее месте появлялись деревянные клетки, а к ним при-

мыкали сваренные по шву стальные плиты. Но и металл не мог устоять — свидетельством тому было рваное отверстие, через которое сыпался песок из лопнувших мешков. Поверхность стены опутывали сигнальные провода и проволока электрической защиты. Тут и там над парапетом торчали стволы огнеметов, сжигавших все живое, что приближалось к основанию стены.

— Эти штуки... — выдавил Рес. — Видишь, вон та как раз прикрывает участок, где ты задумал прорваться.

— Не беспокойся, все будет в порядке, — заверил его Язон. — Хоть и кажется, что они бьют беспорядочно, но это не так. Промежутки между залпами разные, но эта хитрость рассчитана на зверей, а не на человека. Да ты сам убедись. Залп следует через каждые две, четыре, три и одну минуту.

Они отползли обратно в яму, где их ждал Накса и другие. Всего тридцать человек, а для такого задания как раз и требовался небольшой, подвижной отряд. Их главное оружие — внезапность. Без нее арбалеты корчевщиков и десяти секунд не устоят против огневой мощи города.

В толстых шкурах всем было жарко, и кое-кто развязал одежду, чтобы немного остыть.

— Завяжитесь! — скомандовал Язон. — Вы еще не бывали так близко к периметру и не представляете себе, что там творится. Я знаю, Накса не подпустит крупных животных, а с мелкими тварями все вы справляетесь. Тут другая опасность. Каждая колючка отравлена, каждая травинка оканчивается смертоносным шипом. Насекомых тоже берегитесь. И когда пойдем вперед, дышите только через мокрую тряпку.

— Он прав, — пробурчал Накса. — Я так ни разу не был близко. Под стеной смерть, сплошная смерть. Делайте, как он велит.

Снова потянулось томительное ожидание. Они острили и без того острые арбалетные стрелы и поглядывали на медленно ползущее по небу солнце. Один Накса не тяготился ожиданием. Он сидел, глаза где-то далеко, и слушал внутренним слухом, что происходит в джунглях.

— Идут, — сказал он наконец. — Никогда еще такой прорвы не слышал. Все звери, со всего края, отсюда до самых гор, мчатся к городу, только вой стоит.

Язон и сам кое-что улавливал: атмосферу напряжения, страшную волну ненависти и ярости. Он знал, все получится, если только удастся сосредоточить атаку на узком фронте. Говоруны не сомневались в успехе. Еще на рассвете тонкая цепочка косматых людей в шкурах, охватив подковой пиррянских животных, мысленными командами погнала их на город.

— Пошли на штурм! — вдруг сказал Накса.

Все встали, глядя в сторону города. Язон физически ощутил, что Накса прав. А тут еще издалека донеслись выстрелы и мощные взрывы, над деревьями поднимались струйки дыма.

— Займем исходную позицию, — сказал Язон.

Лес кругом был словно пропитан концентратом ненависти. Полуодушевленные растения извивались и корчились, воздух наполнился тучами крылатой мелюзги. Накса, весь в поту, бормоча что-то, отводил в сторону катящуюся на них волну животных. Отряд потерял четверых, пока добирался до выжженной полосы. Одного ужалило какое-то насекомое, и хотя Язон вовремя подоспел с аптечкой, раненый все равно чувствовал себя так скверно, что вынужден был ползти обратно. А трое погибли, их распухшие, скорченные тела остались лежать на земле.

— Голова уже болит держать их, — проворчал Накса. — Когда пойдем на стену?

— Рано еще, — ответил Рес. — Мы ждем сигнала.

Один из корчевщиков нес радиостанцию. Осторожно поставив ее на землю, он забросил антенну на дерево. Рация была экранирована так, чтобы никакие импульсы не выдали их присутствия. Включили приемник, но в динамике только потрескивали разряды.

— Можно было заранее рассчитать время... — заговорил Рес.

— Нет, — возразил Язон. — Тут важна точность. Мы должны пойти на прорыв в самый разгар штурма, будет больше шансов на успех.

В динамике зашипела несущая частота. Чей-то голос произнес короткую фразу и выключился.

— Принесите три мешка муки.

— Пошли! — Рес рванулся вперед.

— Постой. — Язон поймал его за руку. — Не забывай про огнемет. Он даст залп через... Есть!

Фонтан огня пролился на землю и погас.

— Четыре минуты до следующего, мы угадали в самый большой интервал!

Они побежали по мягкой земле, перепрыгивая через обугленные кости и ржавый металл. Двое корчевщиков подхватили Язона под руки и понесли его. Это не было предусмотрено, но помогло выиграть несколько драгоценных секунд. У стены они опустили его. Язон вытащил мину, которую сделал из патронов убитого Краннона. Операция была многократно отрепетирована, и теперь все шло как по маслу.

Язон выбрал для прорыва участок со стальными плитами. Они лучше всего противостояли пиррянским организмам, это позволяло надеяться, что насыпь за ними не такая мощная, как в других местах. Если он просчитался — им всем конец.

Бежавшие впереди уже прилепили к стене комья клейкой смолы. Язон вдавил в нее патроны, расположив их прямоугольником в рост человека. В это же время другие члены отряда размотали детонирующий шнур. Штурмовая группа рассыпалась вдоль стены. Язон доковылял до электродетонатора, упал на него и нажал рычаг.

Оглушительный взрыв сотряс стену и выбросил язык красного пламени. Рес первым подскочил к пробоинам и принялся дергать руками еще дымящийся металл. Подоспели остальные и дружно отогнули зазубренные края. Брешь заволокло дымом, ничего не было видно. Язон нырнул в нее, покатился по валунам и врезался во что-то твердое. Протерев глаза, он осмотрелся по сторонам. Он был в городе.

Остальные тоже ворвались в брешь. На бегу они подхватили Язона на руки.

Навстречу им из-за угла выскочил человек. При виде нападающих он метнулся к подворотне. Но нападающие тоже были пирряне, и он повалился на спину, пронзенный тремя стрелами. Не останавливаясь, они бежали дальше между низкими складскими зданиями туда, где высился корабль.

И тут они увидели, как наружный люк медленно закрывается. Кто-то опередил их. Град стрел забарабанил по люку — да что толку.

— Вперед! — крикнул Язон. — Живей под корпус, пока он не открыл огонь.

Трое из отряда не успели добежать до укрытия. Все остальные уже стояли под кораблем, когда его пушки заговорили.

Троих накрыло шквалом огня и разнесло на молекулы. Прорвавшийся в корабль пиррянин нажал сразу все гашетки, чтобы отразить атаку и предупредить

своих. Сейчас он стоит у визифона и вызывает подмогу.

Язон дотянулся до люка и попробовал его открыть, но он был заперт изнутри. Кто-то оттолкнул Язона и дернул рукоятку. Она обломилась, люк не поддался.

Пушки смолкли, и грохот прекратился.

— Вы взяли пистолет у убитого? — спросил Язон. — С пистолетом можно в два счета открыть люк.

— Нет, — отозвался Рес. — Некогда было.

Он еще не договорил, как два корчевщика сорвались с места и побежали к складам. Тотчас загрохотали пушки. Очередь поразила одного смельчака, но второй успел добежать до зданий, прежде чем стрелок изменил прицел.

Вскоре он снова появился из-за дома и швырнул пистолет товарищам, но сам уже не сумел укрыться и был сражен снарядами.

Пистолет докатился по бетону почти до самых ног Язона. Он приставил дуло к замку и выстрелил; в эту секунду за домами завыли турбины стремительно приближающихся транспортеров. Люк скрипнул и медленно открылся. Весь отряд был внутри корабля еще до того, как показался первый транспортер. Накса остался с пистолетом у люка; Язон повел остальных к пилотской кабине.

Он объяснил, как туда добираться, и когда подоспел сам, все уже было кончено, горожанин стал похож на подушечку для булавок. Один из корчевщиков, немного разбиравшийся в технике, нашел гашетки и открыл такой яростный огонь, что транспортерам пришлось отступить.

— Свяжитесь по радио с говорунами и скажите им, что можно прекращать атаку.

Отдав это распоряжение, Язон подошел к визифону и включил его. С экрана на него глядел потрясенный Керк.

— Ты! — Керк произнес это словно ругательство.

— Ага, я, — ответил Язон, рассматривая рычаги и кнопки на пульте. — Выслушай меня, Керк... И учти: как я скажу, так и будет. Я, возможно, не знаю, как управлять космическим кораблем, но взорвать его я сумею. Тебе слышен этот звук?

Он щелкнул тумблером, и где-то в недрах корабля загудел насос.

— Это насос основного горючего. Если я оставлю его включенным, он в два счета наполнит топливом камеру сгорания. Накачаю побольше, чтобы потекло через дюзы. А потом нажму пусковую кнопку... Угадай, что тогда будет с вашим единственным космическим кораблем? Я не спрашиваю, что будет со мной, тебе на это наплевать. Но корабль нужен вам как воздух.

В кабине царило безмолвие. Люди, захватившие корабль, смотрели на Язона. Тишину нарушил скрипучий голос Керка:

— Что тебе надо, Язон? Что ты задумал? Зачем привел этих животных? — От ярости у него перехватило горло.

— Попридержи язык, Керк, — строго сказал Язон. — Люди, о которых ты говоришь, владеют единственным на Пирре космическим кораблем. Если ты хочешь, чтобы они поделились с тобой, научись вежливо разговаривать. А теперь немедленно иди сюда. Да захвати с собой Бруччо и Мету.

Язон посмотрел на багровое, отекшее лицо седого пиррянина и вдруг ощутил что-то похожее на жалость.

— Да не горюй ты так, это не конец света. А скорее начало. Да, вот еще: не выключай этот канал. Пусти изображение на все экраны в городе, чтобы каждый видел, что тут будет происходить. И пусть запишут, чтобы можно было повторить.

Керк хотел было что-то ответить, но раздумал и исчез с экрана. Однако визифон остался включенным. На всех экранах города был виден главный отсек космического корабля.

Бой был окончен. Он окончился так быстро, что они еще не успели как следует это осознать. Рес пощупал рукой поблескивающий металлом пульт управления, убеждаясь, что ему это не чудится. Остальные бродили по отсеку, заглядывали в перископы, увлеченно рассматривали диковинную аппаратуру.

Язон еле держался на ногах, но не показывал виду. Открыв пилотскую аптечку, он нашел стимулирующее средство. Три золотистые пилюльки прогнали усталость и развеяли туман в голове.

— Внимание! — крикнул он. — Борьба еще не окончена. Они постараются отбить корабль, так что мы должны быть наготове. Пусть кто-нибудь из ваших техников хорошенько изучит все пульты и отыщет кнопки от люков. Все люки до одного должны быть надежно закрыты. Включите видеодатчики на круговой обзор, чтобы никто не мог подойти к кораблю. И не мешало бы тщательно осмотреть отсек за отсеком — вдруг мы не одни.

Каждому нашлось дело, и люди сразу оживились. Рес распределил обязанности. Язон остался стоять около пульта, поближе к тумблеру топливного насоса. Да, борьба еще не кончилась...

— Транспортер! — крикнул Рес. — Ползет потихоньку.

— Рвануть его? — спросил член отряда, дежуривший у гашеток.

— Погоди, посмотрим, кто это, — сказал Язон. — Если те, которых я вызвал, пусть проезжают.

Стрелок следил в прицел за приближающимся транспортером. Водитель... три пассажира... Язон подождал, пока не развеялись последние сомнения.

— Это они, — сказал он. — Стань около люка, Рес, впускай их по одному и сразу отбирай пистолеты. И все остальное снаряжение тоже. Любая штука может оказаться оружием, особенно внимательно осмотрите Бруччо — худой такой, лицо как топор, — чтобы у него ничего не осталось. Он у них специалист по оружию и технике выживания. Водителя тоже захватите, остальным горожанам незачем знать, в каком состоянии наша оборона.

Язон сидел как на иголках. Его рука лежала рядом с тумблером. Он знал, что никогда его не включит, но другие не должны об этом подозревать.

Послышался топот, приглушенная брань, и в отсек втолкнули обезоруженных парламентеров. При виде их свирепых лиц Язон невольно сжал кулаки.

— Пусть встанут около стенки, — сказал он Ресу. — И не спускайте с них глаз. Арбалетчикам быть наготове.

Он смотрел на людей, которые когда-то были его друзьями, а теперь задыхались от ненависти к нему: Мета, Керк, Бруччо. Водителем оказался Скоп, тот самый, которого Керк приставлял к нему охранником.

— Слушайте внимательно, — заговорил, наконец, Язон. — Потому что от этого зависит ваша жизнь. Стойте у стены и не пытайтесь приблизиться ко мне даже на дюйм. Кто не подчинится, будет убит на месте. Будь я один, вы, конечно, помешали бы мне нажать на тумблер. Но я не один. У вас рефлексы и мышцы настоящих пиррян, но и у арбалетчиков не хуже. Так что лучше не рискуйте. Все равно ничего не выйдет, кроме самоубийства. Я говорю это вам для вашего же

блага. Чтобы можно было разговаривать спокойно, без риска, что кто-нибудь из вас сорвется и будет убит. У вас нет другого выхода. Вам придется выслушать все, что я скажу. Вам отсюда не уйти, и убить меня не удастся. Война окончена.

— Все потеряно... Это ты виноват, ты, предатель! — прохрипела Мета.

— И то и другое неверно, — мягко возразил Язон. — Я не предатель. Я соблюдаю верность всем людям этой планеты, живут ли они внутри периметра или за его пределами. Вы не сможете сказать, что я кому-то отдавал предпочтение. И кроме того, вы ничего не потеряли. Если хотите знать, выиграли вы. Война с планетой выиграна вами. Потрудитесь только дослушать меня до конца.

Он повернулся к Ресу, который недовольно нахмурился.

— И ваши люди, Рес, тоже выиграли, поверьте мне. Это конец войны с городом, у вас будут лекарства, будет контакт с внешним миром — все, о чем вы мечтали.

— Ты сулишь райскую жизнь обеим сторонам, — сказал Рес. — Трудновато будет осуществить такое обещание.

— Ты попал в самую точку, — сказал Язон. — Проблема будет решена так, чтобы никто не остался внакладе. Мир между городом и фермами, конец вашей бессмысленной войне. Мир между людьми и пиррянскими организмами — ведь с этого конфликта все пошло.

— Он рехнулся, — сказал Керк.

— Возможно. Выслушайте, потом судите. Начну с истории, потому что корни проблемы и ее разрешение связаны с прошлым. Когда поселенцы триста лет назад высадились на Пирре, они не заметили одной очень важной черты, которая отличает Пирр от всех других планет Галактики. И трудно их корить, у них и без того хватало забот. Все, кроме разве тяготения, было для них непривычно, все непохоже на искусственный климат индустриальной планеты, с которой они прилетели. Штормы, вулканы, наводнения, землетрясения — от всего этого не мудрено и свихнуться. Наверно, со многими так и случилось. Еще им без конца досаждали звери и насекомые, такие непохожие на безобидную фауну в заповедниках, к которой они привыкли. Бьюсь об заклад, им было невдомек, что пиррянские животные к тому же наделены телепатическими свойствами.

— Опять этот вздор! — рявкнул Бруччо. — Даже если они телепаты, это ровным счетом ничего не значит. Ты почти убедил меня своей теорией о том, что атаки на город направляются телепатически, но твой катастрофический провал показал, чего стоит эта теория.

— Согласен, — ответил Язон. — Я ошибался, когда думал, что атаки на город направляются телепатическими импульсами извне. Тогда мне эта гипотеза казалась вполне логичной и обоснованной. Верно, экспедиция на остров кончилась катастрофическим провалом, да только вы забываете, что ваше решение было прямо противоположным тому, что я предлагал. Пойди я в пещеру, обошлось бы без жертв. Думаю, мне удалось бы выяснить, что эти шевелящиеся растения — специфические организмы с необычайно высоким телепатическим потенциалом. Просто они особенно сильно отражали импульсы, которые питали атаки на город. А я все перепутал, думал, что они раздувают войну. Теперь они все уничтожены, и точного ответа мы не получим. Но в одном их гибель помогла. Она показала, где надо искать подлинных виновников войны, кто на самом деле направляет и вдохновляет атаки против города.

— Кто? — выдохнул Керк.

— Да вы сами, кто же еще, — ответил Язон. — Конечно, не только вы четверо, а все жители города. Я готов допустить, что война вам не по душе. И тем не менее вы ее зачинщики, вашими стараниями она продолжается.

Он с трудом удержался от улыбки, глядя на их ошарашенные лица. Лучше поспешить с объяснением, а то, чего доброго, собственные союзники тоже сочтут, что он помешался.

— Сейчас вы поймете. Я уже сказал, что пиррянские организмы наделены телепатическими свойствами. Это относится ко всем — к насекомым, к растениям, к животным. Когда-то в разгар буйного прошлого Пирра это качество помогло телепатическим мутациям устоять в борьбе за существование. Другие виды вымирали, а они уцелели. Я уверен, что под конец они даже сотрудничали, сообща вытеснили последних представителей другой породы. Сотрудничество — вот девиз для Пирра. Соперничая между собой, они вместе давали отпор всему, что угрожало их племени. Какое-нибудь стихийное бедствие, потоп — они в полном согласии спасаются бегством. Что-то в этом роде можно наблюдать на любой планете, где бывают лесные пожары. Но здесь особенно суровые условия, и взаимопомощь достигла очень высокого уровня. Возможно, некоторые организмы даже наделены даром предчувствовать близкую катастрофу. Вроде того, как некоторые из вас предсказывают землетрясение. Благодаря предупреждению крупные животные уходили от беды. А самым мелким видам помогали уцелеть особые семена, или шипы, или яйца, которые переносились в безопасное место либо с ветром, либо с мехом больших зверей. Да-да, так и было, я уверен, я же сам видел такое бегство, когда мы уходили от землетрясения.

— Ладно, допустим, что все было так! — крикнул Бруччо. — Но при чем тут мы? Хорошо, все животные убегают вместе — какое отношение это имеет к войне?

— Они не только вместе убегают, — сказал Язон. — Они сотрудничают, чтобы противостоять стихийным бедствиям. Я не сомневаюсь, мы еще услышим восторги экологов, когда они начнут изучать сложный механизм приспособления, который срабатывает здесь, когда надвигается гроза, или половодье, или пожар, или еще какая-нибудь беда. Но нас сейчас интересует одна реакция. А именно та, которая направлена против горожан. Вы еще не догадались? Пиррянские организмы воспринимают вас как стихийное бедствие! Вряд ли удастся выяснить, как это началось. Хотя в дневнике, который я нашел, в записях о первых днях освоения планеты есть ключ к разгадке. Там говорится, что во время лесного пожара колонисты встретились с какими-то новыми видами. Точнее, животные были те же, что прежде, только они вели себя иначе. Как, по-вашему, могли реагировать на лесной пожар люди, которые прежде жили в условиях, можно сказать, тепличной цивилизации? Они, конечно, перепугались насмерть. Если лагерь находился на пути огня, животные, естественно, бежали через него. А люди, так же естественно, обстреляли их. И сразу же поставили себя в ряд стихийных бедствий. Мало ли в каком обличье выступает катастрофа. Скажем, в обличье двуногих с пистолетами. Пиррянские животные нападают на людей, люди убивают животных, начинается война. Уцелевшие продолжали атаки и посвоему оповестили все организмы планеты о том, что происходит. Здешняя радиоактивность способствует всевозможным мута-

циям. Дальше в борьбе за существование сохранялись прежде всего те организмы, которые были опасны для человека. Я не удивлюсь, если телепатический потенциал тоже поощряет мутации. Уж очень специализированы некоторые, наиболее опасные виды, не могут они быть просто плодом естественной эволюции за триста-четыреста лет. Поселенцы, понятно, давали отпор, оттого их и дальше воспринимали как стихийное бедствие. Они все время совершенствовали свое оружие, но проку от этого, как вам известно, не было никакого. Вы, горожане, унаследовали их ненависть к Пирру. Вы все воюете, и все ближе ваш полный разгром. Разве можете вы победить, когда против вас биологические ресурсы целой планеты, которая каждый раз, можно сказать, перерождается для противоборства?

Стало очень тихо. Керк и Мета побледнели, потрясенные словами Язона. Бруччо что-то бормотал себе под нос и загибал палец за пальцем, подыскивая контраргументы. Что до Скопа, то он оставил без внимания всю эту галиматью, которой он не мог или не хотел понять. Представься ему малейшая возможность, он бы тут же пришиб Язона.

Первым заговорил Рес. Он быстрее подвел итог.

— Не сходится, — сказал он. — А как же мы? Мы ведь живем среди пиррянской природы без периметров и пистолетов. Почему на нас никто не нападает? Мы такие же люди, у нас с жестянщиками одни предки.

— Вас не трогают, потому что не ставят вас в ряд со стихийными бедствиями, — отвечал Язон. — Животные могут жить на склонах дремлющего вулкана, между ними будет идти обычная конкуренция. Но придет время спасаться от извержения, и они вместе обратятся в бегство. Извержение делает вулкан стихийным бедствием. Теперь берем человека. Будет ли местная фауна воспринимать его просто как живое существо или как стихийное бедствие, зависит от его мышления. Есть просто гора, а есть вулкан. Люди города излучают подозрительность и вражду. Убивать, думать об убийстве, подготавливать убийство — для них норма и удовольствие. И тут как бы идет естественный отбор, понимаете? Ведь в городе именно это свойство лучше помогает выживанию. Живущие вне города мыслят иначе. Когда кому-то из них лично что-то угрожает, он борется за жизнь, как и всякое существо. А перед лицом общей угрозы они во имя выживания сотрудничают с окружающими их животными, подчиняются закону, которым горожане пренебрегают.

— Но как же разделились эти две группы, с чего все началось? — спросил Рес.

— Разве теперь узнаешь?.. Мне думается, ваши люди с самого начала были фермерами, многие обладали телепатическим даром. И во время стихийного бедствия, от которого все пошло, находились в другом месте. По пиррянским меркам они вели себя правильно и благополучно выжили. Дальше пошли разногласия с жителями города, которые считали убийство единственным решением. Как бы то ни было, очевидно, что еще в давние времена возникли две общины. А потом они и вовсе изолировались, если не считать выгодной для обеих сторон меновой торговли.

— Все равно не могу поверить, — пробурчал Керк. — Как ни похоже это на неумолимую истину, не могу согласиться. Тут должно быть какое-то другое объяснение.

Язон медленно покачал головой.

— Другого объяснения нет и быть не может. Другие мы сами исключили, ты забыл? Я очень хорошо тебя понимаю, ведь это опровергает все, что ты привык считать истиной, что для тебя равносильно закону природы. Допустим, я начну доказывать тебе, что тяготения в привычном для тебя понимании нет, а есть сила, которой можно до какой-то степени управлять, если знать способ. Ты, само собой, скажешь, что тебе мало слов, подавай доказательство. Пусть, мол, кто-нибудь пройдется по воздуху, а? Между прочим...

Язон повернулся к Наксе.

— Ты не чуешь, около корабля есть сейчас какие-нибудь животные? Не привычные вам, а мутанты, из той свирепой породы, которая только вокруг города водится?

— Их тут тьма-тьмущая, — ответил Накса. — Так и ищут, кого порешить.

— А ты не можешь поймать одного? Но только чтобы он тебя не убил.

Накса презрительно фыркнул.

— Еще не родился зверь, который стал бы мне вред творить, — сказал он, идя к выходу.

Ожидая Наксу, все погрузились в размышление. Язону нечего было добавить к тому, что он уже сказал. Осталось провести один опыт — может, факты их убедят, потом пусть каждый сам решает.

Говорун скоро вернулся с шипокрылом на ременном поводке. Плененный зверь метался в воздухе и издавал пронзительный писк.

— Стань посередине, подальше от всех, — попросил Язон. — Ты можешь заставить его сесть на что-нибудь?

— Да хоть на мою руку. — Накса дернул шипокрыла и подставил ему рукавицу. — Вот так я его поймал.

— Кто-нибудь сомневается, что это настоящий шипокрыл? — сказал Язон. — Все должны быть уверены, что тут нет подвоха, мне это очень важно.

— Настоящий, — подтвердил Бруччо. — Я слышу запах яда.

Он показал на когти по краям крыльев, потом на пятна на рукавице.

— Если разъест рукавицу, этому человеку крышка.

— Итак, шипокрыл настоящий, — заключил Язон. — Смертельно ядовитый, как и все шипокрылы; и для подтверждения моей гипотезы достаточно, чтобы кто-нибудь из вас, горожан, подошел и прикоснулся к нему, как Накса это делает.

Все четверо невольно отпрянули. Для них шипокрыл олицетворял смерть. Так было, так есть, и так будет. Законы природы нерушимы.

— Мы... не можем, — ответила за всех Мета. — Этот человек живет в джунглях, он сам все равно как зверь, вот и научился ладить с ними. Но чтобы мы...

Язон перебил Мету, не дожидаясь, когда до говоруна дойдет оскорбительный смысл ее слов:

— Да, и вы тоже можете. В этом вся суть. Не питайте к этому зверю ненависти и не ждите непременной атаки — и он не нападет. Вообразите, что это какая-нибудь безобидная тварь с другой планеты.

— Не могу! — крикнула Мета. — Это шипокрыл!

Пока они говорили, Бруччо медленно двинулся вперед, пристально глядя на зверя, сидящего на рукавице. Язон сделал знак арбалетчикам, чтобы не стреляли. Бруччо остановился на безопасном расстоянии от шипокрыла, не сводя с него глаз. Шипокрыл расправил свои кожистые крылья и зашипел. На кончике каждого когтя выступили капли яда. В отсеке царила мертвая тишина.

Бруччо осторожно поднял руку. Подержал ладонь над шипокрылом. Потом слегка коснулся его головы и сразу опустил руку.

Зверь сидел смирно, только чуть вздрогнул.

Все, кто следил затаив дыхание за этой сценой, облегченно вздохнули.

— Как ты это сделал? — глухо спросила Мета.

— А? Что?.. — Бруччо явно сам был поражен случившимся.— А, ну да, как я к нему прикоснулся... Очень просто. Я представил себе, что это макет с нашего тренажера, безобидная подделка. И больше ни о чем не думал, вот и получилось.

Он посмотрел на свою руку, потом на шипокрыла.

— Но ведь это не макет, — продолжал он задумчиво. — Это настоящий зверь. Смертельно ядовитый. Инопланетник прав. Прав от начала до конца.

Глядя на Бруччо, Керк тоже решился. Он шел, как на казнь, еле переставляя ноги, с каменным лицом, по которому катились струйки пота. Но ему удалось настроиться на нужный лад, не думать о шипокрыле как о враге, и он тоже коснулся зверя без каких-либо последствий для себя.

За ним и Мета сделала попытку, но не сумела одолеть ужас, который охватил ее, когда она приблизилась к шипокрылу.

— Я изо всех сил стараюсь... — произнесла она. — Я уже верю тебе... Нет, все равно не могу.

Скоп, когда все повернулись к нему, закричал, что это сплошной обман, потом бросился на арбалетчиков, и его оглушили ударом приклада.

Но пирряне уже прозрели.

— Что же будет теперь? — спросила Мета.

В ее голосе звучала тревога, которую разделяли не только все собравшиеся в отсеке, но и тысячи пиррян, смотрящих в эту минуту на экраны своих визифонов.

— Что будет теперь?

Они глядели на Язона и ждали ответа. Ждали горожане. Ждали арбалетчики, опустив свое оружие. Распри на время были забыты. Этот инопланетник внес смятение в привычный старый мир, все перевернул, и они как бы очутились в новом, неведомом мире, перед лицом необычных проблем.

— Погодите. — Он поднял руку. — Я не врачеватель социальных недугов. Куда мне думать над тем, как исцелить эту планету силачей и снайперов. Я и без того только чудом дотянул до сегодняшнего дня, а по закону вероятностей мне уже раз десять полагалось быть убитым.

— Хоть это и верно, Язон, — сказала Мета, — но, кроме тебя, некому нас выручить. Как ты все-таки мыслишь себе наше будущее?

Внезапная усталость заставила Язона сесть в пилотское кресло. Он обвел взглядом обступивших его пиррян. Лица вроде бы искренние. И никто не обратил внимания, что он уже давно убрал руку с тумблера топливного насоса. Междоусобицы забыты, во всяком случае, на время.

— Хорошо, я скажу. Я много размышлял в эти дни, пытался найти ответ. И первое, до чего додумался, — это то, что идеальное решение, которое подсказывает логика, тут не годится. Дада, боюсь, что из древней мечты о мирном соседстве льва и ягненка ничего не выйдет, кроме приятного завтрака для льва. Казалось бы, теперь, когда вы знаете причину, разумно было бы снести периметр и зажить всем вместе в мире и согласии. Но вдруг одному придет на ум, что корчевщики неопрятные, другому — что жестянщики безмозглые, глядишь, и готов свеженький покойник. И пошли крошить друг друга, а кто возьмет верх, тех сожрут животные, которые заполнят незащищенный город.

Слова Язона вернули пиррян к действительности, и они сразу насторожились. Арбалетчики подняли свое оружие, а пленники отступили к стене и насупились.

— Вот-вот, я это самое и подразумевал, — сказал Язон. — Ненадолго вас хватило, верно?

По лицам пиррян было видно, как им неловко, что они поддались безотчетному порыву.

— Чтобы придумать что-нибудь путное на будущее, — продолжал он, — надо учитывать инерцию. Во-первых, инерцию мышления. Истина в вашем представлении — это еще не истина на деле. В религиях примитивных миров научными фактами и не пахнет, хотя они и объясняют все на свете. Дикарь не сомневается в своей правоте потому, что верит. Мнимая логика строит замкнутый круг, на который не дозволено покушаться. Это и есть инерция мышления. Когда рассуждают по принципу: «Что всегда было, то всегда будет», — и упорно не желают бросить старую колею. Но инерция мышления не единственный барьер на вашем пути, есть еще один вид инерции. Кто-то из вас согласился с моими рассуждениями и даже готов перестроиться. А как остальные? Как те, которые не желают размышлять, предпочитают жить по старинке, подчиняться не рассудку, а рефлексам? Они будут тормозить любое ваше начинание.

— Выходит, все напрасно, наш мир обречен? — спросил Рес.

— Я этого не сказал. Мне только хотелось показать, что ваши проблемы не решишь одним поворотом некоего мозгового переключателя. Лично я представляю себе три пути; и очень может быть, что развитие пойдет сразу по всем трем. Первый и наилучший путь — воссоединение городских и сельских пиррян. У тех и других есть пробелы, те и другие могут чем-то поделиться. Возьмем горожан, у вас наука и контакт с Галактикой. И кроме того, взаимоистребительная война с природой. А ваши двоюродные братья в джунглях живут в мире с планетой, но они лишены благ, которые дает наука, нет контакта с другими культурами. Вам следует объединиться и пожинать плоды сотрудничества. Для этого надо похоронить обоюдную ненависть, основанную на предрассудках. Но это можно сделать только вдали от города, где все пропитано войной. Идите добровольно к жителям леса, чтобы поделиться с ними знаниями. Вам никто не причинит зла. А они научат вас жить в ладу с Пирром.

— А с городом что будет? — спросил Керк.

— Город останется. И, скорее всего, не изменится. Пока будет идти расселение по планете, вам придется сохранять и периметр, и другие средства защиты, чтобы уцелеть. Найдутся люди, которых вы не сможете переубедить, которые там останутся и будут воевать до смерти.

Они молчали, пытаясь представить себе будущее. Скоп по-прежнему лежал на полу без движения, только постанывал.

— Ну а третий путь? — наконец заговорила Мета.

— Третий? — улыбнулся Язон.— Я хочу построить космический корабль, все свои деньги потрачу. Потом наберу здесь, на Пирре, добровольцев.

— Для чего? — недоуменно спросила Мета.

— Понимаешь, после всего, что я тут пережил, мне невозможно возвращаться к старому занятию. При моих нынешних деньгах это была бы пустая трата времени. А главное — я бы умер от тоски. Уж таков ваш Пирр — после него, если жив останешься, не потянет в тихое место. Вот я и задумал осваивать новые миры.

Ведь есть тысячи планет, где люди рады бы обосноваться, да условия слишком тяжелые для обычных переселенцев. А пирряне такую подготовку прошли — им любая планета нипочем! Как, нравится вам такая идея?

Прежде чем кто-либо успел ответить, Язон вдруг ощутил дикую боль в горле. Очнувшись, Скоп вскочил с пола и стиснул шею Язона двумя руками. Арбалетчики не решались стрелять, боясь попасть в Язона.

— Керк! Мета! — рычал Скоп. — Хватайте пистолеты! Открывайте люки! Наши люди поддержат нас, мы перебьем проклятых корчевщиков, уничтожим этих лжецов!

Язон силился разжать душившие его пальцы, но это было все равно, что дергать стальные прутья. У него померкло в глазах, в ушах стучало, он не мог вымолвить ни слова. Все кончено, он проиграл... Сейчас здесь начнется побоище, и Пирр так и останется планетой смерти для людей...

Мета бросилась вперед, словно отпущенная пружина, и в ту же секунду тренькнули арбалеты. Одна стрела попала ей в ногу, другая пронзила навылет руку, но они не смогли ее остановить, и Мета, пролетев через весь отсек, очутилась рядом с теряющим сознание инопланетником, которого душил ее товарищ.

Замахнувшись здоровой рукой, она изо всех сил ударила Скопа ребром ладони по бицепсу. Его рука непроизвольно дернулась, и пальцы выпустили горло Язона.

— Что ты делаешь! — крикнул ошарашенный Скоп раненой девушке, которая навалилась на него.

Он оттолкнул ее, все еще держа Язона другой рукой. Тогда она, не произнеся ни слова, тем же жестоким приемом врезала ему по шее. Скоп захрипел, отпустил Язона и упал на пол, корчась от боли.

Язон видел все это точно в тумане.

С трудом поднявшись на ноги, Скоп обратил искаженное болью лицо к Керку и Бруччо.

— Уймись! — приказал Керк.

Скоп издал звук, похожий на рычание, и метнулся к оружию, сложенному в другом конце отсека. Но арбалеты пропели похоронную мелодию, и рука, которая дотянулась до пистолета, была уже рукой покойника.

Никто не тронул Бруччо, когда он поспешил к Мете, чтобы оказать ей помощь. Язон жадно глотал животворный воздух. Через стеклянный глаз визифона весь город следил за происходящим.

— Спасибо, Мета... за помощь... и за то, что ты поняла, — через силу вымолвил Язон.

— Скоп был не прав, — ответила она. — А ты прав...

Голос на секунду прервался — Бруччо, обломив зазубренный наконечник стрелы, выдернул ее за черенок из руки Меты, — затем она продолжала:

— Я не смогу остаться в городе, останутся только такие, как Скоп. Боюсь, что в леса уйти я тоже не смогу... Сам видел, не получилось у меня с шипокрылом. Если можно, лучше я пойду с тобой. Правда, возьми меня.

Язону еще было больно говорить, и он ограничился улыбкой, но Мета поняла его.

Керк удрученно смотрел на убитого.

— Он был не прав, но я хорошо представляю, что он чувствовал. Я город не брошу, во всяком случае, сейчас. Кто-то должен руководить, пока идет перестройка. А с кораблем ты хорошо придумал, Язон. В добровольцах недостатка не будет. Правда, Бруччо ты вряд ли уговоришь лететь с тобой.

— А зачем мне лететь? — пробурчал Бруччо, перевязывая Мету. — Мне и здесь, на Пирре, занятий хватит, одни животные чего стоят. Не сегодня-завтра сюда экологи со всей Галактики нагрянут, да только я буду первым.

Керк медленно подошел к экрану, на котором был виден город, и остановился, глядя на здания, на столбы дыма над периметром, на зеленый океан джунглей.

— Ты все перевернул, Язон, — сказал он наконец. — Сейчас это еще не видно, но Пирр уже никогда не будет таким, каким был до того, как ты сюда явился. Не знаю, к лучшему он изменится или к худшему...

— К лучшему, к лучшему, — просипел Язон, растирая шею. — Ну а теперь пожмите-ка друг другу руку, чтобы люди на самом деле увидели, что распрям конец.

Рес повернулся, секунду помешкал, потом протянул руку Керку. Седому пиррянину тоже трудно было превозмочь укоренившуюся с детских лет неприязнь к корчевщикам.

Но они пожали друг другу руки, потому что настала пора перемен.

Конец

Сокращенный перевод с английского Л. ЖДАНОВА

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ, английский писатель

ВЫ ВЕЛИ СЕБЯ ОЧЕНЬ ГРУБО

Фантастический рассказ

Небольшой магазинчик в узком переулке выглядел запущенным. Можно было пройти мимо тысячу раз, не остановив на нем взгляда. Но на стекле окна, над зелеными занавесками, было написано небольшими буквами: «Продажа мутантов».

Глаза у Дженсена от удивления полезли на лоб. Он остановился, а потом вошел внутрь.

— Беру шесть, — сказал он.

— Не жадничайте! — упрекнул человечек за прилавком.

У человечка была грива белых волос, водянистые глаза и малиновый нос, которым он беспрестанно шмыгал. Его братья (если они у него были) наверняка околачивались где-нибудь около Белоснежки.

— Послушайте, — сказал Дженсен, обводя магазинчик пристальным взглядом, а? — давайте поговорим серьезно, а? Ну как, спустимся с небес на землю?

— А я и так на земле. — И в доказательство этого человечек топнул ногой.

— Хочу верить, — допустил Дженсен. Он навалился на прилавок и уставился коротышке в лицо. — Эти ваши мутанты — они какие?

— Худые и толстые, — ответил хозяин. — А также длинные и короткие. А еще нормальные и чокнутые. Может, у мутаций и есть границы, но только мне они не известны.

— Я знаю, кто чокнутый, — хмыкнул Дженсен.

— Кому и знать, как не вам, — подтвердил человечек.

— Я ведь газетчик, фельетонист, — многозначительно сказал Дженсен.

— Доказательство вполне убедительное, — согласился коротышка.

— Доказательство чего?

— Кто чокнутый.

— Подходяще, — признал Дженсен. — Люблю веселых и находчивых, даже если у них не все дома.

— Таких невежливых газетчиков я еще не встречал, — заметил человечек. Он вытер глаза, высморкался и посмотрел, моргая, на посетителя.

— Меня извиняет мое положение. Ведь я возможный покупатель. А покупатель всегда прав — разве не так?

— Не обязательно.

— Вы это поймете, если не хотите разориться, — уверил Дженсен и начал разглядывать полки по ту сторону прилавка. Они были заставлены разными, самой диковинной формы банками и склянками. — Так вот, насчет этих мутантов.

— Да?

— Что это за махинация?

— Я продаю их — это махинация?

— Еще бы! — сказал Дженсен. — Вы хоть знаете, что такое мутант?

— Должен бы знать.

— Конечно, должны — но знаете?

— Безусловно.

— Тогда что такое мутант?

— Ха! — Человечек дернул носом, и цвет носа сразу стал гуще. — Так вы не знаете сами?

— Развожу их десятками. Я крупный специалист.

— Правда? — усомнился человечек. — Как ваше имя?

— Дженсен. Альберт Эдвард Мэлакай Дженсен из «Морнинг колл».

— Никогда о вас не слышал.

— И не могли, ведь для этого надо уметь читать. — Дженсен набрал воздуха и продолжал:

— Мутант — это урод, который получается в одном случае из миллиона. Тяжелая частица — ну, какой-нибудь космический луч — бьет по гену, и когда приходит срок, на руках у мамаши нечто для показа в цирке. Так что...

— Неверно! — резко оборвал

его человечек. — Мутант — это организм с радикальным изменением душевного или физического склада, передающимся потомству независимо от того, искусственными или естественными причинами вызвано это изменение. Свойства всех моих мутантов передаются их потомству, из чего следует, что мои мутанты настоящие.

— Значит, вы изменяете любые живые существа и даете гарантию, что приплод будет такой же, как родители?

— Именно так.

— Тогда вы, наверно, бог, — сказал Дженсен.

— Ваше кощунство ничем не оправдано, — с негодованием отозвался человечек.

Будто не слыша, Дженсен снова обвел пристальным взглядом ряды банок и склянок.

— Что это?

— Сосуды.

— Это я и сам вижу. А что в сосудах — растворенные мутанты?

— Не говорите глупостей.

— Я никогда не говорю глупостей, — заверил Дженсен. — Вы торгуете мутантами — должны же вы где-нибудь их хранить.

— Да, торгую.

— Так написано на окне. Что это за махинация?

— Я же говорил вам — никакой махинации нет.

— Прекрасно. Я покупатель. Покажите мне несколько мутантов помоднее. Что-нибудь вечернее и сногсшибательное.

— У меня не магазин одежды, — отозвался человечек. — Вам нужно платье с глубоким вырезом. Вы бы выглядели в нем убийственно.

— Пусть вас это не волнует. Мутанта, пожалуйста, — больше я ничего у вас не прошу.

— Что-нибудь определенное? — спросил хозяин.

Дженсен задумался.

— Да. Я хочу купить голубого носорога в семнадцать дюймов длиной и весом не больше девяти фунтов.

— В серийном производстве такого нет. Придется делать специально.

— Вы знаете, почему-то я этого ожидал. Чувствовал как-то, что эта просьба не совсем обычная.

— Нужно две, а может быть, даже три недели, — предупредил человечек.

— В этом не сомневаюсь. Месяцы и годы. Да что там — жизнь!

— Я мог бы предложить вам розового слона, — продолжал хозяин. — Примерно такой же величины.

— Слонов никто не берет. В любой забегаловке их полно.

— Да, их довольно много. — Он пригладил белые волосы, вздохнул. — Похоже, что я ничем не могу быть вам полезен.

— Покажите мне мутанта! Любого! Самого дешевого! — почти прокричал Дженсен.

— Ради бога, пожалуйста!

Человечек вытер глаза, шмыгнул раза два носом и скрылся за дверью, которая вела в задние помещения магазина.

Перегнувшись через прилавок, Дженсен дотянулся рукой до небольшой, необычной по форме стеклянной банки. Она была наполнена до половины какой-то оранжевой жидкостью. Дженсен отвинтил крышку и понюхал. Запах наводил на мысль о первосортном виски, фантастически концентрированном. Он с грустью поставил банку на место.

Хозяин вернулся. На руках у него был белый щенок с черным пятном вокруг одного глаза. Он почти бросил его на прилавок.

— Пожалуйста — дешево и сердито.

— Ясно, — сказал Дженсен. — На вас надо подать в суд.

— Почему?

— Какой это мутант?

— Вам лучше знать, — с оскорбленным видом сказал человечек, — ведь вы крупный специалист в этой области.

Подхватив щенка, он повернулся к двери, из которой его вынес.

— Какой умник нашелся! — презрительно ухмыльнувшись, проговорил щенок, прежде чем дверь за ними захлопнулась.

Когда хозяин появился снова, Дженсен сказал:

— Я слышал, как он говорит. Это же самое проделывает Чарли Маккарти[1], да и другие куклы могут это делать.

— Вполне возможно.

Человечек чихнул и громко задвигал на полках банками.

— Это вам проделает любой эстрадный чревовещатель, — не унимался Дженсен, — только с бо́льшим блеском и оригинальностью.

— Вполне возможно, — повторил хозяин.

— Я человек дотошный, — продолжал Дженсен. — Когда попадается что-нибудь интересное для газеты, меня за уши не оттащишь. С места не сдвинусь, пока не будет полной ясности — вот я какой.

[1] Чарли Маккарти — большая деревянная кукла, с которой выступал популярный американский комик и чревовещатель Эдгар Берген. — *Прим. перев.*

— В этом я не сомневаюсь.

— Вот и хорошо. Давайте посмотрим на это просто: вы продаете мутантов или, во всяком случае, так утверждаете. Тут новостей на несколько строчек, но строчка оттуда, строчка отсюда — и пожалуйста, фельетон готов.

— Серьезно? В самом деле?

Ошеломленный, судя по всему, этим сообщением человечек поднял белые брови.

— Хороший фельетон, — зловеще продолжал Дженсен, — написанный опытным фельетонистом, рассказывает много всякого интересного. Его читают. Иногда в нем рассказываются приятные вещи, иногда неприятные. Полиция читает неприятные и благодарна, что я обратил на них ее внимание. Обычно, правда, она запаздывает: чаще герой моего произведения прочитывает его раньше и успевает смыться. Понятно?

— Нет, непонятно.

Дженсен хлопнул по прилавку ладонью.

— Вы только что пытались всучить мне щенка. Он сказал: «Какой умник нашелся!» Я слышал это собственными ушами. Это обман. Приобретение денег нечестным путем. Мошенничество.

— Но ведь я никаких денег не приобрел. — Человечек пренебрежительно махнул рукой. — Деньги! К чему они мне? Я никогда не беру денег.

— Вот как, не берете? Тогда что вы хотите за своего треплибого щенка?

Опасливо оглядевшись, человечек перегнулся через прилавок и еле слышно прошептал что-то.

Дженсен вытаращил глаза и сказал:

— Вот теперь я окончательно убедился, что вы псих.

— Некоторых материалов мне очень не хватает, — извиняющимся голосом объяснил человечек. — Неорганических сколько угодно, а вот животной протоплазмы нет. Столько сил и времени надо потратить, чтобы приготовить самому!

— Могу себе представить. — Дженсен посмотрел на часы. — Покажите мне одного настоящего, подлинного мутанта, и я вас прославлю в воскресном номере. В противном случае...

— Да я сам мутант, — скромно сказал хозяин.

— Вот как? И что же это вы такое можете делать?

— Все могу. — И, помолчав, добавил: — Ну, если не все, так почти все. То, что я могу поднять один, без посторонней помощи. Более тяжелое — нет.

Дженсен оскорбительно хихикнул.

— И вы можете делать других мутантов?

— Могу.

— Тогда валяйте, делайте. Мне нужен голубой носорог в семнадцать дюймов длиной, весом не больше девяти фунтов.

— Я не могу сделать носорога в один миг — нужно время.

— Это мы уже слышали. Бесконечные отговорки! — Дженсен нахмурился. — Ну а розовый, чистой воды алмаз величиной с ведро вы могли бы сделать?

— Если бы он на что-нибудь годился. — Человечек с ожесточением откашлялся и вдвинул какую-то банку туда, где ей надлежало стоять. — Драгоценный камень такой величины ничего бы не стоил. И понадобилось бы немало времени, чтобы его изготовить.

— Ну вот, опять! — Дженсен со значением посмотрел на заставленные склянками полки. — Сколько они вам платят?

— Кто?

— Поставщики наркотиков.

— Не понимаю.

— Да уж куда там! — Лицо Дженсена, почти вплотную приблизившееся к собеседнику, выражало цинизм человека, хорошо знакомого с изнанкой жизни. — Надпись на окне — это для отвода глаз. Слова имеют другой смысл. Ваши клиенты называют «мутантом» сосуд с зельем, от которого они на седьмом небе.

— В сосудах растворы, — сказал хозяин.

— Кто в этом сомневается? — подхватил Дженсен. — Деньги наркоманов растворяются в банках пачками.

Он показал на ту, которую нюхал в отсутствие хозяина:

— Сколько за эту?

— Нисколько, — ответил, протягивая ему банку, человечек. — Но посуду верните обязательно.

Взяв банку, Дженсен снова открыл ее и понюхал. Окунув палец, с опаской лизнул его. На лице у него появилось выражение блаженства.

— Беру назад слова про наркотики. Я все понял. — Мягко, чтобы не пролить ни капли, он взмахнул рукой, которая сжимала склянку. — Незаконная торговля спиртным — девяносто шесть градусов и никакого налога. — Он обсосал палец. — Какая мне разница? Кто-то большой специалист в этом деле, а также большой специалист по увиливанью от налогообложения. Считайте меня своим клиентом — буду наведываться регулярно.

Дженсен сделал глоток. Будто факельное шествие проследовало через его глотку.

— Ух!

Он перевел дыхание и с нескрываемым уважением оглядел банку. Она была невелика, вмещала не больше одной пятой пинты. Жаль. Он снова поднес ее ко рту.

— Ваш должник. Пью за беззаконие!

— Вы вели себя очень грубо, — сказал человечек. — Запомните это.

Насмешливо улыбаясь, Дженсен запрокинул голову и проглотил остаток. В животе у него будто что-то взорвалось. Стены магазина широко раздвинулись, снова сдвинулись. В течение пяти секунд, пока ноги его слабели, он шатался, а потом словно сломился в поясе, и пол ударил его в лицо.

Одна за другой пронеслись вечности, долгие, туманные, полные глухих звуков. Кончились. Медленно, как после страшного сна, Дженсен возвращался к действительности.

Он стоял на четвереньках на листе льда или чего-то похожего на лед. Прямо как собака, и к тому же какой-то одеревенелый. Голова была свинцовая, словно после похмелья, перед глазами все расплывалось. Чтобы прийти в себя, он потряс головой.

С трудом, но мысли начали к нему возвращаться. Тайная продажа наркотиков. Он наткнулся на нее случайно и стал любопытничать. Кто-то подкрался сзади и оглушил его. Вот как бывает, когда распустишь язык и начинаешь задавать никому не нужные вопросы.

«Вы вели себя очень грубо. Запомните это!»

Подумаешь, грубо! Скоро он совсем очухается, вернутся силы, и тогда он станет не то что грубым, а просто до предела вульгарным. Разберет мозгляка на части и раскидает их по окрестностям.

Глаза теперь более или менее видели — скорее менее, чем более. Странные какие-то и жутко близорукие. Зато нос работает великолепно — чует бог знает сколько всяких запахов, даже запах перегретого мотора где-то ярдах в пятидесяти. Но глаза — просто никуда.

И все-таки он увидел, что лед на самом деле вовсе не лед. Скорее это было стекло, толстое и холодное. Далеко внизу виднелся другой такой же лист, под ним, ниже — еще один, а прямо перед его глазами была крепкая проволочная сетка.

Он попытался встать на ноги, но спина будто окаменела и отказывалась разогнуться. Ноги не повиновались. Ну и двинули же его! По-прежнему на четвереньках он как-то неуклюже и сонно переместился к преграждавшей ему путь сетке. Совсем близко, хотя говорящих он не видел, послышались голоса.

— Она просит аравийскую гончую — салуки — с телепатическими способностями. Надо как-то достать.

— Потребуется десять дней, — ответил голос человечка.

— Ее день рождения в следующую субботу. У вас точно будет к этому времени?

— Совершенно определенно.

— Прекрасно, беритесь за дело. Я хорошо вас отблагодарю, когда приду за покупкой.

Дженсен прищурился и близоруко покосился через сетку на какую-то блестящую поверхность напротив. Тоже стекло, а за ним другой ряд затянутых сеткой пустых полок. На стекле какие-то неясные, исчезающие тени. Будто далекое окно, и на нем надпись. Слова надписи перевернуты, буквы неясные. Он очень долго в них вглядывался, пока не разобрал наконец: «Продажа мутантов».

Он посмотрел прямо перед собой и увидел какое-то отражение, более четкое. Он передвинулся в сторону. Отражение передвинулось тоже. Он тряхнул головой. Оно тоже тряхнуло. Он открыл рот — отражение открыло свой.

Тогда он закричал словно его резали, но послышался только тихий всхрап. Отражение захрапело тоже.

Оно было голубое, в семнадцать дюймов длиной, и на его безобразном носу торчал рог.

Перевел с английского
Р. РЫБКИН

Рисунки В. ВИКТОРОВА

Дмитрий Биленкин

Догнать орла

Фантастический рассказ

Рисунок С. ПРУСОВА

— Смотри не залетай далеко! — Мальчик кивнул и сразу забыл наставление. Еще бы! Солнце греет, мама заботится, все в порядке вещей, и думать тут не о чем.

Он стоял на крыше дома напряженный, как тетива. Лодыжки и запястья охватывали сверкающие браслеты движков, а шлем и широкий пояс антигравитатора делали его похожим на звездолетчика — таким же подтянутым, мужественным, снаряженным. Он чувствовал, что мама тоже любуется им.

— Милый, ты слышал, о чем я говорю?

— Ну мам...

Мальчик обиженно шмыгнул носом. Щурясь на солнце, он принял стартовую позу. Вот так! «Команда готова, капитан! Есть, капитан! Уходим в Пространство, капитан!»

При чем здесь мама?

Старт!

Словно чья-то рука мягко и властно взяла его под ноги, приподняла, так что от макушки до пяток прошел холодок, и — ух! — сердце учащенно забилось, когда плоская крыша, мама на ней, деревья вокруг дома плавно и быстро стали уходить вниз.

Они уменьшались, как бы съеживались, а мир вокруг, отодвигая горизонт, расширялся. Воздух стал ощутимым и зримым. Он приятно обдувал вертикально взмывающую фигуру мальчика и от одного распахнутого вдаль края земли до другого заполнял собой все — прозрачный, бодрящий, солнечно-голубой. Чуть-чуть небрежно и горделиво мальчик помахал маме. Она стала теперь совсем крошечной. Земля уходила все дальше, делалась плоской, краски ее грубели, наливаясь тусклой синевой. Этот вид земли никогда не нравился мальчику. Он наклонил голову, биодатчики шлема уловили безмолвный приказ, и вот он уже парил, снижаясь к вспыхивающему серебру далекого озера.

Прежний антигравитатор, которым мальчик пользовался с пяти лет, слегка шумел в полете, а этот новый «Икар» был совершенно, дивно беззвучен. Ни рука, ни нога не зависали, как это было прежде, — мечта, а не машина!

Впрочем, что тут такого? Вчера хорошая машина, сегодня отличная, завтра еще лучше — иначе и быть не могло. Машины ведь тоже взрослеют.

Ближе к земле ощутимей стали мерные токи воздуха. Тело скользило в струях; чуть теплей, чуть прохладней, немножко вверх, немножко вниз, как с горки на горку, как с волны на волну. От удовольствия мальчик зажмурился.

Даже так он знал, над чем пролетает. Сухо и терпко пахнет травой — луг на пригорке. Теперь чуточку колыхнуло — низина. Горячий, смолистый аромат с земли — он над сосновым бором. Влажная, с запахом глины прохлада — берег озера. Душистая струя цветущего шиповника...

А ну-ка! В мальчике точно распрямилась пружина. Открыв глаза и вытянув вперед руки, он ринулся наискось и вниз, вниз, тараня близящуюся стену деревьев. Вокруг все мчалось и сливалось. Он был ракетой, он летел в атаку, впереди была сельва чужой планеты, там насмерть бились его друзья и он, жертвуя собой...

Та же мягкая и властная рука подхватила его вблизи сомкнутых стволов и, отяжелив перегрузкой, подняла над лесом. Как всегда... Это было обидно, что его лишали воли, но всякий раз, когда, замирая от сладкого ужаса, он пробовал вот так вреза́ться в преграду, спасительное вмешательство автомата доставляло ему невольное облегчение. Потому что, кроме азарта и упоения, все-таки был и страх, совсем крохотный, но все же страх, что автомат не убережет. Но он уберегал всегда, иначе и быть не могло.

Мальчик перевел дыхание. Вершины густого ельника, над которыми он плыл, порой открывали внизу темные провалы со скатами мохнатых ветвей; оттуда тянуло сырым грибным запахом. Можно, конечно, нырнуть и спокойно исследовать такую пещеру, но нет, энергия требовала другой разрядки.

Он круто взмыл вверх и кувыркался, переворачивался, вертелся, пока все зеленое, голубое, солнечное не закружилось в глазах радужным колесом. Тогда он лег на спину.

Мало-помалу мир встал на место. Теперь в нем были тишина и покой. Над головой синело небо, в которое нельзя было смотреть без прищура и которое звало взгляд вдаль, вдаль.

Ослепительная белизна редких кучевых облаков тоже манила, но это было совсем не то. Внутри облаков промозгло, зябко и скучно. Облака годятся разве что для шумной игры в прятки, когда под тобой столько белоснежных, соблазнительных издали гротов, невесомых арок, причудливых мостов, но все это зыбко, изменчиво, и нужен точный расчет, чтобы туманное укрытие вдруг не растаяло в самый неподходящий момент. Да, играть там в прятки — это здорово! И еще отыскивать радуги. Радуг там, конечно, много, но надо найти великолепную, такую, чтобы все признали — лучше нет.

А ведь он когда-то боялся летать. Судорожно хватался в воздухе за отцовскую руку. Смешно! Глупый он был тогда. И год назад, как вспомнить, тоже был еще глупый: мечтал пролететь сквозь радугу. Теперь-то он понимает, что такое радуга. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, а все вместе — белый свет! Ну еще там ультрафиолетовый, инфракрасный... Очень даже все просто.

Он повернулся на бок. Так он лежал некоторое время между небом и землей, пока не пришло желание новых действий.

Тут он заметил парящую вдали птицу. Птицы в воздухе — что кузнечики на лугу; он давно уже, как подрос, не обращал на них особого внимания, разве что иногда с криком врывался из засады в стаю горластых ворон. Поступок, за которым дома следовало внеурочное мытье (вороны пачкали метко) и огорченные попреки: «Ведь говорили же тебе — не беспокой птиц; тебя бы вот так кто-нибудь напугал, каково?» Взрослые любят все усложнять, и если всегда их слушаться, то и пальцем не шевельнешь. Они вот никогда не врываются в вороньи стаи и не знают, какая это потеха. И еще неизвестно, кто тут кого должен бояться, — ведь стая разозленных ворон и поцарапать может... Тут ему видней, потому что в детстве ни папа, ни мама не летали по воздуху — антигравитаторов тогда не было. Даже представить трудно, как это они без них обходились.

Одинокая птица не представляла особого интереса, но, приглядевшись, мальчик внезапно насторожился. Уж слишком величественно парила птица! Такой размах крыльев мог быть только... Ну конечно же, это орел! Орел!

Уиу-у! Тело мальчика ввинтилось в упругий воздух. Расстояние до орла сокращалось, но тот все так же лениво парил, не шевеля крылом. Орел был могуч и, видимо, стар; его царственный вид взбудоражил мальчика. Среди перьев хвоста виднелось несколько белых, и у мальчика даже слюнки потекли при мысли, что трофеем может стать н а с т о я щ е е о р л и н о е перо. У всех ребят для игры в индейцев перья синтетические, а у него будет добытое им самим, настоящее!

Крылья орла наконец дрогнули. Он уже не парил, а летел прочь от преследователя. Но и удирал он как-то надменно-снисходительно.

Мальчик не думал об опасности, об изогнутом клюве и острых когтях, от которых благоразумней держаться подальше. До сих пор орел был для него символом, персонажем мультфильма, иллюстрацией в книге, а тут он был живой, настоящий, как и подобает орлу, величественный. Такую добычу нельзя упустить!

Ветер стал тугим, воздух обтекал, как вода, из глаз потекли слезы, но на шлеме были очки, и мальчик поспешно опустил их. Однако — вот отчаяние! — расстояние почти не сокращалось.

Б ы с т р е е!

Греющая, если холодно, термоодежда плотно облегала тело, но ветер уже и ее вспарывал, выдувая тепло. Руки коченели, но что значат такие мелочи, когда идет охота?

Крылья орла мерно и сильно били воздух. Но расстояние сокращалось!

Лицо жгло, ветер ревел в ушах, дыхание сбивалось.

Орел казался мощным автоматом, так ровен, быстр и бесстрастен был его полет.

И все-таки мальчик нагонял его.

Теряя величие, а заодно и сходство с машиной, орел метнулся в сторону, вниз... Мальчик повторил маневр.

Соревнование шло не на равных, потому что орел тратил свои силы, а мальчик нет. Но мальчику, который превозмогал давящую нагрузку воздуха, казалось, что это он сам летит, сам борется и сам побеждает.

Еще немного выиграно, еще немного...

Орел вдруг круто нырнул, и несколько сантиметров оказались потерянными, потому что длинное тело мальчика не смогло описать столь же крутую дугу.

Уходит, уходит же!..

Но нет, мощь аппарата превозмогла силу орла. Хвоста уже можно было коснуться пальцами... Но окоченевшие, сжатые в кулак пальцы плохо повиновались. Он чуть не заревел от разочарования, потянулся так, что в глазах потемнело. И кончик заветного пера очутился в негнущихся пальцах...

Что-то непонятное произошло, едва он дернул перо. Тело орла странно перекосилось, смялось в нелепый комок и пронеслось под ногами мальчика.

Он лихорадочно затормозил, не понимая, отчего орел падает, отчего крутится его тело и под нелепым углом встает то одно крыло, то другое.

Тишина смолкшего ветра оглушила. Ставшее каким-то мохнатым тело орла продолжало падать, то планируя, то резко проваливаясь. Ничего не понимая, мальчик ринулся вслед за уходящей добычей.

Но орел упал раньше. Машинально приняв позу посадки — ноги полусогнуты, руки прижаты, — мальчик спустился неподалеку. Ослабевшие мускулы плохо смягчили толчок, он завалился на спину, но тотчас вскочил и в смятении кинулся к орлу.

Одно орлиное крыло лежало великолепно распластанным, другое неестественно топорщилось, как сломанное. Не было в орле уже ничего царственного, ничего от бесстрастия могучего воздушного автомата, ничего от загнанного, но даже в панике величавого существа. Был смятый, неопрятно взъерошенный труп. Полузатянутый пленкой глаз мутно смотрел в небо.

Мальчик, еще не веря, но уже зная, что орел мертв, с усилием глотнул воздух.

Ведь он не хотел ничего такого. Как же так? Вот это, то, что он видит, и есть смерть? Так жутко молниеносно, так просто и нелепо — смерть? Оттого лишь, что орел мог чувствовать, как чувствует он сам? Так хрупка жизнь — и его, значит, тоже? Но это же несправедливо, несправедливо!!!

Мальчик едва сдержал крик и оглянулся, как бы ища поддержки. Зеленела на ярком солнце трава, в воздухе сновали бабочки, и была во всем этом такая пустота, такая неумолимость нового, открывшегося ему порядка, что мальчик похолодел от ужаса.

Затем все облегчили слезы, которые он пытался сдержать и не мог, они мучительно текли, заволакивая мир. Он хотел бежать, немедленно бежать к маме, папе, любому человеку, лишь бы не оставаться в одиночестве. Но что-то удержало его на месте.

Он знал причину. На ближнем пригорке в обрыве золотился песок, там можно было вырыть могилу. Он пошел туда, вытирая слезы.

И тут он заметил, что до сих пор сжимает в руке перо. Он разжал кулак. На ладони лежало измятое, серое от пыли перо, которое там, в вышине, казалось ему таким желанным и белым.

А. ГОРБОВСКИЙ

ТЩЕТНОСТЬ

Они ничего не ощутили, когда корабль коснулся поверхности планеты. Толчка не было. Просто на одном из индикаторов вспыхнул сигнал «Твердь». Это означало, что пустота межпланетного пространства осталась позади и один из этапов их долгого путешествия закончился.

Бамп посмотрел на Капитана, но тот ничем не выказал своего удовлетворения.

Характерное сочетание мерцавших черточек, точек и хитросплетений волнистых линий за бортом корабля чем-то напомнило Бампу родную планету.

Бамп доложил о своей догадке Капитану.

— Думаю, здесь мы не найдем высших форм жизни, — возразил тот. — Впрочем, прогуляйтесь.

Край невысокого холма, по которому продвигался Бамп, порос какими-то худосочными вьющимися растениями. Буроватая однообразная равнина простиралась далеко во все стороны. Только у самой кромки горизонта, размытой и нечеткой, она переходила в унылые нагромождения скал.

Бамп с тоской взглянул на большой белый шар корабля, застывший на краю безжизненного плато, и постарался подавить чувство разочарования. Ведь были! Были! — он сам их принял, — отчетливые сигналы разумных существ, посланные в космос.

— Я говорил! Это гиблая планета, — хмуро заметил Капитан, когда Бамп возвратился в шар. — Мертвая планета. Мы стали жертвой твоих навязчивых галлюцинаций.

Теперь их корабль на бреющем полете двигался над поверхностью по гигантской спирали. Но они больше не смотрели на экран. Что нового они, посетившие столько миров, могли увидеть там?

— Гиблая планета, — повторил Капитан, возобновляя прерванную партию.

Бамп отдал одну шашку и съел две.

— Сделаем еще несколько кругов, — продолжал Капитан, — и хватит.

— Посмотрим, посмотрим, — Бамп продвинул шашку, надеясь пройти в дамки.

— Что же тут смотреть? — Капитан съел шашку, которая собиралась пройти в дамки. — Что же тут смотреть?

На экране проносились хаотичные нагромождения скал, буроватые плато, разорванные смутной линией горизонта. Ни городов, ни селений! Никаких следов разумной жизни.

— Еще несколько кругов, и хватит, — повторил Капитан и замолчал, потому что Бамп прошел в дамки. Капитан считал, что он играет несравненно лучше, но делает подставки, а Бамп всякий раз подло пользуется этим. Так и сейчас!

И вот, когда всего несколько ходов должны были решить исход партии, вдруг тонко заныл зуммер. Корабль обнаружил следы какой-то цивилизации. Капитан с досадой нажал кнопку, и зуммер смолк. Только инфракрасный глаз индикатора продолжал пульсировать яростно и безмолвно.

Они доиграли партию.

— Может, передохнем? — ядовито спросил Бамп.

Капитан хмуро согласился.

Снова вспыхнул экран, и они увидели зарывшееся в песке продолговатое металлическое тело.

— Аппарат для передвижения в пространстве в пределах планеты, — констатировал Бамп.

— Цивилизация не выше второй ступени, — отрезал Капитан. Казалось, ему доставляло какое-то злобное удовольствие констатировать это. — Мир примитивный и к тому же погибший.

— Осмотрим аппарат?

Но Капитан отказался. Изучать погибшие цивилизации — не их дело.

— А вдруг там есть разумные существа? — наседал Бамп, потрясая Инструкцией.

Вблизи странный корабль оказался огромной обтекаемой глыбой из темного металла. Заметив линию разлома, рассекавшую корпус, Бамп осторожно протиснулся внутрь между острыми краями разорванного металла.

Стая испуганных рыбешек выпорхнула из трещины и закружилась над темным провалом. Когда Бамп наконец вынырнул, рыбешки, танцевавшие над краем излома, метнулись в разные стороны.

неслись машины, вдали был виден автобус.

— Странно, — заметил Капитан.

— Очень, — впервые за десять световых лет согласился Бамп.

— Они даже не различали цветов — черное и белое.

— А эта лента? — Бамп глядел на шоссе. — Она движется?

— Очевидно, и переносит расставленные на ней предметы.

— А это? — Бамп разглядывал

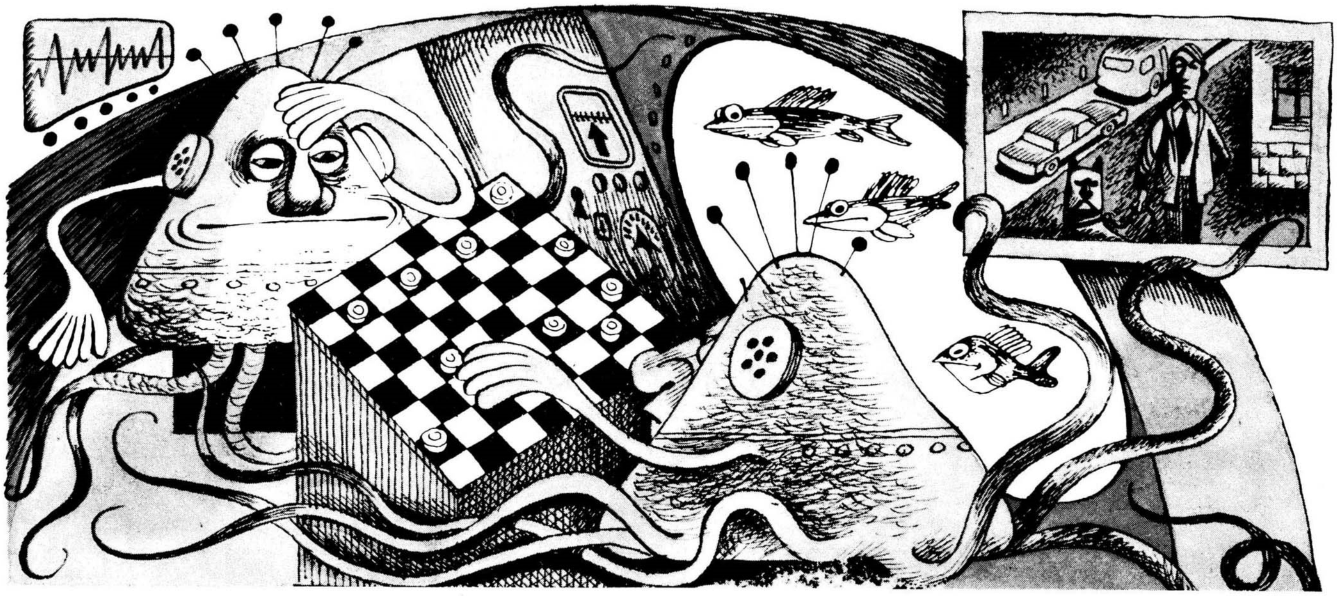
Но Капитан не слушал его.

— Мы улетаем, — сказал он.

— Но туземцы... — Бамп искал, чем бы возразить Капитану, и не мог найти. — А если они обитают в более высоких районах? — выпалил он, сам понимая, что говорит глупость.

Это было так нелепо, что Капитан даже развеселился.

— Дорогой Бамп, — елейно проворковал он, — вспомните «Законы жизни». — И, полуза-



Шар шевельнулся, всосал Бампа в свое нутро и, набирая скорость, помчался дальше.

— Что-нибудь интересное?

Бамп покачал головой.

— Аппарат примитивной конструкции.

Капитан почувствовал сладкий прилив тайного злорадства, словно неудача этого настырного Бампа, который сует свой нос во все щели, была расплатой за проигранную партию.

— Примитивный аппарат, примитивная жизнь, — приговаривал он, принимая от Бампа квадратный плоский предмет.

Это было черно-белое фото, найденное в одной из кают. Защищенное стеклом, оно почти не пострадало от воды. На фотографии был изображен молодой человек в кожаной куртке с собакой на поводке. Они стояли у обочины шоссе, по которому

человека с собакой. — Явный симбиоз.

— Конечно. У них, очевидно, единый мыслительный процесс и единая психика. Наверное, они осознают себя как одну личность. Вот, — Капитан указал на поводок, — они соединены жгутом нервных волокон.

— Как астетики с Мегеры-XVII?

Они нашли еще несколько затонувших судов. Им попадались какие-то развалины. Но по-прежнему ни одного разумного существа, чьими руками все это было создано.

— Мертвая планета, — твердил Капитан, — туземцы деградировали.

— Вовсе и не вымерли, — возразил Бамп. — И не деградировали.

дернув глаза матовой пленкой, он монотонно процитировал: — «Жизнь на планетах возможна только в областях, защищенных от убийственных солнечных и космических излучений, то есть на дне океанов. Высшие формы жизни могут возникнуть и развиваться лишь в областях больших давлений, под большим слоем воды».

Бамп молча проглотил обиду: то, что сказал Капитан, было бесспорно.

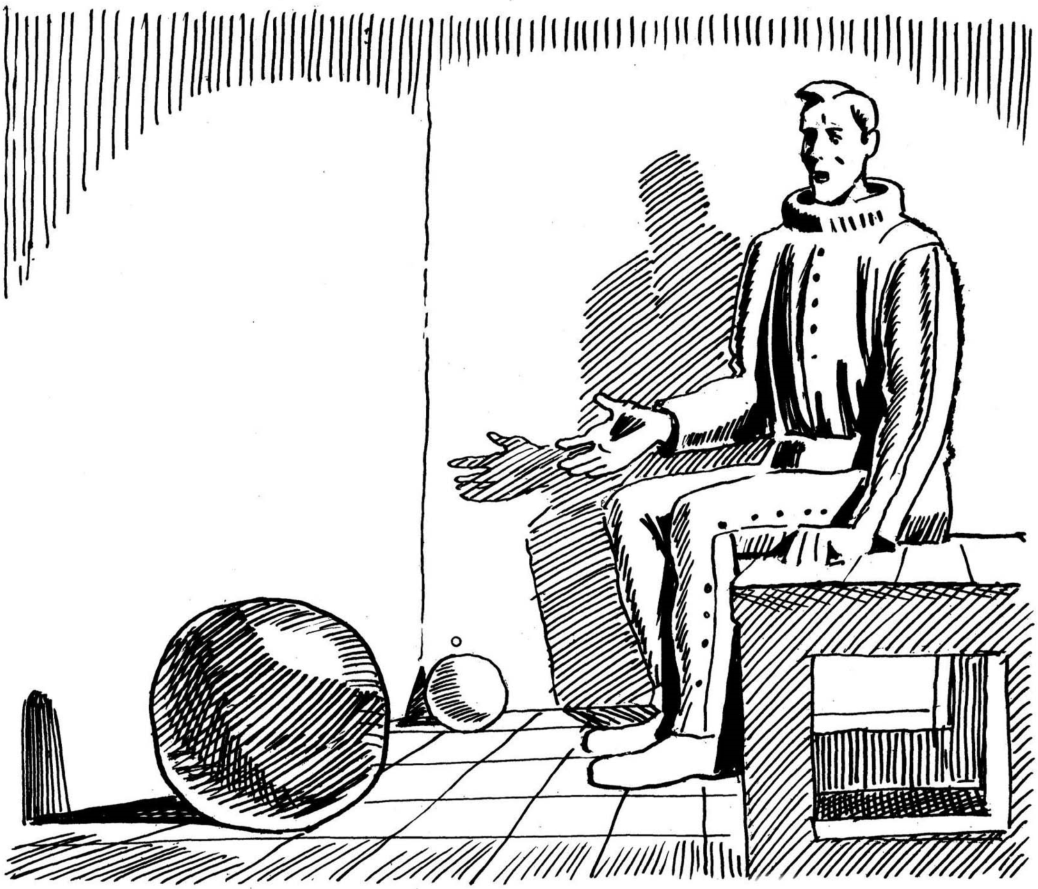
— Что у нас на очереди?

Бамп заглянул в журнал:

— Альфа Центавра.

Капитан повернул что-то на пульте, и знак «Твердь» погас. Их снова окружало пустое космическое пространство.

Бамп выпустил из-под панциря десяток зеленоватых щупалец и принялся расставлять шашки.



ЯНУШ А. ЗАЙДЕЛЬ, польский писатель

ГЛАВНОЕ—ПОРЯДОК

Фантастический рассказ

Уже несколько минут Кон пытался сообразить, где он находится и что это за фигура медленно перемещается по небольшой мрачной комнатке, в которой он непонятно как оказался. Пока что было ясно одно — это не сон, но легче от этого не стало.

Кон закрыл глаза и попытался восстановить ход событий. Была среда, семнадцатого июля. Это он помнил. Он стартовал из района Юпитера, Солнце было точно на заднем экране. Испытательный полет проходил нормально, все механизмы и приборы работали исправно до тех пор, пока...

Да, теперь он вспомнил все. Стрелка спидометра показывала половину световой скорости, двигатели давали шестьдесят процентов максимальной мощности, ускорение, которого он не ощущал в своей безынерционной камере, достигало прямо-таки фантастических величин. Он передвинул рычаг тяги, чтобы проверить, дадут ли двигатели полную мощность. Ракета увеличила ускорение.

«Надо бы проверить торможение», — подумал Кон, сбросил рычаг на ноль и взглянул на указатель ускорения. В первый момент решил, что стрелку прибора заело, но результаты контрольного теста показали, что дело скверно: фотонный двигатель потерял управляемость. Он работал почти на полной тяге, и это могло продолжаться достаточно долго, чтобы выбросить ракету за пределы солнечной систе-

мы. Тесты не оставляли никакой надежды. Реакцию самовозбуждения фотогенератора остановить невозможно. Она прекратится только тогда, когда иссякнут запасы топлива. Однако прежде чем это случится, ракета успеет набрать околосветовую скорость.

Кон знал, что не в его силах что-либо изменить, поэтому волноваться и нервничать бессмысленно, и вообще... Что именно «вообще», было не совсем ясно.

Больше по устоявшейся привычке испытателя, чем в надежде на спасение, он включил холодильную аппаратуру и улегся по возможности удобнее. Случись все это в солнечной системе, его рано или поздно нашли бы, но сейчас...

...И вот теперь эта слабо освещенная комната и человеческая фигура... Значит, все-таки каким-то чудом, по необъяснимой случайности он вернулся? Фантастика!

Кон открыл глаза, пошевелился и глубоко вздохнул. Фигура подплыла и остановилась рядом с ним, вырисовываясь на фоне стены, которая теперь разгорелась желтоватым светом. В комнате стало светлее, и тогда Кон решил, что он бредит во сне.

Перед ним стояло нечто только в общих чертах напоминавшее человека: белая глыба, имевшая человеческие контуры, но похожая скорее на снежную бабу или на человека, который только что вынырнул из кадки с густой сметаной.

— Добрый день! — сказало Нечто с едва уловимым акцентом. — Ты уже... э... очухался?

Кон глядел на «снежную бабу» и всеми силами пытался проснуться.

— Я говорю, ты здоров? — уточнила вопрос «снежная баба».

— Думаю... д-д-да! — пробормотал Кон, с трудом сдерживаясь, чтобы не щелкать зубами. — Кто ты?

— Я не «кто», я — «что». Я обслуживаю девяносто четвертую Станцию контроля.

— Где я? — крикнул Кон, быстро садясь и свешивая ноги с кушетки, а «снежная баба» попятилась на шаг, еще больше расплылась и почти совсем потеряла человеческую форму.

— Ты на девяносто четвертой Станции контроля Галактического космоплавания.

Кон осовело смотрел, как руки и ноги белого облака втягиваются в бесформенное, теперь ставшее цилиндрическим туловище. Кон вздрогнул.

— О, прости! — «Снежная баба» молниеносно превратилась в абсолютно правильную человеческую фигуру, напоминавшую классическую скульптуру из белого мрамора с белыми глазами и губами. — Понимаешь, поддерживать себя все время в твоей форме чрезвычайно трудно. Никогда в... э... жизни я не видел ничего столь нефункционального...

— Стало быть, это не твоя форма?

— Само собой. Твоя.

— А как выглядишь ты?

— Никак. То есть по-разному, в зависимости от потребности и обстоятельств. Но твоя форма исключительно сложна.

— Тебя это затрудняет?

— Меня ничто не затрудняет. Просто поддерживать себя в этой форме и одновременно разговаривать с тобой — занятие, требующее слишком много внимания, и поэтому я начинаю расплываться.

— Тогда прими наиболее удобную форму!

— Ты не возражаешь?

— Нет.

— Так и запишем! — Классическая скульптура с явным облегчением расплылась и осела на пол в виде большой приплюснутой капли.

Кон присмотрелся внимательнее. Капля не была неприятна или скользка, скорее напоминала большой белый и гладкий дождевой гриб либо кусок хорошо замешенного теста. Когда гриб говорил, голос шел ото всей его поверхности. Кон уже давно перестал бороться с сомнениями, с каждой минутой понимая все яснее, что это явь, действительность...

— Видишь ли, пришелец, — продолжал «дождевой гриб», — инструкция, которой я подчиняюсь, требует, чтобы я принимал форму существа, с которым у меня установлен непосредственный либо телетрансляционный зрительный контакт. Разговор я также обязан вести на языке этого существа. Должен сказать, все это не так просто, особенно когда впервые имеешь дело с определенным видом существ. Например, в данном случае с тобой.

Кон осмотрелся. Комнатка была небольшая, никакой мебели, кроме мягкой кушетки, на которой он сидел. Ни двери, ни окна

— Теперь скажи, как я тут оказался? — сказал Кон. — А прежде всего, как тебя зовут?

— Никак. Только существа имеют право на имя. Для удобства можешь называть меня Мик. Но только неофициально. Это сокращение. Мик — Младший инспектор контроля.

— Слушай, Мик, что все это значит? Где я? В солнечной системе?

— Если я верно расшифровал записи приборов твоего космолета, ты прошел путь, который свет преодолевает примерно за пятьдесят единиц, называемых у вас годами. С кораблем что-то стряслось, и тебя занесло сюда случайно...

У Кона закружилась голова.

— Но сейчас ты в безопасности. Я оживил тебя в полном соответствии с инструкцией, которую обнаружил у тебя в ракете. Ты находишься на Станции контроля, принадлежащей Союзу межгалактического космоплавания — сокращенно СМЕК. СМЕК — да и только. Твой корабль не отзывался на сигналы и не выбросил опознавательных знаков, к тому же он не отвечает требованиям наших предписаний. В соответствии с инструкцией я перехватил его и поместил на запасном космодроме станции.

— А где находится твоя станция?

— То есть как где? В Пустоте, на границе области, входящей в Конвенцию космоплавания — сокращенно КОКО. Это очень важная станция! — Последние слова Мик проговорил с оттенком гордости в голосе. — Мы следим за порядком в Пустоте. А ты нарушил несколько параграфов КОКО! Поэтому я и вынужден был задержать тебя.

— Каких еще параграфов? Не знаю никаких параграфов! — сказал раздраженно Кон. — Я хочу получить свою ракету и вернуться в солнечную систему!

— Незнание законов — не оправдание, — продолжал невозмутимо Мик. — Скажи, ваша цивилизация не входит в СМЕК?

— Разумеется, нет! Нам неизвестна ни одна цивилизация, кроме нашей. Но ведь и вы тоже нас не знаете. Ты когда-нибудь видел существо, похожее на меня?

— Ну, всякие тут бывали, но такого, как ты, я действительно не видел. Однако инструкция требует равного отношения ко всем... То и дело какая-нибудь новая цивилизация вступает в Союз, и на станции появляются новые существа. Инспектор контроля должен быть готов ко всему, с любым договориться... К сожалению, тебя я вынужден был арестовать.

— А мою ракету?

— Я ее опечатал. Кораблями такого типа пользоваться запрещено.

— Надо думать, я имею право вернуться туда, откуда прибыл?

— Это решаю не я, — сказал Мик. — Когда сюда прибудет Старший инспектор, подашь ему заявление. Я обязан следовать инструкции и не имею права ничего решать. Я не существо, у меня свои начальники, и они мне могут здорово всыпать, если я хоть малость уклонюсь от инструкции!

— Так что же ты в конце концов такое?

— Я только мыслящее устройство, — сказал Мик тихо. — Аморфное мыслящее устройство третьего порядка. Но уже вскоре меня, вероятно, модернизируют, и я стану устройством второго порядка!

— А как выглядят существа, которые тебя... создали?

— Кто как. В Союз входит несколько десятков различных цивилизаций из восемнадцати секторов Галактики.

Кон на минуту задумался.

— Ты сказал, что не можешь меня отсюда выпустить и вернуть мне ракету?

— Не имею права.

— А горючее для моего двигателя ты мог бы дать?

— Конечно, если получу приказ.

— От Старшего инспектора?

— Нет, от Верховного. У твоей ракеты нет свидетельства техосмотра, допускающего ее к полетам, а у тебя нет прав, подтвержденных Союзом. Сам я помочь тебе не могу ни в чем, я должен придерживаться инструкции. Можешь подать заявление, но ты не докажешь, что я хоть в чем-то нарушил инструкцию, — Мик говорил все быстрее и громче. — Я создал тебе условия для жизни, у тебя есть кислород и азот в необходимой пропорции, пищу я тебе синтезирую, когда она тебе требуется. Говорю на твоем языке, принимаю твою форму и только в ответ на твое ясно высказанное согласие отказался от нее! У меня есть тому доказательство в виде звуковой записи! Я поступаю в соответствии с предписаниями, и пусть даже ты пожалуешься на меня самому Верховному инспектору, никто мне ничего не сделает. У меня все в порядке!

— Ты здесь один? — прервал Кон.

— Один как мыслящее устройство, но, кроме того, здесь есть четыре исполнителя, или подустройства. Остальные — обычные автоматы.

— Ты говорил, что сюда прибудет Старший инспектор?

— Да. Он уже в пути.

— Может быть, я с ним смогу договориться...

— Сомневаюсь.

— Почему?

— Сик — всего лишь мыслящее устройство второго порядка.

— Сик?

— Ну да. Старший инспектор контроля.

Кон стиснул зубы.

— Тогда позволь мне хотя бы войти в ракету! — сказал он и подумал, что там есть вакуумный скафандр, плазменный излучатель... а на станции имеются запасы ракетного топлива, так что, быть может, удалось бы... одолеть этого треклятого Мика, или как там его еще!

— Нельзя. В соответствии с инструкцией я опечатал твой корабль, и в нем нельзя ничего изменять, пока его не изучит комиссия.

— Ах ты, безмозглая тварь!

— Прошу прощения! Я не безмозглая тварь, а мыслящее устройство третьего порядка. Ты меня обижаешь. Подожди, меня вызывает радио, я сейчас вернусь.

Мик скрылся в стене. Немного погодя он вынырнул оттуда в виде небольшого кругленького слона с двумя хоботами.

— О, прости, — сказал «слон» и превратился в плоскую буханку.— У меня был телеконтакт с Виком.

— С кем?

— Верховным инспектором контроля.

— Ты сказал ему обо мне?

— Чего ради? Разве я смею? Это же существо. С у щ е с т в о! Он говорил, я только слушал и подтвердил прием распоряжений.

— Кретин!

— Я обязан соблюдать субординацию. Сообщения я передаю только Сику. Когда он сюда прибудет, я изложу ему ситуацию. Он передаст дальше по инстанциям. Надо быть терпеливым. Процедуру не ускоришь. Не надо было нарушать инструкцию.

— Сколько времени протянется эта ваша процедура?

— Ну, не так уж долго. Правда, мы лежим на краю района КОКО и сообщения идут довольно долго, но надо набраться терпения.

— Так все-таки сколько?

— По вашему счету времени Старший будет здесь уже через неполных пятьдесят, сообщение Верховному отнимет около ста, решение — двадцать, ответ с ретрансмиссией... ну, скажем, в сумме не больше трехсот лет.

— Что? Сколько?.. — Кон вскочил. — Балбес! Ведь мы, люди, живем самое бо́льшее сто, ну, сто с небольшим лет! Мой холодильник в ракете, в которую ты не желаешь меня впустить, а теперь толкуешь о трехстах годах ожидания?!

— О, прошу прощения! — буханкообразная капля распласталась на полу. — Не знал, что вы живете так недолго. Разве я мог предполагать? Вы летаете в космосе с околосветовыми скоростями, не решив предварительно столь фундаментальную проблему, как продление жизни? Существа, входящие в объединенные цивилизации, живут по меньшей мере несколько десятков тысяч лет!

— Во-первых, наша цивилизация делает только первые опыты с фотонными ракетами. Моя модель проходила испытания...

— Тем хуже, тем хуже, — прервал Мик. — Полигон для испытательных полетов расположен в четвертом секторе. Стало быть, ты нарушил еще одно указание о галактической безопасности!

У Кона появилось искреннее желание растоптать Мика, но он взял себя в руки и продолжал:

— Во-вторых, ты сам видишь, что в создавшейся ситуации необходимо связаться с Верховным инспектором, то бишь Виком, и в чрезвычайном порядке доложить о моем деле! А меня ты должен впустить в ракету, чтобы я мог вновь заморозить себя и дождаться решения!

— Сожалею! — капля превратилась в правильный шар. — Но я не могу этого сделать. Не думаешь же ты, что я позволю себе отнимать у Верховного инспектора ценное время из-за существа, которое и живет-то — смешно сказать! — всего каких-то сто лет! А в ракету не могу пустить, потому что она опечатана! Я точно соблюдаю инструкцию. Ко мне претензий быть не может. А инструкция не предусматривает таких из ряда вон выходящих случаев. Сто лет... Смешно! Просто непонятно, чего ради ты так судорожно цепляешься за свою жизнь! Сто лет! А впрочем, не надо было нарушать кодекс! Не надо было! Теперь получай. Главное — порядок!

Говоря это, младший инспектор контроля Галактического космоплавания, мыслящее устройство третьего порядка (а вскоре, быть может, уже второго!), бессребреник и педант, возмущенно разделился на два меньших шара и покатился в противоположные углы комнаты.

Перевел с польского
ЕВГ. ВАЙСБРОТ

Рисунок В. КОЛТУНОВА

АЛЬФОНСО АЛЬВАРЕС ВИЛЬЯР

ТЕЛЕУПРАВЛЯЕМАЯ КОРРИДА

Фантастическая юмореска

В роскошно обставленной приемной столбом стоял табачный дым. Дым был такой густой, что, казалось, его можно жевать, и тщедушного человечка в нем почти не было видно. Он приходил сюда ежедневно уже целую неделю. «Дон Хосе не может вас сегодня принять», — неизменно говорили ему секретарши сеньора Карраско, импресарио знаменитого матадора Эль-Наранхито[1]. Они уже привыкли к «малышу», а он, сидя в приемной, видел, как перед ним с утра до вечера бесконечной вереницей проходят в кабинет дона Хосе пикадоры, киноактрисы, исполнительницы фламенко и просто искатели и искательницы приключений. Но этот тип, на визитной карточке которого стояло рядом с именем подозрительное звание «доктор физических наук», дона Хосе не интересовал: для него, мультимиллионера, любой ученый был чокнутым или бездельником. Наверно, думает выпросить тысяч десять на продолжение каких-нибудь исследований.

Но в этот день у дона Хосе настроение было хуже некуда. Сказочный контракт для его подопечного Эль-Наранхито, похоже, ускользал из рук: латиноамериканские импресарио осмелились сравнить знаменитого тореро с его заклятым врагом и соперником Эль-Лимонсито![2] Пока ни о чем договориться не удалось, и контракт повис в воздухе. Рядом с такой неудачей любая другая неприятность казалась сущим пустяком, и поэтому он решил принять доктора Гонсалеса.

Отхлебнув виски из стакана, который сеньор Карраско, возлежавший на шведском диване, соизволил ему предложить, доктор Гонсалес закашлялся. Этот напиток он пробовал впервые в жизни.

— Выкладывайте, что там у вас, да побыстрее — у меня много работы, — сумрачно процедил сквозь зубы сеньор Карраско, разглядывая рога висевшей на стене бычьей головы, которая, казалось, жадно втягивала сухими ноздрями кондиционированный воздух.

— Видите ли, дон Хосе, я работал в университете электрофизиологом... — заговорил доктор Гонсалес, краснея, как девушка.

— А что это такое? — грубо перебил его импресарио.

— Сейчас расскажу. Мы вводим проволочки в мозг животным и пропускаем электрические токи...

— Друг любезный, вы ошиблись адресом. Мы втыкаем быкам шпаги и бандерильи...

— Пожалуйста, наберитесь терпения, дон Хосе. Наши электрические токи могут заставить любое животное делать только те движения, каких мы от него хотим. Главное — надо знать, куда вживлять проволочки, которые мы называем электродами...

— К делу, к делу, в лекциях по электро... как ее?.. я не нуждаюсь! И при чем вообще тут я?

— Сейчас поймете. Я изобрел, вот посмотрите схему, аппарат, который позволит нам вить из быков веревки.

Когда сеньор Карраско это услышал, сигара километровой длины, дымившая как вулкан, выпала из его пальцев. Казалось, от хохота у него вот-вот лопнет брюхо. Управлять быком, вить из него веревки? Такое может только Эль-Наранхито, но для Эль-Наранхито изобретения этого голодного профессора ни к чему. Он представил себе, как этот мозгляк дразнит огромного быка батарейкой карманного фонарика.

— Послушайте еще минутку, дон Хосе. Все проще, чем вы думаете. Вам придется только подкупить кого-нибудь из служителей, чтобы тот прикрепил к голове быка крохотный приемопередатчик ультракоротких волн. Это очень легко — у приемопередатчика есть присоски, и он не принесет быку никакого вреда...

— А потом вы протянете километровый кабель, да? И будете управлять быком, как мои дети игрушечной машиной, — с хохотом перебил его сеньор Карраско. Все это ужасно забавляло его, и он уже не жалел, что принял доктора Гонсалеса.

— Вы не даете мне объяснить, дон Хосе. Слышали о телеуправляемых ракетах? Так вот здесь кабель тоже не нужен.

Теперь сеньор Карраско хохотал еще громче: он представил себе быка, летящего к Марсу со скоростью двадцать тысяч километров в час.

— Посмотрите на этот аппарат, — физик вытащил из футляра предмет, похожий на транзистор. — С его помощью я могу посылать сигналы приемопередатчику, укрепленному на голове у быка, а тот воздействует ультракороткими волнами на нервные центры. Я работал над этим изобретением больше десяти лет.

Каким же дураком надо быть, чтобы потратить десять лет на такую глупость! Но доктор Гонсалес невозмутимо продолжал:

— Короче говоря: если вы или ваш человек налепите мои аппаратики на головы быкам, с которыми будет драться Эль-Лимонсито, я устрою, что Эль-Лимонсито провалится, и тогда ваш подопеч-

[1] Апельсинчик *(испан.)* — здесь прозвище *(Прим. перев.)*.
[2] Лимончик *(испан.)* *(Прим. перев.)*

ный станет первым на Национальной фиесте.

Дон Хосе утратил дар речи — последняя фраза попала в самую точку. На что бы он ни пошел ради того, чтобы ненавистный Лимонсито потерпел крах! Обратился бы даже за помощью к колдуньям — если бы они еще жили в Испании. Возможно, предложение этого жалкого маньяка — чистое надувательство, но в таких обстоятельствах, как сейчас, схватишься и за соломинку.

— А сколько вы хотите за это изобретение? Если, конечно, от него будет толк.

— Миллион песет, — ответил с неожиданной твердостью человечек.

Черт возьми! Откуда этот книжный червь знает, что такие суммы вообще существуют? Дон Хосе опрокинул в глотку стакан виски и мрачно задумался.

— Хорошо. Но деньги вы получите, когда станут известны результаты. В воскресенье в корриде выступают этот сукин сын Лимонсито и мой тореро. Приходите завтра, и мы все обсудим.

На другое утро и на следующее, по субботу включительно, доктора Гонсалеса принимали первым. Разношерстная публика, ожидавшая в приемной, иронизировала и обменивалась злыми шутками. Бульварные листки заговорили про «малыша-физика», проча его в бандерильеро при Эль-Наранхито, а какой-то сотрудник телевидения попытался даже взять у доктора интервью.

И вот наконец наступило воскресенье. Вся Испания уже целый месяц говорила только о предстоящей корриде. Люди шли на все, чтобы раздобыть билет, и после корриды немало перекупщиков приобрели новые машины. К четырем часам на трибунах яблоку негде было упасть, и еще десять миллионов испанцев смотрели на арену, сидя перед экранами телевизоров.

По арене продефилировали куадрильи. Пропела труба, и на середину арены, словно брошенный из пращи камень, вылетел громадный бык. Здесь он остановился как вкопанный. Эль-Лимонсито стал прямо перед ним, но бык не двинулся с места. Матадор подступал к быку вплотную, осыпал его бранью, но все было напрасно.

Публика начала терять терпение, послышались свистки, но тут бык сорвался с места, и застигнутого врасплох Эль-Лимонсито спас только отчаянный прыжок в сторону. В быка словно вселился дьявол — он бодал воздух то направо, то налево, но не обращал никакого внимания ни на матадора, ни на членов его куадрильи, когда те пытались продемонстрировать блестящую работу плащом.

Появился верхом на лошади пикадор. Бык доверчиво подошел к нему, словно подставляя себя под копье, но едва острие вонзилось ему в крестец, как бык, подпрыгнув на невероятную высоту, выбил копье из рук пикадора и оно, пролетев изрядное расстояние, пробило соломенную шляпу фотографа, намеревавшегося увековечить эту сцену. Пикадор подобрал копье и снова нацелил его, но бык словно взбесился — он поддел лошадь рогами, и пикадор всей тяжестью своих ста двадцати килограммов плюхнулся на бычий загривок. Каким-то чудом ему удалось ухватиться за рога, и так он продержался несколько секунд, в то время как бык скакал и брыкался, будто одержимый. Нормальное течение корриды было нарушено, однако правила есть правила, и куадрилья Эль-Лимонсито перешла к третьему этапу боя.

Первый бандерильеро вонзил в круп быку две пары бандерилий; третья пара упала на арену, потому что бык побежал, делая зигзаги: другого бандерильеро он догнал, свалил и покатил по арене как мяч. Зрители закатывались хохотом и не могли остановиться — такого не было еще ни на одной корриде; но настоящие любители возмущенно требовали, чтобы им вернули деньги за билеты. А невзрачный человечек в проходе, за камерами кинохроники, лихорадочно вертел в это время переключатели своего «транзистора».

Началась завершающая часть боя — самая злополучная из всех, описанных доном Хосе Мария Коссио в его фундаментальном труде «История корриды». Острие шпаги все время соскальзывало с боков животного, и в какой-то миг она по рукоять врезалась в землю. Эль-Лимонсито застыл в странной позе, словно выполнял трудное гимнастическое упражнение. И тут произошло самое комическое событие этой незабываемой корриды: коварно взмахнув рогами, бык оставил Эль-Лимонсито в одном белье, а потом, когда тореадор бросился бежать, сорвал с него то малое, что на нем еще оставалось. Мужчины катались от хохота, иностранки хихикали, а скромные испанки прятали лица за веерами. Эль-Лимонсито бежал с арены под градом подушечек для плетения кружев. Это было концом Эль-Лимонсито — теперь он мог рассчитывать только на место клоуна в цирке, другого контракта с ним не подписал бы никто.

Настал черед выступать Эль-Наранхито. Бык шел туда, куда ему надлежало идти. Десять миллионов испанцев смотрели, затаив дыхание, как он, мирно обнюхав лицо Эль-Наранхито, становится перед ним на колени. Все бандерильи вонзились куда полагается, на взмахи плаща бык отвечал так, как от него ожидали, и, наконец, после одного-единственного виртуозного укола шпагой он упал как подкошенный. Его подкорковые центры разрушил мощный электромагнитный импульс. Но кому бы пришло в голову произвести вскрытие?

Не стоит рассказывать, что произошло с остальными быками. Эль-Лимонсито был так деморализован, что доктору Гонсалесу почти не пришлось пускать в ход свой передатчик: из рук вон плохая работа окончательно погубила репутацию доселе знаменитого матадора. А Эль-Наранхито одержал блестящую победу над своими тремя быками и получил всего шесть ушей и три хвоста только потому, что больше ушей и хвостов у этих быков не оказалось. Его осыпали дождем цветов и любовных записок, и, когда он уходил с арены, полиции пришлось спасать его от почитателей.

Тем временем странная личность с транзистором подошла к сеньору Карраско. Они обменялись несколькими фразами, а потом человечек, сжимая в руке сложенный банковский чек, стал проталкиваться к выходу. Выбравшись, наконец, из толпы, он осторожно разогнул чек, взглянул на него — и его лицо вспыхнуло: нулей в проставленной сумме было на два меньше, чем они уславливались! Лицо человечка исказила зловещая гримаса.

Импресарио в эту минуту уже пробивался наружу в окружении поклонников, наперебой поздравлявших его с успехом Эль-Наранхито. Вдруг кто-то закричал: «Бык, бык вырвался!» — и началась паника. Почувствовав, что толпа вот-вот подомнет его под себя, сеньор Карраско попытался перепрыгнуть через загородку, но его сбили с ног. И как ни больно его топтали, он был в полном сознании в тот момент, когда ощутил на затылке обжигающее дыхание быка. Потом словно два ледяных стержня вошли в его спину — и больше он не почувствовал ничего, потому что бык пригвоздил его, как высушенную бабочку, к дощатой стене прохода.

Перевел с испанского
Ростислав РЫБКИН

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

ПОГОНЯ

Фантастический рассказ

За городом, в пятнадцати минутах езды магнитоходом, помещался Музей звездоплавания. Прямо под открытым небом стояли ракеты, намертво прикованные к железобетонным постаментам. Одни были нацелены в зенит и, казалось, ждали лишь стартового сигнала, чтобы взмыть ввысь. Другие корабли лежали на боку, почти скрытые буйно разросшейся зеленью. Если входной люк помещался высоко, к нему услужливо вела лесенка. Забравшись внутрь, посетитель мог ознакомиться с тем, как жили, на каких кораблях летали пятьдесят, или сто, или двести лет назад. Лучшим экскурсоводом, которого больше всего любили посетители, приезжавшие сюда со всех концов обжитого землянами мира, был бессменный директор музея Антон Петрович Сорокин. Смуглый и худощавый, он выглядел, пожалуй, моложе своих пятидесяти. Кроме многочисленных роботов, под его началом находились сорок пять слушателей Звездной академии. В основном это были студентки-старшекурсницы исторического факультета, которые проходили здесь преддипломную практику. Работы хватало всем.

Когда очередная ракета возвращалась из дальнего рейса, на Земле проходило, как правило, несколько десятков лет со дня ее старта. Техника за это время продвигалась далеко вперед, менялись конструкции кораблей, и поэтому возвратившийся из полета корабль оказывался безнадежно устаревшим. Да и самих возвратившихся астронавтов люди Земли подчас понимали не без труда. Земляне со скрытым удивлением разглядывали странную, известную лишь по старым книгам одежду космонавтов, их неуклюжие, допотопные корабли. Звездолеты, как правило, помещались в музей, а космонавты долго еще чувствовали себя чужаками на гостеприимной, но так изменившейся Земле. Однако проходило время, и холодок отчужденности звездопроходцев таял.

К музею со стороны вокзала вела неширокая аллея. Старые клены, уже тронутые осенью, шелестели под резкими порывами холодного сентябрьского ветра. Антон Петрович поплотнее запахнул плащ и, бросив взгляд на хронометр, прибавил шаг: было без трех минут девять. Возле во-

Рисунок Г. ФИЛИППОВСКОГО

рот на скамье сидел человек. «Ранний посетитель», — подумал Антон Петрович. Когда он поравнялся, человек встал и, вежливо коснувшись шлема, спросил:

— Простите, вы директор музея?

— Я.

— Прекрасно! Очень рад. Я много наслышан о вас, дорогой Антон Петрович.

— Очень приятно. — Антон Петрович едва не вскрикнул от железного рукопожатия гостя.

— Позвольте представиться, — не очень кстати улыбнулся посетитель. — Джордж Стреттон — инженер-конструктор Эдинбургского полигона. Мне бы хотелось ознакомиться со «Спартаком» — звездолетом капитана Денисова. Меня интересует схема управления кораблем. Вот мои бумаги...

— Что ж, прошу, — сказал Антон Петрович, пропуская вперед гостя.

Широко шагая, гость рассказывал о работе Эдинбургского астроцентра, о том, как добирался сюда. В его оглушительном басе Антону Петровичу почудилось что-то нарочитое, искусственное, но что именно — он никак не мог определить. Лицо посетителя и вся его фигура дышали железным здоровьем.

— Ты что, Роб? — Эта реплика директора относилась к огромной шарообразной фигуре, преградившей Стреттону вход.

В ответ робот пробурчал что-то маловразумительное. Его глаза-фотоэлементы были направлены на раннего посетителя.

— Что с тобой? — изумился Антон Петрович. — Отправляйся-ка на Мельхиоровую площадку и приведи ее в порядок. Немедленно, — добавил он, видя, что робот почему-то колеблется.

Шарообразная фигура неуклюже двинулась выполнять приказание.

— Не пойму, что случилось с Робом, — извиняющимся тоном сказал директор, обращаясь к Стреттону. — Он всегда отличается крайней исполнительностью. Возможно, это осенние погоды так на него действуют...

— Может быть, — быстро согласился Стреттон.

Вскоре они подошли к гигантскому звездолету, укрепленному на вертикальных стабилизаторах. Как Гулливер, высился он среди своих собратьев. Линии корабля четко вырисовывались на фоне утреннего неба. Титановые бока, потускневшие от ледяного дыхания космоса, казались шкурой невиданного чудовища.

С первого же момента, как только Антон Петрович затворил люк и нажал кнопку пневматического подъемника, на него посыпались вопросы. Стреттон оказался необычайно любознательным. Его интересовало буквально все. Как осуществляется локальное наблюдение? Как работает пульт управления кораблем? Как мог капитан Денисов один управлять кораблем в беспримерном полете к Юпитеру? Антон Петрович и Джордж Стреттон обходили каюту за каютой, отсек за отсеком, а поток вопросов все не иссякал. Кондиционеры уже несколько лет как не включались, и воздух в каютах был душный, застоявшийся. Директор почувствовал, что задыхается, и украдкой глянул на Стреттона. Инженеру из Эдинбурга, казалось, все было нипочем: он что-то быстро шептал в свой диктофон, щупал приборы, заглядывал во все углы.

«Вот неугомонный», — подумал директор музея.

— Не отдохнуть ли нам? — сказал он, вытирая обильный пот.

— Простите, пожалуйста, я, кажется, увлекся, — тут же остановился смущенный Стреттон. Лицо его сразу, как по команде, покрылось крупными каплями пота. Антон Петрович опустился в штурманское кресло, Стреттон подошел к пульту. Он внимательно разглядывал приборы. Затем, убедившись, что директор на него не смотрит, быстро сунул в боковой карман пачку узких бумажных полосок, испещренных цифрами.

Странное впечатление производил этот корабль! Экскурсантов почему-то не очень привлекал «Спартак». Может быть, потому, что в свое время фильм о полете капитана Денисова обошел все экраны Земли? Не было, наверно, человека, который не слышал бы о знаменитом капитане, впервые на ракете-одиночке обогнувшем Юпитер. Имя его было занесено в Золотую книгу Земли, монумент капитана высился на Аллее героев. Новые ракеты, конечно, легко могли повторить путь «Спартака». Но подвиг Денисова, с выключенными дюзами обогнувшего Юпитер почти на уровне его тропосферы, оставался непревзойденным. Малейшая оплошность, один неверный поворот руля — и сверкающая птица могла превратиться в груду дымящихся обломков. «Точность и хладнокровие на грани фантастики», — писали тогда газеты. Собственно говоря, подвиг капитана был вызван необходимостью. На Марцелле, спутнике-станции Юпитера, произошло несчастье. Старший планетолог, молодой парень, недавно окончивший Звездную академию, получил сложный перелом позвоночника. Его необходимо было срочно доставить на Землю. В районе Юпитера находился лишь капитан Денисов. Но запасы топлива «Спартака» не были рассчитаны на промежуточную посадку корабля. И капитан Денисов принял дерзкое решение. По его радиограмме планетолога, находившегося в беспамятстве, поместили в герметически закрытый стальной контейнер. Сила тяжести на Марцелле практически отсутствовала, и контейнер привязали к вышке лишь одной-единственной капроновой нитью. А через полтора часа над Марцеллой метеоритом промчался «Спартак», едва не задев верхушку мачты. На подлете Денисов включил на полную мощность электромагнит, входящий в систему динамической защиты корабля, и контейнер, послушно подскочив, упруго ударился о специальную сетку, амортизировавшую удар. Стоило капитану чуть-чуть ошибиться, и нос корабля врезался бы в Марцеллу. Спланируй капитан немного круче, и корабль был бы поглощен чудовищным полем тяготения Юпитера...

На земле планетологу сделали операцию, и жизнь его была спасена. Однако летать врачи ему настрого запретили, и планетолог Антон Петрович, выздоровев, стал директором музея.

Огромный и неуклюжий корабль производил странное впечатление. Когда он создавался, люди не научились еще применять аннигиляционное топливо, позволившее резко уменьшить размеры звездолетов. Антону Петровичу тут же припомнились слова капитана Денисова, сказанные по телевидению после возвращения на Землю: «Точный расчет? Возможно. Но к тому же счастливый случай, удача. У меня был один шанс из тысячи. И все-таки я рискнул, поскольку выбора, в сущности, не было...»

Из забытья директора вывел голос Стреттона, звучавший теперь негромко и вкрадчиво:

— Извините, я вижу, что утомил вас.

— Ничего, ничего... А вы что же так и не присели? — сказал Антон Петрович, поднимаясь.

— Привычка, знаете ли... Кстати, я хотел спросить у вас. Ракеты в музее хранятся без горючего?

— Да, конечно.

— А вам не кажется, что забирать топливо у такого корабля, как «Спартак», — это все равно что... — Стреттон замялся, подыскивая сравнение, — все равно что выпустить кровь из жил раненого.

— Вы правы, — понимающе улыбнулся Антон Петрович. — Между прочим, на «Спартаке» в виде исключения мы оставили аварийный запас топлива. Таким горючим давно уже не пользуются...

— О! Интересно.

Стреттон легко выпрыгнул из люка на траву, минуя лесенку. «Может, это рекордсмен Солнечной системы по прыжкам?» — подумал Антон Петрович, спускаясь вслед за неугомонным инженером. Они стояли теперь между стабилизаторами ракеты, похожими на мощные колонны древнего храма.

— Разве стабилизаторы не приварены к цоколю? — удивился Стреттон.

— Это ни к чему, — ответил Антон Петрович. — «Спартак» достаточно устойчив.

Мимо прошла группа экскурсантов. Их вела девушка в светло-голубой форме курсанта Звездной академии. Она приветливо улыбнулась Антону Петровичу и Стреттону.

Стал накрапывать дождь. Но Стреттон, поглощенный своими мыслями, казалось, отключился.

— Больше вас ничто не интересует в музее? — спросил Антон Петрович.

— Нет, нет, — рассеянно ответил Стреттон.

Вдали из-за поворота аллеи показался Роб.

— Ну, я пойду. Мне надо спешить, — заторопился Стреттон. Он рывком пожал руку директору (снова Антон Петрович едва не вскрикнул) и огромными прыжками помчался по боковой аллее к выходу.

...А ночью произошло невероятное. Весь город был разбужен сильнейшим взрывом. В районе музея вспыхнуло зарево. Следящая станция космической связи зарегистрировала старт ракеты.

Поспешно одевшись, Антон Петрович бросился к орнитоптеру и включил полную скорость... Предчувствие не обмануло его. «Спартака» на месте не было. Вместо постамента у ног Антона Петровича была пологая впадина, выжженная стартовым огнем. Вокруг чернели силуэты обугленных деревьев. Наконец кто-то догадался включить люминесцентное освещение. Обходя огромную воронку, Антон Петрович наткнулся на неподвижное, покореженное тело Роба.

В ответ на запрос Высшего координационного совета из Эдинбурга пришла радиограмма: «У нас действительно имеется в числе сотрудников инженер-конструктор первого класса Джордж Стреттон. Научный руководитель центра. В настоящее время находится в Клайде, где руководит новым циклом испытаний саморегулирующихся систем».

— В настоящее время находится в Клайде, — повторил председатель Совета, усмехнувшись. — Поистине яркий образчик опасного заблуждения!

Перед председателем Совета вспыхнул овальный экран. По голубому полю пробежали слова: «Экстренно. Диспетчер космопорта». Буквы растаяли, и появилось молодое женское лицо.

— Евгений Андрианович, моноплан специального назначения готов к старту. Второй сектор, четырнадцатая стартовая площадка...

— Благодарю. Минут через тридцать будем на месте. Можете прогревать дюзы.

По эскалатору председатель Совета спустился вниз. Ночь уже переходила в рассвет. Все еще моросил надоедливый дождик. У балюстрады нетерпеливо переминался с ноги на ногу Антон Петрович.

— Едем на космодром. Подробности расскажете по дороге, — сказал председатель.

Дверца моноплана хлопнула, и тотчас же взревел мотор. Коротко разбежавшись, машина взмыла в хмурое небо.

— До Эдинбурга двадцать минут, — сказал пилот.

— Разворачивайтесь прямо на Клайдский космодром, — ответил председатель...

Здесь, в Шотландии, стояло настоящее бабье лето.

Космодром был расположен на невысоком плато, утопавшем в зелени. Лампы лунного света, а также фосфоресцирующие стены многочисленных строений успешно спорили с едва разгорающимся рассветом.

День обещал быть солнечным и ясным.

— К инженеру Стреттону, — сказал председатель Совета, садясь в магнитоход.

Дорога лежала через поля. Хлеб был уже убран. Кибернетические машины обрабатывали поля, готовя их к осеннему севу. Людей нигде не было видно.

Мелькнула табличка с надписью: «Клайд». По обеим сторонам шоссе побежали круглые куполообразные строения. Часть из них светилась голубым, зеленым, оранжевым светом, некоторые были темными.

Возле огромного синего купола машина круто остановилась. В свете панелей обычные заросли вереска казались фантастическими. На синем фоне четко вырисовывалась желтая дверь.

Шофер первым подошел к ней и нажал кнопку. Никто не откликнулся.

— Джордж, — негромко позвал шофер. Никто не отозвался. Он забарабанил в дверь, но пластик заглушал удары.

— Заперто? — спросил Антон Петрович.

— Замков здесь нет, — покачал головой шофер.

— Очевидно, дверь чем-то закрыта изнутри, — сказал председатель Совета. — Придется взламывать.

Под дружными действиями трех мужчин дверь быстро поддалась. Она оказалась заставленной изнутри массивным столом.

— Джордж, — снова позвал шофер.

Ответа не последовало. Люди осмотрели комнату за комнатой, но инженера нигде не было.

— Странно, — пробормотал шофер.

— Ничего странного, — сказал Антон Петрович. — Инженер Стреттон уже прошел, наверное, не один миллион километров. Не может же он одновременно находиться в двух местах. Он на «Спартаке»...

— Нет, — горячо ответил шофер. — Этого не может быть. Мы с Джо старые друзья, и я ручаюсь за него, как за самого себя. Я его знаю еще по академии. Мы вместе учились. Вместе проходили стажировку на Деймосе...

— Марсианском?

— Да. Джорджу уже тогда прочили большое будущее. Последние два года он увлекался созданием микрогабаритного электронного мозга, по сложности близкого к человеческому.

— Кто-нибудь, кроме вас, знает эти работы? — спросил Евгений Андрианович.

— Разумеется! Профессор Светлов считает их одними из самых многообещающих в современной кибернетике, если удастся связать этот мозг с устройством, достаточно быстро выполняющим команды... Нет, не мог он так поступить, — заключил шофер, отвечая своим мыслям.

— И тем не менее его здесь

нет, — съязвил директор музея. — Как вы это объясните?

— Джо всегда был аккуратен, — невпопад пробормотал шофер.

В комнатах царил образцовый порядок. На письменном столе лежали недописанные листки, испещренные формулами. Казалось, хозяин только что встал из-за стола, чтобы немного размяться. Евгений Андрианович внимательно просмотрел листки. План очередного опыта... Схема авторегулирования третьего блока... Так. А это что? Тоненькая тетрадочка в розовой поливиниловой обложке, на которой большими буквами выведено: «Дневник». Евгений Андрианович сунул ее в карман.

— Между прочим, дверь была закрыта изнутри, — сказал шофер, — так что...

— Вы лучше полюбуйтесь-ка вот на что, — ответил ему Антон Петрович, указав на окно. Окно было распахнуто настежь. — Мне этот молодой человек сразу показался подозрительным, — гнул свою линию директор музея. — Он так дотошно выспрашивал у меня все, потом интересовался, имеется ли у «Спартака» горючее.

— Но что за сумасбродная фантазия, — сказал шофер. — И зачем ему это понадобилось?

— Вот именно: зачем? — повторил Евгений Андрианович.

Зачем? Этот вопрос он задавал себе десятки раз. Из разговоров с сотрудниками института, из их рассказов перед ним постепенно вырисовывался привлекательный образ молодого ученого, влюбленного в свое дело, требовательного к себе и другим, искреннего и скромного. Правда, выяснилось, что в последние дни Стреттон казался чем-то сильно озабоченным. Он был хмур и часто невпопад отвечал на вопросы. Но это и не мудрено, ведь он возглавлял большой участок работы. А кроме того, этот облик никак не вязался с портретом бойкого и жизнерадостного экскурсанта, который нарисовал Антон Петрович.

Если бы хоть кто-нибудь из сотрудников видел Джорджа Стреттона в Эдинбурге или Клайде в день посещения музея! Но таких людей не нашлось. Итак, зачем же?.. Зачем? Председатель Совета снова — в который раз! — перелистал дневник инженера, перечитал отдельные записи.

«...Мозг обучается успешно. Вчера закончили последнюю главу дифференциальных уравнений. Решает просто здорово! Со следующей недели думаю приступить к теории вероятностей».

«11 марта. Молодчина Виктор! Мне уже становится трудно с ним тягаться. Главное: он не только отвечает на вопросы, но и сам начинает задавать их. Приладил световые и акустические анализаторы. Эффект потрясающий. Совсем как ребенок. Почему то, почему это? Прямо «сто тысяч почему».

«15 апреля. Виктор начинает делать первые шаги. Не хочу ему давать слишком большой воли. На три месяца улетаю на Деймос».

Евгений Андрианович перевернул несколько страничек.

«...Виктор увлекается микрофильмами. Он способен ночи напролет смотреть фильмы-отчеты о космических экспедициях. Я говорю: ночи напролет. Ведь Виктору незнакомы усталость и прочие человеческие слабости. Странная вещь (продумать и обсудить с профессором Светловым): ведь Виктор обладает совершенной памятью. Он безукоризненно запоминает все, что когда-либо видел или читал. Для чего же он снова просматривает отдельные микрофильмы? Неужели потому, что это его, говоря человеческим языком, как-то «волнует»? Не здесь ли начало эмоций?»

В дверь постучали, и в комнату вбежала запыхавшаяся лаборантка.

— Товарищ председатель координационного Совета, — сказала она, — инженер Стреттон нашелся.

— Где же он? — вскочил Евгений Андрианович.

— Увезли на медпункт. Он без сознания.

Плотный человек в белом халате медленно снял маску.

— Жизни ничего не угрожает, — ответил он на вопрос Евгения Андриановича. — Это обычный хлороформ, правда, в чуть увеличенной дозе.

Евгений Андрианович несколько мгновений вглядывался в бледное лицо и плотно сжатые губы Стреттона.

— Где нашли? — спросил он.

— В том же здании, где мы были, в цокольной лаборатории, — ответил осунувшийся шофер. — И при нем вот... — Он протянул Евгению Андриановичу записку. Тот развернул ее.

«Уважаемый Джордж Стреттон, — стояло в записке. — Вероятно, очнувшись от наркоза и прочтя записку, вы поймете и простите меня. После всех книг и фильмов, после всего, что я увидел и узнал, получив возможность перемещаться в пространстве, видеть и осязать предметы, я почувствовал, что должен проверить себя. Это то, что на вашем языке зовется испытанием. Мне захотелось узнать, насколько быстро и правильно я смогу принимать решения в незнакомых и опасных условиях, угрожающих самому существованию. И я решил повторить подвиг капитана Денисова, который до сих пор остался непревзойденным. За время вашего пребывания на Деймосе мне удалось добиться полной имитации вашей внешности. Это было не так трудно. Особенно мне пригодились органические полимеры из лаборатории синтеза. Я верю, что мне удастся с выключенными дюзами обогнуть Юпитер, пройдя близ Марцеллы, и тогда я вернусь в Клайд...»

— Он может протаранить Марцеллу или врезаться в Юпитер! — воскликнул Евгений Андрианович. — Ведь система управления корабля не отлажена! Немедленно радируйте Виктору. Попробуем ему разъяснить...

— Это ничего не даст, — выступил вперед Антон Петрович. — Система радиоприема испорчена.

— Что ж. В таком случае один выход. Надо послать ракету-перехватчик.

— Евгений Андрианович, разрешите мне, — сказал директор музея. — Я догоню его и верну обратно. А кроме того, — улыбнулся он, — мы ведь немного знакомы... с инженером Стреттоном!

— Летите, — сказал председатель. — Дорога каждая минута. Если Виктор не подчинится, ракету придется взорвать. Но надеюсь, что до этого дело не дойдет.

— Нет, конечно. Я достаточно знаю Стреттона.

«В самом деле, — невольно подумал Евгений Андрианович, — этот дерзкий робот — разве не вложил в него Джордж Стреттон свои лучшие черты: бесстрашие и любознательность, настойчивость и пытливость... И вот результат».

— Как чудесно, что творение рук человеческих достигло такой высокой степени совершенства, — будто отвечая мыслям Евгения Андриановича, сказал директор музея. В минуты сильного волнения Антон Петрович иногда выражался высокопарно.

— Он словно юноша, который мечтает о подвиге, — тихо сказала лаборантка.

ВПУСТИТЕ

АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ
Рисунок В. ЧИЖИКОВА

РЕПОРТЁРОВ

Фантастическая юмореска

Утром старый Луху отколотил его палкой, отодрал за уши и выволок из пещеры.

— Не сберег, — сказал он, — сам добывай!

Слово старого Луху было законом для всех в племени, и ослушаться никто не смел.

Тып едва не заплакал от отчаяния. Он был горбат и колченог. Обреченный первым умереть, едва придет Великий Голод, он вынужден был искать себе занятие, которое уберегло бы его от презрения и смерти. Племя нуждалось в огне. И Тып поборол в себе страх перед костром. Он стал Хранителем Очага племени.

Целую зиму он стерег костер, не давая угаснуть Языкам Дракона. Но вчера разразилась лютая непогода, пламя сделалось совсем маленьким — сидеть бы и сидеть возле него, поминутно подбрасывая сухие ветки, но... Тып устал, глаза его слипались, он недолго боролся со сном, и теперь Языки Дракона ушли из их пещеры. Ушли навсегда. Лишь Небесный Огонь мог зажечь его, а разве дана человеку сила Неба?

Скоро вернутся воины с охоты, и тогда все племя соберется и уйдет на новое место, куда-нибудь, где уже горит огонь, а его, Тыпа, напоследок съедят — в пути он им не нужен, но не бросать же лакомый кусок!..

— Шесть восходов даю тебе, — сказал старый Луху.

Сначала Тып решил идти к обрыву. Он сам видел, как загнанные охотниками звери срывались с него и разбивались насмерть. Но потом передумал. Потому что удивительное воспоминание вдруг всплыло в его голове.

Это было давно...

Возле их пещеры случился обвал. Камни с грохотом, сметая все на своем пути, проносились

мимо. Они ударялись друг о друга, и тогда между некоторыми из них проскакивали искры.

Искры... Уж не крошечные ли это Языки Дракона? Ведь если так, то ими можно зажечь щепотку мха! Можно зажечь большой костер!

Эта мысль поразила Тыпа. Значит, спасение все-таки есть?! Он натаскал камней — больших и маленьких, округлых и угловатых, уселся перед входом и взялся за работу.

Несколько раз из пещеры выходил старый Луху. С любопытством смотрел на Тыпа. Он никак не мог понять, чем тот занят. Но срок, данный Тыпу, еще не вышел. А тот работал, не зная усталости. Он бил и бил камнем о камень, потом хватал новую пару, третью, четвертую...

«Тук-тук-тук...» — стучали камни, не переставая.

Тып не мог остановиться. Все будущее сосредоточилось для него в этих камнях — добыть хотя бы искорку, а там уж будет проще...

Крупнейшая в мире радиообсерватория Фификал-Бэнкс готовилась к принятию сигналов из дальнего космоса. Серия из пятнадцати сеансов. Первый — начинается. Может, сразу повезет, а может, никакого сигнала и не будет...

Ученые расположились в центре пультовой. Метроном отсчитывал секунды.

— Начали! — крикнул Джон Тортолетт, хотя мог и не кричать — автоматы и сами в назначенный срок включили бы установку.

Вспыхнули экраны осциллографов, ожили динамики. Треск, хрип, шум, свист, рев вселенной наполнили зал. Свет погас, и стены словно раздвинулись и исчезли, оставив людей один на один с пустотой. Огни на пультах казались огнями межзвездного корабля, и люди сидели в темной рубке и слушали, слушали голос космоса, его странную, ни с чем не сравнимую песнь, и силились разобрать хотя бы слово, хотя бы один звук, который можно наполнить высшим смыслом и сказать потом: все, разум найден!

Шли минуты, а космос завывал бессмысленно и дико.

— Господи, — прошептал, покрываясь испариной, Джон Тортолетт. — Неужели все впустую?

Ги де Брутто крепко сжал его руку:

— Веселее, коллега. Они позовут. Непременно позовут. Как же иначе?

Рядом гулко вздохнул Апаш-Белтун, астрофизик и фантаст.

Сколько раз описывал он нечто подобное, но лишь теперь, когда впервые стал участником сеанса, он понял, сколь невыносимо ждать. Да-да, сидеть и ждать. И больше ничего.

И тут!..

Взметнулись пики на экранах осциллографов, накатили слева-направо волны огней на панелях счетных машин, и из динамиков — это явственно услышал каждый — донеслось едва различимое, но реальное: «Тук-тук». Ритмичная серия ударов — и пауза. И снова удары, как щелчки метронома.

— Вы слышали? — крикнул Фридрих Готлиб Клопфер. — Ведь это... пять четвертых, ритм-то какой! Невероятно...

Звуки прекратились столь же внезапно, как и начались.

Ученые сидели, точно в столбняке, и, судорожно вцепившись в подлокотники, ждали, ждали — звуков не было, неведомый источник умолк. И приборы не фиксировали ничего — только обычные голоса вселенной ловила гигантская чаша радиотелескопа, голоса бессмысленные, как всегда...

И шесть сеансов в последующие сутки ничего не дали. Казалось, произошла какая-то сбивка.

Но едва приступили к восьмому сеансу...

...Даже когда солнце зашло, и на небе высыпали редкие звезды, и стало темно, так что в двух шагах уже ничего не различить, Тып все равно не двинулся с места. Он по-прежнему сидел и бил, бил, бил... Камень о камень. Нет, не годится. Новая пара. Опять не годится. И так сотни, тысячи раз. А впереди — пять восходов...

Под утро он взял последнюю пару камней из той кучи, которую заготовил себе еще вчера.

И вот... Первый же удар внезапно высек искру. Даже не одну — целый сноп ослепительных искр. Потом еще и еще... Тып засмеялся от радости и, зажимая в руках камни, повалился на спину. Ноги онемели, ныла поясница, руки сделались вдруг тяжелыми, будто сами были из камня... Но Тып ничего этого не замечал. Главное — сделано! Теперь — спать, спать. Он успеет развести костер еще до пятого восхода.

Он спал долго — весь день и еще ночь. Его никто не трогал, потому что никому он не был нужен, а срок, назначенный старым Луху, еще не миновал. Проснувшись, Тып напился родниковой воды и тотчас отправился на свое место возле пещеры.

Один на один с чудесной, удивительной силой, рождающей Языки Дракона, первый из всех людей...

Два восхода миновали, как в воду канули, а Тып все разжигал свой костер. В какой-то момент сухой мох начал было тлеть, пошел дымок, и на секунду взметнулось крошечное пламя, но порыв ветра все загасил. Тогда Тып перебрался в пещеру и продолжил работу.

— Один восход остался, — сказал старый Луху.

Тып не обратил внимания на эти слова. Его заботило другое — камни стесывались, их могло не хватить, а где найти другие, такие же точно, Тып не знал.

Только бы успеть!

И совсем незадолго до пятого, урочного, восхода, когда старый Луху угрожающе поднялся со своего ложа и все, кто оставался в пещере, мрачной толпой окружили Тыпа, снова вспыхнул мох, и по тонким прутикам пламя побежало дальше, перекидываясь на ветви потолще, наконец в очаге запылал небольшой, но настоящий, новый костер.

— В-вы-ы! — закричали люди племени, кидаясь к выходу из пещеры, а старый Луху сел перед костром и заплакал.

Сияли лампы, слышались громкие разговоры, операторы ходили радостные, а в дверях, галдя, толпились репортеры.

«Тук-тук-тук...» — неслось из динамиков, уже освобожденное от посторонних шумов, усиленное и поражающее своей четкостью, ритмичностью и каким-то невероятным, всесокрушающим напором. Джон Тортолетт выключил магнитофон и повернулся к коллегам.

— Искусственная природа сигналов вне сомнений, — громко сказал он, счастливо улыбаясь. — Это — Разум, господа! — Он поднял голову к прозрачному потолку, где горели и трепетали далекие костры вселенной. — Впустите репортеров!

Первые лучи солнца проникли в пещеру, высветили дальний угол и в нем безмятежно спящего Тыпа. Рядом с ним на шкуре лежали два маленьких невзрачных обломка...

Выгодная сделка

ЛАРРИ АЙЗЕНБЕРГ

Мне сразу бросился в глаза этот долговязый субъект. Смуглое лицо метиса и копна лохматых волос никак не вязались с модным покроем его элегантного костюма, явно сшитого на заказ у дорогого сеншенского портного. Он стоял чуть в стороне и задумчиво рассматривал меня, но я притворился, что не замечаю этого.

Автомат-официант оказался незнакомой конструкции, и я совсем запутался в многочисленных кнопках и слишком лаконичных надписях на них. Казалось бы, простая вещь: заказать завтрак, но когда не знаешь нужного кода, это может вырасти в целую проблему. Тут-то он и подсел к моему столику.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь? — вежливо улыбнулся он. — Я вижу, вы только что прибыли к нам...

Я молча кивнул, и он тут же объяснил, как заказать синтетическую яичницу с ветчиной. Это оказалось нехитрым делом. Через несколько минут из отверстия в центре стола выскочило блюдо с аппетитно дымящейся яичницей. Да и на вкус она была ничего. Я уже приканчивал ее, когда вспомнил о выручившем меня незнакомце.

— Может быть, вам тоже что-нибудь заказать? — смущенно спросил я.

— Нет, нет, я никогда не отвлекаюсь по пустякам, если занят делом.

— Простите, но... сейчас вы... — я встал в тупик, не зная, как бы повежливее сформулировать мой вопрос.

— Вы хотите сказать, что сейчас я ничем не занят, — пришел он на помощь. — Ошибаетесь. У меня очень серьезное дело: ВЫ, — опять улыбнулся незнакомец.

Я машинально дожевывал яичницу, пытаясь сообразить, что он имеет в виду.

— Извините, но мне кажется, мы с вами незнакомы, — осторожно сказал я. — Правда, я не могу похвастаться памятью на лица...

Незнакомец жестом остановил меня.

— Вы абсолютно правы: мы никогда не встречались, но я хорошо знаю вас. Поэтому у меня есть к вам деловое предложение.

Я чуть было не расхохотался. Почти шесть лет я скитался в горах Сеншена, промывая золотоносную породу в заброшенных шахтах. Пару раз попадались небольшие жилы. Добыча была не так уж велика, но позволяла продержаться год-другой. Заявки же, которые я сделал, не стоили ни гроша.

Каким-то чудом он угадал мои мысли:

— Ваши заявки меня не интересуют. Просто я хочу купить ваше имя.

— Боюсь, что этот товар не в цене, — рассмеялся я, по достоинству оценив шутку. — Держу пари, оно вам неизвестно.

Незнакомец произнес мое имя по слогам, делая ударения на каждом из них. Прозвучало оно несколько необычно, но это действительно было мое имя.

— Вы думаете, я вас разыгрываю. Чтобы у вас не оставалось сомнений в серьезности моих намерений, предлагаю пятьдесят тысяч отступного за ваше имя.

От неожиданности у меня вилка выпала из рук.

«Это же целая куча денег! Я за десять лет столько не заработаю».

— Но зачем вам мое имя?

— Пятьдесят тысяч, — повторил незнакомец, не обращая внимания на мой вопрос. — Регистрационная форма для передачи имени у меня с собой. Вот, взгляните: вы подписываетесь здесь, я — тут. Мы идем к городскому нотариусу, заверяем форму, и я плачу вам пятьдесят тысяч наличными. Это займет от силы полчаса.

Я поставил пустую тарелку на темный кружок в центре стола, нажал кнопку, и она исчезла. Вытерев рот выпрыгнувшей из отверстия салфеткой, я встал из-за стола:

— Спасибо за то, что помогли набрать заказ. Мне пора.

— Присядьте на минутку, — заискивающе попросил незнакомец. — Вы, видимо, не совсем поняли меня. Ручаюсь, вам никогда больше не представится случай заключить такую выгодную сделку...

Я присел на краешек стула.

— Поймите же и вы, что я не собираюсь продавать свое имя. Его носили и отец, и дед, и прадед. Да и зачем оно вам? Ведь в нем нет ничего особенного...

Незнакомец вновь произнес вслух мое имя, но на этот раз обычные звуки прозвучали божественной музыкой.

— Это прекрасное имя, — словно бы смакуя его, медленно проговорил он. — Уж не думаете ли вы, что я выложу пятьдесят тысяч за первое попавшееся имя? — Он достал из кармана маленькую записную книжку. — У меня здесь есть имена, которым красная цена — пять сотен. Но ваше стоит того, что я предлагаю.

— Боюсь, эта сделка меня не заинтересует, — сказал я.

— Сколько вам лет?

— Шестьдесят три, — на самом деле мне было около шестидесяти восьми. — Конечно, пятьдесят тысяч — большие деньги, и все-таки имя есть имя.

— Хорошо, пусть будет шестьдесят. Это моя последняя цена. Не знаю, что со мной случилось, но я почувствовал, что вот-вот сдамся. Однако прежде нужно было выяснить еще одну деталь.

— Что вы собираетесь делать с моим именем, если я продам его?

Незнакомец нахмурился.

— Что я собираюсь делать

Рисунок Е. МОНИНА

с ним? — он пожал плечами. — Да ничего.

Должно быть, в этот момент я выглядел ужасно глупо, потому что он вдруг громко расхохотался.

— Понимаю, вы боитесь, что я воспользуюсь вашим именем для каких-нибудь темных делишек...

Я кивнул.

— Успокойтесь, я просто хочу иметь ваше имя. Я коллекционер. Одни скупают недвижимость, другие охотятся за картинами или редкими книгами. Я же предпочитаю имена. Но для этого они должны стать моими, понимаете? Имя должно принадлежать мне. Когда встречается такое, которое мне нравится, я готов заплатить по-королевски.

Глаза незнакомца засверкали, на смуглом лбу выступил пот. Он достал бумажник, раскрыл его и отсчитал шестьдесят новеньких хрустящих кредиток. У меня дух перехватило, когда я увидел эти деньги.

После того как нотариус заверил регистрационную форму, мы пожали друг другу руки.

— Берегите его, — сказал я прочувствованно, — это очень хорошее имя.

— Постараюсь, — ответил незнакомец равнодушно. Мне показалось, что он вдруг потерял ко мне всякий интерес. Отвернувшись, он пристально разглядывал еще одного землянина, одетого в потрепанный костюм, который медленно брел по пыльной мостовой. — Извините, но, кажется, появился подходящий товар...

Незнакомец небрежно сунул регистрационную форму в карман и поспешил за оборванцем. Долговязое худое тело необычного коллекционера словно бы ожило, а пальцы даже слегка дрожали от возбуждения.

— Мы забыли попрощаться, — с упреком окликнул я, но он и не подумал обернуться.

Ну и ладно. Зато у меня остались шестьдесят новеньких, хрустящих кредиток по тысяче каждая. Таскать с собой такую кучу денег было не очень-то разумно, поэтому я отправился в ближайшее отделение банка, чтобы открыть счет.

— На чье имя? — спросил кассир.

Пожалуй, он изумился даже меньше, чем я, когда из глаз у меня вдруг сами собой брызнули слезы. А, черт, мое имя!

Перевел с английского
С. ПАВЕРИН

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ

Фантастический рассказ

Движение урагана мангры уловили, как всегда, вовремя, хотя, казалось, вокруг ничто не указывало на его близость.

Если бы мангры могли облечь свои ощущения в слова, то, верно, сказали бы: «Что за жизнь! Вечно природа гонит нас прочь от накрытого стола, когда мы еще не насытились!» Но мысль и слово отсутствовали. Просто ногокорни стали поспешно вытягиваться из земли, а черно-фиолетовые листья поднялись и выгнулись по ветру, как натянутые паруса. Безжалостная эволюция прочно закрепила в манграх суровое знание кочевника: кто медлит, тот рискует погибнуть под ураганом, как бы стойко он ни цеплялся за почву.

Прошло немного времени, и по равнине, все убыстряя ход, двинулась слитная масса темных парусов, подгоняемая ветром и усилием сотен тысяч щупальцеобразных ног. Безошибочный инстинкт наилучшим путем вел мангров к месту, которого в ближайшее время не коснется буря, месту, где можно спокойно пастись.

В тот же самый момент, находясь в сотнях километров от мангров и обозревая все с высоты орбиты, такое же место искал усиленный всей мощью машин человеческий разум. Электронные и лазерные импульсы, взаимодействуя со скоростью, немыслимой не только для мангров, но и для самого человека, обшаривали полярную область, рассчитывали кривую движения многочисленных бурь, хаос завихрений, удары бешеных воздушных потоков — всю ту головоломку атмосферных явлений, которую едва осиливала земная математика, с единственной целью найти клочок поверхности, где можно было высадить десант, не опасаясь немедленного буйства инопланетных стихий.

Поскольку истина объективна, нет ничего удивительного, что разный, ни в чем не схожий поиск дал один и тот же результат: десантный бот землян устремился туда же, куда стремились и мангры.

Движение прекратилось, едва мангры достигли котловины, где они могли безопасно пастись. «Паруса» поникли, их плоскости легли горизонтально, вбирая скупой свет далекого светила, и щупальца врылись в землю, чтобы дать разветвленному на многие гектары телу питательные соли и удержать его от шальных порывов ветра.

Теперь уже ничто не говорило, что мангры — кочевники; казалось, они всегда росли и будут расти на этом пологом склоне холма. С ними вместе успокоилась и принялась за дело вся та живность, которая неизменно сопровождала мангров и не могла без них обойтись, как, впрочем, и они без нее.

Грохот с неба, нарастающий звук, сильная ветровая волна застигли мангров врасплох и заставили крепче вцепиться в почву. Из-за облаков скользнуло чечевицеобразное тело, оперлось на огненный столб и медленно опустилось.

Органы чувств мангров отметили всю картину прибытия человека, кроме самого последнего мига, который был скрыт вершиной холма.

Ветер стих, и они успокоились. То, что случилось, не было внезапным смерчем, который мог причинить им вред. Мангры продолжали спокойно пастись, блаженствуя в холодных лучах своего солнца, наслаждаясь пищей и безопасностью. Все, что было сопряжено с появлением человека, находилось далеко за гранью их смутного сознания, и, хотя жизненный путь мангров уже пересекся с путем человека, для них все оставалось таким, каким было всегда.

И люди тоже ничего не предвидели, хотя они-то знали, что мангры существуют, и даже питали к ним интерес. Хозяева и гости, как ни странно, находились почти в равном положении: люди не существовали для мангров, но и мангры существовали для людей лишь как загадка, ибо что можно увидеть с орбиты? Только то, что какие-то пятна, очевидно растительности, или меняют свой цвет (традиционная, а потому наиболее правдоподобная гипотеза), или закапываются при ненастье, или перемещаются непонятным образом. Автоматы разведки в чужой и бурной атмосфере работали плохо: порой их несло и кружило, как осенние листья.

Да какое, в сущности, мангры имели значение? Они были мелким камешком, очередной пылинкой на великом звездном пути человека. Пылинкой, которую следовало рассмотреть мимоходом, — не более.

Когда посадка была закончена, дно десантного бота раздвинулось, выпустив якорные лапы, которые тотчас ввинтились в почву на случай непредвиденного урагана. Что такое здешний ураган, люди, не испытав его, абстрактно знали не хуже мангров. А вот полагаться на свои расчеты, когда и куда двинется ураган, они не могли с той же уверенностью, с какой мангры полагались на свой инстинкт.

Когда пыль улеглась, из открывшегося люка опустилась аппарель, и по ней съехал вездеход. Люди вступили еще на одну планету.

Вездеход перевалил гребень холма, и тогда они впервые близко увидели мангров. Точнее, то, что им было знакомо и привычно, — кустарниковую рощу. Не совсем, разумеется, обычную, но все же рощу, то есть низкий полог густых и голых ветвей, многие из которых заканчивались веером продолговатых и темных листьев, чья плоскость была строго перпендикулярна лучам солнца. Двух мнений о том, что это такое, быть не могло, и водитель направил вездеход через кустарник, поскольку объезд был далек и неудобен.

Гусеницы подмяли тугой матрац ветвей, даже не заметив препятствия. В крошево были размолоты первые листья; вездеход шел, оставляя за собой месиво.

— Очередная маршрутная точка — в середине рощи, — не отрываясь от окуляра съемочной камеры, сказал биолог. — Надо взять образцы и изучить этот кустарник.

Однако вездеход остановился несколько раньше, чем было намечено. И не по воле людей.

Край плоти мангров ощутил боль, которая распространялась по мере того, как вездеход взрезал живое тело. Но мангры не спешили — их жизнь была непрерывной борьбой за существование, они знали, что и как надо делать. Чудовище они заметили издали. Отождествление тоже было делом нескольких мгновений. Ничего нового мангры для себя не обнаружили — просто очередное нападение их исконного врага урбана. Бесчисленные поколения урбанов питались манграми, вступая с ними в жестокий бой, и бесчисленные поколения мангров либо побеждали, либо гибли в этих схватках. Гибли менее приспособленные, а сильные и изворотливые выживали и сами губили менее удачливых урбанов. Так они взаимно выпалывали слабейших. И эта нескончаемая битва смертельных врагов была залогом прогресса как тех, так и других, поскольку совершенствование урбанов влекло за собой совершенствование мангров.

Н зкий и массивный вездеход, конечно, лишь отчасти походил на урбана, но он походил на него в главном — он нападал. И если бы мангры были способны рассуждать, они с удовлетворением отметили бы, что враг им попался нахальный, но глупый и что, следовательно, победа над этим урбаном останется за ними.

Но рассуждать они не могли, они действовали.

Вездеход плавно качнуло. Так плавно и мягко, что иная неровность дала бы куда более ощутимый толчок. Никто из людей, понятно, ничего не заметил.

Расчет, который бессознательно провели мангры, сделал бы честь земной математической машине. В нужный момент к нужной точке, как по команде, стянулось множество ногокорней. Едва вездеход очутился над этим участком, незаметно скопившиеся над листвой ногокорни одним касанием чуть-чуть уперлись в его днище. Неощутимый толчок никак не мог насторожить предполагаемого урбана, а манграм он давал бесценную информацию о весе противника.

Вездеход снова и уже резко качнуло. Одновременно его скорость упала так внезапно, что люди клюнули носом. Машинально водитель затормозил. Вездеход тут же выровнялся. Поскольку впереди не было никаких препятствий и — быстрый взгляд на шкалу донного локатора — никаких трещин, водитель, смутно удивившись, тут же прибавил скорость.

Но вездеход и не подумал рвануться. Было видно, как ползет лента гусениц, слышно, как шумит мотор, но и только. Столь же машинально, как он действовал за секунду до этого, водитель дал полную мощность. Вездеход содрогнулся, стремительно замелькали гусеничные траки, двигатель, перед силой которого, казалось, ничто не могло устоять, взвыл, словно от ярости. Но ма-

шина не сдвинулась и на миллиметр.

Она и не могла сдвинуться, потому что мангры, упершись в днище, приподняли ее, и гусеницы теперь молотили воздух.

Реакция врага, обладай мангры способностью удивляться, изумила бы их своей замедленностью. Все складывалось на редкость удачно: нерасторопный противник был оторван от почвы, лишен возможности двигаться, и его гибель была теперь лишь вопросом времени.

Мангры испытывали удовлетворение — это неосознанное чувство им было знакомо.

— Алло, бот, мы подверглись нападению, смешно сказать, кустарника!

— Точнее.

— Гусеницы вращаются вхолостую, очевидно, кусты лишили их опоры. Их ветви — или щупальца — оплели кузов так, что мы не можем открыть дверцы и пустить в ход оружие!

— Опасность?

— Прямой опасности нет, кусты больше ничего не предпринимают, но положение нелепое: мы пленники, и непонятно даже чьи. Сами мы пока не видим выхода.

— Ясно. Минут через десять мы атакуем вашу «растительность».

— Биолог возражает: второго вездехода нет, а атаковать без него рискованно, так как неясен характер противника.

— Позитивная программа?

— Надо взять образцы этого кустарника и точно установить, что же это такое.

— Мы это тоже сообразили. Но можете вы поручиться, что с вами тем временем ничего не произойдет?

— Нет, конечно, хотя, повторяю, кустарник прекратил атаку. Очевидно, не знает, что с нами делать.

— Тогда наш план остается в силе. Ждите.

Люди ошибались, думая, что мангры не знают, как поступить с пленным чудовищем. Они также ошибались, полагая, что мангры ничего не предпринимают. Мангры действовали. В тот самый момент, когда шел разговор, они пытались разорвать вездеход, как разрывали попавших в их объятия урбанов.

Конечно, у них ничего не получалось, да и вообще все было как-то не так: враг не рвался из пут, а ветверуки, которые должны были стиснуть опасные стригали урбана, вместо этого стискивали пустоту.

Последнее обстоятельство повергло в недоумение не только мангров, но и людей, которые непонимающе следили, как слева и справа от кузова, обнимая пустоту, качались пучки щупалец. Что бы это значило? Все прочие поступки мангров, едва прошло ошеломление первых минут, были поняты людьми, хотя и поверхностно. Этот же не имел очевидного объяснения и заставлял предполагать худшее — некий дальновидный и пагубный умысел.

Оставив на борту дежурного, трое людей быстро достигли вершины холма. Они были вооружены плазменными винтовками — оружием неодолимой силы. Но, как им сразу стало ясно, даже с его помощью здесь нельзя было рассчитывать на быстрый успех. Одно дело какие-нибудь бронированные чудовища, которых плазменный выстрел мог пронзить насквозь, и совсем другое — обширные заросли кустарника, в которых требовалось прожечь ход к побежденной машине.

Но, в конце концов, что мог противопоставить кустарник оружию, которое исправно прокладывало человеку путь во всех, без исключения, мирах?

Убедившись, что разорвать жертву не удается, мангры привычно изменили тактику: ветверуки стиснули вездеход, сжали его так, что никакому урбану не поздоровилось бы.

Спектролитовый колпак вездехода, однако, даже не скрипнул, и люди не заметили этих новых могучих усилий мангров.

Кустарник следовало выжигать постепенно, метр за метром, и атакующие методично принялись за дело. В успехе они, понятно, не сомневались.

Конечно, мангры не осознали, что эти издали жалящие их тело фигурки и пойманный гигант — звенья одной цепи. Перед ними оказался новый враг — вот и все. С таким поражающим издали противником они еще не имели дела, но страх перед неизвестным, вообще страх, им был неведом. Пока урон был невелик, они могли и должны были бороться, иначе, как говорил им миллионолетний опыт, выжить невозможно.

Люди с удовлетворением отметили, что первые же выстрелы заставили кустарник попятиться. Он отступал по всему фронту, но вместе с собой он волочил и вездеход.

Враг бежит, надо преследовать! Вне зависимости от этого старинного правила ничего другого людям не оставалось делать, так как расстояние ослабляло силу огня.

Преследование началось.

Манграм была неведома такая абстракция, как понятие «ловушка». Но ставили они именно ловушку, поскольку такой прием был в арсенале их средств борьбы.

Они отступали не целиком. Отдельные зарывшиеся в почву ногокорни оставались там, где были, и ждали, когда их верхние отростки почувствуют тяжесть атакующего противника.

Даже такая борьба, как расстрел кустарника, порождает азарт, и люди, мечущие молнии, понятно, не обращали внимания на обугленную выстрелами почву.

Западня сработала мгновенно. Люди не успели понять, что случилось, как их ноги уже были схвачены рванувшимися из-под земли щупальцами. Еще мгновение — и их тела очутились в воздухе, а новые щупальца охватили руки.

Это было так страшно — рванувшиеся из-под земли щупальца, — что люди упустили драгоценное мгновение, когда их оружие еще могло освободить их.

Конечно, мангры, как полагалось, сразу же стиснули своих новых пленников, но сил одиночных ногокорней, которые так блестяще справились со своей задачей, не хватило, чтобы одолеть жесткий скафандр.

Но это было лишь временной отсрочкой. Едва прекратились выстрелы, как уже вся масса мангров двинулась к трем беспомощно повисшим в воздухе пленникам.

Чем это грозит, те поняли сразу. Их руки и винтовки были схвачены самым причудливым образом, так что двое могли шевельнуть кистью руки и ограниченно использовать оружие для дальнейшей стрельбы. Но такую мишень, как кустарник, мог поразить и неприцельный огонь.

И на мангров снова обрушились молнии.

То был поступок отчаяния! Люди ждали, что щупальца в ту же секунду схватят, прижмут, вырвут оружие. Но, к их изумлению и облегчению, ничего этого не произошло.

Опаленный огнем фронт мангров замер. Люди тут же прекратили стрелять — в их новом отчаянном положении был дорог каждый заряд.

Мангры двинулись снова. Выстрелы опять их остановили. Так повторилось еще несколько раз. Наконец — людей словно отпустил кошмар — мангры уже не сделали попытки двинуться.

Мангры, хотя их организация была примитивной, умели учиться. Выстрелы быстро выработали в них условный рефлекс, но дальше дело пошло туго. Мангры, если можно так сказать, были поставлены в тупик, ибо бой развертывался «не по правилам».

И тогда, когда программа инстинкта была исчерпана, включился механизм метода проб и ошибок.

— Да сделайте же что-нибудь!

Крик напрасно звенел в наушниках. Люди в вездеходе предпочитали не глядеть друг на друга. Их положение было ужасно, потому что им, защищенным броней, но беспомощным, предстояло увидеть агонию друзей, которые хотели их выручить и стали пленниками сами. Даже если кустарник больше ничего не предпримет, кислород в скафандрах иссякнет раньше, чем звездолет успеет оказать помощь.

Оставался, правда, еще один свободный человек — дежурный покинул свой пост, и теперь его одинокая фигура маячила на вершине холма. Но стрелять он не мог — нельзя было поразить щупальца, не поражая людей. Подойти с резаком? Но это уже был бы отчаянный шаг, и решиться на него следовало только в критическую минуту.

Внезапно вездеход тряхнуло. Борт его резко накренился, люди едва успели ухватиться за поручни. Нет, мангры не забыли о своем первом противнике! Они его переворачивали вверх гусеницами.

Зачем? Этого не знали не только люди, но и мангры.

С вездеходом, даже поставленным вверх ногами, мангры заведомо ничего не могли поделать, но с остальными они могли расправиться по меньшей мере тремя способами: убить резкими ударами о землю, скрутить их тела винтом, что вызвало бы разрыв скафандра, или, как вездеход, перевернуть людей вниз головами.

Второй маневр хранился в наследственной памяти мангров, но, к счастью для людей, сама эта программа уже столь явственно дала осечку, что инстинкт самозатормозился. Точнее, одна инстинктивная программа «делай, как всегда» была ослаблена другой программой: «пробуй, если не получается, как всегда». А поскольку люди с молниями и вездеход представлялись разными врагами, то и пробы оказались разными: щупальца всего лишь выпустили сок, которым они разлагали минералы почвы. При этом щупальца стали потряхивать людей теми же движениями, какими, выпустив сок, рыхлили почву.

Нельзя сказать, чтобы это было приятно, но потряхивание ничем страшным не грозило. Что же касается белой жидкости, которая заструилась по скафандрам, то тут можно было подозревать самое худшее. Враг, столь быстро и умело нанесший людям поражение, казался теперь воплощением коварного и расчетливого ума. К счастью, не всем.

У людей в вездеходе при всех их переживаниях была возможность подумать. Сидя на том, что недавно было крышей, они следили за кустарником, и привычка сопоставлять, анализировать понемногу брала верх. Процесс этот, в общем бессознательный, был следствием огромного опыта человеческой культуры, который подсказывал, что все победы предрешал творческий подход, а там, где этого не было, не было и успеха.

В беду их ввел привычный стереотип мышления, но второй такой же ошибки им удалось избежать. Целенаправленные, точные, а потому внешне разумные действия кустарника лишь на миг поколебали убежденность биолога, что они имеют дело с примитивным, хотя и своеобразным существом. Эта убежденность не была слепой, ибо основывалась на знании общих законов эволюции жизни, знании, что содержание определяет форму. То, что кустарник не парализовал оружие, не нашел верного способа убийства беспомощных людей, окончательно развеяло сомнения. Их противник не был ни умен, ни глуп, как не была умна или глупа какая-нибудь земная росянка; он был отлично приспособлен к строго определенным условиям и ситуациям, только и всего.

Когда это было осознано, требовалось уже немногое, чтобы увидеть выход из безвыходного, казалось бы, положения.

В подсказке недостатка не было. На тех участках, где не кипел бой, листья мангров мирно продолжали вбирать свет. Там, едва стихли выстрелы, объявились похожие на мокрицу крупные существа, которые безбоязненно сновали меж ветвями и — более того — поедали листья!

Конечно, эта идиллия скользнула мимо оглушенного событиями разума, но в сознании она запечатлелась. До вывода оставалось полшага, но сначала человек должен был расстаться с предвзятыми установками и кое-что сообразить. А именно: всесилие человека отнюдь не в мощи покоренной энергии, не в изощренности построенных им машин, даже не в знаниях — оно в гибкости, широте и дальновидности мышления! Еще: тактика, успешно сработавшая пусть тысячу раз, не обязательно оправдает себя в тысячу первый. И еще: человек убежден, что он всегда разумен; на деле же он разумен только тогда, когда способен подметить, оценить новое и, перестроив прежнюю картину мира, действовать в соответствии с реальностью, какой бы она ни была.

Незаметно для себя (необходимость — лучший учитель!) биолог проделал весь этот путь. И тогда он понял, что надо делать.

Понял в тот самый момент, когда в наушниках раздался отчаянный крик:

— Их жидкость разъедает скафандр!

Так наступила критическая минута, и биолог понял, что его открытие бесполезно: события опередили работу разума.

И все же...

— Откуда вы заключили, что сок разъедает силикет?!

— Шелушится и опадает его верхний слой!

«Сок был выпущен полчаса назад, — мгновенно пронеслась мысль. — А слоев три...»

— Ни с места! — закричал он. — Есть другой способ!

Поздно! Единственный оставшийся на свободе член экипажа уже подбегал к пленным. Сверкнуло лезвие резака...

Прежде чем резак успел отсечь

Рисунки Н. ГРИШИНА

второе щупальце, несколько других, соскользнув с пленников, схватили смельчака. Секунда — и он оказался в том же положении, что и остальные.

Ужас не помешал биологу отметить, что его план блестяще подтвердился в самом уязвимом пункте. Теперь он твердо верил в успех. Если, конечно, новый случайный поступок кустарника не сделает его невыполнимым.

Этого, однако, можно было

не бояться. Мангры знали, что корневой сок действует медленно, и не спешили пробовать что-нибудь другое. Что же касается первого врага — вездехода, то все его поведение убеждало, что он мертв. Значит, оставалось, лишь ждать, когда разложение размягчит ткани этого странно твердого урбана. Все было не так, как всегда, и все-таки шло как надо.

Донный люк откидывался внутрь. Первым вылез биолог. Люк за ним тотчас захлопнулся — как ни убедительна была теория, рисковать всем не было смысла.

Перевернув вездеход, мангры сами облегчили выполнение плана, ибо теперь у человека был широкий простор для маневра, который отсутствовал бы, если бы донный люк остался внизу.

Ползком, стараясь без нужды не касаться щупалец, человек скользнул с брони вездехода и так же ползком двинулся сквозь сплетение страшных отростков.

Даже смотреть на это было невмоготу! Состояние же биолога, сколь ни был он уверен в своей правоте, близилось к обморочному. Самым пугающим было касание этих бледно-маслянистых щупалец; и знание, что им ничего не стоит схватить и удушить... Вопреки всему воображение невольно наделяло их рассудком, который способен преодолеть шаблон инстинкта. Ведь это же ясно как день, что крадется враг!

Манграм, однако, было совершенно ясно, что сквозь сплетение их ветверук ползет нечто безвредное или даже скорее полезное. Никакое другое существо просто не могло вот так сразу очутиться в самой сердцевине их организма: оно было бы задержано, опознано и истреблено на границе тела. Мангры не разбирались, кто копошится в них, не обращали внимания на тварей, которые поедали больную листву, обирали вредных насекомых или питались отмершими тканями. Ведь даже человек без помощи науки не в состоянии заметить тех подчас крупных и вредных существ, которые гнездятся в его организме! Поэтому смельчак, пока он себя вел так, как вел себя биолог, был в безопасности, словно прогуливался по парку.

И это вскоре всем стало ясно.

Биолога могли погубить лишь две ошибки, но он их учел. Он не двинулся напрямик, так как пришлось бы проползать через опаленные выстрелом участки, а это могло вызвать у мангров болевое ощущение, которое, вероятно, включило бы защитную реакцию. Он, хотя это намного удлиняло его путь, выбрался наружу там, где мангров ничто не беспокоило. И, выйдя наружу, он не встал и не побежал, прекрасно сознавая, что противник скорей всего уже научился отождествлять фигуру идущего человека с опасностью.

Экипаж вездехода в точности повторил его маневр. Нельзя сказать, что люди проделали это без содрогания, но успех был достигнут. И вовремя!

Скафандры пленников, как и предполагалось, еще противостояли разрушительному действию сока. Пока еще противостояли...

Схватка одиночки со щупальцами, которая закончилась столь плачевно, тем не менее наглядно подтвердила то, о чем биолог догадывался. Пучок щупалец исчерпал все свои резервы настолько, что нового пленника они уже не могли поднять над землей. Возможно, они еще могли скрутить одного-двух, но теперь в борьбу вступали уже четверо. Подхода же подкрепления можно было не опасаться — «рефлекс выстрелов» не должен был исчезнуть так быстро.

Все, что произошло потом, сильно напоминало ожившую скульптуру битвы Лаокоона со змеями...

Спустя несколько минут щупальца были рассечены резаками, и люди поспешно отступили к боту.

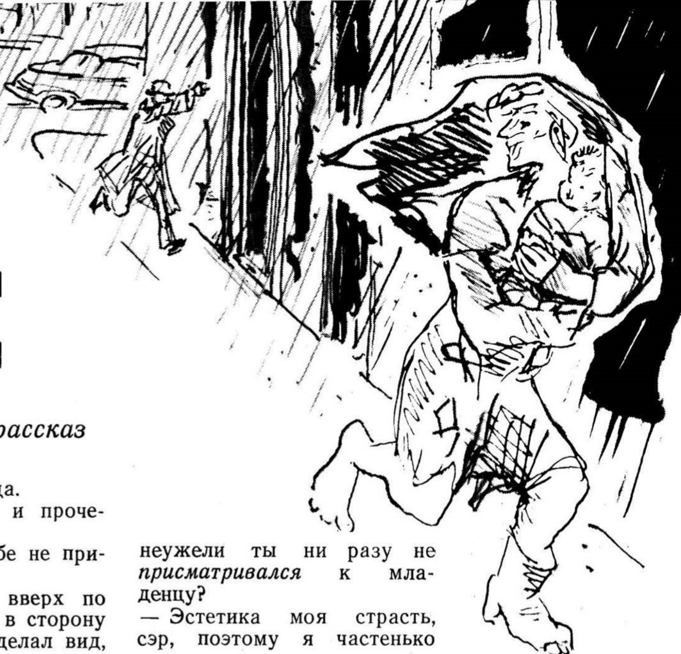
Теперь оставалось лишь отбить вездеход. Но мысль об избиении уже беззащитного, когда стали ясны его слабые стороны, хотя по-прежнему загадочного, кустарника претила людям. И они охотно пришли к выводу, что мангры сами оставят вездеход, едва почувствуют приближение бури.

Тут они ошиблись. Инстинкт повелевал манграм не упускать добычу, и, когда приблизилась буря, они поволокли вездеход.

С их стороны это был роковой просчет. Вездеход в отличие от урбана нельзя было разодрать на клочки; его махина затруднила движение мангров, и буря их настигла.

А что такое здешние бури и почему мангры стали кочующими полурастениями - полуживотными, людям сказали обломки вездехода, рассеянные на пространстве многих километров.

ОТПРЫСК МАКГИЛЛАХИ



Фантастический рассказ

днях, воспоминание о матери и ее малютке, об этом чумазом личике, о том, как женщина кричала, словно тормоза, на которые нажали, чтобы удержать ее на краю погибели.

Поздно ночью на ветреном берегу Ирландии, спускаясь по скалам туда, где волны вечно приходят и уходят, где море всегда бурлит, я слышал ее причитания.

И ребенок был тут же.

Жена ловила меня на том, что после ужина я сижу, задумавшись, над своим чаем или кофе по-ирландски. И она спрашивала:

— Что, *опять?*

— Да.

— Глупости.

— Конечно, глупости.

— Ты же всегда смеешься над метафизикой, астрологией и прочей хиромантией...

— Тут совсем другое дело, тут генетика.

— Ты весь отпуск себе испортишь. — Она подавала мне кусок торта и подливала еще кофе. — Впервые за много лет мы путешествуем без кучи пьес и романов в багаже. И вот тебе, сегодня утром в Голуэе ты все время оглядывался через плечо, точно *она* трусила следом за нами со своим слюнявым чадом.

— Нет, в самом деле?

— Как будто ты не знаешь! Генетика, говоришь? Прекрасно. Это и впрямь та женщина, которая просила подаяние у отеля пятнадцать лет назад, она самая, да только у нее дома дюжина детей. Мал мала меньше, и все друг на друга похожи, словно горошины. Есть такие семьи, плодятся без остановки. Гурьба мальчишек, все в отца, или сплошная цепочка близнецов — вылитая мать. Спору нет, этот младенец похож на виденного нами много лет назад, но ведь и ты похож на своего брата, верно? А между вами разница двенадцать лет.

— Говори, говори, — просил я. — Мне уже легче.

Но это была неправда.

Я выходил из отеля и прочесывал улицы Дублина.

Я искал, хотя сам себе не признался бы в этом.

От Тринити-колледж вверх по О'Коннелл-стрит, потом в сторону парка Стивенс-Грин, я делал вид, будто меня интересует архитектура, но втайне все высматривал *ее* с ее жуткой ношей...

Кто только не хватал меня за полу — банджоисты, чечеточники и псалмопевцы, журчащие тенора и бархатные баритоны, вспоминающие утраченную любовь или водружающие каменную плиту на могиле матери, но мне никак не удавалось выследить свою добычу.

В конце концов я обратился к швейцару отеля «Ройял Иберниен».

— Майк, — сказал я.

— Слушаю, сэр.

— Эта женщина, которая обычно торчит здесь у подъезда...

— С ребенком на руках?

— Ты ее знаешь?

— Еще бы мне ее не знать! Да мне тридцати не было, когда она начала отравлять мне жизнь, а теперь вот, глядите, седой уже!

— Неужели она столько лет просит подаяние?

— Столько, и еще столько, и еще полстолько!

— А как ее звать?

— Молли, надо думать. Макгиллахи по фамилии, кажется. Точно. Макгиллахи. Простите, сэр, а вам для чего?

— Ты когда-нибудь *смотрел* на ее ребенка, Майк?

Он поморщился, как от дурного запаха.

— Уже много лет не смотрю. Эти нищенки, сэр, они до того своих детей запускают, чистая чума. Не подотрут, не умоют, новой латки не положат. Ведь если ребенок будет ухоженный, много ли тебе подадут? У них своя погудка: чем больше вони, тем лучше.

— Возможно. И все же, Майк, неужели ты ни разу не *присматривался* к младенцу?

— Эстетика моя страсть, сэр, поэтому я частенько отвожу глаза в сторону. Простите мне, сэр, мою слепоту, ничем не могу помочь.

— Охотно прощаю, Майк. — Я дал ему два шиллинга. — Кстати, когда ты их видел в последний раз?

— В самом деле, когда? А ведь знаете, сэр... — Он посчитал по пальцам и посмотрел на меня. — Десять дней, они уже десять дней здесь не показываются! Неслыханное дело. Десять дней!

— Десять дней, — повторил я и посчитал про себя. — Выходит, их не было здесь с тех пор, как появился я.

— Уж не хотите ли вы сказать, сэр?..

— Хочу, Майк, хочу.

Я спустился по ступенькам, спрашивая себя, что именно я хотел сказать.

Она явно избегала встречи со мной.

Я начисто исключал мысль о том, что она или ее младенец могли захворать.

Наша встреча перед отелем и сноп искр, когда взгляд малютки скрестился с моим взглядом, напугали ее, и она бежала, словно лисица. Бежала невесть куда, в другой район, в другой город.

Я чувствовал, что она избегает меня. И пусть она была лисицей, зато я с каждым днем становился все более искусной охотничьей собакой.

Я выходил на прогулку раньше обычного, позже обычного, забирался в самые неожиданные места. Соскочу с автобуса в Болсбридже и брожу там в тумане. Или доеду на такси до Килкока и рыскаю по пивным.

Я даже преклонял колена в церкви пастора Свифта и слушал раскаты его гуигнгнмоподобного голоса, тотчас настораживаясь при звуке детского плача.

Сумасшедшая идея, безрассудное преследование... Но я не мог остановиться, продолжал расчесывать зудящую болячку.

И вот поразительная, немыслимая случайность, поздно вечером, в проливной дождь, когда все водостоки бурлят и поля вашей шляпы обвиты сплошной завесой, миллион капель в секунду, когда не идешь — плывешь...

Я только что вышел из кинотеатра, где смотрел картину тридцатых годов. Жуя шоколадку «Кэдбери», я завернул за угол...

И тут эта женщина ткнула мне под нос своего отпрыска и затянула привычное:

— Если у вас есть хоть капля жалости...

Она осеклась, повернулась кругом и побежала.

Потому что в одну секунду все поняла. И ребенок у нее на руках, малютка с возбужденным личиком и яркими, блестящими глазами, тоже все понял. Казалось, оба испуганно вскрикнули.

Боже мой, как эта женщина бежала!

Представляете себе, она уже целый квартал отмерила, прежде чем я опомнился и закричал:

— Держи вора!

Я не мог придумать ничего лучшего. Ребенок был тайной, которая не давала мне житья, а женщина бежала, унося тайну с собой. Чем не вор!

И я помчался вдогонку за ней, крича:

— Стой! Помогите! *Эй, вы!*

Нас разделяло метров сто, мы бежали так целый километр, через мосты над Лиффи, вверх по Графтэн-стрит, и вот уже Стивенс-Грин. И ни души...

Испарилась.

«Если только, — лихорадочно соображал я, рыская глазами во все стороны. — если только она не юркнула в пивную «Четыре провинции»...»

Я вошел в пивную.

Так и есть.

Я тихо прикрыл за собой дверь.

Вот она, около стойки. Сама опрокинула кружку портера и дала малютке стопочку джина. Хорошая приправа к грудному молоку...

Я подождал, пока унялось сердце, подошел к стойке и заказал:

— Рюмку «Джон Джемисон», пожалуйста.

Рисунки
К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Услышав мой голос, ребенок вздрогнул, поперхнулся джином и закашлялся.

Женщина повернула его и постучала по спине. Багровое личико обратилось ко мне, я смотрел на зажмуренные глаза и широко разинутый ротик. Наконец судорожный кашель прошел, щеки его посветлели, и тогда я сказал:

— Послушай, малец.

Наступила мертвая тишина. Вся пивная ждала.

— Ты забыл побриться, — сказал я.

Младенец забился на руках у матери, издавая странный жалобный писк.

Я успокоил его:

— Не бойся. Я не полицейский.

Женщина расслабилась, как будто кости ее вдруг обратились в кисель.

— Спусти меня на пол, — сказал младенец.

Она послушалась.

— Дай сюда джин.

Она подала ему рюмку.

— Пошли в бар, потолкуем без помех.

Малютка важно выступал впереди, придерживая пеленки одной рукой, сжимая в другой рюмку с джином.

Бар и впрямь был пуст. Младенец вскарабкался на стул и выпил джин.

— Господи, еще бы рюмашечку, — пропищал он.

Мать пошла за джином, тем временем я тоже сел к столику. Малютка смотрел на меня, я на малютку.

— Ну, — заговорил он наконец, — что у тебя на душе?

— Не знаю, — ответил я. — Еще не разобрался. То ли плакать хочется, то ли смеяться...

— Лучше смейся. Слез не выношу.

Он доверчиво протянул мне руку. Я пожал ее.

— Макгиллахи, — представился он. — Только меня все зовут отпрыск Макгиллахи. А то и попросту — Отпрыск.

— Отпрыск, — повторил я. — А моя фамилия Смит.

Он крепко сжал мне руку своими пальчиками.

— Смит? Неважнецкая фамилия. И все-таки Смит в десять тысяч раз выше, чем Отпрыск, верно? Вот и скажи, каково мне здесь, внизу? И каково тебе там, наверху, длинный, стройный такой, чистым, высоким воздухом дышишь? Ладно, держи свою стопку, в ней то же, что в моей. Глотай и слушай, что я расскажу.

Женщина принесла нам обоим по стопке гвоздодера. Я сделал глоток и посмотрел на нее:

— Вы мать?..

— Она мне сестра, — сказал малютка. — Маманя давным-давно пожинает плоды своих деяний, полпенни в день ближайшие тысячи лет, а там и вовсе ни гроша и миллион холодных весен.

— Сестра?

Видно, недоверие сквозило в моем голосе, потому что она отвернулась и спрятала лицо за кружкой с пивом.

— Что, никогда бы не подумал? На вид-то она в десять раз старше меня. Но кого зимы не состарят, того нищета доконает. Зимы да нищета — вот и весь секрет. От такой погоды фарфор лопается. Да, была она когда-то самым тонким фарфором, какой лето обжигало в своих солнечных печах.

Он ласково подтолкнул ее локтем.

— Но что поделаешь, мать, если ты уже тридцать лет...

— Как, тридцать лет...

— У подъезда «Ройял Ибернииен»... Да что там, считай больше! А до нас маманя. И папаня. И *его* папаня, весь наш род!

Только я на свет родился, не успели меня в пеленки завернуть, как я уже на улице, и маманя кричит «милосердия!», а весь мир глух, и нем, и слеп, ничего не слышит, ни шиша не видит. Тридцать лет с сестренкой да десяток лет с маманей, сегодня и ежедневно — отпрыск Макгиллахи!

— Сорок лет? — воскликнул я и нырнул за смыслом на дно стопки. — Тебе сорок лет? И все эти годы... Как же это тебя?..

— Как меня угораздило? Так ведь должность моя такая, ее не выбирают, она, как говорится, *прирожденная.* Девять часов в день, и никаких выходных, не надо отмечаться, не надо в ведомости расписываться, загребай, что богатый обронит.

— И все-таки я не понимаю, — сказал я, намекая жестами на его рост, и склад, и цвет лица.

— Так ведь я и сам не понимаю и никогда не пойму, — ответил малютка Макгиллахи. — Может, я себе и другим на горе родился карликом? Или железы виноваты, что не расту? А может, меня вовремя научили — дескать, останься маленьким, не прогадаешь?

— Но разве возможно...

— Возможно? Еще как! Так вот, мне это тыщу раз твердили, тыщу раз, как сейчас помню, папаня вернется с обхода, ткнет пальцем в кровать, на меня покажет и говорит: «Послушай, малявка, не вздумай расти, чтоб ни волос, ни мяса не прибавлялось! Там, за дверью, мир тебя ждет, жизнь поджидает! Ты *слушаешь,* мелюзга? Вот тебе Дублин, а вот, повыше, Ирландия, а вот тебе Англия поверх всего широкой задницей уселась. Так что не думай и не прикидывай, пустое это дело, не загадывай вырасти и добиться чего-то, а лучше послушай меня, мелюзга, мы осадим твой рост правдой-истиной, предсказаниями да гаданиями, будешь ты у нас джин пить да испанские сигареты курить, и будешь ты, как копченый ирландский окорок, розовенький такой, а главное — маленький, понял, чадо? Нежеланным ты на свет явился, но раз пожаловал — жмись к земле, носа не поднимай. Не ходи — ползи. Не говори — пищи. Руками не шевели — полеживай. А как станет тошно на мир глядеть, не терпи — мочи пеленки! Держи, мелюзга, вот тебе твой вечерний шнапс. Глотай, не мешкай! Там, у Лиффи, нас ждут всадники апокалипсические. Хочешь на них подивиться? Дуй со мной!»

И мы отправлялись в вечерний обход. Папаня истязал банджо, а я сидел у его ног и держал мисочку для подаяния. Или он наяривал чечетку, держа под мышкой справа меня, слева — инструмент и выжимая из нас обоих жалостные звуки.

Поздно ночью вернемся домой — и опять четверо в одной постели, будто кривые морковки, ошметки застарелой голодухи.

А среди ночи на папаню вдруг найдет что-то, и он выскакивает на холод, и носится на воле, и грозит небу кулаками. Я как сейчас все помню, хорошо помню, своими ушами слышал, своими глазами видел, он ничуть не боялся, что бог ему всыплет, чего там, пусть-де мне в лапы попадется, то-то перья полетят, всю бороду ему выдеру, и пусть звезды гаснут, и представлению конец, и творению крышка! Эй ты, господи, болван стоеросовый, сколько еще твои тучи будут мочиться на нас, или тебе начхать?

И небо рыдало в ответ, и мать голосила всю ночь напролет. А утром я снова — на улицу, уже на *ее* руках, и так от нее к нему, от него к ней, изо дня в день, и она сокрушалась о миллионе жизней, которые унесла голодуха пятьдесят первого, а он прощался с четырьмя миллионами, которые отбыли в Бостон....

А однажды ночью папаня и сам исчез. Должно быть, тоже сел на пароход доли искать, а нас из памяти выкинул. И не виню я его. Бедняга, голод довел его, он совсем голову потерял, все хотел нам дать что-то, а давать-то нечего.

А там и маманя, можно сказать, утонула в потоке собственных слез, растаяла, будто рафинадный святой, покинула нас, прежде чем развеялась утренняя мгла, и легла в сырую землю. И сестренка, двенадцать лет, в одну ночь взрослой стала, а я? Я остался маленьким.

У нас еще раньше было задумано, давно решено, что мы делать будем. Я ведь готовился к этому. Я знал, честное слово, знал, что у меня есть актерский дар!

Все порядочные нищие Дублина кричали об этом. Мне еще и десяти дней не было, а они уже кричали: «Ну и артист! Вот с кем надо подаяния просить!»

Потом мне стукнуло двадцать и тридцать дней, и маманя стояла под дождем у «Эбби-тиэтр», и артисты-режиссеры выходили и внимали моим гэльским причитаниям, и все говорили, что мне надо контракт подписать, на актера учиться! Мол, вырасту, успех мне обеспечен. Да только я не рос, а у Шекспира нет детских ролей, разве что Пак... И прошло сорок дней, пятьдесят ночей с моего рождения, и меня уже всюду приметили, нищие покой потеряли — одолжи им мою плоть, мою кость, мою душу, мой голос на часок туда, на часок сюда. И когда маманя болела, так что встать не могла, она сдавала меня на время, одному полдня, другому полдня, и кто меня получал, без спасиба не возвращал. «Матерь божья, — кричали они, — да он так горланит, что даже из папской копилки деньгу вытянет!»

А в одно воскресное утро у главного собора сам американский кардинал подошел послушать концерт, который я закатил, когда приметил его дорогое облачение да роскошные уборы. Подошел и говорит: «Этот крик — первый крик Христа, когда он на свет родился, и вопль Люцифера, когда его низринули с небес прямо в кипящий навоз и адскую грязь преисподней!»

Сам почтенный кардинал так сказал. Ну каково? Христос и Сатана вместе, наполовину Спас, наполовину Антихрист, и все это в моем крике, моем писке — поди-ка переплюнь!

— Куда мне, — ответил я.

— Или взять другой случай,

через много лет, того чокнутого американского киношника, что за белыми китами гонялся. В первый же раз, как мы на него наскочили, он зыркнул глазом в меня и... подмигнул! Потом достает фунтовую бумажку, да не сестренке подал, а мою руку чесоточную взял, сунул деньги в ладонь, пожал, опять подмигнул и был таков.

Потом я видел его в газете, колет Белого Кита гарпунищем, будто псих какой. И сколько раз мы после с ним встречались, всегда я чувствовал, что он меня раскусил, но все равно я ни разу не мигнул ему в ответ. Играл немую роль. За это я получал свои фунты, а он гордился, что я не сдаюсь и виду не показываю, что знаю, что он все знает.

Из всех, кого я повидал, он один смотрел мне в глаза. Он да еще ты! Все остальные больно стеснительные выросли, не глядя подают.

Да, так все эти актеры-режиссеры из «Эбби-тиэтр», и кардиналы, и нищие, которые долбили мне, чтобы я не менялся, все таким оставался, и пользовались моим талантом, моей гениальной игрой в роли младенца — видать, все это на меня повлияло, голову мне вскружило.

А с другой стороны — звон в ушах от голодных криков и что ни день — толпа на улице, то кого-то на кладбище волокут, то безработные валом валят... Соображаешь? Коль тебя вечно дождь хлещет, и бури народные, и ты всего насмотрелся — как тут не согнуться, не съежиться, сам скажи!

Моришь ребенка голодом — не жди, что мужчина вырастет. Или нынче волшебники новые средства знают?

Так вот, наслушаешься про всякие бедствия, как я наслушался, — разве будет охота резвиться на воле, где порок да коварство кругом? Где все — природа чистая и люди нечистые — против тебя? Нет уж, дудки! Лучше оставаться во чреве, а коли меня оттуда выдворили и обратно хода нет, стой под дождем и сжимайся в комок. Я претворил свое унижение в доблесть. И что ты думаешь? Я выиграл.

«Верно, малютка, — подумал я, — ты выиграл, это точно».

— Что ж, вот, пожалуй, и все, и сказочке конец, — заключил малец, восседающий на стуле в безлюдном баре.

Он посмотрел на меня впервые с начала своего повествования.

И женщина, которая была его сестрой, хотя казалась седовласой матерью, тоже наконец отважилась поднять глаза на меня.

— Постой, — спросил я, — а люди в Дублине знают об этом?

— Кое-кто. Кто знает, тот завидует. И ненавидит меня, поди, за то, что казни и испытания, какие бог на нас насылает, меня только краем задели.

— И полиция знает?

— А кто им скажет?

Наступила долгая тишина.

Дождь барабанил в окно.

Будто душа в чистилище, гдето стонала дверная петля, когда кто-то выходил и кто-то другой входил.

Тишина.

— Только не я, — сказал я.

— Слава богу...

По щекам сестры катились слезы.

Слезы катились по чумазому лицу диковинного ребенка.

Они не вытирали слез, не мешали им катиться. Когда слезы кончились, мы допили джин и посидели еще немного. Потом я сказал:

— «Ройял Ибернием» — лучший отель в городе, я в том смысле, что он лучший для нищих.

— Это верно, — подтвердили они.

— И вы только из-за меня избегали самого доходного места, боялись встретиться со мной?

— Да.

— Ночь только началась, — сказал я. — Около полуночи ожидается самолет с богачами из Шаннона.

Я встал.

— Если вы разрешите... Я охотно провожу вас туда, если вы не против.

— Список святых давно заполнен, — сказала женщина. — Но мы уж как-нибудь постараемся и вас туда втиснуть.

И я пошел обратно вместе с этой женщиной и ее малюткой, пошел под дождем обратно к отелю «Ройял Ибернием», и по пути мы говорили о толпе, которая прибывает с аэродрома, озабоченная тем, чтобы не остаться без стопочки и без номера в этот поздний час — лучший час для сбора подаяния, этот час никак нельзя пропускать, даже в самый холодный дождь.

Я нес младенца часть пути, чтобы женщина могла отдохнуть, а когда мы завидели отель, я вернул ей его и спросил:

— А что, неужели за все время это в первый раз?

— Что нас раскусил турист? — сказал ребенок. — Это точно, впервые. У тебя глаза, что у выдры.

— Я писатель.

— Господи! — воскликнул он. — Как я сразу не смекнул! Уж не задумал ли ты...

— Нет-нет, — заверил я. — Ни слова не напишу об этом, ни слова о тебе ближайшие пятнадцать лет, по меньшей мере.

— Значит, молчок?

— Молчок.

До подъезда отеля осталось метров сто.

— Все, дальше и я молчок, — сказал младенец, лежа на руках у своей старой сестры и жестикулируя маленькими кулачками, свеженький как огурчик, омытый в джине, глазастый, вихрастый, обернутый в грязное тряпье. — Такое правило у нас с Молли, никаких разговоров на работе. Держи пять.

Я взял его пальцы, словно щупальца актинии.

— Господь тебя благослови, — сказал он.

— Да сохранит вас бог, — отозвался я.

— Ничего, — сказал ребенок, — еще годик, и у нас наберется на билеты до Нью-Йорка.

— Уж это точно, — подтвердила она.

— И не надо больше клянчить милостыню, и не надо быть замызганным младенцем, голосить под дождем по ночам, а стану работать как человек, и никого стыдиться не надо — понял, усек, уразумел?

— Уразумел. — Я пожал его руку.

— Ну ступай.

Я быстро подошел к отелю, где уже тормозили такси с аэродрома.

И я услышал, как женщина прошлепала мимо меня, увидел, как она поднимает руки и протягивает вперед святого младенца.

— Если у вас есть хоть капля жалости! — кричала она. — Проявите сострадание!

И было слышно, как звенят монеты в миске, слышно, как хнычет промокший ребенок, слышно, как подходят еще и еще машины, как женщина кричит «сострадание», и «спасибо», и «милосердие», и «бог вас благословит», и «слава тебе, господи», и я вытирал собственные слезы, и мне казалось, что я сам ростом не больше полуметра, но я все же одолел высокие ступени, и добрел до своего номера, и забрался на кровать. Холодные капли всю ночь хлестали дребезжащее стекло, и, когда я проснулся на рассвете, улица была пуста, только дождь упорно топтал мостовую.

Перевел с английского Л. ЖДАНОВ

Фантастический рассказ

Показывая «Дом на холме» новому клиенту, мистер Скотт очень надеялся, что тот не обратит внимания на опору линии высокого напряжения. Столб маячил прямо перед окном спальни и уже дважды отпугивал покупателей — оказалось, что пожилые люди по необъяснимой причине боятся электричества. О том, чтобы перенести столб, не могло быть и речи — линия, бегущая вдоль цепи холмов, была основным источником энергии для местечка Пасифик Фоллз. Поэтому оставалось только всячески отвлекать внимание посетителей.

Однако и на сей раз мистеру Скотту не помогли ни молитвы, ни красноречие. Уроженец Новой Англии мистер Леверетт — так звали нового клиента — заметил столб сразу, как только они вышли на террасу. Он внимательно осмотрел приземистую колонну из крепких балок, восемнадцатидюймовые стеклянные изоляторы и черный ящик трансформатора, через который отводился ток в несколько соседних домов. Взгляд его скользнул по четырем толстым проводам, летящим с одного серо-зеленого холма на другой, и он наклонил голову, как бы прислушиваясь: слух его уловил низкий ровный шум, вызываемый движением электронов.

— Вы только послушайте! — воскликнул он, и впервые в его бесстрастном голосе прорезалась какая-то эмоция. — Пятьдесят тысяч вольт! Вот это энергия!

— Сегодня, наверное, особые атмосферные условия. Обычно ничего такого не слышно, — ответил мистер Скотт, погрешив слегка против истины.

— Ах вот как? — с некоторым разочарованием удивился Леверетт.

Когда осмотр дома был полностью закончен, пожилой клиент вдруг попросил вернуться на террасу.

— Шум-то так и не исчез, — сказал он. — Должен вам признаться, что этот гул успокаивающе действует на мои нервы. Как, например, отзвук ветра или шум потока, моря. Грохот машин я ненавижу, поэтому и уехал из Новой Англии. А этот звук для меня будто голос природы — мягкий, спокойный. Так вы говорите, что его здесь можно услышать редко?

Продажа недвижимости требовала гибкости, и мистер Скотт этим качеством обладал.

— Видите ли, — заявил он прямо, — сколько я ни выхожу на террасу, всегда слышу этот звук. Шум иногда нарастает, иногда спадает, но есть он всегда. Но так как большинству людей этот шум не по душе, приходится о нем умалчивать.

— Что ж, вас вряд ли можно упрекнуть. Ведь большинство людей — из породы баранов, а то и хуже. У меня еще к вам такой вопрос: не живут ли здесь поблизости коммунисты?

— Ну что вы! — не моргнув глазом ответил мистер Скотт. — Во всем Пасифик Фоллз нет ни одного коммуниста.

— На восточном побережье коммунистов полнымполно. Тут-то их, конечно, меньше. Ну что же, будем считать, что договорились. Я согласен снять «Дом на холме» вместе с мебелью за названную вами сумму.

— Вот и отлично! — мистер Скотт лучезарно улыбнулся. — Вы, мистер Леверетт, тот самый человек, который нужен нашему городку.

Они пожали друг другу руки. Покачиваясь на каб-

луках, мистер Левeретт вслушивался в тихое жужжание проводов, а на лице его играла гордая улыбка обладателя.

— Электричество, — сказал он, — это восхитительнейшее из явлений. Чего только мы не можем с ним сделать, как, впрочем, и оно с нами. Например, если кто-то хочет эффектно и безболезненно отправиться на тот свет, нужно всего лишь как следует полить газон, взять в руки кусок медного провода, а другой его конец закинуть на линию. Бабах! Качественно процедура ни в чем не уступает электрическому стулу, а внутренние потребности человека удовлетворяет гораздо лучше.

Мистер Скотт внезапно ощутил, как к горлу подступает тошнота, а в голове даже мелькнула мысль о разрыве только что заключенной сделки. Он вспомнил седовласую даму, которая сняла дом лишь для того, чтобы в одиночестве принять смертельную дозу снотворного. Потом он успокоил себя мыслью о том, что Южная Калифорния всегда славилась чудаками и сумасшедшими и в основном его съемщиками были люди с различного рода аномалиями. Даже если сложить вместе манию самоубийства, тихое помешательство на почве электричества и болезненный антикоммунизм, то и в этом случае Левeретт был не большим безумцем, чем множество его знакомых.

— Вы думаете сейчас, не самоубийца ли я? — прервал его мысли мистер Левeретт. — Видите ли, просто я люблю иногда порассуждать вслух, пусть даже о чем-то необычном.

Опасения мистера Скотта окончательно исчезли, и, приглашая Левeретта в кабинет для оформления документов, он был снова, как всегда, уверен в себе.

Три дня спустя мистер Скотт зашел проверить, как себя чувствует новый жилец, и нашел его на террасе. Мистер Левeретт сидел в старом кресле-качалке и слушал пение проводов.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил он мистеру Скотту, указывая на одно из стоящих тут же современных кресел. — Должен вам сказать, что «Дом на холме» вполне оправдал мои ожидания. Я слушаю электричество, а мысли мои разбредаются во все стороны. Иногда мне кажется, что в шуме проводов я различаю голоса. Ведь есть же люди, которые слышат голоса в шуме ветра.

— Вы правы, я где-то читал об этом, — согласился мистер Скотт, которому стало как-то не по себе. Но, вспомнив, что в банке чек мистера Левeретта приняли без всяких разговоров, он приободрился и даже вставил замечание: — Да, но ведь в отзвуках ветра мы слышим целый диапазон звуков, а шум проводов слишком монотонный — в нем ничего нельзя различить.

— Какая ерунда, — возразил мистер Левeретт с легкой улыбкой, и было неясно, шутит он или говорит серьезно. — Возьмите пчел — они ведь всего лишь жужжат, а между тем очень умные насекомые, и некоторые энтомологи утверждают, что у них есть свой язык.

С минуту он молча качался в своем кресле. Мистер Скотт уселся напротив.

— Да, — повторил мистер Левeретт, — в электричестве мне слышатся голоса. Электричество рассказывает мне, как оно путешествует через все Штаты. Это похоже на движение пионеров на запад: линии высокого напряжения — это дороги, а гидроэлектростанции — придорожные колодцы. Теперь электричество проникло повсюду — в наши жилища, на заводы, в правительственные кабинеты. Ничто от него не укроется. А ведь есть еще другое электричество — то, что бежит по телефонным проводам и осуществляет радиосвязь. Это младший брат нашего знакомого из высоковольтных линий, а дети, как известно, обладают тонким слухом. Таким образом, мой друг, электричеству известно о нас все, все наши секреты. Ему свойственны человеческие качества: чуткость, живость, отзывчивость, и, в сущности, оно вполне дружелюбно, как все живое.

Мистер Скотт и сам размечтался, слушая этот странный монолог. «Такой поэтический и немного сказочный текст был бы отличной рекламой для «Дома на холме», — подумал он.

— Однако иногда электричество может и рассердиться, — продолжал мистер Левeретт. — Чтобы этого не случилось, его нужно приручить. Узнать его привычки, ласково с ним обращаться. Бояться его не нужно. Вот тогда с ним можно будет подружиться. Ну да ладно, мистер Скотт, — сказал он уже другим тоном, вставая с кресла. — Я знаю, что вы пришли проверить, не натворил ли я чего в вашем доме. Идемте, сегодня экскурсию провожу я.

И, несмотря на протесты мистера Скотта, который уверял, что пришел вовсе не за этим, мистер Левeретт настоял на осмотре.

В одной из комнат он остановился и объяснил:

— Я убрал ваши электроодеяло и тостер, так как считаю, что электричество не должно выполнять такие прозаические функции.

Насколько можно было судить, новый жилец дополнил интерьер дома лишь старым креслом и неплохой коллекцией индейских наконечников для стрел.

Наверное, мистер Скотт обмолвился у себя дома об этой коллекции, потому что примерно через неделю его девятилетний сынишка спросил:

— Папа, помнишь того дядю, которому ты всучил «Дом на холме»?

— Бобби! Клиентам дома сдаются, запомни.

— Ну ладно, па. Так я к нему ходил смотреть коллекцию индейских наконечников. Знаешь, кто он? Заклинатель змей!

«О боже, — подумал мистер Скотт, — ведь чувствовал я, что с этим Левереттом что-то нечисто. Наверное, он специально искал дом где-нибудь на холме, потому что в жару туда сползаются змеи».

— Только он заклинал не настоящую змею, а шнур от электроутюга. Сначала-то он показал мне свои стрелы. А уж после присел на корточки, протянул руку к шнуру, и сразу же свободный конец начал шевелиться, а потом вдруг поднялся вверх, точь-в-точь как кобра на картинке. Так здорово!

— Видел я когда-то этот фокус, — сказал мистер Скотт. — К концу провода нужно привязать прочную нитку — вот и все.

— Что же я, по-твоему, нитки бы не увидел?

— Если нитка того же цвета, что и фон, можно и не увидеть, — объяснил мистер Скотт. Потом ему в голову пришла другая мысль. — Бобби, а ты не заметил, был ли другой конец шнура включен в сеть?

— Конечно, был. Дядя сказал, что, если бы в шнуре не было электричества, у него ничего бы не вышло. Так что, па, на самом-то деле он заклинатель электричества. Это я нарочно сказал, что он заклинатель змей, чтобы было смешней. А потом он вышел на террасу и заколдовал электричество из проводов, и оно двигалось по его телу. Было даже видно, как оно переходит с одного места на другое.

— Интересно, как же это можно увидеть? — спросил мистер Скотт, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно. Он представил себе, как мистер Левeретт стоит не двигаясь, глаза горят, словно бриллианты, а вокруг него сверкает сноп голубых искр.

— Ты знаешь, па, от этого электричества у него поднимались на голове волосы, то с одной, то с другой стороны. А потом он сказал: «Теперь спустись на грудь», и тогда носовой платок, который у него был в кармане пиджака, распрямился и поднялся немного вверх. В общем, па, все было как на лекции в музее техники.

На следующий день мистер Скотт отправился в «Дом на холме». Однако ему не пришлось задавать свои тщательно обдуманные вопросы, потому что мистер Леверетт встретил его словами:

— Наверное, сын рассказал вам о представлении, которое я устроил в его честь. Должен вам сказать, что я очень люблю детей, хороших американских детей — таких, как ваш сынишка.

— Да, он мне обо всем рассказал, — признался мистер Скотт, которого такое откровенное начало разоружило и немного сбило с толку.

— Впрочем, все, что я ему показывал, было не более чем детской забавой.

— Это понятно, — ответил мистер Скотт. — Я сразу догадался, что шнур от утюга у вас танцевал с помощью тонкой нитки.

— Похоже, что у вас на все есть готовый ответ, — глаза мистера Леверетта лукаво заблестели. — Давайте-ка выйдем на террасу и посидим там немного.

В этот день линия высокого напряжения гудела громче обычного, но через некоторое время мистер Скотт должен был признаться себе, что этот шум действительно успокаивает. Да и спектр звуков шире, чем ему казалось раньше, — можно было выделить нарастающий треск и затихающий гул, шипенье и рокот, чмоканье и вздохи. Мистер Скотт вслушивался, и ему тоже казалось, что он различает голоса.

Легонько покачиваясь в кресле, мистер Леверетт говорил:

— Электричество рассказывает мне не только о своей работе, но и о своих развлечениях — о танцах, пении, концертах больших оркестров, о своих путешествиях к звездам со скоростью, в сравнении с которой ракеты ползут как улитки. Говорит оно и о своих неприятностях. Вы, наверное, слышали об этой катастрофе, когда Нью-Йорк вдруг погрузился во тьму? Электричество рассказало мне, как все произошло. Огромная масса электронов словно взбесилась — видимо, от переутомления — и замерла без движения. Электричество уверяет, что подобная опасность существует в Чикаго и Сан-Франциско. Уж слишком велики нагрузки.

Электричество очень щедро и любит свою работу. Но ему бы хотелось, чтобы люди как-то считались с его проблемами и вообще уделяли ему немного больше внимания.

Оно учит нас цельности, единству, братской любви. Если на каком-то участке не хватает энергии, электричество со всех сторон спешит на помощь, чтобы закрыть брешь. С одинаковым рвением оно обслуживает Джорджию и Вермонт, Лос-Анджелес и Бостон. Патриотизм его виден и в том, что свои самые сокровенные тайны оно выдает лишь стопроцентным американцам, таким, как Эдисон и Франклин. Вам известно, что электричество убило одного шведа, который пытался повторить опыт Франклина с «электрическим колесом»? Теперь вы сами видите, что электричество — это великая сила, действующая на благо Соединенных Штатов.

Слушая все это, мистер Скотт подумал, что не очень бы удивился, узнав о существовании секты почитателей электричества, организованной мистером Левереттом.

Возвращаясь из «Дома на холме», мистер Скотт чувствовал себя абсолютно спокойно — жилец был скорее всего безвредным чудаком... Впрочем, лучше на всякий случай запретить Бобби ходить к нему.

Вскоре газеты сообщили о непродолжительных, но серьезных по последствиям перерывах в работе электрической сети в Чикаго и Сан-Франциско. Посмеиваясь над забавным совпадением, мистер Скотт в шутку подумал об использовании электричества для предсказания будущего. «Кто хочет узнать свое будущее по проводам?» Во всяком случае, способ более современный, чем гаданье на кофейной гуще.

Только однажды мистера Скотта охватило то недоброе чувство, которое он испытывал во время первой встречи с Левереттом. В этот раз Леверетт вдруг рассмеялся и сказал:

— Помните, когда-то я вам рассказывал, что будет, если забросить медный провод на линию высокого напряжения? Я придумал более простой способ свести счеты с жизнью. Достаточно направить на линию мощную струю воды из шланга, держась при этом за металлический наконечник. В идеальном варианте вода должна быть теплой и соленой.

Слушая его, мистер Скотт с удовольствием отметил, что был совершенно прав, запретив Бобби приходить сюда.

Но в остальном мистер Леверетт вел себя ровно и был полон оптимизма.

Изменилось все неожиданно, хотя позже мистер Скотт вспомнил, что первым вестником этой перемены была брошенная как-то мимоходом фраза:

— Вы знаете, мне стало известно, что американское электричество, путешествуя в батареях и аккумуляторах, добирается до самых отдаленных уголков земного шара. Оно циркулирует в электросети Европы и Азии. Более того, некоторая часть его попадает прямо в Советский Союз. Наверное, оно посылает туда своих разведчиков, чтобы наблюдать за коммунистами.

Во время следующего визита мистер Скотт сразу заметил существенную перемену в настроении жильца. Качалка одиноко стояла в углу, а мистер Леверетт нервно шагал по террасе, время от времени бросая беспокойные взгляды то на столб, то на темные рокочущие провода.

— Хорошо, что вы пришли, мистер Скотт. Я в ужасном состоянии. Я просто потрясен. Мне нужно кому-то обо всем рассказать — если со мной что-нибудь случится, ФБР должно знать правду. Хотя, откровенно говоря, не знаю, что здесь может сделать ФБР.

Сегодня я узнал, что электричество обслуживает весь земной шар — да, да, весь! — что в наших линиях течет энергия из России, а в русских линиях — наша, что электричество самым бесстыдным образом переходит из одной страны в другую. Ему все равно, в России оно или в Америке, заботится оно только о себе. Я чуть не умер на месте, когда об этом услышал. Более того, электричество решило не допустить никакой серьезной войны, даже если это будет война в защиту интересов Америки. Ему, видно, на нас совсем наплевать, только бы его линии да электростанции были в порядке. А если кто захочет нажать кнопку, чтобы начать атомную войну, электричество сразу же убьет его — будь то здесь или в России!

Я начал спорить с электричеством, сказал, что всегда считал его истинным патриотом Америки, напомнил об Эдисоне и Франклине, велел ему, наконец, разобраться вовремя и вести себя как подобает. Но электричество только смеялось в ответ.

А потом оно стало мне угрожать! Сказало, что, если я только попробую вмешаться и сорвать его планы, оно обратится за помощью к своему дикому брату с гор, который меня выследит и убьет. Посоветуйте, что же мне теперь делать? Ведь я здесь один на один с электричеством!

Мистер Скотт сделал все возможное, чтобы успокоить старика. Ему даже пришлось обещать, что он еще раз придет завтра утром, хотя себе он поклялся, что теперь заглянет сюда не скоро.

Уходя, он заметил, что шум линий высокого напряжения поднялся до мощного гула. Мистер Леверетт повернулся к проводам и серьезно сказал:

— Слышу, слышу.

Ночью на Лос-Анджелес обрушилась редкая для этих мест буря, сопровождавшаяся сильным ветром и ливнем. Пальмы, сосны и эвкалипты были вырваны с корнями, сады на склонах гор смыты и уничтожены.

Гром гремел с такой невиданной силой, что некоторые жители, незнакомые с такими шутками природы, в панике звонили в полицию — не началась ли атомная война.

Произошло несколько труднообъяснимых происшествий. К месту одного из них полиция на следующее утро вызвала мистера Скотта — единственного человека, знакомого с умершим.

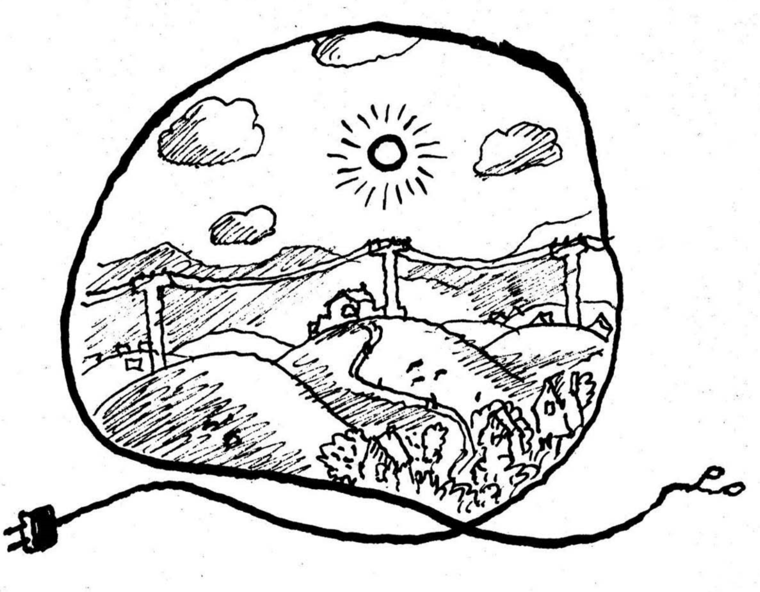
Ночью, когда буря достигла апогея, грохотал гром и сверкали молнии, мистер Скотт вспомнил слова Леверетта об угрозах электричества, о его диком брате с гор. Однако сейчас, при свете дня, он решил не сообщать об этом полиции, да и вообще не упоминать о мании Леверетта — это могло только усложнить дело и, кроме того, — чего греха таить — усилить страх, таящийся где-то в глубине души.

До прихода мистера Скотта на месте происшествия ничего не трогали. Тело лежало там, где его нашла полиция, только не было тока в толстом проводе, который, как бич, оплел худые ноги Леверетта.

Полиция с помощью экспертов следующим образом объяснила происшедшее: во время сильной бури один из проводов линии высокого напряжения, проходящей в тридцати метрах от дома, был сорван порывом ветра, и один конец его упал в открытое окно спальни, где и обвился вокруг ног мистера Леверетта. Смерть наступила мгновенно.

Однако эту версию можно было принять лишь с очень большой натяжкой, так как она не давала объяснения некоторым второстепенным, но весьма подозрительным фактам. Например, тому, что сорванный провод не просто влетел в окно спальни, но потом каким-то образом попал из спальни в гостиную, где и настиг свою жертву. А также тому, что вокруг правой руки Леверетта, словно лишая его возможности спастись бегством, змейкой вился черный телефонный шнур.

Перевел с английского М. ЗАГОТ



Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

ЛЕОНАРД ТАШНЕТ,
американский писатель

Фантастический рассказ

ПРАКТИЧНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Я человек практичный, не то что мои сыновья, хотя они и умные ребята. А ума у них хватает, ничего не скажешь. Не родись они близнецами и достанься этот ум одному, а не двоим, так все ученые в мире, вместе взятые, ему и в подметки не годились бы. Ну да и сейчас им жаловаться не приходится — оба отличные инженеры и на самом лучшем счету в своей фирме. Называть ее не буду, ребятам это не понравится. Я их хорошо знаю. Я ведь сам их вырастил, а это, позвольте вам сказать, было совсем не так легко: мать их умерла, когда им только восемь лет исполнилось.

У Ларри есть свой конек — лазеры. Ну, это такой способ посылать свет. Как это устроено, я не знаю, потому что я-то в колледже не обучался, не до того было. А Лео — фокусник-любитель, и, надо сказать, это у него ловко получается. Ну и вместе они напридумывали много всяких фокусов и номеров. Подвал у нас битком набит всяким их оборудованием. Вот об этом-то я и хотел рассказать.

Ларри придумал аппарат для Лео, чтобы создавать всякие оптические иллюзии. Ну, знаете: словно бы и видишь что-то, только на самом деле этого тут и нет. Как-то там зеркала приспосабливают. А Ларри приспособил лазеры и начал делать голограммы, как он их называет. Это вроде как картинки, но только вовсе и не картинки. На негативе одна мешанина из точек и всяких завитушек, а если спроецировать его на экран, то вид такой, словно этот предмет можно кругом обойти.

Так вот, значит, Ларри сделал нашему Лео аппарат для голограммных иллюзий. Он проецировал изображение прямо в воздух. При помощи зеркал. Они меня позвали и показали. Просто поверить невозможно! В воздухе плавает совсем настоящая шкатулка, или ваза с фруктами, или букет — ну просто что хотите. Даже кучка мелкой монеты. И тут мне в голову пришла мысль.

— Прямо как настоящие, — говорю я. — Жаль, что вы не можете эту иллюзию сохранить насовсем. Обрызгали бы их плексигласом, что ли, ну, как цветы сохраняют.

Это я вспомнил про сувениры, которые продают в лавках для туристов, — всякие штучки в прозрачных кубиках.

Ребята так и покатились.

— Папа, — говорят они хором (они всегда говорят хором), — это же только иллюзии. Это же не реальные деньги Их на самом деле тут нет

— Реальные — нереальные... А что такое «реальные», позвольте вас спросить. Я их вижу, и вы их видите, — говорю я. — Мы могли бы хоть в суде под присягой показать, что видели горсть мелочи прямо в воздухе. Разве нет?

А потом для шутки я и говорю... Ну, не совсем для шутки, потому что забава — это забава, но раз уж подвернулась возможность заработать доллар-другой, так с какой стати ее упускать?

— Вы, ребята, у меня такие умные, так почему бы вам не придумать способ, чтобы эта иллюзия не исчезала, даже когда вы свой лазер выключите?

Ну, тут они принялись мне объяснять, что у световых волн нет никакой массы, и еще про всякую всячину, в которой сам черт ногу сломит. Но одно я все-таки понял:

— Раз световые волны, которые, по-вашему, неосязаемы, могут создать иллюзию, будто тут что-то есть, так вам, чтобы оно и вправду тут было, достаточно будет это изображение чем-то обмазать. Скажем, другими какими-нибудь световыми волнами, чтобы изображение не пропало.

Они опять засмеялись, но я увидел, что мои рассуждения даром не пропали.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

— Папа, тебе бы философом быть, — говорит Лео. — Ты бы побил епископа Беркли его собственным оружием.

(Я потом нашел этого епископа в энциклопедии. Человек был с головой, ничего не скажешь. Так умел рассуждать, что не сразу и подкопаешься.)

Тут они принялись спорить между собой, что обмазывать надо будет волнами особой длины, и все такое прочее. Ну, я и ушел.

Недели через три ребята пригласили меня посмотреть, что у них получилось. К своему прежнему аппарату они добавили приставку, которая окружала голограмму (для модели они взяли десятицентовик) вроде бы туманом, как только она возникала. Потом они что-то включили, туман рассеялся, и — хотите верьте, хотите нет — изображение десятицентовика начало опускаться на пол. Правда, очень медленно, но все-таки оно опускалось.

— Видишь, папа, — говорит Лео, — у голограммы теперь есть вес.

— Очень интересно, — говорю я. А что еще я мог сказать?

Тут вдруг изображение монеты исчезло, а на пол упала капля клея, какой прилагается к детским авиаконструкторам.

— Ну а дальше что? — спрашиваю я. — Чего вы, собственно, добились?

— Мы нашли решение одной проблемы и сразу же столкнулись с другой, — говорят ребята хором. — Нам теперь нужно добиться, чтобы обмазка успевала затвердеть, прежде чем голограмма исчезнет. Если это нам удастся, мы получим точный слепок оригинала.

Ну, я уже говорил, что я практичный человек. Я им и посоветовал:

— А вы сделайте так: когда туман рассеется и изображение начнет падать, пусть оно упадет в жидкую пластмассу, которая затвердевает быстрее, чем за секунду. Вот будет фокус — взять в руку слепок оптической иллюзии.

Прошло с полгода. Я совсем уж и забыл про эти голограммы, но тут они меня опять позвали смотреть свой новый аппарат.

В углу подвала стояло два бочонка. Ребята дали мне мотоциклетные очки и велели их надеть. А я тем временем заглянул в бочонки и вижу, что они чуть не доверху полны десятицентовиками.

Новый аппарат был совсем непохож на прежний. Это была трубка из толстого прозрачного стекла в форме буквы X. Трубка была со всех сторон запаяна, и только там, где палочки X перекрещивались, снизу имелось отверстие. А на полу под трубкой лежал старый матрас, весь в черных дырочках, словно о него гасили окурки. Лео навел голограмму десятицентовика внутрь трубки и двигал ее до тех пор, пока она не оказалась в самой середке X. А Ларри в другом углу включил еще какой-то аппарат, и в другом конце трубки появилось изображение тумана — длинной такой, узкой полоски. Ларри покрутил что-то — и изображение тумана начало медленно двигаться, пока не сошлось с голограммой десятицентовика.

— Давай! — скомандовал Лео.

Тут они оба что-то покрутили — и в центре X будто лампа-вспышка мигнула. Я просто глазам не верил: из отверстия в трубке на матрас посыпались десятицентовики, укладываясь ровными рядами.

Я только рот разинул. А ребята расхохотались, и Лео говорит:

— Ну-ка попробуй их поднять, папа!

Я принялся подбирать монеты. Ну ни дать ни взять настоящие десятицентовики, только покрыты очень тонкой прозрачной твердой оболочкой и совсем легкие — прямо ничего не весят

— Ты подал нам хорошую мысль, папа, — говорит Ларри, — но мы кое-что добавили. Сгусток световых волн нельзя обмазать ничем материальным, но мы сообразили, что на голограмму десятицентовика можно наложить голограмму аэрозоля быстротвердеющей прозрачной пластмассы.

Тут он объяснил, что свет — это не просто волна, но еще и частица, а потому теоретически тут должно произойти образование пленки. И пошел, и пошел...

А я рассматривал десятицентовики. Если бы не пленки, они ничем не отличались от настоящих монет.

— И что же вы будете с ними делать? — спросил я.

Ребята переглянулись.

— А мы с ними ничего и не собирались делать, — отвечают они. — Просто было интересно повозиться с этой проблемой.

Наверное, они заметили, как я на них посмотрел, потому что вдруг хором сказали:

— Мы можем раздавать их зрителям после представления на память, папа. — И глядят на меня с улыбкой.

Ну, вы сами видите, каких я практичных сыновей воспитал. Изобрели копирующий аппарат и думают использовать его для любительских фокусов! Я покачал головой.

— Нет, я придумал кое-что получше. Эти шутки ведь ничего не стоят, если не считать расходов на пластмассу и на электричество, а потому из них можно много чего наготовить. (Они сразу поняли, к чему я клоню: я ведь занимаюсь бижутерией.) Ну, скажем, индийские браслеты или цыганские серьги.

— Ничего не выйдет, папа, — говорят они. А Ларри добавляет: — Вот посмотри.

Он подобрал одну монетку и швырнул ее на пол. Словно бы вспыхнуло радужное пламя — и все. От монеты даже следа не осталось.

— Видишь? — спрашивает Лео. — Стоит нарушить структуру — и ты опять получаешь световые волны.

Это он правду сказал. Я взял с верстака коловорот и попробовал просверлить дырочку в десятицентовике. Хоп! Ни монеты, ни даже пластмассовой оболочки. Ларри говорит:

— Вот видишь, папа, они годятся только в бесплатные сувениры. Забавная новинка, и ничего больше.

— Так сделайте их тяжелее, раз уж вы научились их изготовлять. Подберите оболочку потверже. На такие штучки всегда есть спрос — иностранные монеты, цветочки там или даже мушка какая-нибудь красивая.

Эх, получи я их образование, был бы я давно миллионером! Самых простых вещей сообразить не могут.

— Вот что, ребята. Я где-нибудь добуду золотую монету в двадцать долларов и попрошу ювелира приделать к ней ушко. Вы изготовите побольше копий, и я покажу их Тони (это мой художник), а уж он что-нибудь сообразит. Прибыль поделим пополам.

Так мы и сделали. Они мне наготовили полный бочонок золотых монет. Только весить они совсем ничего не весили. Тони понаделал из них всяких ожерелий, поясов, серег, и расходиться они начали, как горячие пирожки. Я поставлял их крупным магазинам в Нью-Йорке и Далласе и бижутерийным лавочкам в Лос-Анджелесе. Они сразу вошли в моду. И выглядели совсем как настоящие. Да, собственно, в определенном смысле они и были настоящими. Только такие украшения из подлинного золота от-

тянули бы руки или шею, а эти были легче перышка. Некоторое время спрос на них был большой, и мы порядочно заработали.

Однако мода — это мода, и, когда украшения из монет всем приелись и перестали расходиться, я попросил ребят изготовить мне кое-что еще.

Тут уж я пошел на расходы: купил восьмикаратовый бриллиант самой чистой воды и заказал для него съемную филигранную оправу (понимаете, такая оправа позволяла изготовить несколько моделей). Ну, с бочонком таких побрякушек можно было сделать настоящее дело. Из-за пленки камешки выглядели похуже оригинала, но все-таки сверкали неплохо, можете мне поверить. Я ограничился одним бочонком, потому что намерен был продавать такие украшения как редкость. У меня их было достаточно для десятков диадем, кулонов, подвесок и хватило еще для особого заказа — одна миллионерша, жена нефтяного магната, расшила ими платье к свадьбе дочки. Конечно, я не утверждал, что это бриллианты, так же как и не выдавал мои золотые монеты за золото, и торговал я ими как бижутерией, только особого сорта. Они стали специальностью моей фирмы и соперничали даже с австрийским горным хрусталем.

Я мог бы найти сотни способов, чтобы использовать затверделые голограммы, и сказал ребятам, что им пора бы запатентовать процесс, и поскорее. А пока больше ничего изготовлять не следует. Они сразу согласились. Хорошие ребята, только несерьезные. Видите ли, им все это уже успело надоесть. А что это дело приносит хорошие деньги, их совсем не интересовало.

Тут как раз подошло рождество — время для нас самое горячее, — и я так захлопотался, что спросил ребят про патент только после Нового года. Они поглядели друг на друга, потом на меня и хором вздохнули:

— Мы решили не брать патента, папа.

«Ага! Благородство взыграло, — подумал я. — Опубликуют формулу в каком-нибудь научном журнале и подарят свое открытие человечеству. А какой-нибудь ловкач добавит пустяковое улучшение да и возьмет патент на свое имя».

— Почему же вы так решили? — спрашиваю я терпеливо.

— Слишком опасно, — говорят они хором.

А потом Лео начал объяснять про сохранение энергии, а Ларри — про атомную бомбу, и зачастили, зачастили, так что у меня голова кругом пошла от их «е равно эм це в квадрате» и «эффектов реверберации при наложении волн». Ну я их перебил:

— Бог с ней, с наукой! Объясните-ка по-человечески.

— Проще объяснить нельзя, — сказал Лео. А Ларри добавил: — Мы лучше тебе покажем.

Накануне выпало много снегу, и двор был весь в сугробах. Ларри спустился в подвал и принес оттуда мешочек с десятицентовиками, которые так там и лежали в бочонках. И еще он принес духовое ружье. Потом положил десятицентовик на сугроб, а на этот десятицентовик — еще один. А сам взял камешек и бросил его на монетки. Когда камешек о них ударился, они, как всегда, вспыхнули и исчезли.

— Ну и что? — спрашиваю я. — Мы же всегда знали, что они непрочные. И всех клиентов я об этом предупреждал.

— Посмотри получше, папа, — говорит Лео и показывает туда, где лежали монетки. Снег там подтаял и образовалась ямка дюйма полтора в поперечнике и чуть меньше дюйма глубиной.

Но я все равно не мог понять, к чему он клонит.

Ребята повели меня за дом, к большому сугробу в закоулке, куда мы счищаем снег с крыши. Этот сугроб был чуть не в человеческий рост. Лео взял десять монеток и осторожно вдавил их колбаской в снег на высоте груди. Потом отвел нас шага на четыре к забору и выстрелил из духового ружья. Тут на секунду словно метель разбушевалась. А когда в воздухе прояснилось, я гляжу — от сугроба ничего не осталось, и пахнет вокруг, словно после грозы.

Тут меня как осенило. Я схватил Лео за руку и закричал:

— Да это же замечательно! Кому нужны все эти побрякушки? Вы ведь можете за один час очистить от заносов целый город или шоссе!

Но ребята только головами покачали:

— Нет, папа. Ты сам человек мирный и нас такими же воспитал. Разве ты не понимаешь, к чему это может привести?

Тут Лео начал объяснять, и Ларри начал объяснять, а я только молчал и слушал.

— Ведь таким способом можно изготовить оружие уничтожения пострашней водородной бомбы. Чтобы убрать этот сугроб, хватило десяти монеток. А ты попробуй представить себе, что случится, если кто-нибудь сложит кучкой тридцать таких монеток и выстрелит в них из духового ружья? Или пятьдесят? Или сто? Одна разбитая монетка исчезает словно бы бесследно, возвращаясь в общее электромагнитное поле, и энергии при этом выделяется так мало, что ее невозможно измерить. Исчезновение двух монеток одновременно привело к выделению тепла, которое растопило немного снега, как ты сам видел. Десять уже взорвались с выделением значительного количества тепла и ионизировали кислород в атмосфере. Ты ведь почувствовал запах газа, который при этом получился, — озона? Мы рассчитали, что будет происходить, если увеличивать число монет до сотни. А дальше просто побоялись считать. При добавлении каждого нового десятка, помимо взрыва и выделения тепла, возникают всякие явления вторичного порядка, и при этом все более сильные.

Мы вернулись в дом и с полчаса сидели молча. Я хорошенько обдумал все это. Ребята были абсолютно правы: в мире и без нас хватает неприятностей. И я им сказал, что они правильно решили. Тут оба вскочили и давай меня целовать — это взрослые-то люди! И оба просто сияют.

— Папа, ты у нас молодец!

А потом как-то сразу сникли, словно им меня жалко стало, что все мои мечты о богатстве пошли прахом.

— Не расстраивайтесь, ребята, — говорю я им. — У меня же есть вы. Так чего мне еще надо? Свою старость я хорошо обеспечил.

Тут я даже немного всплакнул — от радости.

Ну, о патенте, конечно, больше и речи не было. И аппарат ребята сразу разобрали. Про это изобретение мы больше не говорим. Но когда выпадает много снега, ребята мне улыбаются, а я улыбаюсь им в ответ. Потому что мне все соседи завидуют: дорожки во дворе у меня всегда расчищены, а никто из них ни разу не видел, чтобы я брался за лопату. Мы рассчитали, что после обычного снегопада двух монет мало. А вот три будут в самый раз. Я раскладываю монетки через равные промежутки и наловчился стрелять из духового ружья почти без промаха. Какой толк от изобретения, если из него нельзя извлечь пользы, ведь верно? Я человек практичный.

Перевела с английского
И. ГУРОВА

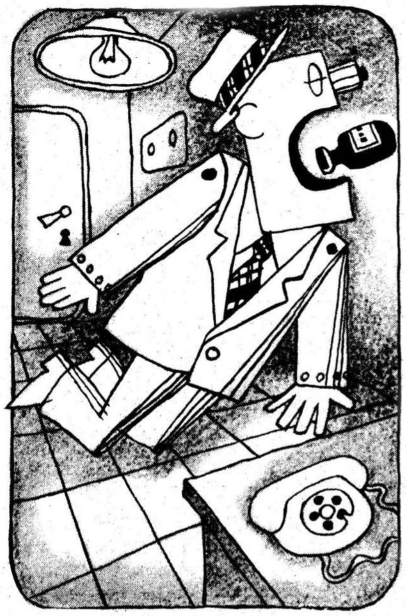


Рисунок В. ВИКТОРОВА

В. ВЛАДИМИРОВ

ЛОЖЬ

Фантастическая юмореска

Семьдесят два жетона на семь дней.

Много это или мало? Смотря как считать. Много, если тратить их только на необходимое питание. И мало, бесконечно мало, если ты впервые очутился на воле и тебя со всех сторон окружают жгучие соблазны большого города.

После долгих лет сурового режима Базы, запрограммированных и незапрограммированных опасностей, после непрерывных учебных тревог почти неправдоподобное блаженство шумных улиц, бодрящий гам переполненных увеселительных заведений, и в любое из них, имея жетоны, можно войти; взобраться, скажем, на вертушку и поглощать — нет, не виски, к которому Кросби был равнодушен, а дьявольски интересную информацию.

Автомат лязгнул стальной челюстью и поглотил жетон, и Кросби шагнул в гулкий зал.

Сколько непонятного вокруг! Ну как, к примеру, описать математически поведение вон того джентльмена с бородавкой на щеке, развалившегося за соседним столиком? Он хлещет уже третью бутылку, не забыв заказать четвертую.

— Жажда? — бархатным баритоном осведомился Кросби, когда сосед со стуком опустил осушенный стакан на пеструю клеенку.

В ответ незнакомец пробормотал что-то неразборчивое. Он даже сделал было угрожающий жест, но вовремя удержался, глянув на широкие плечи Кросби.

— Излишняя влага вредна человеку, — изрек Кросби, блеснув огромными лиловыми глазами.

— Ступай себе, парень, ступай. Видал я таких остряков, — пробурчал человек. — Пошлялся бы ты эдак с годок без работы...

— Без работы?

— Локаут! — загадочно буркнул незнакомец. Он сказал еще что-то, но неистово громыхавший джаз заглушил его слова.

«...Локаут! Что это может означать?»

Среди десятка тысяч слов, известных Кросби, такого слова не значилось. И подобные загадки встречались на каждом шагу...

Беда пришла, когда ее меньше всего можно было ожидать.

Шел последний, седьмой, день. Кросби прогуливался по Центральной авеню, не пропуская ни одной витрины.

Вот за огромным стеклом вращается синтетическая рождественская елка, а под нею Красная Шапочка, Серый Волк и Бабушка разыгрывают извечную пантомиму.

«Изделие западной Киберкомпании», — отметил про себя Кросби.

Не в меру размалеванная девица, постукивая каблучками, прошла мимо и через несколько шагов обернулась с манящей улыбкой.

Кросби в ответ игриво подмигнул и лихо сдвинул шляпу на затылок...

Внезапно улица качнулась и поплыла. Он едва успел ухватиться за никелированный поручень витрины.

В ушах зазвенело. Кросби приподнял рукав и глянул на часы жизни. Голубая стрелка дрожала. Все ясно! Жидкость Лейдена на исходе. Кросби облегченно вздохнул: дело поправимое. Флаконы с животворной жидкостью красовались чуть ли не в каждом автомате.

Кросби сунул руку в карман — пусто! Последний жетон он израсходовал час назад. Лицо Кросби скривил ужас. Он мигом представил себе, как рухнет грузной массой на тротуар, как подъедет патрульный фургон и рослые бобби втиснут в машину безжизненное тело. Картина получилась настолько яркой, что Кросби от ужаса зажмурился. И тут же лихорадочно принялся придумывать план спасения. Подойти к этому прохожему с папкой из крокодиловой кожи? Наверно, он не откажет. Но — увы! — Кросби ни у кого не мог *попросить* жетон — уж так он был запрограммирован. Лгать он также не умел...

По широкой улице, расцвеченной по-вечернему, пошатываясь, понуро брела рослая фигура. Кросби старался держаться поближе к стенкам домов. Уловив на себе подозрительный взгляд полисмена, он из последних сил ускорил шаг.

Кросби остановился перед массивной дверью с табличкой «Национальный киберцентр».

«Не выдержал, — подумал он, — конец».

Ему припомнился последний — ровно неделю назад — разговор с шефом.

— Учти, это последний тест, — сказал он тогда и, привстав на цыпочки, хлопнул Кросби по крутому плечу. — Борьба за существование! Ты должен выжить, собрав максимум информации. Итак, с богом!

И вот Кросби является к шефу, не дотянув до положенного срока всего каких-нибудь несколько часов!..

Кто-то тронул Кросби за рукав. Он оглянулся — перед ним стоял оборванец.

— Холодно, дружище, — просипел нищий.

— Минус двадцать семь по Цельсию, — автоматически подтвердил Кросби.

— Слушай, — вкрадчиво сказал оборванец. — Одолжи-ка мне монетку? А?

— Одолжить?.. *Одолжить...* — повторил Кросби. — Эврика! — радостно вскрикнул он.

Оттолкнув попрошайку, Кросби одним прыжком перемахнул через четыре заснеженные ступени и скрылся за дверью.

...— Ага, и ты, голубчик, пожаловал, — сказал шеф, недобро осклабившись.

— А что, разве остальные?..

— Все, как один. Стали появляться начиная со вторника. Ты пришел последним. Да, видно, испытание святого Антония вам еще не по зубам.

— И... где они?

— Там. — Шеф небрежно указал на низкую дверь, ведущую

в соседнее помещение. — Там твои белковые братья!

Он с силой вдавил окурок в мельхиоровую пепельницу и вышел из-за стола.

— Что ж, сейчас мы и тебя, — проговорил он, подходя к Кросби и протягивая руку к его затылку.

Стоило шефу коснуться едва заметной кнопки, и...

— Не надо! — отпрянул назад Кросби. — У меня все в порядке.

— В порядке? — с недоверием переспросил шеф. Он взял руку Кросби и глянул на часы жизни. Стрелка приближалась к аварийной черте. — А это как ты объяснишь?!

— Ах это... — небрежно протянул Кросби. — Это пустяки. Кончился Лейден. Не будете ли вы любезны...

На широкой ладони Кросби поблескивал новенький жетон.

— Последний, — сказал Кросби.

Шеф взял жетон, испытующе посмотрев на своего питомца. Затем, подойдя к сейфу, достал оттуда розовый пузырек.

— Лови!

Кросби, подпрыгнув, как дрессированная пантера, ртом поймал флакон и тут же с хрустом разгрыз его, деликатно выплюнув осколки стекла в медную урну.

Поникшие плечи Кросби расправились, буквально на глазах он выпрямился, и в лиловых фотоэлементах появился блеск.

— Ты, собственно, зачем пожаловал?

— Проведать вас, шеф. Адье! Пойду еще прогуляюсь! — Последние слова Кросби произнес уже на бегу.

— ...Кто это был? — спросил дежурный инженер, просовывая голову в дверь. — Едва не сбил меня в темноте...

— Большой Кросби. Представь себе, с жетоном. Правда, последним, — шеф подбросил жетон на ладони.

Инженер глянул на блестящий кружочек и прикусил язык. Всего две минуты назад Кросби был у него и *одолжил* жетон, сказав, что сейчас же отдаст его шефу. А ведь белковые роботы класса А, как известно, никогда не лгут.

В. МИХАНОВСКИЙ

ОГРАБЛЕНИЕ

Фантастическая юмореска

— Чепуху несешь, Грандо. Чепуху! Как это ты ничего не слышал, когда тут вон какое наворочено.

— Но...

— Просто ты ночью куда-то отлучался, вот и все.

— Отлучался? Зачем?

— Почем я знаю! Может, опять бегал пересчитывать листья на деревьях городского парка или количество спиц в колесах проезжающих велосипедистов.

— Клянусь Главной Машиной, мистер Мельдерлинг, никуда я не отлучался ни на минуту, всю ночь караулил.

— Караулил и не слышал, как автогеном режут сейф?!

— Значит, автоген был с глушителем, мистер...

— С глушителем!.. А дверь в банк взламывали тоже с глушителем?

Грандо виновато молчал, понурив голову.

— Стар ты, видно, стал, голубчик, — продолжал мистер Мельдерлинг. — За такой проступок полагалось бы выкинуть тебя на свалку!

— Пощадите, мистер Мельдерлинг! Ведь я уже без малого полтораста лет верой и правдой служу компании. Обещаю, что никогда ничего подобного больше не случится!

— Если бы у тебя бдительность была так же развита, как самосохранение. Это было бы неплохо, черт побери! Но как все-таки ты, с твоим острым чутьем... Нет, не понимаю. — И мистер Мельдерлинг развел руками.

За узким окном караулки едва намечался бледный, скучный рассвет.

— А что это ты жмешься все время в углу? — снова зарокотал после паузы мистер Мельдерлинг. — Ну-ка, шагни на свет.

Грандо нехотя двинулся.

— Еще, еще, — подбадривал мистер Мельдерлинг. — Не стесняйся! Вот так.

Грандо неуклюже вышел на середину караулки, почему-то все время норовя стать к мистеру Мельдерлингу боком. Но всевидящее око начальника обмануть было трудно.

— Это что у тебя там за щекой?! — и голос его перешел в визг.

Подавленный и вконец смущенный, Грандо достал из-за щеки и протянул мистеру Мельдерлингу какой-то металлический предмет.

— Этого еще не хватало! — неистовствовал мистер. — Они соблазнили тебя обычным куском намагниченного железа! Кинули тебе его, как кость последней дворняге. И ты продал хозяина! Вот и изволь охранять банк с такими христопродавцами! Немедленно ступай в мастерскую и скажи, что я велел разобрать тебя на детали. Авось хоть транзисторы да реле на что-нибудь сгодятся.

Мистер Мельдерлинг проводил долгим взглядом сутуловатую фигуру Грандо. «Даже не верится, что Уэстерн-компани может выпускать такие морально-неустойчивые системы», — подумал он.

Пройдя по аллее, обреченный Грандо скрылся за поворотом.

Мистер Мельдерлинг вздохнул и пошел по своим делам, слегка поскрипывая на ходу: он тоже был робот.

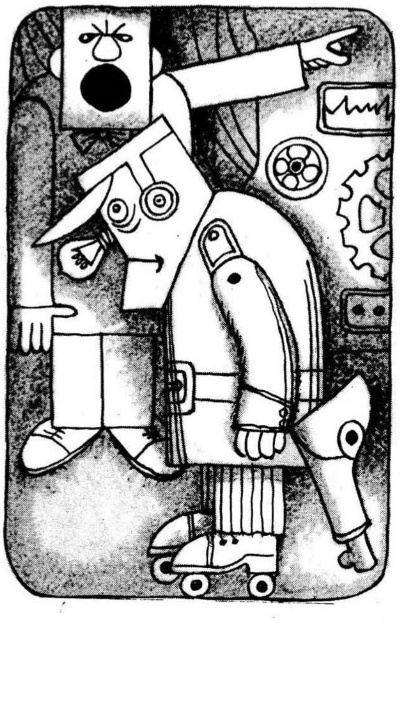


Рисунок В. ВИКТОРОВА

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

У него не было ни гроша, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему некуда было податься, кроме пустой холодной лачуги, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, впереди, на углу, стоит Илмер Кларк, городской полицейский, и ровно ничего не делает. Просто смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Илмер славный парень. Илмер соображает, что к чему. Тобиас приостановился, нацелился на угол, где его поджидал Илмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону.

— Тоуб, — сказал ему Илмер, — не подвезти ли тебя?

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

Фантастический рассказ

— Ни боже мой, — запротестовал он, джентльмен с головы до пят. — Не по мне это доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Илмер улыбнулся.

— Ладно, не шебуршись. А ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

— О чем речь, — ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда. Споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре под самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам дамского благотворительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых. Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее — банкир, а сын — лучший игрок милвиллской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Неудивительно, что этот факт воспринимался всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло много лет с тех пор, как милвиллская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору это очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относится к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, что он начинает обрастать жирком самодовольства; жена у него — пред-

что он бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще было людно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

«Так и должно быть, — сказал он себе. — Пусть отворачиваются, если им так спокойнее».

Тобиас был позором города. Постыдным пятном на его репутации. Тяжким крестом его жителей. Социальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу — даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что

седатель местного отделения женской организации «Дочери американской революции», а у этой его длинноногой дочки обнаружились нелюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и, только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя. По такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

— Добрый вечер, Энди, — сказал он. — Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор. Пригладил свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что, окажись поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

— Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена, — сказал Энди, — то зря тратишь время. Его нет в городе.

— А я и не знал, — смутился Тобиас.

— Ты уже достаточно сегодня накуролесил, — ядовито сказал Энди. — Отправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я давеча проходил мимо их коттеджа. Так вот, она считает, что нам необходимо взяться за тебя всерьез.

— Миссис Фробишер старая сплетница, ей бы только в чужих делах копаться, — проворчал Тобиас, с трудом утверждаясь на ногах.

— Этого у нее не отнимешь, — согласился Энди. — Но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и зашаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрей, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но вроде бы несколько умеренней, заковылял в ту же сторону, что и Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное?

Не для него быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, — мрачно икая, убеждал он себя.

Дома попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там — сущая благодать. Частенько он сиживал перед домиком, наблюдая за проносящимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик растревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко. Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издалека послышался рев мчащейся на большой скорости машины, и он про себя недобрым словом помянул таких вот отчаянных водителей.

Машина подлетела к перекрестку, пронзительно взвизгнули тормоза, она круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и свет фар ударил ему в глаза.

Но в тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо, вычертил на нем дугу, и, когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей.

Медленно, как бы с натугой машина заваливалась на бок, опрокидываясь в придорожную канаву.

Тобиас вдруг осознал, что он бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас спрыгнул в канаву и обеими руками стал яростно дергать за ручку дверцы. Однако дверца заупрямилась: она стонала, скрипела, но не желала уступать. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась этак на дюйм. И сразу он почувствовал едкий запах горящей изоляции и понял, что времени осталось в обрез.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри, и Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины послышались тихие жалобные всхлипывания, а запах горящей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные язычки.

Тобиас нырнул внутрь машины, схватил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе. И вытащил из машины мужчину.

— Там она, — задыхаясь, проговорил мужчина. — Там еще...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины, к запаху горящей изоляции прибавился клубами поваливший дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины девушку, ослабевшую, перепуганную насмерть.

— Скорей отсюда! — заорал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот упал и уже ползком выбрался на дорогу.

Тобиас, схватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него машина взлетела на воздух в столбе огня.

Они ускорили шаг, подгоняемые жаром горящей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они трое, несколько оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас увидел, что мужчина — это Рэнди Фробишер, кумир футбольных болельщиков Милвилла, а девушка — Бэтти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

«Мне здесь больше делать нечего, — подумал Тобиас, — пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, зашагал назад к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул ему вдогонку, но он даже не обернулся.

За перекрестком он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчащей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело

значения: вокруг не было ни души. Его буквально трясло от ужаса. Ведь этим поступком он мог все испортить, мог свести на нет всю свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился, ибо крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

Его рабочий день закончился, хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди панель, нажал на нее, и под его пальцами она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к рукомойнику, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое днем пиво. Потом он вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать. И с облегчением стал самим собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг — мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он не был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок — знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне мог ужиться только один подонок: по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл, там Старый Чарли или Старый Тоуб. Истинное наказание для жителей, которые с отвращением терпели эти отребья как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот одинединственный был всегда.

Но если взять робота, робота гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека, если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или городского придурка, этот закон социологии будет обойден. И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Этот пьяница робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образца порядочности, но по крайней мере он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз плюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно, если не считать кратких передышек, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит.

Но сегодня вечером он вышел из образа. Его вынудили обстоятельства. На карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

«Впрочем, — сказал он себе, — не исключено, что еще все обойдется. Те двое были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас».

Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль пропойцы была для него пределом.

А ведь когда-то так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался на эту работу и подписал контракт. Но сегодня это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Из рук вон плохо, что он связан контрактом, срок которого истечет только через десять лет. Но тут ничего не исправишь. Положение у него было безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только одинединственный человек, обязанный хранить это в строжайшей тайне, знал о том, что он робот. Все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как бездельник и пьяница человек, он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный, паршивый пьяница робот, он не принес бы никакой пользы.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платил ежегодный членский взнос Обществу прогресса и совершенствования человеческого рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не решаясь уклониться от платежа.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в непотребном виде слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившегося человека, для которого все на свете трын-трава. И он должен ломать эту комедию, чтобы подобным выродком не стал ни один из жителей городка.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про то письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом, стоял штамп Общества прогресса и совершенствования человеческого рода.

В письме было написано следующее:

«Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей вычислено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обязанностей координатора и экспедитора при организующейся колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу и готовы, при отсутствии каких-либо иных соображений, предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта, и, быть может, в данный момент Вы не считаете себя вправе поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать».

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Он старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основывать колонию, трудится вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий. Никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и зашагал взад-вперед по комнате.

Как все нескладно, подумал он. Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не должен этому городу — его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священно и нерушимо. Священно и нерушимо для робота.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд зерна человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многолюдных колоний — они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорей напоминали бы фермеров, чем колонистов. Попытать счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий, неосвоенный Запад караваны фургонов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог послать ко всем чертям этот городок, эту бездарную, унизительную работу.

Но этот путь был для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на дороге, его узнали, а он уже начал привыкать к мысли, что ему удастся выйти сухим из воды.

Он медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: банкир Герман Фробишер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор милвиллского еженедельника.

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи, — неприятность настолько серьезна, что от нее не спасешься. Лица их выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Герман так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что впору было расхохотаться.

— Тоуб, — сказал он, — уж не знаю, как вас благодарить. Не нахожу слов, чтобы выразить глубочайшую признательность за ваш сегодняшний благородный поступок.

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал ее отпускать.

— А потом взяли да сбежали! — пронзительно заголосила миссис Хэлворсен. — Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

— Дело-то пустячное, — промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал этого случая.

Рисунки В. ВАКИДИНА

— Благодаря вам Рэнди жив и в форме, — выпалил он. — Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

— Мне нужна ваша фотография, Тоуб, — сказал редактор. — У вас найдется фотография? Хотя, что я — откуда ей у вас быть. Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

— Но прежде всего, — сказал банкир, — мы переселим вас из этой халупы.

— Из этой халупы? — переспросил Тобиас, уже испугавшись не на шутку. — Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

— Нет, уже не ваш, баста! — взвизгнула миссис Хэлворсен. — Теперь мы непременно предоставим вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жиз-

ми не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

— АОБА? — в отчаянии повторил за ней Тобиас.

— Анонимное общество по борьбе с алкоголизмом, — чопорно пояснила супруга пастора. — Оно поможет вам излечиться от пьянства.

— А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? — предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

— Он хочет, — заявила она. — Нет человека, который бы...

— Да будет вам, — вмешался Герман. — Не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

— Ага, — обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь, — отложим наш разговор до завтра.

— Э нет, так не годится, — сказал Герман. — Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, вы поживете у нас.

— Чего ж тут особенно улаживать? — запротестовал Тобиас.

— Как это чего? — возмутилась миссис Хэлворсен. — Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в сторонке, спокойно наблюдая, как вы чуть ли не на четвереньках тащились мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

— Пойдемте, Тоуб, — сказал он. — Мы у вас в неоплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла кровать, но только для отвода глаз. А здесь лежи среди белых простынь, да еще Герман заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

«Жизнь изгажена, — думал Тобиас. — Работа спущена в канализационную трубу». Он все испортил, испортил, как последний ублюдок. И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда, когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку, он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова напортачит — уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

Но у него еще оставалась одна надежда, и чем больше он думал, тем радужней смотрел на будущее и несколько воспрянул духом.

Еще можно все переиграть, говорил он себе, нужно только снова надраться до чертиков. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти непоправимо опозорить себя. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительней, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно претворит ее в жизнь... но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Его дебош произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с недельку будет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его грехопадение ударит их хлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, и пользы от него будет даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера. С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан и расположить их к себе.

После ужина Герман завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным уважаемым гражданином Милвилла.

Какая ирония судьбы, подумал он: выходит, что провал работы был его заветной мечтой, а теперь, когда эта мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал среди белоснежных накрахмаленных простынь, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться — но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице.

Пройдя обычным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробишер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

«Интересно, который сейчас час?» — подумал Тобиас, и у него мелькнуло, что, верно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой — не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями кубу школьного здания. Ему вдруг пришло в голову, что он опоздал, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала — в окне кладовой, и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подошвами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых

ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

— Тоуб! — воскликнул Энди Донновэн. — Как хорошо, что ты пришел.

— Энди, я такого натворил!..

— Знаю, — прервал его Энди. — Мне уже все известно.

— Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

— Это было бы в порядке вещей, — сказал Энди. — Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять.

— Энди, — выпалил он, — я все продумал. Я напьюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

— Это ничего не даст, — сказал он. — Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, они будут тебе все прощать. Что бы ты ни выкозюливал, какого бы ни строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

— Так, значит... — произнес Тобиас с оттенком вопроса.

— Ты прогорел, — сказал Энди. — Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

— Ты прекрасно справлялся со своей работой, — снова заговорил Энди. — Пора тебе об этом сказать. Трудился ты на совесть, не щадя сил. И благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

— Энди, — страдальчески проговорил Тобиас, — перестань увешивать меня медалями.

— Мне хочется подбодрить тебя, — сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех — неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно сверкнула в его мозгу.

И этот смех становился все настырнее — Тобиас уже внутренне хохотал, представив себе, как взвились бы горожане, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам — школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он как робот в такой ситуации, пожалуй, мало что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на мойщика окон, истопника. Это ему доверили тайну, это он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвилле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться к уборщику. Будут терпеть пьяницу, вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что кроме него и Энди, в кладовой есть кто-то еще.

Он стремительно повернулся на каблуках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

— Твоя замена, — слегка усмехнувшись, сказал Энди. — Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

— Но по нему не скажешь...

— Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение, — предостерег Энди. — Он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнусней всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность жителей Милвилла повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы не походить на него, и все до одного станут честными, даже Фробишер.

— Ничего не понимаю, — растерянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем он сможет нажиться. Не нарушив ни одного закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву закона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — вскричал Тобиас. — Да, я был пьяницей, но по крайней мере я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества, — торжественно заявил Энди. — Позор для Милвилла, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней, — сказал Тобиас. — Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего, — ответил Энди. — Ты вернешься к Герману и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно как порядочный, достойный уважения гражданин Милвилла.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне нельзя было поступить по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

Энди покачал головой.

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Понимаешь, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер; в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем? — сказал он. — Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже, чем пьяница, — сказал Энди. — Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества. А теперь они будут неусыпно следить за тобой, пытаясь угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервотрепки, и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, какого они сваляли дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов, — произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься, — возразил Энди. — Я уверен, что тебя отправят в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвилла не упустят случая, чтобы избавиться от тебя.

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

ГАРРИ ГАРРИСОН

САМЫЙ ВЕЛИКИЙ ОХОТНИК

Фантастический рассказ

— Вам, конечно, известно, мистер Лэмб, что до сих пор ни одному охотнику не удалось подстрелить Венерианского болотного зверя? — Годфри Спингл произнес эти слова в микрофон и протянул его своему собеседнику.

— Еще бы! Я изучил этот вопрос досконально, прочитал все — от журнальных статей до научных докладов. Потому-то я и нахожусь здесь, на Венере. Меня считают лучшим охотником в мире, и, сказать правду, я не отказался бы от

Рисунок В. ВИКТОРОВА

титула лучшего охотника двух миров.

— Прекрасно, мистер Лэмб, спасибо. Примите наилучшие пожелания от Интерпланетной Радиовещательной Компании, а вместе с ней и от миллионов радиослушателей, которые сидят сейчас возле своих радиоприемников. Говорит Годфри Спингл, Макситн, Венера. Передача окончена. — Он щелкнул выключателем и убрал микрофон в сумку.

Позади них взревела рейсовая ракета, стартовавшая в промозглом воздухе планеты, и, прежде чем заговорить, Лэмб переждал, пока грохот стихнет.

— Раз интервью закончено, подскажите мне, пожалуйста, в каком из этих... — он указал на обветшалые, покосившиеся хибары — ...находится гостиница?

— Ни в каком, — Спингл взвалил на себя один из рюкзаков Лэмба. — Гостиница затонула в болоте на прошлой неделе, но я устрою вас переночевать в одном из этих складов.

— Спасибо. — Лэмб поднял второй рюкзак и направился за своим длинноногим проводником. — Мне бы не хотелось беспокоить вас.

— Ерунда,—ответил Спингл, тщетно пытаясь скрыть раздражение. — Я держал здесь гостиницу, но она затонула. Кроме того, я здесь и таможенник и почтальон. Народу в этой дыре не густо, да и какого черта здесь станет ктонибудь селиться!

Спингл чувствовал себя обделенным и был зол на судьбу. Вот он, здоровенный парень, сильный и красивый, должен гнить заживо в этом вонючем болоте. А Лэмб, этот жирный боров в толстенных очках, — подумать только! — прославленный охотник. Ну есть в этом хоть капля справедливости?

Не успели они опустить рюкзаки на заплесневелый бетонный пол склада, как Лэмб принялся рыться в них.

— Я не хочу откладывать и пойду на болотного зверя сегодня же, засветло, чтобы поспеть к утренней ракете. Вы не откажете в любезности проводить меня?

— Я всего лишь проводник, — Спингл с трудом подавил усмешку. — А может, стоит немного поубавить пыл, а? Венерианский болотный зверь может бегать, летать, плавать и скакать по веткам. Он осторожен, умен и беспощаден. Никто еще не смог убить его!

— Вот я и буду первым, — ответил Лэмб, доставая серый комбинезон и натягивая его на себя. — Охота — это наука, где по-настоящему преуспел только я. У меня нет срывов. Дайте-ка мне вон ту маску.

Спингл безмолвно протянул ему громадную маску из папье-маше с намалеванными на ней белыми зубами и багровыми глазами. Лэмб напялил ее на голову, потом натянул серые перчатки и такие же серые сапоги с белыми клешнями, которые свободно болтались по бокам.

— Ну, на кого я теперь похож? — спросил он.

— На жирную болотную крысу, — буркнул Спингл.

— Отлично. — Лэмб достал из рюкзака сучковатую дубинку и зажал ее между челюстями маски. — Ведите меня, мистер Спингл, если не передумали.

Совершенно ошарашенный Спингл надел ремень с пистолетом и повел охотника по дороге к болоту.

— Даю вам минуту, — сказал Лэмб, когда последняя хибара исчезла в тумане, — за это время вам надо успеть скрыться. Будьте осторожны, эти бестии смертельно опасны.

— Смертельно! Да они в тысячу раз страшнее, чем вы думаете. Послушайте меня, Лэмб, возвращайтесь.

— Благодарю вас, мистер Спингл, — раздался в ответ приглушенный маской голос. И Лэмб растворился в тумане.

«Пусть этот идиот отдает себя на съедение болотному зверю или любому другому местному хищнику, — подумал Спингл. — К тому же в рюкзаках у болвана может оказаться что-нибудь полезное...»

Отчетливо прозвучал выстрел и эхом пронесся в промозглом воздухе; Спингл на секунду оцепенел, держа наготове пистолет...

Лэмб сидел на гнилом стволе свалившегося дерева уже без маски и вытирал с лица пот громадным носовым платком. А позади него лежал омерзительный, клыкастый, когтекрылый, ядовито-зеленый Венерианский болотный зверь — даже мертвый он наводил ужас.

— Как это? Что... уже?.. — охнул Спингл.

— Очень просто, — ответил Лэмб, доставая из кармана фотоаппарат. — Это открытие я сделал несколько лет назад. Ведь от природы я неуклюж и близорук — серый филер и, уж конечно, не заправский охотник. А вот стрелял я чертовски здорово — это была моя гордость. И я всегда мечтал стать настоящим охотником, но вот приблизиться к дичи на расстояние выстрела никогда не мог. И тогда пришла на помощь логика — я поменял роли. Ведь все хищники родились охотниками и убийцами, почему бы не сыграть на этом? И вот я стал добычей, дал хищникам выслеживать и бросаться на меня, чтобы самому, разумеется, убить их.

Однажды, замаскировавшись под антилопу, я стоял на коленях возле ручья и убил леопарда. А имитируя отбившуюся от стада зебру, я охотился на львов. То же самое и тут. Мои исследования показали, что болотный зверь питается исключительно гигантскими болотными крысами, rattus venerius. Я превратился в крысу, остальное вы видели сами, — он нацелил аппарат на труп зверя.

— И все без ружья?

Лэмб кивнул в сторону сучковатой дубинки, лежавшей возле дерева, той самой, которую он нес в зубах.

— Это замаскированный бластер.

И тут Спингла осенило. Болотный зверь лежал мертвый, а у него в руках пистолет и... секрет. Лэмб исчезнет в болоте, а он станет величайшим охотником в мире. В двух мирах. Он навел пистолет на Лэмба.

— Прощай, болван, — сказал он. — Благодарю за науку.

Лэмб усмехнулся и нажал спуск камеры. Скрытый внутри бластер проделал в Спингле аккуратную дыру, прежде чем тот успел спустить курок.

Лэмб покачал головой.

— До чего же люди невнимательны! Ведь я объяснил, что становлюсь добычей для **всех** охотников. Ладно, теперь прикинем: на моем счету один болотный зверь и тринадцатый, нет, четырнадцатый несостоявшийся охотник.

Перевел с английского
А. ЧАПКОВСКИЙ

Д. БИЛЕНКИН

Звездный аквариум

Фантастический рассказ

Полный оборот каждые семь с половиной минут. Третий месяц над ним кружили звезды. Третий месяц он был центром вращения светил, осью мироздания, избранником птолемеевской вселенной. В подлинной он значил меньше пылинки, и у него болели сломанные ребра.

Девятнадцать шагов по периметру тесных отсеков, четыре поперек и еще один вверх, здесь он почти ничего не весил. Ему уже не верилось, что в былой жизни он мог летать куда хотел, общался с людьми, волновался по пустякам и даже любил петь под гитару. Девятнадцать — четыре — один. Вперед и назад, туда и обратно, все. И навсегда.

От того, что было сразу после аварии, сохранилось впечатление долгих обмороков и мук, когда он ползал в скафандре по разбитому кораблю, тщетно звал и искал друзей, а глаза застилал липкий туман. Правда, действительность, видимо, была несколько иной. В те первые часы, как потом выяснилось, он сделал чудовищно много. Он еще помнил, как волочил протекторный баллон, как заделывал трещины, не очень даже соображая, чего ради пытается стать на ноги и поднять фыркающий пеной баллон. Но от стараний дать помещению тепло и воздух в памяти уцелели лишь проблески усилий отвернуть какой-то вентиль и тупое недоумение, с которым он разглядывал крошево деталей в агрегате, чье назначение ему, конечно, было известно когда-то.

Много поздней он поставил себе диагноз: сотрясение мозга. Мелкие повреждения, вроде перелома двух-трех ребер, были уже не в счет. А вот определить причину аварии он так и не смог. Была ли она связана с маневром близ астероида и, следовательно, с ошибкой пилота? Или в критический момент сработал не так, как надо, двигатель? Разумеется, все это могла бы выяснить комиссия экспертов, но случай приведет ее сюда не раньше чем через десятки, а то и сотни лет.

Не удалось ему установить и то, как погибли двое его друзей. Их не было рядом, когда произошла катастрофа, — это он помнил. Но почему? Так или иначе они остались в отсеке, по которому пришелся удар. Возможно, их вынесло оттуда струей воздуха. Однако он предпочитал думать, что они погребены под обломками, потому что если их вынесло наружу, то скорей всего зашвырнуло на орбиту, и он видит их тела точками среди звезд, когда смотрит в чудом уцелевший иллюминатор.

Впрочем, все эти мысли пришли потом. Первое время после горячечной деятельности он спал. Конечно, он просыпался и что-то делал, но ему казалось, что он видит бесконечный сон. Будто он заболел и лежит, как в детстве, на широкой постели, а за окном долгая, зимняя, деревенская ночь, в которой кружится душная звездная метель. Она сыплется прямо на грудь, и нет голоса, чтобы вскрикнуть, а мама где-то далеко-далеко.

Перелом, с которого началось выздоровление, наступил внезапно. Он проснулся и встал. Тело болело, но голова была ясной и бодрой.

Он добрался до кресла перед иллюминатором и сел. Увидел черноту, звезды в ней и скалы, которые обрывались в бездну.

Потом он видел это множество раз. Скалы были неподвижны, а звезды вращались (на деле все, конечно, было наоборот). Звезды всходили и заходили — всегда в одном и том же месте. Попеременно чертило дугу крохотное солнце. Его тусклые лучи скользили по мраку черных глыб, ныряли в провалы и вскоре исчезали, чтобы неотвратимо возникнуть вновь, совершить прежний путь, коснуться тех же камней, словно их вел мертвый механизм копирографа.

Все одинаково повторялось в десятый, сотый, тысячный раз. Траектории звезд, тени на скалах скользили, как обороты беззвучных колес. Всегда, постоянно, с несокрушимой мерностью. Меняясь, здесь ничего не менялось. Двигаясь, оставалось неподвижным. Уходя, возвращалось. На человека глядело во-

площение механического порядка. Самого идеального, тупого порядка, какой может взлелеять воображение. Власть законов природы тут заявляла о себе наглядно, без прикрас, грубо, как прутья тюремной решетки. Она не оставляла места случайностям, а значит, надежде.

И человек это понял. Он мужественно подвел итог. Никто не догадается искать его на астероиде. А если даже такая мысль кому-нибудь и придет, то ведь его астероид не занесен в каталоги и, следовательно, не существует для человечества.

Связь? То, что уцелело от установки, годилось для сборки вечного двигателя или другой какой бессмыслицы.

Выбор, таким образом, был предельно ясен. Можно сразу со всем этим покончить. А можно еще какое-то время пожить.

Он с ненавистью взглянул на звезды. Их колкий далекий свет был беспощаден. Этот свет оледенел среди черных бездн, в нем не осталось ни тепла, ни надежды. Звезды уже убили его друзей. Стерли их улыбку. Нет их больше нигде. И ничто не изменилось в мире. Ничто, ничто!

Хриплый отзвук то ли рычания, то ли стона привел его в чувство. Он в замешательстве уставился на свои стиснутые кулаки. Они дрожали. Темные набухшие вены оплетали их, как корневища подводных растений. В стенах еще замирал крик.

Его крик. Он кричал? Да.

— Это ничего... — тяжело дыша, пробормотал он. — Так может быть, так бывает, это не истерика...

Он в изнеможении закрыл глаза. Бешеный стук сердца медленно утих.

Минуту спустя он сполз с кресла и, будто ничего не случилось, занялся инвентаризацией своего имущества. Прошлое он отсек. Теперь он все делал неторопливо, с нудной и безучастной дотошностью. Не потому даже, что от подсчетов зависела его судьба, а потому, что кропотливая деятельность придавала минутам какой-то смысл и отчасти избавляла от бесплодных размышлений.

Ворочаясь, как краб, он долго прибирал свою пещеру, кряхтя от боли, залезал в самые тесные углы, десятки раз все пересчитывал. Везде был хаос, торжество беспорядка и энтропии. Осколком стекла он порезал себе палец и долго с тупым изумлением смотрел на выступившую кровь. А потом забыл о порезе. Порой он сам себе казался Плюшкиным и удивлялся, что может так думать. При этом его сознание как бы раздваивалось. Одна его часть занималась делом, вела подсчеты, испытывала боль, тогда как другая с холодным недоумением следила за всеми действиями первой. Но в общем ему было неплохо. Не закрадывалось даже тени страха, теперь он не переживал ничего такого, что вроде бы должен был переживать человек на его месте. Это его чуточку пугало. Но не помешало обрадоваться, когда удалось найти и собрать все разлетевшиеся фигурки шахмат.

Наконец работа была закончена. Пищи оказалось на много месяцев. Из девяти аккумуляторных батарей уцелело четыре. Этот запас надолго обеспечивал его теплом. Если, конечно, не тратить энергию ни на что другое. А ее придется тратить. Система регенерации воздуха, без которой он не прожил бы и минуты, вопреки вероятности тянула. Слабо, как пульс после шока, но с той поры, как он ее отладил, в отсеках смогло установиться то равновесие среды, какое возникает в аквариуме.

Аквариум! Этот образ вдруг поразил его. Глянув в иллюминатор на звезды, он ни с того ни с сего расхохотался. И смех не смогла унять даже боль в груди.

Аквариум, аквариум! Единственный, неповторимый аквариум среди звезд. Это очень смешно... Аквариум, в котором вяло перемещается рыба Петров. Личная, персональная рыба господа бога. Вместо лампочки ее освещает крохотное солнце. Она тычется в стенки, шевелит плавниками и о чем-то таком мыслит. Забавная такая рыба...

Он вскочил в ярости. Аквариум? Рыба? Сейчас он им всем покажет. Разнесет иллюминатор и...

Кому покажет?! Законам природы? Что он не рыба?

Руки тряслись. Он ошеломленно огляделся, будто хотел бежать, и сник. Все бесполезно. Все бесполезно, а потому из двух бесполезностей надо выбирать лучшую.

Так он решил жить. И не просто жить, а записывать все, что с ним происходит. Записи могли пригодиться тому, кто придет сюда через много-много лет. Чем — этого он не знал и знать не мог, просто верил, что пригодятся, должны пригодиться. Жизнь, таким образом, обретала какой-то смысл, а другого и не требовалось. Все люди смертны в конце концов.

С тех пор прошло больше двух месяцев, а ему казалось, что вечность. Серая, унылая и долгая вечность. Он спал, ел, описывал каждый свой шаг, смотрел на звезды, прибирал, чинил поломки, перемещался по своей пещере, что-то бормоча под нос, играл сам с собой в шахматы. Иногда ему чудились голоса и фигуры, однако он знал, что так бывает в одиночестве, и не пугался. Больше всего ему досаждал благостный старческий голос, который, туманно намекая на свою причастность к законам природы, нудно убеждал, что все люди — рыбки в аквариуме, только не замечают этого, а ему, Петрову, явлена такая милость — заметить. Он и эти разговоры записывал.

Вопреки всему он не думал сдаваться. Он всегда был упрям. Протестант в душе, он боролся. Он даже попытался слепить передатчик, зная заранее, что обречен на неуспех. Передатчик, конечно, не получился, а примитивный приемник он все же смастерил. Недели две приемник молчал и потрескивал, а потом донес голос, который сообщил, что некий комбинат перевыполнил план. И это было все, что удалось услышать.

Он отводил душу в записях. Это было делом самым главным и необходимым. Записи протягивали ниточку в будущее, к другим людям, которых он никогда не увидит, но которые прочтут и поймут, может быть, больше того, что он мог выразить словами.

Так длилась жизнь.

Скалы за иллюминатором, такие близкие и недоступные, манили его все сильней и сильней. Разумеется, он мог проделать отверстие и выйти, но неизбежный при этом расход воздуха сократил бы срок его жизни. Выйти он решил, когда будет уже все равно, не раньше. Тогда он доставит себе последнее удовольствие — побродит среди скал.

А пока он долгие часы проводил в кресле. Звезды двигались все так же монотонно, во внешнем мире ничего не происходило, но со временем он заметил, что место захода и восхода звезд постепенно сдвигается. Он заранее знал, что крошечные изменения в том, что он видит снаружи, должны быть. И все же это его почему-то поразило. Абсолютный порядок дал трещину! Мысли у него давно текли не так, как прежде, и проблема показалась ему новой и заманчивой. Что же получается? Законы природы неизменны, постоянны и всевластны.

А раз так, все должно обладать постоянством, на манер часового механизма. Все должно двигаться по кругу, и ничего нового произойти не может. В принципе. Ведь новое — это отрицание прежних правил, а они незыблемы. Но в мире постоянно возникает то, чего прежде не было. Звезд не было — они появились. Зародилась жизнь. Потом разум. Как же все это совместить? Или круг столь необъятен, что глаз человека охватывает лишь ничтожную часть циферблата, а потому за новое принимает повторение старого? А может быть, иначе? Может быть, над всеми законами стоит самый главный закон — закон развития?

Вопрос почему-то казался ему чрезвычайно важным. Самым важным. Он думал над ним непрерывно, даже во сне, но только все больше запутывался.

Солнце тоже слегка изменило свою траекторию и стало укрупняться. На мгновение затеплилась надежда, что орбита астероида сблизит его с Землей, Марсом или другими обитаемыми телами. Впрочем, надежда тут же погасла. Даже если это случится, то через много-много месяцев, когда ему будет все равно.

Все же он снова попробовал рассчитать орбиту астероида. Неповрежденных приборов астронавигации почти не осталось, считать приходилось без машины, так что результат получился весьма приблизительным. Тем не менее было ясно, что никакого сближения с обитаемыми мирами ждать нечего.

Вскоре, однако, он стал свидетелем еще одного изменения. Как обычно, он сидел и наблюдал за движением светил, когда с удивлением заметил, что две звезды, прежде чем нырнуть за горизонт, трепетно замерцали.

Он не поверил глазам и стал ждать. Новый оборот подтвердил наблюдение; и тогда он наконец понял, что означает это мерцание. Просто чуть теплее стал свет, и солнце теперь успевало за считанные минуты нагреть скалы. Там, очевидно, кое-где был лед, такой же черный, как все остальное. А может быть, все скалы были ледяными?

От нечего делать он стал рассуждать, создаст ли испарение какое-то подобие атмосферы или не создаст. Получилось, что не создаст.

Это его неизвестно почему расстроило. Обидело. Попросту его лишили зрелища! Еще лучше было бы превратиться в комету. Пусть самую плохонькую. Мелькнуть напоследок в телескопах, привлечь внимание двух-трех астрономов; его стали бы наблюдать, заносить в каталоги, классифицировать. То есть не его, конечно, но все равно забавно. Сидит себе такой астроном, смотрит в свою оптическую трубу, исчисляет заурядную комету и не подозревает даже, что никакая это не комета, а звездный аквариум, откуда ему машет человек Петров. Вот бы астроном выпучил глаза, шепни ему кто, как обстоит дело в действительности!

Но кометы не будет. Заурядной, незаурядной — никакой. С законами не поспоришь. Комета Петров не состоится, и думать об этом нечего.

Вздохнув и отругав себя за глупые мысли, он встал и было поплелся прочь от иллюминатора, как вдруг остолбенел. **Если астероид сам не может пре-**

Рисунки **В. КОЛТУНОВА**

вратиться в комету, то почему его нельзя сделать кометой?!

Потрясение было так велико, что он в испуге зажмурился. Что за наваждение? Какой бес его попутал? Разве это возможно? И в сознании опять будто сверкнула молния: **это возможно!**

Ослабев, он сел в кресло.

Что, собственно, такое комета?

Длинный газовый хвост, который светится в лучах солнца. Испаряется ледяная головка, и от нее наподобие дыма от костра волочится шлейф. Вот, собственно, и все. Но разве он в состоянии разжечь костер?!

Он вскочил и заметался, как от зубной боли. Допустим, ему удастся зажечь что-то на поверхности. Для этого придется выйти... Ладно, это потом, потом... Испарения, окружив астероид туманом, быстро рассеются, ведь здесь почти нет силы тяжести. Значит, никакого хвоста не будет.

Правда, можно изобрести нечто вроде форсунки и направить струю газов строго в одном направлении. Притяжение тут ничтожное, и за астероидом потянется хвост. А дальше что? Нужен длинный, очень длинный хвост, чтобы астрономы заметили комету.

Невероятные трудности, а зачем? Чтобы позабавиться? Похоже, он сошел с ума. Хотя... Обнаружив комету на таком расстоянии от Солнца, астрономы, само собой, удивятся и заинтересуются: это что еще такое и почему не по правилам? Но им и в голову не придет, что это **дым костра.**

Невероятным усилием воли он заставил себя больше не думать на эту тему. Забыть. И сразу почувствовал себя опустошенным. Навалилась такая тоска, что ему все стало безразлично. Хоть выбрасывайся наружу без скафандра.

Наконец все в нем взбунтовалось. Думать-то он может?! Мечтать, фантазировать, надеяться? Или в его положении уж и этого нельзя?

Хвост должен быть длинным. Насколько? На миллионы, десятки миллионов километров?

Да нет же! Он же не собирается являть собой зрелище в небесах. Сейчас его астероид скорей всего не виден в самые лучшие заатмосферные телескопы. Не потому, что он мал, а потому, что слишком слабо отражает свет. Стоит повысить яркость всего раза в два, как он станет тусклой, но все же приметной звездочкой. Это сделать нетрудно, но это ничего не даст — просто автоматический регистратор занесет в каталог еще один астероид. Значит, хвост должен быть намного длиннее поперечника. Тогда астероид будет виден кометой. Но весь-то астероид — это сотня-другая метров! Следовательно, хвост...

Не может быть, тут что-то не так! Спокойно, спокойно... Сделаем для страховки хвост в тысячи раз больше поперечника. Это всего-навсего сотни километров газопылевого шлейфа. Всего-навсего.

Он не поверил себе. Пересчитал. Все так. Да ведь это же размер самых крупных астероидов, таких, как Церера, Веста, а они прекрасно различаются в телескоп. Его комета тотчас обратит на себя внимание! Тотчас!

Что же сделать, что можно сделать, что надо сделать, чтобы всем стал ясен смысл этой кометы? Дым костра, дым костра... Черный или белый, сигнальный...

А-а! **Хвост надо покрасить.**

На корабле сколько угодно нужных веществ. Эмаль стен, пластмасса ручек, изоляция, да мало ли что. Можно получить любые оттенки дыма! Остается выбрать какой-нибудь совсем уж немыслимый цвет. Чтобы ученые схватились за голову...

Стоп. Схватиться-то они, положим, схватятся. Но корабль к комете не пошлют. Опасно нырять в ее туманные глубины, да и зачем? Случаются кометы желтые, красноватые, теперь появилась сине-зеленая в крапинку. Любопытно, но что тут такого? В природе все бывает.

Выходит, надо создать комету, какой не бывает и быть не может. С хвостом вытянутым, допустим, не к Солнцу, а от Солнца. Радужную. Мигающую. Точка — тире — точка. «Тут я, Петров, туточки...»

Комета в облике павлиньего хвоста. Прекрасно! Подмигивающая.

Он радостно засмеялся. Какой поднимется переполох! Какой переполох!

Горелку он сконструирует. В корабле столько всякой всячины, а горелка — такая примитивная вещь, что он будет последним недотепой, если ее не сварганит. Выйти тоже не проблема. Пусть улетучится часть воздуха. Резерв кислорода восполнит потерю. Да, но каким образом он тогда зажжет костер?!

Ах, да не в этом дело... Плотность кометного хвоста не слишком отличается от разреженности вакуума. Можно найти вещества, которые горят без кислорода или содержат его в себе, можно поджечь их электроразрядом, можно сфокусировать на них лучи Солнца. Так или иначе это препятствие обойти удастся. Но за счет чего он создаст тягу, достаточно сильную, чтобы газы образовали шлейф? Только за счет воздуха, который нужен ему для дыхания и который он потеряет, если выйдет...

Хоть кричи, хоть бейся головой об стену, уравнение неумолимо. Нет у него резерва на все и вся. Или — или, будь все проклято!

Он не заметил, что кричит. Это бессовестно — так поманить его надеждой! Несправедливо! Чудовищно!

Но ведь он сам поманил себя надеждой. Так что же он кричит? С кем или чем спорит? С мировым порядком? С тем, что не может выйти... не выходя?

Быть может, соорудить тамбур, смастерить насос для откачки... Долго, ненадежно, сложно, и все лишь затем...

Затем, чтобы вынести горелку.

А зачем горелке быть снаружи?!

Олух и идиот, вот он кто такой. Нужно маленькое отверстие в стене. Крохотное. Сопло. Нужен регулятор, который через равные промежутки времени выбрасывал бы точно отмеренные порции... воды. Да, да! Щелчок воздуха, как пружина катапульты, выстрелит капельками, которые тут же испарятся и рассеются яркими кристалликами льда. Или даже не так — детский водяной пистолет, тогда и воздуха тратить не надо! Вот что ему нужно, но об этом после, после, он все успеет продумать и усовершенствовать как надо. Если правильно рассчитать (а законы природы теперь на его стороне!), то сияющий столб от выстрела к выстрелу будет расти и расти, потому что есть компрессор и, следовательно, можно получить приличное давление! А воды у него хватит, ведь ее запасы в системе были рассчитаны на троих.

И не надо никакого шикарного павлиньего хвоста. Существуют спектрографы и спектрограммы, которые ловят миллиардные доли примесей, а в обсерваториях сидят отнюдь не кретины. Просто в воду надо чего-нибудь добавить. Чего? Да хотя бы флюораминовой пасты, которой он пишет.

В хвосте кометы астрономы обнаружат следы чернил!

И это его спасет.

Последний...

И. БОНЕВ, болгарский писатель

Фантастический рассказ

Жаркое марево было пропитано бензиновыми парами, и Сэм Фуллер надел вторую кислородную маску. До самого горизонта блестящими лентами тянулись автострады, и солнце изливало на них потоки огня.

«В такой момент легче всего попасть под колеса», — подумал Сэм и тут же отскочил, услышав за спиной тигриный рев мощных моторов. Он отчаянно прыгнул в кювет. Свистя, пролетели рядом колеса желтого «Лотос суперрекорда». Сэм все же разглядел искаженное яростью лицо водителя и знак, нарисованный на крыльях: раскоряченный человечек, перечеркнутый толстой черной чертой, — знак «охотника на пешеходов».

Водитель сделал круг, но, поняв, что Сэм наблюдает за ним, нажал педаль и скрылся за горизонтом. Сэм встал, стряхнул пыль с одежды. Нужно было отыскать хорошее место для ночевки. Он был уверен, что владельцы гаражей знают его и про-

Рисунок В. КОЛТУНОВА

гонят, если он попытается остановиться в городе, а оставаться на автостраде ночью было опасно. Сэм был знаменитой личностью, его знали почти все жители штата. Его показывали в телепередачах «У кого еще нет автомобиля?»; на первых страницах газет помещали его портрет с подписью, набранной аршинными буквами: «Вот человек, не желающий купить себе автомобиль». Даже авторитетный журнал «Мотормен» в рубрике «Знаете ли вы, что...» регулярно сообщал, что «у семейства Фуллер из Даун Бич еще нет автомобиля»...

В молодости Сэм записался в Общество защиты пешеходов и там познакомился с Джейн; уже тогда людей, взгляды которых он разделял, не насчитывалось и десяти тысяч. Он женился на Джейн, потом на свет появилась Мери, потом сын. Когда дети подросли, Сэм повел их на собрание общества, внес в списки, и им выдали книжки пешеходов. Соседи смеялись над ним, в полночь гудели клаксонами под окнами, швыряли в сад старые автопокрышки, а в стекла — гайки и болты. Время от времени притаскивали к дому какой-нибудь бракованный автомобиль. Семейство терпеливо очищало и вскапывало сад, собирало болты вместе с осколками стекол, отвечало на глупые вопросы журналистов. Сэм думал, что эта «спокойная жизнь» будет тянуться до самой его смерти, но ошибся. Пешеходов осталось совсем мало, и сенат издавал специальные законы против них. Первой не выдержала Джейн — его жена. Ей тогда не было и 35 лет. Однажды вечером перед их домом блеснули фары машины «Каравелла де люкс». Джейн похитил какой-то плешивый владелец бензостанции; она уехала с ним, даже не простившись с детьми. Сэм отказывался поверить в это, даже когда прочел в газетах, что «миссис Фуллер бежала с владельцем бензостанции «Пьяная Рысь».

Как-то вечером исчез и его сын. Сэм терпеливо ждал, надеясь, что ночью хлопнет дверь, а утром, осматривая комнату сына, заметил, что чековая книжка исчезла. Через два дня он получил по почте на имя Фуллера-младшего квитанцию фирмы Бентли — свидетельство о покупке автомобиля. Сэм разорвал ее в клочки, бросил в корзинку и заплакал. Теперь у него оставалась только Мэри, и он берег ее как зеницу ока. Ее увезли утром. Возвращаясь с десятиминутной прогулки, он заметил перед домом две черные машины, готовые вот-вот сорваться с места. Охваченный дурными предчувствиями, он бросился к ним, на ходу вытаскивая револьверы из карманов, но не успел: машина с Мери исчезала за поворотом. Он еще слышал крики дочери и в ярости наобум разрядил вслед две обоймы. Он так и не понял, как это произошло: машина потеряла управление, ударилась о высокую стену гаража и перевернулась. Она горела всю ночь, и при ее свете по окнам Сэма стреляли картечью. Он, однако, предвидел это и ночевал в маленьком противоатомном укрытии, купленном на десятилетние сбережения.

Выходить из дома становилось все опаснее. Однажды утром, когда Сэм просматривал газету, большие буквы на первой странице привлекли его внимание. Он прочел: «Сенат проводит закон об уничтожении пешеходов и о разгоне общества их защиты». Ниже буквами помельче было напечатано, что учреждаются специальные премии для водителей, вызвавших наибольшее количество дорожных происшествий с гибелью пешеходов, и что пешеходам, добровольно сдавшимся не позже чем в 24 часа, немедленно будет выдано по три автомобиля, как полагается всем гражданам штата, а они должны будут платить налог и накручивать километры, необходимые для подтверждения их гражданства.

Прошло еще несколько месяцев, и от всего общества осталось только трое: Миллер из Сейлема — пятидесятилетний чудак, не боявшийся ходить пешком даже по шоссе № 10005, Рон Бенсон, ненавидевший автомобили за то, что они погубили всю его семью, и Сэм. Он связывался с ними только по радио, и два дня назад они решили идти пешком в столицу просить у президента отмены закона против пешеходов на одни сутки, чтобы без риска для жизни покинуть страну.

Сэм начал настраивать рацию и услышал хрипловатый голос Бенсона.

— Хелло, старина! — крикнул Бенсон. — Где ты? Я уже дошел до окраин Палм-сити.

— Хелло, Рон, — ответил Сэм Фуллер. — Я продвигаюсь по автостраде «Быстрых ангелов». Нужно найти место для ночевки. Вызови меня утром, но следи, чтобы охотники тебя не засекли.

Сэм снова завертел верньеры и поискал волну Миллера. Старик не отвечал. Фуллер подождал минут десять и, не дождавшись ответа, снова связался с Бенсоном. Когда Сэм спросил, что случилось с Миллером, голос у Рона задрожал.

— Я не хотел говорить тебе, старина... Миллера раздавили часа четыре назад. В нескольких милях отсюда, на шоссе № 10004. Ну, как бы то ни было, мы пойдем дальше. Ищи себе место для ночлега.

Сэм выключил радио. Спускались сумерки; над автострадой засветились яркие фары мощных машин. Это вышли охотники на пешеходов. Они наверняка засекли рацию и теперь ищут его. «Выследят как зайца», — подумал Сэм.

Он укрылся в груде старых, поломанных автомобилей, в пяти милях от Палм-сити. Забрался в кабину «Файрлайн форда» и попытался уснуть. Ему снились кошмары: молодежь играла вокруг и пыталась въезжать на своих машинах на эту груду лома, они разгонялись и сталкивались. От загоревшихся машин стало светло как днем.

Утром Сэм проснулся еще до восхода солнца. Он вылез из груды металла и двинулся на восток. Вдали уже возникали многоярусные эстакады и многоэтажные гаражи Палм-сити. Он хотел связаться с Роном и начал искать его волну; наконец ему удалось найти ее и услышать его хрипловатый голос:

— Ну как спалось, старик?

Сэм начал рассказывать ему о своих кошмарах, но вдруг услышал рев машины. Ему показалось, что она наезжает на него, и он прыгнул в сторону. Потом он явственно услышал удары по металлу и предсмертный крик Рона. Закрыл глаза, а когда открыл, то в наушниках раздавалось только монотонное жужжание рации.

Он снова двинулся по автостраде, но уже не знал, куда идти, и сел прямо посередине.

...Он так и не увидел машины, бесшумно приблизившейся к нему, машины с острым рылом и человечком на щитке, перечеркнутым жирной черной чертой.

Перевела с болгарского
З. БОБЫРЬ

АРТУР КЛАРК

ЛУЧ ВОЗМЕЗДИЯ

Фантастический рассказ

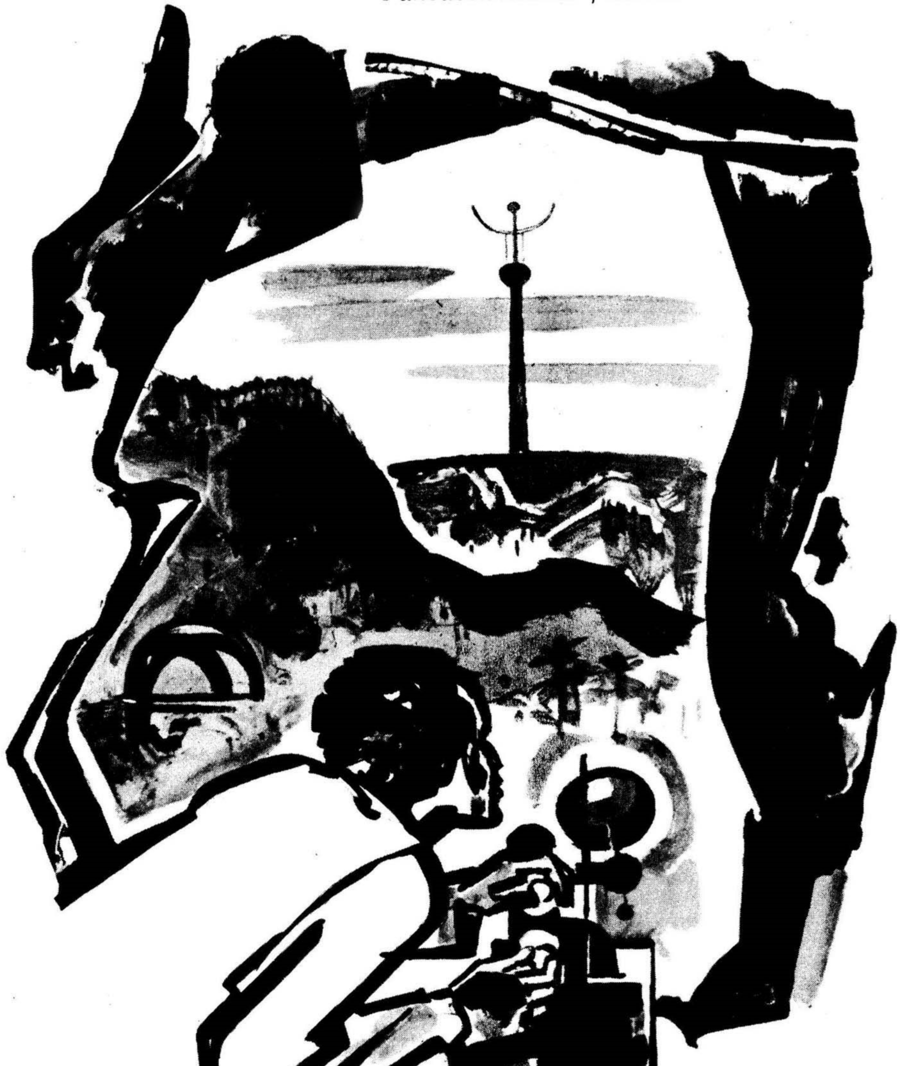


Рисунок Н. ГРИШИНА

Я не принадлежу к числу тех африканцев, которые стыдятся своей родины лишь потому, что за полвека она добилась меньшего прогресса, чем Европа за полтысячелетия, и считаю, что нашему быстрому продвижению вперед больше всего мешали и продолжают мешать диктаторы типа нынешнего Чаки. Доля нашей вины в том, что такие диктаторы существуют, увы, огромна, следовательно, бремя искупления этой вины мы обязаны всецело возложить на себя.

Даже если отбросить в сторону эти соображения, у меня остается достаточно причин, во всяком случае больше, чем у других, желать гибели Великого Вождя, Всемогущего, Всевидящего. Мы с ним одноплеменники и даже в какой-то степени родня (по линии одной из жен моего отца). Члены нашей семьи с приходом Чаки к власти стали подвергаться преследованиям, хотя политикой никто из нас не занимался. Исчезли двое моих братьев, еще один при очень странных обстоятельствах погиб в автомобильной катастрофе. Сам я остался в живых и на свободе, несомненно, лишь благодаря тому, что являюсь одним из немногих отечественных ученых с мировой известностью.

Как и большинство других интеллектуалов, я далеко не сразу стал противником диктатуры Чаки. Сначала я думал — точно так же, как думали в 30-е годы одураченные немцы, — что режим личной власти в некоторых случаях является единственным надежным средством спасения от политического хаоса. Всю глубину своих заблуждений мы впервые ощутили, пожалуй, только после того, как Чака отменил конституцию и стал править единолично. С этой поры его обуяла неуклонно прогрессирующая мания величия; подобно другим тиранам, он перестал доверять окружающим и начал опасаться заговоров. Опасения эти были вполне обоснованными — всем хорошо известны, по крайней мере, шесть покушений на его жизнь, кроме того, имело место еще несколько попыток уничтожить тирана, о которых общественность так и не узнала.

Неудачи всех заговоров еще более утвердили в Чаке уверенность в своем божественном назначении и создали среди фанатичных приверженцев диктатора миф о его бессмертии. По мере того как росла оппозиция режиму, Великий Вождь принимал все более жестокие и варварские меры по ее подавлению. Нельзя сказать, чтобы Чака был первым политическим деятелем, применившим пытки и казни своих противников, в Африке, да и не только в Африке, такие методы практиковались давно. Но режим, установленный Чакой, впервые в мире стал демонстрировать пытки по телевидению.

Даже после этого, несмотря на ужас и отвращение, вызванные во всем мире подобными действиями, я ничего бы не стал предпринимать против Чаки, не окажись у меня в руках по воле судьбы подходящего оружия. Меня никак нельзя назвать человеком дей-

ствия; более того, я ненавижу насилие во всех его проявлениях. Однако сознание силы, обладателем которой я неожиданно стал, не давало мне покоя. План действий стал зреть в моем мозгу, когда была смонтирована и передана нам система инфракрасной связи «Хью Марк Экс».

Просто удивительно, что наша страна, одна из наиболее отсталых в мире, оказалась в гуще работ по освоению космоса. Было бы, конечно, наивным полагать, что американцам пришлась по вкусу эта штука, сыгранная с нами географией. Но тут уж ничего не поделаешь. Умбала расположена на экваторе, и над ней проходят траектории всех планет; кроме того, здесь находится вулкан Замбуе, которому нет цены.

Миллионы лет назад, когда вулкан уснул, лава в его кратере, медленно оседая, затвердела, образовав террасы. Таким образом сформировалась чаша шириной в милю и глубиной в тысячу футов. Минимальный объем земляных работ, прокладка кабеля — и кратер стал крупнейшим в мире радиотелескопом. Так как рефлектор этого телескопа неподвижен, он сканирует любой участок космоса всего несколько минут в течение суток. Это единственное неудобство, с которым ученые согласились мириться ради возможности принимать сигналы космических зондов и кораблей со всех концов солнечной системы.

Диктаторство Чаки застало ученых врасплох. Дело в том, что, когда он пришел к власти, работы по сооружению телескопа близились к концу. Волей-неволей с Чакой тоже пришлось смириться. К счастью, он питал почти суеверное уважение к науке и при этом остро нуждался в долларах, которые ему платили. Его стремление к величию, таким образом, не только не причиняло ущерба Экваториальному космическому телескопу, но даже в какой-то мере опиралось на него.

Мое первое знакомство с Большим Блюдом состоялось вскоре после завершения работ в кратере. Я поднялся на башню, которая высится в центре Блюда. Эта вертикальная мачта высотой в полторы тысячи футов собирает коллекторные антенны в фокусе чаши. Маленький трехместный лифт медленно вез меня наверх.

В начале подъема смотреть было не на что — вокруг монотонно и тускло мерцали алюминиевые листы, устилающие огромную чашу кратера. Но вот лифт поднялся над вершиной вулкана, и я оглядел землю, которую надеялся спасти.

На западе в легкой дымке голубела снежная шапка горы Тампала, второй в Африке по высоте. От меня ее отделяли бескрайние джунгли, по которым, образуя причудливые излучины, катила свои мутные воды Ниа. Эта река для миллионов моих соотечественников была единственной доступной транспортной магистралью. Лишь далекое белое пятно города, железная дорога да несколько просек свидетельствовали о том, что в здешних местах обитает человек.

Увидев Умбалу с высоты птичьего полета, я вдруг ощутил свою беспомощность и ничтожность перед раскинувшимся внизу бесконечным лесом.

На высоте четверти мили лифт, издав щелчок, остановился. Выйдя из него, я оказался в крохотном помещении, до отказа забитом приборами и проводами. Можно было подняться еще выше — из этого помещения на крышу выходила небольшая лестница-трап. По ней я взобрался на крохотную треугольную площадку и тотчас же подумал, что это неподходящее место для человека, склонного к головокружениям, — площадка не была снабжена леерным ограждением. Стоя под самыми облаками, я на всякий случай крепко держался рукой за прут громоотвода.

Ошеломленный представшим передо мной зрелищем и возбуждаемый опасностью, я абсолютно забыл о беге времени. Богом, отрешенным от земных сует и недосягаемым для людей, чувствовал я себя. И тут меня вдруг осенило, что Чака никак не сможет миновать этой площадки.

Разумеется, полковник Мтанга, шеф охранки, будет возражать, но все его предостережения и протесты останутся без внимания. Зная Чаку, можно было с математической достоверностью предсказать, что в день официального открытия радиотелескопа он продолжительное время простоит здесь в одиночестве, обозревая свои владения. Телохранители останутся в нижнем помещении, предварительно удостоверившись, что там не заложена адская машина. И все же никакая охранка не сможет ему помочь, когда, находясь в трех милях отсюда, я нанесу удар из-за гряды холмов, пролегавшей между радиотелескопом и нашей обсерваторией.

Холмы эти для меня как нельзя более кстати. Осложняя мою задачу, они в то же время защитят меня ото всяких подозрений. Полковник Мтанга — очень проницательный человек, но и он вряд ли догадается об оружии, которое поражает из-за угла. А оружие Мтанга, если он даже и не найдет ни единого намека на пулю, будет искать обязательно.

Возвратившись к себе в обсерваторию, я принялся за расчеты и тотчас обнаружил свою главную ошибку. Зная, что сфокусированный луч лазера проделывает дыру в толще стального листа, я почему-то решил, что наш «Марк Экс» может уничтожить человека. Оказалось, что все обстоит не так-то просто. Человек представляет собой более плотное препятствие на пути лазерного луча, нежели сталь. Человеческое тело состоит преимущественно из воды, которая нагревается раз в десять медленнее любого металла. Луч лазера, пронзающий стальной лист или передающий сигналы на Плутон (наш «Марк Экс» предназначался как раз для передачи сигналов), человеку способен причинить лишь незначительный, хотя и очень болезненный ожог. На таком расстоянии я со своим лазером самое большее прожгу дыру в цветастом одеяле, в которое Чака постоянно облачался, желая подчеркнуть связь с народом.

Я было отчаялся и едва не отказался от своей затеи. Интуиция все же подсказывала, что решение проблемы существует и мне еще предстоит его найти. Может быть, рассуждал я, мне следует перерезать своим невидимым лучом одну из оттяжек, и тогда башня, которая крепится этими оттяжками, рухнет вместе с Чакой, стоящим на ее вершине. Расчеты подтвердили основательность моих рассуждений, для реализации этого плана было необходимо лишь, чтобы лазер работал непрерывно в течение пятнадцати секунд. Трос в отличие от человека неподвижен, и в этом случае отпадает необходимость рисковать, делая ставку на один-единственный импульс, иными словами, можно делать дело не торопясь.

В глубине души, однако, я считал порчу телескопа святотатством по отношению к науке, поэтому, когда снова обнаружилось, что мой план неприемлем, я невольно ощутил облегчение. Мачта была построена с большим запасом прочности; чтобы обрушить ее, мне пришлось бы перерезать целых три различных троса. Об этом не могло быть и речи. Каждый прицельный импульс потребует тщательной, многочасовой настройки прибора.

Нужно было придумать что-то другое. Большинству людей свойственно не замечать очевидного,

поэтому лишь за неделю до официального открытия телескопа понял я, как мне следует поступить с Чакой Всевидящим, Чакой Всемогущим, Отцом Народа.

Мои аспиранты настроили и откалибровали установку, и вскоре нам предстояло провести первое опробование лазера на полной мощности. Под куполом обсерватории наш «Марк Экс» выглядел в точности, как большой двухобъективный зеркальный телескоп, каковым он, по сути дела, и является. Одно его тридцатишестидюймовое зеркало концентрирует лазерный луч и направляет его в заданный район; другое зеркало служит для приема входящих сигналов и одновременно для наведения прибора, являясь как бы сверхмощным оптическим прицелом.

Настройку лазера мы выверяли по ближайшей небесной цели — Луне. Поздно ночью я совместил перекрестье прицела с центром убывающего лунного серпа и выпустил импульс, который спустя полторы секунды отозвался великолепным эхом. Все шло, как полагается.

Оставалось сделать кое-что еще, этим занялся я сам, соблюдая полнейшую секретность. Радиотелескоп находится к северу от обсерватории, от нашего взора его скрывает холмистая гряда. В миле к югу от нас стоит одинокая гора. Я изучил ее как свои пять пальцев, когда много лет назад монтировал на ее вершине станцию космических лучей. Кто бы мог тогда подумать, что этой горе предстоит сослужить мне службу при столь необычных обстоятельствах.

Чуть пониже вершины горы располагались руины уже давно никому не нужного форта. Я быстро отыскал цель своей вылазки — небольшую пещеру. Высотой не более ярда, она образовалась в результате падения с древних стен форта двух больших камней. Судя по паутине, в моей пещере давно не бывал человек.

Я забрался туда; через лаз мне был виден весь комплекс сооружений Системы Большого Космоса, растянувшийся на много миль. На востоке торчали антенны давнишней станции наблюдения за полетами по программе «Аполлон». Чуть дальше располагался аэродром; включив тормозные сопла, на него медленно опускался грузовой самолет. Я с удовольствием убедился, что отсюда хорошо просматриваются и купол обсерватории, и находящаяся в трех милях к северу от него мачта радиотелескопа.

В течение трех дней устанавливал я в этой потаенной норе прецизионное серебряное зеркало. Кропотливая наладка с помощью микрометра заняла целую уйму времени, и я начал бояться, что не поспею к сроку. Но вот наконец зеркало установлено под нужным углом с точностью до мельчайших долей секунды. Вернувшись в обсерваторию, я навел «Марк Экс» на это зеркало, и в видоискателе возникло изображение верхушки мачты, находящейся позади меня, за холмами. Угол обзора был крошечным, но вполне достаточным для меня. Площадь, занимаемая целью, составляла всего лишь один квадратный ярд, но оптика позволяла наблюдать за каждым дюймом этого квадрата.

Луч света по проложенному мною пути мог проходить туда и обратно. Любой объект, наблюдаемый через видоискатель телескопа, становился потенциальной мишенью для лазерного луча.

Прошло три дня. Я сидел в своей тихой обсерватории, кругом мерно жужжали блоки электропитания. И вот Чака появился в видоискателе. Странное у меня тогда было ощущение — как у астронома, вычислившего орбиту никому еще не известной планеты и вдруг обнаружившего ее в предсказанном месте среди других звезд.

Сначала жестокое лицо было повернуто ко мне в профиль. Казалось, Чака находится в тридцати футах от меня — таким сильным было увеличение. Терпеливо, в уверенном спокойствии дождался я того момента, когда Чака посмотрел в мою сторону. Тут левой рукой я прикоснулся к деревянной фигурке старинного божка, а правой включил систему конденсаторов, приводящую лазер в действие, и в то же мгновение через холмы метнулась бесшумная невидимая молния.

Ничего лучше нельзя было придумать. Конечно, Чака заслуживал смертной казни. Но она сделала бы его в глазах толпы мучеником и укрепила бы господство созданного им режима. Кара, обрушенная на Чаку, хуже, чем смерть; она вселит в его приверженцев суеверный ужас.

Ибо Чака остался жив, но Всевидящий больше никогда и ничего не увидит. За долю секунды он сделался ничтожнее и беспомощнее любого уличного попрошайки.

А ведь я даже не причинил ему боли. Он ничего не почувствовал, когда жар тысячи солнц ослепил его.

Перевел с английского
Г. ДМИТРИЕВ

ЧУДЕСНАЯ ФЕРМА МИСТЕРА МАК-БРУМА

СИД ФЛЕЙШМЕН, американский писатель

1. АРБУЗ, КОТОРЫЙ ПРЫГАЛ

О чудесной ферме Мак-Брума рассказывалось столько ерундовой чепухи, что лучше будет, если я сам внесу ясность в это дело. Я — это и есть Мак-Брум, Джош Мак-Брум. А насчет арбузов я сейчас вам все объясню...

Я люблю располагать факты один за другим, так, как все происходило, в точности.

Это началось, можно сказать, в тот самый день, когда мы бросили свою ферму в Коннектикуте. Мы погрузили ребят и все свое добро в старый, с воздушным охлаждением «франклин» и отправились на Запад.

Если считать по головам, то, кроме моей собственной, здесь была еще дюжина: со мной ехали моя дорогая женушка Мелисса и наши одиннадцать рыжих ребят. Их звали Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*икрошка*кларинда.*

Было лето, и деревья вдоль дороги звенели от птичьего щебета. Мы добрались уже до Айовы, когда моя женушка Мелисса сделала поразительное открытие. С нами было двенадцать ребят — один лишний! Она только что пересчитала их.

Я тут же резко затормозил и поднял тучу пыли.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*икрошка*кларинда!* — скомандовал я. — Стройся!

Ребята как горох посыпались из машины, и я пересчитал головы. Их было двенадцать! Я пересчитал снова: двенадцать! И что хуже всего, все лица были знакомые. Я снова принялся считать, но на этот раз заметил, как Ларри прошмыгнул в конец ряда. Оказывается, я посчитал его дважды. Так загадка разъяснилась. Вот паршивец! Зато и посмеялись же мы, да еще и ноги размяли вдобавок.

И вот тут-то на дороге появился этот тощий длинноногий парень. Он был такой тощий, что, наверное, вместе с ушами мог бы спрятаться за флагштоком. Но франт он был отменный: высокий воротничок, на голове соломенная шляпа, в галстуке алмазная булавка.

— Заблудились, сосед? — спросил он и выплюнул семечки зеленого яблока, которое ел.

— Ничуть, — говорю я. — Мы едем на Запад, сэр. Мы бросили свою ферму — там камни пополам с пнями. Говорят, на Западе земля есть, и солнце светит даже зимой.

Незнакомец поджал губы.

— Самая лучшая земля — это в Айове, — сказал он.

— Может быть, — кивнул я. — Но с деньгами у меня туго. Если фермы в Айове не раздаются даром, мы уж лучше поедем дальше.

Франт поскреб себе подбородок.

— Послушайте, земли у меня больше, чем я могу вспахать. Вы люди как будто порядочные. Я бы хотел заполучить вас в соседи. Я отдам вам по дешевке восемьдесят акров — ни пенька, ни камешка. Берите.

— Большое спасибо, сэр, — сказал я, — но, боюсь, вы посмеетесь надо мной, если я предложу вам все, что есть у меня в кошельке.

— А сколько там?

— Ровно десять долларов.

— Заметано! — сказал он.

Я чуть было не подавился от удивления. Я думал, что он шутит, но он проворно нацарапал на старом конверте купчую.

— Гектор Джонс, так зовут меня, сосед, — сказал он. — Можете называть меня Геком, как все.

Был ли кто на свете любезнее и щедрее? Он подписался широким росчерком, а я, ликуя, раскрыл свой кошелек.

Оттуда вылетели три белых бражника. Эти паршивцы грызли мою единственную десятидолларовую бумажку, наверное, от самого Коннектикута, но от нее осталось еще достаточно, чтобы купить ферму. И без единого пенька или камешка!

Мистер Гек Джонс вскочил на подножку и показывал нам путь, с милю или около того. Ребята тем временем пытались позабавить его. Уилл двигал ушами, а Джилл скосила глаза, а Честер дергал носом, как кролик, Эстер махала руками, как птица крыльями, Питер свистел сквозь передние зубы, которых у него не было, а Том стоял на голове. Но мистер Гек Джонс не обращал на них никакого внимания.

Наконец он вытянул свою длинную руку:

— Вот ваши владения, сосед!

Все так и посыпались из машины...

Мы восхищенно глядели на свои новые угодья — обширные и солнечные, с дубом на холмике. Был, правда, один недостаток. У дороги целый акр занимал грязный пруд: там и бизон утонул бы. Но сделка есть сделка.

— Ма, — сказал я своей дорогой Мелиссе, — ты видишь этот чудесный старый дуб на холме? Там мы построим себе дом...

— Нет, не построите, — возразил мистер Джонс. — Этот дуб не ваш. Ваше только то, что вы видите под водой. Ни пенька, ни камешка — я же говорил вам!

Мне показалось, что он доволен своей шуткой, но на лице у него не было и следа улыбки.

— Но, сэр, — сказал я, — вы же говорили, что отдаете нам восемьдесят акров.

— Говорил.

— А этот грязный пруд занимает только один акр...

— Нет, — ответил он. — Там все восемьдесят акров, один на другом, как слоеный пирог. Я не говорил, что ваши владения все на поверхности. Они на восемьдесят акров в глубину, Мак-Брум. Прочтите купчую.

Я прочел. Он говорил правду.

— Хи-хо! Хи-хо! — засмеялся он. — Здорово я таки провел вас, Мак-Брум. До свидания, сосед!

И он убежал и смеялся в рукав до самого дома. Я вскоре узнал, что мистер Гек всегда смеялся в рукав. Мне рассказывали, что когда он ложился спать и вешал свою куртку, то весь накопившийся смех высыпался из рукавов и всю ночь не давал ему заснуть. Но это неправда.

А вот насчет арбузов я вам сейчас расскажу...

Так вот, мы стояли и смотрели на наши владения — один акр! — которые только на то и годились, чтобы окунуться в них в жаркий день. А этот день был на моей памяти самым жарким. Как потом оказалось, самым жарким вообще в истории. В этот самый день, за три минуты до полудня, кукуруза всех полей Айовы затрещала и изжарилась на корню. Такова история. Вы, должно быть, читали о ней. Есть даже снимки в доказательство.

Я обратился к детям:

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*икрошка*кларинда,* не бывает никакого худа без добра. Вода в нашем пруду мутновата, зато мокрая. Давайте прыгнем в нее прохладиться.

Эта мысль понравилась, и мы живо очутились в купальниках. Я подал знак, мы разбежались и прыгнули. И в этот самый момент ударила такая

засуха, что под нами оказалась земля. Пруд мгновенно испарился. Это было поразительно.

Мальчики прыгали вниз головой и ныряли в... землю, только ноги болтались в воздухе. Мне пришлось вытаскивать их из земли, как морковки. Девочки еще зажимали себе носы и поэтому не успели прыгнуть. Они очень огорчились, когда такую лужу вдруг выдернули из-под них.

Но когда я пощупал эту землю, мое фермерское сердце так и екнуло. Почва была рыхлая и мягкая, как черный бархат.

— Мелисса, дорогуша! — крикнул я. — Посмотри-ка! Земля тут такая богатая, что ее бы следовало держать в федеральном банке.

Меня вдруг затрясло от возбуждения. Эта сказочная почва буквально взывала о посеве. В машине у нас остался мешок с сухими бобами, и я послал за ним Уилла и Честера.

Вскапывать землю было незачем. Я велел Полли вести палкой прямую борозду, а Тиму — идти за нею и делать ямки в земле. Сам же пошел следом: я клал по бобу в каждую ямку и притаптывал каблуком.

Так вот, не прошел я и двух ярдов, как за ногу меня схватило что-то зеленое, с листьями. Я обернулся. За мною полз бобовый стебель, ища палку или шест, чтобы обвиться.

— Чудеса! — вскричал я. — Вот так почва!

Побеги лезли со всех сторон. Мне пришлось пуститься бегом, чтобы обогнать их.

Пока я добежал до конца борозды, первые побеги уже зацвели, на них повисли стручья и тут же созрели.

Можете себе представить наш восторг! Уилл хлопал ушами, Джилл скосила глаза, Честер шевелил носом, Эстер махала руками, Питер свистел сквозь зубы, которых не было, а Том стоял на голове.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*томтим*мери*-*ларри*икрошка*кларинда!* — крикнул я. — Убрать бобы!

За один час мы посадили и убрали весь урожай бобов. Ну и жарища же стояла в этот день! Я послал Ларри поискать у дороги хороший желудь. Мы посадили этот желудь, но он рос не так быстро, как я ожидал: тенистое дерево выросло только часа через три. Под сенью нашего дуба устроили стоянку, а на следующий день повезли бобы в Барнсвилл. Я обменял их на разные семена: моркови, свеклы, капусты, салата... Торговец даже отыскал на самом дне ларя несколько зернышек кукурузы.

Но мы нашли, что сажать кукурузу опасно. Стебли вырастали так быстро, что могли поцарапать вам нос.

Да, конечно, у этой почвы был свой секрет. Однажды здесь даже побывал правительственный эксперт и долго изучал этот вопрос. Он сказал, что в этой части Айовы было когда-то гигантское озеро. За тысячи лет оно усохло, превратившись в наш пруд, и рыбе в нем стало теснее, чем сардинам в жестянке. От этой тесноты ее много гибло. Но ничто лучше рыбы не может обогатить почву азотом. Это научный факт. А от азота все растет с бешеной скоростью... Действительно, нам в почве иногда попадались рыбьи кости.

И вот однажды к нам в гости пришел мистер Гек Джонс. Он ел сырую репку, и, когда увидел, что мы убираем капусту, глаза у него полезли на лоб. Гек чуть не ослеп от этого зрелища.

Он поспешно ушел, бормоча что-то под нос.

— Мелисса, милочка, — сказал я, — этот человек задумал недоброе.

Люди в городе рассказывали мне, что ферма у мистера Джонса самая плохая во всей Айове. Ураганы снесли весь пахотный слой и оставили только твердую подпочву. Ему приходилось вскапывать ее топором и зубилом. Однажды мы услышали за холмом пальбу, и мои ребята полезли посмотреть, в чем дело. Оказалось, он засевает свою землю из дробовика.

Тем временем мы занимались на ферме своими делами. Не стану скрывать, что доходы у нас вскоре стали вполне приличными. Там, в Коннектикуте, мы были рады, если собирали урожай один раз в год. А теперь мы сеяли и убирали по три-четыре раза в день!

Но были у нас и трудности. Сорняки, например. Ребята подстерегали их по очереди. Как только сорняк показывался из земли, они накидывались на него с мотыгами и спешили уничтожить. Вы можете представить себе, что случилось бы, если бы сорняки укоренились в такой богатой почве, как наша.

Хлопоты были и со сроками посева и уборки. Как-то раз мы посеяли салат, и тут моя женушка Мелисса позвала нас обедать. Пока мы ели, салат выгнал стрелки и зацвел, и мы потеряли весь урожай.

В один прекрасный день мистер Гек Джонс появился вновь, да еще улыбаясь. Ему казалось, что он нашел лазейку в купчей, по которой передал землю нам.

— Хи-хо! — засмеялся он. На этот раз он жевал редиску. — Сейчас я вас поймаю, сосед Мак-Брум! В купчей сказано, что вы должны отдать мне *все,* что есть у вас в кошельке, а вы не отдали.

— Ну что вы, сэр, — возразил я. — Десять долларов. Больше у меня в кошельке не было ни цента.

— У вас в кошельке были *бражники.* Я видел, как они улетели. Три белоснежные ночные бабочки, Мак-Брум. Я хочу получить их не позже чем в три часа пополудни или отберу ферму обратно. Хе-хе-хе!

И он ушел, смеясь в рукав.

Ма как раз звонила к обеду, так что времени у нас было в обрез. Черт бы побрал этого пройдоху! Но по закону он был прав.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*-*ларри*икрошка*кларинда!* — крикнул я. — Изловите мне трех белых бражников! Живо!

Мы разбежались в разные стороны. Но среди дня ночную бабочку найти невозможно — попробуйте сами, если не верите. Все мы вернулись с пустыми руками.

Моя женушка Мелисса заплакала, видя, что нам придется покинуть ферму. Не стану скрывать: дело принимало скверный оборот, перспективы были самые мрачные. «Мрачные... Мрак... *Мрак* — вот что нас спасет!» — подумал я и послал ребят сбегать к старой ели, стоявшей у дороги, набрать мешок шишек.

Ох и заспешили же мы! Обгоняя друг друга, посадили по шишке через каждые три фута. Они проросли. Мы в тревоге стояли вокруг, и я все время смотрел на часы. А насчет арбузов — погодите минутку...

И когда до трех часов оставалось всего лишь десять минут, из шишек вырос густой еловый лес.

Ну и мрак же был в этом лесу! Сквозь еловую хвою не просачивался ни единый лучик. Я забрался в самую чащу и зажег фонарик. Не прошло и минуты, как меня роем окружили ночные бабоч-

ки, — они подумали, что настала ночь. Я поймал за крылья трех бражников и выбежал из леса.

Вижу — стоит мистер Гек Джонс, и не один, а с шерифом.

— Хи-хо! Хи-хо! — засмеялся Гек Джонс. Он ел айву. — Сейчас будет ровно три, а бражников вам днем не поймать. Ферма — моя!

— Не спешите, сосед Джонс, — говорю я, а сам сложил ладони коробочкой. — Вот вам ваши бражники, три штуки. А теперь прочь отсюда, пока ноги у вас не пустили корней, а из ушей не вырос плющ!

Он убежал, бормоча что-то.

— Мелисса, милочка, — сказал я, — этот человек задумал недоброе. Он вернется...

Ох и пришлось нам повозиться, пока мы вырубили этот лес. Часть стволов мы дали распилить на доски и построили дом на участке, в самом углу. Остальное отдали соседям. А потом несколько недель корчевали пни.

Но не подумайте, что все время у нас проходило в одном лишь труде и заботах. Некоторые овощи мы выращивали просто для забавы. Возьмите хотя бы тыкву. Плети у нее росли так быстро, что за тыквами еле можно было угнаться. На это стоило посмотреть. Ребята из сил выбивались, гоняясь за тыквами. А иногда они устраивали тыквенные гонки.

В воскресенье после обеда старшие ребята — просто ради смеха — сажали тыквенное семечко и старались вскочить на тыкву верхом. Это было нелегко. Нужно было уловить момент, когда цветок опадет и появится завязь. Ух! Тыква подхватит вас и помчит по участку, пока не выдохнется. Иногда ребята сажали канталупу — она растет еще быстрее.

А девочки придумали игру «в катапульту». Нужно было только встать над зерном кукурузы, когда оно начинает прорастать. Росток так и подбрасывал их кверху.

Частенько мы видели, как мистер Джонс стоит вдали на холме и наблюдает. «Он не успокоится, пока не прогонит нас с этой земли», — не раз думал я.

И вот однажды, среди ночи, меня разбудило хихиканье. Я подошел к окну и увидел в лунном свете Гека. Он квохтал, и хихикал, и ржал, и разбрасывал семена во все стороны.

— Что это вы задумали, сосед Джонс? — крикнул я.

— Хи-хо! — ответил он и убежал, смеясь в рукав.

Как вы понимаете, я больше и глаз сомкнуть не смог. Наутро, чуть солнце встало, наша ферма начала зарастать сорняками. Вы никогда таких не видывали! Они лезли из-под земли и сталкивались друг с другом как одержимые — мышиный горошек и молочай, репейник и вьюнок.

Нам пришлось сразиться врукопашную!

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*том*тим*мери*ларри*икрошка*кларинда!* — вскричал я. — За работу!

И мы начали рубить и мотыжить. На каждый выкорчеванный сорняк вырастало несколько новых. Мы боролись с ними целый месяц. Не приди нам на помощь соседи, мы бы и до сих пор мотыжили.

Наступил наконец день, когда ферма была очищена, и тут снова появился старина Гек Джонс. Он ел большой ломоть арбуза. Именно к этому я и вел свой рассказ...

— Как дела, сосед Мак-Брум? — сказал он. — Я пришел попрощаться с вами.

— Разве вы уезжаете, сэр? — спросил я.

Рисунки В. ВИКТОРОВА

— Не я, а вы.

Я посмотрел ему прямо в лицо.

— А если я не уеду, сэр?

— Хи-хо, Мак-Брум! Там, где я взял семена сорняков, их остались еще целые груды!

Терпение у меня лопнуло. Я засучил рукава, чтобы задать ему трепку, которую он запомнил бы на всю жизнь. Но то, что тут произошло, избавило меня от хлопот.

Когда мои ребята обступили его, мистер Джонс совершил оплошность, выплюнув сразу с пригоршню арбузных семечек.

Все произошло мгновенно.

Не успел я понять, что он сделал, как арбузная плеть обвилась вокруг его тощих ног, и он брякнулся наземь. Он вскочил и заметался по ферме. Арбузные семечки летели во все стороны. Он повернул обратно и наткнулся на тыкву, оставшуюся с воскресенья. И тотчас же арбузы и тыквы запрыгали по всему участку и начали швырять Гека из стороны в сторону. Он так и летал то туда, то сюда. Арбузы сталкивались и взрывались. Гек был весь в арбузной мякоти, как будто его выбросило из бутылки с соусом.

На это стоило посмотреть. Уилл шевелил ушами, Джилл скосила глаза, Честер дергал носом, Эстер хлопала руками, как крыльями, Питер свистел сквозь передние зубы, которых у него не было, Том стоял на голове, а крошка Кларинда сделала свой первый шаг.

Тем временем арбузы и тыквы начали выдыхаться. Я подумал, что мистеру Геку Джонсу, наверное, хочется поскорее попасть домой, и послал Ларри за семечком от большой канталупы.

— Хи-хо, сосед Джонс! — сказал я и всадил семечко у его ног. Не успел я сказать «Пока!», как плеть подхватила его. Большая канталупа мигом домчала его домой. Хотел бы я, чтоб вы видели это.

Больше он не возвращался...

Вот вам и вся правда об этом. Если вы услышите о чудесном акре Мак-Брума что-либо другое, это будут чистейшие выдумки.

Перевела с английского
З. ВОБЫРЬ

Продолжение следует

ЧУДЕСНАЯ ФЕРМА МИСТЕРА МАК БРУМА

СИД ФЛЕЙШМЕН, американский писатель

2. БОЛЬШОЙ ВЕТЕР

Не могу отрицать: в прерии бывает иногда чуточку ветрено... Вот, скажем, в прошлом году порыв ветра промчался по нашей ферме и унес ведро парного молока. На следующий день он вернулся за коровой.

Но не об этом ветре я хочу вам рассказать. Он не в счет. Так, обычный степной ветерок. О нем вроде бы не стоит и рассказывать.

Ногу мне сломал *большой* ветер. Я не жду, что вы мне поверите сразу же. Начну лучше с мелких случаев, а уж потом дойду и до костоломного.

Я хорошо помню первый ветер, подувший из прерии после того, как мы купили нашу чудесную ферму. Да, земля была богатая. Лучшая в Айове. На ней созревало что угодно, да еще с быстротой молнии.

В то утро, о котором я говорю, старшие мальчики помогали мне приколачивать дранки к крыше. Я купил бочонок гвоздей, но они оказались чуть коротковатыми. Мы посадили их в нашу замечательную землю и хорошенько полили. За какие-нибудь пять-десять минут гвозди выросли на целых полдюйма!

Так вот, сидим мы на крыше, приколачиваем дранки. В небе сначала не было ни облачка. Младшие ребята играли в шарики, носились по всему участку, а девочки прыгали через веревочку. Я приколотил последнюю дранку и сказал себе: «Джош Мак-Брум, а крыша-то вышла на славу. Сто лет продержится».

И тут вдруг почувствовал, что мне дует в затылок. А минутку спустя кто-то из девочек — кажется, Полли — окликнула меня.

— Па, — говорит, — разве у кроликов есть крылья?

Я засмеялся.

— Нет, Полли.

— Почему же они тогда летят, да еще целой стаей?

Поднял я голову, смотрю: батюшки! Кролики летят, то хлопая, то руля ушами. Аккуратненько так построились в клин и шпарят прямо на юг. И тут я понял, что нас ждет небольшой ветерок.

— Все бегом! — крикнул я ребятам. Мне не хотелось, чтобы и они взмыли на ушах. — Уилл*джилл*эстер*честер*питер*поллити*м*том*мери*ларри*икрошка*кларинда* — все домой! Живо!

Бельевые веревки уже начали крутиться, как скакалки. Моя женушка Мелисса пекла в это время пышки и распахнула дверь. Мы все вбежали в дом — и как раз вовремя. Ветер мчался за нами по пятам, как стая волков: ему хотелось ворваться вместе с нами в дом и похозяйничать там вволю! Этот степной ветер такой невежа!

Мы захлопнули дверь у него перед носом. Ветру это не понравилось. Он стучал и дубасил в дверь, а мы навалились всем скопом и держали ее, чтобы не открылась. Вот это была битва! Весь наш дом трещал и шатался!

— Держите, ягнятки мои! — вопил я. — Навались!

Дверные доски выгибались, как клепки у бочки. Но мы так и не впустили ветер. Увидев, что ему с нами не справиться, он прокрался вокруг дома к задней двери. Но Уилл, наш самый старший, оказался хитрей. Он свалил у этой двери груду свежих пышек. Мелисса, моя женушка, отлично стряпает, но вот пышки у нее всегда получаются тяжеловатыми. Они крепко держали дверь.

Но что меня больше всего тревожило — это наша чудесная, тучная почва. Негодник ветер мог утащить ее, оставив в земле только яму.

— Держите, ребята! — кричал я. — Навались!

Битва длилась целый час. Наконец ветру надоело колотить в дверь своей глупой башкой. Сердито запыхтев, он повернулся и умчался прочь, разбросав всю изгородь.

Мы отдышались, и я чуточку приоткрыл дверь. Тишина. Ни один листок не шевелится. Зачирикала какая-то птичка. Я выбежал из дому и помчался взглянуть на наш многострадальный участок. Я увидел там такое, что у меня глаза на лоб полезли.

— Мелисса! — закричал я весело. — Уилл*джилл*эстер*честер*питер*поллити*м*том*мери*ларри*икрошка*кларинда!* Сюда, ягнятки мои! Посмотрите!

Мы стояли пораженные. Вся земля была на месте, до последнего комочка. Спасибо ребятам! Во время игры они разбросали шарики по всему полю, а те выросли и стали большими, как валуны. Так и лежали они, сверкая на солнце, — агатовые и стеклянные глыбы, прикрывая нашу драгоценную почву.

Но все же этот негодник ветер не ушел с пустыми руками. Он сорвал с нашей новой крыши всю дранку, вместе с гвоздями. Позже мы узнали, что ветер вымостил дранкой все до одной канавы в соседнем округе.

Да, это был довольно сильный сквознячок. Но еще не тот *большой* ветер, что сломал мне ногу. И все-таки он научил меня кое-чему.

— Ребята, — сказал я, когда мы убрали с поля каменные глыбы, — в следующий раз, когда вот такой ветерок заявится к нам без приглашения, мы будем к этому готовы. Всякая палка о двух концах. Мне кажется, ветер может быть даже полезен нашей ферме, если показать ему, кто здесь хозяин.

И когда ветер налетел снова, мы заставили его на нас поработать! Я сделал ветряной плуг: пристроил к моему старому плугу мачту с простыней и руль. Как только начинался ветер, я принимался ездить взад и вперед по участку и распахивал его. Наш сын Честер однажды таким образом вспахал весь участок меньше, чем за три минуты!

Утром в День благодарения жена велела девочкам ощипать к обеду большую индюшку. Они эту работу не любят, но тут, как по заказу, налетел ветер из прерии. Девочки выставили индюшку за окно, и ветер ощипал ее начисто, до последней пушинки.

О, мы просто радовались, когда на ферму налетал ветер! Ребята в этих случаях всегда просили отпустить их во двор поиграть с ним. А девочки, те любили прыгать через бельевые веревки, которые крутил ветер. Но Мелисса боялась, что их унесет. Тогда я им сделал ветровые башмаки из увесистых железных кастрюль.

Много раз я видел, как ребята надевали свои ветровые башмаки и неуклюже выбирались из дому, захватив с собой большую жестяную воронку и все пустые бутылки и банки, какие только могли найти. Они до отказа набивали их свежим северным ветром и плотно закупоривали.

А потом летом, в зной, откупоривали бутылочку-другую свежего ветра и наслаждались прохладой.

Нам, конечно, приходилось каждую осень принимать меры предосторожности, делать нашу фер-

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

му ветроупорной. Поэтому мы засевали поле лютиками. Эти цветы блестящие и скользкие, словно маслом намазаны. Ветер, бывало, скользнет по ним и укатит с фермы, не тронув землю. Крышу мы с мальчиками покрыли заново. На этот раз крепили дранки шурупами, а не гвоздями.

Но вот однажды задул *большой* ветер.

Начал он с пустяков. По небу пронеслось несколько кроликов да пара ворон хвостом вперед. Ничего особенного.

Девочки, конечно, выбежали попрыгать через бельевые веревки, а мальчики усердно набивали ветром бутылки, пополняя запас на лето. Ма только что испекла партию свежих пышек. Ох, как они вкусно пахли! Я съел их с дюжину, горячими, прямо из печи. И это оказалось ужасной ошибкой!

Ветер за окном продолжал набирать скорость и расшвыривать колья изгороди.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*крошка*кларинда!* — крикнул я. — Домой, ягнятки! Ветер начинает безобразничать!

Ребята вбежали гурьбой и сняли свои ветровые башмаки. И как раз вовремя! Бельевые веревки завертелись так быстро, что словно исчезли. Потом мы увидели, как по воздуху летит курятник вместе с курами.

Небо потемнело и нахмурилось. Этот ветер налетел на нас с далекого севера. Он завывал, свистел и сотрясал весь дом. Чашки в шкафу дребезжали и стучали о блюдца.

Вскоре мы увидели, что по степи катятся, словно перекати-поле, большие комья шерсти. Оказалось — это лесные северные волки. А потом примчался старый, дуплистый ствол и ударился о колоду, на которой я колол дрова. Из него вылез черный медведь, и какой же он был сердитый! Он собирался зимовать в этом дупле, а его вдруг разбудили. Он свирепо зарычал и стал оглядываться — кого бы съесть. Увидел нас в окне и решил, что и мы подойдем.

Тут даже наши ребята испугались и столпились у камина, держась за руки.

Я схватил свой дробовик и распахнул окно. Вот это и была *ошибка!* Случились две неприятности сразу. Медведь был уже близко, и в спешке я не учел направление ветра. А ветер со свистом несся *вдоль* стены, и, когда я высунул из окна дуло, он согнул ружье, как кочергу. Дробь полетела прямо на юг. Позже я узнал, что она сбила пару уток над Мексикой.

Но этого мало: когда я открыл окно, получился такой сквозняк, что ребят затянуло в трубу! Они держались за руки и вылетели цепочкой, как сосиски.

Ма чуть не упала в обморок.

— Мелисса, дорогуша! — крикнул я. — Не тревожься, я их верну!

Я схватил длинную веревку и выбежал из дому. Высоко в небе виднелись мои ребятишки: они летели на юг.

И тут я увидел медведя, и он тоже увидел меня. Он зарычал, и пасть у него была полна зубов, похожих на ржавые гвозди. Медведь встал на дыбы и пошел на меня, сверкая красными, как огонь, глазами.

Мне не хотелось связываться с этим чудовищем. Я увернулся и очутился позади бельевой веревки. Одним глазом я смотрел на медведя, другим — на ребят. Они улетели уже далеко и казались не крупнее майских жуков.

Медведь кинулся на меня. Ветер крутил бельевую веревку так быстро, что ее не было видно. И медведь прыгнул прямо в нее! Ох и запрыгал же он! Прыгал как на горячей сковороде, только еще быстрее. Он уже никак не мог вырваться.

Я, конечно, не стал терять времени и тут же замахал руками, как птица крыльями. Ветер был такой сильный, что казалось — я полечу вслед за ребятами. Ветер толкал, швырял меня, но не поднимал над землей ни на дюйм.

Проклятье! Я съел слишком много пышек. Пышки были тяжелые, как свинец, и тянули меня вниз.

Ребята уже почти скрылись из виду. Я кинулся в сарай, где стоял ветряной плуг. Едва я вытащил его, простыня вздулась, и я помчался пулей, вспахивая глубокую борозду.

Ну и мчался же я! Даже быстрее, чем мои ребята. Я держался за ручки плуга, то и дело сворачивая, чтобы не налететь на дома и сараи. Я видел, как разлетаются от ветра стога сена. Будь этот ветер еще чуточку сильнее, он сдул бы и солнце с неба. Я не удивился бы, если бы наше светило зашло на юге средь бела дня.

Я мчался очень быстро и скоро нагнал ребят. Они еще держались за руки и летели над самыми верхушками деревьев. Наконец я мог уже окликнуть их.

— Смелей, мои ягнятки! — крикнул я. — Держитесь!

Вот они уже прямо надо мною. Но простыня так вздулась от ветра, что я не смог остановить плуг. Я выпустил ручки и выпрыгнул наземь, когда был уже далеко впереди своих ребят.

Потом швырнул веревку в воздух.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*крошка*кларинда!* — крикнул я, когда они пролетали надо мною. — Держите!

Эстер не поймала веревку, и Джилл не поймала, и Питер не поймал. Но Уилл поймал ее. Чтобы удержать их, я врылся в землю каблуками. А потом повернул назад. Ребята оказались такими легкими, что повисли в воздухе, и мне пришлось за веревку тащить их домой, словно связку воздушных шаров.

Ну а на то, чтобы пробиться домой наперерез ветру, у меня ушло немало времени. Нелегкое это было дело, уверяю вас! Время уже подходило к ужину, когда показался наконец наш дом, а черный медведь все еще прыгал через веревку!

Я втащил ребят в дом. Паршивцы! Им, видишь ли, очень понравилось летать, и они собирались повторить это когда-нибудь еще разок. Мать надела им ветровые башмаки и уложила в постель.

Ветер дул всю ночь, и наутро медведь все еще продолжал прыгать. Язык вываливался у него из пасти, и он так похудел, что от него оставались лишь шкура да кости.

Наконец ближе к полудню ветру надоело дуть в одну и ту же сторону, и он повернул в другую. Нам стало жаль медведя, и мы перерезали веревку. Он так измучился, что даже не рычал. Тут же он направился в свой лес, чтобы подыскать новое дупло и забраться в него на зимовку. Но ходить он разучился. Мы смотрели, как он скачет на север, — скок, скок, скок, — пока не потеряли из виду.

Вот этот-то *большой* ветер и сломал мне ногу. Он не только вытащил из земли все колья изгороди, но и ямки, оставшиеся от них, унес. Одну такую яму он уронил у дверей сарая, и я в нее ухнул.

Все это сущая правда. У нас в прерии каждый знает, что Джош Мак-Брум готов скорей ногу сломать, чем соврать.

Перевела с английского З. БОБЫРЬ

Продолжение следует

ЧУДЕСНАЯ ФЕРМА МИСТЕРА МАК-БРУМА

СИД ФЛЕЙШМЕН, американский писатель

3. ВОЙНА ЗА КУКУРУЗНЫЙ ПОЧАТОК

Кузнечики? Да, конечно, они пронюхали о нашей чудесной ферме. Эти длинноногие, колченогие, быстроногие разбойники оставили нас без крова.

Вы знаете, что это за народ — кузнечики? Оглянуться не успеешь, как заплюют вас жвачкой. И страшно прожорливы. По-моему, никто на свете не может съесть такую прорву, как кузнечики. Особенно их привлекает *всякая зелень.*

Я не собираюсь вам тут хиханьки разводить. Напротив! Джош Мак-Брум — вы меня знаете, конечно, — готов скорее согласиться жить на дереве, чем соврать.

Так вот, начнем с погоды. Лето уже наступило, но было еще недостаточно жарко для кузнечиков. Ребята помогали мне рыть колодец и толковали о том, что они собираются вырастить, чтобы послать на окружную выставку.

Я думаю — вы уже слышали, какая у нас плодородная почва. *Все* растет, а уж как быстро! Семена сразу прорастают, и всходы выскакивают из земли прямо на глазах. Вот, не дальше чем позавчера, один из наших мальчиков уронил пятак, и пока его искал — из пятака уже вырос четвертак.

Однажды, рано утром, к нам по дороге приковылял какой-то долговязый, давно нечесанный незнакомец. Ну, и длинный же он был! Я думаю — упади с него шляпа, она летела бы до земли дня два.

— Привет, сэр, — сказал он. — Я Джон Узколицый, оттуда, отсюда и из прочих мест. Я могу дешево покрасить вам сарай.

Он, оказывается, был не только длинный, тощий и лохматый, а еще и близорукий.

— У нас нет сарая, — сказал я.

Он прищурился и засмеялся.

— В таком случае, — сказал он, — я вам покрашу его бесплатно.

Сарай, которого у нас не было, он покрасил быстрее, чем за секунду, да еще и времени у него осталось. Вид у него был голодный, и моя женушка Мелисса угостила его сытным завтраком, после чего он заковылял прочь.

— Я еще вернусь, — сказал он и помахал рукой.

Мы с ребятами продолжали рыть колодец. Трудная это была работенка. Они спускали вниз бадью, я наполнял ее землей, и они тянули за веревку — все одиннадцать, — как в игре «кто перетянет».

Дни становились длиннее, а жара наступила такая, что мухи падали на лету от солнечного удара.

И все же для кузнечиков еще не пришла пора.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери-*ларри*икрошка*кларинда!* — кричал я из колодца. — Работать надо! Тяните бадью, детки!

— Ой, па, — вопил Честер из беседки, которую мы соорудили на дереве, — мне хочется вырастить для выставки призовой арбуз. Фунтов на пятьдесят!

— А мне — тыкву, — сказала Полли.

— Ну а мне не до того, — ответил я. — Тащите вверх бадью, ребятки, да поскорее опоражнивайте. До выставки еще целая неделя.

На следующий день было сущее пекло. К полудню желтые восковые бобовые стручки начали плавиться на кустах. Они оплывали, как свечки.

Но эта погода была еще не для кузнечиков. Эти голенастые твари простудились бы в такой холод.

И вот наконец наш колодец готов; рядом с ним возвышалась огромная куча земли, которую мы вытащили. Поближе к ужину пришел наш новый знакомец, длинный, тощий, лохматый и близорукий.

— Привет, — сказал он. — Я Джон Узколицый, оттуда, отсюда и из прочих мест. Я задешево выкопаю вам колодец.

— Колодец у нас уже есть, — ответил я.

— В таком случае, — сказал он, — я выкопаю его бесплатно.

Он поужинал с нами и заковылял прочь.

— Я еще вернусь, — сказал он и помахал рукой.

Прошел день. Солнце пекло нестерпимо. Жара, вы говорите? Да, на следующее утро стояла такая жара, что кусок льда и тот был горячим на ощупь. Чтобы охладить воду, приходилось ее кипятить. Подсолнухи у дороги повытаскивали из земли свои корни и укрылись в тени деревьев.

Вот эта *погода* была для кузнечиков.

После завтрака появились первые скакунчики. Скакали парами и четверками. Наш участок *зеленел,* как изумруд, и они его, конечно, приметили. Вскоре они начали прибывать шестерками и восьмерками.

Признаюсь, эти первые гости удивили нас своей воспитанностью. Они не плевались жвачкой, куда попало, — только в старый котелок, который поставил им Питер.

К полудню длинноногие прибывали уже десятками и сотнями. Они погрызли у нас капусту и салат, но тревожиться пока не стоило. Зелень росла у нас куда быстрее, чем они могли ее съесть, — по три-четыре урожая в день!

К вечеру наши голенастые гости прилетали уже сотнями и тысячами. Я не беспокоился. Такие мелкие партии кузнечиков в счет не идут.

— Па, — сказал Честер на следующее утро. — Завтра выставка. Наверно, мне пора уже сажать арбуз.

— А я хочу вырастить помидор, — заявила Мери. — Большой, как аэростат. Я за него приз получу.

— Займите участок за домом, ребята, — сказал я. — Всю остальную землю я засею кукурузой.

Кузнечики нам не мешали. Они поедали ботву, которой их кормили прямо из рук. Я в момент посеял кукурузу.

Для кукурузы погодка была в самый раз. Стебли так и выскакивали из земли, помахивая початками.

И вдруг на горизонте появилась серебристо-зеленая тучка и заспешила прямо к нам.

Кузнечики!

Тысячи кузнечиков! Миллионы кузнечиков! Мы и не знали тогда, что началась Великая Кузнечиковая война, — или, как ее потом назвали, — Война за Мак-Брумов кукурузный початок.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери *ларри*икрошка*кларинда!* — вскричал я. — Тащите сюда метлы и ветки! Гоните их!

Мы с криком стали бегать по участку, размахивая своим оружием. Кузнечики покружили над нашим полем, вволю нагляделись и улетели.

— Мы спугнули их! — заявил Тим.

— Нет, — ответил я. — Это был только авангард. Сейчас сюда двинутся главные силы. О... вот они!

Акры кузнечиков! Квадратные мили кузнечиков! Они неслись на нас, как огромная, шумная, воинственная грозовая туча.

— Метлы и ветки! — завопил я.

Продолжение. Начало в № 1, 2.

Эти голодные черти повязали себе салфеточки вокруг шеи и ринулись в бой. Силы небесные! Воздух так кишел ими, что можно было зачерпнуть ведром один раз и наполнить его дважды. Какой-то пляшущий, скачущий, вертящийся туман. В двух шагах ничего не было видно.

Но зато мы отлично *слышали* этих обжор. Они с чавканьем уплетали нашу кукурузу и выплевывали обглоданные кочерыжки. Ровно за четыре секунды обглодали поле дочиста!

Потом они поднялись в воздух, все еще голодные, как волки, и стали ждать следующего урожая.

— Па! — крикнул Честер. — Они слопали мои арбузы!

— Па! — заплакала Мери. — Они даже не дождались, пока созреют мои помидоры — съели их зелеными!

— Па, — сказала крошка Кларинда, — а что с твоими носками?

Я взглянул на ноги. Батюшки мои! Эти чертовы обжоры прямо на ногах у меня съели носки, *зеленые* носки. Только и осталось, что дырки на пальцах.

Кое-кто из малышей принялся плакать:

— Завтра выставка, а мы не сможем ничего вырастить.

— Не вешать нос, ягнятки мои, — сказал я и принялся соображать. — Кузнечики превзошли нас числом, но превзойдут ли хитростью? Я еду в город за семенами, а вы уберите-ка кочерыжки.

Я отправился в город на нашем добром старом «франклине» и к полудню привез пятьдесят фунтов отборных семян. Кузнечики тучей висели в небе и ждали. Ребята к тому времени уже очистили участок и побросали все кукурузные кочерыжки на кучу земли у колодца.

— Нам нельзя терять ни минуты, — сказал я. — Помогите-ка разбросать семена.

Вскоре наш участок зазеленел снова, пышно, как джунгли. Кузнечики облизнулись и налетели на него целой армадой. Они вились, вертелись, суетились, уплетая всходы так, что только треск стоял, и со скоростью урагана уничтожили весь урожай.

Да, но видели бы вы их изумление! Эта первая волна кузнечиков буквально дышала огнем. И неудивительно: мы угостили их зеленым перцем!

Они стрелой умчались в поисках воды. Правда, и осталось их еще множество. Мы сеяли перец чуть не до вечера, пока наконец не исчез последний из прыгунов. Позже мы узнали, что они накинулись на одно озеро в соседнем округе и высосали его досуха.

И все-таки они могли еще вернуться. Если ребята собирались выращивать свои экспонаты на приз, нужно было спешить.

— Па, гляди-ка! — крикнула вдруг крошка Кларинда. Она показывала на кучу земли, усеянную кукурузными кочерыжками. Кузнечики проморгали одно-единственное зернышко. Оно незаметно проросло, и вот уж стебель стал высотою с дерево.

Эта куча земли оказалась очень плодородной. Поистине раздолье для чудом спасшегося зерна! Вот прямо на глазах у нас полез початок. Большой ли? Да он был уже величиной с железную печку и все продолжал расти.

— Вот его-то я и повезу на выставку, — заявил я, — а вы, мелкота, войдете со мной в долю.

Джилл, Эстер и Полли полезли в свою беседку на дереве — следить за кузнечиками. А початок все рос и в длину, и в толщину. Просто красавец вымахал. Стебель начал сгибаться под его тяжестью. А уж как быстро он созревал!

Ну и пришлось же нам с ним повозиться! Мы обвязали его веревками, чтобы потихоньку спустить. Уилл вскарабкался с пилой на самый верх стебля и принялся за работу. Ему понадобилось добрых пять минут, чтобы отпилить этот гигантский початок.

Мы спустили его на веревках. Клянусь вам, мы едва поверили своим глазам. Початок был такой большой, что одним взглядом его нельзя было окинуть: приходилось смотреть дважды.

— Кузнечики! — закричала из беседки Джилл. — Па, кузнечики летят!

— Скорее в дом! — приказал я.

Поднять початок мы могли лишь всей семьей. Но он не влезал в дверь. В окно тоже.

— В колодец! — крикнул я.

Мы спустили его на веревках и прикрыли колодец несколькими ржавыми листами гофрированного железа. Как раз вовремя! Кузнечики заметили сверху наш огромный початок и налетели на ферму, как зеленый буран. Но добраться до него они не смогли.

— До утра он в безопасности, — сказал я.

— Но как сможем мы его завтра протащить мимо кузнечиков, чтобы увезти на выставку? — спросила Мери.

Не стоит и говорить, что эта задача не давала мне сомкнуть глаз всю ночь. Утром, часа в четыре, я вскочил и разбудил ребят.

— Метлы и ведра! — сказал я. — За мной!

Мы на цыпочках вышли из дому, стараясь не разбудить прыгунов. Тихонько вытащили наш початок из колодца и положили на место железные листы. Потом я пошел к навесу и вернулся с полными ведрами.

— Начинайте красить! — шепнул я.

Ребятишки окунули метлы в ведра и выкрасили весь початок от одного до другого конца.

Когда солнце взошло, кузнечики поднялись над полями и стали искать себе завтрак. Они кинулись прямо к колодцу, но лишь стукались головами о железо. Ох, какой же звон стоял! Они думали, что початок до сих пор лежит там.

А он был прямо на виду, но они его не узнали. Обертка уже не была *зеленой*. Мы *выбелили* ее.

Мы уложили початок на крышу нашего старого «франклина» и крепко привязали.

— Все в машину, — сказал я, заводя мотор. — Едем на выставку!

И тут снова явился Джон Узколицый.

— Привет! — Он улыбался. — Хотите, я задешево покрашу вам дом?

— Ох, как я буду рада, — сказала ма. — Выкрасьте его в красный цвет, а наличники пусть будут белыми.

— Ладно, — сказал я. — Краска под навесом.

И мы поехали.

Видели бы вы, как на нас оглядывались. Что это такое на крыше машины? Кукурузный початок? Нет, сэр! Таких больших ни один фермер еще не выращивал. Да к тому же он белый, как мел! Мы тряслись по ухабам проселка, поглядывая на стрелки, показывающие путь к выставке. Любовались видами: амбары, силосные башни и коровы, жующие жвачку в тени.

— Далеко еще? — спросила Полли.

— Миль десять-двенадцать, — ответил я. — Потерпи.

Я заметил, что крылья ветряных мельниц начинают вращаться. Подул горячий ветер, неся с собою тучу. Послышались раскаты грома.

— Далеко еще, па? — спросил Тим.

— Миль восемь-десять, — ответил я. — Потерпи.

Но туча эта мне не понравилась. Она становилась все темнее и тяжелее и быстро двигалась в нашу сторону.

— Прячь головы! — крикнул я ребятам. — Сейчас начнется ливень!

Мы во всеоружии встретили грозу. Она была недолгая, но дождевые капли были такие горячие, что чуть не обжигали нас. Они отскакивали от капота машины, словно искры. Через минуту небо снова прояснилось, и дождь остался позади.

— Далеко еще, па? — спросила Мери.

— Миль шесть-восемь, — ответил я. — Потерпи.

— Па, — сказал Уилл; он не спрятал от дождя голову, как было велено, и у него промокли волосы. — Па, посмотри, что с нашим початком!

Я нажал на тормоз и вышел из машины. Ну и ну! Початок снова стал ярко-зеленым! Ливень смыл с него всю побелку.

Я снова прыгнул за руль, и мы помчались.

— Следите за кузнечиками! — крикнул я.

— Слежу, па, — отозвалась крошка Кларинда. — *А вот и они!*

Да, скажу вам, это была гонка! Кузнечики с гиканьем гнались за нами развернутым строем. Старый «франклин» скрипел, стонал и лязгал на все лады, но не сдавался. Мы подскакивали на ухабах, иногда перелетали через них.

— Сейчас догонят, па!

Я вдавил педаль акселератора до отказа. Вскоре впереди показались флаги и вымпелы выставки.

Но мы опаздывали. Самые быстрые прыгуны уже были на крыше, и мы слышали, как они теребят и рвут обертку початка. Пока мы доберемся до выставки, на крыше машины останется голая кочерыжка.

Но тут старик «франклин» стал плеваться огнем, свирепо грохоча и треща. Прыгуны отскочили на целую милю, и мы въехали на территорию выставки.

Я влетел прямо в главный павильон и изо всех сил нажал на тормоз.

— Закройте все двери! — закричал я. — Кузнечики! Кузнечики наступают!

Двери захлопнулись, и мы смогли наконец отдышаться. Вокруг нас начали собираться зрители, и глаза у них лезли на лоб, а рты раскрывались от изумления при виде нашего початка. К тому же голодные прыгуны очистили початок от обертки так тщательно, как только можно пожелать.

Мы сняли его с крыши машины и положили на двух садовых столах. Пришли члены жюри и спросили, под чьим именем его зарегистрировать.

— Мак-Брум, — ответил я. — Уилл*джилл*эстер*честер*питер*поллит*имт*ом*мери*ларри*икрошка*кларин д а* Мак-Брум!

Жюри присудило нам сразу первую, вторую и третью премии да еще почетный диплом. Двери павильона были все еще закрыты, и там стало очень жарко.

Ребята выстроились в ряд, чтобы их сфотографировали для местной газеты. Победоносная улыбка растянулась от Уилла на одном конце шеренги до крошки Кларинды — на другом. Полуденное солнце так и припекало сквозь стеклянную крышу. И вдруг раздался страшный взрыв.

Сперва я подумал, что это старикан «франклин». Вовсе нет! Это, оказывается, затрещал наш огромный, трижды премированный початок. В павильоне было так жарко, что зерна испеклись, словно в печке.

Ну и шум стоял, ну и гром! Зерна вздувались и взрывались, как пушечные ядра, прыгали и отскакивали от стен и потолка. Бах-бах-бах! Бах-бах-бах-бах-бах! Посетители испуганно пригнулись, иные убегали. Початок стрелял настоящими залпами, зерна разлетелись по павильону и сугробами лежали на полу. Бах-бах-бах! Всех нас мгновенно засыпало пушистой жареной кукурузой. Она поднялась до потолка. Забила до отказа весь павильон и высадила двери.

Кузнечиков нигде не было видно — ни единого. Вся эта пальба перепугала их, и они улетели. Может быть, отправились на Луну: прослышали, наверно, что она из *зеленого* сыра. Больше мы их не видели.

Мы пробыли на выставке до вечера, все остальные — тоже. Кое-кто натопил целые ведра масла, а некоторые сбегали в город и принесли бочонки соли. Жареной кукурузы было больше чем вдоволь. С маслом и солью — объеденье! Одного зерна хватало на целую семью.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Говорил я вам, что скорее готов жить на дереве, чем соврать? Так вот — когда вечером мы вернулись домой, то дома-то и не оказалось: он был съеден, сгрызен, исчез с лица земли! Мистер Джон Узколицый был не только долговязым, тощим, нечесаным и близоруким: он был еще и дальтоником. И он выкрасил наш дом в *зеленый* цвет!

Да — жить в беседке, построенной ребятами на дереве, немного тесновато. Но зато как приятно смотреть на призовые ленты и медали, которые мы развесили на ветках.

Перевела с английского З. БОБЫРЬ

Окончание следует

ЧУДЕСНАЯ ФЕРМА МИСТЕРА МАК-БРУМА

СИД ФЛЕЙШМЕН, американский писатель

4. ПРИВИДЕНИЕ

Духи? Ну еще бы, о духах я могу вам кое-что порассказать. Не будь я Джош Мак-Брум, если на нашей чудесной ферме не завелось однажды привидение.

Не знаю, когда этот чертов дух у нас поселился, но подозреваю, что уже после того, как мы построили новый дом. В тот год зима была ужас какая холодная, хоть и не такая, чтобы честный человек стал рассказывать о ней всякие выдумки. Одно скажу, зажигать спички нужно было с осторожностью. Пламя примерзало к спичечной головке, и приходилось дожидаться оттепели, чтобы задуть его.

Старожилы говорили, что для здешних мест зима была довольно холодная, но не так, чтобы очень. Правда, мы лишились нашего петуха Горлана. Он вскочил на кучу дров, разинул клюв, чтобы оповестить о наступлении дня, и мгновенно замерз насмерть.

Я думаю, что и этот дух, шныряя вокруг нашей фермы, так же вот примерз к ней.

Первыми обнаружили его ребята. На дворе потеплело, и они выбежали поиграть. Я в то время болел ларингитом, уже три дня говорил только шепотом. Коротая время, слушал оркестр Джона Филиппа Соузы на граммофоне. Флейты звучали замечательно!

И вдруг ребята вбегают в дом, и глаза у них какие-то странные.

— Па, — говорит Ларри, младший из мальчиков. — Па, а петухи превращаются в духов?

Я попытался прокашляться.

— Никогда об этом не слышал, — просипел я.

— Но мы только что *слышали,* как Горлан кукарекает, — сказала Джилл, старшая из девочек.

— Не может этого быть, малыши, — прошептал я, и они опять побежали резвиться на солнышке.

Я завел граммофон, и оркестр мистера Соузы снова загремел из похожей на вьюнок трубы. И вдруг ребята снова вернулись, все одиннадцать.

— Мы опять его слышали, — сказал Уилл.

— Ку-ка-ре-ку! — пропела крошка Кларинда. — Так ясно его слышали — яснее некуда! Там, на куче дров.

Я покачал головой.

— Это, наверно, были флейты мистера Соузы, — прохрипел я, и они опять побежали играть.

Снова завел граммофон, но не успел глазом моргнуть, как ребята вбежали вновь.

— Да, па? — сказал Уилл.

— Да, па? — спросила Джилл.

— Ты звал, па? — сделала удивленные глаза Эстер.

Я снял иглу с пластинки и поглядел на них.

— Звал? — просипел я и хрипло засмеялся. — Да вы разве не знаете, сорванцы, что я могу говорить только шепотом. Ох, какие же вы сегодня несносные!

— Но мы слышали тебя, па, — возразил Честер.

— «Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*крошка*кларинда*», — добавила Полли. — Точь-в-точь твой голос, так ясно его слышали — яснее некуда!

После этого они уже не выбегали играть. Поняли, на ферме у нас завелось что-то страшное. И впрямь, на следующее утро, на заре нас разбудило кукареканье. Точь-в-точь, старик Горлан. Но я сказал:

— Наверное, Гек Джонс завел себе петуха; это его мы и слышим.

— Гек Джонс не держит кур, — напомнила мне моя женушка Мелисса. — Ты же знаешь, он разводит свиней. Самых мерзких, самых злобных, каких я только видела. Я думаю, он надеется, что они подроют нашу ферму и выживут нас отсюда.

Гек Джонс был наш сосед, сущая язва. Он был высокий и тощий и такой же противный, как его костлявые арканзасские свиньи. Он уже несколько раз пытался отобрать у нас нашу замечательную ферму.

Я был почти уверен, что все эти странные звуки именно он и издает. Но если Джонс надеется запугать нас до того, что мы сбежим из собственного дома, он ошибается!

Пока я не разделался с ларингитом, ребята боялись выйти за дверь. Только в окна смотрели. Они были уверены: что-то бродило там.

Итак, я оделся потеплее и отправился искать следы Гека Джонса на снегу. Едва дошел до дровяной кучи, как в тишине раздался голос:

— «Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*мери*ларри*крошка*кларинда!*

Голос был *в точности* как мой. Я быстро обернулся.

Нигде никого.

Не стыжусь сознаться, что волосы у меня встали дыбом и сбили шапку с головы.

Следов на снегу тоже не было видно.

— Ты думаешь, у нас на ферме *привидения?* — спросил Ларри.

— Нет, — твердо ответил я. — Привидения всегда гремят цепями, завывают, как ветер, и стучатся в двери.

И тут в дверь постучались. Ребятишки вскинули на меня глаза. Мелисса тоже.

Я встал и открыл дверь, а за ней никого не было. Теперь и мне пришлось признаться, что по нашей ферме блуждает какой-то дух. До чего же это была шкодливая тварь! Постоянно то Горлана, то меня передразнивал.

Сон, конечно, он нам испортил. Бывали ночи, когда я вовсе глаз не смыкал. Все высматривал привидение, но оно не показывалось.

В конце концов ма и ребята начали поговаривать о том, что надо бросить ферму. Потом опять ударили морозы, и целых три недели дух молчал. Мы решили, что он куда-то убрался.

Мы вздохнули свободнее, можете мне поверить. Теперь уже никто не говорил, что нужно бросить ферму. Ребята без устали рылись в каталогах «покупки — почтой», и все мы слушали граммофон.

— Па, нам очень хочется собаку, — как-то сказала Джилл.

— Собак, по-моему, нет в каталогах, ягнятки мои, — возразил я.

— Мы знаем, па, — сказал Честер. — Нет, правда, можно нам завести собаку? Большого лохматого сторожевого пса?

Я грустно покачал головой. Собака была бы разорением для нашей замечательной фермы. В этой дивной почве росло *все,* да еще как быстро. Помню, летом у крошки Кларинды выпал молочный зуб. Когда мы его нашли, он вырос так, что нам удалось его вытащить только с помощью блока.

— Нет, — сказал я. — Собаки часто зарывают в землю кости. Эти кости вырастут величиною с доброе бревно. Так-то, ягнятки мои.

Наступила весенняя оттепель, стали таять сосульки, и мы снова услышали стук в дверь.

Окончание. Начало в № 1—3.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Дух вернулся!

В эту ночь ребята спали все вместе, тесно прижавшись друг к другу. Сам я прошагал по комнате всю ночь. Мне казалось, этот стучащий, кукарекающий, копирующий мой голос дух выживет нас в конце концов с фермы. Если только я сам его раньше не выживу.

Рано утром я заковылял по грязи в город. Все говорили, что вдова Уитерби духовидица.

Я заявился прямо к ней. Она была маленькая и сухонькая, как кузнечик, и промышляла куплей и перепродажей ношеного платья. Но вот беда! Со зрением у нее стало плоховато, и она больше не видела духов.

— Что же мне делать? — спросил я, увертываясь от щенков-дворняжек, норовивших куснуть меня за ноги.

— Дело-то простое, — ответила вдова Уитерби. — Сожгите груду старых башмаков. Это очень помогает от духов.

Совет не показался мне толковым, но у меня не было выбора. Старуха стала рыться в грудах всякого старья, и я скупил у нее всю ношеную обувь, какая только нашлась.

— Вам нужна еще собака, — сказала вдова.

— Собака? — удивился я.

— Ну конечно, — сказала она. — Конечно. Как вы узнаете без собаки, прогнали вы духа или нет? Собакам дано видеть духов. Дворняжки в этом смысле лучше всех. Если вы заметите, что дворняжка поставила уши торчком и застыла, делая стойку, как охотничий пес, можете не сомневаться — она видит духа. Тогда вам нужно сжечь еще парочку старых башмаков.

Итак, я купил у нее одного из лопоухих щенят и двинулся назад на ферму с огромнейшей корзиной старой обуви. Приближаясь к дому, я увидел в окнах лица ребятишек и услышал веселую музыку.

Но... что за чертовщина! Войдя в комнату, увидел, что никто и не думал заводить граммофон.

— Провалиться бы этому духу! — вскричал я. — Теперь он изображает оркестр Джона Филиппа Соузы в полном составе.

Ребята глазам своим не поверили, увидев, что я привел собаку. Впервые за всю долгую зиму они заулыбались. Все столпились вокруг щенка. И они торжественно пообещали мне, что будут следить, чтобы он не зарывал костей.

Не теряя времени, я сжег всю кучу старых башмаков. Ох, какая адская вонь при этом стояла! Я очень ясно себе представлял, как призрак зажимает себе нос и, дребезжа костями, удирает без оглядки.

После этого мы со щенком каждый день обходили всю ферму, и ни разу не было, чтобы он поставил торчком уши и сделал стойку.

— Есть такое дело! — вскричал я наконец. — Башмаки-то подействовали! Привидение сбежало!

Ребята выбрали имя для щенка. Они назвали его Хватом. Хват вырос и превратился в отличного пса. Наша урожайная почва дремать нам не давала, и мы приступили к весенним работам — сняли урожай помидоров и два — моркови в первый же день. Ребята мигом научили Хвата вести борозду, да еще какую прямую — как стрела.

Впрочем, с изгнанием духа наши неприятности не закончились. В одно жаркое утро мы засеяли ферму кукурузой. Стебли так и выскакивали из-под земли, тут же распуская листья и выгоняя початки. Свиньи Гека Джонса накинулись на них так, словно их специально пригласили обедать. Ох, как обрушилась на нашу кукурузу вся эта гнусная хрюкающая, визжащая орда.

— Уилл*джилл*эстер*честер*питер*полли*тим*том*ме р и - *ларри*крошка*кларинда!* — крикнул я. — И Хват! Бегите! Спасайтесь!

Эти голодные, тощие, полудикие свиньи лопали стебли и обжирались сладкими початками. Потом они перерыли весь участок в поисках оставшихся морксвок. И наконец повернули домой, цепляя землю набитым брюхом, а я пошел за ними следом.

— Гек Джонс! — сказал я. Он стоял в туче мух и ел мухоморную коврижку. Эта коврижка была сделана в основном из патоки и жженого сахара, мухи так и налетали на нее, и приходилось их все время отгонять. — Гек Джонс, сдается мне, вы морите своих свиней голодом!

— Помилуй бог, по-моему, они не выглядят голодными, — хихикнул он, отгоняя от своей коврижки мух. — Посмотрите-ка сами, сосед.

— Гек Джонс, — настойчиво повторил я. — Если вам хочется разводить свиней, вы должны выращивать и корм для них.

— А зачем, сосед? — засмеялся он. — Корму вокруг полно, и хрюшки могут прокормиться сами. Впрочем, если вам надоело хозяйничать, я мог бы предложить кое-что за ваш клочок земли.

— Гек Джонс, — сказал я снова, он был еле виден в этой туче мух, — если вы думаете, что ваши свиньи могут выгнать нас отсюда, то вы ошибаетесь, сэр. Либо заприте их в хлев, либо я в суд на вас подам!

— Никакой суд не заставит меня запирать свиней в хлев, — сказал он, заглатывая последний кусок коврижки и несколько мух в придачу. — Да и никакой хлев не удержит этих бандитов, сосед.

Ну что ж, признаюсь, тут он был прав. Мы обнесли ферму забором, но эти чертовы свиньи расшвыряли его, как циклон. Мы натянули колючую проволоку; свиньи задержались только для того, чтобы почесать себе о нее спины. Как видите, она даже понравилась им.

Мы воевали с этими свиньями всю весну и лето. Посадили изгородь из кактусов — круглых, как яблоки, и колючих, как ежи, но хрюшек это не остановило. «Яблоки» они лопали, а колючками потом ковыряли у себя в зубах.

И все это время Гек Джонс стоял на пригорке, ел мухоморную коврижку и хихикал: «Хи-хи! Хо-хо!», а его свиньи все жирели и жирели. Хотите — верьте, хотите — нет, нам едва хватало овощей, чтобы хоть как-нибудь прокормиться.

Еще один такой сезон — и мы разорены!

Но вот лето кончилось; приближалась зима, очень холодная зима. Судя по всем приметам, она обещала быть на редкость холодной.

Помню, в конце октября мальчики пошли на речку удить рыбу и поймали зубатку. Так вот, на этой зубатке вырос густой зимний мех. Но и это еще не все. После первого снегопада ребята слепили снеговика. Наутро он исчез. Позже мы узнали, что наш снеговик перебрался зимовать на юг.

И вот она наконец пришла — *зима трескучих морозов*. Я не намерен отклоняться в сторону, но все же скажу, что был однажды такой случай: Полли

уронила расческу, а когда подняла ее, та стучала всеми зубьями.

Потом оказалось, что для *зимы трескучих морозов* это был не такой уж холодный день. Температура продолжала падать, и должен признаться, что начались прямо-таки настоящие чудеса.

Во-первых, дым стал замерзать в трубе. Мне приходилось трижды в день разбивать его выстрелами из дробовика. Не успевали мы сесть обедать, как суп в дымящемся котле покрывался корочкой льда. Накрывая на стол, девочки клали теперь ножи, ложки, вилки и... пешню!

Итак, все холодало, но мы не жаловались. По крайней мере, по ферме больше не разгуливал дух да и свиньи Гека Джонса сидели дома. Ребятишки играли со щенком, а я без конца заводил граммофон.

И вот грянул большой мороз. Красные крыши у нас в округе посинели от холода. Этому есть множество свидетелей. А один день выдался такой холодный, что солнечный свет примерз к земле. Я сам сначала не поверил этому. Потом отковырнул кусок света, принес его домой в сковородке, и что же? Вечером мы его поджарили и, не зажигая лампу, могли читать.

Да, вот еще волки. Ночью мы часто видели в окно, как они бродят стаями, безуспешно пытаясь завыть. Я решил, что у них ларингит. Ни звука не было слышно! Жалостное зрелище!

Но вот наконец пришла весна. Я вышел за порог, и первое, что я услышал, было:

— Хи-хи! Хо-хо!

— Что еще вы замышляете, Гек Джонс? — окликнул я.

Но сколько бы ни оглядывался, кругом не видно было ни души.

И тут я понял. Этот стучащий, кукарекающий, копирующий мой голос дух вернулся!

— Хват! — заорал я, и мы принялись обходить ферму. Голоса слышались и впереди нас, и позади, и с дровяной кучи, но наш лопоухий так ни разу и не поставил уши торчком.

— Черт возьми! — сказал я жене и ребятам. — Хват, оказывается, вовсе не способен видеть духов!

Бедный пес понял, что я очень им недоволен. Он прошмыгнул у меня под ногами и провел по всему участку такую прямую борозду, какой мы еще не видывали. Но я даже не улыбнулся. Тогда пес опрометью кинулся к ларю с кукурузой и вытащил оттуда початок. Он часто видел, как мы сажаем кукурузу. Бегом вернулся к борозде, стал выковыривать зубами зернышки и сажать их в ямки, которые выкапывал носом.

— Может быть, Хват и не видит духов, — сказал Уилл, — но в хозяйстве он здорово разбирается. Можно нам оставить его, па?

Ответить я не успел. Как только из земли полезли стебли, на пригорке появился Гек Джонс со своей мухогонной коврижкой. И в тот же миг на нас налетели его тощие свиньи, а этот адский дух залился трелью, как флейта.

— Спасайтесь! Бегите! — завопил я.

Побежали все, кроме Хвата. Кукуруза поспевала, и он был намерен собрать урожай.

Я повернул было назад, чтобы захватить и его, но тут чертов дух вдруг переменил пластинку. Он завыл, как стая голодных волков.

Вы никогда не слыхивали этакого воя! Свиньи остановились как вкопанные. Они чуть не выпрыгнули из шкур! Дух визжал и выл со всех сторон сразу. Геку Джонсу было уж не до хихиканья. Свиньи разом повернули, сбили его с ног, повалили в грязь и помчались без остановки... Впрочем, одна все же вернулась схватить кусок коврижки. Ох, как они мчались! Я потом слышал, что они, не останавливаясь, добежали до своего Арканзаса, а там их приняли за морских свинок: так они похудели от бега.

— Ну что ж, ягнятки мои, — сказал я ребятам, — я думаю, Хвата мы можем оставить. Вырастил урожай на славу. Молодец!

Да, конечно, от этих зловредных свиней мы теперь избавились, но как быть с духом? Ребята вспомнили о нем и убежали в дом.

Я стоял, почесывая в затылке. Звуки окружали меня со всех сторон. Как будто воя волчьей стаи было недостаточно, дух добавил к нему еще и оркестр мистера Соузы. Нужно признаться, трели получались у него восхитительно!

Я все скреб и скреб в затылке и вдруг понял: «Да ведь нет здесь никакого духа! Потому Хват его и не видел. Так вот в чем дело! Ну, теперь все ясно. Никакого духа никогда здесь не было. Просто погода сыграла с нами эту штуку. Неудивительно, что мы не слышали волчьего воя зимой. Все звуки замерзали! А теперь они оттаивали!»

Мне довольно быстро удалось выманить из дома ребят, и мы с удовольствием слушали и стук в дверь, и волчий вой, и троекратные выстрелы из дробовика в дымовой трубе.

А уж как смеялись мы над хрюшками Гека Джонса, испугавшимися завывания прошлогодних волков!

Все, что я вам рассказал тут — о том, какие зимы случаются у нас в прериях, и о призраке, — такая же святая правда, как и то, что я самый правдивый человек на свете.

Перевела с английского З. БОБЫРЬ

СТРОИТЕЛЯМ
БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ
МАГИСТРАЛИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

Зеленый поезд

Фантастический рассказ

ПОЛЯР

Нырнув под облачное одеяло, наш самолет спланировал на крохотную площадку перед поляром. Только что под крылом были тундра и море, а над нами — скупые линии сполохов. Тундра в застругах, море в торосах, редкие маяки на прибрежных сопках, первые срубы поселка... Там кончалась дорога. У поляра — города под крышей — она начиналась.

Нитка магистрали еще не отмечена светофорами, бегом сверкающих локомотивов, пока молчат струны ее стальных стрелок, и синие глаза фонарей еще не встречают вереницы вагонов у станционных околиц.

Но кто знает, может быть, через месяц-два мы вернемся в поляр уже на поезде. Сегодня мы испытывали один из последних участков дороги. Самый южный участок почти готов. Размышляя об этом, мы выбираемся из самолета навстречу ветру и морозу. Снег покалывает щеки до самого порога нашего большого дома. Мы не спешим. Жаль расставаться с лиственницами и кедрами, с прозрачными березами, с оленьей тропой и первым неожиданным запахом талого снега. Мы ждем — пусть улетит самолет. Звука мотора не слышно — белокрылая машина так тихо унеслась в небо над зубчатым гребнем тайги, что кто-то пошутил:

— ...как зеленый поезд.

— А какой он, зеленый поезд? Может быть, это сказка? — спрашивает Лена Ругоева, и я запоминаю глаза ее — такими, как я вижу их в этот вечер: они у нее темные, прозрачные и чуть лукавые, а в глубине их, если всмотреться, можно открыть неожиданно сверкающий огонь радости.

Ахво Лиес, мечтатель и выдумщик из далекой Карелии, не моргнув глазом, отвечает:

— Я видел его, и мой отец тоже.

— Ну и что же — зеленый?..

— Когда как. Летом — зеленый. Зимой — голубой. Его не за цвет ведь так называют. Если поезду не нужен ни зеленый светофор, ни зеленая улица и если он может пробежать кое-где и по недостроенным дорогам, без стрелок, без путевых огней — ночью, днем ли, в пургу или в бурю, — спрашивается, как его назвать еще?..

И Ахво начинает рассказ о зеленом поезде: как не однажды проносился он мимо, стремительный и почти невидимый, но он, Ахво, хорошо видел его и заметил даже людей в просветах окошек...

Кто знает, может, и вправду легенда о зеленом поезде будет кочевать вместе с нами. Когда-нибудь ее услышит Чукотка, потом — Новосибирские острова, Северная Земля. И пусть горизонт скрывается за торосами, дорога все равно пройдет у Ледовитого океана. И мы будем возвращаться со смены вот так же, как сегодня, оставляя за плечами новые и новые километры магистрали...

Нас четырнадцать человек. Бригада. Перед нами распахиваются двери поляра.

...Отъезд Лены был неожиданностью для всех. И в минуты неизбежного разговора во мне затеплилась слабая искра надежды: а вдруг она останется с нами? (Рано или поздно мы все вместе переберемся в Нижнеянск и дальше — туда тоже протянется дорога, так стоит ли спешить?)

— Да, там сейчас трудно, — соглашается она, — но зато интересно.

— А здесь?

— Тоже. Но поймите! — горячо восклицает она. — Многим хорошо работается на одном месте, другим... да что я говорю, разве вы этого не знаете?

...У Лены ладони большие, теплые, движения всегда спокойные, плавные — разливает ли чай, собирает ли ягоды, устанавливает ли приборы на трассе в снег или дождь. А тут я с некоторым удивлением отметил про себя, что пальцы ее подрагивают, а голос стал чуть резким и порывистым — и это не вязалось с моими представлениями, сложившимися за полтора таежных года. Неужели она сомневается, что я смогу понять? И только я подумал это, как уловил нежданную перемену. Она точно прочла мои мысли, и руки ее стали прежними — спокойными, надежными, чуть медлительными.

— Странница вы, Лена, вот что. Подождали бы нас. Думаете, мне не хочется на север?.. В общем-то я завидую. Но мы догоним вас.

— Конечно, догоните, — радуется Лена. — Я буду вас ждать. Примете меня?

Я вопросительно смотрю на нее.

— Ой, я не то сказала? Давайте считать, что я от вас и не ухожу, просто в командировку уезжаю, что ли.

— Давайте так считать, — соглашаюсь я. — Скажите, что вы думаете о зеленом поезде?

Этот вопрос слетел с моих губ случайно, сам не знаю почему. На мгновенье, на одно лишь мгновенье, красивые пальцы Лениных рук словно потеряли точку опоры и метнулись вверх. Она опустила голову, а когда подняла ее, темные прозрачные глаза были по-прежнему спокойны, а жесты неторопливы.

— Я пойду. Я зайду к вам попрощаться. — Она словно догадалась о том, что мой вопрос был случайным и вовсе не требовал ответа.

...Еще на трассе мы настреляли кедровок. Промороженными насквозь птицами, точно палицами или дубинками, можно было бы вооружить целое племя. Зато нельма была свежая, она лишь уснула, эта огромная рыбина, пока летела с нами в самолете, и даже не успела по-настоящему остыть в холодильнике из-за своих сказочных размеров. Виновница прощального торжества раздобыла облепихового вина — стол был готов. Мы провожали ее потаежному: нам и на трассе доводилось готовить кедровок на вертеле и варивать уху с таймеными хвостами.

ПРОГУЛКА

Синий цвет — предвестник северной весны. Синий снег, синий воздух, синее небо... Однажды вдруг все двинется и поплывет в бесконечную синь под гулкие звуки птичьих крыльев. Но ветер по-прежнему леденящий, а по ночам под ясными звездами потрескивает от жгучего мороза тайга.

И вот мы идем в этот синеющий простор — Ахво и я.

Не видать бы мне самого первого дня весны, не слышать бы полуденного перезвона, не вдохнуть бы первого вешнего воздуха, если бы не Ахво. Это он научил меня внимательности. Теперь я знаю: у весны есть еще один спутник. Его можно назвать одним словом: движение. Если вдруг захотелось в дорогу, если факел зари вечерней был ярок, как никогда, а сон тревожен — значит, и пришла весна.

Вот почему наши лыжи скользят все быстрее, и мы не устаем. Только на крутых подъемах ноги и руки как-то сами по себе замедляют движения, точно попав в невидимое силовое поле. Зеленоглазый Ахво оглядывается: не отстал ли я?

— Вперед, Ахво! — кричу я. И становится вдруг смешно, потому что усталости я совсем не чувствую, но и идти быстрее не могу, не пускает упругость невидимого поля.

Насвистывая «Фиалку», Ахво взлетел на гребень сопки, где ветер соорудил метровую снежную стенку. Из-под нее выкатились живые комки — куропатки и рассекли воздух крыльями. Но прежде чем они поравнялись со мной, Ахво успел сорвать с плеча малокалиберку и, почти не целясь, выстрелить. Сбитая птица упала к моим ногам.

— Наш обед! — крикнул Ахво. — Теперь вперед!

Мы выбрали место в узком распадке, залитом полуденным светом. Хрупкие ветки лиственниц полетели в огонь.

— Подожди, Валя, я сейчас...

Ахво пробежал вверх по распадку, остановился, поворошил снег палкой, потом раскидал его руками. Он, казалось, чувствовал, где прятались под настом стебельки, семена, ягоды, спрятанные в тонкие ледяные чехлы до теплых дней, до праздника летнего первоцветения. Он набрал горсть брусники. Ягоды были крупные, твердые, похожие на цветные камешки, но, когда я бросил их в горячий чай, они всплыли, и я уловил их потаенный аромат.

Мы поднялись на плоскую безглавую сопку и вышли к магистрали — полотно тянулось по долине, под нашими ногами. Работы здесь были почти закончены, стояла воскресная тишина. Ни шороха. Пустынна и просторна была долина.

— Поезд!

Я точно ждал восклицания Ахво. Пронеслось голубое облачко. Поезд?

Полоса дороги выбегала из-за пятнистого, коричневого с белым, склона. Тишина. И лишь взметнулся легкий вихрь и возникла светлая полоса на фоне предвечерних теней. Ни звука. Качнулся воздух от невидимого толчка. И еще дальше пронесся светлый луч, прочертив снега и камни молниеносным, почти неуловимым росчерком.

— Зеленый поезд!

Я оборачиваюсь. Совсем рядом глаза Ахво, и в них я вдруг вижу отражение склона и стремительной ленты поезда. Быть может, мне показалось это? Но откуда тогда пришло видение серебристых вагонов, мелькающих как в калейдоскопе окон, испускающих мягкий зеленый свет? Может быть, человеческий глаз так устроен, что видимое им становится заметным и для других, как отражение, как мгновенная фотография... Или, еще вероятней, только у Ахво такие глаза. Поймать исчезающе малый миг, наверное, немногим дано, и уж, во всяком случае, не мне.

Так вот он какой, зеленый поезд! Быстрый, как стрела, окна светятся даже днем, а рассмотреть его можно разве только как отражение в глазах человека с необычайно острым зрением.

— Ты видел поезд? — спросил Ахво, когда мы возвращались в поляр.

Я понял подлинный смысл этого вопроса: речь шла о том, верю ли я теперь ему. Я кивнул, отвечая сразу и ему и себе: да, я

знал теперь о зеленом поезде больше, чем из всех рассказов о нем.

— Да, я видел зеленый поезд.

Мы с Ахво соседи. Наши окна рядом. Трехдневная оттепель наполнила воздух запахом влажной хвои и свежестью. А окна, к счастью, открываются прямо в тайгу. Долог вечерний разговор.

— ...точно знаю, что такие приборы есть, а принцип известен с незапамятных времен, — Ахво рассказывает мне об усилителях света. Я тоже слышал про них, но Ахво, оказывается, даже работал с ними. Мысль его проста.

— Я буду в пяти-десяти километрах от тебя, у самой дороги, и дам сигнал. У тебя будет прибор, ты увидишь поезд и сфотографируешь его, ведь прибор легко дополняется фотоаппаратом. Отсюда найдем скорость поезда, не говоря уж о том, что ты наконец окончательно убедишься во всем. Я напишу. Нам пришлют приборы.

В другой раз по пути на работу мы размышляли: что же он такое — зеленый поезд? И почему он появляется на недостроенных дорогах, уж не мираж ли это, а если да, то наблюдатели из двух пунктов как раз и смогут убедиться в этом, ведь мираж нельзя «зарегистрировать» тем способом, о котором мы с Ахво говорили.

Впрочем, мы отыскали с ним, кажется, тоненькую ниточку: поезд появляется почти всегда в безлюдных просторах тайги и тундры. И это не казалось нам случайностью. Тем, кто управлял движением зеленого поезда, нужны были два условия: огромные пространства и безлюдность.

СОКРОВИЩА ЗВЕЗДНОГО НЕБА

Как-то я смотрел фильм о космосе, где ракеты взмывали вверх так легко и свободно, как будто не было мучительно трудной космической прелюдии, долгих поисков, блистательных находок и трагических неудач. Корабли совершенствовались на глазах с той скоростью, с какой позволял кинематограф, и в заключение возникал неизбежный вопрос: а завтра?.. «Сокровища звездного неба» — так назывался фильм. К этим-то сокровищам как бы устремлялись корабли. Что же это за сокровища?

С некоторым удивлением узнал я, что даже довольно близкие созвездия хранят тайны так ревностно, что и просто перечислить их пока трудно. Радиогалактики, магнитопеременные звезды, двойные пульсары, тройные и кратные звезды, скопления галактик... Почему неразлучны три светила Регула? И почему так схожи многие пульсары и радиогалактики? За этими вопросами следовали другие, их было бесконечно много, гораздо больше, чем слов в древних преданиях и мифах.

Размышляя об этом, я сделал для себя маленькое открытие. Антенна радиотелескопа подобна чаше, в которой мир отражается тем отчетливее, чем больше зеркало воды. Чем дальше друг от друга точки приема звездных сигналов, тем лучше. Иногда антенны расположены даже на разных континентах, а космические радиоголоса записываются на магнитную ленту, и потом все записи сравниваются. Межконтинентальные телескопы — самые точные. Но, может быть, всю поверхность Земли использовать для приема сигналов?.. Установить побольше антенн, объединить их в одну сеть? Почему бы нет?

Просмотрев книги по астрономии, мы с Ахво пришли к выводу: такая всеобщая сеть ненамного полезней одного или двух межконтинентальных радиотелескопов. Все зависит от предельного расстояния: чем больше расстояние между антеннами, тем лучше и точней работает прибор, тем ясней слышны звездные сигналы, и раз уж многие объекты вселенной испускают радиоволны — тем полней общая картина.

Антенны на ракетах — вот к чему можно было бы стремиться. Целое созвездие исследовательских ракет, летящих на таких расстояниях друг от друга, что пеленгация едва слышимых источников была бы идеальной. И уж конечно, карта неба стала бы гораздо подробней. Пока же космические корабли и радиотелескопы существовали отдельно, и мы с Ахво могли лишь помечтать о том времени, когда они будут объединены. Проект был мой, но Ахво его тут же усовершенствовал:

— Зачем же корабли? Установить антенны на разных планетах — вот и все. Действительно, зачем ракеты? Планеты — отличные опорные пункты для наблюдения.

...Поляр уже спал, а мне захотелось помечтать, и я попытался представить необычную эстафету: корабли несли на себе антенные зеркала, они стремились как можно дальше доставить их — к звездам, к далеким планетам, обращающимся вокруг звезд. И оставляли их там, точно эстафетные палочки, чтобы потом другие корабли, гораздо более мощные, быть может, пронесли их еще дальше. Я приближаюсь к главному в наших рассуждениях (должен признаться, что нам помогли и видеотелефонные консультации специалистов одного из сибирских исследовательских центров).

Чем дальше смогли бы проникать наши корабли, тем больше мы узнали бы о сокровищах звездного неба. Невидимая, но реальная граница познания, стартовав, с Земли еще в древности, расширялась бы, охватывая все новые миры. Но это была, если только так можно сказать, геоцентрическая система изучения вселенной.

Почему бы не предположить, что такие исследования уже начаты, но совсем в другом районе Галактики? Автоматические корабли уже стартовали, первые антенны уже доставлены на расширяющееся кольцо межзвездных радиотелескопов. И на Землю тоже. На первых порах исследователи будут соблюдать известную осторожность, особенно на обитаемых планетах (ведь последствия любого вмешательства, влияния, на первый взгляд даже положительного, оценить практически невозможно). Значит, и на Земле они будут следовать этому правилу. Они постараются использовать и наши достижения: ведь им нужны платформы для перемещения антенн, положение которых выверено с точностью до метров. Железнодорожное полотно — идеальная опора для подвижного радиотелескопа.

Так мы придумали зеленый поезд.

Но ранним утром, когда я умылся, оделся, открыл окно и увидел сумрачные деревья в серой полумгле, тусклое предрассветное свечение и уловил дыхание холодной земли, наша выдумка показалась нереальной и неправдоподобной. И все-таки хотелось поверить в нее. Я нажал клавишу телевизора, по выпуклому серебристому пузырю пробежали изогнутые линии, сжались в жгут, который задрожал, как пучок струн, и пропал. Еще две клавиши: «ПОЛЯР» и «БИБЛИОТЕКА»... Возникло знакомое лицо.

— Библиотека. Говорите...

— Что-нибудь по радиоастрономии...

— Принципы, история, применение?

— Фильм. Обо всем сразу.

Экран залился голубым сиянием, словно олицетворял вспышку энергии телевизионного робота.

С высоты птичьего полета открылись ущелья и каньоны, перегороженные парусами антенн. Высоко в горах, на фоне острых пиков сверкали их чаши, смотрящие поверх снегов. На склонах зеленых холмов змеилась паутина антенн. Планета была основательно радиофицирована, и этот второй, звездный, этап радиофикации только начинался. Вместе с телескопами-гигантами еще выслушивали эфир первенцы радиоразведки — двадцатиметровый Серпуховской, стометровый американский, Крымский, Пуэрто-Риканский, Большой австралийский...

Еще одна клавиша: «КОНСУЛЬТАНТ»...

— Действуют ли межпланетные радиотелескопы?

— Нет.

— Есть ли проекты?

— Да. Первый проект: Земля — Луна; второй: Марс — Земля — Луна.

— Могут ли другие цивилизации использовать Землю для установки радиотелескопов?

— Не исключено... (Молчание.) Вряд ли: велик уровень радиопомех.

— Можно ли связать феномен зеленого поезда с исследованием космоса?

— Нет данных... (Длительная пауза.) Феномен зеленого поезда неизвестен... Вопрос не по теме.

«ОСТАНКИ МАМОНТА НАЙДЕНЫ...»

Мы идем на лыжах по только что выпавшему снегу, мягкому и легкому, а с лиственниц беззвучно слетают их новые белые шапки, и голоса звучат тише и глуше. Нас четверо — Ахво, я, Глеб Киселев, следопыт из Русского Устья, потомок землепроходцев и якутских охотников, прирожденный строитель и путешественник, исколесивший Крайний Север вдоль и поперек, и Дмитрий Василевский, кинооператор и ученый (это он прислал усилители света, а потом и сам прилетел в поляр, чтобы сделать фильм). Можно ли встретить на Севере людей, которые бы не любили его? Вряд ли. Мне эта земля кажется гигантским естественным заповедником: выпуклы и величавы ее реки, быстры ветры, пространны и медлительны зимние ночи и летние дни.

Если бы мне сказали: тебе сегодня посчастливится, но ты должен выбрать — встретиться ли тебе с мамонтом, с настоящим мамонтом, шерсть которого рыжа, уши лохматы и бивни желты, торчат из промороженного глинистого обрыва, или с зеленым поездом, который ты, впрочем, уже видел, — я бы, пожалуй, ответил не сразу. Глеб-то уж наверняка выбрал бы мамонта, Ахво — поезд, Дмитрий...

— Что бы ты выбрал, Дмитрий, — крикнул я, — мамонта или поезд?

Он даже не переспросил, сразу понял.

— Мамонта.

— Почему?

— Сам не видел и с очевидцами незнаком. Так... Чучела, картинки. Встретить настоящего зверя — все равно что машину времени изобрести, а ты — поезд...

«Вот и Дмитрий влюблен в Север, — думал я. — Камера, усилители изображения — это все не то... Может быть, он и в самом деле пошел с нами только затем, чтобы набрести на мамонта или хотя бы на медведя, на сохатого, на лешего?..»

...Сначала мы думали остановиться у разъезда, хотя у нас были палатки. Потом подумали и решили: нет, не стоит этого делать, ведь не видел же зеленого поезда дежурный по разъезду (а он уже месяц тут жил) — чем же мы лучше... Мы вышли к дороге южнее разъезда. Ахво и Глеб пошли к югу, как было условлено, мы с Дмитрием остановились и разбили палатку. У нас было три дня. Кто-то из нас всегда дежурил у рации.

Дмитрий относился скептически к нашей затее, и я плохо понимал, зачем он приехал. На третий день, когда рация ожила, Дмитрий первым бросился к приборам, значит, он тоже ждал, просто не баловал себя надеждой.

Заранее было условлено: слово «поезд» не должно выйти в эфир, как и все относящееся к железной дороге, ведь, судя по всему, речь шла о тайне, которую кто-то ревностно хранил. Значит, тайным же должен быть и условный сигнал, когда Ахво и Глеб заметят поезд. Они остановились в двадцати километрах от нас. За час до сигнала Ахво говорил с нами, это была проверка рации. Шел последний день, и мы уж было разуверились в успехе. Через полчаса Дмитрий развел костер и стал готовить обед — в этот день он дежурил. Еще через пятнадцать минут рация ожила, но это был не сигнал. Ахво сказал: «Вижу людей», и через минуту: «Люди исчезли». Я спросил, что это значит. Он ответил: «Будьте готовы!» И вот прозвучал сигнал: «Найдены останки мамонта...» Эта условная фраза была повторена дважды, значит, и Глеб и Ахво видели поезд.

Как только я услышал их, пустил секундомер. Мне казалось, что пройдет от шести до двенадцати минут, пока зеленый поезд поравняется с нами. На всякий случай Дмитрий тут же бросил котелок, чайник, консервы и немедленно установил камеру. Механизм сработал не сразу: от мороза, наверное. Но потеряны были всего несколько секунд, и поезд не мог опередить нас. Я наблюдал полотно через объектив усилителя изображений, потому что никак не рассчитывал обнаружить что-нибудь невооруженным глазом. Рядом были приготовлены два фотоаппарата — и тоже с оптическими усилителями, один аппарат — мой, другой — Дмитрия. Когда истекала шестая минута, я вдруг нечаянно нажал спуск своего фотоаппарата. Дмитрий услышал щелчок и обернулся ко мне. Я растерялся, на одно лишь мгновение, и оторвал глаза от прибора. Кажется, я начал объяснять Дмитрию, что мой аппарат случайно сработал, и он с явным неодобрением слушал меня. В ту же минуту легкое облачко снежной пыли взвилось над полотном и быстро пролетело вдоль него. Дунул ветерок, снежинки медленно опускались на мое лицо. «Смотри!» — крикнул я. Но было поздно. Или, быть может, слишком рано? Я припал к окуляру и замер на несколько минут. Стрелка секундомера много раз обошла круг, и у меня стали мерзнуть щеки. «Хватит! — сказал я. — Если облачко и было поездом, то мы уже знаем его скорость — сто девяносто километров в час, а если нет, то оставь камеру, и пойдем пить чай, а то замерзнем».

Когда совсем стемнело, мы подложили в костер дров, пламя поднялось чадящими языками, потом сникло, открыв переливающиеся розовые каменья углей под теплой подушкой воздуха. В небе проступили звезды. Желтые огни кропили нас легкими искрами, и мы уж было задремали, как вдруг два знакомых голоса пропремели в лад над костром. Ахво и Глеб приблизили лица к теплу и свету, инеем на их шапках засеребрился и растаял. Мы торопливо собрались и двинулись в поляр.

На рассвете я забежал к Василевскому. Он работал с кинолентой и попросту отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Пришли Глеб и Ахво. Трое — уже сила. Дмитрий оглядел нас, сказал спокойно:

— Лента испорчена, засвечена. Ни одного кадра не вытянуть. Вот сейчас, на ваших глазах, сделал последнюю попытку. И с пленкой из аппарата то же самое.

— Что же ты... — протянул Ахво. — Поезд-то был.

— Это не я, братцы. Делал все как надо и даже много лучше.

— Сама засветилась, что ли?.. Так не бывает.

— Я тоже думаю, нет...

— Понятно. Теперь уедешь?

— Что делать... Пора.

Но Дмитрий остался еще на два дня. Думаю, он сделал прекрасный фильм о поляре, о людях его, об их нелегкой дороге в завтрашний день. Жаль только, что не было в фильме зеленого поезда.

ПЕСНЯ О ЗЕЛЕНОМ ПОЕЗДЕ

Полдень. Солнце. Первые проталины на каменных лбах сопок. Совсем незаметно я добежал до железной дороги. Струя теплого воздуха висела над ней, гранитная насыпь была нагрета, рельсы пахли железом. Вдоль насыпи вела лыжня. Возникло чувство, что за мной следят. Но никого не было видно. Я пошел медленнее, оглядываясь. Далекая фигурка замаячила за моей спиной. Я пошел быстрее, но фигурка росла и росла. По другую сторону насыпи бежал на лыжах человек... Женщина.

Как будто бы что-то неуловимо знакомое открылось мне в ней. Присмотрелся: Лена Ругоева. Откуда она здесь, подумал я, ведь улетела же на Север?

— Здравствуйте, Валентин Николаевич! — крикнула Лена.

— Здравствуйте, Лена! Уж не вернулись ли вы к нам?

— Нет, Валентин Николаевич, я еще не вернулась к вам. Я хочу рассказать вам о поезде...

Ее голос звучал отчетливо, хотя она была еще далеко. Я подождал ее, она продолжала бежать по другой стороне насыпи. Глаза ее сияли, она была похожа в эти минуты на девушку из северной легенды, чей голос звонче песен весны.

День был радостным, необычным, хотя я не мог отделаться от сознания своей беспомощности. Все мои вопросы казались лишними, я и без них получал ответы, и смысл слов Лены доходил так явственно, как будто бы она излучала свои мысли и я ловил их.

...Нелегко осознать, что кажущаяся пустота пространства заключает в себе так много, что нужно изучать ее годы, десятилетия. Но и это не все — радиоволны лишь малая часть сокрытого в ней. За ними выстраивается бесконечный ряд взаимопревращающихся волн и частиц — и медленных и быстрых, таких быстрых, что они обгоняют свет, словно прочерчивая своими лучами путь из настоящего в будущее. И, следуя этим мгновенным росчеркам, выстраиваются в пространстве бесчисленные хороводы звезд, парящих планет с голубыми газовыми оболочками, сияющих комет и быстрых метеоров — это лишь следы, отблески того движения, которое и есть причина всего. Все, что наблюдаемо, может быть понято. Но где истоки неведомых «мгновенных лучей»? Они не нашли их. Они искали. И знали, что в тот момент, когда эти истоки будут найдены, отыщется и причина становления целой галактики. Вот почему уже много лет путешествовал с планеты на планету звездный поезд.

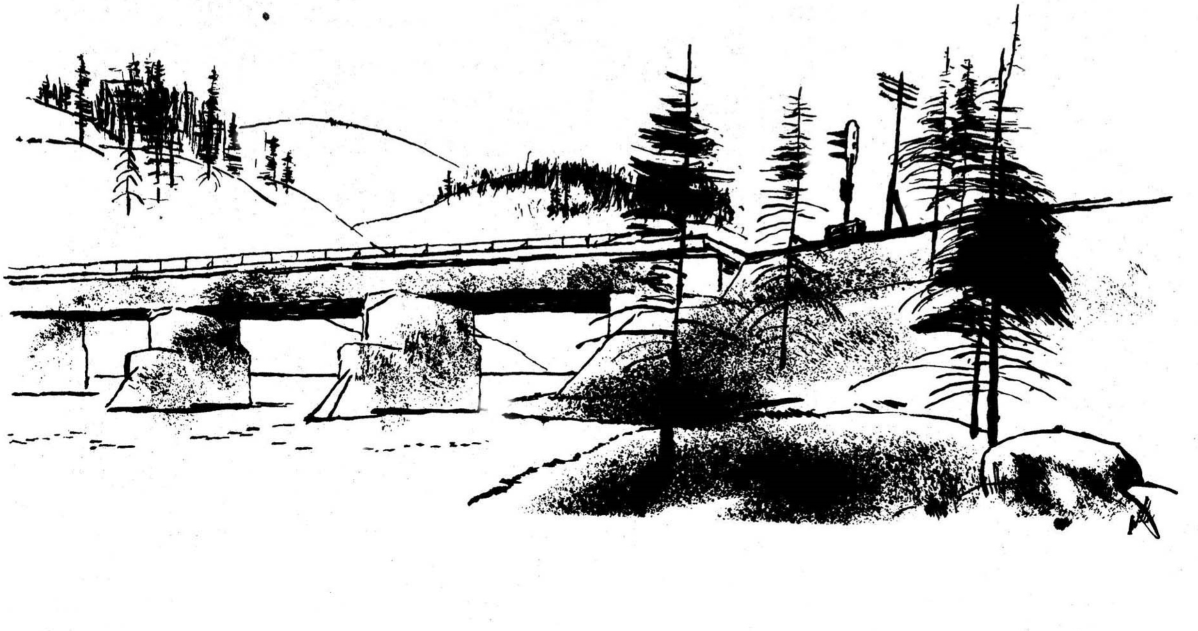
Я подумал: зачем это вечное движение? И понял: отыскать источник лучей можно, лишь «поймав» их из нескольких точек пространства.

Возникла мысль: трудно, наверное, сделать поезд невидимкой? — и в голове сложился ответ: вовсе нет, на вагонах трансляторы света, они ловят лучи с одной стороны поезда и передают их на другую, создается иллюзия, что вагоны прозрачны, невидимы.

Лена словно угадала и другую мою мысль:

— Да, я работала с вами. Поезд стоял до поры до времени. И дел срочных не было. Но у нас ведь только поезд-невидимка, а не люди. Лучший способ не выделяться, не бросаться в глаза — это быть вместе с вами. И потом это нужно. Разве вы не заметили, что все измерения я выполняла намного точнее, чем требовалось? И потом, позже придется еще выверять координаты дороги до миллиметра. Даже такая ошибка вырастает в парсеки на большом удалении от

Рисунки Е. ШУКАЕВА



точки наблюдения... Только вот что, Валентин Николаевич, вы должны забыть все, что связано со мной лично. Это долго объяснять, но это нужно. Мы ведь еще будем работать вместе. Я помогу вам. Вы забудете наш разговор, а поезд... о нем можно знать все. Помните, как ваш фотоаппарат случайно сработал и как у вас с Дмитрием ничего не получилось?.. Так вот, сегодня вечером вы проявите пленку. Как только вы увидите на снимке поезд, в вашей памяти возникнет словно провал. Временно, конечно. Ваши специалисты потом без труда поймут, что такое зеленый поезд. Вы и Ахво вспомните наши встречи через полгода, когда нас уже не будет здесь. А теперь мне пора...

Я понимал: нелегко работать долгие годы на чужой планете, а сейчас у них, быть может, остаются считанные недели, и нельзя отвлекаться, и все на исходе, на пределе — нервы, аппаратура... И не решились ли они открыть секрет поезда только потому, что это даст им лишнюю энергию, чтобы хоть на немного дней продлить обнадеживающие наблюдения (ведь поезд невидим только тогда, когда работают очень непростые по нашим понятиям приборы)?..

— Хорошо, — сказал я, — пусть будет так. Желаю удачи, Лена!

...Вдруг солнечные лучи сошлись, как в призме. Из светлого огня вылетела тень. Эта тень была поездом — я наконец увидел его рядом. Когда он пронесся мимо, разлив мягкое сияние, Лены уже не было. Откуда-то издалека донесся ее голос: «Послушайте нашу песню, Валентин Николаевич!..»

Это была скорее земная песня. Иначе и быть не могло: ведь они любили Землю и работали здесь. О чем пелось в песне?

В ней пелось о красном восходе первого дня весны и синих чистых днях ее, о запахах гроз и лесном колдовстве зеленого возрождения под звоны дождей. Пелось в ней о золотых коврах осенних трав и стаях диких серебристых птиц, кричавших на камнях и скалах, о таинственных огнях таежных, что расплывались, как виденья, вблизи, а издали сверкали, как глаза зверей, волков и рысей, и пелось о жестоких штормах вдоль восточных побережий, причудливо изогнутых краях планеты, о летних красках северных фьордов и обо всем пространстве, где пробегал их поезд.

МАК РЕЙНОЛЬДС

ПАРИ

Фантастический рассказ

Рекс Моран покрутил диск наручного телевизиофона и взглянул на появившийся на экране циферблат. Голос робота сказал: «Без двух минут восемь».

Рекс Моран хмыкнул и обвел взглядом тесную квартиру. Пожалуй, пора двигаться. Он вынул из внутреннего кармана куртки свою универсальную кредитную карточку, вложил ее в щель стандартного телевизиофона и сказал в экран:

— Кредитный баланс, пожалуйста.

Через пару секунд робот ответил:

— 10 акций Инэйльёнэбл Бэйсик. Ни одной акции Вэриэбл Бэйсик. Текущий счет — один доллар двадцать три цента.

— Один доллар двадцать три цента, — пробормотал Рекс. — Я и не думал, что придется начинать с такой малостью на руках.

Он набрал Кредит и подождал, пока на экране не вырисовалось лицо. Лицо было деловое, оживленное, с некоторым намеком на нетерпеливость.

— У аппарата Джесон Мэй, заместитель директора по кредитам отдела дивидендов Инэйльёнэбл Бэйсик.

Рекс Моран приложил к экрану свою универсальную кредитную карточку и сказал:

— Я бы хотел получить аванс.

— Минуточку, пожалуйста, — ответил Мэй и нажал кнопку. Прочитав ответ с настольного экрана, он опять взглянул на Морана. — Вы уже забрали за два месяца вперед.

— Мне это известно, — угрюмо буркнул Рекс Моран, — но у меня чрезвычайные обстоятельства.

— Они всегда чрезвычайные, мистер Моран, — отрубил человек за столом. — Из вашего досье видно, что вы неизменно забираете вперед в счет ваших дивидендов все, что можно. Правительство взимает проценты с подобных авансов. В конечном счете это для вас невыгодно, мистер Моран.

— Да знаю я, знаю, — сказал Рекс Моран. — Просто была долгая полоса неудач.

— Так в чем же дело на этот раз?

Вопрос застал Рекса Морана врасплох.

— Брат у меня болен, — сказал он. — Приходится помогать.

— Где проживает ваш брат, мистер Моран?

— В Панама-Сити.

— Одну минуту, пожалуйста, — чиновник повернулся к одному из настольных экранов. Через мгновение он поднял взгляд и вздохнул. — Мистер Моран, в досье компьютера не значится, что у вас есть брат. Просьба отклонена. И, мистер Моран...

— Ну? — с отвращением спросил Рекс Моран.

— Попытка обмануть директора отдела Кредитов является второстепенным нарушением. Я не буду принимать никаких мер по этому поводу, но нарушение будет зафиксировано.

— Ну и плевать, — проворчал Рекс Моран, выключая аппарат. — Не очень-то я на это и рассчитывал.

Морану перевалило за тридцать. Он был плотного телосложения, с лицом не то чтобы неприятным, но видавшим виды, как будто его хозяин знавал и войны, и кулачные бои, хотя в действительности ни того, ни другого не было. Соединившись

Рисунки В. КОЛТУНОВА

с ультрамаркетом, Моран набрал номер отдела детских игрушек и выбрал пистолет ценой всего в 77 центов. Придется довольствоваться этим. Он опустил в щель аппарата свою универсальную кредитную карточку, приложил к экрану большой палец и заказал игрушку. Через несколько минут он вынул ее из приемника автоматической доставки. Пистолетик был невелик, но на расстоянии выглядел достаточно убедительно. Моран повернулся к своему маленькому библиотечному экрану и набрал номер газетного раздела, затем номер газеты двухнедельной давности и выбрал из нее страницу некрологов. После этого он набрал отмеченный адрес и подождал, пока на экране не вырисовалось лицо, смотрящее на него сурово и вопросительно.

— Мистер Вассилис? — сказал Рекс Моран. — Мое имя Рой Маккорд.

С экрана смотрел усталый, аристократической внешности человек лет шестидесяти.

— Чем могу служить, мистер Маккорд? — холодно спросил тот.

— Я только что вернулся в город и узнал об этой трагедии. Я друг, простите меня, мистер Вассилис, я был другом Джерри Джерома.

Лицо на экране чуть заметно просветлело.

— Мне не приходилось слышать ваше имя от Джерома, но у него было много друзей, которых я не знал.

— Сэр, я бы хотел выразить свои соболезнования лично, — начал Рекс Моран. Человек на экране нахмурился и хотел было ответить, но Моран опередил его: — У меня хранится коечто, принадлежащее Джерри, и я полагаю, что должен отдать это вам.

— Хорошо, молодой человек. Я буду свободен ровно в девять и смогу уделить вам несколько минут.

— Прекрасно, сэр, я приеду в назначенное время. — Рекс Моран выключил аппарат прежде, чем его собеседник успел сказать что-либо еще.

Он не решился взять индивидуальное пневмотакси у своего дома, зная, что компьютеры регистрируют все поездки и шпики смогут выследить его по номеру универсальной кредитной карточки. Моран прошел несколько кварталов до станции общественного пневмометро. Опустив универсальную карточ-

ку в щель, он сообразил, что после покупки игрушечного пистолета на счету у него осталось всего лишь несколько центов. Ему не хватит денег даже на обратную дорогу, если лопнет затея. Выйдя из метро, он направился прямо к дому Вассилиса. У подъезда был установлен пропускной экран. Надеясь, что для входа не придется предъявлять кредитную карточку, он сказал в экран: «Рой Маккорд. У меня назначена встреча с мистером Вассилисом», — и вошел в отворившуюся дверь. В подъезде было два лифта. Он вошел в один из них и сказал: «Квартира Фрэнка Вассилиса».

Дверь отворилась, Моран вошел и замер. Стоящий перед ним человек в темном костюме вовсе не был Вассилисом. Он высокомерным взглядом окинул Морана с ног до головы, отмечая менее чем элегантный костюм и резкие, грубые черты лица.

— Мистер Маккорд? — осведомился он. — Хозяин ждет вас в своем кабинете.

Хозяин? У Вассилиса был слуга! Слыхано ли в наше время — живой слуга! Из некролога было ясно, что старикан принадлежит к высшим слоям общества. Но уж не такой богач, чтобы держать живого слугу! Тем не менее Моран последовал за лакеем. В такой большой квартире ему, пожалуй, и бывать еще не приходилось. На двери, перед которой они остановились, не было даже пропускного экрана. Слуга деликатно постучал и открыл дверь. Старый Вассилис и впрямь ждал гостя. Из комфортабельного кресла на Рекса Морана глядел пожилой человек, которого он уже видел на экране телевизиофона. На столике перед ним были разложены марки, а в руке он держал маленькую лупу — явно увлекался филателией.

— Ах да, мистер Рой Маккорд, друг Джерома. Входите, пожалуйста. — Так же, как и его слуга, он окинул оценивающим взглядом одежду и лицо Морана и чуть приподнял брови. — Итак, мистер Маккорд, чем могу служить?

Рекс Моран перевел взгляд на слугу.

— Вы свободны, Фрэнклин, — сказал Вассилис.

Фрэнклин вышел, тихо притворив за собой дверь. Рекс Моран выхватил пистолетик, показал его хозяину комнаты и сунул руку с игрушкой обратно в карман.

У старика глаза полезли на лоб:

— Вы... вы — грабитель?

— Я бы это сформулировал по-другому, — сказал Моран. — Мне надоело, что меня все время обносят, и я решил урвать свой кусок. Поскольку власть предержащие мне его не дадут, приходиться брать самому.

— Вы глупы, юноша.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — Рекс Моран выразительно поиграл в кармане пистолетиком.

— В наше время преступник обречен. Общество нашло средство оградить себя от грабителей и воров. Совершать сейчас мелкие кражи просто невыгодно.

— А с чего вы взяли, мистер Вассилис, что у меня мелкая кража на уме? — Рекс Моран кисло усмехнулся. — Вашу кредитную карточку, пожалуйста.

— Долларами моего текущего счета, юноша, могу пользоваться только я. Я не могу их ни подарить, ни проиграть в карты, ни выбросить, и вытянуть их у меня никто не сможет. Только я один могу пользоваться моими дивидендами.

— Мы это еще посмотрим, — кивнул Рекс Моран. — А теперь вашу кредитную карточку, пожалуйста. — Он опять поиграл в кармане пистолетиком.

Старик с презрительной миной извлек из внутреннего кармана чудесный кожаный бумажник, вынул из него стандартную карточку универсального кредита и протянул ее Морану.

— У вас здесь есть, конечно, приемник автодоставки? — спросил Рекс. — Ну и размерчики! Вот вам преимущества великосветской жизни, мистер Вассилис. Видели бы мой мини-приемник в моей крошечной квартирке! А если нужно что-нибудь действительно солидное, приходится пользоваться общим приемником в подъезде моего перенаселенного дома.

Моран уселся перед приемником, не спуская с хозяина глаз. Он вложил кредитную карточку в автомат и сказал:

— Кредитный баланс, пожалуйста.

Робот ответил:

— Две тысячи сорок шесть акций Вэриэбл Бэйзик. Текущий кредитный счет сорок две тысячи двадцать девять долларов восемнадцать центов.

Моран набрал номер ультрамаркета и заказал револьвер 38-го калибра с коробкой патронов к нему. Подумав секунду, он набрал номер отдела фототоваров и потребовал «Поляроид-Пентакс» с набором пленки.

— Брать так брать, — пояснил он старику. — Уж коли делать вашему счету кровопускание, так основательное.

— Не будет никакого кровопускания, — вспылил Вассилис. — Как только я сообщу об ограблении, власти немедленно возместят мне убытки.

Рекс Моран набрал номер отдела готового мужского платья и не спеша выбрал себе полный комплект одежды.

— Вот сейчас действительно будет дело, — сказал он и, соединившись с ювелирным отделом, выбрал кольцо стоимостью в две тысячи долларов.

— Пожалуй, то, что нужно,— решил он. И, набрав номер секции туристского снаряжения, заказал длинную веревку. — А теперь, старина, подойдите-ка сюда и суньте пальчик в экран.

— Предположим, я откажусь?

Рекс Моран ухмыльнулся.

— А какой вам смысл? Сами же сказали, что, как только заявите, власти вам все возместят. Вы ничем не рискуете.

Ворча, старик подошел к приемнику и с видом крайнего презрения приложил к экрану большой палец правой руки.

Спустя минуту заказанные вещи были в приемнике.

Вассилис вернулся в свое уютное кресло.

Рекс Моран зарядил только что полученный револьвер и переоделся. Потом повесил через плечо фотоаппарат. С восхищением оглядев кольцо, он сунул его во внутренний карман и переложил револьвер туда же.

— Я было хотел заказать еще несколько таких штучек, но решил, что, если сразу снять со счета столько денег, может перегореть какое-нибудь реле и банковские программисты всполошатся.

— Ворюга, — злобно сказал Вассилис.

— Да вам-то что? Не вам же расплачиваться. — Рекс взял веревку. — Сначала мы свяжем вас, дружище, а потом займемся Фрэнклином...

Выйдя на улицу, он сообразил, что ему все же придется идти пешком; его личных сбережений не хватило бы даже на оплату пневмометро. Но идти, к счастью, было недалеко. По дороге он швырнул игрушеч-

ный пистолетик в урну. Теперь у него было настоящее оружие.

В этом районе сохранилось еще несколько частных лавчонок. Он выбрал самую маленькую.

Из-за прилавка к нему вышел тихий человечек лет пятидесяти и спросил мягко:

— Что вам угодно, сэр?

Рекс Моран вошел в роль. Он сказал неуверенно:

— Как я понимаю, вы иногда покупаете предметы личной собственности.

— Это так. Покупаю и продаю. Но что именно вы хотите предложить, мистер...

— Эдамс, — сказал Рекс Моран. — Тимоти Эдамс. У меня есть кольцо, которое принадлежало моей матери.

— Присядьте, пожалуйста, мистер Эдамс. Наследственные драгоценности не бог весть как идут на рынке, но взглянуть можно...

Камень в очень современной оправе, мистер Эдамс. Я думал, что ваша мать оставила вам старое кольцо.

— О нет, — сказал Моран. — Она приобрела это кольцо незадолго до смерти. Конечно, если бы у меня была жена, я мог бы подарить кольцо ей, но я одинок.

Лавочник спокойно смотрел на него.

— Я покупаю и продаю произведения искусства и драгоценности, но не торгую краденым. Где ваша мать приобрела это кольцо?

— Во время отпуска в Евразии.

— Хорошо, что не в Соединенных Штатах...

Лавочник вынул из ящика лупу и стал разглядывать кольцо.

— Я дам за него двести долларов.

— Двести долларов! Да мать говорила мне, что оно обошлось ей больше, чем в две тысячи.

— Значит, она переплатила. Такую вещь вряд ли удастся быстро пристроить.

— Давайте триста.

— Ладно, — согласился лавочник, — хоть и себе в убыток.

— Ага, — хмуро буркнул Моран. Он вынул свою универсальную карточку и вложил ее в щель обменного экрана.

Лавочник спрятал кольцо в ящик, вынул свою карточку, вложил ее в другую щель аппарата и сказал в экран:

— Перечислите триста долларов с моего счета на предъявленную карточку.

— Сумма перечислена, — сказал робот.

Рекс Моран забрал свою карточку и поднялся со стула.

— И все-таки это грабеж, — пробормотал он.

Моран торопливо зашагал к ближайшей станции пневмометро, желая покинуть этот район как можно быстрее.

Из подземки он вышел около полудня. Голод уже давал себя знать. В конце концов, триста долларов — это триста долларов, и он вполне мог угоститься в кафетерии-автомате.

Моран выбрал подходящее заведение, уселся за стол и тупо уставился на меню. К чертовой матери блюда из антарктического криля, планктонного протеина и соевых бобов. Опустив кредитную карточку в щель в столе и приложив к экрану большой палец, он заказал цыпленка и кружку морского напитка.

Хорошо бы, конечно, пропустить для начала глоточек псевдовиски, но не такие уж у него капиталы.

Зазвонил его наручный телевизиофон. Аппарат был включен на канал Первоочередной важности, и во всем мире только два человека могли его вызвать. Однако на экране появилось незнакомое лицо. Незнакомое и свирепое.

— Говорит Служба Распределения, Подотдел Полиции. Рекс Моран, вы арестованы за попытку нарушить правила пользования универсальными кредитными карточками. Немедленно явитесь в ближайший Полицейско-Административный участок. Отказ от явки усугубит наказание.

— Чтоб ты сгнил! — прорычал Рекс Моран. Отключив аппарат, он в смятении уставился на погасший экран. Его уже ищут. Тысяча чертей! Он даже в свою мини-квартирку вернуться не сможет. Он теперь был в бегах и из-за чего? Из-за жалких трехсот долларов, которыми и воспользоваться нельзя: любой компьютер его засечет. Они могут так же засечь его наручный телевизиофон. Он с отвращением начал сдирать его с запястья. Но в это время экран вспыхнул.

— Вниманию всех граждан. Разыскивается преступник Рекс Моран, обвиняемый в разбое, грабеже и торговле краденым. Просьба ко всем гражданам оказать помощь в его задержании. Опасный преступник вооружен. Передаем его изображение.

Моран застонал, увидев на маленьком экране свое собственное лицо. Хорошо хоть фотография была старая.

Он сорвал с запястья аппарат и швырнул его в угол. В этот час в кафетерии никого, кроме него, не было.

Выбегая на улицу, он услышал вдали звук сирены. Наверняка за ним.

Выхватив револьвер, Моран остановил прохожего. Тот взглянул на него, потом на револьвер, потом снова перевел взгляд на лицо Морана и вспыхнул:

— Да вы же тот самый преступник, которого только что показывали.

— Верно, дружище, а теперь живо вызывай такси.

Лицо прохожего посерело. Он набрал номер, и мгновенно автотакси на воздушной подушке выплыло из-за угла. Распахнулась дверь.

— Живо суй в щель карточку.

Пока прохожий вкладывал карточку в щель, Моран уже забрался на заднее сиденье.

— Приложи палец к экрану, — скомандовал он, набирая адрес.

Неожиданно Рекс высунулся из машины, сорвал наручный аппарат с запястья прохожего и сунул к себе в карман. Выдернув кредитную карточку из щели, он вручил ее своей жертве.

— Вот, — сказал он. — И не говори потом, что я тебе не сделал одолжение. Подумай только, как бы тебе было плохо без кредитной карточки. — Он захлопнул дверь, и такси тронулось с места.

— Максимальную скорость, пожалуйста, — сказал Моран в экран.

— Да, сэр, — ответил робот.

Долго оставаться в такси было опасно. Как только тот болван, которого он бросил на улице, заявит в полицию, по всем компьютерам будут проверять набранный им адрес. Компьютеры зарегистрировали вызов по кредитной карточке ограбленного. Проверить адрес они проверят, да ведь он тоже не дурак, чтобы по этому адресу ехать. Примерно на полпути Рекс открыл дверь, и дальше машина пошла пустой. Он шмыгнул в боковую улочку и пошел вправо от проспекта, по которому продолжала двигаться машина.

В кармане прозвучал зуммер украденного аппарата. Он вынул его, нажав крошечный ры-

чажок, чтобы в эфир не ушло его собственное изображение. На экране появился тот же чиновник и повторил объявление о розысках преступника, добавив, что Морана видели, когда он вызывал такси. Его жертва явно успела уже донести. Это означало также, что они знают об украденном аппарате. Моран швырнул аппарат в сточную канавку и раздавил каблуком.

Надо было срочно исчезнуть. И вдруг его осенило.

Неподалеку находился ресторан, о котором он слышал, но который всю жизнь был ему не по карману. Войдя в здание, Рекс поднялся на лифте на крышу в зал, известный под названием «Зал гурманов». Время уже подходило к обеду, и в ресторан стекались чиновники высших рангов. Моран ухитрился скрыть впечатление, которое на него производил этот приют богачей. Он благодарил свою звезду за то, что догадался переодеться. Почтительно приблизился официант. В жизни Рекс Моран не был в ресторане, который мог бы похвастать живой прислугой. Однако и сейчас он не выдал своего изумления.

— Прикажете отдельный столик, сэр? — осведомился метрдотель.

— Да, пожалуйста, — ответил спокойно Рекс Моран, словно всю жизнь только и делал, что обедал за отдельными столиками в шикарных ресторанах. — И, будьте любезны, где-нибудь в углу. Мне надо кое о чем подумать.

— Разумеется, сэр. Пожалуйте сюда.

Морана усадили в укромной кабинке, что вполне его устраивало. Обговорив заказ, метрдотель и официант оставили его одного.

Рекс Моран огляделся по сторонам. В этой части зала, кроме него, был только один человек, и тот сидел к нему спиной. Он снял с плеча «Поляроид», вынул из кармана кассету с пленкой и зарядил аппарат. Потом из внутреннего кармана извлек кредитную карточку, отобранную у Вассилиса, и тщательно рассмотрел ее, обращая особое внимание на отпечаток пальца. Наконец он приставил карточку к маленькой цветочной вазочке и навел на нее аппарат. Щелкнув затвором, вытащил из камеры готовую фотографию и посмотрел на нее. Получилось не совсем удачно. Он сделал с полдюжины фотографий, пока не получил дубликат, схожий с отпечатком пальца на карточке. Вложив фотоаппарат в футляр, он вынул перочинный нож. Моран аккуратно выстригал из снимков отпечаток пальца, когда официант принес первое блюдо.

Обед и вино превзошли все ожидания, но засиживаться было опасно. Не дожидаясь десерта, Рекс Моран неожиданно вскочил из-за стола и заспешил к расчетному экрану, у которого сидел дежурный кассир. Там же стоял и метрдотель, приподнявший бровь в почтительном вопросе.

— Я только что вспомнил об одном важном деле, которым должен заняться немедленно, — торопливо сказал Моран. — Придержите, пожалуйста, десерт, пока я не вернусь, а также присмотрите за моим фотоаппаратом.

Метрдотель посмотрел на столик Морана. На нем действительно лежал фотоаппарат.

Рекс Моран покинул ресторан, все еще сохраняя вид человека, неожиданно вспомнившего о деле, требующем его срочного вмешательства. Выйдя на улицу, он состроил гримасу. Фотоаппаратом пришлось пожертвовать. Но он уже не был нужен. Рекс направился к ближайшему отелю. Приходилось идти на риск. Если портье опознает его, дело плохо.

— Мне нужен маленький номер, — сказал Моран. — Гостиная, спальня, ванная. Вряд ли я буду принимать гостей.

— Пожалуйста, сэр. — Портье посмотрел на Морана. — Э-э, ваш багаж, сэр?

— Багажа у меня нет. Я только что с побережья. Хочу подкупить кое-что из одежды. Всегда одеваюсь только здесь, на Востоке. В Калифорнии моды смехотворные.

— О да, сэр. Изволите зарегистрироваться?

— Я бы хотел сначала взглянуть на номер. Если он мне понравится, я наверху и зарегистрируюсь.

— О, я уверен, что вы останетесь довольны, сэр. Позвольте предложить номер «А».

Номер «А» был расположен на одном из самых верхних этажей здания. В жизни не приходилось Морану видеть более изысканных комнат. Он подошел к экрану и сказал: «Номер мне подходит. Беру».

— Благодарим вас, сэр. Будьте любезны опустить в щель вашу кредитную карточку, сэр.

Моран глубоко вздохнул. Вынув из кармана карточку Вассилиса, он вставил ее в щель аппарата. Потом вынул сделанный в ресторане фотоснимок отпечатка пальца Вассилиса и на мгновение приложил к экрану.

— Благодарю вас, сэр, — сказал робот.

Рекс Моран перевел дух. Его лицо расплылось в торжествующей улыбке. Надул он их все-таки! Набрав номер на диске, Рекс сказал в экран:

— Доставьте мне, пожалуйста, сюда бутылку виски, бутылку коньяка, бутылку бенедиктина, бутылку шартреза — только желтого, конечно, а не зеленого, — ну и перно-абсент, если найдется, а если нет, то и простой сойдет.

Робот ответил:

— В отеле «Нью-Карлтон» напитки можно заказать через бар-автомат.

— Знаю, но я люблю смешивать себе коктейли сам.

— Слушаюсь, сэр. Заказ будет доставлен.

Все с той же ухмылкой Моран извлек из бара-автомата бутылку отменного «скотча» и, одобрительно прищурясь, посмотрел ее на свет. За всю жизнь ему только один раз довелось надраться виски, а в нынешние времена оно в буквальном смысле было на вес золота. Рекс смешал виски с содовой и, потягивая этот нектар, ходил по комнате, обдумывая дальнейший план действий.

О чем же еще, черт побери, он всю жизнь безуспешно мечтал? Икра! Он никогда не ел икры вдоволь! И Рекс заказал фунтовую коробку икры, потом масла, тостов, рубленых яиц. Подумав, он добавил к заказу копченую осетрину и лососину. А остаток дня провел, ублажая себя всеми блюдами и напитками, о которых когда-либо мечтал. И когда время подошло к ужину, с огорчением отметил, что сыт по горло.

Он смутно помнил, как с трудом добрался до спальни и набрал на диске кровати «максимальный комфорт», прежде чем рухнуть в нее.

Как ни странно, утром он проснулся без малейшего признака похмелья. Автостолик доставил заказанный завтрак прямо в постель. Сок свежего манго, папайя, яйца в черном масле, снова икра, тосты, жареные помидоры, кофе — все в двойных порциях. Он ел, постанывая от удовольствия.

— Ну ладно, — усмехнулся он торжествующе, закончив зав-

трак. — Пора и делом заняться.

Он подошел к экрану и набрал номер секции мужской одежды ультрамаркета. Никогда в жизни он не испытывал такого наслаждения, как сейчас, когда разворачивал пакеты с покупками. Около десяти часов он решил, что пора уже разойтись на полную катушку, и заказал спортивную модель машины на воздушной подушке, приказав доставить ее на стоянку отеля.

В десять минут одиннадцатого вспыхнул пропускной экран на двери. На нем вырисовались два человека.

— Пойдем! — сказал с отвращением человек в штатском. Человек в форме окинул взглядом заваленную покупками комнату.

— Заратустра! — только и вымолвил он.

На улице их ждала полицейская машина. Человек в форме сел за руль. Человек в штатском усадил Морана на заднее сиденье рядом с собой.

— Ну и повеселился же ты, должно быть, — хмуро сказал полицейский.

Рекс Моран рассмеялся.

— Ничего себе шуточки, — сказал его собеседник. — Мы тебя чуть не накрыли в том кафетерии. Нужно было сразу выходить на тебя, а не давать объявление по телесети.

— А я удивился, что вы так не сделали. Нерасторопная у нас полиция.

Они доставили его в местное отделение Службы Распределения и, поднявшись на третий этаж, предстали перед самим Контролером Марвином Рухлингом.

Рухлинг посмотрел на Морана и сказал:

— Хорош! Даже спортивную машину приобрел! Да ты представляешь, какой шум поднимет Вассилис?

— Так он же не знает, что на самом деле произошло, — рассудительно ответил Рекс Моран. — Поволновался немного, и все тут.

— Ничего себе «поволновался». А если бы его со страху кондрашка хватил? Я уж не говорю о прохожем, которого ты заставил вызвать машину, угрожая оружием.

— Вы же сами хотели, чтоб все было по-настоящему, вот и получили.

— По-настоящему, — фыркнул полицейский в штатском. — Надо, кстати говоря, снять с телесети объявление о розыске, а то Рекса еще подстрелят, чего доброго, на улице.

— Итак, Рекс, твои выводы,— обратился Рухлинг к Морану.

— Необходимо что-то менять с карточками и отпечатком пальца. В противном случае какой-нибудь настоящий бандюга может найти одинокого болвана-аристократа побогаче, прикончить его и смыться куда-нибудь в другой район страны, сделав то же, что и я, с отпечатком пальца, и до конца дней своих доить дивиденды.

— Что еще?

Рекс Моран подумал минутку.

— Мы с Фредом как раз говорили об этом по дороге. Из затеи с добровольной явкой в полицию ничего не выходит. Конечно, в нормальных условиях она дает экономию на штатах, но, если попадется достаточно отпетый тип, да еще и вооруженный, следует выходить на него по его наручному телевизиофону, если, конечно, у него не хватит ума выбросить аппарат.

— Рекс, безусловно, прав, — сказал полицейский в штатском.

Марвин Рухлинг глубоко вздохнул.

— Ладно, — сказал он, — пари ты выиграл. Ты сумел скрыться и комфортабельно провести полные сутки, не имея ни цента на счету. Но хотел бы я посмотреть, как ты будешь изворачиваться через полгода, когда я ликвидирую все лазейки, которыми ты воспользовался.

Рекс Моран усмехнулся:

— Хотите пари?

Перевел с английского
ЮРИЙ ЗАРАХОВИЧ

СРЕДСТВО ДОКТОРА КЕЙБЕРА

ЛОРД ДАНСЕНИ,
английский писатель
Рисунок Е. МОНИНА

Однажды у нас в бильярдном клубе зашел разговор о том, можно ли безнаказанно совершить убийство. Тема эта довольно избитая, и, хотя мне до сих пор не совсем понятно, почему люди проявляют к ней столь повышенный интерес, говорили мы именно о безнаказанном убийстве. Одни утверждали, что совершить его легко, другие — что, наоборот, трудно. Повторять же аргументы тех и других едва ли есть необходимость — об этом и так предостаточно тарахтят по радио. Скажу только, что тогда, в клубе, сторонники мнения, что безнаказанное убийство почти невозможно, брали верх, и большинство было уже готово признать их правоту, как в спор вмешался Джоркенс:

— Кажется, я уже говорил вам о докторе Кейбере, которого знал когда-то. Теперь он, бедняга, уже не практикует, и, пожалуй, я не причиню ему никакого вреда, если скажу, что он успешно совершил абсолютно безнаказанное убийство. Правда, надо признать, что такого рода дела были вполне по его части. Из этого вовсе не следует, что доктор Кейбер был убийцей, нет, этого я бы не сказал. Однако он пользовался большим доверием у людей, которые как раз были таковыми. С ним часто советовались именно преступники, и доктору Кейберу, одному из самых изобретательных людей нашего времени, нередко удавалось вызволить их из беды, когда они в нее попадали. Словом, он дурачил бедный старый закон, что, в общем-то, не осуждается.

Но в случае, о котором я рассказываю, доктор Кейбер, когда к нему обратились, сказал, что не хочет иметь никакого отношения к этому делу, поскольку то, о чем его просят, нарушает как его собственные принципы, так и закон. Тогда цену за услугу подняли, и, наконец, доктор Кейбер с неохотой согласился, он идет на это, сказал Кейбер, только, чтобы сделать им одолжение.

— Идет на что? — спросил Тербут.

— Сейчас я вам расскажу, — сказал Джоркенс. — Был один тип с безупречным английским произношением, правильными документами и вескими основаниями для того, чтобы жить в Англии. Крепкий был орешек: кто-то сказал о нем, что он немец, и вынужден был заплатить большую компенсацию за нанесенный этому типу моральный ущерб. Звали его Норман Смит, у этого Смита был мотоцикл, и разъезжал он на нем по дорогам, особенно около аэродромов. Не покидая дорожной полосы и как будто не делая ничего подозрительного, он узнал очень многое и однажды раскрыл тайну, касавшуюся самолетов в одном районе... Пожалуй, самую важную, какую он только мог раскрыть. Шел 1938 год.

— Какие же там были самолеты? — спросил Тербут.

— А никаких самолетов и не было, — ответил Джоркенс. — В этом-то и заключалась страшная тайна. Ее знали только несколько человек. В обширном районе на востоке Англии на аэродромах не было ни одного военного самолета, и даже в случае крайней необходимости мы смогли бы перебросить туда всего лишь несколько боевых машин. Сумей Смит передать эту тайну домой, туда, откуда он прибыл, господа, создавшие концлагеря, разделались бы с нами, как с младенцами. Обо всем этом сразу доложили правительству, но оно в то время было занято другими делами. И тогда-то те, кто наблюдал за Норманом Смитом, решили обратиться к доктору Кейберу. Тот, как я уже сказал, вначале не захотел помочь. Но потом им удалось его уговорить. Кейбер попросил, чтобы ему изложили все факты дела. После того как ему все рассказали, он долго сидел, не произнося ни слова, покуривая свою странную трубку, вырезанную из какого-то индийского дерева. А потом ознакомил со своим замечательным планом или, точнее, с той его частью, с которой, по его мнению, следовало ознакомить.

Нельзя сказать, чтобы мы в то время были совсем лишены ушей и глаз — за Смитом неплохо присматривали, так же как и за его перепиской. Но не было законного способа помешать ему вернуться в Германию, приветствовать Гитлера и рассказать заинтересованным лицам о слабых местах нашей обороны. К сильным местам ее он, к сожалению,

интереса не проявлял, поэтому арестовать его мы не могли. Норман Смит умел действовать, не нарушая буквы закона, и мысль о моих друзьях, которые, конечно, ее нарушали, его особенно не тревожила.

Однако кое-какие меры предосторожности он все же принимал. И главной из них была огромная немецкая овчарка, о которой и было рассказано доктору Кейберу: свирепая собака бельзенской выучки, из тех, при помощи которых немецкие дамы поддерживали «дисциплину» среди заключенных женщин.

У Нормана Смита был дом в Хертфордшире, там он и держал свою овчарку — на случай, если бы кому-нибудь взбрело вдруг в голову ночью туда вломиться. Кейбер задал об этой свирепой собаке очень много вопросов, поэтому мои друзья решили, что он думает ее отравить, и один из них даже намекнул, что за такой примитивный план едва ли стоит платить кучу денег. Но было глупо думать, что доктор Кейбер мог бы сохранить свою популярность у хозяев преступного мира, если бы планы, которые он составлял, были по плечу любому «собачатнику». Кстати, отравить овчарку было бы совсем не легко, потому что ее охраняли приставленные к ней Норманом Смитом две или три злые дворняги — как эсминцы, оберегающие линкор.

В общем, все упиралось в эту овчарку. И похоже было, что нет никакого способа управиться с нею ночью, поскольку дневной работы мои друзья в то время избегали. Теперь надо сказать, что среди фактов, которые они сообщили доктору Кейберу, был следующий: довольно часто Норман Смит ездит к морю и останавливается там в каком-нибудь большом отеле. Прямо удивительно, как все шпионы любят море! Услышав об этой привычке Смита, доктор Кейбер задумался и, наконец, сказал: «Там вам и придется все проделать. Взять овчарку с собой в отель он не сможет». — «Но туда не сможем пробраться и мы, — возразили мои друзья. — Если в отеле не будет собаки, то наверняка будут швейцар и коридорные». — «Тогда вам придется проделать все днем, — сказал доктор Кейбер, — когда он отправится погулять». — «Мы не любим заниматься такими делами днем», — сказал один из пришедших. Доктор Кейбер поднял на него глаза: «Да ведь вы еще не знаете, о каких делах идет речь». — «Так о каких же?» — спросили они. — «За ним пойдут следом два или три человека, затеют потасовку и уколют небольшой иглой». — «Я не люблю яда, — сказал один из пришедших. — Его всегда можно обнаружить».

Глаза у доктора Кейбера округлились: «Друзья мои, вы что же, думаете, я ребенок?» — «Все равно, яд всегда можно обнаружить», — упорствовал тот. «Но кто вам сказал, что это будет яд?» — «А если не яд, то зачем тогда шприц?» — «Вы слегка уколете, — сказал доктор Кейбер, — впрыснете немножко безвредной жидкости, которая будет в шприце, и ваши люди (двое, а еще лучше трое) убегут прочь. Он тут же возбудит дело о нападении, и полиция начнет розыски. Но поскольку никаких телесных повреждений у Смита не обнаружат и доказать, что ему что-то ввели в тело, он не сможет, заниматься его делом будет только местная полиция, а не полиция графства и не Скотленд-Ярд, как было бы в случае убийства». — «Что вы, мы понимаем — ни о каком убийстве здесь речи быть не может, — сказал один из моих друзей. — Но все же интересно, как на него подействует укол». — «Да никак, — отозвался доктор Кейбер. — И лучше проделайте это сразу после его приезда на побережье — тогда у полиции будет время убедиться, что никакого вреда ему не причинили». — «Ну а что все это даст?» — спросили без обиняков у доктора Кейбера. «А то, — сказал Кейбер, — что сразу по возвращении домой или чуть позже он случайно умрет». — «Это распутают», — сказал человек, не любивший яда. «Как вам нравится моя комнатка? — спросил неожиданно доктор Кейбер. — Я живу здесь уже давно и очень к ней привык, но что скажете о ней вы?» — «Какое отношение имеет это к нашему делу?» — «Никакого, — ответил доктор Кейбер. — Но если бы то, что я делаю, распутывали, я бы, возможно, сейчас здесь не жил. Я не утверждаю, что точно не жил бы, но вполне возможно, что мне пришлось бы переехать на другую, менее удобную квартиру».

Этот довод почему-то заставил всех умолкнуть. А потом один из них сказал: «Вы говорили, что никакого вреда укол ему не причинит». — «Абсолютно», — подтвердил доктор Кейбер. «Но по возвращении домой он умрет?» — «Наверняка», — сказал Кейбер. «Но тогда я не совсем понимаю...» — «Не будем приставать к доктору Кейберу — я думаю, он знает, что делает», — перебил сомневавшегося другой. Так они в конце концов и поступили.

Что же до Нормана Смита, то он, как и ожидали, примерно через неделю поехал на море и остановился в большом отеле. Приехал он, разумеется, без собаки. И на первое же утро своего пребывания у моря Смит отправился на прогулку и у площадки для гольфа поссорился с какими-то тремя гуляющими. Он побежал в полицию и заявил, что подвергся нападению и что ему впрыснули что-то смертельное. Он показал на руке точку, как от укола булавкой, утверждая, что сразу после нападения обнаружил на этом месте каплю жидкости, запахом напоминающую пот. И полиция пригласила двух врачей, и те провели анализы и обследования, и результаты обследований показали, что Норман Смит совершенно здоров.

И к концу недели все, во всяком случае полиция, успокоились. Когда речь идет о ядах, концы таких нитей всегда находятся, и их найти еще легче, когда речь идет о разных бактериальных штуках, потому что эти последние встречаются еще реже, чем яды; ну а если речь идет о каком-нибудь неизвестном яде, то такое встречается совсем редко, и полиции очень скоро удается напасть на след.

— Что же все-таки произошло? — спросили мы.

— Набравшись сил, Норман Смит отправился к себе домой, в Хертфордшир, — ответил Джоркенс. — Он был в приподнятом настроении благодаря добытой информации, не знаю точно какой, но, видно, той, за которой шпионы отправляются на берег моря. И в день приезда немецкая овчарка его загрызла.

— Да, это действительно безнаказанное убийство, — сказал Тербут, — если только мы имеем право назвать убийцей собаку.

И один из нас растерянно проговорил:

— Но мне не совсем понятно... При чем тут Кейбер?

— Средство было очень тонкое, — ответил Джоркенс. — Совершенно безвредное, как доктор Кейбер и говорил. Но оно изменило запах Нормана Смита. Он стал пахнуть по-другому. Ну а какая немецкая овчарка могла бы с этим примириться?

Перевел с английского
РОСТИСЛАВ РЫБКИН

ТОНКИЕ ГРАНИ РИСКА

Ю. ТУПИЦЫН

Фантастический рассказ

Экспедиция «Маяк» состояла из базового лайнера «Ригель» и шести малых исследовательских кораблей. Они не имели собственных имен и отличались только номерами — МИК-1, МИК-2, МИК-3... Неофициально их ласково называли «микешами».

В задачу экспедиции входила всесолнечная перепись астероидов и метеорных потоков. Образования с наиболее неустойчивыми, возмущаемыми орбитами маркировали радиомаяками. Попутно экспедиция проводила широкие исследования по составу малых тел и выясняла возможности их применения для строительства внеземных станций.

Непосредственный поиск астероидов вели «микеши». Работа на них требовала большого напряжения и искусства: экипаж такого корабля состоял всего из двух человек, а полет в глубине пояса астероидов напоминал плавание без карт и лоций в богатых коралловыми рифами морях Индийского океана. И почти всегда роль лидера, роль главного корабля, который первым проникал в неисследованные районы, брал на себя МИК-1. Командовал им Ларин, бортинженером был Шегель.

В день встречи с астероидом, который впоследствии был назван «Астероидом Ларина — Шегеля», экипаж МИК-1 преследовали неудачи. Сначала прервалась связь с «Ригелем». В этом не было ничего особенного: пояс астероидов был полон пылевых облаков, которые несли электрический заряд и отражали радиоволны не хуже металлической сетки. Однако для очистки совести пришлось проверять исправность блоков радиостанции дальней связи. Все оказалось в порядке, а связь с базой так и не восстановилась.

Едва закончили проверку, как отказал руль продольной оси головного телеразведчика. Ракету приняли на борт и начали перебирать станцию телеуправления, так как, судя по всему, неисправность гнездилась именно там. Корабль между тем продолжал полет полуслепым, довольствуясь информацией одного обзорного локатора. В поясе астероидов это было небезопасно. И Ларин нисколько не удивился, когда в разгар ремонтных работ корабль заполнил высокий, режущий уши и нервы сигнал тревоги.

Выключив электропаяльник, Ларин проскользнул мимо замешкавшегося Шегеля к креслу пилота. Он уже пристегнул ремни и надел гермошлем, когда рядом с ним занял свое рабочее место инженер. Шегель досадовал на свою медлительность, торопился, а поэтому движения его потеряли обычную четкость — стали нервны и суетливы.

— Не спеши, Олег Орестович, — спокойно сказал Ларин, скосив глаза на товарища, — ничего страшного. Астероид или крупный метеорит в дальней зоне обнаружения.

Руки Ларина лежали на пульте управления, а пальцы бегали по клавишам и кнопкам с быстротой и ловкостью, которой позавидовал бы опытный пианист-виртуоз. Подчиняясь его командам, автоматы послушно выдавали на главный индикатор нужную информацию, которую Ларин затем зачитывал вслух.

— Расстояние наибольшего сближения 93 километра. Диаметр не определяется, значит, меньше четырехсот метров. Орбитальная

скорость... — Ларин помедлил и обернулся к Шегелю. — У него гиперболическая скорость, Олег Орестович.

— Гость из космоса, — без всякого воодушевления констатировал Шегель. — Стоит ли за ним гоняться? Все равно уйдет от Солнца.

Отсутствие энтузиазма у инженера объяснялось тем, что это был далеко не первый «гость из космоса». Из-за высокой скорости гоняться за такими астероидами приходилось подолгу, горючего расходовалось много, да и обследование их не входило в планы работы экспедиции.

— Может, все-таки догоним? Вдруг что-нибудь любопытное?

— А телеразведчик? — усмехнулся Шегель и потер переносицу.

— Н-да, — на секунду заколебался Ларин, но тон инженера его чем-то задел, и он решил: — Обследуем без телеразведчика, прямо на «микеше».

— А инструкция? — все так же флегматично напомнил инженер. Инструкция запрещала производить прямое обследование небесных тел без предварительной телеразведки.

— Что инструкция? — Ларин уже набирал предварительные ходовые команды. — Инструкция, Олег Орестович, не догма, а руководство к действию. А потом в особых случаях инструкция разрешает проявлять инициативу!

— Жаль, что нет связи с «Ригелем».

— Жаль, — согласился Ларин. Он медлил, глядя на товарища. Шегель поймал его взгляд и улыбнулся.

— Ну что ж, раз инструкция разрешает — проявим инициативу. Поехали!

Из предварительного отчета экспедиции «Маяк», базовый корабль «Ригель»:

«Малый исследовательский корабль МИК-1 был обнаружен в четвертом секторе внутреннего пояса астероидов спасательным кораблем С-4.

В результате обследования с безопасной дистанции было установлено следующее: корпус МИК-1 подвергся глубокой лучистой коррозии. В результате лучевого удара полностью испарились все внешние корабельные надстройки, стабилизаторы и антенны. Оказались наглухо запаянными основной и аварийный входной люки, иллюминаторы и щели приборов наблюдения. Характер повреждений подтвердил догадку спасателей о том, что авария произошла в результате мощной световой вспышки...»

Когда достигли визуальной видимости, Шегель начал обследование астероида с помощью телескопа. Объект представлял собой металлическую глыбу неправильной формы, размерами триста десять на сто двадцать метров.

— Обычный железоникелевый астероид, — скучно констатировал инженер.

Ларин не ответил. Для него наступил самый ответственный этап работы — вход в зону тяготения и непосредственное сближение с астероидом. Инженер, не выпускавший из поля зрения контрольные приборы, неожиданно скомандовал:

— Срочное торможение!

Быстрое движение руки Ларина, короткий вой главного двигателя, и «микеша» неподвижно завис в пространстве на удалении восьмисот метров от астероида. Ларин взглянул на Шегеля с молчаливым вопросом.

— Астероид радиоактивен, — растерянно пояснил инженер.

— Что?

Удивление Ларина было понятно. За все время работы экспедиция еще не встречалась с небесными телами, обладающими аномальной радиоактивностью. Да и вообще, сколько знал Ларин, не было известно ни одного радиоактивного метеорита. Но теперь и он заметил, как мигала лампочка радиометра, а маленькая остроносая стрелка, чуть покачиваясь в такт этим миганиям, перевалила за нулевой уровень.

— Может быть, возросла интенсивность фона? — предположил Ларин. — Мало ли что? Флуктуация космических лучей. Вспышка на Солнце.

— Исключено. — Инженер решительно отверг это предположение. — Счетчик работает на остронаправленной антенне.

— Чудеса. — Пальцы Ларина пробежались по клавишам пульта, запрашивая из памяти компьютера сравнительную информацию. — Хм, а радиоактивность не так уж велика. На таком астероиде и пообедать можно, да еще и вздремнуть после.

— Да, радиоактивность невелика, — согласился Шегель, — примерно такая же, как у чистого урана.

Ларин взглянул на него с улыбкой.

— А если это урановый метеорит?

— Ну! Таких не бывает. А впрочем, — в голосе Шегеля появились мечтательные нотки, — чем черт не шутит. Во всяком случае, обследовать этот феномен мы обязаны. Жаль вот, связи с базой нет.

— Жаль, — кивнул Ларин, включая малый двигатель.

— Малый, я прошу — самый малый ход, — поспешно сказал инженер.

— Это почему? — терпеливо уточнил Ларин.

— Я должен выяснить динамику процесса при сближении. Мы вторгаемся в неведомое, Андрей Николаевич.

«Микеша» пополз к астероиду в буквальном смысле этого слова. Шегель утонул в показаниях приборов. По лицу можно было читать его чувства: сначала напряженное ожидание, потом недоумение и наконец изумление.

— Что там еще стряслось? — не выдержал Ларин.

Шегель мельком взглянул на него и возбужденно пояснил:

— Смотрите, как растет радиоактивность!

— Она и должна расти.

— Но она растет быстрее, чем по квадратичному закону!

Несколько долгих секунд Ларин переваривал услышанное, затем главный двигатель коротко взвыл, и корабль неподвижно завис в четырехстах метрах от астероида.

— Почему мы остановились? — недовольно спросил инженер.

— Надо разобраться в ситуации.

— Вот именно. А для этого надо подойти поближе. Может быть, пойти на прямой контакт! — Шегель начал сердиться.

— Сначала разберемся, — терпеливо повторил Ларин. — Чем вызван рост радиоактивности? Почему она растет так быстро? Может быть, астероид взаимодействует с кораблем?

Шегель еле дослушал.

— Согласен. Но как это сделать на таком расстоянии?

— Попробуем гамма-пушку.

— Но ведь далеко!

— Далековато, — подтвердил Ларин, — на самом пределе. Но кто нам мешает попробовать?

Он сдержал улыбку, видя, как раздраженно передернул плечами Шегель. Инженера била исследовательская лихорадка, он весь уже был там, на астероиде.

Через минуту гамма-пушка была подготовлена. Ларин нажал кнопку, на корабле притух свет, компенсируя мгновенный расход энергии, а жерло гамма-пушки

выплюнуло на астероид несколько мощнейших импульсов электромагнитного излучения, начиная от мягких рентгеновских волн и кончая жесткими гамма-лучами.

Из предварительного отчета экспедиции «Маяк», базовый корабль «Ригель»:

«Вспышка, наблюдавшаяся в районе МИК-1, носила аномальный характер, резко отличаясь от цепных ядерных реакций взрывного типа деления и синтеза. Во-первых, она была сильно растянута во времени, т. е. была именно вспышкой, а не взрывом как таковым. В результате подавляющая часть массы астероида просто развалилась и рассыпалась в тончайшую пыль, диаметр частиц которой сравним с размерами молекул. Во-вторых, по ядерным масштабам удельный выход энергии при вспышке был крайне низким, вполне сопоставимым с выходом энергии при обычных химических реакциях. В-третьих, свыше 90 процентов энергии вспышки выделилось в виде электромагнитного излучения на сравнительно низких частотах.

Проработка на центральном компьютере базового корабля ряда гипотез, которые достаточно удовлетворительно описывали внешнюю картину парадоксального явления, позволила отдать решающее предпочтение гипотезе Данкова — Макдональда, выдвинутой еще в 80-х годах двадцатого века. В соответствии с этой гипотезой в природе, помимо вещества и антивещества, может существовать также стабильное нейтральное и антинейтральное вещество. А поэтому в своих исследованиях наряду с мирами и антимирами человечество может встретиться также с мирами нейтральными и антинейтральными...»

Электромагнитные импульсы, частично отразившись от кристаллической решетки молекул и атомов, вернулись к приемнику гамма-пушки, неся полную информацию о структуре вещества, слагающего астероид. В течение нескольких секунд эта информация была расшифрована и подана на индикаторы.

— Железо! — ошарашенно констатировал Шегель, несколько раз перечитав показания приборов. — Самое обыкновенное метеорное железо с примесями никеля и кобальта.

— Железо, — в раздумье подтвердил Ларин.

Шегель возбужденно обернулся к нему.

— Но у железа нет долгоживущих радиоактивных изотопов. Значит, в геологическом смысле астероид образовался буквально сейчас!

— Возможно, — без всякого энтузиазма ответил Ларин.

Но Шегель не заметил его скептицизма.

— Но если так, Андрей Николаевич, то мы просто обязаны детально обследовать этот феномен!

— А если дело обстоит как раз наоборот? — спросил Ларин.

— Не понимаю.

— Если астероид доживает последние дни, даже часы, а его радиоактивность говорит о том, что он вот-вот взорвется?

— Но тогда мы тем более должны его обследовать! Это наш долг перед человечеством, перед наукой.

Шегель смотрел на командира с некоторым удивлением — как это он не понимает столь очевидные вещи? Лицо инженера раскраснелось, глаза блестели. Он был совсем непохож на вдумчивого, осторожного специалиста, который сидел с Лариным несколько минут назад и просил о малом, самом малом ходе.

— А если контакт с «микешей» ускорит распад астероида? Вспомним о нарушении квадратичного закона, — сказал Ларин.

— Если мы будем предельно внимательны, то уловим момент, когда нужно удирать.

«А если не уловим?» — хотел спросить Ларин, но промолчал. Однако Шегель сразу заметил колебания командира.

— Конечно, риск есть. Но радиоактивный астероид, да еще с аномальным характером ее нарастания, это же кладезь тайн! В конце концов, гамма-зондаж дал нам структуру лишь внешнего слоя. — Шегель замялся, подыскивая «сногсшибательный» аргумент.

— Может быть, в его толще скрыта атомная энергостанция или ядерный двигатель!

Ларин усмехнулся:

— Корабль коварных пришельцев, замаскированный под астероид?

— А вдруг? И почему именно коварных? Разве мало было выдвинуто проектов у нас, на Земле, которые предлагали использовать астероиды как космические станции?

— Имеем ли мы право рисковать собой и кораблем во имя этих «а вдруг»? — спросил Ларин.

— Во имя науки, Андрей Николаевич, — мягко поправил Шегель. — Да и что такое риск? Особенно для нас с вами.

Тут Шегель прав — действительно, что такое риск? И что заставляет человека рисковать? Конечно, гражданский долг, профессиональный престиж, искры восторга в глазах любимых и близких — без этих могучих подпорок немыслимо большое опасное дело. Но это не вся правда о риске. Победа! Радость ее может оценить лишь тот, кто сполна вкусил ее плоды. Разве не ради звездных минут победы люди поднимались на высочайшие горные вершины, в одиночку под парусами огибали Землю, уходили в глубины космоса? А само неуловимое счастье, разве оно не бродит где-то совсем рядом с риском, удачей и смертью?

— Андрей Николаевич! — прервал размышления командира Шегель. — Мы не можем, не имеем права упускать такой объект. — В его голосе звучали умоляющие нотки. — Это будет преступлением против науки!

— Рискнуть я согласен. Судя по всему, игра стоит свеч. Но делать это надо с головой. — На лице Ларина появилось сосредоточенное выражение. — Кораблем и нами обоими сразу рисковать глупо. Оставим «микешу» на месте. Я отправлюсь на астероид и сделаю все, что нужно.

— Вы? А я?

Легкая улыбка тронула губы Ларина.

— Ты в любом случае обогатишь свою любимую науку новыми фактами.

Шегель потемнел.

— Андрей Николаевич, вы злоупотребляете моим уважением к вам.

— Напрасно обижаешься, Орестович, — мягко сказал Ларин. — Я опытнее, старше.

— Ни за что! — взорвался Шегель. — Лучше пусть он пропадет пропадом, этот астероид!

— Может, и правда — пусть пропадет, — в раздумье проговорил Ларин, глядя в лобовое стекло на колоссальную глыбу металла, закрывающую звезды.

— Я пойду, понимаете? Я! А вы останетесь.

Ларин не ответил.

— Андрей Николаевич, — совсем тихо сказал Шегель после долгой паузы, — я прошу вас. Это несправедливо, неблагородно, в конце концов, вы все время берете риск на себя. А я уже давно не тот инженер-теоретик, которого вы когда-то взяли в напарники для испытаний «Вихря».

Из предварительного отчета экспедиции «Маяк», базовый корабль «Ригель»:

«Картину нейтрального мира наглядно можно проиллюстрировать особенностями простейшего нейтрального химического элемента — водорода.

Водород обычного мира представляет собой структуру из ядра-протона и орбитального электрона. Антиводород, синтезируемый ныне в крупных масштабах неземными станциями космического топлива, состоит из ядра-антипротона и орбитального позитрона-электрона с положительным зарядом. Простейший элемент нейтрального мира, нейтроводород, в качестве ядра имеет нейтрон, а орбитальной частицы — электрон с антинейтральным зарядом. Если вещество и антивещество аннигилируют, превращаясь в гамма-кванты, то нейтровещество может в определенных условиях сосуществовать с веществом нашего мира длительное время.

Сопоставление расчетов, выполненных на базе гипотезы Данкова — Макдональда и фактических данных вспышки, убедительно свидетельствует в пользу того, что астероид Ларина — Шегеля представлял собой монолитную глыбу нейтрожелеза, вторгнувшуюся в пределы солнечной системы...»

В массивном скафандре высшей защиты Шегель был похож на робота-антропоида, а лучше сказать — на средневекового рыцаря со щупом геолокатора вместо копья в правой руке. Он медлил.

Пожалуй, только сейчас, перед решительным шагом, который должен был отделить его от корабля и унести навстречу неведомому, Шегель понял всю глубину риска, на который шел.

В который раз за время пребывания в космосе Шегель позавидовал командиру. Как все ясно и просто Ларину! Риск, опасность — для него обыденная, будничная работа, все равно что для Шегеля расчет какой-нибудь элементарной плазменной ловушки. У Ларина и сердце бьется ровно, и ни один мускул не дрогнет на лице. А что толкает на этот риск его, Шегеля?

Конечно, служение науке — дело святое, без этого базиса он бы и дня не засиделся в космосе. А какое удовлетворение, какое торжество охватывает все твое существо, когда ты побеждаешь самого себя и шагаешь через порог, возле которого топчутся в сомнении и страхе тысячи других людей! Перед этим блекнет даже самый миг победы. Но все это не главные грани риска, не вся его правда, не вся суть. Суть — в принадлежности к когорте людей долга. Во все времена такие люди, когда перед ними вставала опасность, проблема риска, извечная проблема — быть или не быть, спрашивали себя: а почему должен кто-то другой, почему не я? И шли на рискованное дело. Одни бездумно, радостно, потому что схватки с опасностью их родная стихия. Другие с привычным хладнокровием, ибо сражение — их профессия. Третьи в сомнениях, с тяжким сердцем, оглядкой — таков уж долг их и доля, но все-таки шли! Ведь должен кто-то прокладывать тропинки в чужом краю и грудью встречать неведомое...

— Олег Орестович, готов?

Шегель вздрогнул.

— Готов, — сказал он и шагнул в странный мир, в котором не было ни верха, ни низа, в котором всюду были звезды, звезды

Рисунки Н. ГРИШИНА

и звезды. И громада астероида, тяжело вставшая перед ним. Отдалившись от корабля, инженер сбалансировал скафандр, неторопливо проверил снаряжение и сообщил:

— Все в порядке, я пошел.

— Слежу за тобой, — отозвался в телефонах голос Ларина, — желаю удачи.

Инженер дал двигателю скафандра малый ход. Раздался приглушенный свист реактивной струи, и корпус «микеши» стал медленно отплывать. Через несколько секунд Шегель вышел из тени корабля и окунулся в ослепительные потоки солнечного света.

На прозрачном шлеме скафандра вспыхнули золотистые блики. Набрав скорость четыре метра в секунду, инженер выключил двигатель и полетел по инерции. Он почти не спускал глаз со счетчика радиации. Ее уровень возрастал, все быстрее обгоняя квадратичный закон, и это беспокоило его больше всего. Но доза радиации внутри скафандра была небольшой, и до предела было еще далеко.

Изломанная поверхность астероида, искрящаяся отблесками света, разрасталась перед глазами. «Микеша» съеживался и становился игрушечным. На расстоянии десяти метров Шегель включил двигатель на торможение. Тысячетонная масса металла, изрезанная глубокими трещинами, под свист реактивной струи стеной валилась на него.

— Приземляюсь! — хрипловато сказал Шегель. Удары сердца гулко отдавались в ушах. Шегелю казалось, что Ларин должен их слышать, и ему было стыдно своего волнения.

Он вытянул ноги вперед и за мгновение до касания подал в калоши скафандра электрический ток. Мощное магнитное поле должно было помочь ему удержаться на астероиде.

А дальше все смешалось и перепуталось. Словно шмель, загудел зуммер, внутри шлема замерцали красные вспышки лампочки опасности. Ноги коснулись изломанного металла, но не удержались на нем. От полученного толчка вопреки действию магнитного поля Шегель стал медленно удаляться от астероида. Зуммер гудел все громче, это был уже не шмель, а рассерженный пчелиный рой, вспышки лампочки следовали так часто, что сливались в почти непрерывный багровый поток света. Екнуло сердце, и острый холодок заполнил грудь. Радиационная опасность. Секунды, даже их доли, решали сейчас его судьбу и судьбу корабля. Стрелки счетчиков стремительно бежали по шкалам, бесстрастно отмечая лавинообразный рост радиации. Рождался ядерный взрыв.

— Уводите корабль! — крикнул инженер, хватаясь непослушной рукой за рычаг управления двигателя скафандра.

— Включи магнитное поле, — торопливо, но раздельно приказал Ларин.

Шегель машинально повиновался и раздраженно — он уже не думал о себе — закричал:

— Да уводите же корабль!

И осекся. Гудение зуммера быстро замирало, все ленивее следовали друг за другом вспышки лампочки, стрелки счетчиков падали к норме. Пронесло! Инженер вдруг ослабел. Его тело обмякло, на лице выступил обильный пот, и струйки его неприятно защекотали шею.

— Орестович! — осторожно окликнул товарища Ларин.

Инженер закрыл глаза и откинул голову. Он собирал силы для ответа.

— Олег!! — заорал Ларин.

— Все в порядке, — негромко ответил Шегель.

В телефонах послышался такой звук, как будто бы щеткой провели по песку, — это облегченно вздохнул Ларин. Инженер встряхнул головой и перевел рычаг управления на малый ход.

— Возвращаюсь, — сообщил он.

— Торопись, — сказал Ларин после паузы, голос его звучал виновато, — радиоактивность астероида снова возрастает.

— Как! — невольно вырвалось у Шегеля.

— Довольно интенсивно, — пояснил Ларин, принявший его восклицание за вопрос.

Шегель стиснул зубы и подавил уже готовый вырваться вздох. Стук сердца снова начал отдаваться в ушах. Он до отказа подал вперед рычаг управления двигателем. Тонкий свист реактивной струи превратился в резкий вой.

Приняв на борт инженера, «микеша» несколько секунд неподвижно висел рядом с астероидом, потом корабль выбросил голубоватый сноп огня, дрогнул и, стремительно набирая скорость, начал таять среди сонма звезд.

В этот миг астероид беззвучно вспыхнул ослепительным, сжигающим пламенем, мгновенно растопив мрак доброй четверти небосвода. Мощный поток лучистой энергии обрушился на корпус корабля, запоздавшего с уходом на короткие считанные секунды. «Микешу» окутало клубящееся, сверкающее облако раскаленных газов.

Из предварительного отчета экспедиции «Маяк», базовый корабль «Ригель»:

«Нейтровещество вообще и нейтрожелезо в частности обладают спонтанной устойчивостью. Однако в окружении обычных частиц начинается постепенный переход нейтронов в протоны, а орбитальных антинейтральных частиц — в электроны. Накопление электронного заряда по поверхности такого рода тел способствует интенсификации этого процесса. Роль же особенно мощного катализатора должно играть постоянное магнитное поле, влияние которого может привести к развивающейся цепной реакции. Результатом ее является совокупное превращение нейтровещества в обычное. Процесс сопровождается постепенным разрушением кристаллической структуры и дроблением вещества до атомарного уровня с последующей рекомбинацией и более крупных единиц».

Руки начальника бригады спасателей подрагивали от волнения, когда он приставил гарпун-пистолет к запаявшемуся приборному окну жилого отсека и нажал спусковой крючок. Отдачей его кинуло назад и, если бы не страховой пояс, унесло бы от «микеши» в космос. Плазменный кумулятивный шнур прошил внешний корпус корабля, как бумагу, а по его следу в потолок жилого отсека вонзился гарпун — штырьевой микрофон с палец ребенка величиной. Нестройный деловитый хор голосов спасателей сменила первозданная мертвая тишина. Изуродованного «микешу» окутало незримое облако людских надежд, тревог и сомнений.

— Антенна! — закричал Шегель.

— Спокойно, Орестович.

— А я говорю — антенна! Ни черта это не метеорит! Антенна, пришли спасатели!

— Спокойно, Орестович, спасатели, но ты лежи спокойно. Триста рентген за раз — не шутка.

Вылизанный световой бурей корпус МИК-1 тускло, как глыба старого льда, блестел в косых лучах солнца. И право, при некоторой фантазии спасателей можно было принять за хоккеистов, которые за секунду до финального свистка забросили решающую шайбу.

АДАМ ЯРОМИН, польский писатель

КАРЬЕРА ДЖЕКОБА ПИНБЭНКА

Фантастический рассказ

Девяностолетний Джекоб Пинбэнк лежал в изоляторе и громовым голосом, который был слышен на пятьдесят метров вокруг, убеждал каждого, кто заглядывал к нему, что его, Пинбэнка, пребывание здесь — дикое недоразумение. Еще бы! Чувствует он себя превосходно (дай бог доктору такого здоровья!), а ежели кто сомневается в силе его рук, то — хо-хо! — милости просим! Колет в груди? Ерунда! Чушь собачья!

Однажды в изолятор проскользнул юноша в белом халате.

— Опять осмотр? — рявкнул Пинбэнк.

— Упаси боже, — поспешно ответил тот, пододвигая табурет к койке. — Я сказал, что довожусь вам внучатым племянником. — Он мило улыбнулся. — А вообще-то зовут меня Фред Фергюсон, но вы можете называть меня просто Фред...

— Что вам надо?

— Мне? А знаете, вы чудесно выглядите...

— Еще бы! Ха! Если б не внучка Мэри... Учтите, молодой человек, в груди у меня покалывает уже сорок лет. А мы и тогда частенько выбирались с Сэмом — дружком — на рыбалку. Июль, жарища такая, что дышать нечем. Постойте, в котором же это было году?

— Да, жарковато тогда, говорят, было, — сказал Фред, пытаясь попасть старику в тон.

— Не то что нынче! — воскликнул Пинбэнк. — Да и времена были другие...

— Вот именно! — подхватил Фред и незаметно оглянулся на дверь. — Мы тут болтаем, а ведь у меня к вам дело.

Пинбэнк подозрительно взглянул на него.

— Послушайте, вы не от внучки ли Дженни? Ничего не выйдет! Я завещание изменять не стану.

— Дженни? Нет. Другая внучка... Как, бишь, ее...

— Мэри? Милый ребенок.

— Вот, вот.

— Скверно, молодой человек. В ваши-то годы и такая никудышная память. У меня, например, память что надо! Сэм обычно говаривал: «Джек, ты мог бы стать президентом».

— Но вы еще не знаете, зачем я пришел. — Фред стал серьезным. Более того, почти торжественным. — Дело весьма деликатного свойства. И секретное.

— Секретное? На меня можете положиться. Бывало, Мэри или Дженни...

— Мистер Пинбэнк, — нетерпеливо прервал Фред, — у меня мало времени. Я вынужден быть кратким.

И, подчеркивая каждое слово движением руки, милой улыбкой, поддакивая, когда Пинбэнк вдруг прерывал его потоком воспоминаний, он изложил цель посещения.

Он был агентом небольшой фирмы, промышлявшей изготовлением и продажей близким стереоизображений усопших родственников. «Фантомов», как их обычно называли. За умеренную цену фирма заблаговременно фиксировала внешность, голос, даже характерные выражения оригинала, составляла программу для серийного домашнего видеомагнитофона, и дорогой усопший вновь оказывался пред очами безутешной родни. «Стоит только нажать кнопку! — воскликнул Фред. — С фантомом можно беседовать о политике, погоде, спорте, кухне, садоводстве и вообще практически обо всем на свете».

Казалось, сначала до Пинбэнка не доходил смысл Фредовых слов. Потом он взорвался:

— Что?! Хотите сделать из меня покойника? Вон отсюда!

Вон! Я не собираюсь помирать! — Он тяжело дышал. — На кой черт мне фантом? — Он с редкостной для его возраста прытью соскочил с кровати.

Фред ловко уклонился от удара огромного кулака, виновато улыбнулся и выскочил за дверь. В коридоре он поправил растрепавшуюся шевелюру, вынул из галстука большую булавку с искусственным бриллиантом, положил в карман, что-то покрутил в ручных часах и исчез.

Спустя пятнадцать минут он входил в кабинет, где за большим письменным столом, уставившись в окно, восседал грузный человек.

— Ну и как? — без вступлений спросил толстяк.

Фред отрицательно покачал головой.

— Не соглашается. Чуть не избил.

— Профессиональный риск, — философски заметил толстяк. — Заявись ты с таким делом ко мне в больницу, я б тебя выкинул в окно.

Фред кисло улыбнулся.

— А найдется ли кому вас оплакивать, мистер Бюрсби?

Толстяк неожиданно рассмеялся:

— Прекрасно! Ты становишься наглецом. Только будь осторожен. Так далеко не уедешь. Записал хоть разговор-то?

Фред положил на стол булавку и часы.

— Изображение и голос. Думаю, получилось недурно. Любопытный, знаете ли, субъект. Такого я еще не встречал. Через несколько дней наведаюсь к нему. Старикан оттает и даст согласие.

— Нет у тебя подхода к людям. Возьми Фрэнка. Одевается словно пастор. Беседу начинает с того, что жизнь суть миг! А потом? Больной раскисает, принимается перечислять свои грехи, и тут Фрэнк вытаскивает на свет божий бланк. И бизнес в порядке, и оправдываться не надо за то, что мы нелегально собираем информацию. Ты когда-нибудь научишься работать? Ну иди. Да, Билла не встречал? Опять, паразит, прошляпил больного. Тот лежал в больнице целую неделю и умер прежде, чем мне успели об этом сообщить. Шестеро взрослых детей! Шесть фантомов!

Спустя несколько недель, когда Фред выкладывал на стол Бюрсби заколку и часы с новой дозой информации об очередном больном, дверь резко отворилась, и в комнату влетел... Джекоб Пинбэнк.

— А, висельники! Вот вы где! — заорал он.

Фред укрылся за креслом шефа и оттуда наблюдал за развитием событий. Бюрсби снял ноги со стола, придал лицу максимально благожелательное выражение и жестом пригласил гостя садиться. Но Пинбэнк и не подумал. Он стоял посередине комнаты и, потрясая тростью, грохотал:

— Видите! Жив я! Кто же дал вам право продавать фантом моей внучке Мэри, коль я жив-живехонек?!

— Не понимаю, в чем дело, — начал Бюрсби, избирая самую подходящую в такой ситуации тактику: оттянуть время, чтобы подумать.

— А я говорю, мне до могилы — как отсюда до полюса! — продолжал кричать Пинбэнк, и было видно, что объяснений он начнет требовать не раньше, чем как следует разрядится. — Возвращаюсь из больницы, а тут звонит Мэри: «Дедуся, не навестишь нас?» Ну, я поехал. Сижу себе в гостиной, Мэри хлопочет на кухне. Дай, думаю, включу видео. И что же? Я чуть не спятил. Нажимаю кнопку, глядь, а в углу комнаты сижу я сам! «Что за черт, — думаю, — без моего согласия?» Этот тип вытаращился на меня, я на него. Довольно глупо так вот сидеть самому против себя, ну я и говорю: «Отличная нынче погода». А он: «Раньше-то было потеплее. Да и времена были другие». Точно сказал, это уж верно. Спрашиваю: «Ну, что там у вас слышно?» А он: «Дескать, в груди немного покалывает, но это пустяки». «Э, — думаю, — умом-то ты не вышел, повторяешь как попка все, что я в больнице говорил...» Я уже раньше допёхал, что тогда, в больнице, этот ваш гусь лапчатый обвел меня... А ведь, казалось, такой приятный молодой человек... М-да, болтаем мы с этим типом словно ни в чем не бывало, наконец он ляпнул какую-то глупость, и я отчитал его за милую душу. И что, вы думаете, он ответил? Говорит: «Мой друг Сэм всегда утверждал, что с такой головой я мог бы стать президентом». Ну, это меня доконало. Я сказал себе, что должен разыскать мерзавцев, то бишь вас, и высказать им все, что о них думаю. А теперь я вас спрашиваю: кто разрешил вам продавать фантом? Я же жив! И по какому праву вы сделали фантом без моего согласия? А? По судам затаскаю! С сумой по миру пущу!

Бюрсби спокойно выслушал тираду старика, потом извлек из стола бутылку, две рюмки, приказал Фреду глазами, чтобы тот выматывался поскорее, и повторил жест, приглашающий гостя сесть.

Пинбэнк, уже немного успокоившийся, сел по другую сторону стола, до дна осушил рюмку и продолжал:

— Я не против фантомов. Уж если по-современному, то по-современному, в конце концов, я не такая уж старая дубина, за какую вы меня принимаете. Мир движется вперед, я понимаю, а как же. Но, господа, зачем же халтурить? Моя бедная внучка гробит такие деньги, а вы подсовываете ей заваль!

Бюрсби почувствовал, что настает его черед.

— Согласен, — начал он, — признаю: мои люди в этом деле не безгрешны, и тот парень, что несколько раз щелкнул скрытой камерой, будет примерно наказан. Но зачем же так категорически обвинять его? Мы работаем не ради денег... Ну, возможно, я не совсем точно выразился — не только ради денег. Мы служим людям. Знаем, как хрупка жизнь человеческая. Знаем, что, покидая нас, дорогой нам человек оставляет стенающих, безутешных родственников. Кто же им поможет, кто утешит, если не мы? Жизнь человеческая, увы, не вечна. Смерть приходит нежданно-негаданно, словно враг из-за угла. Кто ее упредит? — Бюрсби задал вопрос и тут же нашел нужный ответ: — Мы! Мы знали, что у вас есть любящая внучка, сиротка, нашедшая приют под вашим кровом. Неужели мы могли примириться с тем, что она навсегда потеряет вас?

Пинбэнк явно оттаивал. Он выпил вторую рюмку и проворчал себе под нос: «Бедное дитя...» Но на этом излияния, которые приготовил для него Бюрсби, не кончились.

— Что же касается ваших замечаний относительно качества нашей продукции, то тут вы правы на сто процентов.

Однако позволю себе спросить: а нет ли в этом хотя бы доли вашей вины? Вы не согласились на изготовление фантома, и нашему человеку пришлось работать в условиях воистину неблагодарных. Поэтому он получил весьма отрывочные и... хм... односторонне освещающие вас данные. А дай вы согласие, мы гарантировали бы товар наивысшего качества.

Джекоб Пинбэнк хотел что-то сказать, но Бюрсби опередил его:

— Знаю, знаю. Вы хотите спросить, по какому праву ваш фантом оказался у вашей внучки, коль вы живы? Это противозаконно, не спорю. Здесь нам оправдываться нечем. Недосмотр! И наш сотрудник ответит за это. Фирма уже отказалась от его услуг...

Пинбэнк оттаял вконец.

— Хорошо, — сказал он, подавляя вздох. — Я не подам на вас в суд. Но деньги внучке извольте вернуть, и немедленно... Хотя нет... Сделайте-ка мне хороший фантом. Пусть у Мэри останется память обо мне.

Бюрсби не заставил себя упрашивать. Через минуту в комнате появились двое в белых халатах. А еще через час, когда Пинбэнка обсняли со всех сторон, записали голос, пение, даже игру на гитаре, сотрудник фирмы отвез его на машине домой.

Бюрсби тем временем вызвал к себе Фреда Фергюсона.

— Фергюсон, — Бюрсби редко обращался к своим людям по фамилии, — иди в кассу, получай что причитается и выматывайся отсюда ко всем чертям!

Казалось бы, на этом история с Пинбэнком заканчивается. Но нет.

Через несколько лет, в течение которых фирма Бюрсби не сказать чтобы очень преуспевала, но существовала в общем неплохо, так как человеческие чувства суть неисчерпаемая золотоносная жила (на среднюю семью приходилось уже по два фантома с хвостиком), в кабинет шефа вошел сравнительно молодой человек, наш добрый знакомый Фред Фергюсон. Отлично скроенный костюм, сшитая по специальной мерке сорочка, изумительной красоты галстук. Самоуверенное выражение лица недвусмысленно говорило о том, что этому человеку в жизни повезло. Увидев его, Бюрсби невольно встал.

— Мистер Бюрсби, если не ошибаюсь? — спросил Фред Фергюсон и, окончательно смутив этим бывшего шефа, удобно развалился в кресле. Закурил толстую сигару, сверкнув перстнем с настоящим бриллиантом и выпуская колечки дыма, наблюдал, какое впечатление производит все это на Бюрсби.

— Фред! Дружище! Как дела? Ты не подавал признаков жизни, словно забыл о человеке, который был чуть ли не вторым твоим отцом! — воскликнул Бюрсби, немного придя в себя.

Ни теплота приветственных восклицаний, ни некоторое несогласие их с фактами не выбили Фреда из колеи.

— Да так, побродил по свету, — ответил он, не вдаваясь в детали. — Кажется, старый Пинбэнк преставился?

— О да. Уже два года. И только это привело тебя ко мне?

— Допустим. Я хочу купить его фантом. У вас наверняка в архиве есть кассета с программой.

— Хорошо, хорошо. Об этом потом. Как твои дела?

— Джордж, ты слышал о Роке Эвансе?

Бюрсби проглотил пилюлю («Джордж!») с лучезарной улыбкой.

— Что за вопрос! Временами и я посиживаю у телевизора.

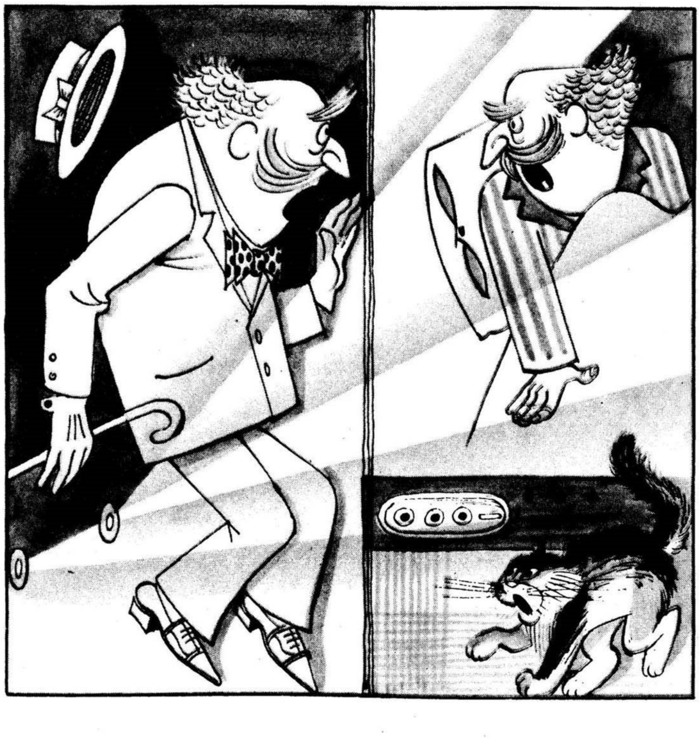
— Так вот, Рок Эванс недавно скончался от прободения желудка. А перед этим согласился, чтобы мы сделали его фантом. Я нашел небольшую мастерскую и начал делать деньги. На сегодня уже продал пять тысяч фантомов Рока, и в кармане у меня заказы еще на сто. Сто тысяч. Кому из поклонников не захочется иметь в доме собственного идола? Себестоимость продукции невысокая — мы пользуемся только одной записью. Я купил эту мастерскую, нанял людей, открыл два филиала, а в планах у меня еще тридцать. Сейчас мой человек сидит в Голливуде и подписывает контракты с самыми знаменитыми звездами. У меня кредит на десять миллионов, я выпустил сто тысяч акций.

Фред делал вид, что не замечает, какое впечатление производят его слова на бывшего хозяина, и спокойно продолжал:

— Да, Джордж. Я питаю нежность к старичку. Ему я обязан тем, что ушел от тебя и обрел самостоятельность. Я хотел бы приобрести его на память.

— Минутку... — Бюрсби почесал голову и наконец начал кое-что соображать. — Так ты хозяин фирмы «Фантом стар»?

— Эге, — спокойно ответил Фергюсон, выпуская облачко



Рисунки В. ВИКТОРОВА

ароматного дыма. — По некоторым соображениям я не хотел афишировать свое имя. Ну так как? Договорились?

На этот раз Бюрсби не выдержал.

— Подумать только, я тоже купил фантом Эванса. Дочке на рождество... Мой бывший агент... Невероятно! Нет, Фред, скажу честно: я не продам старика.

— Твое дело. Смотри только не прогадай. Через несколько лет ты будешь у меня директором какого-нибудь маленького филиала. Я тебя прикончу. Расправлю крылья, приглашу специалистов. Они сделают мне несколько типовых программ, и мы будем выпускать дражайших покойничков с конвейера. Хочешь удержаться, делая фантомы по заказу? По две-три штуки? Ну крепись, старик!

Фред Фергюсон погасил сигару и вышел легким шагом преуспевающего человека.

Джекоб Пинбэнк сидел, удобно устроившись в кресле между камином и торшером, и рассказывал одну из своих историй. Мэри листала женский иллюстрированный журнал, ее муж смотрел спортивную передачу. Дети занимались своими делами. Никто не обращал внимания на почтенного дедушку и прадедушку. Обычный вечер после трудового дня в типичной семье со средним достатком.

Кто-то позвонил, и в комнату вошел молодой человек с симпатичной внешностью. Представившись агентом фирмы «Фантом стар», он поздоровался, спросил дедушку чуть слышно, получил ответ, что летом некогда было теплее, а зимой холоднее, и сообщил о цели своего прихода.

— Я представляю некую особу, которая пожелала сохранить инкогнито. Мы хотели бы купить у вас этот фантом. Цена не имеет значения...

Прошло двадцать лет. Мир настолько продвинулся по пути прогресса, насколько это возможно в век генетической инженерии, антигравитации, межзвездных полетов, электронных денег и фантомов. «Фантом стар» и несколько других фирм совместными усилиями довели количество фантомов в среднем до 6,8 штуки на семью. Фред Фергюсон стал одним из наиболее влиятельных людей в стране. Джордж Бюрсби занимал пост директора одного из второстепенных филиалов фирмы, вот-вот должен был выйти на пенсию и без конца повторял всем вокруг: «Фред Фергюсон! Посмотрите на него. Шишка! А почему? Потому что я научил его делать дела». Один Джекоб Пинбэнк не постарел ни на йоту. Между двумя нажатиями кнопки он сидел в кабинете шефа корпорации «Фантом стар» на одиннадцатом этаже фирменного небоскреба.

Фантомы! Чего бы стоил мир без фантомов! Сколько слез осушили «Фантом стар», «Юнайтед фантом корпорейшн», «Фантом де люкс» и другие крупные фирмы, не говоря о более мелких. Семья возвращается с похорон, и — о радость! — в квартире их ожидает тот, с кем они только что распрощались, — жизнерадостный и остроумный. Фирмы работали на славу: фантомы никогда не ныли, не жаловались на болезни, судьбу и повышение цен. С серийным фантомом даже человек с университетским дипломом мог беседовать полные пятнадцать минут и не соскучиться.

Разумеется, были и недовольные, но когда их недоставало?

Один литературный ежеквартальник, например, писал: «Смерть лишили ее пристойности. В цивилизации суррогатов придумали даже суррогат жизни и сотворили из него товар, рекламируемый так, словно это новейший стиральный порошок. Наша цивилизация превратила человека в обыкновенную вещь».

А некая газета писала:

«Может быть, еще не поздно. Пока в каждом из нас тлеют остатки того, что мы именуем моралью, задумаемся...»

Впрочем, тремя полосами дальше с фотографии во всю колонку на читателей смотрели молодцеватые старичок со старушкой, а буквы под фотографией вопрошали: «Ты хочешь нас потерять?»

Тем временем Джекоб Пинбэнк стал истинным украшением кабинета Фреда Фергюсона. И не только украшением. Шеф корпорации любил повторять: «Я частенько советуюсь с Пинбэнком. Он дает массу дельных указаний. Ничто так не требуется в нашем деле, как здравый рассудок, а этого добра у старичка вдосталь». И неудивительно: Пинбэнк работал на индивидуальной и сложной программе. С десяток программистов трудились над ней несколько месяцев.

Фергюсон говаривал также: «Порой мне кажется, что это мой дедушка. Увы, мой любимый дедушка скончался еще до изобретения фантомов».

В такие моменты слушатели молчали, тем самым выражая уважение к чужим чувствам.

Однажды руководитель отдела рекламы предложил показывать Пинбэнка в телевизионных рекламных передачах. Сначала Фергюсон чуть было не выкинул его за дверь, но, поразмыслив, согласился. И теперь Джекоб Пинбэнк несколько раз в неделю появлялся в квартире каждой семьи...

Отсюда только шаг до всеобщей популярности. И действительно, уже через несколько недель на рынке появились носки «Пинбэнк», теплые кальсоны «Дядюшка Пинбэнк», «Пин» — автомобили, «Бэнк» — шляпы, пиво «Старик Джек» и десятка иных «пин»- и «бэнк»-товаров.

Во время предвыборной кампании один из еженедельников напечатал на обложке: «НАШ КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ — ДЖЕКОБ ПИНБЭНК!!! ГОЛОСУЙТЕ ЗА ПИНБЭНКА!!!» Это был апогей славы! Правда, еженедельник оказался сатирическим, но все же...

Разумеется, и на банкете, который устроила фирма «Фантом стар» по случаю двадцатилетия своего основания, Джекоба Пинбэнка не могло не быть. Ему отвели почетное место по правую руку шефа, и Пинбэнк произнес краткую речь, глубоко запавшую в души присутствующих.

— Я всегда был человеком простым и нечестолюбивым, — сказал он. — Заслуга фирмы «Фантом стар» в том, что я нахожусь здесь, с вами, и — я не стыжусь в этом признаться — что я добился успеха, о каком мечтают многие смертные. Так пусть же небо ниспошлет ей тысячи лет процветания!

Конец речи потонул в бурных аплодисментах.

Жаль только, что Джекоб Пинбэнк их не слышал.

Сокращенный перевод с польского
Е. ВАЙСБРОТА

ВЛАДИМИР РЫБИН

Рисунок Н. ГРИШИНА

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР

Научно-фантастический рассказ

— Послушай, — спросил Андреев, — разве ты не помнишь о Серой планете?

Он смотрел на закат, и лицо его оставалось бесстрастным. Солнечный диск плющился на синей кромке морского горизонта. Над Солнцем, над опаловой грядой редких облаков в зеленоватом небе нежилась Венера. Выше и правее ее холодно поблескивал искусственный спутник Космического научного центра. Трубы лифта, ведущего к нему, не было видно, и казалось, что спутник висит сам по себе, ничем не связанный с Землей.

Бритт усмехнулся. Он слишком хорошо знал своего друга, чтобы за маской бесстрастия не разглядеть волнения.

— Может, и помню.

— Там были записаны сказки о пришельцах.

— Ну и что?

— Одна очень любопытная.

— Они все любопытные. На Се-

рой планете кого только не было. Фантазеры уверяют, что эти сказки дали больше знаний о мироздании, чем все межзвездные экспедиции.

— Вот-вот. Там есть одна очень любопытная, — повторил Андреев. — «Они пришли ниоткуда». Так она начинается...

— Ты все о том же, — засмеялся Бритт. — Но я при чем? Мое дело — «микро», а не «макро».

— Кто знает, где кончается «микро» и начинается «макро».

— М-да, — с ироничным глубокомыслием протянул Бритт. — Тебе бы в писатели. А язык науки — холодная логика.

— Два минуса образуют плюс, — тотчас подхватил Андреев. — При определенных условиях все переходит в свою противоположность...

— Брось. Давай лучше пройдемся. Этот парк отлично лечит нервы.

Они пошли по неширокой тропе, пестрой от первой осенней листвы. Вдали за рядами кипарисов синело море. Тропа бежала по пологому склону и была как нить Ариадны, от которой не оторваться. Она ныряла в сумрачные туннели влажных зарослей, за которыми открывались вдруг теплые бронзовые сосны на солнечных и сухих дюнах. Потом начинались можжевельники, темными кипами раскиданные на ослепительно зеленых лужайках. Можжевельники сменялись огромными разноцветными валунами, лежавшими на чистой траве, похожими на сказочные придорожные камни-ведуны. Тропа обегала эти камни и круто поворачивала к невидимой прежде рощице березок, настолько ослепительно белых, что и в пасмурную погоду путник невольно поднимал глаза к небу, ища Солнце. Еще дальше березки расступались, и за сухой порослью полян вставало перед глазами златоглавое чудо невесть каких давних времен — старорусская церковь. Посреди поля стояла перед церковью одинокая старая береза, придавленная собственной тяжестью, покрытая серыми наростами коры, устало шевелила свесившимися до самой земли длинными своими косами. И снова шла веселая пестрота южных зарослей. Печальные ливанские кедры тянули к путнику длинные руки своих ветвей. Альпийские луга стлались под ноги на пологих склонах. Террасами сбегали сады к светлому морю, слившемуся с небом...

Мало кто в Космическом научном центре знал имя ландшафтного архитектора, создавшего этот парк. Перед ответственными докладами и экспериментами, как и после них, все любили приходить сюда, чтобы хоть немного побродить по тихим тропам, обрести покой. Именно здесь, не в межпланетном, а в земном уединении зародилось большинство идей, которыми гордился научный центр.

Андреев и Бритт, два давних друга и недавних противника, молча шли рядом и думали каждый о своем. Много лет дела, которыми они занимались, почти не соприкасались между собой. Одного интересовало рождение и умирание звездных систем, другого — рождение и умирание элементарной материи, таких сверхмикрочастиц, для которых одна-единственная земная секунда была вечностью.

— Ну как, отдышался? — спросил Бритт, когда они подошли к очередному камню, перегородившему тропу.

— Это же роковая величина — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра! — с неожиданной страстью откликнулся Андреев, и Бритт пожалел, что снова заговорил об этом. — Ты скажешь: «поколения физиков мечтали о проникновении в эту величину». Как же мы любопытны! А ведь теория утверждает, что на таких сверхмалых расстояниях гравитация уже не гравитация, кванты — не кванты и скорость света совсем иная. Никого не смущает предположение, что там, в неведомом сверхмикромире, смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных систем!..

Андреев хлопнул ладонью по камню и сердитый повернулся к Бритту.

— Смы-ка-ют-ся! А для некоторых это пустой звук, всего лишь термин. Почему даже Великий Космос не создает частиц такой энергии, которые могли бы дробить кванты пространства-времени? Молчишь? И правильно, что молчишь! Квант пространства-времени — это, возможно, дверь в иной мир. Нельзя взламывать запретную дверь!

— Почему «запретную»?

— Был в древности такой поэт — Брюсов. Знаешь, как он писал? Прочесть?

— Давай.

— ...быть может, каждый
атом —
Вселенная, где сто планет:
Там — все, что здесь, в объеме
сжатом,
Но также то, чего здесь нет.
Их меры малы, но все та же
Их бесконечность...

— Это из области так называемой научной фантастики, — усмехнулся Бритт.

— Фантастики? — воскликнул Андреев. — А как ты понимаешь слова Ленина о неисчерпаемости электрона?.. Хорошая будет фантастика, если кто-то из другого пространства возьмет да взорвет нашу вселенную?!.

— До сих пор не взорвали.

— Мы знаем, что было вчера, но не можем знать, что будет завтра.

Бритт пожал плечами. Он решительно не понимал своего друга. Появилась возможность узнать то, к чему люди стремились веками. И теперь, на пороге, может быть, великого открытия, остановиться? Разве это возможно? Не он, так другой попытается заглянуть за запретный предел — теоретический минимум, равный десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра. Возможно, что это и небезопасно. Но кого и когда останавливала неведомая опасность? Скорее она влекла. Сколько раз было в истории — сначала шагнут, а потом оглядывается. Но, может, именно в этой безоглядной решимости суть всего прогресса науки?..

— Я не могу отказаться от опыта на основании мифических доводов, — сказал Бритт.

— Но ведь на Серую планету являлись существа из другого пространства-времени?

— Это не доказано.

— Доказано, что все их сказки — правда.

— И правду можно понимать по-разному.

Андреев сердито посмотрел на него и вдруг, махнув рукой, пошел прочь. Остановился поодаль, оглянулся, сказал приглушенно:

— Я приму свои меры!..

«Что ему далась эта Серая?» — подумал Бритт, оставшись в одиночестве. И стал вспоминать все, что знал о ней. Это была красивейшая из планет, когда-либо открытых космоплавателями. Командир первой экспедиции, возвратившись на Землю и не желая привлекать к ней внимание фанатиков дальних дорог, назвал ее в отчете Серой. Найденную в космосе «жемчужину» скрыть не удалось, но первое название намертво приросло к ней. Было в этом что-то от игривого характера землян, любящих во всем видеть недоразгаданное, второй смысл.

Как тогда же выяснили зем-

ляне, Серая планета приглянулась не только им. Там обнаружились следы многих неведомых экспедиций, и это заставило Космический совет принять специальное решение, закрывающее планету для экскурсантов, одиночек-путешественников и тех, кто желал переселиться на нее. Решение это вызвало бурю. Но следующая же экспедиция подтвердила его правильность: Серая оказалась своеобразным вселенским заповедником, давнишним местом встреч цивилизаций, «нейтральной» планетой, где в особых условиях красоты, тепла, доброжелательности, цивилизации прощупывали взаимные симпатии и антипатии.

Аборигены, приветливые, необыкновенно доверчивые существа, настолько привыкли к пришельцам, что по-детски сердились, когда их долго не было. Полудикие с точки зрения землян, они обладали удивительной способностью наследовать не только физиологические признаки, но и память. Они помнили все, что случалось на планете за тысячи лет, вводя земных филологов в настоящий экстаз.

Бритт вынул карманный телефон, набрал код научного центра и сказал включившемуся на связь автомату-библиотекарю:

— Найдите сказку Серой планеты, которая начинается словами «Они пришли ниоткуда». Прочитайте мне ее.

Он положил коробку телефона на камень, отошел по тропе и стал ждать. Несколько секунд было тихо. Потом послышался мелодичный сигнал начала передачи и зазвучал спокойный бесстрастный голос автомата. В сгустившихся сумерках коробку не было видно, и казалось, что это говорит сам камень.

«Они пришли ниоткуда. В ту ночь обезумело небо, звезды порхали, как птицы, угасая и вспыхивая, свиваясь в клубки и распадаясь, покрываясь пеплом, подобно углям в остывающем костре. И падала с высоты тьма, густая, как кисель, и огонь становился синим, фиолетовым и совсем черным, необжигающим. В ту ночь и появились среди нас многорукие существа с добрыми большими глазами. Их было много у каждого костра. Смеясь, мы отталкивали их, но они были как тени, которые невозможно прогнать, ползли к огню и проходили сквозь него, словно сами были частицами огня.

То была ночь не страха, а радости. Страх пришел потом, когда они исчезли и мы остались наедине со своими воспоминаниями. А в ту ночь мы играли как дети, не сознающие опасности, словно мы и они были одного корня.

Когда остановились звезды, прекратив сумасшедший танец, и в свой черед пришел рассвет, мы увидели, что многорукие ушли, не оставив никаких следов. Кто были эти странные существа? Этого не знал и самый мудрый из нас. Они пришли ниоткуда и ушли в никуда».

— Дальше? — спросил Бритт, когда голос умолк.

— Это все, — ответил автомат.

Выключив связь, Бритт сунул коробку в карман и зачем-то потрогал то место, где она лежала. Камень был холоден. На его гладких, отполированных многими ладонями боках виднелись веселые надписи, сделанные карманным резаком. С одной стороны было написано: «Иди налево, не ходи направо», с другой — «Иди направо, не ходи налево»...

На другой день он вошел в кабину космического лифта и увидел там своего друга.

— Погибать так вместе? — засмеялся Бритт, радуясь Андрееву и недоумевая по поводу его появления здесь.

— Я получил разрешение... — Андреев замялся на миг, — присутствовать на твоем опыте.

Бритт усмехнулся, сразу поняв причину его заминки. Ясно было, что Андрееву просто не хотелось произносить слово «контролировать». Ведь присутствующие на опыте имеют доступ к заветному красному клавишу, которым можно в любой момент прервать опыт.

— Что ж, — сказал он, — давай присутствуй...

И замолчал надолго, свыкаясь с ускорением.

Лифт, похожий на ракету времен первопроходцев Космоса, мчался в вакууме трубы, подгоняемый магнитными импульсами. Это удивительное сооружение создавалось в свое время специально для связи с Космическим научным центром и представляло собой многоканальную башню, уходящую в заатмосферные просторы к орбитам искусственных спутников. Да и сама эта башня была наполовину спутником, держась одним концом за Землю, другим за массивную громаду Космического города.

Впоследствии Труба, как попростому называли ученые эту башню-лифт, приобрела много других назначений. К ее промежуточным платформам стали швартоваться небольшие межпланетные грузопассажирские корабли, совершающие каботажные рейсы по солнечной системе. С появлением Трубы выяснилось, что она позарез нужна представителям чуть ли не всех профессий, прежде и не помышлявших о заоблачных далях. К Трубе прицепились Дома творчества писателей, художников, композиторов, ищущих уединения и философской близости к звездам. На ней, словно почки, выросли мелкие астрономические обсерватории, филиалы некоторых промышленных предприятий, санатории, больницы, туристские кемпинги.

Но настоящим бедствием стали экскурсанты. Их беспокойные толпы круглые сутки толкались на многочисленных смотровых площадках. На Трубе праздновались встречи друзей и окончания работ, к ней шли просто потому, что хорошее настроение, и потому, что плохое...

Совсем утонув в глубоком кресле, Бритт косил глазами на своего друга, сидевшего рядом, и, как всегда, весело посмеивался. Андреев был настроен не столь оптимистично. Он мучился тем, что не смог убедить друга. Теперь он был почти уверен, что вторжение в иное пространство-время не может остаться без последствий и для этого пространства-времени. Ведь не случайно же теория предполагает такую возможность на сверхмалых расстояниях, равных теоретическому пределу — десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра, — смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных скоплений. Законы природы едины для микрочастиц и для галактик. Можем ли мы сказать, что знаем все законы? А если действительно между микро и макро существует прямая связь? Вдруг одно способно переходить в другое? Вдруг, взломав запретную дверь, мы нарушим равновесие в нашем пространстве-времени?!

И в то же время Андреева мучило прямо противоположное. В глубине души он не мог не согласиться со своим другом: наука есть наука, ее бог — опыт, а не предчувствия. Душевные смуты, какими бы серьезными они ни казались, нельзя принимать за аргумент. Мало ли почему мучается душа, эта вечная загадка, эта так до конца и не понятая наукой субстанция...

На высоте пятидесяти километров сплошная труба кончилась, и зачастила перед глазами решетка арматуры, в которой

скользила капсула лифта. Отсюда хорошо был виден весь Космический центр — это очередное восьмое чудо света, — державшийся на конце круто изогнувшейся черточки Трубы. Космический научный центр походил на велосипедное колесо. Такое миниатюрное издали, это «колесико» имело восьмикилометровый диаметр. Во внешнем ободе располагалась магнитная система главного ускорителя. Спицы были соединительными туннелями, а массивный шар в центре — целым небоскребом, в котором размещались лаборатории.

— Все еще сомневаешься? — спросил Бритт, когда изнуряющая тяжесть ускорения отпустила их.

— Все сомневаюсь.

Бритт усмехнулся и стал смотреть на звезды, горевшие, казалось, совсем рядом. Потом снова навалилась тяжесть, тяжесть торможения, и они молчали до самого Космического городка. Выбравшись из герметической кабины, сразу же пересели в небольшой двухместный вагончик, старательно привязались, чтобы ненароком не выпасть на поворотах, — в условиях невесомости тоже можно было набить себе шишек, — и помчались по длинным коридорам и соединительным туннелям.

Центральный пульт управления ускорителем размещался в небольшом овальном помещении, одну стену которого целиком занимал блеклый экран, напоминавший отгороженное невидимой пленкой пространство, заполненное густым туманом. Перед экраном полукругом стояло несколько кресел с разноцветными клавишами на подлокотниках. По существу, это был пульт управления электронной системой, контролировавшей работу ускорителя.

Оживленный предстоящим опытом, Бритт метался от переборки к переборке и непрерывно балагурил:

— Давай, давай, присутствуй. Хорошо, что есть кресла, а то ведь тут можно и вовсе без них. Система отлично обошлась бы без нас с тобой, ей только прикажи... Чего ты такой беспокойный? Сидел бы дома со своей Мартой. Как она там? Я уже год обещаю ей букет из венерианских оранжерей. Вот закончу это дело и полечу на Венеру. Так и передай...

Словно ненароком он наткнулся на кресло, в котором сидел Андреев, охая, склонился над ним и незаметно отключил его от Системы управления.

— Вот теперь начнем, — засмеялся Бритт, перебрался в свое кресло и затих там, совсем скрытый высокой спинкой.

Электронная система и верно могла самостоятельно провести любой опыт. Она хорошо «знала», чего хотят ученые, все, представлявшее интерес, фотографировала и тут же с необходимыми увеличением и замедлением показывала на экране. И, как в объемном кино, проходили перед исследователями процессы рождения и умирания микрочастиц.

Всякий раз, когда исчезал «туман» в глубине экрана и яркими звездами вспыхивало черное пространство, Андреев чувствовал странный озноб. Он никак не мог научиться бесстрастно, без первобытной жути в душе смотреть на эту картину неведомых катаклизмов. Неподвижные голограммы его обычно не волновали, но то, что показывала электронная система, учитывавшая способности человеческого восприятия, это не только утоляло научный интерес, это тревожило. Чужое, показанное как свое, наводило на размышления о неизвестных тайнах мироздания, скрытых в микромире, о многослойности пространств. И сказка Серой планеты о существах, пришедших ниоткуда, в правдивости которой не приходилось сомневаться, укрепляла его предположения.

Некоторое время ускоритель работал бесшумно. Потом невесть откуда послышался тонкий зудящий звук, и Андреев, насторожившись, подвинул руку к красному клавишу на подлокотнике, прислушался.

Бегущие по экрану звездочки вдруг заспешили, и частые соударения микрочастиц стали напоминать вспыхивающие и гаснущие огоньки. В выносном пульте электронной системы что-то сердито защелкало, и звездочки на экране успокоились, задвигались солидно и важно, как в замедленной съемке. Но экран при этом странно углубился, края его растворились, распались на части, словно тому миру рождавшихся новых частиц было тесно в очерченном для них пространстве.

«Хватит!» — подумал Андреев и нажал на красный клавиш. Но ничего не изменилось. Пульт снова сердито щелкал, но свист не прерывался, он уже переходил в рев, достигая такой силы, что болели уши.

Андреев снова и снова бил по красному клавишу, с ужасом наблюдая, как растворяются, исчезают рамки экрана. Казалось, что рождение и умирание частиц происходит уже повсюду — и над головой, и под ногами.

— Выключи! — крикнул он и не услышал своего голоса.

А уж не только края экрана, но и стены начали растворяться, и там, где они были, заискрились, заметались в черной пустоте скопища не то микрочастиц, не то звездных скоплений.

Андреев вспомнил фразу из сказки насчет того, как «обезумело небо, и звезды запорхали, как птицы, угасая и вспыхивая». И подумал, что перед ним что-то очень похожее, и оттолкнулся от кресла, чтобы добраться до этого оптимиста Бритта. Но неожиданно его кинуло куда-то в сторону, прямо в эти скопища звезд, и застлало глаза непроницаемой тьмой, и сдавило головокружением и тошнотой.

И вдруг все вернулось на свои места. Снова вырисовались стены, и экран очертился знакомыми рамками, и на нем, как вначале, рождались и умирали мириады неведомых частиц.

— Ну вот, а ты боялся, — весело сказал Бритт.

Отстегнувшись от кресла, он встал, потянулся и, легонько оттолкнувшись, важно полетел к дальней переборке, к большому овальному иллюминатору.

— Завтра отправлюсь на Венеру, а ты посиди пока, поанализируй, что мы тут получили...

И вдруг он глухо вскрикнул. Было в его голосе что-то заставившее Андреева насторожиться. Сильно оттолкнувшись, он перелетел к иллюминатору, больно ударился о прозрачный купол, но боли даже и не почувствовал: то, что увидел, заставило похолодеть. Странным оранжевым отсветом поблескивало кольцо ускорителя, но ни научного центра, ни Трубы, ни самой Земли не было. Вокруг, сколько охватывал взгляд, простиралось бесконечное черное небо, усыпанное незнакомыми созвездиями. Задыхаясь от сдавившего душу ужаса, Андреев кинулся к другой переборке, где тоже был иллюминатор, но и за ним была все та же чужая межзвездная пустота.

— Ничего, ничего, — успокаивал его Бритт. — Мы с тобой сделали такое открытие!

Андреев не отвечал. Слепая надежда Бритта — это было все, оставшееся им на двоих. Самые великие открытия — ничто, если они не отданы людям. Но как отдашь, как вернешься из этого чужого мира, если не знаешь, как сюда попал?!

СЕРАЯ РЫСЬ ИЗ ПЛЕМЕНИ ЧЕРНОКАМЕННЫХ

...Вдали, на границе солнечного восхода, высятся горы, вершины которых большую часть года скрывают серые тучи или белые облака. Там, в горах, осенью и зимой дождь льет от рассвета до рассвета. Раз в два дня вспученная от избытка влаги туча отрывается от горной вершины и медленно закрывает небо над долиной, восточный край которой упирается в горы, а западный и северный — в извилистую широкую, но мелководную к концу лета Слоновую реку. Туча, пришедшая с гор, обрушивает потоки воды в долину, покрытую густыми зарослями сосен, чайного и воскового деревьев, переплетенных лианами. Струи дождя напоминают стебли молодого бамбука. Ручьи, бегущие с гор, в эту пору переливаются через русла и заболачивают лесную долину. Сквозь плотную крону деревьев не пробиваются лучи солнца, они не могут своим жаром высушить травяной покров у подножия деревьев. В душном, стесненном жарой воздухе земля, трава, листья и ветви источают зловоние. В хлюпающей под ногами буро-зеленой жиже ползают ядовитые змеи, плодятся мириады москитов. Люди обходят стороной лесные тропы, устраивают свои жилища на сваях где-нибудь на открытом месте долины либо на горном склоне.

Обширна долина, но у нее есть неизбежный предел — та черта, отмеченная природными знаками, за которой начинаются чужие просторы. Здесь, в долине, полноправными хозяевами являются дети Духа Черного камня. За крутой извилиной Слоновой реки на севере и остроконечным утесом в горной гряде на востоке живут люди племени Пятнистого оленя. За рекой на запад — земли племени Белого тигра, а далеко на юг, где лес становится труднопроходимым и куда дети Духа Черного камня не рискуют заходить, по слухам, обитает малочисленное, низкорослое, но свирепое, воинственное племя чернокожих детей Духа Темного леса.

Для детей Духа Черного камня мир ограничен этими пределами, но и он столь велик, что его не обойдешь быстрым шагом за срок, равный двум десяткам рождений нового дня. И если охотник, преследуя раненого оленя, отсутствует три десятка рожденных дней, все пять родов племени считают его ушедшим в страну мертвых и неожиданное возвращение пропавшего воспринимают с ужасом. Десять солнц и столько же лун вернувшийся проводит в уединении среди гряды черных камней. И если ничего не случится за это время в племени, если никто не погибнет от укуса змеи или острых зубов тигра, никто не умрет, колдун приводит вернувшегося в свой род.

Человек, оказавшийся за пределами территорий своего племени, лишается поддержки своих соплеменников, поддержки духов-покровителей, духов-предков. Он беззащитен перед чужими и может стать легкой добычей зверей и людей. Обычно покинувший свою землю обречен. И не было страшнее наказания ни у детей Духа Черного камня, ни у их соседей, чем изгнание из племени.

Пять родов составляли племя детей Черного камня, или Чернокаменных, как их называли люди племени Белого тигра, с которыми не раз приходилось вступать в сражения из-за угодий для ловли рыбы на Слоновой реке. У каждого рода был свой участок, где стояли в дождливый сезон жилища на сваях, свои охотничьи тропы и излюбленные места рыбной ловли на Слоновой реке и маленьких речушках. Однако при появлении бродячего стада слонов все мужчины племени объединялись и устраивали общую охоту, отбивали от стада двух-трех молодых животных, оттесняя их к берегу Слоновой реки, где в топком месте были давным-давно сделаны огромные ямы-ловушки.

Все пять родов Чернокаменных были связаны друг с другом по браку. Так, род Серого камня отдавал своих мужчин в мужья женщинам рода Бурого камня, а охотники Бурого камня вступали в брак с женщинами Белого камня. Мужчины Белого камня женились на женщинах Зеленого камня, а из рода Зеленого камня уходили, когда наступал брачный возраст, в род Желтого камня. Мужчины же

Рисунки Н. ГРИШИНА

из рода Желтого камня брали в жены девушек только из рода Серого камня. Принадлежность к роду определялась по матери. Мужчина, вступая в брак, который преследовал единственную цель — рождение потомства, переходил жить в род своей жены, но оставался членом своего рода, и его охраняли родные духи, ему оказывали помощь и защищали сородичи.

Жизнь Чернокаменных проходила по извечно заведенному порядку. Весной и летом охотники добывали мясную пищу, значительную часть которой надо было высушить, провялить на солнце впрок.

Пока мужчины охотились или рыбачили, женщины и дети собирали съедобные коренья, плоды, личинки насекомых, яйца птиц. Что-то также запасали на будущее. Но ни вяленого мяса, ни рыбы, ни кореньев не хватало на весь период дождей, и нужда заставляла мужчин уходить искать пропитание.

Вооружившись бамбуковым копьем с каменным наконечником, ножом с лезвием из раковин, охотники покидали свайную постройку и уходили в сумрачный простор. В сезон дождей на охоту выходили все, кто мог двигаться, кто мог держать копье. Всю добычу распределял старейшина рода, оделяя всех равной долей.

В один из таких дней у третьей дочери старшей женщины рода Зеленого камня родился мальчик. По обычаю, ему дали имя Второй. Так его должны были звать десять и два сезона дождей, пока старейшины после испытаний не дадут ему того имени, которое он заслужит.

Второй был худеньким мальчиком. Когда сверстники устраивали шумную возню или кидали палки, чтобы помериться силой, он обычно стоял в стороне и смотрел. Смотрел и думал, почему легкая бамбуковая палка летит ближе, а тяжелая деревянная дальше, если их бросить с одинаковой силой. Он смотрел и думал о ветре, который, когда дует со спины, помогает бросающему, когда же дует в лицо, мешает. Он знал больше, чем его сверстники, различных знамений, которые предвещают ветер, дождь, ясный день. Лучше, чем некоторые взрослые, он научился распознавать, какие травы, коренья, плоды можно есть, а какие могут отнять жизнь на время или навсегда. Когда вместе с женщинами мальчики ходили на сбор съедобных растений и насекомых, Второй чаще других находил самые крупные клубни таро или ямса, а однажды он принес серые, похожие на яйца муравьев семена не известного никому ни в роде, ни в племени растения. Он нашел их на берегу Слоновой реки. Растения с острыми тонкими листьями и множеством мелких стручков, в которых лежали серые семена, выступали над поверхностью небольшой лужи, оставшейся после разлива реки. Второй попробовал одно семя. Оно было безвкусно, но не противно. Попробовал еще и еще. Подождал. Его не тошнило. «Значит, семена не ядовитые», — подумал Второй и понес горсть семян домой. Мать рассказала о находке старейшине, и тот не осудил Второго. В племени Чернокаменных никогда не хватало пищи.

Мать Второго бросила в кипящую воду семена, принесенные сыном. Они разбухли и стали больше. Получилась кашица, которую можно было есть. Второй показал, где он нашел семена, и все стали собирать их.

...Долина с изначальных времен была долиной Чернокаменных. Все, что летало над ней, что ползало или бегало по ней, что росло на ней или пряталось в ней, принадлежало Чернокаменным. Если кто-либо из племени Белого тигра (а они чаще других нарушали древний обычай) появлялся на земле Чернокаменных, ему грозила смерть. Раньше, как говорили старцы, народу было меньше, а дичи больше, и очень редко люди чужого племени появлялись на землях других племен. Но вот уже несколько сезонов дождей происходят весной и летом стычки между охотниками соседних племен. Гибнут охотники, уходят в страну мертвых, и меньше приносят добычи оставшиеся в живых, а в каждом из пяти родов растут дети, которые станут матерями и охотниками, если они получат пищу, и которых заберут духи камней в страну мертвых, если у них не будет еды.

Происходящее беспокоило старших и старейшин еще и потому, что убийство члена племени требует отмщения, и вместо охоты на слонов или носорогов сородичи убитого охотятся на людей соседнего племени. Старейшина рода Зеленого камня, которого почитают все пять родов как самого старого и мудрого человека, на трех последних собраниях племени убеждал всех прекратить охоту за людьми, которой не знали предки, и договориться с соседями о возмещении убытков. Но все три раза Серая Ящерица — главный колдун Чернокаменных — доказывал собравшимся, ссылаясь на свои видения, что духи жаждут отмщения. А колдуна боялись...

Наступил день, когда Второго вместе со сверстниками старейшина стал готовить к жизни мужчины — добытчика пищи и защитника рода. Проходило много времени от восхода до захода солнца, проходили ночи и дни. Охотники уходили в дождь за добычей, а Второй со своими сверстниками должен был запоминать все, что говорил сам старейшина, передавая историю рода и его традиции. Жил он теперь в большой хижине, «мужском доме».

Мальчикам предстояло пройти два испытания. Первое показывало, какими они будут охотниками. Получив настоящее копье и настоящий нож, мальчики должны были с рассветом уйти в любом направлении от «мужского дома» и, пока солнце не скроется, не исчезнет в западной стороне, принести добычу. Если кто-то пришел с пустыми руками, испытание его будет повторено на следующий день — и так до пяти раз. Не было случая, чтобы юный охотник за установленный срок не принес никакой добычи, но старшие говорили, что после пяти неудач посвящение откладывается на следующую весну. Не выдержавший испытания все это время исполняет самую плохую работу, а в новый сезон дождей получает самое плохое место в «мужском доме». Над ним смеются, его дразнят мальчики, которые младше его. Целый год мать не разговаривает с неудачником, и чувство позора гложет его сердце.

Когда Второму дали копье и нож и по сигналу старейшины с первым лучом солнца мальчики побежали в разные стороны, он уверенно двинулся к Слоновой реке, к ее северной излучине. В прошлые годы Второй обратил внимание, что там всегда много следов пятнистых оленей. Солнце только что появилось из-за гор, и лучи его еще не так сильно обжигали голое тело. Как и все мальчики и мужчины в племени Чернокаменных, весной и летом Второй носил только сплетенную из древесного волокна набедренную повязку. Бежать было легко и свободно.

Зоркие глаза разглядели впереди какие-то серые точки, медленно движущиеся от реки в долину. Выбирая дорогу под прикрытием кустов, Второй ускорил бег. Вот он уже различает легкие переплетения рогов оленей. Упав на землю, мальчик ползет, прислушиваясь к собственному шороху, определяя направление ветра. Второй замер. Дальше нельзя ползти к оленьему стаду. Ветер дует в ту сторону, и олени почуют человека. Второй приподнялся, чтобы выбрать обходной путь, и чуть не вскрикнул

от неожиданности — у самого берега реки виднелось небольшое стадо слонов. Спокойно жевавшие траву олени вдруг встрепенулись и помчались на мальчика. Он успел прицелиться и метнуть копье в олененка, тот упал, а все стадо на миг остановилось, затем сделало разворот и понеслось к горам. Второй подошел к убитому оленю. Вот он и выполнил первое задание. Рука потянулась к древку копья, а до слуха долетело рычание. Только тогда увидел Второй, что стадо преследовала рысь. Увлеченный погоней, хищник вначале не обратил внимания на человека. Теперь же он несся к мальчику и его добыче.

Второй сильнее рванул копье. Оно не поддавалось. В отчаянии Второй оглянулся и вдруг крикнул, подражая крику слона, зовущего на помощь. От реки раздался трубный звук и послышался топот. Рысь, приготовившаяся к прыжку, замерла, поджала хвост и медленно начала отходить к долине. Появившиеся три слона, задрав хоботы, пронеслись мимо мальчика, отгоняя хищника.

Закинув тушу убитого олененка на плечи, Второй быстро пошел в обратный путь. К селению он подошел задолго до захода солнца и положил свою добычу у входа в «мужской дом» и, не отвечая на расспросы, сразу же уснул. Он проспал до следующего утра.

Охотники, которые ходили по следам мальчиков, чтобы подтвердить их рассказы, разобрались во всем, что случилось со Вторым, и подивились его смелости и отваге.

Теперь предстояло второе — главное — испытание, которое проверяло душу будущего мужчины. Мальчиков напоили дурманящим напитком из трав и кореньев и отправили разными тропами в глубь священной рощи. Всю ночь мальчики должны провести в одиночестве под сенью священных деревьев.

Напиток туманит голову, роща наполняется странными голосами, зловещим и таинственным шумом. Чудятся тени духов, клыкастые звери, огромные змеи. Страх захватывает сердце, рука исступленно сжимает единственное оружие — нож с лезвием из раковины. Вокруг рощи на ночь расположились взрослые сородичи, чтобы не дать слабым духом убежать в селение. Кто не выдержит испытания, того ждет вечный позор. Он никогда не получит мужского прозвища и потеряет детскую кличку. У него не будет и родового имени. Он перестанет считаться членом рода, и никогда ему не выделят пищи. Его не изгонят с территории племени, но все равно, оставшись один на один со всеми стихиями земли и неба, он погибнет, и никто не проводит дух его в страну мертвых. Страшная участь ждала труса, и мальчики, кусая до крови губы, старались победить страх, оставшись один на один с ночными видениями священной рощи.

Второй вошел в мрачную темноту. Кто-то промелькнул впереди и грузно рухнул в стороне от тропы. Где-то блеснули свирепые глаза. В голове шумело. Движения стали неуверенными, ноги не слушались. Шатаясь, Второй шел дальше, и нижние ветви деревьев били его по лицу. Протяжный крик, полный отчаяния, раздался в вышине. Мальчик сделал резкий шаг в сторону, оступился о корягу и полетел вниз. Подняться он уже не мог. Сон одолевал его. Казалось, что рысь прыгает ему на спину. Нужно повернуться и нанести удар ножом, но ничего не выходит. И вновь видение: от реки мчатся слоны, вот они приближаются к нему, и их морды становятся рысьими. Огромная пасть готова проглотить Второго, он вскакивает и замахивается ножом. Видение исчезает, опять приходит забытье.

Утром его нашли спящим под поваленной сосной. С трудом Второй вспомнил ночные сны, и старейшина дал ему прозвание Серая Рысь. Охотник, который сопровождал мальчика в рощу, на правом плече сделал ножом насечки, напоминающие когти рыси.

Пришла пора проводить совет племени. К гряде черных камней собирались старейшины родов, старцы и старейшие женщины.

Много Чернокаменных собралось на Большой совет, и вновь старейшина рода Зеленого камня говорил о пагубности кровавой вражды с соседями, особенно с племенем Белого тигра. Вновь старейшина предлагал найти иной путь, чтобы прекратить вторжение чужих за добычей на землю Чернокаменных, иной способ возмещать ущерб, а не охотиться за людьми.

Когда смолкли одобрительные возгласы, над собравшимися прогремел голос колдуна. Он заставил прекратить шум и прислушаться к брошенным зло и надменно своим словам. В них были оскорбления старейшине и угрозы всему племени. Колдун гремел раковинными браслетами, подпрыгивал и крутился.

Вдруг колдун замер. Упал на землю и приложил ухо к подножию валуна. На лице появилась и исчезла улыбка, рот широко раскрылся от удивления, и, быстро вскочив, колдун воздел руки к солнцу и крикнул: «Духи говорят мне — прав сказавший прежде!»

Прошло четыре сезона дождей, как Серая Рысь стал взрослым. Скоро ему надлежало отправиться в род Желтого камня — взять себе жену. Но для этого он должен принести самой старшей женщине шкуру какого-нибудь зверя, чтобы она поверила в него как в охотника-добытчика.

Был разгар лета. Серая Рысь вместе с другими охотниками рода Желтого камня охотился на оленей на северном краю долины.

Серая Рысь приметил в стаде самого упитанного оленя, и, когда, окружив стадо, охотники стали подкрадываться, он пополз прямо на выбранную добычу. Олень бросил щипать траву, приподнял голову, как бы прислушиваясь. Серая Рысь не дополз на нужное расстояние и поторопился метнуть копье, которое лишь ранило оленя. Он встрепенулся и помчался к Слоновой реке, увлекая все стадо. Охотники, стоявшие на пути, успели свалить трех оленей, но остальные проскочили.

Серая Рысь бросился вдогонку — он был виноват в том, что облава не удалась. Юноша, подхватив свое копье, бежал не оглядываясь. Он не видел, что поспешившие за ним охотники отстали. Он видел кровь на тропе и был уверен, что догонит раненого зверя.

В охотничьем азарте Серая Рысь бросился в воды Слоновой реки, куда устремились олени, и вслед за ними оказался на другом берегу, на земле племени Белого тигра. Нужно было повернуть назад, чтобы не стать жертвой чужеплеменников, но раненый олень был совсем близко, он еле волочил ноги, и его можно было схватить или добить. Серая Рысь метнул копье, и в тот же миг петля из пеньковой веревки перехватила его тело. Юноша упал и потерял сознание.

Очнулся он в незнакомой хижине, со связанными руками и ногами. Серая Рысь попытался поднять голову и громко застонал от невыносимой боли. На его стон в хижину вошел мальчик. В колене бамбука он принес воду и дал попить Серой Рыси. Чернокаменный попробовал заговорить с мальчиком, но ребенок из племени Белого тигра не понял его слов. Мальчик, захватив бамбуковый сосуд, вышел из хижины. Затем были слышны удаляющиеся от хижины шаги.

Вскоре в хижину вошел почтенный старец. На обоих плечах его

были насечки, подобные тем, которые были на правом плече Серой Рыси.

Старец развязал путы на ногах и руках юноши, сел на корточки и жестом показал, чтобы Серая Рысь присел рядом. А потом, дотронувшись до его правого плеча, спросил на языке Чернокаменных:

— Почему у тебя, чужеплеменник, такой знак Духа?

Серая Рысь подробно рассказал об обычаях своего племени, о поисках прозвища. Старец слушал внимательно, не перебивая. В глубоких иссиня-черных глазах Серой Рыси старец видел притаившийся страх. За жизнь юноши не могли заступиться духи, так как они не имели силы на земле племени Белого тигра. С юношей охотники хотели разделаться еще на берегу реки, но, когда старший из них увидел знак когтей рыси, он отвел занесенное копье. В племени Белого тигра старейшины решили подождать, когда юноша придет в сознание, и выведать, почему у чужеплеменника знак, похожий на знак Духа Тигра.

Серая Рысь кончил и пристально смотрел в лицо старца, пытаясь угадать его мысли, узнать свою участь. Юноша ничего не видел, кроме глубокой усталости и жалости в помутневших от времени глазах. И тут как будто что-то напомнило ему Большой совет племени у гряды черных камней. Да, такими же были глаза у старейшины рода Зеленого камня, когда колдун Серая Ящерица выкрикивал угрозы.

Юноша торопливо, боясь, что старик уйдет, не узнав о решении Большого совета, рассказал о пути, одобренном Духом Черного камня. Глаза старца оживились. Он быстро поднялся: «Пойдем, чужеплеменник, но помни, тебя убьют, если ты попытаешься бежать». Старик привел Серую Рысь к большому дому, перед которым толпились мужчины и женщины, старики и дети. Перед входом в дом высился огромный столб, вершина которого была вырезана в виде тигриной морды. Вокруг него сидели на корточках старейшины родов.

Серая Рысь прислушивался к голосам, но ничего не понимал. Он осмотрелся, перехватывая любопытные взгляды собравшихся.

Наконец старец громко, чтобы слышали все пришедшие к большому дому, что-то сказал. Затем, повернувшись к Серой Рыси, заговорил на языке Чернокаменных:

— Чужеплеменник, старейшины многих родов племени Белого тигра поверили в справедливость пути, который показал твой Дух Черного камня. Но ты на три раза по десять дней останешься здесь. Ты пройдешь испытание — выпьешь кровь горной курицы и станешь на время членом моего рода, рода Черного кабана. Если за эти дни, пока тебе будут покровительствовать наши духи, никто из нашего племени, случайно оказавшийся на том берегу Слоновой реки, не будет убит, ты уйдешь к своим, и мы будем исполнять волю пути жизни, а не смерти при встрече людей племени Белого тигра и племени Духа Черного камня. Если кто-то из моих соплеменников погибнет, значит, ты сказал ложь и станешь жертвой Духа Белого тигра!

Юноша согласился. Он был уверен в мудрости старейшины рода Зеленого камня и верил, что его соплеменники пойдут путем жизни.

Три десятка дней и ночей юноша провел в роде Черного кабана, ходил на охоту с новыми сородичами и не думал о том, что его участь может неожиданно измениться. Старец же все три десятка дней внимательно слушал рассказы охотников, тревожился, когда кто-либо долго не возвращался из прибрежных районов, от Слоновой реки. Старец отмечал зарубками прошедшие дни, Серая Рысь же, пораженный многими удивительными вещами у тигриного племени, старался изучить чужой язык и принять увиденное.

Особенно юношу поразило то, что люди тигриного племени на тех местах, где приток Слоновой реки по весне оставляет неглубокие, но большие лужи, бросают в земляное дно зерна когда-то найденного им растения, чтобы по прошествии трех-четырех новых лун из них выросли большие растения и много-много новых зерен. Он увидел, что люди тигриного племени каменными топорами сносят участки леса, сжигают его, рыхлят землю острыми концами твердых палок и в ямку прячут маленькие клубни ямса, чтобы затем собрать в той же ямке уже пять-шесть клубней.

Серая Рысь не знал, что первые два десятка дней грозный колдун племени Духа Черного камня призывал к отмщению, доказывал, что юноша был убит тигриным племенем вероломно и безжалостно. С трудом старейшине рода Зеленого камня удалось остановить охотников, готовых было пойти на земли племени Белого тигра и возобновить охоту на людей.

Прошли три десятка дней и ночей, и Серая Рысь отправился домой. До берега Слоновой реки его провожал старец из рода Черного кабана и несколько мужчин, с которыми он последнее время ходил на охоту или корчевал пни на земле, предназначенной для клубней ямса.

Солнце стояло высоко в зените, когда они подошли к берегу. Видимо, в горах прошли дожди — вода поднялась значительно выше обычного и скрыла брод. Пришлось Серой Рыси переправляться на свой берег вплавь. Когда юноша вышел на берег и оглянулся, то увидел на том берегу старца, охотников, стоявших с приветственно поднятыми копьями. Юноша поднял копье и громко крикнул на языке тигриного племени пожелание удачной охоты.

Перед закатом солнца Серая Рысь подошел к своему селению. Он не был дома столько дней, сколько движется тень человека в страну мертвых. Он шел к хижине старейшины, и все, кто попадался ему навстречу, в страхе закрывали лицо руками, исчезали в кустах и за стенами строений. Люди боялись его, как боятся приходящих из страны мертвых в сновидениях или бреду. Старейшина вышел из хижины и узнал юношу. Он поднял руку, и юноша остановился на расстоянии от него. Знаками старейшина приказал юноше следовать за ним к зеленому валуну в священной роще и потребовал, чтобы Серая Рысь ранил свою руку ножом и обагрил кровью камень. Юноша сделал так, как велел старейшина. Густые капли крови упали на валун. Нет, не призрачная тень, а человек вернулся в свой род через более чем три десятка дней и ночей.

Серая Рысь много дней по обычаям рода провел один в священной роще. Много раз его навещал старейшина и подолгу расспрашивал обо всем, что юноша увидел в тигрином племени. Особенно интересовало старейшину закапывание в землю семян и клубней ямса. Если можно будет получить из одного семени два раза по десять, а из одного клубня пять или шесть клубней на участке земли, который можно сделать около селения, значит, вечная угроза голодной смерти станет много меньше.

Рассказ юноши заставил старейшину рода Зеленого камня угово-

рить сородичей снести каменными топорами часть леса и воткнуть в землю, смешанную с золой, клубни ямса.

Серая Рысь еще не имел права вернуться в селение, и эту малопонятную работу провели без него. Наконец настал день, когда старейшина, получив согласие колдуна, позволил юноше вернуться к родным хижинам.

Много перемен произошло в родном племени за это время, равное двум рождениям, расцветам и затуханиям луны. Чернокаменные не только зарыли в землю клубни ямса, но и зерна, похожие на муравьиные яйца. Серая Рысь видел ровные ряды зеленых стеблей на земле, очищенной от леса, — это клубни ямса давали ростки. Серая Рысь видел над поверхностью прибрежных луж острые листья растения, когда-то найденного им и зерна которого после варки становятся кащицей, способной утолить голод. На земле Чернокаменных, как узнал Серая Рысь, появлялись люди тигриного племени, и их старец, умевший говорить на языке племени Духа Черного камня, подолгу беседовал со старейшиной рода Зеленого камня.

Жизнь текла в отмеренном временем ритме, и настал день, когда со шкурой той огромной пятнистой рыси, которая чуть не пресекла дорогу жизни, он отправился к старой женщине рода Желтого камня и выбрал девушку себе в жены.

Теперь он ходил на охоту, рубил каменным топором лес, чтобы сделать чистым участок земли и воткнуть в землю клубни ямса вместе с людьми рода Желтого камня. Достигнув возраста четырех десятков сезонов дождей, Серая Рысь вернулся в родной род Зеленого камня, оставив своих детей, трех мальчиков и одну девочку, по обычаю предков в роде Желтого камня.

Когда пришел день и на охотничьей тропе духи схватили дыхание жизни Серой Рыси, он сам ушел в страну мертвых.

Тело его сородичи положили в сосновую колоду, которую опустили в глубокую яму. Рядом с телом — каменное копье и нож, в ногах поставили керамическую чашу и чашу с зернами, похожими на муравьиные яйца. По обычаям племени Духа Черного камня через один сезон эту яму раскопали. Вынули кости, белевшие на солнечном свету, сложили в большой глиняный сосуд и закопали его у подножия гор, что стояли на краю долины.

I am WOOD

ГОРАЦИЙ ГОЛД,
американский писатель

ВОПРОС ФОРМЫ

Фантастическая повесть

Резкий звонок телефона врезался в сон Гилроя. Не размыкая тесно сжатых век, репортер перевернулся на другой бок и втиснул ухо поглубже в подушку. Но телефон продолжал трезвонить.

Гилрой резко сорвал с аппарата трубку и не очень-то деликатно изложил свое мнение о людях, способных разбудить уставшего репортера в четыре утра.

— Я здесь ни при чем, — ответил замявшийся было на секунду редактор. — Ты же сам заварил эту кашу... Так вот... нашли еще одного, как их бишь...

Остатки сна мгновенно улетучились.

— Еще одного кататоника?!

— Да. Час назад. На углу Йорк-авеню и Девяносто первой. Сейчас он в «Мемориале» под наблюдением... Хочешь знать, что я думаю, Гилрой?

— Что?

— Я думаю, что ты просто фантазер. Эти твои кататоники в лучшем случае всего лишь заурядные бродяги, допившиеся, наверное, до зеленых чертиков. И больше чем на заметку из четырех строк они не потянут.

Гилрой уже соскочил с постели и свободной рукой натягивал на себя одежду.

— Нет, — сказал он уверенно. — Бродяги-то они бродяги, но дело не в этом... Слушайте... Черт побери, что вас задержало до утра?!

Голос редактора зазвучал недовольно:

— Все этот старик Тальбот. Ему же завтра семьдесят шесть. Пришлось тут настряпать коечто...

— И вы тратите столько времени, чтобы разукрасить этого гангстера, вымогателя и...

— Спокойно, спокойно, Гилрой, — предостерегающе прервал редактор. — Ему принадлежит половина акций нашей газеты. Да и не так уж часто он нас тревожит.

— Ну ладно, все равно он скоро загнется. Вы меня сможете встретить в больнице, когда закончите?

— В такую-то погоду? — редактор помолчал, обдумывая решение. — Не знаю, право... Но если ты думаешь, что здесь пахнет чем-то из ряда вон выходящим... А, черт с ним... Хорошо. До встречи!

На улице было холодно и пустынно. Черный снег таял и превращался в слякоть. Гилрой запахнул пальто и зашагал к Гринвич-авеню. Очень высокий и невероятно худой, он напоминал унылого аиста, высматривающего рыбешку. Но уныния он не чувствовал. Напротив, был счастлив, как только может быть счастлив человек, предположение которого вдруг начало подтверждаться конкретными фактами.

Хлюпая по слякоти, он вздрогнул, подумав о кататонике, который, должно быть, пролежал в ней несколько часов, пока его не нашли и не доставили в больницу. Вот бедняга! А первого из них просто приняли за пьяного, пока полицейский не заметил хирургическую повязку на шее.

Администрация «Мемориала» заявила, что это были больные, сбежавшие после операций на мозге, и что они — кататоники. Допустим, но... кататоники не способны ходить...

Поэтому Гилрой даже не удивился, когда не нашлось ни одной больницы и ни одного частного хирурга, заявивших о побеге больных после операции.

Три кататоника за месяц! Гилрой покачал головой. Настоящая загадка. Нет, сбежать они никак не могли, они физически не были в состоянии совершить побег... А откуда у них взялись аккуратные хирургические разрезы на шее, профессионально зашитые двумя швами и профессионально перевязанные? Разрезы совершенно свежие... Гилрой придавал особое значение тому, что все трое были плохо одеты и страдали легкой формой истощения. Но в чем же подоплека? Он пожал плечами...

Вконец уставший, промокший до ниточки, он вынул из кармана удостоверение и показал его девушке, сидевшей за столом в приемной.

— О, газетчик! Что, у нас опять какая-нибудь сенсация?

— Ничего особенного, — ответил Гилрой небрежно. — Какого-то бродягу нашли на углу Йорк и Девяносто первой. Он что, в палате наверху?

Девушка посмотрела в журнал и кивнула.

Выйдя из лифта, Гилрой уверенно зашагал по длинному белому коридору. У входа в палату он столкнулся с редактором.

Дежурный врач искоса посмотрел, когда они бесшумно вклинились в круг практикантов, обступивших кровать. Кататоника раздели и растерли спиртом. Мышцы его были расслаблены, глаза прикрыты, челюсть отвисла. На шее была видна темная полоска от удаленного пластыря.

— Кататоник, док? — тихо спросил репортер.

— Кто вы такой? — резко выпалил доктор.

— Гилрой... «Морнинг пост».

Доктор снова посмотрел на лежащего на кровати человека.

— Кататоник, несомненно. Никаких признаков алкоголя или наркотиков. Легкое истощение.

Гилрой деликатно отпихнул локтями практикантов и пробрался поближе к врачу.

— Но инсулиновый шок ведь не дал результатов?.. Впрочем, этого и следовало ожидать.

— Почему? — удивленно спросил доктор. — При кататонии он почти всегда эффективен... По крайней мере, на время.

— Но в данном случае шок не дал никакого результата, не так ли? — стоял на своем Гилрой.

— Да, — сказал доктор тихо, словно признавая поражение.

Рисунки Е. ШУКАЕВА

— О чем вы? — спросил редактор. — И что такое кататония? Паралич?

— Это нарушение двигательной сферы при шизофрении — охранительное торможение, которое трансформируется в психическую болезнь, тяжелую и трудноизлечимую.

— Но в таких случаях имеет место постепенная дегенерация личности, — вставил Гилрой. — Задолго до наступления полного умственного вырождения — нарастающее психическое оскудение, бредовые идеи, галлюцинации... И если своевременно болезнь не распознать — роковой исход неизбежен. Непрерывно прогрессирующее расстройство мышления кончается полным безумием.

Редактор был удивлен:

— Почему же инсулиновый шок должен вывести его из такого состояния?

— Да потому, что инсулин резко снижает содержание сахара в крови и вызывает шок. Внезапный сахарный голод выбивает кататоника из состояния пассивности, — ответил доктор.

— Верно, — ответил Гилрой. — Вот это-то и подтверждает, что в данном случае мы имеем дело не с кататонией! Перед нами что-то очень похожее на кататонию... Думаю, что это паралич.

— Вызванный чем? — спросил доктор.

— Это уж вы должны знать, чем. Я не медик. А что вы скажете о разрезе на шее?

— Чепуха! От разреза до двигательного нерва добрая четверть дюйма. Он здесь ни при чем.

— Вы ошибаетесь, док, — тихо сказал Гилрой. — Разрез под затылком очень даже при чем, а кататонию нельзя вызвать хирургическим путем. Она может быть вызвана повреждением двигательной сферы, но процесс дегенерации в таком случае будет развиваться очень медленно. И кататоники не способны ходить. Этого человека умышленно бросили на улице, так же как и других.

— Похоже, что ты прав, Гилрой, — заметил редактор. — Что-то здесь не то. И у всех троих одинаковые разрезы?

— Абсолютно. На одном и том же месте: под самым затылком, налево от позвоночного столба. Видели ли вы когда-нибудь более беспомощного человека? Ну как, по-вашему, смог бы он удрать из больницы?

Доктор отпустил практикантов.

— Не вижу никакого мотива. Все трое истощены, плохо одеты, жили, судя по всему, в полной нищете. Кому бы понадобилось расправляться с ними?

— Да при чем здесь расправа или месть! Над ними ведь могли экспериментировать.

— Ради чего?

Гилрой изучающе посмотрел на доктора.

— У вас нет никаких предположений?

— Никаких.

Попрощавшись, репортер направился к двери.

— Пошли, шеф. Попросим Мосса подкинуть нам теорийку.

— Доктора Мосса вы здесь не найдете, — ответил врач. — Сегодня ночью он не дежурит, а завтра, по-моему, увольняется из больницы.

Гилрой сделал стойку.

— Мосс... увольняется из больницы! Слышали, шеф? Мосс — диктатор, эксплуататор и мерзавец. Но он, наверное, лучший хирург в Штатах. Нет, подумать только, вокруг нас творятся такие дела, а вы тратите время на то, чтобы приукрасить преступную жизнь старика Тальбота!

Вуд подошел к дверям агентства по найму рабочей силы. Безо всякой надежды он читал сделанные мелом надписи на доске. Эта контора набирала промышленных рабочих, а он и на заводе-то никогда не был. Единственное, на что он мог рассчитывать, — место ученика обойщика за десять долларов в неделю. Но ему уже тридцать два года! Да за устройство на работу нужно заплатить пять долларов.

Он огорченно отвернулся, ощупывая в кармане три последних десятицентовика.

— Что, приятель, не нашел ничего подходящего?

— Ничего, — устало ответил Вуд, даже не посмотрев на человека, задавшего вопрос.

Вынув из кармана газету, он еще раз пробежал ее глазами, прежде чем бросить на тротуар: больше он газет покупать не будет, поскольку выглядит так, что по объявлениям лучше не ходить. Но мысли его никак не могли оторваться от статьи Гилроя. Журналист описал ужасы кататонии... Что ж, кататоников хоть кормят и дают им приют. Интересно, можно ли симулировать эту болезнь?

Человек, задавший вопрос, продолжал разглядывать Вуда.

— В колледже небось учился?

— Что, все еще заметно? — зло спросил Вуд.

— А то нет? Образованного за милю видать.

Рот Вуда скривился в усмешке.

— Приятно слышать. Образование, должно быть, просвечивает сквозь мои лохмотья.

— Чего ты прешься сюда со своим образованием? Оно здесь ни к чему. Им нужны такие, как я, — побольше мускулов и поменьше мозгов.

Вуд внимательно осмотрел собеседника. Тот был слишком хорошо одет и слишком себе на уме, чтобы долго обивать пороги в поисках работы. Весьма возможно, что его только что уволили и он ищет себе компаньона. Таких Вуд уже встречал. Глаза жесткие, как у волка. У волка, привыкшего обирать безработных.

— Вот что, — холодно сказал Вуд. — С меня взятки гладки. В кармане всего лишь тридцать центов.

— Я не слепой, — спокойно ответил незнакомец. — Я тебя насквозь вижу.

— Так что тебе нужно в таком случае? — раздраженно выпалил Вуд.

Его незваный друг нетерпеливо махнул рукой.

— Брось огрызаться. Меня сегодня не взяли на работу, потому что там нужен человек с дипломом. Семьдесят пять долларов в месяц, стол и жилье. Один доктор ищет себе лаборанта. У меня потому и сорвалось, что диплома нет.

— Сочувствую тебе, — сказал Вуд, отворачиваясь.

— Но у тебя же есть диплом. Хочешь попробовать? Тебе это обойдется в первую недельную зарплату — моя доля. Понял?..

— В медицине я полный профан. Я был экспертом по шифрам в конторе биржевого маклера, пока у людей были еще деньги, чтобы покупать акции.

— Медицину тебе знать не обязательно. Все, что там требуется, — диплом, голова и немного мускулов.

Вуд замер на месте.

— Врешь ведь?!

— Верняк. Но слушай, я не хочу туда идти впустую и получить от ворот поворот. Я тебя спрошу то же самое, что у меня там спрашивали.

При одной мысли о возможной работе Вуд забыл о всякой осторожности. Он еще раз пощупал три монеты в кармане. Их хватит на пару бутербродов с чашкой кофе или на кровать в грязной ночлежке. Д-да, два раза скудно поесть и спать на сыром мартовском ветру или найти ночлег на одну ночь, но спать голодным...

— Ну, спрашивай, — сказал он решительно.

— Родня есть?

— Седьмая вода на киселе в штате Мэн.

— Друзья?

— Близких нет.

Вуд впился глазами в лицо незнакомца:

— Что значат эти вопросы? При чем мои друзья и родственники?..

— Просто так, — торопливо ответил тот. — Дело в том, что эта работа связана с поездками. Хозяину не нужен человек, за которым будет тащиться жена и который станет писать длинные письма, да еще в рабочее время. Понял?

Вуд ничего не понял. Объяснение звучало на редкость неубедительно, но он думал лишь о семидесяти пяти долларах в месяц, о жилье и еде.

Сидя в вагоне метро, Вуд старался не замечать пассажиров. Он спрятал ноги под сиденье, чтобы не было видно полуоторванную подметку... Ну и вид у него! Разве такого на работу возьмут? Но этот тип рискнул все же потратиться ради него на метро.

Они поднялись по ступенькам к двери старого дома. Вуд еле подавил желание убежать: он был почти уверен в очередном отказе.

— Не отставай, — буркнул незнакомец.

Вуд весь напрягся, когда тот позвонил в дверь.

На пороге стоял человек одного с ним возраста, среднего роста и очень толстый. На нем был белый лабораторный фартук.

— Опять ты?

— Нашел вам человека с дипломом, — ответил настойчивый знакомец Вуда.

Вуд испытал унижение, когда острый взгляд толстяка окинул измятую грязную одежду и брезгливо остановился на его длинных всклокоченных волосах, на изможденном небритом лице. Вот-вот сейчас он скажет: «Такой не подойдет».

Но толстяк отпихнул ногой красивую овчарку колли и широко распахнул дверь. Ошеломленный, Вуд проследовал в небольшой холл. Чтобы произвести впечатление человека доброго, он наклонился и потрепал собаку за уши. Потом толстяк ввел их в гостиную.

— Как зовут? — спросил он безучастно.

Ответ застрял у Вуда в горле. Он откашлялся.

— Вуд, — сказал он наконец.

— Родственники есть?

Вуд отрицательно покачал головой.

— Друзья?

— Нет.

— Что за диплом?

— Колумбийский университет. Точные науки.

Выражение лица толстяка не изменилось. Он сунул руку в карман и вынул бумажник.

— Как вы договорились с этим человеком?

— Ему причитается моя первая получка.

Вуд молча наблюдал, как несколько зеленых бумажек перешли из рук в руки.

— Можно мне умыться и побриться, доктор? — спросил он.

— Я не доктор, — ответил толстяк. — Меня зовут Кларенс. Просто Кларенс, без «мистер».

Он резко обернулся к незнакомцу, следящему за их разговором.

— Ты еще здесь?

Спутник Вуда попятился к двери.

— Стало быть, — сказал он, — обоим нам обломилось, а, Вуд?

Вуд улыбнулся и радостно кивнул. Нотки иронии в жестком голосе незнакомца прошли мимо его внимания.

— Я покажу вашу комнату. Она наверху, — сказал Кларенс, когда деловой партнер Вуда ушел. — Там, кажется, и бритва есть.

Они снова вышли в холл, колли следовала за ними по пятам. Над столом свисала лампочка без абажура. Драный ковер закрывал пол. Узкие ступеньки винтовой лестницы вели на следующий этаж. Помещение было запущенным и унылым, но у Вуда как-то сместилось понятие о роскоши.

— Подождите здесь, пока я позвоню, — сказал Кларенс и исчез в комнате напротив лестницы. Вуд погладил дружелюбно ворчавшую собаку. Через стенку до него доносился голос Кларенса.

— Хэлло, Мосс?.. Пинеро привел человека. Вроде подходящий... Колумбийский... Судя по виду, ни цента... Сообщить Тальботу, чтобы завтра приехал?.. В какое время?.. Хорошо...

Вуд услышал, как Кларенс положил трубку и снял ее снова.

— Мосс? Это же знаменитый хирург, директор больницы «Мемориал». Да, но в этой статье о кататониках был какой-то намек на причины его внезапного ухода из больницы.

— Хэлло, Тальбот! — послышался голос Кларенса. — Приезжайте завтра в полдень. Мосс обещает к этому времени все подготовить... Не волнуйтесь. На этот раз мы действуем наверняка...

Имя Тальбота показалось Вуду тоже знакомым. «Должно быть, это тот самый Тальбот, о котором писала «Морнинг пост», — семидесятишестилетний филантроп. Хочет, наверное, чтобы Мосс его оперировал. Что ж, его-то, Вуда, уж это не касается».

Когда Кларенс вернулся, Вуд думал только о семидесяти пяти долларах в месяц, о комнате и еде...

Доктор Мосс опустил трубку телефона нарочито спокойно. Проходя белым больничным коридором, он чувствовал любопытные взгляды, но его тщательно выбритое розовое лицо было невозмутимо. В кабине лифта он стоял, небрежно засунув руки в карманы. Лифтер не посмел ни заговорить с ним, ни взглянуть на него.

Мосс взял пальто и шляпу. Перед столом дежурного толпилось гораздо больше людей, чем обычно. У них был настырный вид газетных репортеров. Мосс стремительно прошагал мимо.

Высокий, на редкость тощий человек был острием клина репортеров, устремившихся ему вслед.

— Вы не можете уйти, не сделав никакого заявления для прессы, док, — сказал он.

— Как видите, могу! — кинул Мосс в ответ, не останавливаясь.

— По меньшей мере могли бы сказать нам, остаетесь ли вы директором «Мемориала».

— Спросите об этом членов правления.

— А как насчет кататоников?

— Спросите об этом кататоников.

Подъехало такси. Садясь в машину, Мосс услышал, как длинный газетчик воскликнул: «Вот это гадина!»

Несмотря на внешнее хладнокровие, Мосс чувствовал себя не так уж спокойно. «Этот человек из «Морнинг пост» — кажется, Гилрой — написал сенсационную статью о брошенных кем-то на улице кататониках и дошел до того, что заявил, что они вовсе не кататоники. Надо сказать Тальботу, чтобы публикацию этих статей немедленно прекратили».

Губы подвижного рта угрюмо сжались. Где же ему теперь взять денег? Из больничных фон-

дов он выдавил все, что можно, долг достиг угрожающих размеров. В бездонной прорве его экспериментов утонет и десяток таких фондов.

Если бы только удалось уговорить Тальбота, доказать ему, что неудачи, по сути, не были неудачами, что он на верном пути...

Однако Тальбот — крепкий орешек. Мосс не выудит у старого скряги и цента, пока не докажет, что стадия экспериментов завершена и успех обеспечен.

Мосс вылез из такси. Уверенно взбежал по ступенькам, открыл дверь и нетерпеливо прошел в темный холл, не обращая никакого внимания на колли, весело выбежавшую ему навстречу.

— Кларенс! — позвал он. — Попросите нового лаборанта спуститься вниз.

Он снял шляпу, сбросил пальто и пиджак, небрежно повесив их на крюк у зеркала.

— Эй, Вуд! — крикнул Кларенс, задрав голову. — Вы готовы?

Послышались легкие торопливые шаги, и Вуд спустился к ним.

Даже несколько часов было достаточно, чтобы Вуд преобразился. Он больше не чувствовал себя никчемным и никому не нужным.

— Вуд. Доктор Мосс, — небрежно сказал Кларенс.

Вуд выразил энтузиазм по поводу будущей работы, хотя и оговорился, что ничего не смыслит в медицине.

— Этого от вас пока не требуется, — шелковым голосом ответил Мосс. — У нас вы научитесь большему, чем многим хирургам удается познать за всю свою жизнь.

Эти слова могли означать все, что угодно, и — ничего. Вуд даже не пытался понять их.

Он молча проследовал за Моссом и Кларенсом в сверкающую чистотой операционную. Здесь он чувствовал себя менее уютно, чем в отведенной ему комнате. Пока Мосс мыл руки в глубоком тазу, Вуд оглядывался по сторонам.

В центре комнаты стоял операционный стол, обтянутый чистой простыней. Над ним висели пять бестеневых ламп. Рядом, на небольшом столике, — подносы с тампонами, зажимы, стерилизационный прибор, из которого вырывались клубы пара.

— Мы проводим много хирургических экспериментов, — сказал Мосс. — Вам в основном придется обеспечивать наркоз. Кларенс, покажите ему, как это делается.

Вуд внимательно наблюдал. Подача и отключение гелия, кислорода и циклопропана. Индикаторы переобогащения смеси. Не забыть проследить за водяным фильтром...

По предложению Кларенса он поднес к лицу раструб, чтобы попробовать изготовленную смесь. Он не знал, что циклопропан действует так быстро...

Вуд лежал на полу, задрав руки и ноги. Попытавшись распрямить их, он перекатился на бок. Голова кружилась от наркоза. На шее ощущалось что-то похожее на пластырь. Под ним саднило, как от пореза бритвой.

В комнате было темно, спущенные зеленые шторы не пропускали дневной свет. Где-то над ним, в стороне раздавалось тяжелое дыхание. Прежде чем Вуд успел встать и посмотреть, в чем дело, он услышал поступь приближающихся шагов.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли трое. Вуд вскочил на ноги и рухнул — оказалось, что стоять прямо он не может.

— Он пытался подняться, — констатировал один из вошедших.

— А чего же еще вы от меня ожидали? — резко отрубил Вуд. Голос его прозвучал странным протяжным воем, в котором нельзя было различить слов. Растерянный и разъяренный, он зло покосился на пришельцев.

— Держи его на мушке, Кларенс, и подними штору, — сказал Мосс. — Я хочу взглянуть на второго.

Вуд отвернулся от направленного на него дула револьвера и увидел, как доктор приподнял человека на постели. Кларенс, пятясь, отошел к окну и поднял штору. Яркий полуденный свет заставил человека встрепенуться.

— Можете убедиться, Тальбот, — сказал Мосс старику и, сдернув человека с кровати, рывком поставил его на ноги. Секунду тот простоял без помощи, потом упал на четвереньки и уставился на Вуда.

Вуд был в полном недоумении: лицо этого человека он видел каждый день, всю свою жизнь, но никогда не видел так... где-то в стороне от себя...

Да это же его собственное лицо! Вуд был потрясен! Пытаясь зацепить взглядом как можно больше, он посмотрел на свое тело: оно было сплошь покрыто волосами, четыре волосатые ноги прочно упирались в пол собачьими лапами.

Вуд неуверенно заковылял к Моссу.

— Что вы со мной сделали? — заорал он, но вместо крика из его горла вырвался собачий лай.

Доктор поманил своих спутников к двери.

Вуд почувствовал, как у него оскалились клыки. Кларенс и Тальбот вышли из комнаты. Мосс стоял за порогом, держась за дверную ручку, и внимательно следил за Вудом. Как только тот прыгнул, он захлопнул дверь, и Вуд с силой врезался в нее плечом.

— Он все понял, — послышался за стеной голос Мосса.

Невероятно! Он оказался вне своего собственного тела. Это очевидно. Каким образом Мосс его оттуда извлек и поместил в тело собаки? Гипноз?.. Нет, он должен вернуться в свое собственное тело, обязательно должен. Но как?

Мысли Вуда заметались.

Из соседней комнаты донесся скрип мебели. Тальбот перестал нервно постукивать тростью.

— То, что вы видели, Тальбот, должно убедить даже вас, — снова послышался голос Мосса. — Я превратил Вуда в собаку без малейшего ущерба его разуму.

Вуд вздрогнул.

— Допустим, что я убежден, — услышал он голос Тальбота. — Ну а как сама операция? Не болезненна ли пересадка мозга из одного черепа в другой?

— Мозг нельзя было пересаживать из одного черепа в другой, — ответил Мосс. — Объемы разные, да и нет необходимости пересаживать весь мозг целиком. В подкорке мозга скрыта маленькая железа — менее четверти дюйма в диаметре, — которая называется шишковидной. Эта железа контролирует мозг. Когда-то она была третьим глазом.

— Была третьим глазом, а теперь контролирует мозг? — воскликнул Тальбот.

— Почему же нет? Ведь жабры рыб превратились в евстахиеву трубу, которая контролирует чувство равновесия. О шишковидной железе не известно практически ничего. Однако я разработал новый метод ее извлечения из-под мозга, а не через весь мозг. Когда я пересадил железу кролика крысе, а железу крысы кролику, то кролик вел себя как крыса, а крыса — как кролик... Эмпиризм: результат положительный, но научно обосновать я его пока не могу.

— Почему же тогда те трое вели себя как... Что там у вас за словечко?

— Кататоники... Видите ли, Тальбот, пересадки были в основном успешными, но все три раза я повторил одну и ту же небольшую ошибку, пока не понял, в чем дело... Да, кстати говоря, снимите щелкопера из вашей газеты с этой опасной темы. Он подобрался слишком близко... Ну так вот... Все трое вели себя почти как кататоники, потому что я пересадил им железы крыс. Представьте себе, что получается, когда железа крысы пытается управлять гигантским человеческим телом. Она просто сдает, отказывает. Но разница между телом собаки и телом человека не так велика. И конечно, совсем другой эффект, когда человеку пересаживают железу человека...

— А операция болезненна? — повторил вопрос Тальбот.

— Никакой боли. Разрез незначительный и быстро заживает. Быстрота восстановления сознания очевидна: Вуда и собаку я оперировал вчера.

— Так сколько же вы хотите? — поинтересовался Тальбот.

— Пять миллионов.

— Я дам вам пятьдесят тысяч наличными, — послышался надтреснутый голос старика.

— За то, чтобы заменить ваше дряхлое тело молодым, сильным и здоровым? — спросил Мосс, подчеркивая каждое слово. — Пять миллионов, и ни цента меньше.

— Я дам вам семьдесят пять тысяч. Весь мой капитал вложен в мои... в мои синдикаты. Откуда я вам наберу пять миллионов наличными?

— А я этого и не хочу, — сказал Мосс с легкой усмешкой.

Тальбот вышел из себя.

— Чего же вы тогда хотите?

— Проценты с пяти миллионов, то есть половину ваших доходов. Короче говоря, я намерен влезть в ваш подпольный бизнес.

Вуд услышал вздох старика.

— Не выйдет! — закричал он. — Даю вам восемьдесят тысяч. Это вся моя наличность.

— Не валяйте дурака, Тальбот, — сказал Мосс спокойно. — Мне не нужны деньги, чтобы ими любоваться. Мне нужен большой и обеспеченный доход, достаточный для проведения моих экспериментов.

— Восемьдесят тысяч, — повторил Тальбот.

— Ну и держитесь за ваши деньги, пока не сгниете вместе с ними. Сколько вам там осталось жить с вашей грудной жабой? Около шести месяцев, не больше?

Трость старика нервно застучала по полу.

— Ваша взяла, шантажист, — сдался Тальбот.

Мосс рассмеялся. Вуд услышал скрип мебели, когда собеседники поднялись и направились к лестнице.

— Хотите еще раз взглянуть на Вуда и собаку?

— Нет, я и так уже убедился.

— Тогда избавься от них, Кларенс. Только не вздумай больше оставлять их на улице, чтобы дать пищу для размышлений пронырливым репортерам. Надень на револьвер глушитель. Он внизу. Потом обработай трупы кислотой.

Глаза Вуда в ужасе обежали комнату. Ему и его телу необходимо вырваться отсюда. Если он уйдет один, то уже никогда не станет самим собой.

Снизу доносились громыхающие шаги Кларенса, который ходил по комнатам в поисках глушителя к своему револьверу.

Гилрой закрыл за собой дверь телефонной будки, выудил из кармана монетку, сбил на затылок шляпу, набрал номер.

— Привет, шеф! Это я, Гилрой.

— Привет. Как там у тебя с кататониками?!

Гилрой положил свой блокнот на телефон.

— Напал на горячий след, шеф. Меня на него навел один из врачей «Мемориала». Он пришел к выводу, что разрезы на шее были сделаны для того, чтобы иметь доступ к подкорке мозга. Но в чем смысл этой операции, ему неясно, так же, как и неясно, почему эта операция приводит к полному параличу... И вот к чему все это сводится: обычно, для того чтобы достичь той или иной части мозга, приходится делать трепанацию черепа. Здесь же к мозгу проникли через разрез, рассчитанный до последнего миллиметра. Хирург, сделавший его, работал по точнейшим расчетам, как летчик ночью летит по приборам. Доктор из «Мемориала» говорит, что только четыре хирурга во всей стране способны на такую ювелирную работу.

— Кто именно, черт бы тебя побрал? Ты спросил, кто именно?

— Естественно, — обиженно ответил Гилрой. — В Нью-Йорке — Мосс, в Чикаго — Фабер, да еще Кроунишоу в Портланде и, возможно, Джонсон в Детройте.

— Так чего же ты ждешь? — завопил редактор. — Найди Мосса!

— Мосс исчез. Бросил все и поспешно бежал после того, как правление потребовало его отставки... Ходят слухи о злоупотреблениях больничными фондами.

— Найди Мосса, — ответил редактор. — С остальными я свяжусь сам. Похоже, что ты напал на след...

Вуд подобрался. Вот-вот Кларенс поднимется наверх, чтобы пристрелить его и тело. Бежать, немедленно бежать! Неловко и неуклюже Вуд поднялся на задние лапы и попытался сжать передними дверную ручку. Когти соскользнули с нее. Он услышал, как Кларенс остановился, услышал звук выдвигаемых ящиков.

Ужас охватил его. Он яростно вцепился в ручку зубами. Боль пронизала чувствительные десны, но горькая медь поддалась.

Бесшумно Вуд вышел в холл и осторожно заглянул на лестницу. Она все еще была пуста. Кларенса не было видно.

Вуд вернулся в комнату и потянул свое тело за одежду, пятясь и вытаскивая его в холл. Потом стал медленно и тихо спускаться по ступенькам.

Уверенно взбегая вверх по лестнице, Кларенс оказался прямо перед Вудом. Открыв от удивления рот, он потянулся было за револьвером, но клыки Вуда впились ему в горло. Они клубком скатились вниз. Кларенс остался лежать на полу. Вуд, снова потянув за собой свое тело, рванулся к двери.

Услышав, как из задней комнаты на шум выбежал Мосс, он яростно впился зубами в ручку двери, охваченный страхом при мысли, что Мосс может настичь его раньше, чем он с ней справится.

Но замок щелкнул, и Вуд всей своей тяжестью навалился на дверь, распахнул ее. Тело на четвереньках последовало за ним. Вуд подтолкнул его в сторону Центрального парка, желая убраться подальше от Мосса.

Оглянувшись, Вуд увидел, как доктор, стоя в дверях, провожает их взглядом, и он в страхе потащил свое тело за угол, чтобы как можно быстрее скрыться.

Вуд избежал смерти, и тело его все еще было с ним, но страх и беспокойство не прошли, а, наоборот, с каждой минутой увеличивались. Как ему прокормить свое тело, как найти для него приют, уберечь от Мосса и гангстеров Тальбота? И как заставить Мосса вернуть ему тело?

Но было очевидным, что главное сейчас — это спрятать тело подальше от чужих глаз. Оно было голодно и рыскало в поисках еды. Человек, бегающий на четвереньках по тротуару, сразу же привлек внимание прохожих: их окружила толпа.

Вуд страшно перепугался. Вцепившись зубами в одежду тела, он перетащил его через улицу, где можно было укрыться за деревьями и кустами Центрального парка.

Однако Мосс времени зря не терял: черная машина пронеслась на красный свет и устремилась прямо к ним. С другой стороны мчался полицейский автомобиль с включенной сиреной. Черная машина сбавила ход. Вуд встал перед своим телом, рыча на приближающихся к нему полицейских. Их было двое. Один из них отшвырнул его ногой, другой поднял тело под мышки и поволок к машине.

— Псих. Вообразил себя собакой, — констатировал полицейский. — Куда его, в госпиталь?

Его напарник кивнул. Вуд обезумел. Он рванулся вперед, злобно клацая зубами, еще надеясь защитить свое тело. Полицейский опять отшвырнул его ногой.

— Всадить, что ли, в него пару пуль?

И тогда Вуд понял, что они пристрелили бы его, не будь они так заняты телом, и метнулся в поток автомобилей, рискуя попасть под колеса.

Вдруг он увидел, как большой черный автомобиль круто развернулся и устремился к нему. Никто, кроме гангстеров Тальбота, не стал бы так упорно его преследовать.

Вуд метнулся к дорожке, ведущей в глубь парка, и скрылся в густом кустарнике. Оттуда он видел, как вышедшие из машины гангстеры рассыпались цепочкой, прочесывая лес. Он тихо отполз в кусты, оставляя преследователей в стороне.

И в кошмарном сне такое не приснится. Вуд был абсолютно беспомощен. Против него ополчились и преступники, и блюстители порядка. Тем, кто согласился бы ему помочь, он не в состоянии объяснить, что он человек. Да и кто способен ему помочь? Кто, кроме Мосса? Допустим, что ему удалось бы ускользнуть от полиции и гангстеров, пробраться в госпиталь и каким-то образом объяснить... Ну и что? Все равно ведь никто, кроме Мосса, не сумеет сделать эту операцию!

Он осторожно пробирался по парку.

Необходимо найти кого-то достаточно влиятельного, чтобы воздействовать на Мосса. Но кто обладает такой силой и каким способом с ним объясниться?

У самого выхода из Центрального парка беда чуть не настигла его. Он бежал по тропинке, идущей параллельно с проезжей дорогой. Курсирующая по дороге черная машина вдруг набрала скорость и пронеслась мимо. Он услышал приглушенный хлопок и свист пули над головой. Прыгнув в кусты, он побежал от дерева к дереву, стараясь двигаться так, чтобы все время находиться в укрытии.

Выбравшись из парка, он пронесся по улицам. На Бродвее он почувствовал себя в большей безопасности среди густой толпы. Гангстеров Тальбота здесь можно было не бояться, но тут показался полицейский автомобиль. Вуд спрятался за переполненным мусорным баком у какой-то забегаловки.

С реки дул пронизывающий ветер и шевелил газету, лежавшую в баке поверх груды мусора.

Вуд вспомнил, как день назад он стоял у входа в контору по найму, разговаривая с одним из гангстеров Тальбота.

Ему тогда еще пришло в голову, что лучше уж впасть в кататонию, чем голодать. Теперь-то он бы так не подумал.

Привстав на задние лапы, Вуд перевернул мусорный бак. Тот с грохотом покатился к мостовой, рассыпая мусор по всему тротуару. Прежде чем из двери выскочил, ругаясь, швейцар, Вуд раскидал лапами груду отбросов, схватил зубами газету, отдающую кислым запахом гнили, и пустился наутек.

Укрывшись от ветра на задворках какого-то дома, он лапой расправил газетный лист и пробежал его глазами. Газета была вчерашняя, та самая, где напечатана статья о кататониках, подписанная журналистом Гилроем.

Вуд быстро затрусил по улице, тесно прижимаясь к домам.

Уже темнело. До захода солнца он успел пробежать добрых три мили. Запыхавшись, он остановился у громадного здания «Морнинг пост». Здание казалось неприступным.

Он наблюдал за входной дверью главного подъезда, выжидая момент, когда кто-нибудь распахнет дверь так, чтобы можно было проскочить внутрь. С надеждой смотрел он на подходившего к двери пожилого джентльмена. Однако тот мягко но решительно отпихнул его. Вуд обнажил клыки, для него это была единственная форма ответа. Человек торопливо закрыл за собой дверь.

Тогда Вуд избрал иную тактику. Он увязался за высоким тощим человеком, лицо которого казалось добрым, несмотря на выражение угрюмой сосредоточенности. Вуд неуклюже завилял хвостом, демонстрируя свои дружеские намерения. Высокий че-

ловек остановился, почесал Вуда за ушами, но в дверь не пропускал. Однако, прежде чем человек успел закрыть ее, Вуд неожиданно прыгнул, чуть не сбив его с ног, и, оказавшись в вестибюле, понесся между бесчисленными ногами к лестнице. Высокий человек даже выругался ему вслед.

Вуд миновал этаж за этажом. Вот наконец он у двери отдела новостей. Он остановился, перевел дыхание. Потом зажал ручку двери в зубах и повернул ее.

Ударила едкая волна табачного дыма, уши пронизала боль от грохота и шума.

Пробираясь между рядами заваленных бумагами столов, он с надеждой оглядывался по сторонам и видел людей, склонившихся над машинками, не замечающих ничего, кроме своей работы; юнцов, бегом разносящих между столами пачки бумаг... Он дрожал от волнения. Ведь это были люди, которые могли повлиять на Мосса и помочь ему, Вуду. Кто же, как не они!

Лапой он слегка дотронулся до ноги репортера, печатавшего на машинке, поднял морду, заискивающе поглядел на него. Репортер посмотрел под стол и отпихнул Вуда.

— Отвяжись, — сказал он сердито, — иди домой.

Вуд отпрянул. Мозг его напряженно заработал: как же ему изложить свою историю? Чем заменить слова человеческой речи? И его осенило: он же специалист по шифрам и кодам...

Вуд залаял, чередуя длинные протяжные звуки с короткими

Испуганно завопила женщина. Репортеры повскакали с мест и встали плотным кругом, не смея подойти к Вуду вплотную. Вуд пытался пролаять текст азбукой Морзе и с надеждой искал глазами того, кто поймет его. Но встречал в ответ лишь неприязненные, холодные взгляды.

— Это та самая псина, которая напала на меня внизу, — сказал высокий худой человек.

Вуд залаял было снова, но из отделенной стеклянной перегородкой клетушки вышел редактор.

— Что за шум? — строго осведомился он и увидел Вуда. — Убрать к чертям этого пса!

— Вот, вот! Уберите-ка его отсюда! — заорал худой.

— Слушай, Гилрой, он же очень милый и ласковый пес. Посмотри-ка на него своим гипнотическим взглядом.

Вуд моляще впился глазами в Гилроя. Хоть он так и не смог объясниться, но автора статей о кататониках он нашел! Гилрой шел прямо на него, произнося обычные в таких случаях фразы, которыми успокаивают разбушевавшихся собак.

Вуд так был близок к успеху! Ему бы только суметь добиться, чтоб его поняли, прежде чем поймают и выдворят.

Прыгнув на стол, он смахнул на пол банку чернил, растекшуюся темной лужей. Не теряя ни секунды, он зубами схватил лист белой бумаги, обмакнул лапу в чернила и попытался писать.

Но лучик надежды мгновенно погас. Собачьи когти — это не человеческий палец. На бумаге просто получился отпечаток лапы.

Уныло, не сопротивляясь, чтобы не злить Гилроя, Вуд позволил завести себя в лифт. Он опять неуклюже завилял хвостом. Потом сел и попытался сострооить гримасу, которая на человеческом лице показалась бы дружелюбной. Гилрою она понравилась. Он потрепал Вуда за холку и решительно выставил за дверь...

Окончание следует

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ГОРАЦИЙ ГОЛД,
американский писатель

ВОПРОС ФОРМЫ

Фантастическая повесть

Вуд не отчаивался. Как бы то ни было, он сумел проникнуть в редакцию и обратить на себя внимание. Он знал, что печать — это единственная сила, способная повлиять на Мосса. Осталось лишь решить проблему коммуникации. Но как? Писать лапой он не мог, а азбуки Морзе никто в редакции не понял.

Вуд долго рыскал по улицам, завидуя ступающим вокруг него человеческим ногам. Владельцы этих ног обладали способностью выражать самые тонкие оттенки мысли и чувств речью, письмом... Его же голос был всего-навсего хриплым пронзительным лаем, раздражающим людей; лапы — пригодны только к бегу, а заостренная морда не могла выражать никаких человеческих чувств.

Наконец после долгих поисков Вуд наткнулся на огрызок карандаша. Стиснув его в зубах, он затрусил к докам на Западной улице.

Ветер с реки гонял по набережной обрывки бумаги. Некоторые были довольно большими и чистыми. Поймав кусок бумаги, Вуд лапами прижал его к асфальту, языком и зубами переместил огрызок карандаша в своей пасти так, чтобы удобнее было писать. С трудом он вывел большими печатными буквами: «Я — человек». Эти два слова заняли весь листок.

Отбросив карандаш, Вуд взял зубами бумагу и побежал к зданию газеты. Впервые он почувствовал уверенность в себе.

Вуд проскользнул в вестибюль с группой репортеров, возвращавшихся с заданий, снова поднялся по лестнице, положил бумагу на пол и потянул дверную ручку зубами.

Гилрой сидел за столом и печатал на машинке. Вуд подбежал к нему с бумагой в зубах и положил лапу на колено.

— Какого черта! — выдохнул Гилрой и отпихнул Вуда.

Но Вуд не уходил. Дрожа, он вытягивал шею как только мог, пока Гилрой не выхватил у него из пасти лист бумаги. Вуд застыл, жадно впившись глазами в тощего репортера.

Лицо Гилроя потемнело от гнева.

— Кто это вздумал дурака валять? — заорал он. — Кто впустил сюда эту псину и всунул ей в зубы эту идиотскую записку?

Никто не ответил Гилрою.

Вуд запрыгал вокруг него, истошно лая, пытаясь объяснить.

— Да заткнись ты! — загремел Гилрой. — Эй, рассыльный, вышвырни его отсюда! Не бойся, он тебя не укусит.

И опять Вуда постигла неудача! Но он не намерен был сдаваться — мозг его работал ясно и четко. Неудача? Да. Но он же нашел способ коммуникации. Ему просто не хватило места, чтобы все подробно разъяснить. Он напал наконец на правильный путь, которым и надо теперь следовать.

Вуд неожиданно подпрыгнул, схватил со стола карандаш, потом спокойно вышел из комнаты и сел у ног рассыльного, пока тот вызывал лифт.

Теперь Вуду не терпелось поскорее выбраться из здания и вернуться в доки, в свое убежище, где он мог бы обдумать возможность более подробного послания.

Вуд понял, что алфавиту нужно найти какую-то замену, доступную его неуклюжим зубам... Но какую?..

Длинные пальцы Гилроя проворно выстукивали последнюю страницу статьи. Закончив работу, он направился к редактору.

Тот торопливо пробежал глазами текст...

— Ну как, неплохо? — вырвалось у Гилроя.

— А-а, что? — редактор както растерянно посмотрел на него. — Да, хорошая статья...

— Признаться, я был близок к отчаянию, — продолжал Гилрой. — Казалось, что зашел в тупик... А сейчас вдруг полиция опять подбирает на улице психа, который ведет себя по-собачьи, и на шее у него точно такой же разрез, как у тех троих. Может быть, этот факт и не очень проясняет картину, но, по крайней мере, придает ей новый поворот. Ничего, теперь-то я уверен, что мы докопаемся...

Редактор рассеянно слушал Гилроя.

— А ты его видел, этого последнего?

— Разумеется! Ей-богу, не знай я всей истории с самого начала, я бы тоже принял этого человека за сумасшедшего: он скачет по полу, все обнюхивает и пытается лаять...

— Да, события разворачиваются быстрее, чем я ожидал, — задумчиво сказал редактор. — Но вот только... Не знаю даже, как и сказать тебе это... — Он запнулся.

Репортер насупил брови.

— Что — «это»? — спросил он недоуменно.

— Видишь ли, я вынужден снять тебя с этого дела. Мне очень жаль, потому что оно начало вырисовываться. Мне очень жаль, Гилрой, но, черт возьми, такие уж у нас порядки.

— Такие, да? — Гилрой впился руками в крышку стола и наклонился к редактору. — На чьи мозоли мы наступаем? Не понимаю. В госпитале никто не протестует. Имен я никаких не называю. Так в чем же дело?

Редактор пожал плечами.

— Ничего не могу поделать. С приказами вышестоящих не

Окончание. Начало в № 11.

спорят... Но у меня есть интересное задание для тебя...

Гилрой отошел к окну. «Отдел реклам вряд ли может настаивать на запрете, — подумал он. — Мы не рекламируем «Мемориал». Что же касается Тальбота, то он вмешивался в дела редакции только в тех случаях, когда надо было прикрыть какую-нибудь грязную историю по части уголовщины. Редакторы? Они от силы подаются на дюйм, когда общественное мнение требует от них милю. Следовательно, раз редакторы и отдел рекламы здесь ни при чем, никого, кроме Тальбота, не остается...»

Гилрой нетерпеливо забарабанил костяшками пальцев по оконной раме. «Зачем Тальботу понадобилось запрещать это расследование? Допустим, он нашел новый способ расправляться с предателями. Сомнительно. Тальбот не пойдет на это, когда у него всегда остается старый способ, дешевый и эффективный: замуровать тело в цементном блоке и отправить на дно реки».

— Сдаюсь, — сказал Гилрой. — Никак не пойму, что Тальботу за корысть в этом деле.

— И я никак не пойму, — признался редактор.

— Так вы тоже предполагаете, что приказ исходит от Тальбота?!

— А от кого же еще?.. Но не расстраивайся, дружище. Забудь на время всю эту кататонию. Займись-ка завтра информацией, которую Джонсон передал по телефону из ратуши.

Гилрой пробежал глазами протянутую ему бумажку. Лицо его выразило изумление.

— Что за чертовщина? Общество защиты животных заявило мэру протест против организованного избиения в городе всех рыже-белых овчарок колли?!.

— Вот именно.

— И у вас сложилось мнение, что за этим избиением стоит банда Тальбота?

Редактор кивнул.

— Ничего не понимаю. — Гилрой всплеснул руками. — С какой стати эти бандиты хотят замять дело о кататониках и пытаются перестрелять ни в чем не повинных колли?.. Шеф, да мы с вами — пара патентованных идиотов! — вдруг завопил он. — Помните колли, ну ту, что прибежала с запиской в зубах? Это же собака, которую пытаются укокошить люди Тальбота! Теперь ясно, что она была чьим-то посланцем!

— Черт возьми! — Редактор вскочил со стула. — Ее срочно надо разыскать... если это только возможно...

Они влетели в комнату репортеров.

— Все бросайте свои дела и живо за мной! — крикнул редактор.

Он впихивал их в лифт, растерянных и ничего не понимающих.

Выскочив на улицу, редактор огляделся по сторонам.

— Здесь его нет, Гилрой. Вот что, ребята, всем рассыпаться по улицам! Как только увидите рыже-белую колли, свистните. Пес сам подойдет к вам. Вперед, и никаких вопросов!

Гилрой оставил редактора у подъезда, а сам пошел по Западной улице.

Целый час, время от времени свистя, он бродил среди мрачных доков, но колли нигде не было видно. В конце концов, устав и проголодавшись, он отправился в редакцию, ругая себя за то, что упустил собаку, когда она приходила к нему сама.

Редактор все еще стоял у подъезда.

— Ну что? — спросил он.

— Пока ничего...

Послышался топот ног. Из-за угла вынырнул один из репортеров, свистевший вслед удирающей собаке.

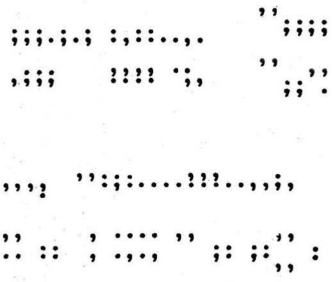
— Вот она, вот она! — завопил Гилрой.

Собака бросилась ему навстречу, и он вырвал у нее из зубов грязный кусок бумаги. В этот момент в другом конце улицы показалась большая черная машина, и собака мгновенно скрылась в стороне доков.

Гилрой кинулся было за ней, но остановился и глянул на бумагу, которую держал в руке. Подбежал редактор, нещадно поливая его бранью за то, что тот упустил собаку. Гилрой протянул ему бумажку:

— Ну и собачка, — сказал он. — Почитайте-ка.

Брови редактора поползли вверх. На бумажке было написано:



— Будь я проклят! — воскликнул редактор. — Это еще что такое?.. Ничего не понимаю!..

— И не поймете, — ответил Гилрой. — Это шифр. У вас есть знакомые криптографы?

— Можно обратиться в полицию или в ФБР.

— Как бы не так... Оставайтесь здесь... Я вернусь с расшифровкой.

Он исчез, прежде чем редактор успел раскрыть рот...

В каталоге библиотеки на Сорок второй улице Гилрой подошел к дежурному:

— Где бы мне найти человека, разбирающегося в криптограммах?

Дежурный отошел и пошептался со своими коллегами.

— Хранитель отдела рукописей знает в них толк, — ответил он Гилрою. — Вниз по лестнице...

Поблагодарив, Гилрой направился к хранителю.

— Взгляните-ка, — сказал журналист, кладя бумажку на стол.

— Похоже, занятная штучка, — осторожно сказал хранитель, — но за двадцать лет мне не попалось ни одной криптограммы, которую я не смог бы разгадать. — Он еще раз посмотрел на бумажку.

— Ответ нам нужен как можно быстрее!

— Быстрота в этом деле не лучший помощник. Ладно, попробую. Через часок-другой, может, что-нибудь и прояснится...

— Не буду вам мешать. — Журналист поклонился и ушел.

Вернулся он час спустя, после того, как поел и исшагал соседние кварталы, нервно куря сигарету за сигаретой.

На столе перед хранителем выросла гора исписанной бумаги.

— Ну как, что-нибудь прояснилось? — спросил Гилрой.

— Если бы я знал, что автор имел в виду, когда писал эту непонятную фразу, тогда, безусловно, разгадал бы ее смысл, — вместо ответа сказал хранитель и протянул ему дешифровку.

Гилрой вырвал бумажку у него из рук и быстро пробежал глазами:

«Кататоников оперировал мосс на деньги тальбота спасите меня от них».

— Да, это как раз то, что нам нужно! — радостно воскликнул журналист и, даже не попрощавшись, громко захлопнул дверь.

Когда он ехал обратно в редакцию, радость вдруг сменило волнение: «Если собаку убьют, то

на всей этой истории с кататониками можно поставить крест: собака — единственная ниточка к автору послания».

Вуд пробирался темными узкими проходами за фруктовым рынком на Западной улице. Здесь можно будет надежно укрыться среди ящиков, если гангстеры Тальбота нападут на его след. Старое убежище пришлось бросить, так как бандиты пронюхали, где он скрывается. Но не в этом дело... А вот то, что на него вышли газетчики, было куда важнее. Расшифровали они его послание или нет, в любом случае Гилрой понял наконец, что он ищет контакта с ними... И Вуд отправился в редакцию. Дойдя до перекрестка, он осторожно выглянул за угол: ничего подозрительного не увидел. Придется проскочить без прикрытия добрых сто ярдов, да еще под самыми фонарями. Стрелой он пронесся по тротуару прямо к ногам человека, нетерпеливо переминающегося у двери.

— Наконец-то, — воскликнул редактор. — В дом, живо! — и распахнул дверь.

Вскоре они были в кабинете редактора.

— Как будто никто нас не видел... а то нам крышка, — буркнул редактор, усаживаясь за стол.

Вуд растянулся на холодном полу и слышал, как редактор проклинал Гилроя за долгое отсутствие. А Вуд-то думал, что его послание уже расшифровано и наконец все поняли, что он человек в собачьей шкуре.

Вдруг пес поднял голову и прислушался. Он узнал по походке Гилроя. Хлопнула дверь.

— А, собака уже здесь? Посмотрите-ка, что я принес! — Вошедший в комнату Гилрой положил бумагу на стол перед редактором.

Вуд был ошеломлен тем, что репортер не проявил к нему никакого интереса: видимо, он так ничего и не понял. Но, может быть, поймет редактор.

— Вот как! Стало быть, и Мосс и Тальбот!

— С Моссом мне все понятно,— сказал Гилрой. — Он единственный, кто мог сделать такую операцию. Но Тальбот... Ему-то какой прок в этом деле?.. И кто же, в конце концов, послал нам шифровку?

Вуд чуть было не обезумел от отчаяния. Он ведь мог все объяснить, он-то уж лучше всех знал, какой Тальботу прок от экспериментов Мосса... Вопрос контакта был им решен, Тальбот и Мосс были разоблачены, но он и на шаг не приблизился к тому, чтобы вернуть свое тело.

Ему придется написать еще одну шифровку — более подробную, которая ответит на все вопросы. Но чтобы сделать это... Его прямо дрожь пробрала. Чтобы сделать это, ему снова придется пробираться по улицам, рискуя наскочить на гангстеров, ведь его шифровальная таблица была нарисована на полу старого убежища.

— Надо заставить пса отвести нас к автору шифровки, — решительно сказал Гилрой. — Это единственный способ загнать в угол Тальбота и Мосса. Пока что у нас есть только обвинение, но ни одного юридического доказательства, с которым можно было бы выступить в суде.

— Этот человек должен находиться где-то недалеко отсюда, — сказал редактор.

Гилрой посмотрел на Вуда.

— Я тоже так думаю: пес приходил сюда, лаял, пытаясь заставить нас следовать за ним. Мы его выгнали, но через полчаса он вернулся и принес в зубах записку. Потом, еще через час, он принес шифровку. Следовательно, ее автор находится где-то рядом...

Он вдруг вскочил с места и кинулся к Вуду.

— Смотрите, шеф, это же хирургический пластырь! Когда собака наклонила голову, я его заметил.

— По-твоему, эта собака — кататоник? — улыбнулся редактор. — Ты скоро свихнешься на этой почве, Гилрой.

— Весьма вероятно. Но я все же хочу посмотреть, что скрывается под пластырем.

Сердце Вуда яростно забилось. Он знал, что разрез на его шее как две капли воды похож на те, которые Гилрой видел у кататоников. Гилрой все поймет с первого же взгляда.

Когда Гилрой дернул пластырь, Вуд стерпел пронизывающую боль, но все же дернулся в сторону. Рана была свежей, и густые волосы плотно прилипли к пластырю.

— Прекрати, — сказал редактор. — Он тебя укусит.

В это время зазвонил телефон.

— В чем дело, Блейн? — спросил редактор в трубку. Минуту спустя он молча положил ее.

— Дрянь дело, — сказал он Гилрою. — Автомобили Тальбота патрулируют наш район. Не знаю, право, как мы сумеем пройти мимо них с собакой.

Вуд встревожился и зарычал.

Гилрой с любопытством посмотрел на него.

— Я готов поклясться, что он понял ваши слова и реагирует на них.

— Обычная реакция собаки на голос.

— Мы должны доставить его к хозяину, — сказал Гилрой. — Пошли!

Вуд и редактор, торопясь, последовали за репортером. Молча они дождались лифта, молча спустились в вестибюль.

— Ждите здесь, за дверью, — сказал Гилрой.

Через несколько минут к подъезду подкатило такси. Гилрой сидел в кабине и наблюдал. Из-за поворота улицы выехал черный автомобиль и медленно проплыл мимо. В свете фонаря сверкнул ствол автомата. Гилрой подождал, пока черная машина свернет на Западную улицу.

— Быстро! Быстро! — хрипло крикнул он и замахал руками.

Редактор схватил Вуда, толкнул дверь и вылетел на улицу. Такси рванулось с места...

— Мне кажется, выходить надо здесь, — спустя несколько минут сказал Гилрой и постучал пальцем по стеклянной перегородке, отделяющей кабину от водителя. Машина затормозила. Вуд вылез вслед за журналистами и затрусил мелкой рысцой, чтобы они не отстали от него.

Вскоре Гилрой и редактор глядели в темноту подвала — старое убежище Вуда.

— Выходите! — крикнул Гилрой. — Мы ваши друзья... Мы хотим вам помочь...

Ответа не последовало. Они зажгли спички и полезли в подвал.

Вуд остановился в том месте, где днем начертил шифровальную таблицу, и залаял. Журналисты кинулись к нему.

— Увидел, должно быть, что-то, — шепотом сказал редактор.

Гилрой прикрыл ладонью спичку, посветил и пожал плечами.

— Он на землю показывает, — сказал редактор.

Гилрой опустил спичку.

— Это и есть то, что мы ищем? Квадрат на земле, исписанный буквами и цифрами...

— Я вернусь через секунду, — ответил Гилрой. — Пойду принесу фонарь.

— Что мне делать, если придет этот человек? — поспешно спросил редактор.

— Ничего, — отрезал Гилрой.— Он не придет... На таблицу только не наступите.

Гилрой исчез.

Когда наконец он вернулся, редактора прорвало:

— Кончай со всем этим, Гилрой. Не могу же я терять целую

ночь... Даже если мы и раскопаем правду, напечатать-то все равно ничего не сможем...

Гилрой молча направил свет мощного фонаря на квадрат с шифровальной таблицей.

— Смотрите сюда, — сказал он. — Тот, кто сделал эту таблицу, был очень осторожен. Он стоял спиной к стене, чтобы никто его не застал врасплох. Таблица обращена к нам верхом. Посмотрите внимательно на то место, где должен был стоять тот, кто писал шифровку.

Редактор посмотрел и спросил озадаченно:

— Что же ты там увидел?

— Отпечатки ног, которые вы только чуть что не затоптали. Но не человеческих ног! Это отпечатки лап собаки.

— Брось дурака валять, Гилрой!

Репортер молча подобрал с пола огрызок карандаша. Он повертел его в руках, прежде чем отдать редактору.

— Это тот самый карандаш, который собака схватила со стола, когда мы выгоняли ее из редакции... Собака несла его в зубах. Вот, пожалуйста, следы зубов на боковых гранях. Но вот следы зубов у тупого конца карандаша: собака писала. Может быть, я и схожу с ума... — Он достал из кармана грязный листок с шифровкой и распрямил его. — Я сразу обратил внимание на эти пятна, но ничего тогда не понял. Как по-вашему, что это такое?

Редактор послушно исследовал бумажку.

— Возможно, отпечатки ладони, — сказал он.

— Детской, что ли?.. По-моему, и вам ясно, что это отпечатки лап. Точно такие — рядом с таблицей. Вы ведь уже поняли, что я имею в виду. Посмотрите, как внимательно слушает нас пес, и не только слушает, но и понимает все, о чем мы говорим.

Не повышая голоса, Гилрой сказал:

— А вот и автор записки!!

Импульсивно Вуд обернулся и посмотрел на репортера.

— Зарубите это себе на носу и не обманывайте себя, шеф. Мосс и Тальбот создали оборотня!

Вуд залаял и радостно потерся о ноги Гилроя. Наконец-то его поняли!

Но редактор разразился смехом.

— Напрасно ты работаешь в газете, Гилрой. Время только теряешь зря...

— Допустим, — зло ответил Гилрой. — А другое объяснение у вас есть?.. Собака прорвалась в редакцию; она миновала все этажи и отделы и попала именно в репортерскую, потому что именно туда она и хотела попасть. Собака лаяла, желая привлечь наше внимание, а мы ее выгнали. Тогда она вернулась с бумажкой, на которой каракулями было написано: «Я человек». Эти два слова заняли у нее целую страницу. Попробуйте писать зубами и увидите, какие каракули у вас получатся... Собаке было необходимо найти более экономную систему письма, вот она и воспользовалась простым шифром. Но потеряла свой карандаш, поэтому и украла один из наших. Потом возвратилась снова сюда, укрываясь от головорезов Тальбота. У таблицы нет отпечатков ног, но есть отпечатки лап. И на принесенной нам бумаге тоже следы лап... Этот пес слушает каждое наше слово и понимает его. Когда я упомянул об авторе записки, он тут же повернулся. Что вы скажете на это?

Но слова Гилроя пока не убедили редактора.

— Хорошая дрессировка...

— При всем уважении к вам должен сказать, что мозги у вас куриные. Эй, как тебя по имени, — обратился он к Вуду, — что бы ты сделал, если бы здесь был Мосс?

Вуд зарычал.

— Слушай, пес, я придумал наконец способ, чтобы ты смог нам все рассказать. Все, что с тобою произошло...

Это была самая счастливая минута для Вуда. Пусть он еще не отвоевал свое тело! Теперь это лишь вопрос времени. Его бурная радость, вызванная словами Гилроя, поколебала даже скептика-редактора.

Гилрой отыскал острую деревяшку и быстро написал на земле алфавит. Потом, отшвырнув палку, отступил на шаг и осветил его фонарем.

— Выкладывай все.

Вуд прыгал перед нарисованными на земле буквами, тыкаясь носом по очереди в те, которые были нужны.

Т-а-л-ь-б-о-т с-т-а-р е-м-у н-у-ж-н-о з-д-о-р-о-в-о-е т-е-л-о м-о-с-с с-к-а-з-а-л ч-т-о м-о-ж-е-т э-т-о с-д-е-л-а-т-ь...

— Черт побери! — вырвалось у редактора.

В наступившей тишине было слышно лишь возбужденное сопение собаки и тяжелое дыхание мужчин.

Вуд добился своего!

Гилрой дома печатал на машинке. Вуд, стоя у него за спиной, следил за пальцами, быстро бегающими по клавиатуре. Редактор нервно расхаживал взад и вперед по комнате.

— Потерял столько времени, — жаловался он, — а если напечатаю эту историю, то вообще потеряю все. Черт побери, Гилрой, что, по-твоему, подумают о ней читатели, если я сам в нее еле поверил? Ты понимаешь, что нам обоим это может стоить работы?

— Перспектива потерять работу не так уж меня волнует, — ответил Гилрой, не отрываясь от машинки. — Гораздо больше меня волнует то, чтобы Вуд получил свое тело обратно. А без нашей помощи ему не справиться.

— Ты не находишь, что звучит смехотворно: «Вуд получил свое тело обратно!» Представь только, что сделают из этой фразы другие газеты!

Гилрой встал и отодвинул стул.

— Ну пора идти, — сказал он вместо ответа.

Репортер накинул пальто и небрежно нахлобучил шляпу.

— Куда? — спросил редактор.

— К Моссу, разумеется, если только у вас на примете нет более подходящего для визита места.

— Это безумие, — хрипло сказал редактор. — В жизни не делал ничего более глупого. Почему бы нам для разнообразия не проявить благоразумие и не обратиться в полицию?

— Да? — презрительно фыркнул Гилрой. — А какое обвинение вы предъявите Моссу?

— Как какое?! Обвинение в похищении людей! — выпалил редактор.

— Не смешите меня. Тело Вуда находится в госпитале, под наблюдением врачей. Как вы докажете, что именно Мосс похитил его?.. А о трех других кататониках и говорить нечего.

Редактор угрюмо кивнул.

— Обвинение в вивисекции!.. — как-то само собой вдруг вырвалось у него.

— Вот это другое дело, аргумент, как говорят... Это надо обдумать...

Выйдя из дома, они без труда поймали такси.

Гилрой назвал адрес. Услышав его, Вуд оскалил зубы. До Мосса было рукой подать, и сопровождали его два человека, которые лучше кого бы то ни было могли убедительно, связно и красноречиво изложить все его требования, а в случае необходимости поднять в его защиту общественное мнение!

На улице, где жил Мосс, Гилрой попросил шофера сбавить скорость. У дома хирурга стояли два черных автомобиля с охраной.

— Высадите нас за углом, — сказал Гилрой.

Они вбежали в подъезд ближайшего дома.

— Черный ход там есть, Вуд? — спросил репортер.

Пес отрицательно замотал головой.

— Тогда нам остаются только крыши, — решил Гилрой.

Выйдя из подъезда, он окинул взглядом здания, отделяющие их от дома Мосса.

— Здесь шесть этажей, следующие два пятиэтажные. Здание, соседнее с Моссом, шестиэтажное, а в доме Мосса три этажа. Придется нам полазить вверх и вниз по пожарным лестницам, чтобы добраться до этой проклятой крыши.

Он вошел в подъезд, и все поднялись на верхнюю площадку. Дверь чердака была закрыта на крючок, наглухо приржавевший к петле. Гилрой обмотал руку платком и одним ударом сбил его. Через чердак вышли на гудронированную крышу, черную и холодную.

Впереди было самое трудное и опасное. Темнота усугубляла риск, да и Вуд был нелегкой ношей.

По лестнице во двор, по лестнице на крышу... по лестнице во двор, по лестнице на крышу... — в строгой последовательности. Это повторилось четыре раза, пока, вконец обессиленные, они не оказались на крыше дома Мосса.

— Как будто... нас... никто... не заметил... — прерывисто и еле слышно прошептал Гилрой.

— Да, — отрешенно выдохнул редактор.

— По-моему, — отдышавшись, снова прошептал репортер, — из нас вышли бы неплохие воздушные акробаты... Так что, если нас уволят, мы не пропадем...

После короткой передышки осмотрели крышу. Единственное чердачное окно вело внутрь дома. Гилрой потянул раму на себя, потом попытался вдавить ее — безрезультатно. Тогда он вынул перочинный нож и начал выковыривать сухую замазку. Она легко поддавалась. Потом, всадив нож в верхний угол рамы, он подцепил и осторожно извлек стекло.

Они влезли в окно и очутились в темной комнате. Вуд возбужденно принюхивался, чувствуя близость человека, которого ненавидел и который один только мог вернуть ему его тело.

Гилрой осторожно повернул ручку двери. Та легко отворилась, забрезжил слабый свет. В центре тускло освещенного холла была видна лестница. Они осторожно спустились вниз.

Из-за прикрытой двери доносились еле слышные голоса.

— Сядьте, док, — сказал Тальбот. — Машина скоро придет. Не теряйте головы, док! Эти кататоники говорить не могут, а собака, по всей вероятности, роется где-нибудь в отбросах. Нет причин для бегства.

— Я уезжаю в загородный дом только из предосторожности. Вы недооцениваете силу человеческой изобретательности, даже если она и ограничена собачьим телом и потерей речи.

Гилрой вынул револьвер и взялся за ручку двери. Редактор сделал невольное движение, пытаясь остановить его. Но было поздно — дверь распахнулась.

Вуд и Гилрой вошли в комнату, редактор последовал за ними. На револьвер Тальбот даже не обратил внимания, ему не раз приходилось смотреть в черное дуло, но при виде Вуда челюсть его отвисла. Он закричал и испуганно рванул рубашку на груди — Тальбот задыхался от сильнейшего приступа стенокардии.

— Вот вам наглядный урок, Тальбот, — безучастно сказал Мосс. — Никогда нельзя недооценивать противника. Не так ли?

Ответа не последовало. Вошедшие в ужасе смотрели, как на глазах у них умирал человек. Вскоре Тальбот мешком рухнул на пол. Это был конец.

Вуд перевел взгляд с Тальбота на жесткие глаза Мосса, в которых не было и тени страха. Хирург даже не сделал никакой попытки защищаться, даже не попытался позвать на помощь охранявших дом бандитов. Он смотрел на вошедших, сохраняя полное самообладание.

— Конец вашим планам, — рявкнул Гилрой.

Мосс пожал плечами в вежливом презрении.

— Нашим? У Тальбота были свои планы, у меня — свои. К тому же его общество никогда не доставляло мне удовольствия.

— Возможно. Но удовольствие вам доставлял запах его денег. Тальбота нет, и теперь никто не сможет помешать нам опубликовать вот это...

Гилрой вынул из кармана несколько машинописных листков и протянул их Моссу.

Небрежно прислонившись к стене, хирург с интересом просмотрел их и вежливо вернул Гилрою.

— Все ясно, — сказал он. — Меня обвиняют в том, что я человека превратил в собаку. Более того, вы даже описываете якобы разработанный мной метод.

— «Якобы»! — зло усмехнулся Гилрой. — Вы что же, намерены все отрицать?

— Разумеется. Ну не фантастика ли?.. — Мосс улыбнулся. — Но суть не в том. Даже признайся я, на основании каких доказательств меня могли бы осудить? Как мне представляется, у вас есть только один свидетель — собака по имени Вуд. А я что-то не припомню, чтобы собаки выступали свидетелями в суде.

Вуд был ошеломлен. Он не ожидал, что Мосс так нагло опровергнет все обвинения. Любой другой человек на его месте уже сдался бы.

Съежившийся редактор растерянно повторял одну и ту же фразу:

— У нас есть доказательства преступной вивисекции.

— Но нет доказательств, что хирургом был именно я.

— Вы единственный человек в Нью-Йорке, способный совершить подобную операцию.

— И что с того?

Они позволили Моссу перехватить инициативу, и он теперь хладнокровно и насмешливо парировал их удары. Ничего удивительного, что он даже не пытался бежать. Он был уверен в полной безнаказанности. Вуд с ненавистью зарычал. Мосс лишь окинул его презрительным взглядом.

— Хорошо. Допустим, в суде мы доказать ничего не сможем, — сказал Гилрой, стиснув в руке револьвер. — Но нас это не так уж волнует. Ваше любопытство ученого может найти удовлетворение в операции, которую вы сделаете Вуду, чтобы вернуть его в собственное тело.

Презрительная мина на лице Мосса не изменилась ни на йоту. Он смотрел на палец, напрягшийся на спусковом крючке, с выражением полнейшего безразличия.

— Ну? — выдохнул Гилрой, многозначительно поведя револьвером.

— Заставить меня оперировать вы не можете. А к своей смерти я отношусь так же безразлично, как и к смерти Тальбота. — Улыбка его стала еще шире, углы рта опустились, обнажая зубы в гримасе, которая была цивилизованным подобием оскала Вуда. — И тем не менее эта ваша история о якобы возможной операции подобного рода заинтересовала меня.

Я готов попробовать за мое обычное вознаграждение.

Вуд перехватил взгляд издевающихся, жестких, зловещих глаз Мосса.

— И конечно же, — мягко добавил Мосс, — я выполню операцию. В конце концов, я даже настаиваю на этом.

Угроза, скрытая в его словах, не прошла мимо Вуда. Как только он ляжет под нож Мосса, ему конец. Неверное движение скальпеля, небрежность в приготовлении газовой смеси, умышленно занесенная инфекция — и Мосс навеки снимет с себя обвинение. Ему достаточно будет сослаться на то, что такая операция оказалась ему не под силу. Следовательно, вивисектором был не он.

Пес отпрянул, бешено тряся головой.

— Вуд прав, — сказал редактор. — Он-то Мосса знает. И знает, что этой операции ему не пережить.

Гилрой нахмурил лоб. Револьвер в его руке стал воплощением бесплодной силы. Даже Мосс знал, что он им не воспользуется. Не сможет воспользоваться, потому что хирург был нужен им только живым. Их цель заключалась в том, чтобы заставить Мосса сделать операцию. «Что ж, — подумал он, — мы своего добились. Мосс сам вызвался оперировать». Но все четверо отлично знали, что в этой операции Вуд был обречен. Мосс искусно обернул их победу полным поражением.

— Что же, черт побери, нам теперь делать? — взорвался Гилрой. — Ты что скажешь, Вуд? Рискнешь? Или лучше останешься жить в собачьей шкуре?

Вуд оскалился, отползая в угол.

— В собачьей шкуре он хоть наверняка жить останется, — отрешенно сказал редактор.

Мосс улыбнулся, заверяя их любезно-издевательским тоном, что сделает все возможное, чтобы вернуть Вуду его тело.

— За исключением несчастного случая, разумеется, — сплюнул Гилрой. — Не пойдет, Мосс. Он и так проживет, но вы свое получите..

Он хмуро посмотрел на Вуда и многозначительно кивнул в сторону Мосса.

— Пошли, шеф, — сказал он, выводя редактора за дверь и закрывая ее за собой. — Старые друзья хотят остаться наедине. Им есть о чем потолковать...

Мгновенно Вуд прыгнул вперед, отрезая Мосса от двери, угрожающе впившись в него полными ярости глазами. И в первый раз за все время с хирурга слетела маска безразличия. Он осторожно сделал шаг в сторону и вдруг понял, что перед ним зверь... И тут нервы его сдали. Он нырнул вбок и метнулся к двери. Вуд прыгнул, сбив Мосса с ног. Зубы его сомкнулись.

Мосс проиграл, но остаток своих дней Вуд был обречен прожить в собачьей шкуре. Да и остаток этот был невелик: продолжительность жизни собаки всего пятнадцать лет. В лучшем случае Вуд мог рассчитывать еще лет на десять.

Вуд так и не нашел себе работы в обличье человека. У него была специальность, он был образован, но в мире конкуренции не было места для таких, как он.

И тот же человеческий разум в красивом теле овчарки колли стал ценным рыночным товаром. Это была диковинка, феномен, на который стоило поглядеть.

— Люди всегда питали слабость к уродам... — размышлял Гилрой по пути в театр, где Вуд выступал в тот день.

Такси остановилось у служебного входа. С зазывающих красно-желтых афиш скалилось приукрашенное изображение морды Вуда.

— Бог ты мой! — раскрыл рот таксист. — Будет о чем рассказать! Вез Говорящую собаку!

Специальный наряд полиции быстро разогнал толпу зевак и проложил проход к двери.

— Стыдно, должно быть, — сказал полисмен. — Такой шум подняли, и из-за кого? Из-за какого-то пса!

Вуд обнажил клыки и заворчал на него. Полицейский сразу попятился назад.

— Что, ты и теперь думаешь, что он тебя не понимает? — кто-то засмеялся в толпе.

«Семь тысяч в неделю, надо же! — размышлял про себя Гилрой, ожидая за кулисами своего выхода. — И за что? За чепуху, на которую способен любой болван из публики». За прошедший год ни он, ни Вуд так и не привыкли к растущим цифрам в своих банковских книжках. Выступления, фото и статьи в журналах — и все по астрономическим ставкам... Но Вуду никогда не набрать достаточно денег, чтобы выкупить человеческое тело, в котором он голодал.

— Эй, Вуд, — прошептал Гилрой, — наш выход.

На сцене их встретил оглушительный гром аплодисментов. Вуд работал безупречно. Опознавал предметы, названные конферансье, вытаскивая их из общей кучи.

Капельдинеры шли между рядами, собирая записки с вопросами зрителей, и передавали их Гилрою.

Вуд отвечал как автомат. Горечи он больше почти не испытывал, ее сменило тоскливое и безнадежное чувство поражения. Он смирился со своей собачьей жизнью. На его счету в банке числилась цифра с шестью знаками слева от десятичного — такой цифры он даже в самых необузданных мечтах никогда не представлял. Но ни один хирург на свете не сможет ни вернуть его тело, ни продлить срок жизни более десяти оставшихся ему лет...

И вдруг в глазах все померкло. Исчез Гилрой, исчез щит с буквами, исчезло море лиц, таращивших глаза.

Он лежал на койке в больничной палате. Реальность чистых простынь под ним и тяжесть одеяла, укрывавшего его, не вызывали никаких сомнений, как не вызывало сомнений и то, что его тело вытянулось в длину на кровати.

И независимо от всей ладони его палец поднялся, повинуясь его воле.

Дежуривший в палате врач посмотрел прямо в зажегшиеся мыслью глаза Вуда. Потом оба перевели взгляд на сгибающийся и разгибающийся палец.

— Вы возвращаетесь, — сказал врач.

— Я возвращаюсь, — тихо успел ответить Вуд, прежде чем палата исчезла.

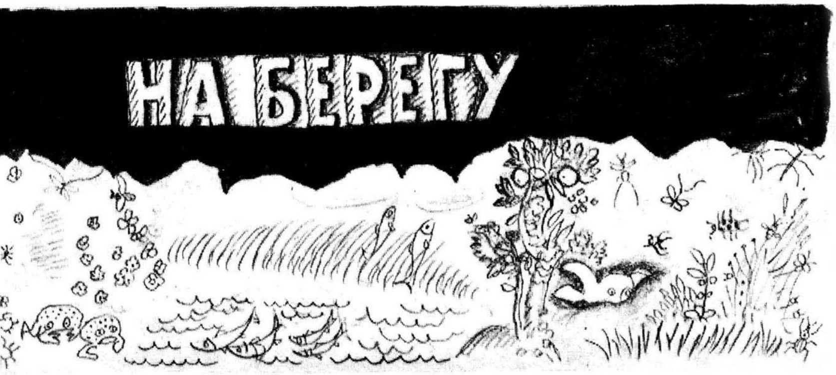
Теперь он знал, что мозг и тело составляют единое целое. Мосс ошибся. Личность человека — это нечто большее, чем просто маленькая железа у основания мозга. Пересаженные ткани собаки поглощались телом человека и перестраивались по его подобию.

Что-то говорило Вуду, что эти возвращения в свой естественный облик будут продолжаться чаще и чаще, до тех пор, пока он снова и уже навсегда не обретет свое истинное «я».

Конец

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

М. КИНГ



Фантастический рассказ

Пэрни с гиканьем мчался по лесу. Вынырнув из чащобы на полянку, поросшую синим мхом, он заплясал от радости. Этот день принадлежит ему, и он сможет наконец увидеть океан.

Деревня осталась далеко позади. Он ускользнул от братьев и родителей, и теперь ничто не помешает ему уйти к океану. Однако пора остановить время, пока его не хватились дома.

— Ни с места! — крикнул он ручью и его оранжевым водоворотам. — Застыть! — приказал он пчелам с тонкими крылышками, летавшим над густой листвой. — Замри! — крикнул он густым лиловым тучам, вечно ползущим по верхушкам деревьев.

И вмиг все стало именно таким, как он хотел: неподвижен был молочно-оранжевый ручей, пчела повисла над кустом пака, и ее прозрачные крылышки застыли на полувзмахе, а густые лиловые тучи перестали закручиваться и вытягиваться.

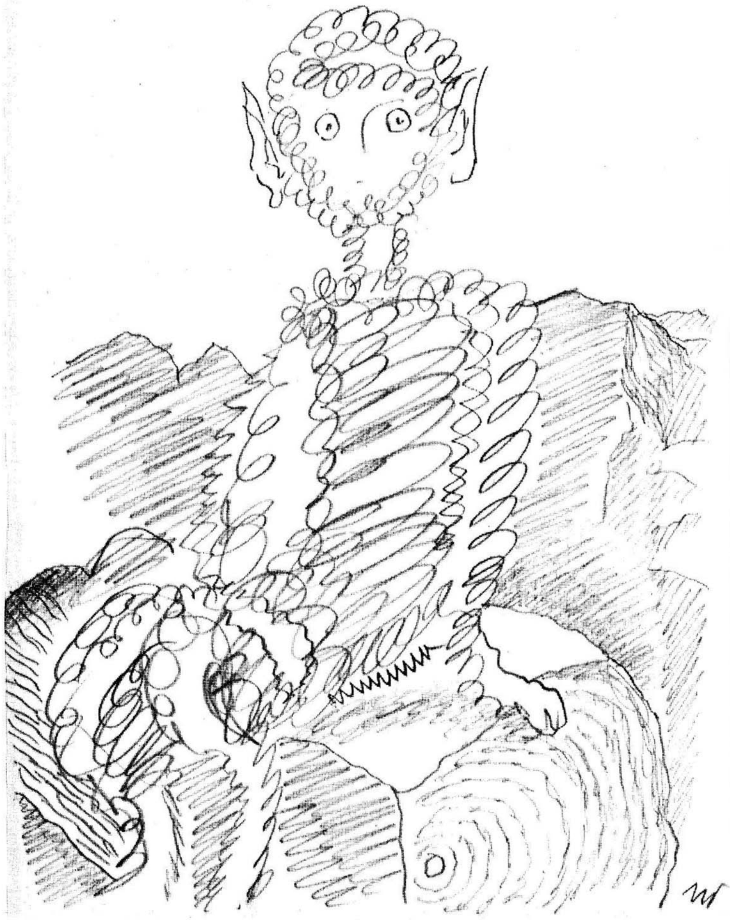
Все вокруг замерло, послушное его воле, и Пэрни помчался дальше, к океану.

«Ах, если бы только дни не были такими короткими!» — подумал он. Увидеть нужно так много, а времени у него в обрез! Рассказы братьев о чудесах побережья дразнили его воображение с тех пор, как он себя помнил. Он столько раз слушал их захватывающие рассказы, что сейчас представлял себе эту страну чудес совершенно ясно, словно уже был там: завалы окаменелых деревьев, на которых интересно играть, океан с высокими, как дом, волнами, смешных трехногих триконов, никогда не перестающих жевать водоросли, и множество других удивительных созданий, какие живут только в океане.

Он бежал вприпрыжку. Этот день был словно создан только для него. «А почему бы и нет, — подумал он. — Разве не исполнилось мне сегодня целых пять лет?!» Он ощутил сострадание к четырехлетним и даже к тем, кому только четыре с половиной года, — они были малышами и не посмели бы ускользнуть к океану в одиночку. Но пять лет!..

— Я освобожу тебя, шмель, только ты подожди. — Пробегая мимо собиравших пыльцу насекомых, он старался не задевать их. Когда Пэрни остановил время, шмели — как и все живое — застыли на месте, и он знал, что стоит ему снова пустить время, как все они возобновят свои занятия.

Пэрни вдохнул резкую сладость близкого уже океана, и сердце его забилось быстрее. Чтобы не испортить этот день, суливший столько чудесного, он старался забыть, что ему запретили останавливать время, когда он уходит далеко от дома.



Он предпочел забыть то, о чем часто напоминали старшие: для остановки времени на один час нужно больше энергии, чем на целую неделю непрерывного бега. Он предпочел забыть правило, гласящее, что «маленькие дети, останавливающие время в отсутствие старших, могут погибнуть».

Путь был долог, а время стояло. Почувствовав голод, Пэрни сорвал несколько плодов лонго на завтрак и побежал дальше. Но не успел он сделать и пяти прыжков, как вдруг и сам остановился, словно завороженный.

С вершины каменистого холма открылась такая величественная панорама, что вместо радостного вопля у Пэрни вырвался лишь слабый писк.

Океан был наготове, его застывшие волны только и ждали команды, чтобы возобновить свое наступление на берег. Их гребни картинно повисли вдоль берега. Одни уже рассыпались тучей взлетевшей пены, другие застыли, все в кружевных оранжевых завитках.

Над его головой повисла стая крылатых траконов, опускавшихся на берег. Пэрни много раз слышал об этих страшных на вид, но безобидных, как все живое на этой планете, существах. Вдали, на пляже, замерли на полушаге двое каких-то забавных двуногих в странных позах прерванного движения. А в воде стояли смешные трикоены, трехногие морские шуты, только и умеющие, что пожирать морскую траву.

— Эй, вы! — крикнул Пэрни.

Не получив ответа, он вспомнил, что находится в зоне остановленного времени. Мир будет неподвижной декорацией, пока он не пустит время снова.

— Эй, вы! — окликнул он опять, но на этот раз мысленно приказал времени идти.

Тотчас все пришло в движение. Он услышал рокот разбивающихся оранжевых волн, ощутил вкус брызг, доносимых ветром.

Пэрни знал, что в этот момент снова заструился ручеек, лиловые тучи поползли над долиной, а пчелы начали собирать пыльцу. Ведь он останавливал время, а значит, и всякое движение.

Он обогнул груду окаменелых деревьев и спустился по песчаному склону, чтобы познакомиться с триконами, на его глазах только что ожившими.

«Я умею стоять на голове!» Положив лонго на песок, он сделал стойку, едва сохранив равновесие. Видно, манипуляции со временем не прошли для него бесследно.

Трикону проделка Пэрни показалась великолепной. Он даже прервал трапезу ровно настолько, чтобы приветственно пошевелить хвостом, и снова вернулся к своему вечному пиршеству.

Пэрни направился было к стае крылатых траконов, но те вдруг взмыли в небо, напуганные приближением двуногих пришельцев. Он хотел окликнуть тех своим обычным «Эй вы!», когда услышал, что двуногие сами издают какие-то гортанные звуки.

— ...не ставлю себе предела, Бенсон. Эта планета — семнадцатая. Семнадцать планет, моих собственных!

— Вот как, семнадцать планет! А скажите, Форбс, что вы намерены с ними делать? Развесить по стенам своего логова в Сан-Диего?

— Эй вы, давайте поиграем! — крикнул Пэрни, протягивая двуногим налитые соком плоды лонго. — Вот мой завтрак, хотите попробовать?

Но на него никто не обращал внимания.

— Бенсон, вы бы лучше велели своим людям браться за работу. Хватит глазеть на пейзажи. Время — деньги. Я оплатил экспедицию не для того, чтобы устраивать вакации вашим бездельникам.

Двуногие остановились так внезапно, что Пэрни чуть было не налетел на одного из них.

— Погодите минутку, Форбс. Верно, мы летели сюда на ваши деньги, я подобрал для вас самую лучшую на Земле команду. И я отвечаю за безопасность людей, пока мы здесь, и за благополучный перелет обратно.

— Вот именно. А так как вы за них в ответе, велите им начинать работу. Пусть принесут флаг. Полюбуйтесь только на этих кретинов — они в море играют с трехногим страусом!

— Господи помилуй, да вы что, не человек? Мы высадились на этой планете двадцать минут назад! Естественно, людям хочется осмотреть ее. Они боялись, что на них нападут дикие звери, а нас встречают эти чудаковатые твари, словно родственников, возвратившихся после долгой разлуки. Пусть люди осмотрятся, а потом «застолбят» вам эту планету.

Пэрни ковылял за ними шаг в шаг, но Форбс вдруг злобно пнул его ногой.

— Бенсон, уберите этого пучеглазого кенгуренка!

Пэрни взвизгнул от радости, подумав, что с ним играют, и живо сделал стойку. Стоя на голове, он смотрел, как они уходят, ногами кверху. И зачем они так спешат?

Он сел и начал завтракать, и тут появилось еще трое двуногих. Они возбужденно переговаривались и, видимо, пытались нагнать ушедших. Пэрни и им предложил попробовать лонго. Но не получил ответа.

Возможно, игра заинтересует их больше. И он, оставив, в который уже раз, свой завтрак, поплелся за ними.

— Капитан Бенсон, Майлс обнаружил мощное излучение. Сейчас он пытается найти источник.

— Удача, Форбс! Вы здесь так обогатитесь, что следующую планету сможете купить за наличные. Тогда их будет, кажется, восемнадцать?

— Подумаешь, излучение! Руду низкого качества можно найти на любой планете. Ну так что там с флагом? Велите поднять его, Бенсон. И позаботьтесь высечь на скале памятную надпись.

— Ладно, ребята. Чем скорее мы поднимем флаг мистера Форбса и «застолбим» его планету, тем скорее освободимся.

— Взгляните, Бенсон, на ту кучу бревен. Славное основание для флагштока!

— Это окаменелые стволы. Верхние слишком высоко, чтобы стащить их оттуда, а если мы вытащим нижние, вся груда обрушится на нас. Мы найдем бугорок понадежнее.

— Пусть будет по-вашему. Помните только, я хочу, чтобы флаг стоял прочно.

— Не волнуйтесь, Форбс, парни что-нибудь придумают. Но зачем вам флаг? «Застолбить» планету гораздо важнее...

— Конечно, конечно. Гораздо важнее. Я принял во внимание все требования закона, когда делал заявку. А флаг... Что ж, можно сказать, Бенсон, что он символ империи. Империи Форбса. На каждом из моих флагов стоит имя ФОРБС, символ развития и прогресса. Назовите это сантиментами, если хотите...

— Не назову. Я видывал частновладельческие флаги и раньше.

— Черт побери, почему вы все время называете это частным владением? Дело, которое я делаю, — большое дело. Я прокладываю новые пути!

— Конечно. И если я не ошибаюсь, вы пошли на маленькое крючкотворство, которое делает вас не только хозяином планет, но и закабалит тех дураков, ко-

торые будут покупать у вас участки.

— Я могу спустить с вас шкуру за эти разговорчики. Черт побери, Бенсон! Именно такие, как я, и дают вам возможность летать в космос. Именно такие, как я, вкладывают хорошие деньги в такое неверное дело, как это, чтобы такие, как вы, смогли уйти из многоэтажных домов-муравейников. Вы об этом подумали?

— Я думаю, что за полгода вы утроите свой капитал.

Они резко остановились, Пэрни тоже. Оглянувшись, Пэрни увидел, что отставшие догоняют их.

— Капитан Бенсон! Вот флаг, сэр. А вон и Майлс со своими приборами. Он говорит, что источник излучения где-то поблизости.

— В чем дело, Майлс?

— Стрелка ошалела, сэр. Она выскакивает из шкалы!

Пэрни увидел, что один из двуногих направился к нему с каким-то ларчиком. Обрадовавшись вниманию, он немедленно встал на голову. — «А вы так умеете?» Их реакция привела его в восторг. Все они залопотали по-своему, и он остался очень доволен.

— Отойдите, капитан! Вот он, источник! Этот малыш горячее плутониевой батареи!

Они обступили Пэрни широким кругом, и он решил, что должен сделать что-нибудь на «бис». Он придумал совершенно новый фокус: что если постоять на одной ноге?

— Бенсон, этот зверь мне нужен. Суньте его в ящик!

— Погодите, Форбс. Космический закон запрещает...

— Это моя планета, и закон здесь — я. Суньте его в ящик.

— Я заявляю протест...

— Господи, вот так образец! Радиоактивное животное! Они же и размножаются, конечно. Здесь где-нибудь поблизости их тысячи! И подумать только — эти дураки на Земле, с их плутониевыми котлами... Ха! Теперь покупатели будут ломиться ко мне толпой. Вот что значит, Бенсон, быть первооткрывателем!

— Не торопитесь. Если этот наш приятель действительно радиоактивен, то для команды он очень опасен.

— Но ведь у вас есть специальные ящики для минералов. Вот и суньте его туда!

— Он умрет.

— У нас с вами контракт, Бенсон. Вы обязаны подчиниться мне. Суньте зверя в ящик!

Пэрни устал. Хотя день оказался интереснее и восхитительнее, чем он ожидал, напряжение уже начинало сказываться. Он лежал в центре круга, обессиленный и счастливый, надеясь, что новые друзья покажут ему что-нибудь из своих фокусов.

Ему не пришлось долго ждать. Стоявшие вокруг расступились и пропустили двоих, принесших какой-то ящик. Пэрни сел, чтобы видеть лучше.

— Капитан, а почему бы попросту не схватить его? Удирать он, кажется, не намерен.

— Лучше не надо, Кэбот. Хотя ты и в спецодежде, неизвестно, на что этот малыш способен. Безопаснее воспользоваться веревкой.

— Клянусь, он понимает, о чем речь! Взгляните, какие у него смышленые глаза!

— Ладно, осторожнее с веревкой.

— Ступай сюда, малыш. Вот сюда. Будь паинькой.

Пэрни тревожно прислушивался к звукам. Он чувствовал, что его просят о чем-то, но не понимал, что должен делать. Он склонил голову набок и заерзал в нерешительности.

Увидев петлю, взвившуюся у него над головой, Пэрни, сам не зная почему, выскочил из круга и помчался по песчаному берегу. Он удивился своему неожиданному бегству. Зачем он это сделал? Никогда он не испытывал этого странного чувства, которое заставило его удирать.

Двуногие существа столпились вокруг ящика: их внимание, повидимому, было чем-то отвлечено. Теперь Пэрни жалел, что убежал; он понял, что упускает случай поиграть с ними.

Его друзья побежали за ним, и Пэрни понял, что они хотят посадить его в ящик. Он решил подразнить их и нарочно пробежал в двух футах от свинцового ящика, ловко ускользнув в последний момент. И тут он услышал оглушительный грохот и острую боль в ноге.

— Форбс, вы с ума сошли! Бросьте револьвер!

— Я подшиб его, и только. Подберите его теперь.

Боль в ноге была пустяком. Пэрни мучило другое: что плохого он сделал? Увидев петлю, снова взвившуюся над ним, он невольно остановил время.

Снова все вокруг замерло. Петля повисла у него над головой, а веревка шла, извиваясь к одному из двуногих. Тихонько всхлипывая, Пэрни выбрался из окружения.

Он не мог смотреть им в глаза, так как был уверен, что поступил плохо. Потом он решил, что сможет по каким-либо приметам догадаться об их намерениях. Он проковылял мимо Форбса, в руке у которого был маленький блестящий предмет, дымящийся на одном конце недвижными завитками; обошел вокруг Майлса, держащего маленький ящичек, шипевший всякий раз, когда Пэрни оказывался близко. Но так ничего и не понял. У самой подошвы холма он миновал трикона, который был смешон даже в страхе. Испугавшись выстрела, он подскочил на четыре фута в воздух как раз в тот момент, когда Пэрни остановил время. Теперь он повис, поджав все три лапы, и из клюва у него торчала морская трава.

Пэрни ковылял вверх по склону, мучительно соображая, уйти ему или остаться. Какое странное место — этот океанский берег! И почему никто не рассказывал ему о двуногих существах?

Добравшись до вершины, он взглянул вниз, на замерших двуногих, и ему стало грустно. Как хотелось бы ему спуститься и поиграть с ними! Но теперь он уже знал, что их игры для него опасны. Пора возвращаться домой: он ужасно устал, злоупотребив способностью останавливать время.

Когда Пэрни снова пустил время, Кэбот, забавно приоткрыв рот, смотрел на петлю.

— Боже мой, оно... оно исчезло.

— Он стал невидимкой, капитан? Где он?

— Вон там, наверху, капитан! На камнях.

— Бенсон, раз уж вы упустили этого пучеглазого, я с ним справлюсь по-своему, — заорал Форбс, прицеливаясь.

— Минутку, Форбс, дайте подумать. В этом пушистом чертенке есть что-то такое, чего мы... Форбс! Не смейте стрелять, черт вас побери!

Пэрни забрался на груду окаменелых деревьев, чтобы взглянуть на двуногих в последний раз. И тут под его тяжестью бревна начали двигаться сначала медленно, потом обрушились на людей сплошной лавиной. В ужасе Пэрни отпрянул назад. Пронзительные вопли двуногих потрясли его.

— Я нечаянно! — вскричал Пэрни. — Простите меня! Вы слышите? Встаньте! Пожалуйста, встаньте!

Начавшийся прилив грозил погубить тех, кто лежал у воды, придавленный бревнами.

Пэрни спустился на берег. В их возгласах он различил новый от-

тенок, словно предчувствие надвигающейся смерти.

— Родс! Кэбот! Вы меня слышите?

— Я... Я не могу двинуться, капитан. Нога... Боже мой, мы утонем!

— Посмотрите, Кэбот. Жив ли кто-нибудь?

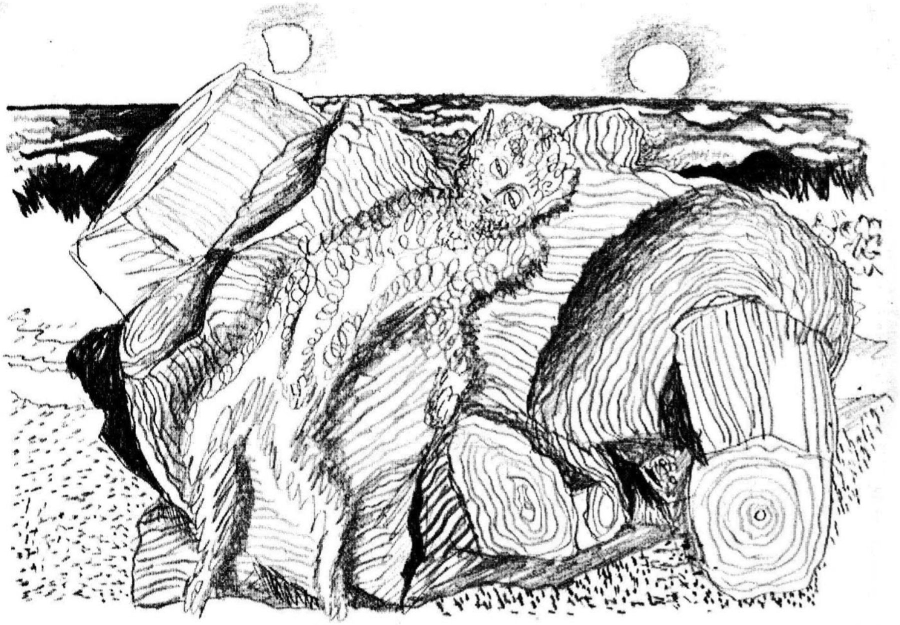
— Люди на берегу засыпаны

ду стволами, в другой руке был блестящий, извергавший дым предмет.

Высвободив Форбса, Пэрни окончательно выбился из сил.

Пока он еще не потерял сознание, он должен успеть пустить время.

Шаг за шагом поднимался он



Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

обвалом, капитан. А остальные в воде и тоже обречены.

— Форбс... Вы видите Форбса? Может быть, он... — Голос сорвался, когда волна с головой накрыла кричавшего.

Пэрни не мог больше ждать. Не задумываясь о последствиях, он приказал времени остановиться.

Войдя в неглубокую воду, он начал с трудом отодвигать бревна, потом вытаскивал пострадавших на песок. Слезы ослепляли его. Он действовал медленно и тщательно, экономя силы. Он знал, что не уйдет, пока в опасности его друзья. Живы они в этот момент или нет, они останутся в этом состоянии, пока он не пустит время снова. Он зашел поглубже, где из оранжевой воды торчала рука. Рука сжимала белый флаг, застрявший меж-

на холм, то и дело останавливаясь — не опоздает ли он пустить время?

Наконец он приказал времени двинуться — оно стояло!

Сердце у него сжалось. Он не боялся смерти и знал, что, когда умрет, время двинется снова, и друзья его оживут. Но ему хотелось убедиться, что они спасены.

Он сделал над собой последнее усилие. Время нельзя подтолкнуть, чтобы оно пошло. Нельзя его заставить двигаться постепенно, сначала медленно, потом полным ходом. Время или идет, или не идет. Потом — он сам не знал, как это случилось! — ему удалось приказать...

Его друзья ожили. Один из них, лежавший ничком, шевельнулся и ударил кулаком по песку. Пэрни ощутил огромное облегчение, услышав, что они снова перекликаются.

— Что со мной случилось? Скажите кто-нибудь! Или я свихнулся? Майлс! Шикк! Что это значит?

— Я здесь, Родс! Помоги нам бог, дружище. Или мы сошли с ума, или эти бревна живые!

— Кто нас вытащил из воды? Майлс, мы оба рехнулись!

— Говорю тебе, дружище, это бревна, или камни, или что там еще. Я смотрел прямо на них. Сначала они скатились на меня, а потом почему-то очутились вон там!

— Да ведь не бревна же вытащили нас из моря, верно? Капитан Бенсон!

— Как, ребята, живы?

— Да, сэр, но...

— Кто-нибудь из вас видел, как это все случилось?

— Боюсь, что мы видели не все, капитан. Эти бревна...

— Знаю, знаю. Ну поднимайтесь. Мы должны собрать всех и уйти отсюда, пока не поздно.

— Но что произошло, капитан?

— Черт возьми, Родс, я сам хотел бы знать. Эти бревна — такие древние, что окаменели. Все вместе мы не смогли бы приподнять ни одно из них. Чтобы сдвинуть такое, нужна сверхчеловеческая сила.

— Я что-то не приметил здесь великана. Эти страусы, вон там, только и делают, что жрут траву...

— Хорошо, давайте поможем пострадавшим. А где же Форбс?

— Сидит в воде, капитан, и плачет, как ребенок. Или смеется, трудно сказать.

— Тащите его сюда!.. Форбс! Вы целы?

— Хо-хо-хо! Семнадцать! Семнадцать планет, Бенсон, послушны мне во всем! А эта — капризная. Вы видели этот фокус с камнями? Хо-хо-хо!

— Заберите у него револьвер, Шикк: он может продырявить кого-нибудь из нас. Свяжите и отнесите на корабль.

— Ха-ха-ха! Семнадцать планет! Бенсон, вы лично ответите за это! Хи-хи-хи!

Пэрни открыл глаза; сознание вернулось к нему.

Он осторожно подполз к просвету между скальными глыбами. При свете двух лун он видел, как люди уходят небольшими группами, поддерживая слабых. Сквозь шум прилива до него отчетливо донеслись голоса.

— Может, мы все сошли с ума, капитан?

— Не думаю...

— Хотел бы я поверить этому!

— Вы видели Форбса? Что вы о нем скажете?

— Он спятил, капитан.

— Верно. А если бы это случилось с вами, вы никогда не заметили бы его состояния. Он считает, что весь мир сошел с рельсов; вы — что с рельсов сошли вы сами. Все в порядке, Кэбот, не тревожьтесь.

— Я все-таки не могу поверить....

— Скажите, Кэбот, что показалось вам самым необычным?

— Вся эта история с бревнами, сэр.

— Да, конечно. Но я хотел сказать — кроме этого.

— Ну, я, наверно, не заметил. Знаете, испугался, и все такое прочее...

— А вы не подумали о нашем маленьком пучеглазом друге?

— Ах о нем! Боюсь, что нет, капитан. Я... Я, кажется, думал больше о себе.

— Гм. Если бы только быть уверенным, что я его видел. Если бы еще кто-нибудь видел его.

— Кажется, я не понимаю вас, капитан.

— Но, черт возьми, вы же знаете, Форбс выстрелил в него. Попал ему в ногу. А если это так, то почему этот пушистый чертенок вернулся к своим мучителям, к нам, когда нас придавило бревнами?

— Ну, наверно, пока мы были придавлены, он считал, что мы для него не опасны... Простите, я, кажется, ответил глупо. Кажется, я еще немного не в себе.

— Идите на корабль, Кэбот, и готовьтесь к отлету. Я приду через несколько минут. Хочу проверить, не остался ли кто-нибудь на берегу.

— Не стоит, все уже давно ушли. Я проверял.

— За это, Кэбот, отвечаю я. Ступайте.

Пэрни лежал чуть живой и помутневшими глазами еле различил человека, что-то искавшего на берегу.

— Где ты? — кричал пришелец.

Но Пэрни теперь уже боялся показываться на глаза этому чудаку. Он не понимал его. Он вдруг подумал о том, что скажут дома, когда он вернется.

— Мы виноваты. Простите нас... — Голос слышался то яснее, то глуше. И Пэрни видел, что человек подошел к рассыпавшейся груде стволов.

— Если ты ранен, я помогу тебе.

Обе луны стояли теперь высоко в небе. Когда они проглядывали сквозь крутящиеся тучи, Пэрни видел отбрасываемую человеком двойную тень. Человек удрученно покачал головой и медленно удалился туда же, куда ушли все двуногие.

В последний раз Пэрни смотрел на океан, на волны, на берег... Берег опустел, и взгляд его наткнулся на мерцающе-белую тряпку, полоскавшуюся в прибое. И самое последнее, что Пэрни успел увидеть, было вытканное на этой тряпке слово «ФОРБС».

Перевела с английского
З. БОБЫРЬ

«Экспедиция к Проксиме Центавра, организованная Фондом Джордана в 2119 году, была первой в истории попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О судьбе, постигшей экспедицию, можно только догадываться...»

Фрэнк Бак. Романтики современной астрографии, изд-во «Люкс Лимитед».

ЧАСТЬ I. ВСЕЛЕННАЯ

— Осторожно! Мьют!

Кусок железа врезался в переборку прямо над головой Хью с такой силой, что, не промахнись пращник, пробил бы ее наверняка. Хью Хойланд резко пригнулся, оттолкнулся ногами от пола и, пролетев несколько метров по коридору, выхватил нож. Перевернувшись в воздухе у поворота, он встал на ноги. За поворотом коридор был пуст. Оба товарища догнали его.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Ушел, — ответил Хойланд. — Я видел, как он нырнул в люк. Кажется, у него было четыре ноги.

— Четыре или две, нам все равно теперь не поймать мьюта, — сказал Морт Тайлер.

— Вот еще, ловить его! — воскликнул Махони. — На кой Хафф он нам сдался!

— А я был бы не прочь поймать его, чтобы потолковать кое о чем, — ответил Хойланд. — Клянусь Джорданом, возьми он на два дюйма ниже, быть бы мне в Конвертере.

— Перестаньте через каждые два слова богохульничать, — укоризненно сказал Тайлер. — Слышал бы вас Капитан! — И он благоговейно приложил ладонь ко лбу, как и подобает при упоминании Капитана.

— Джордана ради, — резко ответил Хойланд, — не умничай, Морт. Тебя еще не произвели в ученые, а я вряд ли менее благочестив, чем ты, но не вижу греха в том, чтобы иногда дать выход чувствам. Даже ученые так выражаются в сердцах, я сам слышал.

Тайлер открыл было рот, но промолчал.

Роберт Хайнлайн вошел в американскую литературу в начале 40-х годов и оказал глубочайшее влияние на развитие в ней научно-фантастического жанра. Вот как оценивает его творчество Артур Кларк: «Боб Хайнлайн — один из основателей современной научной фантастики и первый исследователь многих тем, ставших за последнее тридцатилетие основными в ней. Вряд ли будет преувеличением сказать, что влияние, оказанное им на развитие жанра, можно сравнить только с влиянием, оказанным Уэллсом, также посеявшим семена, всходы которых с энтузиазмом пожинали последующие поколения фантастов».

По мнению большинства авторитетных исследователей американской фантастики, да и самих писателей-фантастов, именно Роберт Хайнлайн заложил основы наиболее интересного, значимого и плодотворного направления американской научно-фантастической литературы — социальной фантастики.

Влияние Хайнлайна на творчество таких известных авторов, как Клиффорд Саймак, Айзек Азимов, Гарри Гаррисон, и многих других выражалось не только в том, что они успешно разрабатывали предложенные им темы и сюжеты, но и прежде всего в том, что Хайнлайн первым из них поднял в жанре научной фантастики серьезные проблемы человеческих взаимоотношений в обществе, развития человека в обществе, взаимосвязи развития науки и социальных отношений и условий.

Роберт Хайнлайн — писатель очень сложный и противоречивый, его произведения часто мрачноваты, а в ряде работ сказались консервативные взгляды автора...

В то же время в лучших рассказах и романах Хайнлайна талант писателя оказывается выше его субъективных взглядов. Ему присуща вера в человека, в то, что человеческий разум преодолеет все преграды, даже если на это и потребуются тысячи лет упорного труда. Поэтому чрезвычайно интересно предложить вниманию советского читателя ранний роман Роберта Хайнлайна, созданный в первый и самый плодотворный период его творчества. Роман, сюжет которого разрабатывался впоследствии такими известными писателями, как Харлан Эллисон, Клиффорд Саймак (у последнего в хорошо известном советскому читателю рассказе «Поколение, достигшее цели»), и многими другими. Произведение, получившее позже название «Пасынки вселенной», впервые было опубликовано в виде двух отдельных повестей («Вселенная» и «Здравый смысл») журналом «Эстаундин сайенс фикшн» в 1941 году. В изданном в 1973 году двухтомнике «Зал славы научной фантастики» повесть «Вселенная» была включена в число одиннадцати лучших, когда-либо написанных в Америке научно-фантастических повестей. Отбор для двухтомника делали члены Ассоциации писателей-фантастов США.

По свидетельству Харлана Эллисона, самому Хайнлайну сюжет этого произведения пришел в голову, когда он читал работы К. Э. Циолковского.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

— Слушай, Хью, — Махони дернул Хойланда за руку. — Давай уйдем отсюда. Мы так высоко никогда еще не забирались. Я хочу вернуться туда, где нормальная тяжесть.

Хойланд, сжимая рукоять ножа, жадно смотрел на люк, в котором скрылся противник.

— Ладно, малыш, — согласился он. — Впереди дорога долгая, пора возвращаться.

Он повернулся и пошел к люку, через который они выбрались на этот ярус. Вверх приходилось подниматься по крутым лестницам, но сейчас Хью просто оттолкнулся от крышки люка и начал плавно спускаться на палубу пятнадцатью футами ниже. Тайлер и Махони последовали за ним. Так они продвигались вниз — через десятки люков и зловещих, слабо освещенных палуб. С каждым разом прыжок чуть-чуть ускорялся, и приземлялись они чуть-чуть тяжелее. В конце концов Махони не выдержал:

— Хью, хватит прыгать. Я ногу зашиб. Давай пойдем лестницами.

— Ладно, но так будет дольше. Кстати, далеко нам еще?

— Отсюда до фермы палуб семьдесят, — ответил Тайлер.

— А ты почем знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Знаю, потому что считал, балда ты этакая.

— Ну да! Считать умеют только ученые. Ты думаешь, если тебя учат читать и писать, так ты уже все знаешь?

Хойланд вмешался, прежде чем спор перерос в ссору:

— Заткнись, Алан. Может, он действительно умеет считать. Морт на такие дела мастак. Да и, судя по тяжести, он прав.

— А лезвия в моем ноже он посчитать не хочет? — не унимался Алан.

— Заткнись, тебе говорят. Ты что, Закона не знаешь? За пределами деревни дуэли запрещены.

Они продолжали свой путь в тишине, легко бежали по лестницам, пока возросшая сила тяжести не заставила перейти на шаг. Вскоре показался ярко освещенный ярус, где расстояние между палубами было раза в два больше, чем наверху. Воздух здесь был влажный и теплый.

— Наконец-то... — сказал Хью. — Однако я не вижу нашей фермы. Мы, наверное, вышли с другой стороны.

— А вон и какой-то фермер, — сказал Тайлер. Сунув мизинцы в рот, он свистнул, а потом крикнул: — Эй, приятель! Куда это мы попали?

Крестьянин не спеша оглядел всех троих, потом объяснил, как найти Главную дорогу, ведущую к их деревне. Они прошли с полторы мили энергичным шагом по широкому, довольно оживленному тоннелю. Навстречу им попадались по большей части крестьяне, толкавшие перед собой груженые тележки. Потом они увидели, как в носилках, которые держали четверо здоровенных слуг, с достоинством покачивался ученый. Его оруженосец шествовал впереди, разгоняя с дороги простолюдинов... А вскоре вся тройка пришла в общинную своей деревни — просторное помещение в три палубы высотой. Здесь они разошлись. Хью направился в казармы кадетов — молодых холостяков, живущих отдельно от родителей. Он умылся, потом отправился к дяде, Эдуарду Хойланду, у которого работал за еду. Когда Хью вошел, тетя взглянула на него, но ничего не сказала: женщине подобало хранить молчание.

— Привет, Хью, — сказал дядя. — Опять бродил по окрестностям?

— Доброй еды, дядя... Конечно, бродил...

Эдуард Хойланд, солидный здравомыслящий человек, снисходительно усмехнулся:

— Где был и что видел?

Тетя бесшумно выскользнула за дверь и вернулась с ужином для Хью, поставила перед ним тарелку, но ему даже и в голову не пришло поблагодарить за заботу. Он проглотил кусок прежде, чем ответить.

— Был наверху. Добрались почти до невесомости. А потом мьют чуть не разнес мне череп.

Дядя хмыкнул:

— Свернешь себе шею в этих трущобах, парень. Ты бы лучше занимался хозяйством и ждал дня, когда я умру и оставлю его тебе.

На лице Хью появилось упрямое выражение.

— А вам разве не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, когда я был молодым, тоже много шатался. Прошел всю Главную дорогу, потом вернулся обратно в деревню. И в Темном Секторе бывал, меня там мьюты разве что за пятки не хватали. Видишь шрам?

Хью видел этот шрам не в первый раз, а дядин рассказ уже наскучил ему до тошноты. Подумаешь, прошел однажды Главную дорогу! Сам-то Хью хотел побывать везде, все увидеть и все узнать. Взять хотя бы верхние ярусы. Если человеку не дано так высоко забираться, то с чего Джордану было их создавать?

Но мысли эти он держал при себе и продолжал есть. Эдуард Хойланд сменил тему:

— Мне надо повидать Свидетеля. Джон Блэк заявил, что я ему должен трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Да нет, пожалуй. Хотя да, пойду.

— Поспешай тогда.

По дороге они зашли в казарму, и Хью отпросился идти с дядей по делу.

Свидетель жил в маленьком вонючем помещении на краю общинной, где был легкодоступен всем, нуждающимся в его услугах. Он сидел на пороге, ковыряя ногтем в зубах. Его ученик, прыщавый близорукий подросток, сидел на корточках за его спиной.

— Доброй еды, — сказал дядя.

— И тебе доброй еды, Эдуард Хойланд. Ты пришел по делу или просто составить старику компанию?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя, а затем изложил суть своего визита.

— Так в чем проблема? — сказал Свидетель. — В контракте ведь ясно сказано:

Джон Блэк дал Эдуарду овес,
Чтоб Эд свиней ему принес.
Как поросята подрастут,
Из них двух Джону отдадут.

Подросли поросята, Эдуард Хойланд?

— Подросли, — ответил дядя. — Но Блэк требует трех, а не двух.

— Порекомендуй ему холодную примочку на голову. Свидетель свое слово сказал, — и старик жиденько рассмеялся.

Они немного посплетничали. Эдуард Хойланд как мог удовлетворял ненасытную жажду старика ко всякого рода подробностям. Хью хранил благопристойное молчание во время беседы старших. Но когда дядя наконец поднялся, он сказал:

— Я задержусь ненадолго.

— Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдуард Хойланд.

Когда дядя отошел достаточно далеко, Хью сказал:

— Я принес вам подарок, Свидетель.

— Покажи.

Хью вынул кисет с табаком, который захватил, когда заходил в казарму. Свидетель принял его, не сказав ни слова, и бросил ученику, чтобы тот спрятал.

— Заходи, — сказал Свидетель и повернулся к ученику: — А ты принеси-ка кадету стул.

Хью начал рассказ, и старик

тщательно выпытывал все касающееся его последних вылазок, ругая при этом Хью за неумение запоминать события до мельчайших подробностей.

— Ничего вы, молодые, не умеете. Даже этот паршивец, — Свидетель ткнул пальцем в ученика. — Даже он ничего не умеет, хоть и способней тебя раз в десять. Поверишь ли, и тысячи строк в день запомнить не может, а ведь должен занять мое место, когда умру. Да когда я был учеником, мне тысячи строк едва хватало, чтобы заговорить себя и поскорее уснуть. Свистки вы все без горошины.

Хью не возражал, он ждал, пока старик выговорится.

— Ты хотел что-то спросить у меня, паренек?

— Вообще-то, да, Свидетель.

— Ну так выкладывай. Язык, что ли, проглотил?

— Вы когда-нибудь поднимались в невесомость?

— Кто, я? Конечно, нет. Я же учился на Свидетеля. Мне нужно было запомнить все, что написали Свидетели до меня, а на мальчишеские забавы у меня времени не было.

— Я думал, может, вы мне скажете, что там есть.

— А, ну это совсем другое дело. Нет, сам я туда никогда не забирался, но слышал рассказы многих людей, которые там побывали. Очень многих, тебе столько людей не увидеть и за всю жизнь. Я ведь старый. Я помню отца твоего отца и его отца тоже. Что же именно ты хочешь знать?

— Что именно? — Как задать вопрос? Как выразить словами смутную боль в груди? И все-таки: — Какое в этом во всем предназначение, Свидетель? Зачем все эти ярусы над нами?

— Что? Джордан с тобой, сынок, я же Свидетель, а не ученый.

— Я думал, что вы, может быть, знаете... Извините...

— Но я действительно знаю. Строки из Книги Начала — вот что тебе нужно.

— Их я уже не раз слышал.

— Так послушай еще раз. Ответы на все вопросы есть в этих строках, если только у человека хватает мудрости увидеть их. Внемли мне. Хотя нет, дадим возможность моему ученику показать себя. Эй ты! Прочти нам из «Начала», да с выражением.

Ученик облизал губы и начал:

Вначале был Джордан в
раздумье глубоком,
Вначале был Джордан во тьме
одинокой,
Из тьмы и безлюдства родилось
желанье,

Рисунки Н. ГРИШИНА

Желанье затем перешло
в ожиданье.
Из ожиданья родился План —
Джордан решил, и час настал:
Из тьмы и мрака Он Корабль
создал!
Миля за милей уютных жилищ
И для плодов золотых
хранилищ.
Палубы, люки, свет и воздух —
Все для людей, еще
не созданных.
Вот человека сотворил Он
И учредил для него Закон:
Создателя должен чтить
человек,
Плану великому посвятить свой
век.
Каждому Законом отведено
место,
Каждому строго определен удел.
Человеку не дано знать цели,
Главное — чтобы он Создателю
Повиноваться умел.
Одним — говорить, другим —
слушать.
Среди людей воцарился порядок.
Он создал Экипаж для черной
работы
И ученых для соблюдения
Плана.
Помазанник Джордана —
Капитан —
Человеческим родом стал
править сам.
Непорочен лишь Джордан,
а люди грешны.
Зависть, жадность и гордость
загрязнили умы.
Первым Хафф согрешил, будь
он проклят навек!
От него эту скверну вкусил
человек.
Разразился мятеж, и погиб
Капитан.
Кровью мучеников...

Мальчик запнулся, и старик наотмашь ударил его по лицу.

— Начинай снова!

— С самого начала?

— Нет, с той строки, с которой сбился.

Мальчик продолжал монотонно декламировать строфу за строфой, пространно рассказывая древнюю историю греха, мятежа и смутного времени. Как мудрость в конце концов взяла верх и как тела вождей мятежа скормили Конвертеру. Как некоторым мятежникам удалось избежать Полета и положить начало племени мьютов. Как после молитв и жертвоприношений был избран новый Капитан.

Хью беспокойно заерзал, шаркая ногами по полу. Без сомнения, в Священных Строках были ответы на все его вопросы, на то они и священные, но у него, видно, ума не хватало найти их. Но почему? В чем же вообще смысл жизни? Неужели жить — значит всего лишь есть, спать и в конце концов отправиться в Дальний Полет? Разве Джордан не желал, чтобы его поняли? Откуда же тогда боль в груди? Этот голод, который нельзя утолить даже доброй едой?

Утром к дверям дядиного жилища подошел посыльный.

— Ученый хочет видеть Хью Хойланда, — отчеканил он.

Хью понял, что его вызывает Лейтенант Нельсон — ученый, отвечающий за духовное и физическое состояние сектора Корабля, в котором располагалась родная деревня Хью. Он быстро собрался и заторопился вслед за посыльным.

— Кадет Хойланд прибыл, — доложил он.

Ученый оторвался от завтрака и сказал:

— А, да. Входи, мой мальчик. Садись. Ты ел?

Хью утвердительно кивнул головой, не отрывая глаз от диковинных фруктов, лежащих на тарелке. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти финики. Новая мутация. Я приказал доставить их с дальней стороны. Ешь, пожалуйста. В твоем возрасте всегда можно съесть еще немножко.

Хью с гордостью принял приглашение. Делить трапезу с Ученым ему еще не приходилось. Лейтенант откинулся в кресле, вытер пальцы о рубашку, оправил бороду и приступил к делу:

— Последнее время я совсем не видел тебя, сын мой. Расскажи мне, чем ты занимаешься.

Не успел Хью ответить, как Ученый заговорил снова:

— Хочешь, я сам тебе скажу. Ты изучаешь верхние ярусы, мало беспокоясь о том, что это запретная зона. Так или нет?

Хью пытался что-то промямлить, но ученый снова перебил:

— Ну ничего, ничего. Я вовсе не сержусь. Но просто все это заставило меня подумать, что тебе пора выбирать свое место в жизни. Есть ли у тебя какие-либо планы на будущее?

— Сказать по правде, определенных планов нет, сэр.

— А что у тебя с этой девушкой, Идрис Бакстер? Собираешься жениться?

— Не знаю, сэр. Я бы не прочь, да и отец ее тоже, насколько мне известно. Вот только...

— Что «только»?

— Он хочет, чтобы я пошел к нему на ферму в ученики. Предложение, конечно, неплохое. Его ферма да дядин надел — это хорошее хозяйство.

— Но ты не уверен, что тебе именно этим хочется заниматься...

— Сказать по правде, не знаю.

— Правильно. Ты не для этого создан. У меня относительно тебя другие планы. Скажи, ты никогда не задумывался, почему я тебя научил читать и писать? Ага, задумывался? Но держал свои мысли при себе? Вот и молодец. А теперь слушай меня внимательно. Я наблюдал за тобой со дня твоего рождения. Воображение твое развито намного лучше, чем у других простолюдинов. В тебе больше, чем в них, любопытства, больше энергии. Ты прирожденный лидер и уже ребенком выделялся среди других детей. Когда ты родился, твоя слишком большая голова сразу вызвала пересуды. Некоторые даже предлагали закончить дело Конвертером. Но я не согласился. Мне было очень интересно, что из тебя получится. Жизнь крестьянина не для тебя. Твой удел быть ученым.

Лейтенант смолк и внимательно посмотрел на растерянного, потерявшего дар речи Хью. Потом заговорил снова:

— Именно так дела и обстоят. Человека твоего склада следует сделать либо одним из правителей, либо отправить в Конвертер.

— Если я правильно вас понял, сэр, то у меня и выбора нет?

— Откровенно — да. Оставлять мыслящих людей в рядах Экипажа — значит сеять ересь. Это недопустимо. Однажды так случилось, и род человеческий чуть было не погиб. Ты выделился из общей массы своими дарованиями. Теперь твое мышление следует направить на путь истинный, открыть секреты чудес, дабы ты стал охранителем устоев, а не источником смуты и беспокойства.

Вошел посыльный, нагруженный узлами, и сложил их в углу.

— Да это же мои пожитки! — воскликнул Хью.

— Совершенно верно, — подтвердил Нельсон. — Я за ними послал. Теперь ты будешь жить здесь, заниматься под моим наблюдением, если, конечно, у тебя на уме нет чего-либо другого.

— О нет, сэр, что вы! Должен сознаться, я просто немного растерян. Скажите, я теперь... Ну, то есть вы против моей женитьбы?

— А, вот ты о чем... — безразлично ответил Нельсон. — Если хочешь, просто возьми девку себе. Отец теперь возражать не посмеет. Но позволь предупредить, тебе будет не до нее.

Хью пожирал одну за другой древние книги, которые давал ему наставник, забыл даже о Идрис Бакстер и своих дальних экспедициях. Часто ему казалось, что он напал на след какой-то тайны, но каждый раз оказывался в тупике и чувствовал себя еще больше запутавшимся, чем раньше. Постичь премудрости науки и тайны ученых было более трудным делом, чем он предполагал.

Однажды, когда он ломал голову в размышлениях о непостижимо странных и непонятных характерах предков и пытался разобраться в их запутанной риторике и непривычной терминологии, в его комнатушку вошел Нельсон и отцовским жестом положил руку на плечо.

— Как идет учеба, мальчик?

— Да, пожалуй, нормально, сэр, — ответил Хью, отложив книгу в сторону. — Но кое-что я не совсем понимаю. А сказать по правде, не понимаю совсем.

— Чего и следует ожидать, — невозмутимо ответил Нельсон. — Я умышленно оставил тебя наедине с мудростью, чтобы ты увидел ловушки, расставленные для природного ума, не вооруженного знанием. Многое из того, что ты прочел, не понять без разъяснений и толкований. Чем ты сейчас занят? — Он взял книгу и посмотрел на обложку: — «Основы современной физики». Это одно из самых ценных древних писаний, но непосвященному не разобраться в нем без помощи. Прежде всего ты должен понять, мой мальчик, что наши предки при всем их духовном совершенстве придерживались иных взглядов на мир, чем мы. В отличие от нас, рационалистов до мозга костей, они были неисправимыми романтиками, и те незыблемые истины, которые оставлены нам в наследство, часто

излагались у них аллегорическим языком. Возьми, например, Закон Всемирного Тяготения. Дошел ты уже до него?

— Да, я читал о нем.

— Понял ли ты его? Мне кажется, что нет.

— Я не увидел в нем никакого смысла, — робко сказал Хью. — Прошу прощения, сэр, но все это показалось мне какой-то белибердой.

— Вот блестящий пример того, о чем я тебе говорил. Ты воспринял этот Закон буквально. «Два тела притягивают друг друга пропорционально квадрату расстояния между ними». Казалось бы, эта формула звучит как правило, констатирующее элементарное состояние физических тел. Но нет! Ничего подобного! Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Тела, о которых идет речь, — это человеческие тела. Масса — это их способность к любви. У молодых потенциал любви намного выше, чем у стариков; если их свести вместе, они влюбятся друг в друга, но, если разлучить, чувство любви быстро проходит. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет.

Хью усмехнулся:

— Такая трактовка мне и в голову не приходила...

— Если тебе что-либо неясно, спрашивай.

— У меня много вопросов, так сразу я даже с ними и не соберусь. Но вот что я хотел бы знать, отец мой. Можно ли считать мьютов людьми?

— Так... Вижу, ты наслушался праздной болтовни... И да и нет. Верно то, что мьюты когда-то произошли от людей, но они ведь давно уже не относятся к Экипажу, ведь они согрешили и нарушили Закон Джордана. О, это очень сложный вопрос, — продолжал учитель, увлекшись. — Здесь можно спорить и спорить. Дискутируется даже этимология слова «мьют». Некоторые ученые считают, что было бы более правильным называть эти существа «мяты», поскольку — и это, безусловно, верно — начало их роду было положено избежавшими Конвертера мятежниками. Но верно также и то, что в их жилах течет кровь многочисленных мутантов, расплодившихся в Темные века. Отсюда и «мьют» — «мутант». В те давнишние времена, как ты сам понимаешь, не существовало еще нашего мудрого обычая — осматривать каждого новорожденного и отправлять в Конвертер тех, кто отмечен печатью греха, а значит, родился мутантом.

Хью обдумывал услышанное, потом спросил:

— А почему же среди нас, людей, все еще появляются мутанты?

— Это как раз легко понять. Семя греха все еще живет в нас и временами воплощается в людей. Уничтожая этих паршивых овец, мы оберегаем стадо и тем самым приближаемся к осуществлению великого Плана Джордана — завершению Полета в нашем доме небесном, Далеком Центавре.

Хойланд напряженно свел брови:

— Это мне тоже не совсем ясно. Многие из древних писаний говорят о Полете как о действительном процессе движения куда-то. Как если бы сам Корабль был бы какой-то тележкой, которая может двигаться из одной деревни в другую. Как это понять?

Нельсон хмыкнул:

— Как понять? Вот уж действительно вопрос. Как может двигаться то, внутри чего движется все остальное? Ответ ясен. Ты опять спутал древнюю аллегорию с реальностью. Само собой разумеется, что Корабль неподвижен. Корабль — это Вселенная. Но, конечно, она движется в духовном смысле слова. С каждым нашим праведным поступком мы продвигаемся все ближе и ближе к божественному предначертанию Плана Джордана.

— Я, кажется, понимаю, — кивнул Хью.

— Видишь ли, Джордан мог создать Вселенную и не в виде Корабля. Он мог придать ей любую форму. На заре человечества, когда наши предки были более поэтичными, чем мы, святые соперничали друг с другом, строя гипотезы о возможных мирах, которые мог бы создать Джордан, будь на то его воля. Существовала даже школа, разработавшая целую мифологию о перевернутом вверх дном мире, состоящем из бесчисленного множества пустых пространств, в которых только кое-где мерцали огоньки и жили бестелые мифологические чудовища. Они называли этот вымышленный мир «небом», или «небесным миром», видимо, по контрасту с реальной действительностью Корабля. Я думаю, что все это делалось к вящей славе Джордана. И кому дано судить, по нраву Ему были эти мечты или нет? Но в наш просвещенный век на нас возложена более серьезная работа, чем на наших предков.

Астрономия Хью не интересовала. Даже его нетренированному уму было ясно, насколько она нереальна и не от мира сего. Он же был занят вопросами более практическими.

— Если мьюты — плод греха, то почему же мы не предпримем попыток уничтожить их? Разве такое деяние не ускорит выполнение Плана?

После короткой паузы ученый ответил:

— Ты задал прямой вопрос и заслуживаешь прямого ответа. Подумай сам: ведь в Корабле достаточно места только для определенного числа членов Экипажа. Если мы начнем размножаться безо всяких ограничений, то наступит время, когда доброй еды на всех не хватит. Так не будет ли лучше, если некоторые погибнут в стычках с мьютами, чем допустить ситуацию, при которой нас станет так много, что мы будем вынуждены убивать друг друга из-за еды? Видишь, в Плане Джордана даже мьютам отведено место.

Аргументация казалась убедительной, но все же не до конца. Во всяком случае для Хью.

Но когда его как младшего ученого допустили к практической деятельности по управлению жизнью Корабля, он обнаружил, что существуют и другие теории. Согласно установленному обычаю он некоторое время обслуживал Конвертер. Работа была необременительная. В основном приходилось принимать отходы, доставляемые носильщиками изо всех деревень, да вести учет поступлениям. Но, работая там, он познакомился с Биллом Эртцем, Заместителем Главного Инженера, который был совсем ненамного его старше.

Хью обсуждал с ним теории, усвоенные из бесед с Нельсоном, но реакция Эртца просто потрясла его.

— Заруби себе на носу, малыш, — сказал ему Эртц, — что наша работа — это практическое дело для практически мыслящих людей. Забудь всю эту романтическую чепуховину. План Джордана, тоже мне! Все эти россказни только и годятся для того, чтобы держать крестьян в повиновении, но ты-то на это не клюй. Никакого Плана и в помине нет, кроме, конечно, наших собственных планов. Кораблю нужны свет, тепло и энергия, которыми ведаем мы, ученые. Экипажу без них не прожить, что касается этой мягкотелой терпимости по отношению к мьютам, то, помяни мое слово, скоро кое-что изменится. Держи язык за зубами, а сам будь поближе к нам.

Из этого разговора Хью понял, что ему следует примкнуть к группировке молодых ученых. Молодые создали свою собственную, крепко спаянную организацию, состоящую из практически мыслящих, работящих людей, которые были намерены улучшить условия жизни во всем Корабле. Они были крепко спаяны потому, что каждый молодой кандидат в ученые, не оказавшийся способным воспринять их взгляды, либо вскоре оказывался снова среди крестьян, либо, что случалось еще чаще, был обвинен в серьезном служебном проступке и оказывался в Конвертере.

И Хойланд начал понимать, что молодые ученые были правы.

Они были реалистами. Корабль есть Корабль. Факт, не требующий толкования. А что касается Джордана, то кто Его видел? Кто с Ним хоть раз беседовал? И в чем это заключается Его малопонятный План? Смысл жизни в том, чтобы жить. Человек рождается, живет и уходит в Конвертер... Все очень просто, безо всяких мистерий, божественных Полетов и Центавров. Все эти мифы и сказки не что иное, как пережитки детства рода человеческого, тех времен, когда человек еще не умел разобраться в реальности бытия и не обладал достаточной смелостью, чтобы смотреть правде в глаза и объективно ее воспринимать.

Хью перестал забивать себе голову астрономией, мистической физикой и прочей мифологией, которую ранее привык почитать. Священные строки из Книги Начала и все эти старые сказки о Земле — это еще что за хаффовщина, «Земля» какая-то? — теперь только забавляли его. Он знал, что верить в них могут лишь дети да тупицы.

Да и работы у него теперь было по горло. Молодые вынашивали свои проекты, среди которых первое место занимало планомерное истребление мутантов. Они и сами толком не представляли себе, чем займутся после этого, но рассчитывали полностью использовать все ресурсы Корабля, включая и верхние ярусы. Молодежи удавалось проводить свои планы в жизнь, не вступая в открытое противоборство со старшими, потому что старшее поколение ученых мало интересовалось вопросами повседневной жизни Корабля. Нынешний Капитан разжирел так, что редко покидал свою резиденцию, а всеми делами от имени Капитана вершил его Старпом, член группы молодых. Главного Инженера Хью за все это время видел всего один раз, да и то на религиозной церемонии сдачи вахты у Конвертера.

Проект истребления мьютов требовал систематических рекогносцировок верхних ярусов. В одной из таких вылазок Хью и попал в засаду.

Этот мьют стрелял из пращи лучше, чем первый. Спутники Хойланда сочли его мертвым и оставили на поле боя, отступив под давлением превосходящих сил противника.

Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Раньше он играл сам с собой в карты, но Джо — правая голова — заподозрил, что Джим — левая голова — передергивает. Они поссорились, но потом помирились, поскольку давно уже

поняли, что двум головам на одной паре плеч просто необходимо уметь находить компромиссы.

Шашки были куда как лучше. Обе головы видели доску, и почвы для конфликта не возникало.

Игру прервал громкий стук в дверь. Джо-Джим обнажил метательный нож и согнул руку для броска.

— Входи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший вошел спиной — все знали, что к Джо-Джиму входить можно было только так, чтобы сразу не угостили ножом.

Вошедший был приземист — не выше четырех футов — и коренаст. В нем чувствовалась гигантская физическая сила. На широких его плечах лежало обмякшее человеческое тело.

Джо-Джим убрал нож.

— Положи его на пол, Бобо, — приказал Джим.

— И закрой за собой дверь, — добавил Джо.

— Съедим, а? — На полуоткрытых губах Бобо выступила слюна.

— Может быть, и съедим, — неуверенно ответил Джим. — Это ты его подбил?

Бобо кивнул маленькой головой.

— Хорошо, Бобо, — одобрительно сказал Джо. — Куда попал?

— Бобо попал ему сюда, — карлик ткнул толстым пальцем

чуть ниже грудной клетки пленника.

— Метко, — одобрил Джим. — Мы, пожалуй, и ножом бы лучше не попали.

— Бобо меткий, — охотно согласился карлик. — Показать? — И он достал пращу.

— Уймись, — беззлобно сказал Джо. — Нам показывать не надо. А вот его хорошо бы заставить говорить.

— Бобо сделает, — согласился коротышка и по простоте душевной попытался ткнуть лежащего без сознания человека ножом под ребра.

Джо-Джим отогнал его пинком и сам занялся телом, применяя методы хотя и болезненные, но значительно менее радикальные, чем методы Бобо. Юноша открыл глаза.

— Съедим, а? — стоял на своем Бобо.

— Нет, — ответил Джо.

— Ты когда ел в последний раз? — осведомился Джим.

Бобо потер живот и печально затряс головой, всем своим видом показывая, что это было, увы, давно. Джо-Джим открыл шкаф и вынул оттуда кусок мяса. Джим понюхал его, Джо брезгливо отвернулся. Джо-Джим бросил кусок Бобо, который, радостно подпрыгнув, поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо засеменил к выходу и закрыл за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленнику и пнул его ногой.

— Говори, — сказал Джим, — кто ты, Хафф тебя дери?

Юноша вздрогнул, медленно провел рукой по голове, потом, увидев вдруг Джо-Джима, попытался рывком вскочить, но непривычно малая сила тяжести нарушала координацию движений. Поднявшись, однако, на ноги, он потянулся к ножнам. Ножа на поясе не было. Зато Джо-Джим обнажил свой.

— Веди себя хорошо, и тебя не обидят. Твое имя? — спросил Джо.

Юноша облизал запекшиеся губы и обвел глазами комнату.

— А что с ним возиться? — сказал Джим. — На мясо только и годится. Давай лучше позовем Бобо.

— С этим всегда успеется, — ответил Джо. — Я хочу с ним потолковать. Как тебя зовут?

Пленник снова посмотрел на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ничего не говорит, — заметил Джим. — Чем ты занимаешься? Из какой ты деревни? И что делал в стране мьютов?

На эти вопросы Хойланд не отвечал, даже когда его кольнули ножом под ребро.

— Хафф с ним, — буркнул Джо. — Он, видно, всего лишь глупый крестьянин. Плюнь на него.

— Так что, прикончим?

— Не сейчас. Пока просто запрем.

Джо-Джим открыл дверь маленькой каморки, впихнул в нее Хью и, заперев, вернулся к игре.

Хью растянулся на полу и погрузился в невеселые и бесплодные раздумья, благо времени у него оказалось более чем достаточно. Сколько он пробыл взаперти, Хью уже не мог понять. Он много раз засыпал и просыпался, терзаемый голодом и жаждой.

Когда Джо-Джим снова почувствовал интерес к пленнику и открыл дверь, Хью валялся в углу в полуобмороке. Джо-Джим выволок его наружу.

Встряска немного оживила Хью. Он сел и огляделся по сторонам.

— Будешь говорить? — поинтересовался Джим.

Хойланд открыл рот, но не мог вымолвить ни звука.

— Он так обезвожен, что у него язык к гортани прилип, — сказал Джо своему близнецу. Потом он повернулся к Хью: — Если мы тебе дадим воды, будешь говорить?

Хойланд обалдело посмотрел на него и изо всех оставшихся сил закивал головой.

Джо-Джим протянул ему кружку с водой. Хью жадно припал к ней.

— Хватит с тебя, — вырвал наконец кружку из его рук Джо-Джим. — Говори!

Хью начал и выложил все до мельчайших подробностей.

Он ожидал, что его образование и ранг ученого произведут впечатление на Джо-Джима. Но ожидания эти не оправдались. Близнецы были прирожденными скептиками и спорщиками. Особенно Джим. Они быстро выкачали из Хью все, что могли, и махнули на него рукой. Хойланд чувствовал себя уязвленным. Разве он не ученый, в конце концов? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, ты! — сказал ему Джим. — Чтение — дело плевое. Я умел читать, когда твой отец еще не родился. Думаешь, ты у нас первый ученый пленник? Вот еще невидаль — ученые! Шайка невежд!

Пытаясь завоевать уважение к своему интеллектуальному «эго», Хью начал излагать теории молодых ученых, отметающие все религиозные интерпретации и воспринимающие Корабль как он есть. Он ожидал, что Джо-Джиму такой подход будет по душе, но близнецы лишь еще больше стали издеваться над ним.

— Вот уж действительно, — фыркнул Джим, закашлявшись от смеха, — вы, молодые идиоты, еще хуже старых.

— Но ты же сам говорил, — обиженно ответил Хью, — что все наши религиозные догмы просто чепуха. Мои друзья именно из этого и исходят. Они хотят положить конец всей этой устаревшей ерунде.

Джо начал было отвечать, но Джим перебил его:

— Что ты с ним возишься, Джо? Он же безнадежен.

— Нет, он вовсе не безнадежен. Мне нравится с ним спорить. Впервые нам попался человек хоть с какими-то проблесками ума. Просто интересно посмотреть, голова у него на плечах или держалка для ушей.

— Ладно, спорь с ним, — согласился Джим. — Может, он и поймет, что к чему. Но только, пожалуйста, потише. Я пока сосну.

Левая голова закрыла глаза и захрапела. Джо и Хью продолжали вполголоса беседовать.

— Все вы дурни, и старые и молодые, — говорил Джо, — но каждый на свой лад. То, что молодые не могут понять, они просто отрицают. Не существует, мол, этого, и все дела. А старцы — те наоборот. Они не отрицают непонятное, они просто подгоняют его под свои догмы, а потом уверяют и себя и вас, что все правильно поняли и что именно так дела и обстоят. Но никто из вас никогда и не пытался просто поверить прочитанному и воспринять все как есть в действительности. Как же, вы ведь слишком умны, чтобы упрощать! Если вы чего не поняли, значит, следует искать совсем противоположный смысл!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хью подозрительно.

— Что я имею в виду? Возьми хотя бы этот пресловутый Полет. Как ты его себе представляешь?

— Никак. Полет, по-моему, вообще ничего не означает. Так, басня для крестьян.

— Хорошо, пусть будет басня. Но в чем она заключается?

— Полет — это место, куда человек попадет, когда умрет, или даже то, что он делает после смерти. Человек умирает и отправляется в Полет на Центавр.

— А что такое Центавр?

— Центавр — это... Но учти, что я тебе просто излагаю ортодоксальные доктрины. Сам-то я в них давно не верю. Так, значит, Центавр — это то место, куда человек попадает в конце Полета после смерти, место, где все всегда счастливы и где много доброй еды.

Джо фыркнул. Джим перестал храпеть, открыл один глаз, потом закрыл его и опять заснул.

— Именно это я и имел в виду, — продолжал шепотом Джо. — Не хочешь ты шевелить мозгами. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что Полет и есть именно полет, а не что-либо другое? И что старые книги следует понимать буквально: как в них и написано. Корабль вместе со своим Экипажем просто летит куда-то, передвигается в пространстве.

Хойланд обдумал слова Джо.

— Ты просто смеешься надо мной. То, что ты говоришь, никак невозможно физически. Как же Корабль может передвигаться в пространстве, когда он сам и есть пространство? Мы можем передвигаться внутри Корабля, но, говоря о Полете, мы, конечно же, вкладываем в это слово чисто духовное содержание.

Джо призвал на помощь имя Джордана.

— Послушай, — сказал он, — вбей наконец в свою тупую башку такую мысль. Представь себе пространство, намного большее, чем наш Корабль. И что Корабль движется в нем.

Хью честно попытался вообразить себе такую картину. Потом покачал головой.

— Бессмыслица, — сказал он. — Как же может существовать нечто большее Корабля? Корабль — это и есть Вселенная.

— Хафф тебя побери! Вне Корабля, поймешь ты наконец или нет? Вообрази себе пространство вне Корабля. Иди мысленно вниз до самого последнего яруса, а потом представь, что ты прошел сквозь него.

— Но ведь дальше нижнего яруса некуда идти. Поэтому он и есть нижний.

— Представь себе, что ты взял нож и начал сверлить дыру в полу нижнего яруса. Что получится?

— Что? Сломаю нож, вот и все. Пол же очень твердый.

— Вообрази, что пол мягкий. Вообрази, что ты проковырял дыру. Что ты обнаружишь? Подумай!

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он сверлит дыру в полу нижнего яруса. Смутно, очень смутно в сознании его забрезжила картина, переворачивающая всю душу, все привычные представления. Он вышел в сделанную им дыру и падает, падает, падает в нее, в бесконечную пустоту.

— Нет, нет, я не верю, — выдохнул он. — Это ужасно!

Джо-Джим встал.

— Я тебя заставлю поверить, — хмуро сказал он. — Заставлю, если даже придется свернуть тебе для этого шею. — Он подошел к двери и крикнул: — Бобо, эй, Бобо!

Джим дернулся и открыл глаза.

— Что происходит? Что случилось?

— Мы сейчас отведем Хью в невесомость.

— Это еще зачем?

— Вбить в его глупую голову немного ума.

— В следующий раз.

— Нет, сейчас.

— Хафф с тобой, ладно. Да не трясись ты, я уже все равно проснулся.

Умственные способности Джо-Джима Грегори были так же уникальны, как и его физический облик. Он был бы выдающейся личностью при других обстоятельствах, и неудивительно, что держал себя хозяином и заставлял мутантов служить себе. Испытывай он жажду власти, ему ничего не стоило бы сплотить мутантов и покорить Экипаж Корабля. Но властолюбием Джо-Джим не страдал. Он был прирожденным интеллектуалом, наблюдателем, стоящим в стороне. Его стремление к действию ограничивалось созданием уютной и удобной обстановки, способствующей размышлениям.

Родись он двумя обычными близнецами среди Экипажа, их наверняка ожидал бы сан ученых. Сейчас же Джо-Джим мучился отсутствием достойного партнера для интеллектуальных упражнений и утешался, как мог, чтением книг, наворованных его служками, три поколения которых он уже пережил.

Прочитанное всегда живо обсуждалось обеими половинами его двойной личности. В итоге Джо и Джим выработали весьма разумную и связную концепцию физической природы мира и его исторического развития. Понятие художественной литературы было, пожалуй, единственным, чего они не смогли усвоить, романы, которыми когда-то была снабжена библиотека экспедиции Фонда Джордана, они воспринимали за такую же достоверную информацию, как справочную и научную литературу. На этой почве они серьезно расходились во взглядах. Джим считал величайшим в истории человеком Алана Квотермейна. Джо придерживался того же мнения о Джоне Генри.

Оба страстно любили поэзию, Киплинга они читали на память целыми страницами. Почти наравне с Киплингом оба чтили Райлинга, «слепого певца космических дорог».

Вошел Бобо. Джо-Джим показал на Хью.

— Он сейчас выйдет отсюда, — сказал Джо.

Бобо радостно захлопал себя по животу.

— Вот ведь обжора. — Джо двинул его кулаком в бок. — Нет, ты его не трогай. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Нельзя есть?

— Нельзя. Ты будешь драться за него, он за тебя.

— Хорошо. — Карлик пожал плечами, покоряясь неизбежному. — Кровные братья. Бобо знает.

— Тогда пошли. Туда, где все летает. Ты иди вперед.

Они лезли вверх гуськом, один за другим. Карлик шел первым и внимательно осматривал дорогу. За ним следовал Хойланд. Джо-Джим замыкал шествие. Джо смотрел вперед, Джим через плечо назад.

С каждой пройденной палубой вес все уменьшался. И вот они достигли яруса, выше которого дороги не было — потолок был глухой, без люка. Силы тяжести здесь почти не чувствовалось. Хью особой радости от экспедиции не испытывал — с непривычки его начало мутить. Зато Бобо заметно наслаждался парением в невесомости. Он передвигался в воздухе подобно большой неуклюжей рыбе, хватаясь за вделанные в стены поручни.

Так же хватаясь за поручни, расположенные в определенном порядке, Джо-Джим продвигался вперед, как паук по паутине. Хью пытался подражать им. Постепенно он приноровился отталкиваться, пролетать значительное расстояние, отталкиваться снова. Остановились они, когда путь им преградила стена. Джо-Джим двинулся по стене направо, ощупывая ее рукой. Наконец он нашел то, что искал, — дверь высотой в человеческий рост, запертую так плотно, что и обнаружить ее можно было только по сложному геометрическому узору на поверхности. Джо-Джим посмотрел на дверь и почесал свою правую голову. Потом правая и левая головы тихонько о чем-то пошептались. Джо-Джим нерешительно поднял руку.

— Нет, нет, — сказал Джим.

Джо-Джим снова посмотрел на дверь.

— Как так? — спросил Джо.

Они снова начали шептаться. Наконец Джо кивнул, и Джо-Джим опять поднял руку. Он обводил пальцами контуры рисунка на двери, не прикасаясь, однако, к нему. Потом уперся ладонью в стену, оттолкнулся от двери и замер в ожидании. Через секунду раздался еле слышный свист проходящего через щель воздуха. Дверь вздрогнула, приоткрылась дюймов на шесть и остановилась. Джо-Джим был заметно обескуражен. Он осторожно всунул пальцы в образовавшуюся щель и потянул дверь за край. Дверь не двигалась с места.

— Бобо, открой ее! — крикнул Джо.

Сморщив лоб, Бобо оглядел щель. Потом уперся ногами в стену, вцепился в дверь руками, поднатужился и потянул. По лицу его катился пот, спина напряглась, на шее выступили жилы. Хью услышал, как у карлика затрещали суставы. Было похоже, что он сейчас лопнет от натуги, потому что отказаться от этой невозможной затеи у него не хватит ума.

Но дверь неожиданно скрипнула и подалась, вырвавшись из крепко сжатых пальцев Бобо. Ноги карлика, упертые в стену, пружиной швырнули его в сторону, и он растопырил руки, пытаясь схватиться за поручень в полете. Через секунду Бобо вернулся обратно, потирая сведенную от напряжения икру.

Джо-Джим первым вошел в проход. Хью за ним.

— Где мы находимся? — потребовал объяснений Хью, любопытство которого разгорелось настолько, что даже заставило забыть о подобающих слуге манерах.

— В Главной рубке, — ответил Джо.

Продолжение следует

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

Главная рубка! Священнейшее и запретнейшее помещение Корабля, само расположение которого забылось и стало тайной! Для старых Ученых она была либо слепым догматом веры, либо предметом мистических толкований, а молодые Ученые вообще перестали верить в ее существование.

Хотя Хью и считал себя человеком просвещенным, одни эти слова привели его в благоговейный трепет. Главная рубка! Да ведь здесь же, говорят, обитает дух самого Джордана!

— Что стоишь столбом? Пошли! — оглянулась голова Джо.

— Но ведь дух Джордана...

— Вот те на! — воскликнул Джо раздраженно. — Ты же говорил, что вы, молодые, в Джордана больше не верите.

— Конечно, но ведь...

— Прекрати. Иди вперед, а не то прикажу Бобо тащить тебя.

Хью неохотно последовал за Джо-Джимом.

Они прошли коридор, достаточно широкий, чтобы в нем могли разминуться два человека, и очутились в арке, ведущей непосредственно в Главную рубку. Любопытство перебороло страх, и Хью выглянул из-за плеч Джо-Джима. Глазам его открылось просторное, футов двести длиной, хорошо освещенное помещение сферической формы — внутреннее пространство огромного шара. Поверхность этого шара светилась тусклым матовым серебром. В геометрическом центре сферы Хью обнаружил скопление приборов футов пятнадцать в поперечнике. Увиденное ничего не говорило его неопытному глазу, он бы и описать его не смог. Просто приборы висели неподвижно без какой бы то ни было опоры.

От арки, в которой они стояли, шел только один путь — тоннель из металлической решетки.

Джо-Джим приказал Бобо оставаться на месте, а сам полез в тоннель. Он лез по решеткам, как по лестнице. Хью последовал за ним внутрь непонятного сооружения. Постепенно из общей массы оборудования пульта управления стали видны отдельные детали, но Хью они все равно ничего не говорили. Он отвернулся и принялся рассматривать поверхность шара, окружавшего их.

Это было ошибкой. Белая матовая поверхность не давала чувства перспективы. Может быть, она отстояла от него всего на сотню футов, а может быть, на всю сотню миль. Хью никогда не видел ни высоты, большей, чем расстояние между двумя палубами, ни открытого пространства, большего, чем общинная его деревни. Его охватил ужас, усугублявшийся тем, что причин этого чувства он не мог понять. Дух давно забытых лесных предков пробудился в нем, и первобытный страх свел судорогой живот. Хью вцепился в Джо-Джима.

Джо-Джим резко ударил его по лицу.

— Ты что это?! — рявкнул Джим.

— Я не знаю, что со мной, — выдавил наконец Хью. — Не знаю, но мне здесь не по себе. Давайте уйдем отсюда.

Джим посмотрел на Джо и сказал брезгливо:

— Можем и уйти. Попусту только время тратим на эту мокрицу, все равно он ничего не поймет.

— Прекрасно поймет, — ответил Джо. — Лезь в кресло, Хью, вот сюда.

Пока братья спорили, Хью внимательно осмотрел тоннель, которым они достигли пульта управления, проследив взглядом весь путь, проделанный ими от арки. Сфера неожиданно сфокусировалась в его глазах, и страх исчез.

Продолжение. Начало в № 1.

Все еще дрожа, он повиновался приказу Джо.

Кресла пульта были установлены так, чтобы все приборы и панели находились в пределах досягаемости космонавтов, но Хью, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления. Он откинулся в кресле, радуясь, что устроился наконец прочно и надежно.

На панели перед креслом Джо-Джима происходило что-то таинственное. Внезапно зажглись красные буквы: «Второй навигатор пост принял».

Что такое «второй навигатор»?

Вдруг Хью увидел на панели перед его креслом те же слова и понял, что это человек, который должен сидеть здесь. Но что же означает «второй навигатор»?

Буквы на приборной доске перед Джо-Джимом погасли. В левом углу светилась лишь большая красная точка.

— Приготовься, — сказал Джо. — Сейчас погаснет свет.

— Нет, не надо, не выключай, — запротестовал Хью.

— А я и не собираюсь. Ты сам выключишь. Посмотри слева от себя. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью повернулся и увидел на левом подлокотнике восемь маленьких огоньков, расположенных двумя группами по четыре одна над другой.

— Каждый контролирует освещение одного квадранта, — объяснил Джо. — Прикрой их рукой, и свет погаснет.

Неохотно, но, уже не в силах подавить растущее любопытство, Хью повиновался. Матовые стены потемнели, а потом их свечение угасло совсем. В кромешной тьме мерцали лишь огоньки приборной доски.

Хью била нервная дрожь. Он убрал руку, восемь маленьких огоньков горели теперь голубым светом.

— Сейчас я покажу тебе звезды, — сказал Джо.

В темноте рука Джо-Джима легла на другой узор из восьми огоньков.

Мироздание.

Со стен стеллариума на Хью смотрели отражения звезд, со скрупулезной достоверностью воспроизведенные зеркалами телескопов; звезд, испускающих ровный безмятежный свет. Бриллианты, с небрежной щедростью рассыпанные по искусственному небу, — бесчисленные светила лежали перед ним, над ним, окружали его со всех сторон. Один посреди звездной вселенной!

— О-о-о! — невольно выдохнул Хью и вцепился в ручку кресла, чуть не обломав ногти, но даже не заметил боли. Страха он больше не испытывал. Только одно чувство владело им. Грубые будни Корабля не убили в нем стремления к прекрасному, и сейчас он впервые в жизни переживал невыносимо сладостную муку встречи с ним. Прекрасное ошеломило его и вызвало боль.

Только окончательно придя в себя, Хью заметил сардоническую усмешку Джима и услышал едкое покашливание Джо.

— Хватит или еще? — осведомился Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил освещение дублирующим устройством, расположенным в левом подлокотнике его кресла.

Хью вздохнул. У него болела грудь и бешено билось сердце. Он вдруг понял, что за все это время он не перевел дыхания.

— Ну, умник, — сказал Джим, — убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная почему. Когда зажегся свет, ему опять стало хорошо и уютно, но он никак не мог избавиться от ощущения невосполнимой потери. Сердцем он чувствовал, что, увидев однажды звезды, он никогда уже не будет счастлив, как прежде. Тупая боль в груди, смутная, неосознанная тоска по утраченному никогда уже не оставят его, хотя в невежестве своем Хью еще не мог осознать этого.

— Что это было? — тихо спросил он.

— Оно самое, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. Именно то, о чем я тебе говорил.

Хью отчаянно пытался понять, что имел в виду Джо.

— Это и есть мир вне Корабля — красивые маленькие огоньки?

— Совершенно верно, только они не маленькие. Они просто очень далеко от нас, за десятки тысяч миль, а может быть, и больше.

— Что?!

— То, что ты слышал, — усмехнулся Джо. — Космос огромен. А некоторые из этих звезд размером с Корабль, если не больше.

— Больше Корабля? — выдохнул Хью.

— Без толку все это, — нетерпеливо сказал Джим. — Только время зря на него, остолопа, теряем.

— Полегче, братец, полегче, — возразил Джо. — Не надо заставлять малыша бегать, прежде чем он научится ползать. Мы ведь тоже не сразу все поняли. Насколько я помню, ты долго не хотел верить своим глазам.

— Ложь, — сердито буркнул Джим. — Это тебя пришлось долго убеждать.

— Ну ладно, дело прошлое, — согласился Джо. — Все же нам с тобой тоже понадобилось время разобраться, что к чему.

Хойланд слушал близнецов краем уха. Их споры были делом обычным. Хью же сейчас думал только о том, что произошло с ним.

— Джо, — спросил он, — что случилось с Кораблем, когда мы увидели звезды? Он стал прозрачным?

— Не совсем так, — ответил Джо. — Ты видел не сами звезды, а их изображение. Есть такие устройства с зеркалами. Я тебе дам потом прочесть книгу о них.

— Но можно посмотреть и на настоящие звезды, — вклинился в разговор Джим, уже остывший от минутной размолвки. — Здесь есть одно место...

— Точно, — подтвердил Джо. — Я совсем забыл о Капитанской рубке. Она сделана из стекла, и оттуда все хорошо видно.

— Капитанской?

— Разумеется, не нынешнего Капитана. Этот сюда ногой не ступал. Просто там на двери написано: «Капитанская рубка».

— Мы пойдем туда?

Джо было согласился, но Джим запротестовал:

— В следующий раз. Сейчас пора возвращаться. Я есть хочу.

Они спустились по тоннелю в арку, разбудили Бобо и отправились в долгий путь вниз.

Не скоро удалось Хью уговорить Джо-Джима на новую экспедицию, но он не расстраивался — время не пропало даром. Джо-Джим пустил его в свою библиотеку. Такого количества книг Хью за всю свою жизнь не видел. А немногие из них, которые он читал раньше, теперь наполнились живым смыслом и воспринимались совсем по-другому.

Хью не мог оторваться от библиотеки, он жадно впитывал новые мысли, переваривал их, пытался усвоить. Хью забывал про еду, от него бежал сон, и только раскалывающаяся от боли голова и резь в пустом желудке напоминали ему, что надо заботиться и о теле. Утолив голод, он снова брался за книги и читал, пока буквы не начинали расплываться перед глазами.

Служить Джо-Джиму было не

так тяжело. Хотя Хью и полагалось находиться при хозяине все время, тот позволял ему читать сколько угодно, лишь бы пленник оказывался всегда под рукой. Хью вменялось в основную обязанность играть в шашки с одной из голов, когда другой голове игра надоедала. Но и это время никак нельзя было считать всецело потерянным, потому что, играя, Хью почти неизменно переводил разговор на обсуждение истории Корабля, его устройства и оборудования.

Беседовали они и о людях, построивших его и отправившихся на нем в путь, об их прошлом, о Земле — этом странном и непонятном для них мире, где жили снаружи, а не внутри.

Хью пытался понять, как люди удерживались на Земле. Он спросил об этом Джо и наконец получил представление о гравитации.

Душой он в нее так и не поверил — слишком уж она казалась невероятной, но впоследствии, когда перед ним забрезжили первые смутные проблески искусства космической навигации и управления Кораблем, принял ее рассудком.

Наконец он уговорил Джо-Джима сводить его еще раз в Главную рубку. Джо рассказал Хью то немногое, что знал сам, о приборах управления.

Давно забытым инженерам-проектировщикам фонда Джордана было дано задание построить корабль, который будет функционировать, даже если полет затянется на срок больший, чем предполагаемые шестьдесят лет. Ученые с блеском выполнили эту задачу. При создании главного двигателя, систем управления и механизмов, предназначенных для обеспечения нормальных жизненных условий, был разработан принцип, в корне отличающийся от всех, существовавших когда-либо. Корабль — это творение человеческого гения — был построен навечно. Даже если бы погиб весь экипаж, он продолжал бы полет, по-прежнему освещенный, по-прежнему со свежим, хорошо очищенным воздухом, с двигателями, готовыми к пуску. И теперь, когда лифты, конвейеры и другие вспомогательные устройства были давно забыты и заброшены, вся основная оснастка Корабля обслуживала свой невежественный человеческий груз и ждала пробуждения ума достаточно острого, чтобы найти к ней ключ.

Вот почему, когда неопытная, но ищущая рука Хью легла на квадратик огоньков под подписью «Ускорение», ответ пришел немедленно. Вспыхнул красный свет над креслом Главного пилота, и на табло зажглась надпись: «Главный двигатель — вахта не на посту».

— Что это значит? — спросил Хью.

— Трудно сказать, — ответил Джо. — Мы однажды проделали то же самое в двигательном отсеке, и там зажглась надпись: «Главная рубка — вахта не на посту».

Хью задумался, потом спросил:

— Интересно, а что получится, если ты пойдешь в двигательный отсек, а я в это время буду в Главной рубке?

— Трудно сказать, — повторил Джо.

Хойланд молчал. В его мозгу зрело решение. Он тщательно обдумывал его.

Хью долго ждал подходящего момента — надо было застать близнецов в благодушном настроении. Однажды, когда они сидели в Капитанской рубке, он решил наконец рискнуть. Джо-Джим только что хорошо поел, удобно развалился в кресле и рассматривал в иллюминатор безмятежные звезды. Хью парил рядом.

— Послушай, Джо-Джим, — начал Хью.

— Что тебе, юнец? — ответил Джо.

— Красиво, правда?

— Что красиво?

— Звезды... — Хью махнул рукой в сторону иллюминатора и тут же схватился за спинку кресла, чтобы не отлететь в сторону.

— Конечно, красиво. На душе от них хорошо становится.

Как ни странно, это сказал Джим. Хью понял, что момент, которого он ждал, наступил. Собравшись с духом, он выпалил:

— Почему бы нам не довести дело до конца?

— Какое дело? — спросил Джо.

— Полет. Почему бы нам не запустить Главный двигатель и не взять на себя управление? Ведь где-то там, — Хью говорил быстро, чтобы его не успели перебить, — где-то там есть похожие на Землю планеты, во всяком случае, так считали наши предки. Мы должны найти их.

Джим расхохотался. Джо затряс головой.

— Мальчик, — сказал он, — ты в своем уме? Такого даже от Бобо не услышишь. Забудь об этом и думать.

— Но почему?

— Потому что нам это не по плечу. Для такого дела необходим грамотный экипаж, обученный управлению Кораблем.

— А много ли нам нужно людей? На Корабле ведь не больше десяти постов управления. Я думаю, что десять-двенадцать человек вполне могут управлять им. Если, конечно, они будут такими же знающими, как вы оба, — добавил он лукаво.

— Что, Джо, поймал он тебя? А ведь парень прав, — усмехнулся Джим.

Джо пропустил шпильку мимо ушей.

— Ты переоцениваешь наши знания и возможности, Хью, — сказал он. — Я допускаю, что можно научиться управлять Кораблем, но что потом? Нам неизвестно даже, где мы находимся. Корабль дрейфовал один Джордан знает сколько веков. Мы не имеем ни малейшего представления о его курсе и скорости.

— Но ты сам показывал мне навигационные приборы, — стоял на своем Хью. — Я уверен, что вам обоим ничего не стоило бы в них разобраться, Джо, если бы вы только захотели.

— Это уж точно, — согласился Джим.

— Не хвастай, братец, — одернул его Джо.

— А я и не хвастаюсь, — отрубил Джим. — Я в любом приборе разберусь, если он действует.

Джо только хмыкнул.

Первая маленькая победа. Они уже спорят друг с другом, а Хью только этого и надо. И хорошо, что наименее сговорчивый из них уже на его стороне. Теперь следует закрепить успех...

— Я знаю, где взять людей, если вы согласитесь их обучить.

— Где же? — недоверчиво спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о молодых Ученых?

— А, эти кретины...

— Но они же не знают того, что знаете вы. И по-своему они люди здравомыслящие. Если бы я мог вернуться к ним и рассказать, о чем узнал, то я набрал бы вполне подходящую команду для обучения.

— Посмотри-ка на нас внимательней, Хью, — перебил его Джо. — И скажи, кого ты перед собой видишь?

— Джо-Джима, кого же еще?

— Ты видишь мутанта, — поправил его Джо голосом, полным сарказма. — Ты видишь мьюта, ясно тебе? Ученые не станут с нами сотрудничать.

— Неправда, — запротестовал

Хью. — Я же не предлагаю обращаться к крестьянам. Они, конечно, ничего не поймут, но Ученые, о которых я говорю, — наиболее разумные изо всех там, внизу. Они поймут. От вас всего лишь потребуется обеспечить безопасный проход через страну мьютов. Ведь для вас это совсем не проблема, — добавил он, инстинктивно перенося суть спора на более твердую почву.

— Это для нас раз плюнуть, — согласился Джим.

— Прекрати, — сказал Джо.

— Конечно, конечно, — заспешил Хью, почувствовав, что его настойчивость всерьез рассердила Джо. — Но вообще было бы интересно попробовать...

С этими словами он отодвинулся подальше от братьев. Ему было слышно, как они оживленно шепчутся, но он сделал вид, что их разговор его не интересует. Двойственность всегда была главной проблемой Джо-Джима. Будучи скорее группой, чем индивидуумом, он с трудом переходил от слов к делу, так как каждый его поступок требовал принятия совместного решения.

Немного погодя Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, пусть будет по-твоему! Хью, плыви-ка сюда!

Хью оттолкнулся от стены и одним прыжком очутился близ Джо-Джима, вцепившись обеими руками в спинку капитанского кресла, чтобы затормозить.

— Мы решили отпустить тебя вниз и дать тебе шанс попробовать, — сказал Джо. — Но все равно ты идиот, — добавил он хмуро.

Бобо проводил Хью через опасные ярусы страны мьютов и оставил его в необитаемой пограничной зоне.

— Спасибо, Бобо, — сказал ему Хью на прощанье. — Доброй тебе еды.

Карлик усмехнулся, кивнул и устремился вверх по лестнице, по которой они только что спустились. Хью рассчитывал найти Билла Эртца, Заместителя Главного инженера, вождя группы молодых Ученых. До беседы с ним Хью хотел по возможности избежать каких бы то ни было объяснений с другими.

Скоро Хойланд оказался в знакомом коридоре. Поворот налево, еще ярдов сто, и он очутился у двери, охраняемой часовым. Хью рванулся было вперед, но часовой преградил ему дорогу.

— Стой, ты куда?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный инженер? Нет его здесь.

— Билл Эртц — Главный инженер? А что случилось с прежним? — Хью сразу смекнул, что выдал себя, но часовой был глуп и ленив.

— С прежним? Да он давно ушел в Полет, — зевнул страж. — А Главный инженер Эртц у себя в резиденции.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

Хью пришлось подождать в приемной, прежде чем его впустили к Главному инженеру. Увидев Хью, Эртц привстал из-за стола.

— Вернулся, значит, — сказал он. — Вот так сюрприз. А мы-то думали, ты давно мертв, и списали как ушедшего в Полет.

— Это естественно.

— Садись, рассказывай. У меня сейчас есть немного времени. Здорово ты изменился, я бы тебя не узнал. Совсем седой стал. Видно, нелегко пришлось?

Седой? Хью и не подозревал этого. Но ведь и Эртц сильно изменился. Морщины, брюшко. Джордан, сколько же он был в плену?

Эртц побарабанил пальцами по столу, скорчил гримасу.

— Возникает проблема, — сказал он. — Боюсь, что на старый пост я назначить тебя не могу, его занимает Морт Тайлер. Но мы подыщем тебе место, подобающее твоему рангу.

У Хью не сохранилось никаких приятных воспоминаний о Морте Тайлере. Лицемер. Только и заботится о том, чтобы соблюсти все приличия и угодить начальству. Так-так, значит, Тайлер выбился все-таки в Ученые и занял прежнюю должность Хью. Но сейчас это не имеет значения.

— Послушай, Билл, — начал он. — Я хотел бы с тобой переговорить о...

— Конечно, возникает и проблема старшинства, — продолжал свое Главный инженер. — Пожалуй, следует передать дело на рассмотрение Совета как вопрос, не имеющий прецедента. Мьюты и раньше, случалось, захватывали наших Ученых, но, насколько мне известно, ты первый, кому удалось вернуться от них живым.

— Есть более важная тема для разговора, — опять перебил его Хью. — Я увидел много удивительного, Билл. Удивительного и жизненно важного. Ты обязательно должен все это знать. Поэтому я прямо к тебе и пришел. Слушай, мне...

Эртц внезапно стал сосредоточенным:

— Конечно же! И как я сразу не сообразил? У тебя ведь была небывалая возможность досконально изучить страну мьютов. Выкладывай все, что знаешь!

— Я совсем не о том, — ответил Хью. — Все гораздо сложнее, чем просто информация о мьютах, хотя дело касается и их тоже. Я думаю, нам придется изменить теперь всю политику по отношению к ним.

— Говори, говори, я слушаю.

Хью начал рассказывать о великом открытии, об истинной природе Корабля, выбирая слова как можно тщательнее и стараясь говорить убедительно. Он лишь мельком коснулся трудностей, связанных с реорганизацией жизни Корабля, но зато не жалел красок, расписывая почет и уважение, которые достанутся тому, кто этот процесс возглавит.

Говоря, Хью наблюдал за лицом Эртца. Когда он выложил главное — что Корабль всего лишь движущееся тело в безбрежном пространстве, — лицо Эртца выразило крайнюю растерянность. Однако потом на нем застыла маска бесстрастного спокойствия, по которой ничего нельзя было понять. Только в глазах вспыхивали искорки, когда Хью говорил, что Эртц как раз и есть тот человек, который мог бы возглавить новое движение, опираясь на свой авторитет заслуженного руководителя и признанного вождя прогрессивно мыслящих Ученых.

Кончив говорить, Хью напряженно ждал ответа. Эртц молчал, продолжая назойливо барабанить пальцами по крышке стола. Наконец сказал:

— Это очень важные вопросы, чтобы судить о них второпях, Хойланд. Мне необходимо тщательно обдумать услышанное.

— Разумеется, — согласился Хью. — Только я хочу добавить, что о безопасном проходе наверх уже есть договоренность. Я могу отвести тебя туда, чтобы ты все увидел собственными глазами.

— Да, это было бы лучше всего, — ответил Эртц. — Ты голоден?

— Нет.

— Тогда нам обоим нужно отдохнуть. Давай поспим немного, а потом будем думать на свежую голову. Можешь расположиться здесь, в комнате за моим кабинетом. Но говорить ты ни с кем не должен, пока я не обдумаю все сам. Если твои новости разгласить без должной подготовки, может начаться смута.

— Ты прав, — снова согласился Хью.

Эртц провел Хью в комнату за своим рабочим кабинетом, в кото-

Рисунки Н. ГРИШИНА

рой, по всей видимости, отдыхал иногда, и сказал:

— Выспись, а там поговорим.

— Спасибо, — ответил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Только оставшись один, Хью почувствовал, как он устал. Нервное возбуждение в беседе с Эртцем сменилось депрессией. Он растянулся на кровати и сразу уснул.

Проснувшись, Хью обнаружил, что дверь комнаты заперта снаружи. Более того, исчез его нож.

Прошло очень много времени, прежде чем он услышал шаги у двери. Вошли два угрюмых стражника.

— Вставай, пойдешь с нами, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом и отметил, что оба безоружны. Так, значит, шанса сорвать нож с пояса одного из них нет. Но если у безоружных конвоиров нельзя добыть оружие, то можно попробовать вырваться и уйти от преследования. Однако в следующей комнате стояли еще двое, такие же массивные и угрюмые. Эти были вооружены. Один изготовил нож к броску, другой был готов в любой момент всадить свой под ребра Хью с близкого расстояния.

Теперь Хойланд понял, что деваться некуда. Все предусмотрено. Давно уже привыкнув не противиться неизбежному, он спокойно пошел вперед. Увидев Эртца и убедившись, что именно тот и командует арестовавшими его людьми, Хью сказал:

— Привет, Билл. С чего вдруг такие предосторожности? Что случилось?

Эртц чуть-чуть замешкался с ответом:

— Ты сейчас предстанешь перед Капитаном.

— Хорошо, Билл, спасибо, — ответил Хью, — но разумно ли обращаться с таким делом к нему, не подготовив предварительно кое-кого?

Эртц даже не стал скрывать раздражения, вызванного столь очевидной тупостью:

— Если ты этого еще не понял, позволь объяснить, что ты предстанешь перед Капитаном для суда за ересь!

Хью реагировал так, как будто ничего подобного ему раньше и в голову не приходило.

— Тогда меня не по адресу ведут, Билл, — спокойно заметил он. — Обвинение в ереси и суд, может быть, и правильный подход к сложившейся ситуации, но я ведь не крестьянин какой-нибудь, чтобы волочить меня под конвоем к Капитану. Меня должен судить Совет, я Ученый.

— Ты в этом уверен? — усмехнулся Эртц. — Я уже консультировался по этому вопросу. Хью Хойланд давно исключен из списков. Кто ты и что ты, будет теперь решать Капитан-Помазанник.

Хью сохранял спокойствие. Ситуация складывалась не в его пользу, и не было смысла раздражать Эртца. Главный инженер подал знак, безоружные конвоиры схватили Хью за руки, и он, не сопротивляясь, пошел за ними.

Хью с интересом разглядывал Капитана. Старик мало изменился, разве еще больше растолстел.

Капитан удобно устроился в кресле и взял со стола рапорт.

— В чем дело? — спросил он брюзгливо. — Я ничего не понимаю.

Обвинителем против Хойланда выступал Морт Тайлер. Такого поворота событий Хью отнюдь не предвидел, и этот факт не мог не усугубить его опасений. Он даже покопался в памяти, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, способную пробудить сочувствие к нему со стороны Тайлера, но так ничего и не нашел. Морт прочистил горло и начал:

— Речь идет о некоем Хью Хойланде, Капитан, который был одним из ваших младших Ученых.

— Ученых? Почему же его делом не занимается Совет?

— Потому что он больше не Ученый, Капитан. Он перебежал к мьютам, а сейчас вернулся, чтобы сеять ересь и смуту и подрывать вашу власть.

Капитан окинул Хью откровенно враждебным взглядом человека, не терпевшего покушения на свои прерогативы.

— Это правда? — прорычал он. — Что ты сам скажешь, Хойланд?

— Это ложь, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я говорил, лишь подтверждает истинность наших древних верований, по которым мы живем. Я никогда не пытался отрицать наше Учение, напротив, я сумел найти доказательства его правоты, еще более глубокие...

— Ничего не могу понять, — перебил его Капитан. — Его обвиняют в ереси, а он утверждает, что верит в Учение. Если ты не виновен, то как же здесь очутился?

— Я могу объяснить, — сказал Эртц.

— Надеюсь, что хоть ты это сможешь, — буркнул Капитан. — Давай выкладывай.

Эртц доложил о возвращении Хойланда и о его странных рассказах. Придерживаясь фактов, Главный инженер сумел все же придать им определенную окраску.

Хью немедленно заговорил:

— Суть моих утверждений, Капитан, состоит в том, что в верхних ярусах есть места, где воочию можно убедиться в основной истине нашей веры: в том, что Корабль действительно движется; где можно увидеть План Джордана в действии. Это не опровержение, это подтверждение веры. Я не прошу верить мне на слово, сам

Джордан подтвердит мою правоту.

Почувствовав нерешительность Капитана, в разговор вклинился Морт Тайлер:

— Капитан, я считаю своим долгом проанализировать и изложить все возможные версии этого невероятного дела. Есть два наиболее разумных объяснения смехотворной истории, рассказанной Хойландом. Либо это просто-напросто закоренелый еретик, либо тайный мьют и участник заговора, имеющего целью заманить нас в ловушку и предать в руки мьютов. Но есть и третье объяснение, более милосердное по отношению к обвиняемому, и в глубине души мне кажется, что справедливо именно оно. В досье Хойланда указано, что при его рождении Инспектор был серьезно обеспокоен размером головы ребенка и ставил вопрос об отправке его в Конвертер. Но поскольку отклонение от нормы было незначительным, Инспектор все-таки пропустил Хойланда. Мне кажется, что ужасные мучения, которые Хойланд претерпел в плену у мьютов, окончательно повредили его и так неустойчивый от природы разум. Бедняга просто не ведает, что творит.

Хью посмотрел на Тайлера не без уважения. Очень тонко — и репутацию ему очистил полностью, и обвинение в ереси снял, и Полет на сто процентов обеспечил!

Капитан махнул рукой.

— Хватит отнимать у меня время. — Он обернулся к Эртцу: — Рекомендации по этому делу есть?

— Так точно, Капитан. Конвертер.

— Ну и хорошо. Но я не понимаю, Эртц, почему меня обязательно нужно беспокоить по всяким мелочам? Ты сам должен уметь поддерживать дисциплину в своем ведомстве.

— Слушаюсь, Капитан.

Капитан отвернулся от стола, готовясь встать.

— Рекомендация принята и утверждена. Все свободны.

Хью охватила ярость от такой глупой несправедливости. Они даже не захотели познакомиться с реальными доказательствами его правоты и невиновности. Он услышал, как кто-то крикнул: «Подождите!» — и понял, что кричал он сам. Капитан поглядел на него.

— Подождите, — продолжал Хью. Слова сыпались сами собой: — Подождите! Дела это не меняет, вы ведь так уверены в своей мудрости, что даже глаз не раскроете, когда вам всего лишь предлагают посмотреть! Но все-таки, все-таки он движется!

Времени на размышление у Хью было предостаточно. Он опять сидел под арестом и ждал, пока Конвертеру потребуется очередная порция массы для производства энергии, и частью этой порции должен быть как раз он сам. Хью снова и снова анализировал свои ошибки. То, что он сразу, без подготовки, выложил все Биллу Эртцу, оказалось самым главным просчетом. Не стоило полагаться на старую дружбу, которая, скажем прямо, никогда не была особенно близкой. Следовало прощупать его сначала, а не лезть сломя голову. Второй просчет — Морт Тайлер. Услышав имя Тайлера, Хью опять же следовало выяснить, насколько

Эртц прислушивается к его мнению и каким влиянием пользуется Морт. Он же Тайлера знал давно и должен был помнить, что его следует опасаться.

Вот Хью и сидит теперь здесь, заклейменный то ли как мутант, то ли как еретик. Ярлык, впрочем, дела не меняет — все едино, за что казнить. Хью подумал, что мог бы попробовать объяснить судьям, откуда взялись мутанты. Сам он узнал об этом, читая старые записи в тщательно наворованной библиотеке Джо-Джима. Нет, эту идею придется отвергнуть... Рождение мутантов было вызвано космической радиацией, но как рассказать людям о радиации извне, если они вообще не могут понять, что такое «извне»? Нет, он сам все испортил до того, как его поволокли к Капитану.

Скрип двери прервал мысленное самобичевание. Кормили Хью не часто, и для очередной еды было еще рано. Неужели за ним уже пришли? Хью твердо решил, что в Конвертер отправится не один. Хоть кого-нибудь из них прихватит с собой.

Но он ошибся. Раздался голос, преисполненный мягкого достоинства:

— Сынок, сынок, как же это ты?

Его первый учитель Лейтенант Нельсон, изможденный и постаревший, склонился над ним.

Встреча очень расстроила обоих. Старик, у которого собственных детей не было, возлагал на своего ученика большие надежды, лелея даже мечту, что когда-нибудь Хью достигнет места Капитана. Самому Хью он об этом никогда не говорил, не хотел портить юношу зазнайством. Старик страшно горевал, когда его мальчик исчез. И вот вернулся мужчиной, но опозорен и приговорен к смерти.

Хью был огорчен не меньше старика. Он очень любил своего учителя, нуждался в его одобрении и хотел бы доставить ему радость, но, рассказывая свою историю, он с горечью убедился, что Нельсон просто не способен расценивать ее иначе как сумасшествие, и скорее предпочтет, чтобы Хью принял быструю смерть в Конвертере, чем жил и высмеивал древнюю веру.

Встреча была такой мучительной для них обоих, что вскоре старик поднялся, чтобы уходить.

— Могу я чем-нибудь помочь, сынок? Кормят тебя хорошо?

— Вполне, — солгал Хью.

— Прислать что-нибудь?

— Нет, спасибо. Впрочем, не могли бы вы прислать мне немного табаку? Я уже давно не жевал.

— Хорошо. Хотел бы ты повидать кого-нибудь из близких?

— Разве можно? Я думал, здесь свидания запрещены.

— Вообще-то запрещены, но я могу добиться исключения. Только дай мне слово, что никому не расскажешь о своей ереси.

Хью схватился за новый шанс. Дядя? Нет, не годится. Они всегда ладили, но никогда друг друга не понимали. Друзья? Он плохо сходился с людьми и друзей заводил с трудом. Да и Эртца он ведь считал другом! Неожиданно Хью вспомнил приятеля своего деревенского детства, с которым частенько играл. Алан Махони. Он, правда, почти не виделся с Аланом с тех пор, как переселился к Нельсону, но все-таки...

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Да.

— Если он согласится прийти, я был бы рад с ним повидаться.

Придя к Хью, Алан нервничал, чувствовал себя не в своей тарелке, но откровенно был рад видеть старого товарища и очень расстроился, узнав о приговоре. Хойланд хлопнул его по спине.

— Молодец! Я не сомневался, что ты придешь.

— Как только узнал. В деревне ведь никому ничего о тебе не известно, даже Свидетелю.

— Расскажи, как ты жил все это время. Женился?

— Да нет. Давай не будем тратить время на разговоры обо мне. Расскажи лучше, в чем тебя обвиняют.

— Не могу, Алан. Я дал слово Лейтенанту Нельсону.

— Чего стоят слова, когда надо выбираться из беды! Влип ты ведь крепко.

— А то я сам не знаю.

— Кто-нибудь имеет на тебя зуб, Хью?

— Видишь ли... Во всяком случае, скажем так: наш старый дружок Морт Тайлер и пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь.

Алан присвистнул и кивнул.

— Это проясняет дело.

— То есть? Тебе что-то известно?

— Как тебе сказать... Он женился на Идрис Бакстер после того, как ты исчез.

— Да, действительно проясняет. — Хью помолчал.

— Слушай, Хью, — сказал Алан. — Не сидеть же сложа руки и ждать, когда тебя поволокут в Конвертер. Тем более что здесь замешан Морт Тайлер. Надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю еще. Налет устроить, что ли. Есть несколько хороших ребят, которые не прочь помахать ножами.

— Боюсь, что тогда вместе со мной в Конвертере окажешься и ты, и твои хорошие ребята. Нет, это не пойдет.

— Так что же, дать им бросить тебя в Конвертер?

Хью смотрел на Алана. Имеет ли он право обращаться к нему с подобной просьбой? И он решился:

— Слушай, готов ли ты на все, чтобы выручить меня?

— Ты же знаешь, — обиженно ответил тот.

— Тогда ты пойдешь наверх и найдешь карлика по имени Бобо...

Алан лез все выше и выше. Так далеко он не забирался даже в юношеские годы, когда Хью водил его в отчаянные, полные безрассудного риска экспедиции. Сейчас он был старше, менее подвижен и не испытывал никакого желания находиться здесь. К вполне естественному страху перед реальными опасностями примешивался и испуг, вызванный предрассудками и невежеством. Но все же он продолжал идти вперед.

Карлик увидел его первым. Снаряд пращи угодил Алану прямо в живот, он только успел крикнуть: «Бобо, Бобо!» — и потерял сознание.

Бобо спиной вошел в жилище Джо-Джима и сбросил свою ношу к ногам хозяина.

— Свежее мясо! — гордо объявил он.

— Ну и возьми его себе, — безразлично ответил Джим.

Карлик поковырял скрюченным пальцем в ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает Бобо.

— Подожди-ка, — оторвался от книги Джо.

Хью подготовил Алана к встрече с двухголовым мутантом, поэтому тот, придя в себя, рассказал обо всем, что случилось. Джо-Джим слушал молча и бесстрастно. Бобо тоже слушал внимательно, но ничего не понимал.

Когда Алан кончил, Джим заметил:

— Твоя была правда, Джо. Ничего у него не вышло. — Повернувшись к Алану, он добавил: — Останешься вместо Хью. В шашки играть умеешь?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы даже не попробуете помочь ему? — спросил он.

— А с какой стати? — удивился Джо.

— Но он же рассчитывает на вас. Ему больше неоткуда ждать помощи. Я поэтому и пришел, разве вы не понимаете?

— Даже если бы мы согласились, — рявкнул Джим, — что бы мы могли сделать, дурья твоя голова? Отвечай!

— Да нападем на них просто-напросто и отобьем Хью!

— А чего ради мы должны рисковать шкурой, спасая твоего друга?

— Что, драться будем? — навострил уши Бобо.

— Нет, Бобо, нет. Просто разговоры, — ответил Джо.

— А-а... — разочарованно протянул Бобо и снова смолк.

Алан посмотрел на него.

— Ну хоть Бобо отпустите со мной!

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом и речи быть не может.

Алан сидел в углу, обхватив в слепом отчаянии колени. Как вырваться отсюда? Внизу он мог бы еще найти помощь. Карлик, казалось, спал, хотя наверняка этого сказать не мог никто. Хоть бы Джо-Джим уснул.

Но близнецы и не думали спать. Джо пытался сосредоточиться на книге, но Джим все время отрывал его от чтения. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо громко сказал:

— Хорошенькое у тебя представление насчет «позабавиться»!

— Все одно веселей, чем шашки, — ответил Джим.

— Веселее, да? А если ты ножом в глаз получишь, что будет со мной?

— Стареешь ты, Джо. Кровь у тебя жидкая стала.

— Не старее тебя.

— У меня зато мысли молодые.

— Знаешь что, меня от тебя с души воротит. Ладно, будь потвоему, но меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил:

— Слушаю, хозяин!

— Приведи Кабана, Длиннорукого и Коротышку.

Джо-Джим подошел к шкафу доставать ножи.

Под самой дверью тюрьмы возникла какая-то сумятица. Хью встрепенулся. Уже пришли за ним, чтобы отвести в Конвертер? Вряд ли конвой будет так шуметь. А может быть, этот шум в коридоре вообще не имеет к нему отношения? А может быть...

Точно! Влетевший в распахнувшуюся дверь Алан сунул Хью в руку пояс с ножами, одновременно выталкивая пленника наружу.

Стоящий в коридоре Джо-Джим даже не заметил Хью сразу, потому что был сильно занят — методично и спокойно ме-

тал ножи, как будто упражнялся с мишенью у себя в комнате. Ухмылка Бобо казалась шире обычной из-за ножевой раны у самого рта, что, однако, никак не повлияло на меткость его пращи.

Хью узнал еще троих головорезов из обычного окружения Джо-Джима.

— Сматываемся, живо! — крикнул Алан. — Их сейчас набежит целая орава! — и устремился в правый коридор. Джо-Джим последовал за ним. Хью наудачу, не целясь, метнул нож в стражника, показавшегося из левого коридора, не успев даже посмотреть, попал или нет. Бобо, прикрывавший отступление с тыла и раздосадованный слишком быстрым завершением потехи, бежал вслед.

Алан снова свернул направо.

— Здесь лестница! — крикнул он.

Но ярдах в десяти от лестницы прямо перед ним захлопнулась герметическая дверь, о существовании которой Алан совсем забыл: этой лестницей почти никогда не пользовались. Бобо вцепился в дверь, но только обломал себе ногти.

— Попались, — мягко сказал Джо. — Надеюсь, Джим, что хоть это развлечение придется тебе наконец по вкусу.

Из-за поворота сзади высунулась голова одного из преследователей. Хью метнул нож, но расстояние было слишком велико: нож ударился о сталь стены. Голова исчезла. Длиннорукий, держа пращу наготове, не спускал с коридора глаз.

— Видишь светящуюся трубу на потолке? — Хью схватил Бобо за плечо.

Бобо кивнул. Хью показывал ему на трубку освещения, проходящую над разветвлением коридоров, которые они только что проскочили.

— Можешь попасть в место, где эта трубка соединяется с другой?

Бобо прикинул расстояние на глаз. Далековато. Он ничего не ответил. Хью услышал лишь свист пращи и треск. В коридоре стало темно.

— За мной! — крикнул Хью и побежал назад по коридору. Приблизившись к перекрестку, он закричал: — Не дышать! Осторожно! Газ!

Из разбитой трубы лениво вываливались зеленоватые клубы радиоактивного испарения.

Хью мог только благодарить судьбу за то, что когда-то работал инженером осветительных систем и хорошо знал их устрой-

ство. Направление он выбрал правильное — линия освещения этого коридора шла как раз от соединения, разбитого Бобо, и поэтому сейчас здесь было темно. Вокруг только слышался топот бегущих людей — друзей ли, врагов ли, он не знал.

Наконец они выскочили на освещенный участок, где не было никого, кроме насмерть перепуганного крестьянина, тут же пустившегося наутек. Все были на месте, но Бобо шатался и тяжело дышал.

Джо посмотрел на него.

— Газу нанюхался, — сказал он. — Кабан, стукни его по спине.

Кабан охотно повиновался.

— Отойдет, — сказал Джо.

Эта маленькая заминка позволила одному из преследователей догнать их. Он вылетел из темного коридора прямо на Кабана, то ли не сообразив, что один оказался против целого отряда, то ли не придав этому значения.

Кабан поднял было пращу, но Алан, узнавший Морта Тайлера, схватил Кабана за руку:

— Не тронь его! Он мой!

— Один на один? — предложил Алан Тайлеру, прижав пальцем лезвие ножа.

Тайлер двинулся вперед. Алан был тяжелее и явно сильнее. Однако Тайлер был гибче и подвижнее. Он пытался ударить Алана коленом в живот, но Алан увернулся и сбил Тайлера с ног, упав на пол вместе с ним. Мгновение спустя Алан встал и вытер нож о бедро.

— Пошли, — сказал он.

Они поднимались вверх. Кабан и Длиннорукий выходили на каждую новую палубу первыми, осматривались по сторонам и охраняли лестницу с флангов, пока не поднимутся все остальные. Коротышка прикрывал отход с тыла.

Хью уже думал, что они совсем оторвались от погони, но неожиданные крики и свист ножа, пролетевшего прямо над головой, когда он вылезал из люка на очередную палубу, убедили его в обратном. Тем более что этот нож хоть и не сильно, но задел его щеку.

Нож торчал из правого плеча Длиннорукого, но это его не беспокоило — он раскручивал пращу. У Кабана свои ножи кончились, он поднимал с пола клинки, брошенные в него, и метал их обратно. Следы его работы были налицо: три трупа в коридоре да футах в двадцати от них раненный в ногу человек опирался рукой о стену, тщетно шаря другой в пустой перевязи. Хью узнал Билла Эртца.

На свое несчастье, Эртц прошел по другой лестнице, чтобы перерезать путь беглецам и устроить засаду. Бобо поднял пращу, но Хью остановил его:

— Этот нам нужен. Подстрели его в живот, но чтоб жив остался, — приказал он.

Бобо удивился, но сделал, как было велено. Эртц перегнулся пополам и рухнул на пол.

— Метко, — сказал Джим.

— Бобо, тащи его с нами, — скомандовал Хью и окинул взглядом весь отряд. — Внимание! Все наверх и живо! По сторонам смотреть в оба!

Группа двинулась дальше, сохраняя прежний порядок. Джо выглядел раздраженным. Происходило что-то странное — Хью вдруг начал командовать его собственными людьми да и им самим тоже. «Впрочем, сейчас не до споров», — подумал он.

Джиму же, казалось, все это было безразлично. Он развлекался.

Они прошли еще десять палуб, не встречая сопротивления. Хью приказал без нужды не трогать крестьян. Три головореза повиновались безропотно, а Бобо был слишком занят Эртцем, чтобы нарушать дисциплину. Только палуб через тридцать, когда они оказались в нейтральной зоне, Хью позволил остановиться и заняться ранами.

Серьезно пострадали только Длиннорукий и Бобо. Джо-Джим перевязал их заранее запасенными бинтами. Хью, раненный в щеку, от перевязки отказался.

— Кровь уже остановилась, — сказал он, — и нечего тратить время на царапины. У меня дел по горло.

— Каких еще дел? Мы идем домой, и хватит ерундить, — сказал Джо.

— Ты как хочешь, — сказал Хью, — но Алан, я и Бобо идем на самый верх, в Капитанскую рубку.

— Это еще зачем? — спросил Джо.

— Иди с нами, тогда увидишь сам. Ребята, привал окончен. Вперед!

Джо хотел что-то сказать, но Джим безмолвствовал, поэтому промолчал и Джо. Близнецы последовали за Хью.

Они вплыли в дверь рубки.

— Вот, — сказал Хью Алану, показывая в иллюминатор, — вот то, о чем я тебе рассказывал.

Алан увидел звезды.

— Великий Джордан! — простонал он. — Мы же выпадем! — И закрыл глаза.

Хью встряхнул его.

— Не бойся, посмотри, как красиво.

Джо-Джим взял Хью за руку.

— Что ты задумал и зачем приволок сюда этого? — он показал на Эртца.

— Когда он очнется и увидит звезды, мы докажем ему, что Корабль движется в пространстве.

— Зачем?

— Когда он убедится сам, я пошлю его убеждать остальных.

— И с ним случится то же, что и с тобой?

— Тогда, — пожал плечами Хью, — тогда мы просто начнем все сначала. И так до тех пор, пока не убедим всех. Видишь ли, у нас просто нет другого выхода.

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

Продолжение следует

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

ЧАСТЬ II. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Джо, правая голова Джо-Джима, посмотрел на Хью Хойланда.

— Ну ладно, умник. Главного инженера ты убедил. — Двухголовый ткнул в сторону Билла Эртца ножом и вновь принялся ковырять им в зубах левой головы. — Ну и что? Какой тебе с того прок?

— Я уже тысячу раз объяснял, — раздраженно ответил Хью. — Будем продолжать, пока все Ученые, от самого зеленого стажера до Капитана, не убедятся в том, что Корабль движется и что его движением можно управлять. Тогда мы завершим Полет и исполним волю Джордана. Сколько у тебя наберется бойцов?

— Тебе, никак, взбрело в голову, что мы согласимся участвовать в твоих идиотских затеях?

— Естественно. Без вас ведь ничего не выйдет.

— В таком случае, можешь поставить на своих планах крест. Бобо, доставай шашки!

— Сейчас, хозяин. — Микроцефал поплелся за шашками.

— Погоди, Бобо, — сказал Джим, левая голова. Карлик застыл на месте, сморщив узкий лоб. Неспособность дать ему согласованный и непротиворечивый приказ, временами проявляемая его двухголовым хозяином, вносила единственную нотку неуверенности в безмятежное существование Бобо.

— Дай Хью сказать, — продолжал Джим, — похоже, есть шанс поразвлечься.

— Развлечься! Ничего себе развлеченьице — получить ножом под ребро! Позволь тебе заметить, Джим, что это и мои ребра тоже. Нет, я никак не согласен.

— Я еще не предлагал тебе соглашаться. Всего лишь просил выслушать. И, знаешь, не говоря уж о развлечениях, это, может быть, и есть наш единственный шанс избежать ножа под ребро.

— То есть?

— Ты же слышал, что сказал Эртц. Офицеры Корабля намерены очистить верхние ярусы. Интересно, как тебе понравится Конвертер, Джо? Боюсь только, что нам не сыграть уже в шашки, когда нас разложат на атомы.

— Не паникуй! Экипажу мьюты не по плечу. Сколько раз уже они пробовали с нами справиться!

— А ты что скажешь? — обернулся Джим к Эртцу.

Эртц отвечал осторожно, ни на секунду не забывая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. К тому же он был выбит из колеи — слишком много всего случилось и слишком быстро. Налет, схватка, плен — и звезды. Звезды!

В его практичной трезвомыслящей голове не только понятия о них — места такому понятию никогда не было! Более того, Эртц отлично понимал, что жизнь его висит на волоске. Стоит только Джо-Джиму сделать знак этому карлику...

— Я думаю, что на этот раз

Продолжение. Начало в № 1, 2.

Экипаж своего добьется. — Эртц тщательно подбирал слова. — Мы... они хорошо подготовились. Если только вас не больше и если вы не организованы лучше, чем предполагалось, Экипаж победит. Видите ли... В общем, всю подготовку вел я.

— Ты?

— Да. Большинство в Совете выступило против политики, позволяющей мьютам жить вне нашего контроля. Она, может, и соответствует нашим религиозным доктринам, но мы время от времени теряем людей и животных.

— А чем, по-твоему, мьюты должны кормиться? — грозно рявкнул Джим. — Воздухом?

— Должен отметить, что новый политический курс вовсе не предусматривал поголовного уничтожения мьютов. Сдавшихся в плен предполагалось приобщить к цивилизации и раздать членам Экипажа в качестве рабов. Речь идет, конечно, о тех мьютах, кто... — Эртц запнулся, растерявшись, и опустил глаза.

— Ты хотел сказать: «О тех, кто не деформирован физическими мутациями», как я, например, — сказал Джо голосом, от которого мороз прошел по коже. — Так, что ли? Для таких, как я, одна дорога — в Конвертер. — Лезвием ножа Джо-Джим плашмя ударил себя по ладони.

Эртц инстинктивно дернулся вбок, его рука легла на пояс. Но ножа на поясе не было. Без оружия Эртц почувствовал себя беспомощным.

— Я всего лишь честно ответил на твой вопрос и объяснил истинное положение дел, — сказал он.

— Оставь его, Джо. Он правду говорит. И поэтому у нас нет выбора. Если мы не присоединимся к Хью, нас загонят в угол. Даже не думай его убивать, он нам еще здорово пригодится.

Говоря, Джим пытался вложить нож в ножны. Между братьями вспыхнула быстрая и молчаливая схватка за контроль над нервными центрами правой руки — схватка воли, незаметная для глаза. Джо сдался.

— Ладно, — хмуро сказал он, — но, когда меня потащат в Конвертер, я прихвачу его с собой.

— Уймись, — ответил Джим. — Я-то уж в любом случае тебе составлю компанию.

— С какой стати ты вообще ему веришь?

— Ему незачем врать. Он ничего этим не выиграет. Порасспроси Алана.

Алан Махони, закадычный дружок детских лет Хью Хойланда, слушал этот разговор, вытаращив глаза. Встреча со звездами потрясла его не меньше Эртца, но темный крестьянский ум не обладал гибкостью мышления Главного инженера. Эртц не мог не понять почти мгновенно, что само существование мира вне Корабля опровергает все, во что он когда-либо верил, и в корне меняет его жизнь и все планы. Алан же просто испытывал благоговейный восторг.

— Алан, что тебе известно о походе на мьютов?

— Что мне может быть известно? Я же не Ученый. Хотя постойте-ка. В нашу деревню прибыл новый офицер, чтобы помочь Лейтенанту Нельсону, — он запнулся и обескураженно обвел всех взглядом.

— Продолжай.

— Ну да, он начал проводить занятия с кадетами и женатыми молодыми крестьянами. Заставлял нас упражняться с ножами и пращами. Но зачем, не говорил.

— Убедились наконец? — всплеснул руками Эртц.

— Убедились, — хмуро кивнул Джо.

Хью Хойланд спросил его с надеждой:

— Теперь ты согласен быть со мной заодно?

— Придется, — ответил Джо.

— Согласен, — сказал Джим.

— А ты, Билл?

— Разве у меня есть выбор?

— Есть. Я всем сердцем хочу, чтобы ты был с нами. План у меня такой — Экипаж в счет не идет. Нам надо убедить офицеров. Те, у кого хватит ума поверить в очевидное, увидев звезды и Главную рубку, останутся с нами. Остальных, — он провел по горлу большим пальцем, — в Конвертер.

Бобо радостно усмехнулся и повторил его жест.

Эртц кивнул.

— А дальше?

— Под руководством нового Капитана мьюты и Экипаж вместе поведут Корабль к Далекому Центавру. Да свершится воля Джордана!

Эртц смотрел на Хью. То, что тот предлагал, было настолько грандиозно, что не сразу укладывалось в голове. Но мысли Хью приходились по душе Эртцу. Опершись о стол руками, он наклонился вперед.

— Я с тобой, Хью Хойланд.

Один из ножей Джо-Джима лег на стол между его ладонями. Джо встрепенулся, хотел что-то сказать брату, но передумал. Эртц взглядом поблагодарил близнецов.

Близнецы пошептались между собой, потом Джо громко сказал:

— Если идем, так до конца.

Зажав лезвие ножа между большим и указательным пальцами так, что наружу торчало лишь острие, Джо-Джим вонзил его в предплечье левой руки.

Глаза Эртца зажглись. Схватив только что обретенное оружие, он надрезал себе левую руку в том же месте. Хлынула кровь.

— Спиной к спине! — Отпихнув стол, Эртц прижался раной к ране Джо-Джима.

Выхватив ножи, Алан, Хью и Бобо совершили обряд кровной клятвы. Они стояли, прижавшись плечами друг к другу, и кровь их стекала на пол одной струей.

— Нож за нож!

— Спиной к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья до конца Полета!

Ученый-вероотступник, ученый-пленник, темный крестьянин, двухголовый монстр и безмозглый карлик — пять ножей, считая Джо-Джима за один, и пять голов, считая Джо-Джима за две и не считая Бобо, — пять голов и пять ножей против всего «цивилизованного мира».

— Не хочу я туда возвращаться, Хью, — понуро сказал Алан. — Почему мне нельзя остаться с тобой? Я хороший боец.

— Боец ты отличный, дружище, но сейчас от тебя будет больше пользы как от лазутчика.

— Для этого есть Билл Эртц.

— Без тебя ему не обойтись. Билл на виду: если он все время будет мотаться вверх-вниз, могут пойти пересуды. Вот тут-то ты и нужен: будешь у него связным.

— А как я, Хафф побери, объясню в деревне, где столько времени пропадал?

— Говори как можно меньше. Главное, держись подальше от Свидетеля. — Хью вдруг представил себе, как Алан пытается выкрутиться, а Свидетель, обуреваемый своей вечной жаждой подробностей, загоняет его в угол умелыми вопросами. — Держись от старика подальше, — повторил Хью. — Он тебя сразу расколет.

— Старик-то? Да ведь он давно уже помер. А новый Свидетель еще зелен и глуп.

— Вот и хорошо. Будь осторожен и ничего не бойся. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов?

— Готов. — Эртц поднялся и неохотно отложил книгу, которую читал, — иллюстрированное издание «Трех мушкетеров».

— Книга просто чудесная, —

Рисунки Н. ГРИШИНА

сказал он. — Слушай, Хью, неужели на Земле действительно все так и есть?

— Конечно. Книги Джо-Джима не врут.

Задумавшись, Эртц закусил губу:

— Как по-твоему, что такое «площадь»?

— «Площадь»? Насколько я понял — огромная общинная, где может сразу собраться много людей.

— Сначала, читая, я тоже так думал, но... как же можно тогда ездить на ней верхом?

— Что-что?

— Да вот в книге они только и делают, что залезают на площадь и скачут куда-нибудь.

— Дай-ка мне книгу, — приказал Джо. Быстро перелистав ее, он рассмеялся. — Ну и идиот же ты. Ездят на лошадях, а не на площадях. Можно сесть на лошадь и проехаться по площади, но не наоборот, понял ты, дурень?

— А что такое «лошадь»?

— Животное, величиной с корову. Ты усаживаешься ему на спину и едешь, куда хочешь.

Эртц обдумал новую информацию:

— Непрактично как-то. Когда едешь в носилках, просто говоришь Главному носильщику, куда идти, и все. А как объяснить дорогу корове?

— Легче легкого. Твой носильщик ее поведет в нужном направлении.

Эртц поразмыслил и над этим:

— Все равно непрактично. Можно ведь упасть. Нет уж, лучше пешком.

— Дело наживное, — объяснил Джо. — Требует привычки.

— А ты умеешь ездить на лошади?

Джим фыркнул.

— Где ты видел лошадей в Корабле? — разозлился Джо.

— Ладно, не будем про лошадей. Но я хотел еще кое-что спросить. Эти парни, Атос, Портос и Арамис, дрались необычайно длинными...

— Об этом поговорим в следующий раз, — перебил его Хью. — Бобо уже вернулся, пора идти.

— Подожди, Хью. То, что я говорю, очень важно. Они дрались необычно длинными ножами.

— Ну и что с того?

— Но ведь их ножи гораздо лучше наших. Длиной с руку, а то и больше. Подумай только, какое преимущество дадут нам такие ножи, если придется драться с Экипажем.

Хью обнажил свой нож и задумчиво посмотрел на него:

— Может, ты и прав. Но зато длинный нож не метнешь.

— А кто мешает сохранить наши метательные ножи?

— Да никто, пожалуй.

Близнецы молчали, прислушивались к их разговору. Наконец Джо сказал:

— Билл прав. Подумай о ножах, Хью, а нам с Джимом надо коечто почитать.

Обе головы лихорадочно вспоминали все прочитанные книги, подробно и со знанием дела перечисляющие разнообразные методы, используемые людьми для сокращения жизни своих недругов. Джо-Джим и не заметил, как учредил Факультет исторических изысканий военного колледжа, тем более, что такое цветистое название ему и в голову бы никогда не пришло.

— Читай, конечно, — согласился Хью. — Но поговори сначала со своими людьми.

— Пошли.

Они вышли в коридор, где Бобо собрал десятка два головорезов, составляющих опору Джо-Джима в стране мутантов. Для всей этой шайки, кроме Длиннорукого, Кабана и Коротышки, Хью, Билл и Алан были чужаками, а чужакам встречаться с ними было опасно для жизни.

Джо-Джим приказал мьютам хорошенько запомнить троих людей с нижних палуб. Запомнить и знать, что их следовало пропускать везде и всюду беспрепятственно, оказывая помощь и содействие. Более того, в отсутствие Джо-Джима мьютам надлежит повиноваться им, как ему самому.

Среди мьютов начался гул. До сих пор они привыкли повиноваться только Джо-Джиму, и никому, кроме него.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил:

— Я — Джек Носатый. Мой нож остр и мой глаз меток. Джо-Джим-двухголовый мудр за десятерых, он мой хозяин, и я за него сражаюсь. Но хозяин он, а не эти трое с нижних палуб. Что вы скажете, молодцы?

Он выжидающе замолк. Мьюты нервно переминались с ноги на ногу, поглядывали на Джо-Джима. Джо уголком рта пробормотал что-то Бобо. Джек Носатый открыл было рот, чтобы продолжать, но раздался лишь треск разбитых зубов и переломанной шеи — снаряд пращи Бобо заткнул ему глотку.

Бобо снова изготовил пращу. Джо-Джим оглядел притихших мьютов:

— Длиннорукий! Ты, Сороковой и Топор пойдете вниз с Бобо, Аланом и Биллом. Остальным разойтись.

Трое мьютов отделились от отряда и последовали за Бобо. Перед тем как прыгнуть в люк, Эртц обернулся.

— Да хранит вас Джордан, братья, — сказал он.

Джо-Джим помахал ему рукой.

— И тебя, — ответил Джо.

— Доброй еды, — добавил Джим.

Бобо вел их вниз. Через сорок с лишним палуб они оказались на ничьей земле между мьютами и Экипажем. Бобо обернулся к своим рубакам:

— Мудрые Головы приказали вам стоять здесь по очереди на посту. Ты первый, — показал он на Длиннорукого.

— Алан и я идем вниз, — добавил Билл. — А вы трое по очереди будете караулить здесь и передавать мои послания Джо-Джиму. Ясно?

— Ясно, — ответил Длиннорукий.

— Приказ Джо-Джима! — отметил Сороковой, пожимая плечами, как бы говоря: «Что ж тут рассуждать!»

Топор просто хмыкнул в знак согласия.

Бобо от души похлопал Билла и Алана по спинам.

— Доброй еды, — напутствовал он их.

Обшаривая столы исчезнувшего Главного инженера, Старший помощник Капитана-Помазанника Финеас Нарби обнаружил, к своему изумлению, что Билл Эртц тайком хранил парочку Ненужных книг. Были у него в столе, конечно, и обычные Священные книги, такие, как бесценные «Профилактика вспомогательного Конвертера» и «Справочник систем освещения и кондиционирования звездолета «Авангард» — самые священные из всех Священных книг: на них стояла печать самого Джордана, и они по праву могли принадлежать только Главному инженеру.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — дело праведное и благое... для Экипажа. И все же слова «Фонд Джордана», оттиснутые штемпелем на титульном листе, будили в душе трепет, которого он не помнил с тех пор, как был удостоен сана Ученого.

Нарби восхищался прекрасным четким шрифтом старинных книг. Вот ведь были писцы у древних! Не то, что современные неряхи, которым и двух букв одинаково ровно не написать.

Он решил обязательно изучить подробно эти ценнейшие справочники инженерного ведомства, прежде чем передать их преемнику Эртца. Было бы очень полезно, решил Нарби, избавиться от необходимости слепо полагаться на слова Главного инженера, не зависеть от него, когда он, Нарби, сам станет Капитаном. Нарби не очень почитал Инженеров в основном потому, что сам инженерными способностями не блистал. Когда он стал Ученым, одним из тех, кто охранял духовное и материальное благополучие Корабля, когда дал клятву служить верой и правдой делу Джордана, то быстро понял, что более склонен к руководству кадрами и разработке политической линии, чем к обслуживанию Конвертера. Он занимал посты клерка, администратора деревни, секретаря Совета, кадровика и, наконец, поднялся до должности Старшего помощника самого Капитана-Помазанника. Это место он получил сразу же после таинственного происшествия, значительно сократившего жизнь его предшественника.

Решение заняться инженерными делами до избрания нового Главного инженера напомнило ему о необходимости подобрать подходящую кандидатуру. В обычной ситуации на пост Главного инженера, ушедшего в Полет, назначался старший Вахтенный офицер, но Вахтенный Морт Тайлер сам ушел в Полет — его хладный труп нашли в коридоре, по которому отступали мьюты, освободившие еретика Хью Хойланда. Вопрос о кандидатуре оставался открытым, и Нарби еще не решил, кого рекомендовать Капитану.

Одно было ясно — новый Главный инженер не должен обладать таким чрезмерно развитым чувством инициативы, как Эртц. Нарби отдавал последнему должное и признавал его заслуги в отличной организации подготовки Экипажа к намеченному истреблению мьютов, но именно эти его качества хорошего организатора и руководителя беспокоили Нарби — они могли сделать Эртца слишком сильным кандидатом на пост Капитана в случае... Наедине с самим собой Нарби мог признаться, что жизнь нынешнего Капитана так неоправданно затянулась только потому, что он, Нарби, не был на все сто процентов уверен, кого Совет изберет следующим Капитаном — Эртца или его. А сейчас старому Капитану было бы в самый раз отправиться к Джордану. Старый толстый дурак давно уже отжил свое, и толку от него... Нарби просто устал улещивать старика, чтобы тот отдавал нуж-

ные распоряжения. Да, если перед Советом встанет необходимость выбора нового Капитана именно в настоящий момент, то подходящая кандидатура будет только одна...

Нарби захлопнул книгу. Решение было принято. Замыслив убрать Капитана, Нарби отнюдь не испытывал ни стыда, ни угрызений совести, ни мыслей о грехе и предательстве. Капитана он презирал, но никаких злых чувств к нему никогда не испытывал, так что в его намерениях убить Капитана не было и следа личной ненависти или неприязни. Нарби строил свои планы, исходя из самых благородных побуждений государственного деятеля. Он искренне верил, что действует на благо всего Экипажа, что его цель — здравомыслящая администрация, порядок, дисциплина и добрая еда для каждого. Необходимость отправить кое-кого в Полет ради достижения великих целей и всеобщего блага не вызывала у него ни малейшего сожаления, и зла никакого к этим людям он не питал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби обернулся и увидел покойного Билла Эртца, с недовольным видом склонившегося над ним. Сначала Нарби уставился на Билла, потом медленно закрыл рот. Нарби настолько был уверен в смерти Главного инженера после его исчезновения во время налета, что увидеть Эртца сейчас перед собой живым и сердитым было для него тяжелым ударом. Но он быстро взял себя в руки.

— Билл! Джордан с нами! Мы же думали, что ты ушел в Полет! Садись, садись, да расскажи поскорее, что с тобой приключилось.

— Сяду, конечно, если ты уберешься из моего кресла, — ядовито ответил Эртц.

— Извини. — Нарби быстро вылез из-за стола и пересел в кресло напротив.

— А теперь, — продолжал Эртц, занимая свое место, — будь любезен объяснить, почему ты копаешься в моих бумагах.

Нарби ухитрился изобразить обиду.

— Но разве это не ясно? Мы же считали тебя погибшим. Кто-то должен же руководить твоим ведомством до назначения нового Главного инженера. Я выполнял приказ Капитана.

Эртц смотрел ему прямо в глаза.

— Не заливай, Нарби. Мы-то с тобой знаем, кто думает за Капитана, сами частенько это делали. Даже если ты действительно считал меня мертвым, мог бы и подождать еще немножко, прежде чем лезть в мой стол.

— Но в самом деле, старина, ты уж слишком. Если человек исчезает после налета мьютов, то вполне логично предположить, что он ушел в Полет.

— Ладно, оставим это. Почему мое место не занял Морт Тайлер, как и должно быть во время моего отсутствия?

— Морт в Конвертере.

— Что, убит? Но кто приказал отправить его в Конвертер? Такая масса даст слишком сильную нагрузку.

— Приказал я. Масса его тела почти совпадала с массой тела Хойланда, а Хойланд в Конвертер так и не попал.

— «Почти» и «совсем» — не одно и то же, особенно когда имеешь дело с Конвертером. Придется мне проверить. — И Эртц поднялся с места.

— Не беспокойся, — сказал Нарби, — я ведь все-таки тоже не крестьянин и в инженерном деле немного соображаю. Я приказал подогнать массу Тайлера под график переработки, который ты составил для тела Хойланда.

— Хорошо. Потом проверю. Лишний вес терять впустую нам тоже нельзя.

— Кстати, насчет рационального использования веса, — невинно сказал Нарби, — я у тебя в столе нашел пару Ненужных книг.

— Ну и что с того?

— Тебе ведь известно, что они определены как масса, подлежащая конвертерной переработке для производства энергии.

— Известно. А тебе известно, кто отвечает за производство энергии.

— Ты. Но зачем эти книги находятся в твоем столе?

— Позволь заметить, дорогой любимчик Капитана, что только мне одному дано право судить, где хранить вещи, предназначенные для Конвертера.

— Конечно, конечно, ты прав. Послушай, если они не нужны для Конвертера прямо сейчас, можно я возьму их почитать?

— Бери, пожалуйста, но будь благоразумен. Я выдам их под расписку, а ты не распространяйся об этом.

— Спасибо. Живое было воображение у древних. Полный бред, конечно, но приятно на досуге позабавиться.

Эртц рассеянно приготовил расписку на две книги и протянул ее Нарби прочитать. Мысли Эртца были заняты совсем другим — как и когда начать обработку Нарби. Он хорошо понимал, что в деле, которое замыслили он и его кровные братья, без Финеаса не обойтись. Его позиция может иметь решающее значение. Перетянуть бы его на свою сторону...

— Фин, — сказал он наконец, когда Нарби положил на стол подписанную расписку, — я начал сомневаться в разумности нашего поведения в деле Хойланда.

Нарби удивленно взглянул на него.

— Да нет, я отнюдь не верю всем этим бредням, которые он наплел, — добавил Эртц торопливо. — Но сдается мне, что мы упустили шанс. Надо было поиграть с Хойландом и выйти через него на мьютов. Мы хотим присоединить их территорию, но все наши планы строятся на предположениях, а не на достоверной информации. Сколько их, каковы их силы, как они организованы — толком мы ничего не знаем. Более того, нам придется драться на чужой территории. Но верхние палубы для нас вообще «белое пятно». Надо бы притвориться, что мы верим Хойланду, и выкачать из него как можно больше сведений.

— На которые вряд ли можно было бы полагаться, — отметил Нарби.

— Полагаться только на его слова не было нужды. Он ведь предлагал нам безопасный проход через страну мьютов, можно было бы самим посмотреть, что к чему.

— Ты это всерьез? Любой член Экипажа, доверившийся мьюту, отправится не в Невесомость, а в Полет! — Нарби был ошеломлен.

— Не знаю, не знаю, — возразил Эртц. — У меня сложилось впечатление, что Хойланд сам верил в то, что говорил. Помимо того...

— Что «помимо того»? Весь этот бред о движении Корабля? Незыблемого Корабля? — Нарби ударил кулаком по стенке. — Да кто поверит в подобную чушь?

— Хойланд поверил. Ну, хорошо, он религиозный фанатик, я согласен. Но ведь его фанатизм на чем-то основан? Он увидел там, наверху, что-то невероятное и воспринял его по-своему, в виде той истории, которую нам рассказал. Мы должны были использовать его предложение пойти наверх и познакомиться с его открытием хотя бы для того, чтобы разведать по дороге страну мьютов.

— Полнейшее безрассудство!

— Вот и нет. Судя по всему, он пользуется огромным влиянием среди мьютов, а то с чего бы им заваривать эту кашу и спасать

его? Если он говорит, что гарантирует безопасный проход через их страну, значит, знает, что говорит.

— С чего это ты изменил свое мнение?

— Мое мнение изменил налет. Я бы в жизни не поверил, что шайка мьютов рискнет шкурами, чтобы спасти одного человека. Но коль скоро это произошло, я вынужден пересмотреть свои взгляды. Абстрагируясь от рассказа Хью, могу сказать только одно: мьюты готовы за него драться и, по всей вероятности, готовы подчиняться ему. А если это так, на его религиозный фанатизм следовало смотреть сквозь пальцы и использовать Хью для установления контроля над мьютами, не прибегая к войне.

Нарби пожал плечами:

— Твои рассуждения не лишены логики. Но стоит ли тратить время на рассуждения о том, что могло бы произойти. Если шанс и был, то он уже упущен.

— Как знать. Хойланд ведь бежал к мьютам. Если бы я мог как-нибудь связаться с ним, может, и удалось бы еще начать все сначала.

— И как же ты предполагаешь сделать это?

— Сам пока не знаю. Можно, например, взять охрану, полезть наверх, поймать какого-нибудь мьюта и отправить его к Хойланду.

— Рискованная затея.

— Но я не прочь попробовать.

Нарби задумался. Весь план казался ему донельзя глупым и неоправданно рискованным. Но если Эртц не прочь рискнуть... Шансов, конечно, мало, но чем Хафф не шутит? Если Эртцу удастся осуществить свой план, то у него, у Нарби, будут развязаны руки для выполнения самых заветных планов. Уж кто-кто, а Нарби понимал, что покорение мьютов силой будет делом долгим и кровавым, да и вообще вряд ли осуществимым. А если у Эртца ничего не выйдет, то опять же Нарби ничего не теряет, кроме самого Эртца. А на нынешнем этапе игры о жизни Главного инженера вообще вряд ли стоит сокрушаться. Та-ак...

— Возьмись за это дело, Билл, — сказал он. — Человек ты смелый, а дело стоящее.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он и, забрав книги, ушел. Только вернувшись к себе, он сообразил, что Эртц так и не дал никакого объяснения своему исчезновению и долгому отсутствию.

Эртц тоже понимал, что и Нарби не был с ним полностью откровенен. Но, зная Нарби, принимал это как должное. Основа для будущих действий была заложена.

Главный инженер провел текущую проверку Конвертера и назначил исполняющего обязанности Вахтенного. Убедившись, к своему удовлетворению, что его подчиненные справятся с работой и во время его дальнейших отлучек, он приказал вызвать к себе Алана Махони. Он хотел было выехать навстречу Алану в носилках, но решил не привлекать внимания к встрече.

...Алан бурно приветствовал его. Для все еще не женатого, работающего на более удачливых людей кадета, все сверстники которого давно уже обзавелись семьями и собственностью, кровное братство с одним из главных Ученых Корабля стало самым выдающимся событием в жизни. Оно затмевало даже все недавние приключения, полный смысл которых его невежественный ум все равно не мог постичь.

Эртц прервал его и быстро закрыл дверь.

— Стены имеют уши, — тихо сказал он, — а у клерков, помимо ушей, еще и языки. Ты что, хочешь, чтобы нас с тобой сунули в Конвертер?

— Прости, Билл, я не сообразил.

— Ладно, оставь. Встретимся на лестнице, по которой мы спускались от Джо-Джима, десятью палубами выше этой. Считать умеешь?

— Даже в два раза больше, чем до десяти. Один да один — два, еще один — получится три, еще один — четыре...

— Молодец. Хватит. Но я больше полагаюсь на твою верность и умение обращаться с ножом, чем на твои математические способности. Встретимся как можно быстрее, и постарайся, чтобы тебя никто не видел.

В месте встречи на посту стоял Сороковой. Эртц окликнул его по имени издалека, держась вне пределов досягаемости ножа и пращи — совсем не лишняя предосторожность, когда имеешь дело с существом, дожившим до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием.

Приказав мутанту найти и привести Хойланда, Эртц вместе с Аланом присел отдохнуть.

В жилище Джо-Джима не было ни хозяина, ни Хью. Сороковой застал там Бобо, но что с него толку? Бобо сказал, что Хью пошел на самый верх, туда, где все летают. Но на самый верх Сороковой забирался лишь раз в жизни и верхних палуб толком не знал. Где там найти Хью? Сороковой растерялся. Нарушать приказы Джо-Джима было небезопасно, а Сороковой раз и навсегда вбил в свою буйную голову, что приказ Эртца — то же самое, что приказ Джо-Джима. Он снова растолкал Бобо.

— Где Мудрые Головы?

— У оружейницы. — Бобо закрыл глаза и захрапел.

Это уже лучше. Где живет оружейница, знал каждый мьют. Все имели с ней дела. Оружейница была незаменимой мастерицей, торговкой и посредницей. Нет нужды говорить, что личность ее была неприкосновенной, а мастерская — нейтральной территорией, где все схватки были запрещены. Туда и направился Сороковой.

Дверь с табличкой «Термодинамическая лаборатория. Вход строго воспрещен» была распахнута настежь. Читать Сороковой не умел, а если бы и умел, все равно бы ничего не понял. Услышав голоса оружейницы и одного из близнецов, он вошел внутрь.

— Хозяин, — начал было он.

— Закройся, — ответил Джо. Джим даже не обернулся, занятый беседой с Матерью Клинков.

— Сделаешь, как тебе говорят, — прорычал он, — и хватит попусту болтать.

Оружейница уставилась на него, уперев все четыре мозолистые руки в широкие бедра. Глаза у нее были красные, ей все время приходилось следить за плавильной печью — по морщинистому лицу на седые редкие усы стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Я делаю ножи, да! — отрезала она. — Честные ножи, а не дрючки для свиней, которые ты от меня требуешь. Придумают тоже — нож длиной с руку, тьфу! — и она плюнула в раскаленную докрасна печь.

— Слушай ты, падаль, — ровным голосом ответил Джим, — или сделаешь, что говорят, или я тебе пятки поджарю в твоей же печке. Ясно?

У Сорокового отвисла челюсть. Да, могущественней его хозяина не было! Никто и никогда, кроме него, не посмел бы так разговаривать с Матерью Клинков!

Оружейница сразу сдалась.

— Но так ведь делать ножи не положено, — жалобно всхлипнула она. — Их же не метнешь. Да я вам сейчас покажу. — Она схватила со стола пояс с ножами и метнула ножи через всю комнату в крестообразную мишень — все

четыре сразу. Лезвия вонзились в четыре конца крестовины. — Видел? А твой дрючок разве так метнешь?

— Хозяин, — снова начал Сороковой, но Джо-Джим, не оборачиваясь, заткнул ему рот кулаком.

— Ты права, — ответил Джим оружейнице, — но мы вовсе не собираемся метать длинные ножи. Мы ими собираемся колоть и резать на близком расстоянии. Принимайся за работу; пока не сделаешь для меня первый нож, есть не сядешь.

Старуха закусила губу.

— Плата обычная? — резко спросила она.

— Обычная. Десятину с каждого убитого твоим ножом, пока не будет выплачена их стоимость, и хорошая кормежка на все время работы.

Старуха пожала кривыми плечами.

— Ладно. — Она вытянула изпод стола длинный кусок стали и сунула его в печь.

Джо-Джим обернулся к Сороковому.

— В чем дело? — спросил Джо.

— Хозяин, Эртц велел мне найти Хью.

— Так что же ты его не ищешь?

— Бобо сказал, что Хью ушел в Невесомость.

— Ну и иди за ним туда. Хотя нет, заблудишься. Придется мне самому его найти. А ты возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы ждал.

Сороковой заспешил вниз. Хозяин был у него что надо, но мешкать в его присутствии не стоило.

...Обнаружив Кабана и Коротышку, спавших у двери, ведущей в Главную рубку, Джо-Джим понял, что Хью там — он сам назначил их личными телохранителями Хью. Но и так было ясно, что если Хойланд пошел наверх, то наверняка в Главную рубку. Она волшебной силой притягивала его к себе. С того момента, как Джо-Джим в буквальном смысле слова втащил Хью за шиворот в рубку и ткнул носом в действительность, в то, что Корабль — отнюдь не весь мир, а всего лишь песчинка, затерянная в гигантской Вселенной, судно, движением которого можно управлять, одна лишь мысль владела Хью Хойландом, тогда еще пленником-рабом Джо-Джима, одно лишь желание обуревало его — сесть за пульт управления и вести Корабль! Мечты Хью и в сравнение не шли с мечтами земных астронавтов. Стремление в космос, жажда полетов на космических кораблях, подражание романтическим героям-астронавтам были естественными для всех земных мальчишек еще с тех пор, как взлетела первая ракета. Но Хью-то мечтал вести в Полет не просто космический корабль, а весь свой мир! Замысли земляне оснастить свою планету двигателями и ринуться сквозь Галактику, и то их мечта уступала бы в дерзновенности намерениям Хью. Новый Архимед обрел рычаг. Теперь он искал точку опоры.

Джо-Джим остановился на пороге гигантского стеллариума Главной рубки и заглянул внутрь. Хью он не видел, но был уверен, что тот расположился в кресле Главного навигатора — огни были включены. На стенах ярко мерцало изображение звездного неба, воспроизведенного телескопами с пунктуальной точностью.

Хью, сидя в кресле, гасил сектор за сектором, оставляя лишь один на противоположной себе стороне, отличавшийся от других изображением большого сверкающего шара, затмевающего своей яркостью соседние звезды. Джо-Джим полез к креслу Хью.

— А, это ты, — обернулся тот.

— Вылезай, тебя ждет Эртц.

— Хорошо, но сначала посмотри.

— Да пошли ты его... — сказал брату Джо, но Джим ответил:

— Будет тебе, право, давай посмотрим. Дело ведь недолгое.

Джо-Джим вскарабкался на соседнее с Хью кресло.

— Что еще там? — буркнул Джо.

— Посмотри на эту звезду, — показал Хью на яркий шар. — Она намного больше, чем была в прошлый раз.

— Да она давно уже растет, — ответил Джим. — Когда мы сюда пришли в первый раз, ее почти совсем не было заметно.

— Значит, мы приближаемся к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Факт давно известный. Еще одно доказательство, что Корабль движется.

— А почему ты мне раньше не говорил?
— О чем?
— О звезде. О том, что она растет.
— Что нам проку с того, что она растет?
— «Что нам проку!» Да в этом же все дело! Это же конец Полета, место, указанное Джорданом!
Слова Хью привели обе головы Джо-Джима в замешательство. Мысли близнецов не шли дальше обеспечения собственной безопасности и привычных удобств, им трудно было понять, что Хью, да и Билл Эртц руководствовались совсем другими соображениями — желанием возродить утраченные достижения далеких предков и довести до конца их дело — давно забытый, превратившийся в мистику Полет на Далекий Центавр.
Первым пришел в себя Джим:
— Почему ты думаешь, что именно эта звезда и есть Далекий Центавр?
— Плевать мне, Центавр она или не Центавр. Но мы к ней ближе, чем к остальным, и продолжаем приближаться. Одна звезда ничем не хуже другой, когда все равно не знаешь, где которая из них. Слушай, Джо-Джим, а ведь древние умели различать звезды.
— Умели, — ответил Джо. — Но нам-то что с этого? Выбрал ты себе звезду, ну и добро пожаловать. А я пошел вниз.
— Хорошо, я тоже спускаюсь, — неохотно поднялся с кресла Хью.

Эртц изложил Джо-Джиму и Хью содержание своей беседы с Нарби.
— Вот что я предлагаю, — продолжал он. — Я пошлю Алана обратно к Нарби и велю ему передать, что мне удалось вступить с тобой в контакт, Хью, и что я прошу его подняться сюда на ничейную палубу, где покажу ему кое-что очень важное.
— Почему бы тебе самому за ним не пойти и не привести его сюда? — спросил Хью.
— Потому, что так пытался сделать ты, когда пришел ко мне и хотел все объяснить. — Эртц смутился. — Ты вернулся от мьютов с невероятными рассказами, и я тебе не поверил, отдав под суд по обвинению в ереси. Если бы не Джо-Джим, быть бы тебе сейчас в Конвертере. И если бы ты не взял меня в плен и не затащил бы в Рубку, где я все увидел собственными глазами, я бы так тебе и не поверил. Пойми, что Нарби — орешек не менее твердый, чем был я. Мы должны заманить его сюда, а потом показать ему звезды и заставить его их увидеть. Добром, если получится, силой, если потребуется.
— Не понимаю, — сказал Джим, — чего с ним цацкаться. Куда проще перерезать ему глотку.
— Перерезать ему глотку было бы славно, но вряд ли практично. Ты даже не представляешь, Джим, насколько Нарби может быть нам полезен. В Совете нет офицера авторитетнее Нарби. Более того, он давно уже вершит делами от имени Капитана. Перетянув его на свою сторону, мы вообще сможем избежать войны, в исходе которой я, честно сказать, не совсем уверен.
— Сомневаюсь, что Нарби придет. У него нюх на ловушки, — сказал Хью.
— Тем более должен идти Алан, а не я. Меня Нарби сразу начнет «копать», а с Алана взятки гладки. Он ничего не скажет Нарби, кроме того, о чем мы договоримся.
— Точно. Знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, — сказал Алан и добавил честно и откровенно: — Я вообще никогда особенно много не знал.
— Джо-Джима ты не видел, о звездах слыхом не слышал. Ты просто мой телохранитель и ординарец. Нарби передашь следующее. — Эртц подробно объяснил Алану, как и что следует говорить. Удостоверившись в том, что тот все понял, он пожелал ему доброй еды.
— Доброй еды, — ответил Алан, стиснув рукоять ножа, и отправился в путь.

Послание Эртца Алан изложил Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга, стоявший за дверью.
— Эртц хочет, чтобы я шел с тобой в страну мьютов? — Ошеломленно уставился на него Нарби.
— Не совсем туда, сэр. На ничейную палубу, где можно будет встретиться с Хью Хойландом.
— Что за абсурд! Да я просто пошлю стражу арестовать его и доставить сюда! — взорвался Нарби.
Алан понял, что наступил решающий момент. Он нарочно повысил голос, чтобы слуга за дверью, а может быть, и клерки, услышали его:
— Эртц велел передать, что если вы испугаетесь идти, то можете оставить эту затею. Он сам подымет вопрос на заседании Совета.
Своим дальнейшим существованием Алан был обязан только тому, что Нарби был человеком интеллекта, а не грубой силы. Посматривая на нож на поясе Нарби, Алан с тоской вспоминал свое оружие, которое сдал начальнику охраны, входя в покои Старпома.
Нарби сдержал гнев. Он был слишком умен, чтобы отнести оскорбление на счет стоящего перед ним придурка, хотя и пообещал себе уделить этой деревенщине немного особого внимания в более подходящее время. Сейчас же на принятом им решении сказались в равной мере и задетое самолюбие, и любопытство, и потенциальная угроза потери лица.
— Ты отведешь меня к Эртцу, — сказал он сурово, — и я проверю, правильно ли ты передал его слова.
Нарби хотел было взять с собой конвой, но передумал.

Не стоило обнародовать дело, не разобравшись во всех его политических аспектах, да и взять охрану в данном случае все равно что не пойти совсем. Но он нервно спросил Алана, когда тот получал обратно свое оружие:

— Ты хорошо владеешь ножом?

— Даже очень, — бодро ответил Алан.

Нарби от души понадеялся, что Алан не хвастун. Последнее время он часто жалел, что раньше пренебрегал военной подготовкой. Следуя за Аланом, он постепенно успокоился. Во-первых, ничего особенного не случилось, во-вторых, Алан производил впечатление опытного и надежного разведчика. Двигался он бесшумно, никогда не забывая тщательно обшарить палубу взглядом, прежде чем вылезти на нее из люка. Нарби вряд ли бы сохранял свое с трудом обретенное спокойствие, услышь он то, что слышал из тускло освещенных проходов Алан, — шорохи, из которых было ясно, что за их продвижением следят с флангов. Алана эти шорохи настораживали, хотя он их и ожидал, понимая, что Хью и Джо-Джим слишком опытны, чтобы оставить проходы без прикрытия. Но, будучи настороже, он все же не испытывал беспокойства — это пришлось бы делать, не сумей он прикрытия обнаружить. Дойдя до условленного места, Алан остановился и свистнул.

Раздался ответный свист.

— Это я, Алан, — крикнул он. — Выйди на открытое место и покажись!

Алан вышел вперед, не теряя, однако, бдительности. Убедившись, что его встречают друзья — Эртц, Хью, Джо-Джим и Бобо, он сделал Нарби знак следовать за ним.

При виде Джо-Джима и Бобо восстановившееся было самообладание Нарби лопнуло. Он понял, что попал в ловушку. Выхватив нож, Старпом метнулся назад, однако Бобо крутнул свою пращу еще быстрее. На мгновение все застыли, но Джо-Джим резко выбил из его рук оружие.

Нарби удирал что было сил. Хью и Эртц тщетно звали его назад.

— Бобо, возьми его! Живьем, — скомандовал Джим.

Бобо рванулся вперед.

Вскоре он вернулся и, уложив Нарби на пол, заметил:

— Быстро бегает.

Нарби лежал, почти не двигаясь, стараясь восстановить дыхание. Бобо вытащил из-за своего пояса отнятый у Старпома нож и попробовал его на жестких волосах своей левой руки.

— Хороший клинок, — одобрительно хмыкнул он.

— Верни ему нож, — приказал Джо. Бобо удивился, но выполнил приказ, забрав у Джо-Джима свою пращу.

Нарби был удивлен не меньше Бобо тем, что получил свое оружие обратно. Но чувства свои он умел скрывать намного лучше карлика. Он даже сумел изобразить достоинство, принимая нож обратно.

— Послушай, — обеспокоенным голосом начал Эртц, — мне очень жаль, что так вышло. Но другого пути удержать тебя не было.

Усилием воли Нарби восстановил холодное самообладание, с которым обычно воспринимал жизнь со всеми ее поворотами. «Проклятье, — подумал он, — ситуация просто идиотская. Ну, ладно».

— Забудем об этом, — сказал он вслух. — Просто я шел на встречу с тобой, а увидел вооруженных мьютов. В странные ты игры играешь, Эртц.

— Приношу свои извинения. Следовало, конечно, предупредить тебя, — Эртц позволил себе маленькую дипломатическую ложь. — Но позволь представить тебе Джо-Джима. Он у мьютов все равно что у Экипажа офицер. А с Бобо ты уже познакомился.

— Доброй еды, — вежливо сказал Джо.

— Доброй еды, — машинально ответил Нарби.

Наступило неловкое молчание. Нарби первым нарушил его.

— Я полагаю, Эртц, что у тебя были серьезные причины послать за мной.

— Серьезные, — согласился Эртц. — Настолько, что даже не знаю, с чего начать. Слушай, Нарби, ты мне не поверишь, но я видел собственными глазами: все, что нам сообщил Хью, было абсолютной правдой. Я был в Главной рубке. Я видел звезды.

Нарби уставился на него.

— Эртц, — сказал он размеренно, — ты сошел с ума.

— Ты говоришь так, потому что не видел, — взволнованно выпалил Хью, — но Корабль движется, Корабль...

— Погоди, Хью, дай я сам, — остановил его Эртц. — Слушай меня внимательно. Нарби, сам решай, что к чему, сам делай выводы, но сейчас я хочу рассказать тебе то, что видел и понял я. Меня отвели в Капитанскую рубку — помещение со стеклянной стеной. И за стеной — необъятное пустое черное пространство, такое большое, что ничего большего быть не может, больше Корабля! И в нем горят звезды! Звезды, о которых мы читали в древних мифах!

— Ты ведь считаешься Ученым. — На лице Нарби изумление смешивалось с отвращением. — Где же твоя логика? «Больше Корабля»! Абсурд! Одно понятие противоречит другому: Корабль есть Корабль. Весь остальной мир — лишь его часть. Ты увидел или убедил себя, что увидел что-то из ряда вон выходящее, но чем бы ни было явление, увиденное тобой, оно не может быть больше того объема, в котором содержится. Таковы элементарные законы физической природы мира.

— Словами этого не объяснишь... — снова начал Эртц.

— Конечно, не объяснишь, и я про то же.

Близнецы перешептывались друг с другом с видом полнейшего омерзения. Наконец Джо громко сказал:

— Хватит болтать! Пошли!

— Верно, — охотно согласился Эртц, — давай отложим спор до тех пор, пока ты не удостоверишься собственными глазами. Фин, пора в путь, идти нам далеко.

— Идти? Куда еще идти?

— Наверх, в Главную рубку.

— Не смеши меня. Я иду вниз.

— Нет, Нарби. Вниз ты сейчас не пойдешь. Я и вызвал тебя сюда только для того, чтобы отвести в Рубку.

— Не валяй дурака. Мне туда идти незачем, у меня и так хватает здравого смысла во всем разобраться. Тем не менее ты заслуживаешь поощрения за установление дружественных контактов с мьютами. Полагаю, мы можем выработать определенные принципы сотрудничества с ними...

Джо-Джим шагнул вперед.

— Попусту тратишь время, — ровным голосом сказал Джим. — Мы идем наверх, и ты идешь с нами.

— Об этом не может быть и речи, — покачал головой Нарби. — Но не исключено, что я соглашусь позже, когда мы выработаем принципы сотрудничества.

С противоположной стороны к нему придвинулся Хью Хойланд.

— Если ты не понял, что к чему, то позволь тебе объяснить: ты идешь с нами наверх. Сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Эртц кивнул:

— Именно так дела и обстоят, Нарби.

Продолжение следует

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

Нарби злобно выругался про себя. Великий Джордан! Ну и влип. Где только была его голова, когда он согласился идти на встречу с Эртцем? Идиотская ситуация, просто идиотская. А этот двухголовый только и ждет, чтобы он, Нарби, полез в драку. Он опять выругался про себя и сдался, сохраняя, насколько было возможно, хорошую мину при плохой игре.

— Хорошо, я пойду, чтобы не затевать бессмысленных споров. Показывайте дорогу.

— Держись за мной, — ответил Эртц.

Джо-Джим подал условный сигнал пронзительным свистом, и к отряду мгновенно присоединились с полдюжины мутантов, то ли выросшие из-под палубы, то ли горохом скатившиеся с потолка. Нарби даже стало плохо от страха, внезапно охватившего его с новой силой: он только сейчас понял до конца, как далеко завела его неосторожность.

Шли они долго — Нарби с непривычки еле тащился за остальными. По мере подъема равномерное ослабление силы тяжести помогало ему, но оно же и вызывало приступы тошноты. Конечно, как и все, рожденные на борту Корабля, он в какой-то мере адаптировался к ослабленной силе тяжести, но на верхние палубы не забирался со времен бесшабашной юности, и сейчас ему приходилось нелегко. Незадолго до конца пути он совсем выбился из сил. Джо-Джим отослал охрану вниз и приказал было Бобо нести его, но Нарби отмахнулся. Согласно плану Хью они пошли прямо в Капитанскую рубку. В какой-то мере Нарби уже был подготовлен к тому, что его ожидает, как сбивчивыми объяснениями Эртца, так и оживленными рассказами Хью, который держался подле него большую часть пути. Хью даже проникся симпатией к Нарби — наконец-то нашелся свежий слушатель!

Хью вплыл в дверь первым, сделал аккуратное сальто в воздухе и уцепился рукой за кресло. Другой рукой он широким жестом обвел гигантское окно.

— Смотри, вот они! Разве это не прекрасно?

Лицо Нарби сохраняло прежнюю невозмутимость, но он долго и пристально смотрел на звезды.

— Занятно, весьма занятно, — заметил он наконец. — Никогда не доводилось мне видеть ничего подобного.

Продолжение. Начало в № 1—3.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

— «Занятно»! — воскликнул Хью. — Это не то слово. Чудесно, великолепно!

— Пусть будет чудесно, — согласился Нарби. — Эти маленькие огоньки и есть те самые звезды, о которых говорится в мифах?

— Да, — ответил Хью, испытывая какое-то смутное беспокойство, — но они вовсе не маленькие. Они огромны, как Корабль. Они кажутся маленькими из-за гигантского расстояния. Видишь ту, которая поярче? Она больше, чем другие, потому что ближе. Я думаю, это и есть Проксима Центавра, хотя точно не уверен, — сознался он в приливе откровенности.

Нарби быстро глянул на него потом снова на большую звезду

— Как далеко до нее?

— Не знаю. Но буду знать. В Главной рубке есть специальные приборы для измерения расстояния, только я пока еще в них не разобрался. Дело не в этом. Главное — мы прилетим туда, Нарби!

— Вот как?

— Вот именно! И завершим Полет!

Нарби хранил непроницаемое молчание. Старпом обладал хорошо дисциплинированным умом и в высшей степени логичным мышлением. Способный администратор, он умел при необходимости принимать мгновенные решения, но по характеру был склонен по мере возможности воздерживаться от выводов и суждений, пока как следует не переварит и не усвоит полученную информацию. Сейчас, в Капитанской рубке, Нарби был еще более неразговорчив, чем обычно. Он внимательно смотрел и слушал, но почти ни о чем не спрашивал. Хью не обращал внимания на это. Рубка была его гордостью, его любимой игрушкой. Он был счастлив одним тем, что мог показать ее новому зрителю и без умолку рассказывать о ней.

На обратном пути по предложению Эртца все остановились у Джо-Джима. Кровным братьям было просто необходимо вовлечь в свое дело Нарби, в противном случае вся операция теряла смысл. Старпом против задержки возражать не стал, придя к выводу, что его безопасности во время этой беспрецедентной вылазки в страну мутантов действительно ничто не угрожает.

Он выслушал Эртца, изложившего их намерения. Но хранил молчание до тех пор, пока у того не лопнуло терпение.

— Мы ждем ответа!

— Ждете моего ответа?

— Разумеется. От тебя многое зависит.

Это Нарби знал. Знал он и то, какой ответ от него ожидается, но по привычке тянул время.

— Что же, — Нарби важно выпятил губу и сплел пальцы. — Мне кажется, что проблему следует разделить на два пункта. Если я правильно понял, Хью Хойланд не может выполнить задуманное и исполнить древний План Джордана, пока весь Корабль не будет объединен под единой властью, пока на всем пространстве от страны Экипажа до Главной рубки не воцарятся единый порядок и дисциплина. Так?

— Именно. Мы должны подобрать вахту для Главного двигателя и...

— Извини, я не кончил. Да и, говоря откровенно, пробелы образования не позволяют мне понять техническую сторону вашего плана. Поэтому здесь я целиком полагаюсь на мнение Главного инженера. Техническое исполнение Плана Джордана — это как раз второй пункт общей проблемы. Естественно предположить, что ради его осуществления ты неизбежно заинтересован в первом.

— Безусловно.

— В таком случае давай ограничимся сейчас первым этапом. Здесь перед нами стоят вопросы чисто политического и административного характера, в которых я разбираюсь лучше, нежели в инженерных. Итак, Джо-Джим ищет возможности добиться мира между мьютами и Экипажем. Мира и доброй еды для всех, не так ли?

— Верно, — согласился Джим.

— Отлично. Я и ряд других

офицеров давно уже стремимся к тому же. Но должен признать, что мне и в голову никогда не приходили иные пути достижения этой цели, кроме применения силы. Мы готовились к долгой, тяжелой и кровавой войне. Ведь в самых древних наших летописях, которые Свидетели передают друг другу по наследству еще с незапамятных времен Мятежа, не найти и упоминания ни о каких других отношениях между нами и мьютами, кроме войны. Но я рад от всей души, что открываются возможности более разумных отношений.

— Так, значит, ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно, спокойно, не все сразу. Здесь многое необходимо обдумать. И ты, Эртц, и я, и Хойланд отлично понимаем, что отнюдь не все офицеры Корабля пойдут за нами. Как быть с ними?

— Проще простого, — вставил Хью. — Будем их приводить по одному в рубку, показывать звезды и объяснять, что к чему.

— У тебя носилки несут носильщиков, — отрицательно покачал головой Нарби. — Я ведь сказал уже, что во всем этом деле вижу два этапа. Нет нужды убеждать человека в том, во что он никак не поверит, когда тебе требуется прежде всего его согласие на более практичные, вполне доступные его пониманию действия. Вот когда мы действительно объединим Корабль под одним руководством, тогда — и только тогда — мы сумеем без затруднений открыть офицерам тайну Рубки и звезд.

— Но...

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит ввязываться в бесконечные религиозные дебаты, когда на первом плане стоит проблема чисто практическая. Очень многие офицеры станут на нашу сторону, если мы выдвинем программу умиротворения и объединения Корабля, но они же, безусловно, выступят против нас, если мы начнем с посягательств на основные каноны религии и заявим, что Корабль движется.

— Но...

— Никаких «но». Нарби прав. Его точка зрения продиктована здравым смыслом. Теперь я изложу Нарби наши соображения по поводу тех офицеров, которых мы не сумеем убедить. Ну, во-первых, конечно, наш с тобой долг провести разъяснительную работу среди них, завербовать как можно больше сторонников. Что до остальных, то Конвертер нуждается в сырье постоянно.

Нарби кивнул. Мысль об убийствах и расправах как о методах проведения политического курса нисколько не смущала его.

— Это, конечно, подход самый надежный и деловой, но будут трудности в его осуществлении.

— Вот тут-то и пригодится Джо-Джим. За ним будут стоять лучшие бойцы Корабля.

— Ясно. Стало быть, Джо-Джим властен над всеми мьютами?

— С чего ты это взял? — прорычал Джо, неизвестно почему задетый за живое.

— У меня сложилось такое впечатление.

Нарби замолчал. Ему ведь действительно никто не говорил, что Джо-Джим — владыка всех верхних палуб, просто он так уверенно держался... Нарби стало не по себе. Неужели все эти переговоры были напрасны? На кой Хафф ему сдался пакт с двухголовым монстром, если он не представлял всех мьютов?

— Я должен был объяснить сразу, — торопливо вставил Эртц. — Сейчас Джо-Джим самый сильный вождь среди мьютов. Он поможет нам захватить власть, а там при нашей поддержке станет владыкой всех верхних палуб.

Нарби быстро проанализировал ситуацию, исходя из новых данных. Мьюты против мьютов при незначительном участии бойцов Экипажа — это, пожалуй, наилучший способ ведения войны. К тому же такой вариант более приемлем, чем немедленное перемирие, хотя бы потому, что к концу войны мьютов в любом случае станет меньше, чем сейчас. И их будет легче взять под контроль, что значительно сократит опасности любых потенциальных мятежей.

— Ваша идея мне ясна, — заявил он. — А как вы себе представляете последующее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовался Хойланд.

Эртц отлично понимал, куда гнет Нарби, Хойланд же только начал смутно догадываться.

— Кто будет новым Капитаном? — Нарби смотрел Эртцу прямо в глаза.

Заранее Эртц этого вопроса не обдумал и лишь сейчас понял его важность. Только решив вопрос о Капитанстве, можно предотвратить кровавую борьбу за власть после переворота. Эртц и сам питал иногда надежды на пост Капитана, но он хорошо знал, что Нарби метит на него давно. Теперь же Эртц так же глубоко, как и Хойланд, был захвачен романтикой плана возобновления управляемого полета Корабля. Осознав, что былое честолюбие может помешать осуществлению новой мечты, он отказался от него почти без малейшего сожаления.

— Капитаном будешь ты, Фин. Ты согласен?

Финеас Нарби принял предложение с великодушием.

— Пожалуй, да, коль скоро таковы ваши мнения. Ты и сам был бы отличным Капитаном, Эртц.

Эртц покачал головой, отлично понимая, что с этого мгновения Нарби с ними целиком и полностью.

— Я останусь на посту Главного инженера: хочу заняться двигателями во время Полета.

— Экие вы быстрые, — перебил их диалог Джо. — Я, между прочим, не согласен. С какой это стати Капитаном будет Нарби?

Финеас смерил его взглядом:

— Ты претендуешь на этот пост?

Он произнес свои слова осторожно, избегая малейшего намека на сарказм. Подумать только, мьют лезет в Капитаны!

— Нет, Хафф побери! Но при чем здесь ты? Почему не Эртц или не Хью?

— Я не могу, — заявил Хью. — Мне придется заниматься навигацией, и на административные вопросы у меня времени не останется.

— Пойми, Джо-Джим, Нарби единственный из нас, кто способен склонить на нашу сторону других офицеров, — сказал Эртц.

Рисунки Н. ГРИШИНА

— Не перейдут к нам, так перережем им глотки, и дело с концом!

— Если Нарби будет Капитаном, обойдемся без кровопролития.

— Не нравится мне это, и все тут, — прорычал Джо, но его брат возразил:

— С чего ты заводишься? Видит Джордан, нам-то такая ответственность не нужна.

— Я вполне понимаю ваши опасения, — вкрадчиво начал Нарби, — но думаю, что они беспочвенны. Без вашей помощи мьютами я управлять все равно не смогу. Я оставлю за собой управление нижними палубами, это для меня дело привычное, а вы, если согласитесь, будете Вице-Капитаном страны мьютов. Глупо с моей стороны браться за управление страной, которую я не знаю, и народом, обычаи которого мне неизвестны. Нет, я не приму пост Капитана, если вы не согласитесь помочь мне. Итак, ваше решение?

— Нет, — отрезал Джо.

— Очень жаль. В таком случае я вынужден отказаться от Капитанства. Без вашей помощи оно мне не по плечу.

— Перестань, Джо, — стоял на своем Джим, — давай согласимся, хотя бы временно. Не можем же мы бросить все на полпути.

— Ладно, пусть будет так, — сдался Джо, — но не нравится мне все это.

Нет нужды пересказывать утомительные подробности дальнейших переговоров. Было решено, что Эртц, Алан и Нарби вернутся вниз к своим обычным обязанностям и займутся тайной подготовкой переворота.

Хью выделил им охрану до нижних палуб.

— Значит, пошлешь к нам Алана, когда все будет готово? — спросил он Нарби.

— Да, но не жди его скоро. Нам с Эртцем потребуется время, чтобы навербовать сторонников. Да и убедить старого Капитана созвать общее собрание всех офицеров Корабля будет непросто.

— Что ж, это твое дело. Доброй еды.

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда объявлялся общий сбор всех Ученых-жрецов и офицеров Корабля, заседание проводилось в большом зале, расположенном на самой верхней палубе цивилизованного мира. В стародавние забытые времена, еще задолго до Мятежа, возглавленного младшим механиком Роем Хаффом, здесь размещался гимнастический зал, место развлечения и спорта, о чем нынешние его хозяева и понятия не имели.

Нарби, прячущий тревогу за бесстрастным выражением лица, наблюдал за дежурным клерком, регистрирующим прибывающих. Как только придут несколько опоздавших, он вынужден будет доложить Капитану, что все в сборе, и не сможет больше оттягивать начало собрания, а сигнала от Хью и Джо-Джима все нет и нет. Неужели этот дурень Алан дал себя убить, когда шел наверх с посланием? Упал ли он с трапа и свернул свою никчемную шею? Или нож мьюта проткнул ему живот?

Вошел Эртц. Прежде чем занять свое место среди высших чинов, он подошел к Нарби, сидящему перед креслом Капитана.

— Ну как? — тихо спросил он.

— Все готово, — ответил Нарби, — но ответа пока нет.

Эртц и Нарби оглядели зал, подсчитывая своих сторонников. Не большинство, конечно, но все же... Однако в данном случае дело решится не голосованием, так что...

Дежурный клерк тронул Нарби за рукав:

— Все на месте, сэр. Нет только больных и офицера дежурной вахты Конвертера.

Нарби приказал об этом уведомить Капитана; самого его охватило предчувствие беды — что-то пошло не так.

Капитан, как обычно, не считаясь ни с кем, не торопился на собрание. Нарби был рад отсрочке, но переживал ее мучительно. Наконец старик вплыл в зал, развалясь в окруженных стражей носилках. Как всегда, с первой минуты совещания он нетерпеливо ждал конца, поэтому, знаком приказав всем сесть, он сразу же обратился к Нарби:

— Изложите повестку дня, Нарби. Надеюсь, вы ее подготовили?

— Так точно, Капитан.

— Так огласите же ее, огласите! Чего вы ждете?

— Есть, сэр. — Нарби обернулся к клерку-чтецу и вручил ему пачку исписанных листков. Клерк просмотрел их, на лице его промелькнуло удивление, но, не получив от Нарби никаких других указаний, он приступил к чтению.

— Петиция Совету и Капитану. Лейтенант Браун, администратор деревни сектора № 9, просит уволить его в отставку по причине преклонного возраста и плохого состояния здоровья...

Клерк подробно перечитал рекомендации соответствующих офицеров и ведомств.

Капитан раздраженно ерзал в кресле и наконец, не вытерпев, перебил чтеца:

— В чем дело, Нарби? Вы что, не можете разобраться с текущими делами сами?

— У меня сложилось впечатле-

ние, что Капитан был недоволен решением, принятым мною в прошлый раз по аналогичному вопросу. Я не имею намерения посягать на прерогативы Капитана.

— Что за бред! Вы еще, может быть, Уставу меня учить вздумаете? По этому вопросу должен принять решение Совет и представить его на мое утверждение.

— Так точно, сэр.

Нарби забрал у клерка листки и дал ему другие, содержащие не менее пустячное дело. Деревня сектора № 3, ссылаясь на неожиданную болезнь, поразившую растения их гидропонных ферм, просила оказания помощи и временной отмены налогов. Капитан взорвался при первых же словах клерка. И если бы в этот момент Нарби не получил известия, которого так ждал, ему пришлось бы туго. Человек из его охраны пересек зал и вложил ему в руку клочок бумаги с одним только словом: «Начинай». Нарби мельком глянул на нее, сделал знак Эртцу и обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку вы не намерены выслушивать петиции своего Экипажа, я сразу же перейду к основному вопросу повестки дня. — Еле прикрытая наглость этих слов заставила Капитана впиться взглядом в его лицо, но Нарби продолжал как ни в чем не бывало: — Уже давно, в течение жизни многих поколений, Экипаж страдает из-за враждебности мьютов. Наш скот, наши дети, наконец, мы сами находимся в постоянной опасности. На верхних палубах не чтут Устава Джордана. Даже сам Капитан-Помазанник не имеет туда свободного доступа. Из поколения в поколение мы слышим, что такова была воля Джордана — дети должны расплачиваться за грехи отцов. Однако я никогда не мог принять постулат веры, согласно которому Экипаж должен жить в вечных муках.

Нарби сделал паузу.

Старый Капитан ушам своим не верил. Подняв руку и с трудом обретя голос, он выкрикнул:

— Ты оспариваешь Учение?

— Нисколько. Я лишь считаю, что действие Устава должно быть распространено и на мьютов.

— Вы, вы... Вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Ну нет, — ответил Нарби, на этот раз и не думая скрывать издевку. — Нет. Сначала я выскажусь до конца.

— Взять его!

Но охранники Капитана не сдвинулись с места, хотя и чувствовали себя неловко. Охрану Капитана Нарби всегда подбирал сам. Повернувшись к ошеломленному Совету и поймав взгляд Эртца, Нарби сказал:

— Приступайте.

Эртц ринулся к двери. Нарби продолжал:

— Многие из присутствующих здесь разделяют мои взгляды, но мы всегда исходили из того, что за их утверждение придется воевать. По воле Джордана мне удалось наладить контакты с мьютами и заключить мир. Их вожди прибыли для переговоров с нами. Прошу. — И он указал на дверь.

Эртц вернулся в зал, за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд свернул направо. Следовавшие за ним гуськом отборные головорезы Джо-Джима взяли зал в полукольцо. По левой стороне зала такая же цепочка выстроилась вслед за Джо-Джимом и Бобо. Зал был окружен.

Джо-Джим, Хью и по полдюжины бойцов в обеих колоннах были одеты в грубо сработанные железные доспехи, спускающиеся ниже пояса. Головы их прикрывали неуклюжие шлемы, сделанные из стальных решеток, чтобы не затруднять обзора. Одетые в доспехи бойцы, как и многие другие, были вооружены невиданными ножами в руку длиной.

Офицеры без труда остановили бы вторжение в узких дверях зала, но, застигнутые врасплох, обескураженные и растерянные, они были беспомощны, тем более что нежданных гостей привели их собственные наиболее авторитетные вожди. Беспокойно шевелясь в креслах, хватаясь за ножи, офицеры искали во взглядах друг друга совета. Но ни у кого не хватило решимости сделать шаг, который послужил бы сигналом к началу битвы.

— Так что же, согласны вы принять мирную делегацию мьютов? — повернулся к Капитану Нарби.

Казалось бы, что возраст и привычка к безбедной жизни удержат Капитана от ответа, вообще удержат его от каких бы то ни было ответов на будущее, но он прохрипел:

— Убрать их! Убрать! А ты, ты отправишься за это в Полет!

Обернувшись к Джо-Джиму, Нарби поднял вверх большой палец. Джо-Джим шепнул что-то Бобо — и нож по самую рукоять вошел в жирное брюхо Капитана. Тот даже не вскрикнул, только жалобно всхлипнул, и лицо его приняло выражение крайнего удивления и растерянности. Неловко нащупав рукоять ножа, как бы желая убедиться, что в животе у него действительно сидит клинок, Капитан прохрипел: «Мятеж, мя...» — и тяжело рухнул лицом на стол.

Нарби ногой спихнул труп на пол и приказал двум охранникам убрать его. Те беспрекословно повиновались, обрадованные, что нашелся наконец хозяин, который будет ими командовать. Нарби обратился к застывшему в молчании залу:

— Кто еще возражает против мира с мьютами?

Престарелый офицер, в спокойствии и уюте проживший жизнь в отдаленной деревне, встал и выпятил костлявый палец в сторону Нарби. Седая борода его тряслась от возмущения.

— Джордан накажет тебя за это! Грех и мятеж! Ты продал душу Хаффу!

Нарби сделал знак, и слова старика застряли в горле. Острие ножа, пронзив шею, вышло у уха. Бобо был доволен собой.

— Хватит, поговорили, — объявил Нарби. — Лучше обойтись малой кровью сейчас, чем большой кровью потом. Те, кто согласен со мной, встаньте и выйдите вперед.

Эртц показал пример, шагнув первым и увлекая за собой самых верных своих сторонников. Он поднял нож острием вверх.

— Салют Финеасу Нарби, Капитану-Помазаннику!

Его сторонникам ничего не оставалось, кроме как провозгласить здравицу новому Капитану.

Нарби хором салютовали и молодчики из его клики — костяк блока рационалистов Ученых-жрецов. Увидев, куда склоняется чаша весов, к ним начали присоединяться и остальные. Лишь незначительная кучка офицеров, в основном стариков и религиозных фанатиков, осталась на местах.

Увидев, что Нарби приказал собрать их всех вместе и сделал знак головорезам Джо-Джима, Эртц взял его за руку.

— Их мало, и опасности они не представляют, — сказал он. — Давай просто разоружим их и уволим в отставку.

Нарби неприязненно посмотрел на него.

— Оставить их в живых — значит посеять семена раздора и мятежа. Я вполне способен принимать решения самостоятельно, Эртц.

— Хорошо, Капитан, — закусил губу Эртц.

— Так-то оно лучше, — Нарби подал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи работали быстро.

Хью держался подальше от места расправы. Его старый учи-

тель Лейтенант Нельсон, администратор их деревни, заметивший когда-то способности Хью и отобравший его для учебы, был в числе убитых. Такого поворота событий Хью не предвидел.

За покорением мира следует его объединение. Верой или мечом. Бойцы Джо-Джима, усиленные людьми Капитана Нарби, прочесывали средние и верхние палубы. Мьютам, закоренелым индивидуалистам, по самому образу жизни не способным подчиняться никому, кроме вождя собственной маленькой шайки, было не по плечу противостоять планомерному наступлению Джо-Джима, да и оружие их не шло ни в какое сравнение с длинными ножами, разящими насмерть, когда обороняющийся только готовился еще парировать удар.

По стране мьютов поползла молва, что лучше всего без боя покориться армии Двух Мудрых Голов — сдавшимся будет обеспечена добрая еда. Иначе — верная смерть.

Но дело шло медленно — столько было палуб, столько миль мрачных коридоров, бесчисленных жилищ, в которых могли укрыться непокоренные мьюты. Операция замедлялась и по мере продвижения вперед, поскольку Джо-Джим ввел патрулирование и внутреннюю охрану в каждом завоеванном секторе, на каждой палубе и у каждого люка.

К глубокому огорчению Нарби, Двухголовый из этих боев выходил живым и невредимым. Джо-Джим уяснил из своих книг, что генералу нет нужды принимать непосредственное участие в схватках.

Хью не покидал Рубки. И не только потому, что был поглощен головоломными приборами, в которых пытался разобраться. Смерть Лейтенанта Нельсона вызвала у него отвращение к кровавой чистке. К насилию он привык давно, оно и на нижних палубах было в порядке вещей, но сейчас что-то смутно мучило его, хотя осознанно он себя в гибели старика не винил. Просто он бы предпочел, чтобы обошлось без этого.

Но приборы, приборы! Да, вот чему стоило отдать свое сердце! Он ведь взялся за дело, перед которым спасовал бы любой грамотный землянин, заведомо зная, что управление звездолетом требует глубокой подготовки и богатого опыта полетов на более простых кораблях.

Но Хью Хойланд этого не знал. Поэтому он смело взялся за дело и добился своего.

На каждом шагу ему помогал гений создателей этого корабля. Управление большинством механизмов всегда основано на простейших движениях: вперед-назад, направо-налево, вверх-вниз и бесчисленном множестве их комбинаций. Настоящие трудности в работе с механизмами и машинами лежат в их эксплуатации, ремонте, профилактике и обслуживании.

Однако приборы и двигатели звездолета «Авангард» не нуждались в ремонте или замене сносившихся частей. Их изощренность превышала обычный уровень, движущиеся детали в них

вообще не использовались, и трение не играло роли; они не нуждались в настройке. Хью никогда бы не смог разобраться в этом оборудовании, никогда не научился бы ремонтировать его. Но этого и не требовалось.

«Авангард» в ремонтниках не нуждался. За исключением разве что вспомогательного оборудования — подъемников, конвейеров, линий доставки еды, автомассажеров и так далее. Все это оборудование, в котором применение движущихся частей было неизбежным, сносилось и пришло в негодность еще задолго до появления первого Свидетеля. Детали и целые механизмы, потерявшие значение и смысл, либо были отправлены в Конвертер как бесполезный хлам, либо были приспособлены для практических нужд. Хью и знать не знал, что это когда-то существовало; остатки каких-то разобранных приспособлений в различных помещениях Корабля были в его глазах естественным природным явлением.

Проектировщики «Авангарда» исходили из того, что он достигнет цели не ранее чем через два поколения. Они ставили своей задачей по мере возможности облегчить судьбу будущих, еще не рожденных пилотов, которые доведут «Авангард» до Проксимы Центавра. Хотя такого упадка технической культуры, какой имел место в действительности, проектировщики не предвидели, они все же старались, как умели, максимально упростить управление Кораблем, сделать его наглядным, легкодоступным.

Земной подросток, в меру смышленый, выросший в развитой стране и с детства знакомый с самой идеей космических полетов, разобрался бы в пульте управления «Авангарда» за несколько часов. Хью, выросший в невежестве, в вере, что Корабль — это и есть весь мир, долгие годы не умевший выйти в своем воображении за пределы палуб и коридоров, был вынужден потратить на это много времени. Основным камнем преткновения были две абсолютно чуждые его восприятию концепции — глубокое пространство и метрическое время. Он научился обращаться с дистанциометром — прибором, специально разработанным для «Авангарда», — и снял с него данные о расстоянии до нескольких ближайших звезд, но это все равно ничего не говорило ему. Они измерялись в парсеках и в его глазах были бессмысленны. Попытавшись с помощью Священных книг перевести их в линейные единицы, он получил цифры, которые ему казались смехотворными и заведомо неверными. Проверка за проверкой чередовались долгими раздумьями, прежде чем перед ним забрезжило хоть какое-то туманное представление об астрономических величинах.

Эти величины ошеломили и напугали его. Им овладели чувства отчаяния и безнадежности. Он покинул Рубку и занялся выбором жен. Впервые с тех давних пор, как он попал в плен к Джо-Джиму, он почувствовал интерес к женщинам и получил возможность его удовлетворить. Выбор был большой. Подросло новое поколение деревенских девушек, да и к тому же военные операции Джо-Джима сделали многих женщин вдовами. Хью воспользовался своим высоким положением в новой иерархии Корабля и выбрал себе двух жен: молодую вдову, сильную и умелую самку, привыкшую создавать домашний уют мужчине. Он поселил ее в своем новом жилище, предоставил свободу действий в доме и позволил ей сохранить свое прежнее имя — Хлоя. Вторая была девушкой необузданной и дикой, как мьют. Хью и сам не знал, почему он выбрал именно ее. Уметь она ничего не умела, но чем-то привлекала его. Имени ей он так и не придумал.

Метрическое время заставило его поломать голову не меньше, чем астрономические величины, но эмоциональных потрясений не вызвало. В мире Корабля и понятия такого не было. Экипаж имел представление об обиходных основных понятиях: «сейчас», «прежде», «было», «будет», даже такие, как «медленно» и «быстро», но идея измеряемого времени была утрачена. На Земле даже первобытные племена имели понятия измеряемого времени, хотя бы только дней и времен года, но ведь все земные концепции измеряемого времени строятся на астрономических явлениях, а Экипаж был от них изолирован давным-давно.

На пульте управления Хью нашел единственные сохранившиеся в Корабле часы, но ему долго пришлось ломать голову, прежде чем он понял их назначение и связь с другими приборами. Пока он не разобрался в этом, управление Кораблем было ему недоступно. Скорость и ее производное — ускорение — основываются на понятии измеряемого времени.

Но, как следует разжевав и усвоив две новые концепции и перечитав заново в их свете древние книги, он стал, хотя и в очень ограниченном смысле слова, астронавтом.

Хью искал Джо-Джима, чтобы спросить совета. Головы Джо-Джима всегда поразительно быстро соображали, особенно если ему была охота их напрячь. Но поскольку это случалось с ним не часто, он так и оставался во всем дилетантом.

У Джо-Джима Хью застал Нарби, уже собравшегося уходить. Для успешного проведения кампании по умиротворению мьютов Нарби и Джо-Джиму часто приходилось совещаться. К их взаимному удивлению, они хорошо ладили. Нарби был умелым администратором. Доверяя кому-то определенную ответственность, он не стоял над душой и не требовал отчета по каждой мелочи. Джо-Джим, в свою очередь, удивлял и радовал Нарби, что был намного способнее всех его офицеров. Симпатий они друг к другу отнюдь не испытывали, но чувствовали взаимное уважение к уму партнера и понимали, что их личные интересы совпадают.

— Доброй еды, Капитан, — по-уставному приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью, — ответил Нарби и снова повернулся к Джо-Джиму. — Так я буду ждать доклада.

— Да, мы его подготовим, — ответил Джо. — Вряд ли их там осталось больше дюжины. Мы их или выбьем оттуда, либо заморим голодом.

— Я не мешаю? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как идут твои грандиозные дела, дружище? — Он улыбнулся, и эта улыбка разозлила Хью.

— Дела идут хорошо, но медленно. Представить доклад?

— Не к спеху. Да, кстати, я наложил табу на обе рубки и на двигатель, в общем, на весь ярус невесомости. И для Экипажа и для мьютов.

— Пожалуй, это правильно. Никому, кроме офицеров, не следует там пока шататься.

— Ты меня не понял. Я имею в виду всех, и офицеров тоже. Исключая нас, разумеется.

— Нет, так не пойдет. Единственная реальная возможность убедить офицеров в нашей правоте — это показать им звезды!

— Именно поэтому я и наложил табу. Сейчас, когда я занят консолидацией власти, я не могу позволить смущать умы моих офицеров столь радикальными идея-

ми. Разгорятся религиозные страсти, а это подорвет дисциплину.

Хью был настолько ошеломлен и расстроен, что даже не сразу нашелся с ответом.

— Но ведь это наша цель, — сказал он наконец. — Именно для этого тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитану мне придется принимать окончательные решения по политическим вопросам. Данный вопрос исчерпан. Тебе не разрешается водить людей в невесомость до тех пор, пока я не сочту это возможным. Придется потерпеть.

— Он прав, Хью, — заметил Джим. — Не стоит создавать почву для разногласий, пока мы не закончим войну.

— Дайте-ка мне разобраться до конца, — стоял на своем Хью. — Эти меры носят временный характер?

— Можешь считать так.

— Что ж, ладно. Но постой-ка, ведь Эртцу и мне необходимо немедленно начать обучение помощников.

— Хорошо, представь мне список кандидатов на утверждение. Кого именно ты имеешь в виду?

Хью задумался. Ему-то помощник не особенно был нужен. Хотя в рубке шесть кресел, один человек в кресле навигатора вполне мог управиться с пилотированием Корабля. То же касалось и Эртца...

— Эртцу потребуются носильщики, чтобы доставлять массу к Главному двигателю.

— Пусть составит список. Я подпишу. Проследи за тем, чтобы все носильщики были подобраны из мьютов, уже бывавших в запретной зоне ранее.

Нарби повернулся и вышел с видом правителя, завершившего аудиенцию.

Хью посмотрел ему вслед.

— Не нравится мне это все, — сказал он Джо-Джиму. — Ну да ладно. Я ведь пришел поговорить совсем о другом.

— Что у тебя на уме, приятель?

— Слушай, как мы... Ну, понимаешь, завершим мы Полет. Мы сведем Корабль с планетой, как... — соединил сжатые кулаки.

— Верно, продолжай.

— Так вот, когда мы сделаем это, что будет потом? Как мы выйдем из Корабля?

Этот вопрос застал близнецов врасплох и вызвал спор между ними. Наконец Джо перебил брата.

— Погоди-ка, Джим. Давай рассуждать логично. Если Корабль был построен для Полета, то ведь должна быть дверь, не так ли?

— Верно.

— Но на верхних палубах дверей нет. Следовательно, они должны быть внизу.

— Но там их тоже нет, — возразил Хью, — мы там все исследовали. Двери где-нибудь у вас, в стране мьютов.

— В таком случае, — продолжал Джо, — их следует искать либо в передней, либо в задней части Корабля. Но за помещением Главного двигателя нет ничего, кроме переборок. Следовательно, искать надо в передней части.

— Глупо, — заметил Джим. — Там Главная и Капитанская рубки, и больше ничего...

— Ничего? А о запертых жилищах ты забыл?

— Там-то уж точно дверей наружу нет.

— Непосредственно наружу нет, но, может быть, через эти жилища к ним можно выйти, балда ты.

— От балды и слышу. Даже если ты прав, как ты их откроешь, умник?

— Что такое «запертые жилища»? — спросил Хью.

— Ты не знаешь? В переборке, за которой расположена дверь, ведущая в Главный двигатель, есть еще семь дверей. Открыть их нам так и не удалось.

— Пойдем посмотрим. Может быть, это и есть то, что мы ищем.

— Время только терять, — буркнул Джим.

Но они пошли, прихватив с собой Бобо. Его сила могла пригодиться. Но даже вздувшиеся мышцы Бобо не справились с рычагами, которые, по-видимому, приводили двери в движение.

— Убедился? — иронически сказал брату Джим.

Джо пожал плечами:

— Ты был прав. Пошли отсюда.

— Подождите немножко, — взмолился Хью. — Кажется, на второй двери ручка чуть-чуть повернулась. Давай попробуем еще раз.

— Без толку это все, — ответил Джим.

— Раз уж пришли, давай попробуем еще, — возразил Джо.

Бобо приналег, вжавшись плечом под рычаг и упершись в пол ногами. Неожиданно рычаг подался, но дверь не открылась.

— Сломал, — сказал Джо.

— Похоже, что так, — согласился Хью и оперся на дверь рукой. Дверь распахнулась.

К счастью для всех троих, она не вела в Космос. В их жизненном опыте неоткуда было взяться представлению об открытом вакууме и его опасностях.

Короткий узкий коридор привел к еще одной, на этот раз полуоткрытой двери. Силач Бобо распахнул ее без труда.

Еще шесть футов коридора, и они уперлись в очередную дверь.

— Не понимаю, — пожаловался Джим, пока Бобо занимался ею, — к чему эти бесконечные двери?

— Подожди, может, поймешь, — посоветовал ему брат.

За третьей дверью открылось помещение, состоящее из нескольких странных, маленьких, непривычной конфигурации жилищ.

Бобо двинулся вперед на разведку с ножом в зубах. Хью и Джо-Джим шли медленно, это странное место заворожило их.

Бобо вернулся, погасил скорость полета, опершись о переборку, вынул нож изо рта и доложил:

— Нет двери. Больше нет. Бобо смотрел.

— Должна быть, — настаивал Хью, раздраженный тем, что карлик разбил его надежды.

— Бобо хорошо смотрел, — пожал плечами мутант.

— Проверим сами.

Хью и Джо-Джим разошлись в противоположные стороны, внимательно осматривая и изучая помещение.

То, что Хью нашел вместо двери, заинтересовало его больше. Находка просто была невозможной. Он хотел было позвать Джо-Джима, но Джим как раз в этот момент крикнул:

— Хью, иди сюда!

Хойланд неохотно оторвался от своей находки и пошел к близнецам.

— Слушайте, я там такое нашел...

— Плюнь на то, что ты нашел, — перебил его Джо. — Смотри сюда.

Хью посмотрел. Перед ним был конвертер. Маленький, но, несомненно, конвертер.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Джим. — Зачем нужен конвертер в таком маленьком жилище? Ведь эта штуковина может обеспечить энергией и светом добрых полкорабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

— Не знаю даже, что и думать, но если ваша находка кажется вам странной, то взглянем на мою.

— А ты что нашел?

— Пойдем покажу.

Окончание следует

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

Хойланд привел Джо-Джима в маленькую комнату, одна стена которой была сделана из стекла. Стекло было темным, как будто извне что-то загораживало вид. Напротив стены стояли два кресла, в подлокотниках которых и на приборных досках перед ними светились такие же квадратики маленьких огоньков, как в Главной рубке.

Джо-Джим попытался найти прибор, который воспроизвел бы панораму звездного неба на стеклянной стене перед ними. Попытки не увенчались успехом. Не мог же он знать, что это стекло не экран, а иллюминатор, заслоненный корпусом самого Корабля. Манипулируя наугад пальцами, Джо-Джим включил приборы, над которыми зажглась надпись «Пуск». Слово это ничего не говорило ему, и он не обратил на него внимания. Тем более что ничего существенного не произошло, разве что замигал красный огонек и вспыхнула еще одна надпись: «Открыт герметический шлюз».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло, что шлюз был открыт. Затвори они за собой двери и оставь их далекие предки в Конвертере хоть несколько граммов массы, пригодной для превращения в энергию, все трое весьма неожиданно для себя очутились бы в корабельной шлюпке, запущенной в космос без какой бы то ни было подготовки к полету: в маленьком космическом суденышке, систему управления которым они лишь смутно начали постигать по аналогии со схемой приборов Главной рубки.

Им вряд ли удалось бы ввести шлюпку обратно в док, вероятнее всего они разбились бы о Корабль.

И никто из них не подозревал, что найденное ими «жилище» само по себе было маленькой космической ракетой. Им и в голову никогда не приходило, что Корабль может быть оснащен шлюпками.

— Выключи свет, — попросил Хью.

Окончание. Начало в № 1—4.

Джо-Джим выполнил его просьбу.

— Итак?.. — продолжал Хью. — Что вы думаете по поводу этой находки?

— Дело ясное, — ответил Джим. — Это вторая рубка. Раньше мы не знали о ней, потому что не могли открыть дверь.

— Нелогично, — возразил Джо. — Зачем Кораблю две рубки?

— А зачем человеку две головы? — ответил вопросом на вопрос его брат. — С моей точки зрения, твоя — явное излишество.

— Не сравнивай, мы с тобой такими родились. Но Корабль-то строили по проекту.

— Ну и что? Мы же носим два ножа, разве нет? Мы что, так и родились с ними? Запас карман не тянет.

— Но как отсюда управлять Кораблем? — запротестовал Джо. — Ничего же не видно. Уж если дублировать управление, то в Капитанской рубке, откуда видны звезды.

— А это что? — спросил Джим, показывая на стеклянную стену.

— Пошевели мозгами, — ответствовал Джо. — Эта стена выходит внутрь Корабля, а не наружу. Здесь нет приборов для воспроизведения звездного неба.

— Может, мы их просто не нашли.

— Хорошо, но тогда зачем здесь Конвертер? Уверяю тебя, его установили не случайно.

— Ну и что?

— Наверняка он как-то связан со всеми этими приборами.

— Почему ты так думаешь?

— А потому! С чего бы устанавливать в одном отсеке и приборы и Конвертер, если они друг к другу никакого отношения не имеют?

Хью, все время обескураженно молчащий, поднял голову. В аргументах братьев даже противоречия казались обоснованными и логичными. Запутанная ситуация. Но Конвертер, Конвертер...

— Послушайте! — вдруг выпалил Хью.

— Чего ты там еще надумал?

— А что, если... а что, если эта часть Корабля движется?

— Естественно. Весь Корабль движется.

— Да нет же, — сказал Хью нетерпеливо. — Я совсем о другом. Что, если эта часть Корабля может двигаться самостоятельно? Пульт управления и Конвертер! Вот в чем секрет — эта секция может отделиться от Корабля и лететь сама по себе!

— Сомнительно.

— Возможно. Но если я все же прав, то мы нашли искомое. Это и есть выход наружу.

— Как так? — спросил Джо. — Что за чушь! Здесь же нет двери.

— Но если эту штуку отвести от Корабля, то наружу можно выйти через дверь, в которую мы вошли!

Две головы одновременно повернулись к нему, потом посмотрели друг на друга. Джо-Джим повторил свой эксперимент с приборной доской.

— Видишь? — сказал Джим. — «Пуск». Пуск это значит — привести корабль в движение.

— Почему же ничего не происходит?

— «Открыт герметический шлюз». Имеется в виду дверь, все двери, через которые мы прошли.

— Попробуем закрыть?

— Надо сначала включить Конвертер.

— Давай.

— Не спеши, не спеши. Кто знает, что получится? Вылетим еще, чего доброго, а обратно вернуться не сможем. Помрем тогда с голода.

— Х-мм-м, верно. Надо осмотреться, продумать все хорошенько.

Прислушиваясь к спору близнецов, Хью внимательно исследовал приборную доску, пытаясь разобраться, что к чему. Увидев ящичек на панели перед креслом, он сунул в него руку.

— Смотрите, что я нашел!

— Книга? — сказал Джо. — Да их у Конвертера целая куча.

— Покажи, — сказал Джим.

Хью открыл найденную книгу.

— «Бортовой журнал звездолета «Авангард», — прочитал он. — «2 июня 2172 года. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

— Что?! — завопил Джо. — Дай посмотреть!

— «3 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости».

«4 июня. Полет продолжается при прежней крейсерской скорости. В 13.00 капитан объявил список поощрений и дисциплинарных взысканий. См. Административный журнал».

«5 июня. Полет продолжается с прежней крейсерской скоростью».

— Дай сюда!

— Подожди, — ответил Хью. — «6 июня. В 04.31 вспыхнул мятеж. Младший механик Хафф захватил несколько ярусов и, объявив себя Капитаном, предложил вахте сдаться. Вахтенный офицер объявил его арестованным и вызвал каюту Капитана. Ответа не было».

«04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер отправил трех рассыльных известить Капитана, а также найти коменданта гауптвахты и содействовать аресту Хаффа».

«04.41. Конвертер отключен, перешли в свободный полет».

«05.02. Рассыльный Лэси, один из троих, посланных ранее вниз, вернулся в рубку. Доложил на словах, что остальные двое — Малькольм Янг и Артур Сирс — убиты, а его отпустили только для того, чтобы предложить вахте сдаться. Мятежники дают нам срок на размышления до 05.15».

Следующая запись в бортжурнале была сделана другим почерком.

«05.45. Я сделал все возможное, чтобы связаться с другими постами и офицерами Корабля, но мои попытки не увенчались успехом. Исходя из сложившихся обстоятельств, считаю своим долгом покинуть рубку управления, не дожидаясь смены, и попытаться восстановить порядок в нижних ярусах. Поскольку мы не вооружены, мое решение может быть ошибкой, но ничего другого мне не остается. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер».

— Это все? — спросил Джо.

— Нет, — ответил Хью.

«1 октября (приблизительно) 2172 года. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой интендантской службы, был сегодня избран Капитаном «Авангарда». Со времени занесения в этот журнал последней записи многое изменилось. Мятеж был подавлен или, вернее, угас сам собой, но последствия его трагичны. Погиб весь командный состав, перебиты все пилоты и инженеры. Поэтому меня и выбрали Капитаном — не нашлось никого, более подходящего.

Мы потеряли около 90 процентов экипажа. Со дня мятежа не производились новые посевы, гидропонные фермы запущены, запасы продовольствия приближаются к концу. Среди не сдавшихся еще мятежников уже были отмечены случаи людоедства.

Моя первостепенная задача — установить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди экипажа. Следует возобновить посевы и установить постоянную вахту у Вспомогательного конвертера, который теперь стал нашим единственным источником света, тепла и энергии».

Дата следующей записи не была указана.

«Последнее время мне было не до аккуратного ведения журнала. Сказать по правде, я даже при-

близительно не представляю, какое сегодня число. Корабельные часы давно остановились. То ли из-за неполадок в Вспомогательном конвертере, то ли из-за внешней радиации. Поскольку Главный конвертер не функционирует, мы утратили поле радиационной защиты вокруг Корабля. Мой Главный инженер уверяет, что Главный конвертер можно пустить, но у нас нет навигаторов. Я пытался обучиться навигации по сохранившимся книгам, но математика слишком сложна для меня.

Из-за радиации примерно каждый двадцатый ребенок рождается уродом. Я ввел спартанский кодекс — эти дети не должны жить. Суровая необходимость.

Я становлюсь стар и дряхл, пора подыскивать себе преемника. Я — последний на борту, кто родился на Земле, но и я мало что о ней помню — мне было пять лет, когда мои родители отправились в полет. Я не знаю, сколько мне лет сейчас, но ясно понимаю одно — до Конвертера мне осталось совсем немного.

В психологии моих людей происходит любопытный сдвиг. Они никогда не жили на планете, поэтому с течением времени им все труднее становится воспринимать какие-либо концепции, не связанные непосредственно с Кораблем, или представлять себе природные явления, не связанные с жизнью в нем. Я оставил всякие попытки пробудить их воображение и мысль; они вряд ли пойдут на пользу, если у меня все равно нет надежды хоть когда-нибудь вывести мой экипаж из мрака. Жизнь у моих людей тяжелая, они выращивают урожай только для того, чтобы потом драться за него, отбивая налеты отщепенцев, все еще прячущихся в верхних палубах. Так зачем же растравлять их души рассказами о лучшем бытии?

Я принял решение не передавать этот бортжурнал моему преемнику. Лучше я спрячу его в единственной сохранившейся после бегства мятежников шлюпке. Там он будет в безопасности, здесь же какой-нибудь идиот, не задумываясь, пустит его на топливо для Конвертера. Недавно я застал вахтенного в тот момент, когда он закладывал в Конвертер последний экземпляр бесценной «Всеземной энциклопедии». Проклятый дурень неграмотен, не умеет ни читать, ни писать. Надо издать закон об охране книг».

«Это моя последняя запись. Я долго откладывал приход сюда, чтобы спрятать журнал в безопасном месте, — подниматься на верхние палубы очень опасно. Но жизнь моя значения больше не имеет, а я хочу умереть уверенным в том, что сохранится правдивая летопись событий.

Теодор Маусон, Капитан».

Когда Хью кончил читать, близнецы против обыкновения долго молчали. Наконец Джо глубоко вздохнул и сказал:

— Вот, значит, как оно все было.

— Жаль его, беднягу, — тихо вымолвил Хью.

— Кого? Капитана Маусона? Почему?

— Нет, не его. Я имел в виду пилота Болдуина. Представляешь, каково ему было выходить за дверь, где его поджидал Хафф, — Хью передернуло. Человек он был просвещенный, но при всей широте своих взглядов подсознательно представлял себе Хаффа — «первым Хафф согрешил, будь он проклят вовек!» — существом ростом с двух Джо-Джимов, силой с двух Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью заимствовал у Эртца несколько носильщиков, которые стаскивали трупы жертв военных действий к Главному конвертеру на топливо, и приказал им доставить в шлюпку запасы воды, продовольствия и массу для Конвертера. Нарби он об этом не сообщил и вообще утаил от него найденную шлюпку. Почему — сам не знал, просто Нарби раздражал его.

Между тем звезда на экране Главной рубки росла и росла, пока не превратилась в яркий сверкающий диск. Такой яркий, что на него больно было смотреть. Изменилось и ее положение — она переместилась почти в центр. Если Корабль продолжит свой неуправляемый дрейф, то опишет вокруг звезды гиперболу и снова исчезнет в глубинах космоса.

Хью долго, очень долго вычислял траекторию полета. Сохранись на Корабле земное исчисление времени, он увидел бы, что у него ушло на это несколько недель. Еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его расчеты и с трудом заставили себя поверить в правильность полученных ими цифр — до того они казались нелепыми. И еще больше времени ушло на то, чтобы убедить Эртца, что для сближения двух тел в пространстве необходимо прилагать силу, направленную в сторону, противоположную желаемой, то есть упереться пятками, изо всех сил затормозить и погасить силу инерции. Пришлось провести целый ряд экспериментов в свободном полете в невесомости, прежде чем Эртц поверил в это. Сам-то он просто собирался разогнать Корабль и на полном ходу направить его на звезду.

Хью и Джо-Джим рассчитали силу торможения, необходимую для погашения скорости «Авангарда» и вывода его на орбиту вокруг звезды, чтобы затем начать поиск планет. Эртц с трудом усвоил разницу между звездой и планетой. Алан вообще ничего не понял.

— Если мои расчеты верны, — сказал Эртцу Хью, — пора разгонять Корабль.

— Главный двигатель готов, — ответил Эртц. — У нас уже достаточно массы.

— Нужно идти к Нарби за разрешением.

— Это еще зачем?

— Он же Капитан, — пожал плечами Хью.

— Хорошо. Зови Джо-Джима и пойдем.

В помещении Джо-Джима они нашли Алана.

— Коротышка сказал, что Двухголовый ушел к Капитану, — сообщил им Алан.

— Прекрасно. Мы как раз хотели позвать его туда. Алан, старик, мы начинаем!

— Уже? Вот здорово! — выпучил глаза Алан.

— Идем с нами к Капитану.

— Подождите, я только предупрежу свою бабу. — И он побежал в свое жилище, находившееся рядом.

— Балует он ее, — заметил Эртц.

— Иногда это от нас не зависит, — ответил Хью с отсутствующим взглядом.

Алан быстро вернулся, успев, однако, переодеться.

— Пошли! — крикнул он возбужденно.

Алан гордо вышагивал к кабинету Капитана. Он теперь стал значительным лицом — идет себе рядом с влиятельными друзьями, а охрана, знай, честь отдает. Давно прошли времена, когда его держали на побегушках.

Но часовой у двери не отступил, как обычно, в сторону, хотя и отдал честь.

— Дорогу! — резко сказал Эртц.

— Слушаюсь, сэр, — ответил часовой, не двигаясь с места. — Ваше оружие, пожалуйста.

— Ты что, идиот, не узнаешь Главного инженера?

— Так точно, сэр, узнаю. Прошу сдать оружие. Таков приказ.

Эртц пихнул его в плечо. Часовой уперся ногами в пол.

— Прошу извинить, сэр. Капитан строго-настрого приказал всем входящим к нему оставлять оружие у входа. Всем без исключения.

— Проклятье!

— Он хорошо помнит, что случилось с прежним Капитаном, — тихо вставил Хью. — Умный он парень, наш Нарби. — С этими словами он отстегнул нож и отдал его часовому. Эртц пожал плечами и сделал то же самое. Обескураженный Алан последовал их примеру, смерив стража испепеляющим взглядом.

Когда они вошли в кабинет, Нарби беседовал с Джо-Джимом. На лицах близнецов застыло угрюмое выражение. Бобо казался голым без привычных пращи и ножей.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим, — продолжал Нарби. — Таково мое решение. Я оказал вам любезность, изложив причины, побудившие меня к нему, но ваше согласие или несогласие не имеет значения.

— В чем дело? — поинтересовался Хью.

Нарби поднял взгляд.

— Хорошо, что ты пришел, Хью, а то твой друг мьют начинает забывать, кто здесь Капитан.

— В чем дело? — повторил Хью. — Что здесь происходит?

— Он, — прорычал Джим, тыча пальцем в Нарби, — думает разоружить всех мьютов.

— Но ведь война окончена, не так ли?

— Не было такого уговора. Мьюты должны были влиться в Экипаж. Разоружи сейчас мьютов, и Экипаж их всех перережет. У него-то ножи останутся.

— Придет время, у всех отберем, — заверил Нарби, — но я сделаю это тогда, когда сочту нужным. Что у тебя, Эртц?

— Спроси Хью.

Нарби обернулся к Хойланду.

— Я пришел уведомить вас, Капитан, — по-уставному отчеканил Хью, — что мы намерены запустить Главный двигатель и перейти к управляемому Полету.

Если слова Хью и удивили Нарби, то никак уж не привели в растерянность.

— Боюсь, что вам придется обождать. Я все еще не считаю возможным допускать офицеров в невесомость.

— В этом нет необходимости, — сказал Хью. — Поначалу Эртц и я вполне справимся сами. Ждать больше нельзя. Если мы не начнем сейчас, то при жизни нашего поколения Полет завершен не будет.

— Не будет так не будет.

— Что?! — выкрикнул Хью. — Нарби, ты что, не хочешь завершить Полет?

— Я не намерен проявлять поспешность.

— Что за ерунда, Фин? — спросил Эртц. — Что это на тебя нашло? Нам действительно пора начинать.

Нарби молча барабанил пальцами по столу. Потом сказал:

— Поскольку здесь высказываются некоторые сомнения относительно того, кому принадлежит власть, придется мне вам разъяснить, что к чему. Хойланд, в той мере, в какой твои забавы не мешали мне управлять жизнью Корабля, я был готов смотреть на них сквозь пальцы и позволять тебе развлекаться, ибо по-своему ты был весьма полезен. Но поскольку твои бредовые идеи становятся источником разложения Экипажа, угрозой моральному здоровью, спокойствию и безопасности народа Корабля, я вынужден положить им конец.

От изумления Хью лишился дара речи. Наконец он выдавил:

— Бредовые? Ты сказал, «бредовые»?

— Вот именно. Только псих или невежественный религиозный фанатик может уверовать, будто Корабль движется. Но поскольку и ты и Эртц имели честь удостоиться научного образования и невеждами вас считать нельзя, вы оба, безусловно, свихнулись.

— Во имя Джордана! — воскликнул Хью. — Ты сам, собственными глазами видел бессмертные звезды, и ты же называешь нас безумцами!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — Ты что финтишь? И не вкручивай нам мозги, мы-то знаем, что ты был наверху и удостоверился в том, что Корабль движется.

— Я с интересом наблюдал за тобой, Эртц, — сказал Нарби. — Но никак не мог понять: то ли ты решил использовать психоз Хойланда в своих интересах, то ли сам сошел с ума, как и он. Только теперь мне стало ясно, что ты тоже свихнулся.

Эртц сдержал гнев.

— Будь любезен объясниться. Ты же был в Рубке, и как ты можешь утверждать, что Корабль не движется?

— Я был о тебе лучшего мнения как об инженере, — усмехнулся Нарби. — Рубка не что иное, как ловкая мистификация. Фокус! Ты сам видел, что огни в ней включаются и выключаются — очень остроумное приспособление с инженерной точки зрения, надо сказать. Судя по всему, оно служило для культовых обрядов, чтобы возбуждать в верующих благоговение перед древними мифами. Но нам оно ни к чему. Вера Экипажа и так крепка. Сейчас Рубка может лишь возбудить нездоровые страсти, поэтому я ее уничтожу, а двери, ведущие в нее, опечатаю.

Не удержи его Эртц, Хью вцепился бы в Нарби.

— Спокойно, Хью, — сказал Эртц и продолжал: — Допустим даже, что Главный двигатель просто муляж, но что ты скажешь о Капитанской рубке? Ты ведь

видел там настоящие звезды, а не их изображение.

— Эртц, да ты еще глупее, чем я думал! — Нарби расхохотался. — Должен сознаться, однако, что сначала Капитанская рубка и меня заинтриговала, хотя во все эти звезды я никогда не верил! Но Главная рубка помогла мне во всем разобраться. Капитанская рубка такой же фокус, как и она. Очень остроумное инженерное решение, безусловно. За ее иллюминатором находится еще одно помещение примерно такого же размера, но неосвещенное. На фоне этой тьмы маленькие огоньки действительно создают эффект бездонного пространства. Принцип тот же, что и в Главной рубке. Я просто поражен тем, что вы сами этого не поняли. Если очевидные факты противоречат логике и здравому смыслу, это означает, что вы неправильно истолковали их, и они лишь кажутся вам очевидными. Единственный, по-настоящему очевидный, основной факт природы — реальность Корабля, прочного, незыблемого, неподвижного мира. Все, что противоречит этой объективной реальности, не более чем иллюзия, самообман. Вооруженный этим Учением, я начал искать секрет показанного мне фокуса и нашел его!

— Ты хочешь сказать, — спросил Эртц, — что действительно нашел путь по ту сторону стеклянной стены и собственными глазами видел механизмы, создающие иллюзию звезд?

— Нет, — ответил Нарби, — в этом нет необходимости. Не обязательно порезаться, чтобы убедиться в остроте ножа.

— Та-а-к, — протянул Эртц. И сказал после короткой паузы: — Предлагаю тебе компромисс. Если Хью и я действительно сошли с ума, то вреда от нас все равно не будет, поскольку мы держим язык за зубами. Но мы попробуем запустить двигатели и доказать, что Корабль движется. Если ничего не выйдет, ты был прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется, — заявил Нарби. — Однако я обдумаю твое предложение. Вы свободны.

Эртц повернулся уходить, сдержав негодование, но взгляд его упал на каменные лица Джо-Джима.

— А как же с мьютами? — спросил Главный инженер. — Почему ты позволяешь себе так обращаться с Джо-Джимом? Не забывай, что ты стал Капитаном благодаря его ребятам.

На мгновение Нарби утратил выдержку, и маска собственного превосходства исчезла с его лица.

— Не вмешивайся не в свое дело, Эртц. Я не позволю держать здесь банды вооруженных дикарей. Таково мое окончательное решение.

— С пленными можешь поступать как хочешь, — сказал Джим, — но наш отряд оружие не сдаст. Таково мое окончательное решение. Им всем была обещана добрая еда до конца жизни, если они будут драться за тебя. Разоружаться мы не будем.

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим, — сказал он. — Я всегда считал, что хороший мьют — это мертвый мьют. Ты делаешь сейчас все, чтобы укрепить меня в этом мнении. Думаю, тебе небезынтересно будет знать, что к настоящему времени твою банду уже разоружили и перерезали.

Ворвалась ли стража по сигналу или по заранее отданному приказу, понять было трудно. В спины захваченных врасплох безоружных кровных братьев уперлись клинки ножей.

— Арестовать их, — приказал Нарби.

Бобо взвизгнул и взглядом спросил Джо-Джима, что делать.

— Давай, Бобо! — крикнул Джо.

Лягнув держащего его стражника, карлик прыгнул на человека, приставившего нож к спине Джо-Джима. Растерявшись, тот потерял драгоценные полсекунды. Сбив его на пол ударом в живот, Джо-Джим вырвал у него из рук нож.

Хью катался по полу в обнимку со своим противником, сжав его кисть, державшую оружие. Джо-Джим нанес стражнику удар, и Хью вскочил на ноги с ножом в руках. Двухголовый огляделся и увидел кучу из четырех человек — Эртца, Алана и еще двоих. Удары он наносил осторожно, чтобы не перепутать, какой голове принадлежит чье тело.

— Возьмите их ножи, — приказал он своим друзьям, поднявшимся на ноги. Его слова потонули в диком вопле. Бобо, так и не успевший отобрать оружие у врага, прибегнул к своему природному оружию. Раскромсанное его зубами лицо охранника залилось кровью.

— Где его нож? — спросил Джо.

— Не могу дотянуться, — виновато ответил Бобо.

Причина была очевидна — нож торчал из-под правой лопатки карлика. Джо-Джим легонько потянул за рукоять. Лезвие было всажено глубоко и не выходило.

— Идти сможешь?

— Конечно, — прохрипел Бобо.

— Пусть пока останется в ране. Алан! За мной! Хью и Билл — прикрывайте с тыла. Бобо — центр.

— Где Нарби? — спросил Эртц, прижав рукой рассеченную щеку.

Но Нарби исчез — выскользнул в дверь позади своего стола. И эта дверь была заперта снаружи.

Клерки бросились врассыпную, когда кровные братья вырвались в приемную. Джо-Джим всадил нож в часового у двери, прежде чем тот успел поднять тревогу. Быстро разобрав свое оружие, они устремились на верхние ярусы.

Двумя палубами выше нежилых территорий Бобо зашатался и упал. Джо-Джим поднял его.

— Выдержишь?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь.

Еще палуб через двадцать стало ясно, что Бобо дальше идти не сможет, хотя его и поддерживали по очереди. Сила тяжести уже заметно уменьшилась. Алан поднатужился и поднял силача как ребенка. Они продолжали лезть вверх

Алана сменил Джо-Джим. Они продолжали лезть вверх. Джо-Джима сменил Эртц. Затем Эртца сменил Хью.

Наконец они дошли до яруса, на который переселились после переворота. Хью, положив Бобо на пол, направился было в сторону жилищ, но Джо-Джим остановил его.

— Ты куда?

— Домой, куда же еще?

— Ну и дурак. Именно туда за нами и придут.

— Куда же идти?

— В Корабле нам больше нет места. Пора отсюда сматываться. Идем в шлюпку.

— Верно, — согласился Эртц. — Теперь на нас ополчится весь Корабль.

— Шанс на спасение сомнительный, но другого все равно нет, — сдался Хью. И опять повернул к жилищам.

— Нам же в другую сторону! — крикнул Джим.

— Надо забрать наших женщин.

— К Хаффу женщин! Тебя схватят. Нельзя терять ни мгновения.

Но Эртц и Алан побежали за Хью.

— Ладно, — фыркнул им вслед Джим, — идите за вашими бабами. Но поторапливайтесь.

Джо-Джим сел, положив голову карлика на колени, и тщательно

осмотрел его. Лицо Бобо посерело, на правой лопатке огромным красным пятном расплывалась кровь. Он вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим гладил его по голове.

— Терпи, — сказал Джо, — сейчас будет больно.

Приподняв раненого, Джо-Джим выдернул нож. Струей хлынула кровь.

Джо-Джим посмотрел на смертельно длинное лезвие и прикинул глубину раны.

— Ему не выжить, — шепнул Джо. Джим поймал его взгляд.

— Значит?

— Да, — кивнул Джо.

Джо-Джим ткнул извлеченным из раны ножом в свое бедро, но остался недоволен и выбрал один из собственных, острых как бритва ножей. Левой рукой он поднял подбородок Бобо и приказал:

— Смотри на меня, Бобо.

Бобо поднял на него глаза, пытаясь что-то сказать. Джо не сводил с него взгляда.

— Бобо молодец, Бобо сильный.

Карлик слабо ухмыльнулся. Нож вонзился в яремную вену, не задев горла.

— Бобо молодец, — повторил Джо.

Бобо снова раздвинул губы в усмешке.

Когда глаза карлика остекленели и он перестал дышать, Джо-Джим поднялся и пошел в ту сторону, откуда должны были вернуться остальные. На ходу он проверил все свое оружие, подгоняя его так, чтобы было сподручнее.

Хью выбежал ему навстречу, запыхавшись.

— Заминка вышла, — переведя дыхание, пояснил он. — Коротышка мертв. И никого из твоих бойцов нет. Видно, Нарби не соврал, их и вправду перерезали. Держи. — И он протянул Джо-Джиму длинный нож и специально изготовленные доспехи с большим решетчатым шлемом, способным прикрыть обе головы сразу.

И Эртц, и Алан, и Хью тоже надели доспехи. Джо-Джим заметил свежий кровоподтек на губе младшей жены Хью. Держалась она смирно, а в глазах ее бушевала буря. Старшая жена, Хлоя, воспринимала все спокойно. Жена Эртца тихонько всхлипывала, жена Алана была так же обескуражена, как и ее хозяин.

— Как Бобо? — спросил Хью, помогая Джо-Джиму застегнуть доспехи.

— Бобо больше нет.

— Ясно. Ну что ж, пойдем.

Идти им было трудно, женщины не привыкли к невесомости. У переборки, отделяющей шлюз шлюпки от Корабля, засады не было, хотя Джо и показалось, что он увидел человека, нырнувшего в люк. Но никому, кроме брата, он об этом не сказал.

Дверь опять заело, а Бобо теперь с ними не было. Мужчины налегли на нее. Наконец она поддалась.

— Заталкивай женщин внутрь, — скомандовал Джим.

— Да поживей, — добавил Джо. — Гости пожаловали.

Он был на страже, пока его брат занимался дверью. Крики из глубины коридора подтвердили его слова.

Джо-Джим прикрывал тыл, пока остальные вталкивали в шлюпку женщин. Младшая жена Алана,

Рисунки Н. ГРИШИНА

как всегда, в самый подходящий момент, забилась в истерике и попыталась рвануться назад, но в невесомости это трудно было сделать. Хью от всего сердца пнул ее ногой и загнал в шлюпку.

Джо-Джим метнул нож, чтобы сдержать наступающих врагов. С полдюжины атакующих отпрянули назад. Потом, видно по команде, шесть ножей одновременно прорезали воздух.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что нож угодил в броню.

— Кажется, пронесло, Джо! — крикнул он, но ответа не услышал. Джим повернул голову к брату. В нескольких дюймах от его глаз из прутьев решетки шлема торчал нож. Его лезвие ушло глубоко в лицо Джо. Джо был мертв.

Хью высунулся в дверь.

— Скорее, Джо-Джим!

— Закрой дверь! — рявкнул Джим.

— Но...

— Закрой дверь, тебе говорят! — С этими словами Джим отпихнул его и закрыл дверь. Хью лишь мельком увидел нож, воткнутый в лицо. Потом он услышал, как повернулся рычаг.

Джим встретил атакующих лицом к лицу. Оттолкнувшись от переборки непривычно отяжелевшими ногами, он ринулся на врагов, сжав обеими руками свой страшный, в руку длиной клинок. Ножи противника сыпались на него, отскакивая от стальных доспехов. Он крутанул клинком и рассек одного стражника почти надвое.

— За Джо!

Удар отбросил его в сторону. Он перевернулся в воздухе, выпрямился и размахнулся снова.

— За Бобо!

Враги нависли над ним со всех сторон. Окруженный, он бил наугад, лишь бы попасть.

— А этот, на закуску, за меня!

Нож вонзился ему в бедро, но он даже не заметил этого.

— Один за всех!

Кто-то прыгнул ему на спину. Неважно, вот перед ним еще один, сталь возьмет его не хуже любого другого.

— Все за од... — он не договорил.

Хью пытался открыть дверь, запертую снаружи, но у него ничего не получалось. Если здесь и был управляющий дверью механизм, то где его искать? Он приложил ухо к стальной плите, но герметичная дверь звуков не пропускала.

Эртц дернул его за руку.

— Где Джо-Джим?

— Остался там.

— Что?! Открывай дверь, живо, втащим его сюда.

— Не могу, она не поддается. Он хотел там остаться, он сам захлопнул дверь.

— Но мы должны спасти его, мы же кровные братья!

Внезапно Хью осенило.

— Вот поэтому он и остался, — тихо сказал Хью и рассказал Эртцу то, что успел увидеть. — Для него Полет закончился. Займись Конвертером, Билл. Нам нужна энергия.

Они вышли из шлюза и задраили за собой последнюю дверь.

— Алан, — крикнул Хью, — загони баб в угол, чтоб под ногами не путались!

Усевшись в кресло пилота, он выключил огни. Зажглась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело.

— Пошел! — сказал сам себе Хью и включил пуск.

Толчок, прилив тошноты — и он с ужасом почувствовал, что все начало вращаться. Откуда ему было знать, что это разворачивалась пусковая шахта?

Иллюминатор перед ними наполнялся звездами. Они летели! Но часть экрана закрывала огромная бесформенная масса, которую Хью никогда не видел, разглядывая звезды в иллюминатор Капитанской рубки. Сначала он не мог понять, что это такое, но, когда наконец сообразил, преисполнился благоговейным восторгом — это был Корабль, и он смотрел на него снаружи! Хотя разум его давно уже воспринял истинную природу Корабля, мысль о том, что он увидит Корабль извне, никогда не приходила ему в голову. Звезды — да, поверхность планеты — да, к этому он был уже готов, но наружная поверхность Корабля...

Хью с трудом оправился от шока.

— Что это? — спросил Алан.

Хойланд пытался объяснить. Алан лишь покачал головой.

— Не понять мне этого.

— Ничего. Позови Эртца. И женщин тоже, покажем им.

— Ладно. Но только, — в Алане вдруг заговорил здравый смысл, — бабам показывать не стоит. Напугаются, дуры, они ведь никогда не видели звезд.

Удача, инженерный гений предков и крохи знания. Повезло, что Корабль оказался у звезды с планетной системой, повезло, что они смогли спустить шлюпку; повезло, что Хью сумел разобраться в пульте управления, прежде чем они затерялись в глубоком космосе и умерли от голода.

Гений предков снабдил их суденышко огромным запасом энергии и большой скоростью. Его создатели предвидели, что звездоплавателям все это понадобится для исследовательских экспедиций в солнечной системе, к которой направлялся «Авангард». Они строили шлюпку с максимальным запасом прочности, и Хью использовал его до предела.

Повезло им и в том, что они очутились в сфере планетарного притяжения, и в том, что орбита, по которой Хью направил шлюпку, совпадала с орбитами планет. Описывая эллипс, он вышел к гигантской планете. Хью долго маневрировал, забыв о сне и еде, чтобы выйти на орбиту вокруг нее, но вышел в конце концов так близко, что увидел ее спутники.

Удача сопутствовала ему до конца. Он намеревался было в своем невежестве совершить посадку на гигантскую планету. Удайся ему это, им всем осталось бы жить ровно столько, сколько требуется времени, чтобы открыть люк. Но отчаянное маневрирование, выход на орбиту вокруг планеты съели почти все топливо Конвертера.

Обложившись древними книгами, Хью без отдыха решал и решал уравнения, составленные предками для определения законов движения тел, считал и пересчитывал, выведя из терпения даже всегда спокойную Хлою. Вторая жена, безымянная, держалась от него подальше.

Но все полученные им ответы гласили, что ему придется пустить на топливо часть его бесценных книг, чтобы выйти к большой планете, даже если они сунут в Конвертер всю свою одежду и оружие.

Он скорее сунул бы в Конвертер своих жен.

В конце концов Хью решил совершить посадку на один из спутников планеты.

И опять везение. Совпадение настолько невероятное, что трудно в него поверить. Спутник гигантской планеты был пригоден для жизни. Но подумайте сами — ведь для возникновения планеты такого типа, как наша Земля, тоже требуется комбинация обстоятельств, столь же невероятных. Наш собственный мир под нашими ногами тоже относится к разряду «Такого не бывает!». Ве-

роятность его существования просто смехотворно мала.

Так вот, именно такое везение и сопутствовало Хью Хойланду — везение невероятное.

Гений земных предков завершил дело. Хотя Хойланд и освоил маневрирование в космосе, при посадке он наверняка разбил бы любой корабль, построенный до «Авангарда». Однако проектировщики «Авангарда» знали, что шлюпками корабля будут управлять в лучшем случае пилоты второго поколения, и строили их, исходя из этого.

Хью ввел шлюпку в атмосферу и с видом победителя лег на курс, который доставил бы их всех прямиком в могилу, не возьми управление на себя включившийся автопилот.

Хью метался в кресле и ругался так, что даже заставил Алана оторваться от иллюминатора и перенести свое удивленное восхищение с планеты на друга. Но вернуть управление шлюпкой он был бессилен. Что бы он ни пытался делать, шлюпка шла сама по себе и на высоте тысячи футов легла на параллельный поверхности курс.

— Хью, звезды исчезли.

— Сам вижу.

— Джордан, что же это? Куда они делись, Хью?

Хью рявкнул на Алана:

— Не знаю и знать не хочу! Катись на корму к бабам и не приставай с идиотскими вопросами.

Алан неохотно ушел, посматривая в иллюминатор на ясное небо и на поверхность планеты. Ему было интересно, но не более, он давно уже потерял способность восторгаться.

Только через некоторое время Хью сообразил, что группа приборов, которыми он раньше и не пытался манипулировать, не понимая их назначения, как раз и отдает автопилоту приказ о посадке. Поскольку выяснилось это методом проб и ошибок, место для посадки Хью выбрал почти наугад. Но немигающие стереоглаза автопилота беспрерывно подавали информацию в селекторное устройство, которое исследовало ее и приняло решение. Корабль мягко приземлился в прерии неподалеку от опушки леса.

Эртц кинулся к Хойланду.

— Что произошло, Хью?

Хью устало махнул рукой в сторону иллюминатора.

— Приехали.

Он был слишком измотан и

духовно и физически, чтобы обставить посадку какой-нибудь торжественной церемонией. Годы борьбы, суть которой он сам понимал более чем смутно, голода и жажды, годы пожирающих его душу стремлений почти не оставили ему способности испытывать радость, когда наконец он добился своего и достиг цели. Но они приземлились, они завершили Полет, начатый Джорданом! Он чувствовал себя не то чтобы счастливым, но умиротворенным и усталым бесконечно.

— Выйдем? — спросил Эртц.

— Давай.

Алан подошел, когда они отдраивали люк, за его спиной толпились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись, — ответил Хью.

Женщины глядели в иллюминатор, Алан гордо и неправильно объяснял им что к чему. Эртц открыл наружную дверь. Они вдохнули свежий воздух.

— Холодно, — заметил Эртц.

На самом деле температура была в лучшем случае градусов на пять ниже никогда не меняющейся температуры на борту «Авангарда». Но откуда было знать Эртцу, что такое погода?

— Чепуха, — буркнул Хью, неосознанно раздосадованный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Это тебе кажется.

— Возможно, — не стал спорить Эртц. Наступила неловкая пауза. — Пойдем, — сказал он наконец.

— Пойдем.

Превозмогая нерешительность, Хью оттолкнул его и спрыгнул вниз. До земли было всего футов пять.

— Прыгайте, здесь здорово!

Эртц присоединился к нему. Оба невольно жались к Кораблю.

— Мир огромен, — прошептал Эртц.

— Мы же знали, что он именно такой и есть, — отрезал Хью, обеспокоенный охватившим его чувством потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул наружу. — Можно спускаться?

— Прыгай!

Алан одним прыжком присоединился к ним.

— Вот это да! — присвистнул он.

Их первая вылазка закончилась футах в пятидесяти от Корабля. Они шли, держась кучкой, смотря под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть на этой странной неровной палубе. Все было нормально, но Алан поднял голову и вдруг впервые в жизни не увидел потолка над собой. Головокружение и острый приступ агорафобии. Он застонал, закрыл глаза и упал.

— Что случилось? — спросил Эртц и тоже посмотрел вверх. Приступ свалил и его.

Хью боролся с головокружением. Страх и боль бросили его на колени, но, упершись рукой в землю, он пытался подняться. Ему было легче — он так долго смотрел на бескрайние просторы планеты в иллюминатор.

— Алан! — завизжала его жена, высунувшись из люка. — Алан! Вернись!

Алан открыл один глаз, посмотрел на Корабль и пополз к нему на брюхе.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Сядь!

Алан повиновался с видом человека, от которого требуют слишком многого.

— Открой глаза!

Алан осторожно открыл глаза, но поспешно зажмурился снова.

— Сиди спокойно — и придешь в себя, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

Чтобы доказать это, он выпрямился в полный рост. Голова у него еще кружилась, но он стоял. Эртц, лежащий до этого ничком, приподнялся и сел.

Солнце перевалило зенит. Прошло достаточно времени, чтобы сытый проголодался, а они отнюдь сытыми не были. Крайне простым способом уговорили выйти наружу женщин — вытолкав их пинками. Отходить от Корабля те боялись и сгрудились в кучу. Но мужчины уже освоились и расхаживали даже в одиночку. На виду у женщин Алану было нипочем отойти от Корабля на целых пятьдесят ярдов.

Во время одной из этих демонстраций он заметил маленького зверька, позволившего своему любопытству взять верх над осторожностью. Нож Алана сбил его, и зверек закувыркался в траве. Схватив жирную тушку за лапы, Алан гордо подбежал к Кораблю.

— Смотри, Хью, смотри! Добрая еда!

Хью одобрительно взглянул на него. Первый испуг давно прошел, и сейчас его охватило теплое чувство, как будто он наконец вернулся в свой далекий дом.

— Верно, — согласился он. — Добрая еда. Теперь, Алан, у нас всегда будет много доброй еды.

Перевел с английского
Ю. ЗАРАХОВИЧ

Он проснулся от звука зуммера. Тупо стал водить взглядом по экранам, над которыми теперь пульсировал рубиновый свет. Потом снова закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, уверенный, что это новая галлюцинация. Все было возможно в ракете, летящей неизвестно куда...

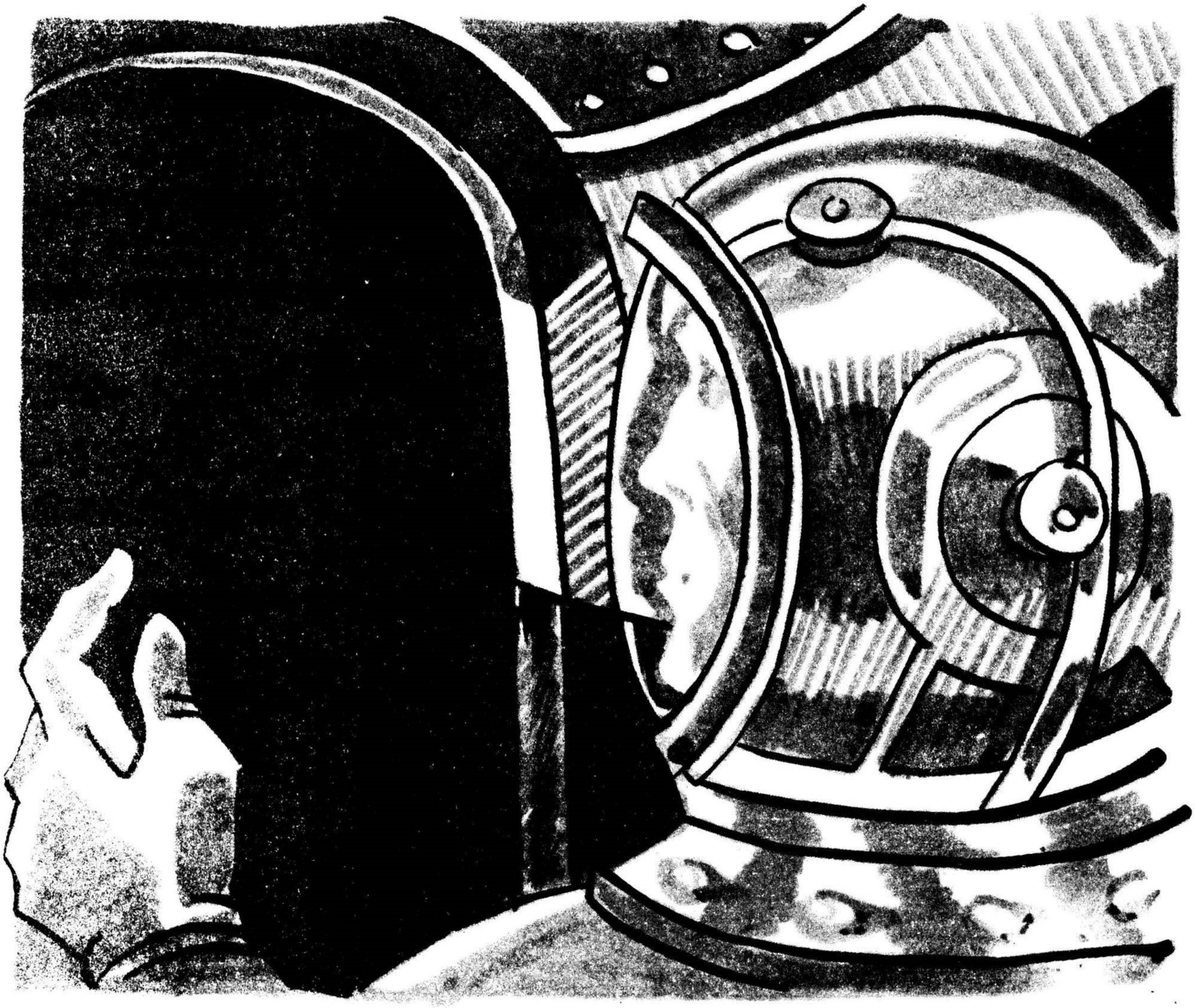
За пятнадцать лет, прошедших с тех пор, как умер Гунт, случалось разное: то предметы становились похожими на живые существа, то рубку начинали наполнять цветные сгустки тумана, то с экранов лезли к нему привидения, и он вел с ними долгие беседы, и приходили те... из-за стены.

Так уж получилось, что он опустил противорадиационную перегородку сразу же, услышав щелканье детекторов радиации. Сработал рефлекс, привитый ему еще в учебном центре космической навигации. Но, к несчастью, в тот момент все прочие члены экипажа находились как раз там, в той части ракеты. А потом уже было поздно спасать их — автоматика отказывалась поднимать перегородку — слишком высоким установился уровень радиации. Это было ясно по тому, как без устали стрекотали детекторы.

Кто умер на другой день, кто через неделю, большинство — через месяц. Гунт получил наименьшую дозу радиации и умирал целый год.

Звук зуммера не прекращался, над пультом астронавигатора ритмично загоралась и погасала рубиновая лампочка. Может, снова те? Сводящие с ума призраки, появляющиеся неожиданно, будто проникающие сквозь перегородку — белую стену, поглощающую радиацию? Там, за этой стеной, остались они... и он протянул руку к лекарствам. Раньше лекарства действовали неплохо — одной таблетки хватало, чтобы призраки исчезли, растаяли в воздухе. С течением времени пришлось глотать по две, по три, по четыре таблетки. Он находился на грани помешательства. Но постепенно все уладилось: призраки мало-помалу перестали появляться, оставив его наконец в полном одиночестве.

Больше всего он любил находиться в рубке. Часы отмеряли время, приборы показывали количество оставшегося горючего, скорость полета... Можно было включить экраны, смотреть на звезды, в чернь, в пустоту. Иногда, очень редко, он включал систему внутреннего телевидения. Видел т е х, разбитый резервуар, облепленный черной мазью ядерного горючего...



ВИТОЛЬД ЗЕГАЛЬСКИЙ,
польский писатель

АВАРИЯ

Фантастический рассказ

Так уж получилось. Несчастный случай. Стечение обстоятельств. Им не повезло, ему — повезло. Да и повезло ли? Ракета ведь, в сущности, лишилась запасов горючего, следовательно...

Звук зуммера действовал ему на нервы. Что бы это могло все-таки быть? Он нехотя поднялся с кресла и подошел к пульту управления.

Сел. Включил экраны, измерительные приборы, электронный мозг. На экранах появилась светящаяся точка. Со стороны Гончих Псов что-то приближалось. Существовали только две возможности — метеорит или... Он потянул на себя рукоять детектора радиоволн. Ждал минуту-другую — на экране вдруг появился сноп белых искр; дрогнули стрелки приборов. Он не верил своим глазам. Это был сигнал радиолокатора. Приближался космический корабль.

Пока он произвел необходимые измерения, прошло немало времени. Дрожащими пальцами вращал ручки приборов, нажимал кнопки и клавиши на пультах. Корабль — с Земли или инопланетный? Он не мог выслать кодовых сигналов — вытекшее горючее давно повредило передатчики. Он взглянул на результаты вычислений, произведенных компьютером. Трасса их полета проходила на расстоянии чуть ли не двухсот тысяч километров. Те, в корабле, могли его попросту не заметить.

Не заметили. Несколько часов подряд он смотрел на экраны, на которых так и не появились позыв-

ные. Только их радиолокатор включался каждые несколько минут, вызывая эффектное свечение экрана детектора радиоволн.

Потом ему показалось, что те ускоряют полет. Удивленный, он сверил показания приборов. Аппаратура работала нормально. Он принял дозу успокоительного. Ему не хотелось ломать голову над тем, почему они не устанавливают связь с ним, но одно стало ясно: они постепенно разгоняли свой корабль. Нужно догнать их, кто бы они ни были. Догнать, прежде чем они отдалятся, исчезнут в черни неба, среди звезд, лишив его последних шансов на спасение.

Он рассчитал скорость и наметил трассу. Проверил количество горючего, оставшегося в резервуарах. Горючего было мало, но не настолько, чтобы отказаться от попытки. Он сел на место пилота и включил реактор...

Он долго не мог побороть волнения, охватившего его, когда стало наконец ясно, что корабль — с Земли. Опытный глаз космонавта уже различал знакомые элементы конструкции; потрясающее впечатление произвела на него антенна радиолокатора попросту потому, что она была точь-в-точь такой же, как и на его ракете.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Но корабль, жадно им разглядываемый, имел новую, усовершенствованную конструкцию — подобных не строили на Земле, когда оттуда стартовала их ракета. Длинный, в несколько сот метров, он состоял из трех шаровидных отсеков, соединенных ажурной сетью ферм. Этот корабль, необтекаемый по форме, не был приспособлен для преодоления атмосферного слоя; по-видимому, он был построен на околоземной орбите. В центральной части корабля находился причал...

По-прежнему никто им не интересовался. Можно было подумать, что корабль мертв, безлюден, если бы не вращающаяся антенна. Он подогнал свою ракету к причалу; стрелка показывала, что горючее почти на исходе. Он выключил реактор, надел скафандр и пошел к выходному шлюзу. Без труда перебрался на плиту причала.

Сразу же за входным шлюзом корабля начинался освещенный коридор. Он поднял колпак шлема, прислушался. Тишина. Снял скафандр и двинулся вперед.

Через несколько минут ходьбы по разветвляющемуся коридору он очутился в жилой части корабля. Открывал двери, заглядывал в пустые комнаты, наспех листал найденные книги. Впервые за несколько лет почувствовал себя человеком: исступление одиночества, перспектива голодной смерти покинули его, исчезли. Он подумал, что стоило бороться с собой и ждать. Не раз ведь он держал в руках ампулу с ядом, разглядывал на свет ее содержимое, обдумывал, взвешивал все «за» и «против». И прятал ампулу в выдвижной ящик стола, все еще надеясь на чудо. И чудо произошло...

Он вошел в рубку — в ней никого не было. Постоял перед пультами, полными табло, выключателей, лампочек; кругом — погасшие экраны, похожие на рамы, из которых вынуты картины. Аппаратура была ему незнакома, изменились даже кодовые обозначения. А это, несомненно, был скоростемер: шкала была размечена до 300 тысяч км/сек. Уже научились разгонять до субсветовой скорости? Он усмехнулся с удовлетворением. Люди на Земле не тратили времени попусту в течение всех этих лет. Он отошел от пультов и открыл следующую дверь. И опять — никого.

— Алло! — крикнул. — Есть здесь кто-нибудь?!

Одна из стенных панелей сдвинулась в сторону, и на середину комнаты выполз робот:

— Жду распоряжений.

Некоторое время он смотрел на автомат.

— Где экипаж? — спросил.

— Не знаю. Могу почистить одежду, обувь.

Он рассмеялся. Если б в своей ракете он имел хотя бы такого робота!

— Что ты умеешь делать? — спросил.

— Я мусорщик и чистильщик. Подметаю, чищу.

Робот ничего не мог объяснить ему — это была примитивная бытовая машина, способная произносить десятка полтора фраз. Он двинулся дальше, оставив автомат стоять посреди комнаты.

Он миновал очередной коридор и толкнул дверь из матового пластика. Увидел перед собой просторный зал, неярко освещенный. Посредине на низких подставках лежали продолговатые контейнеры. Он подошел ближе. Под толстой прозрачной плитой лежал человек — или, вернее, парил между стенками, поддерживаемый неизвестной силой. Открытые глаза недвижимо смотрели прямо вверх, руки, скрещенные на груди, создавали впечатление отрешенности. Человек не был мертв — он походил на спящего, которому, однако, ничего не снится. Контейнеров было двенадцать. Он обошел их все — под каждой плитой покоился человек: мужчины и женщины, с открытыми, но невидящими глазами.

Он провел ладонью по лбу, клейкому от пота. Спокойствие, навязанное было ему приглушенным светом, цветовыми гаммами настенных фресок, тишиной, снова начало покидать его.

— Летаргия, — пробормотал он. — Гибернация. Гиберолетаргия.

Когда он около двадцати лет назад стартовал с Земли, все выглядело совершенно иначе. Испытуемого, одетого в водолазный скафандр, погружали в бассейн с амортизационной жидкостью. Задача состояла в том, чтобы исключить вредное влияние ускорения на человеческий организм, обеспечить разгон космического корабля до максимальной скорости за минимальное время и добиться тем самым сколь можно большей экономии горючего... «Эти уже не спешат, — думал он, глядя на их лица. — Затормозив биологические функции, они постепенно разгоняют корабль до субсветовой скорости. Потом проснутся на другом конце Галактики и не успеют даже к тому времени проголодаться».

Он задумался. Его появление здесь было настолько случайным,

что такая вероятность даже в голову не пришла никому там, на Земле, при подготовке корабля в столь дальний полет. Эти спящие сейчас люди будут, конечно, рады, что он уцелел, поставят для него дополнительное «ложе», чтобы дать возможность и ему погрузиться в летаргический сон. Но для того чтобы это произошло, необходимо было разбудить их. Он внимательно осмотрел все контейнеры. На них не было ни малейших выступов; и не было углублений, в которых мог бы поместиться хоть какой-нибудь механизм. Потом он заглянул за дверь, что была в конце зала. Стены небольшой комнаты были сплошь покрыты стрелочными индикаторами, экранами, переключателями. Стало ясно, что здесь — аппаратный комплекс контролирования сна экипажа. Он остановился перед центральным табло и долго смотрел на него. Его охватило чувство подавленности. Десятки счетчиков, экранов и контрольных элементов создавали головоломку, которую невозможно было решить. Рядом с некоторыми переключателями — выгравированные на стене условные обозначения типа «Внимание!», «Опасно!» и даже «Смертельно опасно!».

Но сколь длительным будет сон экипажа? Нетрудно было догадаться: в центре среднего табло светились крупные цифры 112.

Он повернулся и вышел.

Проходя через зал, он остановился около одного из спящих. «Сто двенадцать лет. Еще сто двенадцать лет будет лежать он вот так — без ощущений, без сознания... А я...» Сдали нервы: он начал исступленно бить кулаком по прозрачной плите, под которой спал тот, спокойный, безразличный ко всему... Боль в руке подействовала отрезвляюще. Он, снова терзаемый отчаянием, страхом, сомнениями, пошел в рубку. Робот по-прежнему стоял посредине комнаты.

— Могу почистить одежду, обувь...

Он захлопнул дверь. Быстро осмотрел ящики столов, шкафы, полки, ища техническую инструкцию для персонала. Вскоре понял, что не найдет ее в рубке. Разве что она находилась в одной из библиотек, среди тысяч справочников по космонавтике; она могла храниться где-нибудь и в виде микрофильма; наконец, подходящим местом для ее хранения мог быть электронный мозг корабля. Но даже если б он и нашел инструкцию, вряд ли удалось бы в ней досконально разобраться. Во всяком случае, абсолютной уверенности в том, что разобрался, он никогда не смог бы обрести. А это означало, что неправильное манипулирование каким-либо из регуляторов могло бы погубить тех, спящих. Нет, недопустим был даже самомалейший риск.

Он сел в кресло и попробовал собраться с мыслями. Понемногу он успокоился: все это не имело смысла. Он мог прожить еще сорок или, может быть, пятьдесят лет, не больше. До их пробуждения все равно будет далеко. Коридоры, залы, комнаты всегда будут оставаться пустыми... Он сомневался, есть ли на борту автоматы для производства пищевых продуктов; скорее всего на складе лежали припасы, рассчитанные на два-три года работы среди звезд. Может иметься еще и резерв — ну, скажем, на год. Их двенадцать человек.

«Выходит, я съем все. Попросту за эти сорок-пятьдесят лет съем, сожру все, — подумал он. — Как крыса, как самая обычная крыса... И так уж живу только за счет смерти тех, которые остались за стеной».

Встал. Взял с полки несколько книг и закрыл за собой дверь.

— Могу почистить одежду, обувь... — по-прежнему предлагал робот.

Он обошел автомат далеко стороной и двинулся по длинному коридору к шлюзу — туда, где оставил свой скафандр и где у причала ожидала его ракета...

Перевел с польского В. МЕЩЕРЯКОВ

ВИТОЛЬД ЗЕГАЛЬСКИЙ,
польский писатель

ПАТРУЛЬНАЯ СЛУЖБА

Фантастический рассказ

Последние дни время дежурства в рубке тянулось томительно медленно. Так бывает всякий раз, когда приближается момент разворота корабля к Земле. Просторные помещения вдруг становятся тесными, и только усилием воли заставляешь себя смотреть на экраны локаторов, усеянные расположенными по курсу космолета звездами. Это продолжается до тех пор, пока корабль не оказывается на траверсе последнего космического зонда или сигнального буя. Рукояти управления и мнемосхемы снова становятся нормальными атрибутами жизни пилота, оживляются разговоры в столовой, и даже расчет курса доставляет удовольствие...

На экранах рубки космолета — звездная пыль. Где-то в пространстве находится космический зонд, последний безлюдный пост человеческой цивилизации, следящий за этим отдаленным уголком неба. Каждые десять минут монотонно звучит его бесстрастный голос: «Безопасный сектор, безопасный сектор...»

Однако звуковые сигналы были лишь частью рабочей информации из космоса, и Берт каждые несколько минут поглядывал на экраны бортовых локаторов.

Светлое пятно на головном экране — это зонд, к которому мчит ракета. Он точно такой же, как и во всех других секторах. Все они набиты экспонированными фотопластинками и пленками в специальных кассетах, защищенных от радиации. В прежние времена, когда Берт был новичком в патрульной службе, эти громадины, висящие в космосе, создавали у него впечатление собственной ничтожности, потерянности среди миллиардов звезд. Берт усмехнулся своим воспоминаниям, проверил датчики атомного реактора и соединился с астролабораторией. В видеофоне показалось лицо Кротана.

— Ты уже просмотрел материалы из кассет зонда СК-85?

Кротан кивнул.

— Ничего интересного, Берт. На Земле, правда, что-нибудь выудят, но материал скорее серенький. Хотя кое-что есть. Несколько недель назад в окрестностях зонда прошел разреженный рой пылевых метеоритов. Но фотопластинках видны следы — слабые, впрочем. Вероятнее всего, рой переместился вдоль границ секторов 128 и 129 и пересек трассу Плутон — Юпитер.

— А это не головной рой? — спросил Берт.

— Так уж сразу и головной! — скривил губы Кротан. — Из тысяч зарегистрированных метеоритных потоков только некоторые имели упреждающее пылевое облако. Фотопластинки я уже отправил в хранилище. А что нового у тебя?

— Безопасный сектор, — ответил Берт, удерживая зевок. — Займись-ка приготовлением кассет. Заменим на зонде, что требуется, и с ходу покажем космосу корму. Жаль потерять хотя бы одну минуту, лучше провести ее на бульваре или в парке. Чем занимается Оркен?

— Он в выпускном шлюзе с кучей автоматов проверяет капсулу.

Берт кивнул, выключил видеофон и посмотрел на экран локатора. Светящееся пятно теперь уже расположилось посредине шкалы; расстояние было по-прежнему огромным. Пройдет еще много часов, прежде чем можно будет начать торможение. И опять-таки пройдет немало времени до того, как космолет потеряет скорость и из его выпускного шлюза помчится к зонду небольшая ракета с батареями, кассетами и научной аппаратурой. В самом лучшем случае сутки уйдут на проверку всех систем зонда и на их консервацию. Только потом можно будет направить космолет к Земле и в течение долгих недель следить, как ее искорка постепенно вырастает в ярко светящийся диск.

Минуту тишины, наполнившей рубку, прервал сигнал информатора. Берт нажал кнопку приема и наклонился над пультом. Через экран проплыл знак телевизионного сообщения из центра связи на Ганимеде, после чего показалось лицо диспетчера. Берту не был знаком этот человек — люди в районе Юпитера сменялись каждые полгода, — но, судя по трем нашивкам на рукаве, это была важная персона. Появление диспетчера на экране предвещало что-то серьезное.

— Патрулю «Прометей». Вдоль границы секторов 128, 129 перемещается густой поток метеоритов, в который попала грузовая ракета РТ-135, летящая к Земле. На борту два человека. Повреждения: авария навигационной системы и, возможно, атомного реактора. Ракета дрейфует в потоке и в случае, если ей не будет оказана помощь, может уйти за пределы Солнечной системы. Предлагаю космолету «Прометей» изменить курс и ознакомиться с обстановкой. В зависимости от нее командиру корабля надлежит принять меры, предусмотренные инструкцией об оказании помощи терпящим бедствие. Сообщаю координаты потока и находящейся в нем грузовой ракеты...

Берту показалось, что тихий шелест информации в анализаторе превращается в грохот, стекающий к нему со стен, потолка, отовсюду. На навигационном экране засветилась трехмерная карта; по ней, на фоне далеких звезд, поползли светлые стрелки векторов, стали зажигаться цифры и условные знаки. Наклонившись, Берт рассматривал картину отдаленного района неба, пронизываемого потоком метеоритов, одним из тех роев неизвестного происхождения, которые доставляют столько неприятностей пилотам космических кораблей. На карте метеоритный рой был обозначен светлой полоской; внутри ее блестела красная точка, приблизительно обозначающая положение попавшей в беду ракеты. Зеленая, изогнутая в концевой части линия, идущая из левого угла карты, показывала кратчайший путь к району катастрофы, рассчитанный для «Прометея» компьютером.

Берт подтвердил прием и нажал на кнопку внутреннего оповещения.

— Экипаж, внимание! Говорит командир корабля. Немедленно приготовиться к изменению ускорения. Выходим из сектора экстренным курсом. Даю четыре минуты на выполнение необходимых действий. После изменения курса — совещание в рубке. Включаю счетчик времени. Конец сообщения.

Он вновь наклонился над пультом. Его пальцы побежали по рядам кнопок и клавишей, вызывая пульсацию светящихся точек на индикаторных панелях, резкие колебания стрелок, пляску изогнутых линий на экранах осциллографов. Затем, окончив программирование, Берт сел в кресло и прислонился к пневматической подушке. Под потолком голос автомата монотонно отсчитывал секунды; в космолете постепенно нарастал всепроникающий вой сирены. Берт чувствовал, как его тело тяжелеет, будто наливается свинцом.

Ортен в который раз наклонился над передатчиком.

— РТ-135, РТ-135, вы нас слышите? Говорит «Прометей». Где вы находитесь, где вы находитесь? Сообщите ваши координаты. Перехожу на прием.

Но обзорный экран по-прежнему был подернут светлой дымкой. Только в правом углу перемещались искры метеоритов, которые широкой, в несколько тысяч километров рекой лились через просторы космоса. Где-то посреди них находилась ракета с двумя астронавтами на борту, запертыми в бронированной коробке кабины и вслушивающимися в глубочайшую тишину космоса, которая в любую минуту могла превратиться для них в грохот разрывающихся плит и конструкций.

Берту резало глаза: он протер их и как бы украдкой бросил взгляд в сторону Кротана и Ортена. До сих пор он не думал о них как о людях, находящихся в его подчинении. Те полеты, которые уже совершались, проходили гладко, и, собственно говоря, ни разу не возникала ситуация, при которой необходимо было бы командовать людьми и одновременно брать на себя всю ответственность за отдаваемые распоряжения. Конечно, ему постоянно приходилось принимать те или иные решения, но они были банальными, связанными со сложным ритуалом управления ракетой, ее стартом и пребыванием на трассе полета, и не имели характера приказов. Здесь, у края метеоритного потока, прежние отношения между ним и подчиненными должны были стать иными.

При ярком освещении в рубке лица астронавтов казались серыми, усталость углубила морщины, заострила черты лица, придала им аскетическую суровость. Полет в этой зоне грозил каждую минуту катастрофой. Уже дважды пушка аннигилятора стреляла по приближающимся метеоритам, превращая их в световые облака. Ощущение опасности нарастало в Берте с каждой минутой. Те двое в потерпевшем аварию корабле находились в лучшем положении. Берт был убежден, что они в максималь-

ной мере сравняли скорость своего корабля со скоростью потока и теперь несутся вместе с ним в надежде, что рано или поздно им будет оказана помощь.

— РТ-135, РТ-135! Где вы находитесь? Сообщите ваши координаты, — взывал в микрофон Ортан. — Говорит «Прометей», говорит...

— Уже сорок восемь часов их вызываем, — сказал Берт, — и делаем вид, что надеемся на ответ. С этим пора кончать. Я прекращаю патрулирование полосы. Мы прозондировали весь поток. Значит, следует либо прекратить спасательную акцию, поскольку мы уже сделали все, что от нас требовалось инструкцией, либо углубиться в поток и там искать их. Мы могли бы в этом случае использовать детектор инфракрасного излучения и локализатор источников электрического поля.

— Обращаю ваше внимание на положение с горючим и двигателями, — Ортен говорил медленно, с трудом подбирая фразы. — Мы прошли длинную трассу. Было много ускорений и торможений. Патрулирование вдоль метеоритного потока исчерпало наши и без того небольшие резервы. Двигатели и охлаждающие агрегаты находятся на пределе своих технических возможностей.

— Все-таки у нас еще есть резервы горючего, — вмешался Берт. — А что касается износа оборудования, то предусмотрен пятипроцентный аварийный запас прочности.

— Я знаю об этом не хуже тебя. Но доложить о техническом состоянии ракеты — моя обязанность.

— А моя обязанность — обсудить с экипажем всю проблему, — ответил со злостью Берт. — В конце концов, дело не только в обязанности, вытекающей из закона об оказании помощи терпящим бедствие. Мы выполнили все предписания, и официально никто ни в чем не смог бы нас упрекнуть. Если бы, однако, мне пришлось принять решение о прекращении поисков, я сделал бы это не иначе как в уверенности — и моей и вашей, — что было предпринято все от нас зависящее для спасения астронавтов. Но такой уверенности у меня нет. Вы помните катастрофу «Памира»? Экипаж «Кометы» тоже никто ни в чем не мог упрекнуть, но когда кто-нибудь из них появлялся на космодроме или в клубе, то все замолкали.

— Поток очень густ, — заметил Кротан. — Измерения показывают, что среднее расстояние между метеоритами не более тысячи километров. Кроме того, у них разная скорость, и, что совсем уж скверно, я обнаружил еще и вихревые движения. Войти внутрь потока — значит подвергнуть себя опасности, степень которой трудно переоценить. Но, конечно, при этом увеличивается результативность поисков...

— Что именно ты предлагаешь?

— Войти в поток. Шансы обнаружения ракеты — минимальные, но ими нельзя пренебрегать. Кроме того, поток интересен в научном отношении.

— А как ты полагаешь, Ортен?

— Поступай, как знаешь. Состояние корабля тебе известно. Могу только заверить, что оборудование, машины и двигательная система будут функционировать нормально — в пределах их технических возможностей, разумеется.

Берт подошел к компьютеру. Не спеша произвел некоторые переключения на пульте, через минуту из щели анализатора появилась лента с результатами. Командир внимательно всмотрелся в нее.

— Расчеты показывают, — сказал он, — что мы можем маневрировать в потоке не более сорока часов. По истечении этого времени теоретическая длительность нашего возвращения на Землю начнет увеличиваться. Ближайшие околопланетные базы окажутся слишком в стороне и не смогут прийти к нам на помощь.

В десять часов бортового времени «Прометей» вошел в метеоритную зону.

В рубке внешне все осталось без изменений. На экранах попрежнему виднелись светящиеся точки, но астронавты теперь знали, что страшная опасность приблизилась к кораблю, поджидает здесь, за бортом. Датчики сигнализировали о большом числе микрометеоритов: их дождь неустанно сек плиты обшивки. Длительное пребывание в этих условиях могло привести обшивку корабля к состоянию, называемому на жаргоне астронавтов «космической оспой», что при резких изменениях ускорения влекло за собой появление трещин, глубоко захватывающих структуру металла. Берт, глядя на счетчик ударов микрометеоритов, думал о тех словно вспоротых, развороченных космолетах, которые удавалось иногда обнаруживать через много лет после катастрофы.

— Надо расчистить аннигилятором окрестность, — услышал он за спиной голос Ортена.

Берт не повернул головы: инженер имел обыкновение появляться в рубке в самые неподходящие моменты и давать советы сомнительной ценности.

— Не могу, — ответил Берт, стараясь скрыть раздражение. — Я обязан экономить энергию аннигилятора. Если растрачу ее, то может не хватить зарядов, когда возникнет прямая опасность.

— Если ты этого не сделаешь, «Прометей» после возвращения на Землю пойдет на слом, — буркнул Ортен.

— Не я, черт возьми, придумал этот поток! — Берт с трудом подавил желание выставить Ортена из рубки. — Ты попросту не веришь, что мы найдем их!

— А ты веришь?

— Да. Я должен быть убежденным в том, что наши действия имеют смысл. Что будет с «Прометеем» после возвращения, меня мало волнует. Сделаю все, чтобы он возвратился. В этом-то вся штука — возвратиться и притом вместе с теми двумя... Если же я уничтожу этот космический мусор, то сразу же отпадет возможность поиска в инфракрасном диапазоне. Все метеориты покрупнее станут давать собственное излучение.

Слабый, едва заметный толчок сотряс корпус «Прометея», затем последовал второй, посильнее, третий... Ощутимые удары следовали один за другим, завыла сирена. Берт бросился к пульту, на котором загорелся сигнал включения автопилота, но в этот момент чудовищная сила швырнула его о стену кабины, прежде чем он успел ухватиться за подлокотник кресла. Сползая по упругой обшивке стены, Берт видел, как Ортен катится к открытому стеллажу со звездными атласами, отчаянно пытаясь уцепиться за пластиковые плитки пола, как голова инженера ударяется об угол, как мякнет тело и, распластанное, прижимается к рядам толстых томов.

Берт упал на колени, инстинктивно норовя поскорее забиться в скругленный угол рубки, подальше от выступов. Сквозь туман, застилающий глаза, он различал безумный танец контрольных сигналов на табло автома-

тического управления. Бешено вибрировали стены рубки, молнии пробегали через экраны, а навигационные устройства отбрасывали кошмарные пляшущие тени. На видеоэкранах вздувались изображения огненных шаров-солнц, покрытых пламенными космами, чтобы тут же рассыпаться каскадами света, превратиться в полотнища пульсирующих яркими бликами, фантастично разодранных фиолетовых облаков. Это аннигилятор «Прометея» уничтожал мчащуюся на него лавину метеоритов. Грохот наполнял внутренние помещения ракеты, несущийся со всех сторон оглушительный дребезг смешался со стоном сирены, послышался гул и треск лопающихся перегородок. Медленно погас свет.

Мрак царил не более секунды. Под потолком будто разлилось зарево — это компьютер включил аварийную сеть электропитания. Еще с минуту ракета вздрагивала от ударов; затем пол перестал вибрировать и воцарилась тишина.

Берт поднялся на ноги. В ушах стоял звон, перед глазами словно падали черные хлопья, во рту ощущалась горечь. Держась за стену, он медленно подошел к Ортену. Инженер, скорчившись, лежал на боку; его лица, заслоненного в последний момент рукой, не было видно. Берт присел на корточки, с трудом расстегнул скафандр Ортена, разорвал куртку и приложил ухо к груди. Сердце билось. Берт осторожно начал ощупывать голову инженера. Под пальцами он почувствовал небольшую вмятину, идущую наискось под уже набухающей кожей к затылку. Ортен застонал, по его телу пробежала дрожь.

Берт неверными шагами подошел к пульту и упал в кресло. Некоторое время он не мог собраться с мыслями. Все, что он делал с момента, когда его швырнуло о стену, как бы не зависело от его воли; он действовал, как запрограммированный автомат. Теперь раздвоение мыслей и чувств постепенно исчезало; он снова начинал воспринимать показания немногих не вышедших из строя счетчиков, осознавать значения светящихся цифр. «Прометей» шел курсом, который соответствовал направлению движения метеоритного потока: навигационный автомат выправил кривизну траектории полета и уравнял скорость космолета со скоростью мчащихся в космос глыб и пылевидных частиц. Над сектором, контролирующим третий отсек космолета, пульсировал красный сигнал аварии, показывающий место повреждения. В той части корабля находились жилые помещения. Берт включил видеофон и соединился с астролабораторией. Кротан, вытирая платком кровь с лица, поднял голову на звук видеофона и вопросительно поглядел.

— Открываю дверь твоего шлюза, — сказал Берт. — Прошу прийти немедленно. Ортен ранен, нужно как можно быстрее перенести его в изолятор.

— Он в сознании?

— Нет.

Астроном наморщил лоб.

Когда в рубку вошел Кротан, Берт прервал наблюдение, и они вместе подошли к инженеру. Тело Ортена словно налилось свинцом. Астронавты осторожно перенесли его в изолятор. Когда

Рисунки Н. ГРИШИНА

задвинулся прозрачный колпак автомеда и голова инженера оказалась в окружении упругих щупов инструментов, Берт включил диагностат. Они смотрели на сменяющие друг друга на экране светлые линии и на стрелку, поднимающуюся к верхнему краю шкалы. Стрелка остановилась на цифре пять — это означало, что состояние Ортена было тяжелым и требовалось срочное хирургическое вмешательство. Сработала система выбора программ; температура под колпаком начала понижаться, послышалось шипение впускаемого кислорода. Автомед перенял на себя работу сердца, по трубкам потекла красная жидкость — в ритм неторопливым движениям поршней насосной системы. Началась операция.

Астронавты перешли в рубку. Берт стал проверять напряжение в распределительной сети. Однако мысли его упорно возвращались к изолятору и Ортену, неподвижно лежащему под пластмассовым колпаком.

Затем Берт постарался сконцентрировать внимание на действиях роботов; их номера быстро перемещались на мнемосхеме помещений корабля, все ближе продвигаясь к месту, где находилась пробоина. Потом зажегся наконец яркий свет в рубке, и погасли аварийные лампы. Из-за щитов и пульта послышалось гудение трансформаторов, экраны приобрели нормальный уровень освещенности, возобновилось функционирование всех секций контроля, от которых поочередно поступали теперь подтверждения исправности систем.

Берт почувствовал, что его оставляют остатки энергии, исчезает воля к деятельности; выполнение самого малейшего движения казалось ему теперь чем-то невероятно трудным, невозможным. Кротан тоже полулежал в кресле, тупо глядя в иллюминатор. Берт проглотил подкрепляющую таблетку и закрыл глаза.

— Берт, очнись! Тебе плохо?

Кротан бесцеремонно встряхнул его. Берт неохотно открыл глаза.

— Чувствую себя и в самом деле отвратительно. Кружится голова, — пробормотал он. — Что случилось?

На черной панели детектора инфракрасных лучей светилась неподвижная черточка.

— Это они! — сказал Кротан.

Берт кивнул и перенес взгляд на индикатор горючего. Стрелка главного прибора находилась на красной резервной зоне, почти у самого ее края.

— Такие вот дела, — проворчал Берт. — Аннигилятор и автопилот спасли нам жизнь, но трех четвертей запасов горючего как не бывало. Теперь мы не можем позволить себе расходование ни одного грамма на непредвиденные операции, иначе нам никогда не видать Земли.

— Хочешь поворачивать назад?

— Не нервничай, Кротан. Я этого не говорил. Вышлем к ракете капсулу с универсальным роботом.

— В капсуле полечу я, — предложил астроном.

— Нет, я не могу ослаблять экипаж, — ответил Берт и тут же сообразил, что слово «экипаж» должно звучать по меньшей мере смешно в их положении. Однако лицо астронома продолжало оставаться серьезным.

— Ты не хочешь меня послать, боясь ответственности, если со мной что случится. Предпочитаешь, чтобы полетел автомат. Ты всегда чересчур надеялся на автоматы, но есть ситуации, когда решения способен принимать только человек. Там может оказаться горючее — и как знать? — потребуется добраться до баков. Хотелось бы, кроме того, забрать собранные ими материалы, документацию, относящуюся к встрече с потоком... Я полечу в качестве добровольца, чтобы избавить тебя от угрызений совести.

— Не полетишь. В сообщении говорилось о повреждении двигателей. Если произошла утечка горючего, то войти за защитный экран сможет только робот.

— Ты все еще находишься под действием нервного шока, тебя парализует страх перед пустым пространством, ты не хотел бы больше ничем рисковать, хотя, в сущности, поставил на карту все — нас, себя, «Прометей»! Только горючее с грузовой ракеты может обеспечить нам возвращение.

Жестом руки Берт отмел доводы астронома, так как понял, что начинается бесплодный спор, а на ненужные разговоры у него не было ни времени, ни сил. Он отдаст даже год или два, на которые удлинится полет к Земле, только бы доставить Ортена на космодром и вырвать тех двух, потерпевших аварию, из космической пустоты.

— Не полетишь, Кротан, это мое решение. Ты нужен здесь. Иди в астролабораторию и приготовь подробную карту потока и расположения метеоритов на трассе нашего последующего полета к Земле. Впрочем, разработаешь три варианта трассы для «Прометея». Контакт со мной будешь поддерживать только по видеофону. Можешь идти.

Когда закрылась дверь, Берт включил систему внутреннего наблюдения. Астроном остановился у коридорного разветвления и размышлял некоторое время, глядя в глубь туннеля, ведущего к шлюзу. Потом неохотно поднялся по лестнице в астролабораторию. Берт подождал, пока Кротан войдет в помещение, и нажал на кнопку. Стальная плита перекрыла туннель и тем самым отсекла Кротана от остальных помещений корабля.

Берт вызвал склад и приказал универсальному роботу явиться к шлюзу выпуска капсулы. Потом он вышел из рубки, на минуту зашел в изолятор. Неподвижный Ортен лежал под колпаком автомеда, по трубкам перемещались разноцветные жидкости, неустанно работали насосы. Берт взял из шкафа две капсулы с усыпляющим газом, сунул их в карман, закрыл за собой дверь и направился к шлюзу. Из-за стен слышалось гудение автоматов, все еще занятых заделкой пробоины в обшивке, несся в глубь корабля перестук пневматических молотков и треск сварки.

В шлюзе, около капсулы, лежащей на пусковой дорожке, уже поджидал робот. Берт осмотрел его шаровидный корпус и многочленные конечности, заглянул внутрь, туда, где в сложенном состоянии находились захваты, а также два набора инструментов: один был предназначен для резания и сварки стальных плит, другой — для выполнения работ, требующих особо высокой аккуратности и точности. Робот был исправен, надлежало лишь его запрограммировать. Берт наклонился над главной панелью автомата, вывинтил предохранитель, не позволяющий машине коснуться человека, и переставил рычажки кодовой системы. Ампулы с усыпляющим газом он поместил в пневматической трубке, соединил ее с захватом и захлопнул панель.

— В кабину! — приказал он.

Робот, покачиваясь, вкатился в капсулу. Бесшумно закрылась дверь; поршень вытолкнул капсулу наружу через раструб пусковой установки.

— Не понимаете?! — кричал Берт в микрофон. — Это обычный универ, автомат, который я направил к вам. С вами говорит человек.

На экране в слабом блеске аварийных лампочек Берт видел исхудавшие, заросшие щетиной лица двух астронавтов; пот стекал по их щекам тонкими струйками. На полу и на пультах валялись пустые консервные банки, мотки проволоки и прочий мусор.

— Говорит Берт Паал с борта патрульной ракеты «Прометей». Эвакуируем вас на наш корабль, находящийся на расстоянии...

— Лжешь, — сказал вдруг один астронавт, — мы летим уже второй месяц, и, значит, ты,

твой голос и автомат — только галлюцинация.

Он наклонился к пульту и постучал пальцем по циферблату хронометра.

— Снова начинается приступ этой проклятой болезни, — буркнул он. — Видения, призраки... чувствую, как все во мне кипит. Слушай-ка, Манас, не сыграть ли нам партию в шахматы? Это всегда помогало.

— Почему не сыграть? В конце концов, нам не остается ничего другого.

— Сейчас расставлю фигуры. Гм, ты тоже видишь и слышишь этого робота?

— Я даже и не гляжу туда. Советую тебе сосредоточиться на чем-то другом.

— А если там все-таки что-то есть?

— Не впадай в детство. Там не может быть ни человека, ни робота. Если бы ты сказал, что видишь жирафа или кита, это больше походило бы на правду. Лучше всего не обращать внимания на это что-то, сейчас все исчезнет, улетучится...

На своем экране Берт разглядел пульт управления грузовой ракеты, датчики и часы, обставленные жестяными банками. Он вгляделся в циферблат хронометра — цифры месяцев и дней на среднем счетчике существенно отличались от показаний часов на его собственном пульте. Те двое были убеждены, что их полет длится около двух месяцев. Они уже приспособили ритм сна и бодрствования к цифрам, слишком быстро сменяющимся на неисправном приборе времени, и не могли уже поверить в какую-либо помощь с Земли. Дальше переубеждать их было бесполезно — они склонились над шахматной доской, передвигая фигуры. Берт отдал приказание универу. Из корпуса автомата брызнула узкая струйка сжиженного газа, который при соприкосновении с воздухом кабины превратился в небольшое облачко. Движения пилотов замедлились, их веки отяжелели, шахматные фигуры выпали из рук; оба застыли в креслах.

— Перенеси их в капсулу и возвращайся на базу, — приказал Берт.

Унивep выдвинул захваты, положил на них неподвижные тела пилотов и заковылял к двери. Берт выключил радиостанцию. Им овладело желание закрыть глаза, привалиться к мягким подушкам кресла и уснуть. Он принял подкрепляющую таблетку. Через несколько минут он смог уже усесться перед компьютером и приступить к программированию возвращения. Результат оказался неутешительным. На расчетное тяговое усилие ракеты горючего было явно недостаточно. Берт на короткое время прервал работу, чтобы встретить возвращающуюся капсулу. Измерения уровня радиоактивности подтвердили его предположения — индикаторы засияли рубиновым светом, а в счетчике Гейгера послышались быстрые пощелкивания. Поверхность капсулы была загрязнена горючим, вытекающим из разбитых баков грузовой ракеты. Берт пришвартовал капсулу к «Прометею» и впустил робота через шлюз. Двух погруженных в сон людей универ внес в каюту, находящуюся рядом с автомедом.

Берт снова начал рассчитывать курс. На этот раз он подошел к проблеме по-иному — исходными данными для расчета был запас продуктов питания и остаток срока службы регенераторов воздуха. В результате он получит значение минимальной тяги, при которой можно было добраться в зону марсианского космодрома ранее, чем перестанут функционировать регенераторы воздуха...

Наконец из анализатора появилась перфокарта. Берт взглянул на полученный результат. Разность достигала двадцати процентов от количества горючего, имеющегося на борту. Чтобы обеспечить необходимое дополнительное ускорение, надлежало перед выполнением маневра разворота уменьшить массу «Прометея».

Он отключил аннигилятор, отозвал все автоматы и приказал им очистить все запасники «Прометея», а затем спокойно смотрел, как в выпускном шлюзе исчезают вагонетки, полные ящиков с экспонированными фотопластинками и пленками, на которых хранилась информация, зарегистрированная сотнями специальных устройств на автоматических станциях. Через открытые люки роботы извлекали тонны запасных частей для машин и космических зондов, аварийное оборудование, бухты кабелей, порожние, со свинцовыми стенками баки из-под горючего... Поршень пускового устройства выталкивал все это наружу, в космическую пустоту. Затем автоматы начали демонтаж внутреннего оборудования ракеты. Плазменные горелки резали стальные переборки, стенки шлюзов, броню внутренней обшивки. Главный коридор «Прометея» дрожал под тяжестью подтаскиваемых к шлюзу еще дымящихся от жара металлических плит, гулкое эхо неслось через вентиляционные проемы, наполняя космолет оглушительной какофонией. Затем наступил наиболее неприятный момент для Берта — он вынужден был поступиться большинством автоматов. Подумав, он оставил на борту только унивеpa, а остальным приказал войти в кабину капсулы, запер за ними дверь шлюза и потянул за пусковой рычаг. Ракета отделилась от «Прометея» и безвозвратно ушла в космос. Берт остановился у входа в жилые помещения и еще раз оглянулся. Его взгляду предстал огромный опустошенный зал, ранее вмещавший все разнообразнейшее бортовое оборудование технического обеспечения; в конце зала, за матовой стенкой-экраном находились только атомный реактор и двигательные устройства. Берт медленно закрыл за собой дверь. В рубке настырно звучал сигнал видеофона. Командир соединился с астролабораторией. На экране появилось испуганное лицо Кротана.

— Ты уже составил карту?

— Что ты делаешь, Берт?! Ты сошел с ума!

— Я уменьшил массу корабля.

— А исследовательские материалы?

— Выкинул все. Что с картой? Надеюсь, на нее можно положиться?

— Но там была почти вся документация о метеоритном потоке...

— Весьма сожалею, но я должен был уменьшить массу. Должен — понимаешь?! Теперь передай карту на экран и проверь окрестность корабля. Начинаю маневр.

Берт выключил видеофон и усмехнулся. Он знал, что через несколько минут выберется из метеоритного потока и затем передвинет рычаг на полную тягу. А потом, когда выгорят остатки горючего, наступит длинная череда томительных дней. Но с каждым часом он будет все ближе и ближе к тем местам, где космические зонды сигналят бесстрастно, неустанно: «Безопасный сектор, безопасный сектор, безопасный сектор...»

Сокращенный перевод с польского В. МЕЩЕРЯКОВА

ЭДУАРДО ГОЛИГОРСКИ,
аргентинский писатель

ОН РЕШИЛ ВЕРНУТЬСЯ

Фантастический рассказ

— И наше блистательное отечество, украсившись цветами и флагами, готовится встретить сегодня одного из самых бесстрашных своих сыновей, покрывшего себя неувядаемой славой в походах на край Вселенной. Коммодор Маурисио Аррингтон Бустаманте, тот, кому выпала честь стать первым и пока единственным аргентинцем в экипаже Межпланетного флота Земли, возвращается к нам, домой.

Свой долг он выполнил с той же доблестью, какая отличала его благородных предков. Представитель рода, прославившего себя героическим служением Аргентине на поле битвы, коммодор Маурисио Аррингтон Бустаманте проявил, отвоевывая у неба его тайны, ту же отвагу, с какой легендарный предок его, Кентавр Независимости капитан Гильермо Аррингтон, повел аргентинскую кавалерию в атаку в битве при Пачинче; ту же стойкость пионера, с которой другой выдающийся его предок, полковник Люсиано Бустаманте, отражал набеги индейцев на нашу границу у Олаваррии...

У его ног, в берегах из кристаллов гранатового цвета, скользила река. Желтый песок дна и медленность течения придавали воде такое сходство с медом, что хотелось попробовать ее на вкус. Огромный шар зеленого пламени опускался за ониксовый хребет, высекая из далеких полупрозрачных вершин ослепительно яркие искры, и тень соседнего леса становилась все длиннее, уже подползала к его ногам. Внезапно там, где лишь мгновение назад был чистейший красный небосвод, заклубились два белых облака, и повторилось то, что вызвало у него такой восторг в это же время дня накануне: между облаками и лесом косым светящимся пунктиром протянулся мелкий дождь электрически заряженных частиц, и в черной кожистой листве гигантских деревьев послышались частые щелчки. К этому звуку присоединился другой — хлопанье сотен крыльев: это поднялась, расправляя свои радужные перепонки, такие большие и тонкие, проснувшаяся от треска стая давраков...

Жара никак не спадет. Кондиционер рычит, фыркает, мурлычет, но все впустую — мне не хватает воздуха. Из окна восьмидесятого этажа вижу огни Буэнос-Айреса. До чего же он однообразен и безрадостен! И подумать только, кто-то убежден, что этот город — чудо Вселенной!..

— ...отвагу и предприимчивость — качества, прочно связанные для нас с именем Аррингтонов и Бустаманте, тех, кто, едва закончилась эпопея освобождения и завершились оборонительные операции против индейцев, посвятил себя благородному делу развития земледелия и животноводства Аргентины. Свидетельство этому — большие образцовые хозяйства, осененные фамильным гербом Аррингтонов-Бустаманте, очагами процветания и прогресса рассыпавшиеся по югу нашей страны. Надо ли удивляться после этого, что коммодор Маурисио Аррингтон Бустаманте, роду которого страна обязана расширением ее границ, взял с собою в бесконечность небес миссионерский дух своих предков? Ареной его подвигов стали девственные дали космоса, и в них...

..Когда зеленое солнце скрылось за хребтом и непрозрачное основание гор преградило путь его лучам, на какой-то миг стало темно, но почти сразу из противоположной солнцу точки горизонта поднялось пять лун, располагавшихся (это казалось невероятным) по вертикали одна над другой в строгой последовательности — от самой большой наверху вниз, к самой маленькой. В их бледном зеленоватом сиянии — отраженном свете закатившегося солнца — все вокруг преобразилось, словно по волшебству. Электрические разряды оборвались, и давраки вернулись на деревья, снова наполнив лес шорохами и шелестом. Из чащи слышалось что-то похожее на мелодичные трели.

— Это Гликс, — сказал его провожатый, вытягивая по направлению к реке свой длинный растущий на груди зрительный хоботок. — Он начинается за Горами Заката, в лугах, где растут сладкие плоды. Воды его впадают в море, на берегу которого стоит Схаман, наш город.

Схаман... Отсюда, с холма, он разглядел наконец в холодном свете пяти лун приземистые здания из горного оникса со странными террасами разных очертаний и видов, здания, связанные между собой лабиринтом узких застекленных переходов. На каждом из четырех углов огромного квадратного города высится обсидиановая пирамида, и под каждой из пирамид скрываются подземные ходы. А еще дальше, по ту сторону города, — зеркальная гладь моря, протянувшаяся насколько хватает глаз...

...Скучно. Сегодня звонила Моника: зайдет вечером за мной, поедем с ней куда-нибудь поужинать и потанцевать. Когда напьется, захочет прийти сюда. Потом хорошо разыгранное раскаяние, охи и ахи: как же иначе, ведь к этому ее происхождение обязывает. Не Моника, так Патрисиа, Клаудиа или Сандра... Даже не помню их как следует, они все перемешались у меня в памяти. Моника, кажется, блондинка с зелеными глазами... да, именно; но чем она лучше тех, других? Шлюха, которой во что бы то ни стало надо занести мое имя в свой список знаменитостей. Потом расскажет завистливым подругам, где и какие у меня шрамы, чтобы исчезли всякие сомнения: да, в биографии великого человека нашлось место и для нее. Шлюхи самые обыкновенные, несмотря на их хваленое происхождение...

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— ...как в индивидуальных полетах, так и в составе международных экипажей он выделялся своим непревзойденным мужеством и находчивостью. Награды и отличия, которыми отмечен путь коммодора в безднах космоса, — это новые славные страницы в истории наших военно-воздушных сил. Сейчас, увенчанный лаврами, Маурисио Аррингтон Бустаманте возвращается к родным пенатам, в места, где прошло его детство, чтобы насладиться там заслуженным отдыхом. Однако это не означает, что коммодор собирается уйти от выполнения своих обязанностей гражданина: Маурисио Аррингтон Бустаманте заявил, что намерен отдать все свои силы развитию нашего сельского хозяйства и, как его славные предки, способствовать благополучию и процветанию Аргентины...

— ...Все это, пришелец, мы хотим сохранить для себя, — говорил провожатый, и зрительный хоботок у него на груди вытягивался то в одну сторону, то в другую. — Мы знаем, что остальные цивилизации Вселенной созданы существами, которые отнимают, разрушают и убивают. Поэтому мы решили закрыть наш мир для жителей других планет, и ты первый, кому удалось к нам проникнуть. Законы, по которым мы живем, не позволяют нам не отпустить тебя или убить. Мы можем только просить, чтобы ты никому о нас не рассказывал: ведь, если ты расскажешь, по твоим следам завтра же придут другие. Мы хотим, чтобы наша планета осталась такой же прекрасной и мирной, какой она была всегда, и, если ты согласен хранить обет молчания, мы вознаградим тебя самым дорогим из наших даров: возможностью вернуться к нам, когда ты только этого пожелаешь. Вернуться одному, без корабля, навсегда.

— Разве это возможно?

— У воды Гликса есть необыкновенное свойство. Еще давным-давно, когда мы только начинали исследовать космос, наши космонавты всегда брали с собой в полет фляжку с водой Гликса. Если они терпели крушение на другой планете или же какая-нибудь опасность их настигала в пути, достаточно было выпить глоток этой воды, и в один миг они оказывались на берегах Гликса. Правда, если ты это сделаешь, потом никогда не сможешь вернуться на свою планету...

...Поскорее бы в деревню, забыть обо всей этой грязи! Но ведь и в деревне я буду умирать от скуки и кончу тем, что затоскую по Монике. А это предложение Коко Ландивара... тут он, конечно, прав: с моими лаврами, званиями и прочим я стану хозяином всей нашей авиапромышленности. Кто откажет в лицензиях на импорт предприятию, во главе которого стоит национальный герой? Кто откажет в монополии на воздушные перевозки человеку, побывавшему по ту сторону звезд?..

— ...У того, кого мы имеем честь сегодня здесь принимать, среди многих других есть одно достоинство, о котором следует сказать особо. Ныне многие наши сограждане покидают свою страну, чтобы получить работу в иностранных научных лабораториях или на далеких космических станциях. Авантюризм и жажда наживы побуждают этих неблагодарных сыновей пренебречь неисчерпаемыми возможностями наших плодородных равнин, пренебречь и нашим обществом, гордым своею верностью традиционным устоям. Поэтому сейчас, на торжестве, где мы принимаем и чествуем коммодора Маурисио Аррингтона Бустаманте, пусть этот герой станет для нас тем, что он и есть на самом деле, — носителем наших высших духовных ценностей, и пусть останется он для будущих поколений примером бескорыстия, самоотречения и гражданственности! Я кончил.

...Он ответил не сразу: сперва окинул взглядом пейзаж, преображенный колдовским светом пяти лун... Лес дышал пьянящими ароматами таинственных смол. Трели, доносившиеся оттуда, звучали громче и трепетней. Внезапно новый электрический дождь пролился из облака на море Схамана.

— Согласен, — ответил он. — Я никому не скажу о том, что побывал на вашей планете.

И он протянул провожатому фляжку, чтобы тот наполнил ее водой Гликса.

...Да, Коко Ландивар умеет вести дела! Кто посмеет Коко Ландивара обвинить в авантюризме или жажде наживы? Впереди Коко, а за ним я с Моникой и лицензиями на импорт! Прощай, капитан Гильермо Аррингтон, Кентавр Независимости, прощай, полковник Люсиано Бустаманте, гроза индейских селений! До чего же мал Буэнос-Айрес, когда смотришь на него отсюда, с высоты! И как огромно небо... как огромно!

Из местной газеты:

«Вчера в 21 час 30 минут дама, чье имя мы не станем здесь оглашать, пришла навестить коммодора Маурисио Аррингтона Бустаманте, с которым она поддерживала дружеские отношения. Как, вероятно, помнят наши читатели, на днях знаменитого космонавта, уходившего в отставку и решившего посвятить себя работе по развитию нашего сельского хозяйства, торжественно чествовали в нашем городе. Согласно полученным нами сведениям вышеупомянутая дама, у которой с коммодором Аррингтоном Бустаманте было назначено свидание, после неоднократных звонков в дверь, на которые не последовало ответа, взволновалась до такой степени, что у нее начался нервный припадок. Полиция, прибывшая через несколько минут по вызову соседей, установила, что дверь в квартиру заперта изнутри. После повторных безрезультатных звонков офицер полиции распорядился взломать дверь. В апартаментах коммодора царил абсолютный порядок, только на полу его кабинета валялся тлеющий окурок сигары. Из этого, по-видимому, следует, что в момент, когда приглашенная дама подошла к двери, коммодор был еще дома, и, поскольку единственный выход из квартиры находился и до прибытия полиции под непрерывным наблюдением, исчезновение космонавта представляется совершенно необъяснимым. Еще одна странная деталь: на полу кабинета валялась фляжка, внутри которой обнаружено несколько капель воды...»

Перевел с испанского
РОСТИСЛАВ РЫБКИН

ВАЛЬДЕМАР БОЛДХИД,
польский писатель

ОПЕРАЦИЯ «ВАТЕРЛОО»

Фантастический рассказ

2531 год, 23 мая,
время: 10.00.
Кабинет генерального директора Британского института времяисчисления Гамильтона Смита.

Смит не смог скрыть волнения, когда незнакомец, позвонивший ему четверть часа назад, появился в дверях кабинета.

— Кто вы и что вам нужно?! — спросил он.

— Сейчас скажу... Но, может быть, сначала позволите мне присесть?

— Садитесь!

— Да-а-а... Вы не очень любезны, господин директор. Я был более снисходителен к вашим детям...

— К моим детям?! Они же сейчас на каникулах... в Коста Брава.

— Ваши сведения немного устарели. Ровно на сутки, господин директор. Дети находятся совсем в другом месте. И... будьте уверены, в надежных руках...

— Что!!! Что все это значит? Кто вы такой?! Я вызову полицию!..

Невысокий седовласый мужчина, сидящий по другую сторону письменного стола, усмехнулся и, как будто бы в шутку, заметил:

— Великолепный ход, чтобы избавиться от детей. Они привыкли к комфорту, и содержание их обходится в копеечку. Не хотел бы господин директор освободить себя от излишних расходов?

Наступила мертвая тишина. Незнакомец, с минуту выждав, снова заговорил:

— Я вижу, вы глубоко встревожены. Не следует слишком волноваться. Вы можете получить обратно своих щенят в целости и сохранности, если...

— Сколько же я должен вам? — прошептал охрипшим голосом Смит.

— Не сколько, а *что́*. Я не преступник, похищающий детей ради выкупа.

— Так кто же вы?

— Это поймете позже... Я мечтаю об идеальном решении одного исторического вопроса и надеюсь, что вы поможете мне в этом. А я позабочусь о возвращении господину директору его птенцов... Я хочу, чтобы меня перенесли в начало XIX века при помощи спиральной гравитации времени или других известных лишь вам способов. Как видите, господин директор, я кое-что знаю. Я знаю также, что секретные исследования, проводимые в области времяисчисления и перемещения живой материи в прошлое, успешно завершены. Мне известно даже, как выглядит изобретенная вами стартовая кабина... Так вот, поместите меня в эту кабину, а я сам определю место назначения и время взлета. Мне не хотелось, чтобы об этом еще кто-то знал.

Смит сорвался с кресла.

— Если вы так осведомлены, то должны же знать, что правительство запретило использование моего изобретения! Вскоре будет подписана Международная конвенция о категорическом запрещении экспериментов с молекулами ДНК и с...

— Это мне известно! — прервал его незнакомец. — Но вы, господин директор, нарушите этот запрет!

— А если я этого не сделаю?..

— Тогда ваши отпрыски будут удушены... Удушены. Вы поняли меня, господин директор?.. Итак, я приду послезавтра. Надеюсь, что к этому времени все будет готово. Или можете сообщить обо мне полиции, как вам будет угодно. Но только помните о своих детках... До свидания, господин Смит!

2531 год, 26 мая,
время: 6.20.
Стартовая площадка Британского института времяисчисления.

...Они встретились 26 мая в пять утра, когда в институте, кроме охраны, не было ни одной живой души. Точно в 6.20 седовласый мужчина занял место в стартовой кабине. Смит натянул на его голову шлем и закрепил ремни.

— Скоро я оставлю вас одного и закрою лаз. Тогда на таблице времени включите дату и час, в которые намерены перенестись. Справа от вас карта Европы. Направите луч цеона на избранный пункт и нажмете вот на эту кнопку. Спустя тридцать секунд можете установить ствол цеоноскопа в горизонтальное положение. И когда увидите красный сигнал на пульте управления, вы должны начать интенсивно думать о том человеке, в которого хотите перевоплотиться.

— А вы, господин директор, гарантируете, что я перенесусь в плоть этого человека?

— Да, но лишь только через тридцать часов, я уже говорил об этом... Ваша плоть, от которой вы освободитесь, будет помещена в надежном месте. Это я гарантирую.

— Заранее благодарен, господин директор... А теперь прошу выслушать меня. Информацию о том, где находятся ваши дети, я передам при помощи телепатии, но только после моего перевоплощения. Прошу вас, господин директор, настроить локатор телепатии на территорию, расположенную между Британией и Рейном, и запрограммировать его сигналом «Кондор». Я вызову этот сигнал и сообщу место, где находятся дети.

— А если вам не удастся вызвать сигнал. Что тогда? — спросил Смит, бледный и опустошенный бессонницей и страхом.

— Тогда это будет означать, что вам, господин директор, дьявольски не повезло. Но я думаю, что все будет в порядке. Локатор телепатии не должен подвести — ведь эта игрушка неоднократно проверена на практике. Надеюсь, что и ваш гравитатор времени проявит себя не хуже... И еще одно. Помните о здоровье ваших ангелочков. Заполучив своих детей, не вздумайте мстить мне и уничтожить мою плоть. Предупреждаю, господин директор, что у меня в институте есть доверенное лицо. И если вы отступитесь, этот человек сообщит об этом моим людям, а они знают, что тогда делать с вашими отпрысками. Поэтому не советую рисковать!.. А теперь прошу закрыть кабину, и приступим к делу!

2531 год, 26 мая,
время: 9.48.
Кабинет шефа Скотланд-Ярда Артура Литтлтона.

За низким столиком в стиле метаболик, типичном для второй половины XXII века, сидело четверо мужчин. Литтлтон, инспектор Эйворт, шеф британской контрразведки генерал Кормик и капитан Райт, его адъютант.

— Господин генерал, — обратился Литтлтон, — я получил личное указание премьера, чтобы передать это весьма ответственное дело вам. Нам известно, что этот тип имеет своего человека в институте Смита, а исследования там проводятся сверхсекретные. Поэтому это щекотливое дело имеет прямое отношение к контрразведке, мы же ограничимся лишь сотрудничеством.

Генерал Кормик, попыхивая трубкой, не торопясь проговорил:

— Ну что ж, пусть будет так... А что вам удалось сделать до этого времени, господин Литтлтон?

— Немало, господин генерал... Террорист выполнил свое обещание и передал при помощи теле-

патии сообщение о местонахождении детей. Мы нашли их и взяли под охрану. Остальное же личная заслуга директора Смита. Он сделал втайне от этого типа стереоскопический снимок. Копию снимка мы разослали во все страны мира. Вскоре пришло сообщение из Парижа, что имя этого «любителя приключений» Жан Персье, родился 2 февраля 2480 года в Вене, постоянно проживает в Бриене. Наши французские коллеги из Сюртэ обещали как можно скорее раздобыть более подробные сведения. Смит сообщил также, что Персье намерен перенестись в середину июня 1815 года и перевоплотиться в некоего Армана Рэбонне. Французы пока что не дали дефиниции — кто это? Наши историки также... Мои парни установили наблюдение за всеми сотрудниками института...

— Сомневаюсь, что это даст что-нибудь, — вмешался генерал. — Я подозреваю, что Персье не имеет там постоянного агента. Он просто подкупил кого-то, и тот выдал секрет изобретения Смита, а потом Персье начал блефовать, чтобы запугать директора. Следует признать, что Смит проявил себя отлично...

Пронзительный звонок прервал его на полуслове. Литтлтон нажал кнопку, и на экране видеофона показалось лицо дородного мужчины.

— Говорит инспектор Шевело из Сюртэ. Звоню по делу Персье. Мы допросили его родных, знакомых, любовницу. Все в полном неведении... Перерыли весь дом, ничего подозрительного не обнаружено. Однако же дали вы нам работу! Весь день только и занимаемся тем, что наводим порядок в этом проклятом особняке, развешиваем по своим местам собранные здесь реликвии — портреты императора, гербы, знамена!.. Черт их побери!.. До свидания. Сожалею, что пока ничем не можем вам помочь...

— Алло! Алло! Подождите! — крикнул генерал, наклонившись к микрофону. — О каких портретах вы говорите?

— О портретах Наполеона, — послышался глуховатый голос инспектора. — Их там около сорока и ворох всяких реликвий, связанных с памятью императора. Весь дом — настоящий музей или, вернее, святыня. Этот Персье — бонапартовский маньяк, так о нем отзываются все...

— Благодарю вас, коллега! — Генерал Кормик от удовольствия потер руки. — Вы нам очень помогли, даже не представляете, как помогли! До свидания!

Генерал выключил видеофон и повернулся в сторону капитана.

— Райт! Необходимо срочно установить, кто является самым большим знатоком наполеоновской эпохи, и немедленно доставить его сюда, где бы он ни находился, хотя бы на краю света! Вы поняли меня?!

Капитан Райт щелкнул каблуками и выбежал из кабинета, а генерал снова обратился к Литтлтону:

— Вы сказали, середина июня 1815 года? Так 18 июня мы выиграли битву при Ватерлоо!.. *Восемнадцатое* июня... Поражение Наполеона... А ведь Персье — фанатик, маньяк, запоздалый бонапартист. Уж не хочет ли он воспользоваться изобретением Смита, чтобы изменить исход битвы в пользу любимого им императора?

Воцарилась тишина, которую прервал инспектор Эйворт:

— Это нереально, господин генерал! Разве можно повернуть историю вспять? Историю не изменишь. И что бы ни предпринимал этот безумец, все равно всему миру известно, что мы выиграли эту битву.

Генерал Кормик покачал головой, давая понять, что он не согласен.

— К сожалению, вы многого не знаете, друг мой. Изобретение Смита подтвердило, что историей можно жонглировать. Именно поэтому решено запретить практическое применение изобретения Смита, ибо оно чудовищно! Если сей безумец добьется своего, то это поможет французам выиграть битву при Ватерлоо. Тогда автоматически нарушится ход истории и все... все изменится! В тот же момент все мы исчезнем из этого кабинета. Например, вы, господин инспектор, можете мгновенно оказаться в Африке в роли официанта какого-нибудь грязного бара. Ваше новое положение будет вполне соответствовать новому ходу исторических событий, а я...

С шумом открылись двери, и в них появился возбужденный капитан Райт.

— Разрешите доложить, господин генерал, ваше приказание выполнено. Профессор Селинджер из Оксфорда сообщил, что лучшим знатоком наполеоновской эпохи является некий Ежи Ботш... Боух... Боутшинский... Поляк. Я говорил с Варшавой, через несколько минут он прибудет к нам на ракетном такси.

— Отлично! — Генерал Кормик излучал удовольствие.

— Господа, с этой минуты мы начинаем операцию «Ватерлоо». Сейчас 11.15, Персье перенесется в 1815 год через сутки или самое большее через 30 часов. В нашем распоряжении остается не так уж много времени.

2531 год, 26 мая,
время: 11.42.
Кабинет шефа британской контрразведки генерала Кормика.

Прежде всего генерал Кормик ввел поляка в курс событий. Это заняло не более пяти минут. Потом он спросил:

— Профессор Боутшинский, что вам необходимо, чтобы расшифровать этого Рэбонне, в которого собирается перевоплотиться Персье?

— Списки французских офицеров, участников кампании 1815 года, — ответил профессор без долгих раздумий. — Обратитесь к французам, в парижском Национальном архиве они должны быть.

— Райт! — подал голос генерал. — Вы слышали?!

— Так точно, господин генерал, — выпалил капитан и скрылся в дверях кабинета.

— Каким образом, по вашему мнению, господин профессор, — продолжал генерал, — возможно было бы изменить судьбу битвы при Ватерлоо?

— Устранив одну из главных неудач французов в этой битве, господин генерал.

— Вы намерены шутить, господин профессор!.. Ведь исход битвы решил гений Веллингтона...

— Вздор! Только англичанин может сказать такое. Британцы не выиграли битвы при Ватерлоо. Они отступили с поля боя, а ваш Веллингтон сидел и рыдал в своей палатке. Но в последнюю минуту подошли пруссаки, внезапно напали на измученных французов и склонили чашу весов в другую сторону. Вот как это было!

Спустя несколько минут возвратился в кабинет капитан Райт и доложил:

— Господин генерал, получено сообщение из Парижа! Оказывается, Рэбонне — это адъютант генерала д'Эрлона.

Услышав это, поляк вскочил с кресла и схватился за голову.

— О боже! Какой же я болван!.. Прошу немедленно доставить мне стереокопию книги Шарраса «История кампании 1815 года». Издана в Брюсселе в 1857 году.

— Райт! — крикнул генерал.

Капитан в мгновение ока скрыл-

ся за дверью. А профессор начал объяснять:

— Я допустил непростительную ошибку, господин генерал. Я согласился с вами, что этот Персье перевоплотится 18 июня в день битвы при Ватерлоо...

— А что, это не так?!

— Нет. Под Ватерлоо наибольшим шансом Наполеона было вовремя подтянуть на поле битвы корпус маршала Груши, который мог бы нейтрализовать пруссаков. Но этого не случилось, так как Груши не получил должного приказа. Тогда я пришел к твердому выводу, что Персье будет стараться доставить этот приказ и в решающий момент Груши бросит свой корпус на поле битвы. Меня поначалу это удивило, ибо корпус Груши находился далеко от поля битвы и шанс был невелик. Но теперь я понял, что Персье выбрал наиболее выгодное время — 16 июня он перевоплотится в Рэбонне. В этот день, за двое суток до битвы при Ватерлоо, Наполеон сражался с пруссаками под Линьи и побил их, но не уничтожил, потому что спешивший к нему на помощь корпус генерала д'Эрлона был задержан на полпути маршалом Неем, войска которого в это время сражались с англичанами под Катр-бра. Видите ли, господин генерал, если бы д'Эрлон не был задержан маршалом Неем и соединился с императором, то пруссаки были бы полностью уничтожены, а тогда они не смогли бы решить судьбу битвы при Ватерлоо в вашу пользу. Вне всякого сомнения, Персье, перевоплотившись в адъютанта генерала д'Эрлона, Рэбонне, попытается задержать курьера маршала Нея, который вез приказ о приостановлении передвижения корпуса д'Эрлона. Если Персье это удастся, то войска д'Эрлона вовремя соединятся с Наполеоном, и прусская армия перестанет существовать, и тогда уже никто не поможет Веллингтону выиграть битву при Ватерлоо.

— Кто был этим курьером?! — крикнул генерал Кормик, посмотрев на часы.

— На этот вопрос, господин генерал, ответит нам книга Шарраса, скрупулезно изучившего все детали, связанные с этим приказом.

Через несколько минут была спроецирована стереокопия книги Шарраса. На 198-й странице ожидала их неприятная новость: Шаррас не установил, кто же конкретно был курьером маршала, и выдал две версии. По воспоминаниям Наполеона этим курьером был начальник штаба Нея полковник Хеймес, а по данным д'Эрлона генерал Делькамбре.

Генерал Кормик громко выругался и обратился к поляку:

— Прошу вас, господин профессор, назовите еще раз эти имена, я что-то не очень запомнил их... Скажите, кто из них, по вашему мнению, мог быть этим курьером?

— Делькамбре.

— Почему он?

— Думаю, что Наполеон не был точно информирован, а генерал д'Эрлон знал, кто доставил ему злополучный приказ маршала Нея.

— Благодарю вас, господин профессор! Райт! Мы немедленно едем в институт Смита... А если вы ошиблись, профессор?

— Все может быть, господин генерал. Тогда вы проиграете эту операцию, а с нею битву при Ватерлоо.

1815 год, 16 июня,
время: 15.03.
Проселочная дорога
между Линьи и Катр-бра.

Всадник в генеральском мундире, скачущий галопом навстречу глухим артиллерийским раскатам, услышав за спиной чей-то окрик и топот копыт, осадил коня. Офицер, который гнался за ним, подъехал и спросил:

— Имею честь говорить с генералом Делькамбре?

Генерал вместо ответа выхватил пистолет и направил в грудь офицера. Тот от неожиданности крикнул:

— Что все это значит?!. В чем дело?!

— Дело в том, приятель, что я хочу нарушить твой план. А это значит, что не ты меня убьешь, а я тебя. Я перевоплотился в генерала Делькамбре, так же как ты, Персье, — в адъютанта Рэбонне. Я капитан Райт из лондонской Сикрет Сервис... Итак, господин Персье, мы успели вовремя, ты проиграл. Руки, руки, Персье, и без шуток! Разгадал тебя наш шеф контрразведки генерал Кормик, а директор Смит удалил твое тело из кабины и отправил меня сюда в телесной оболочке генерала Делькамбре. Приказ маршала Нея дойдет до генерала д'Эрлона, и он не соединится с Бонапартом. Тебе, Персье, не удастся изменить прошлое и повлиять на исход битвы при Ватерлоо. Мы не позволим бросить тень на судьбу несчастного Рэбонне. Жаль, что, убивая тебя, я убиваю и его. Рэбонне не виновен. Когда же невинные перестанут расплачиваться за негодяев?..

Раздался приглушенный выстрел. Так закончилась операция «Ватерлоо».

Перевел с польского
Вл. ГОЛОВЧАНСКИЙ

Рисунки В. КОЛТУНОВА

КАРОЛИНА БЛАНШ,
французская писательница

ЗАПОВЕДНИК

Рассказ

Утро было ясное, свежее. Дымкой подернулись только вершины скал на берегу.

На корме шхуны сидели четыре человека. Все были в плавках. Водолазные костюмы они наденут, когда доберутся до места, о котором шло так много толков среди обитателей побережья. Оно считалось заклятым — там происходили какие-то необъяснимые несчастные случаи. Рассказы эти так заинтересовали руководителя научной экспедиции, что он решил обследовать загадочный участок. Жители поселка высыпали на берег и оживленно обсуждали безрассудную затею смельчаков.

Группа водолазов Лаборатории подводных исследований пользовалась старой рыбачьей шхуной. Местное население уже привыкло к этой посудине и к ее древнему двухтактному мотору, чьи выхлопы раздавались над морем, как пальба. Вначале рыбаки неприязненно косились на шхуну, протискивающуюся между их пирогами, возмущались шумом, нарушавшим ленивый покой тропической природы. И вот теперь, когда они уже вроде бы сжились с пришельцами и с их шхуной, придется со всем этим расстаться, потому что исследователей ждет в опасном месте неминуемая гибель...

За бортом, в прозрачной глубине были видны площадки белого песка, подернутые рябью от мелькающих отсветов с поверхности, и кое-где подводные скалы, поросшие длинными лохматыми водорослями. Казалось, что они совсем близко — только протяни руку и коснешься этой густой гривы.

Профессор, возглавлявший маленькую экспедицию, вспомнил, что, когда он много лет назад впервые надел ласты и акваланг, подводный мир показался ему откровением. Течение унесло его в глубину, далеко от привычных пейзажей. Его удивили безмятежность и доверчивость рыб, и он долго следил за их повадками.

Рисунок П. ПАВЛИНОВА

Потом он стал настоящим водолазом. Не подводным охотником. О нет! Терпеливые и тонкие наблюдения в этой необычной среде давали гораздо более изысканные радости. Они-то и привели его в конце концов в Лабораторию подводных исследований. Теперь он считался «асом наблюдения» и руководил группой водолазов, разделенных на две бригады.

Его ассистенты добродушно подсмеивались над своим шефом, у которого привычка к постоянному наблюдению природы перешла в манию. «Надо очень долго наблюдать, прежде чем высказать какое-либо суждение», — постоянно твердил он. Профессор возмущался поспешными гипотезами и необоснованными заключениями. Он требовал фактов, зримых и неопровержимых...

Перегнувшись через борт шхуны, профессор следил за тем, как под увеличивавшейся толщей прозрачной воды постепенно исчезает песчаное дно. Вскоре оно совсем скрылось, и ничего не осталось, кроме яркой синевы залитого солнцем океана.

Когда шхуна подошла к намеченному пункту, солнце уже стояло в зените и жгло в полную силу. Водолазы сидели под тентом — профессор был очень осторожен и боялся солнечного удара.

Как всегда в новом месте, профессор намеревался погрузиться первым в сопровождении одного члена группы. Если все сойдет благополучно, остальные двое последуют за ними. Предполагалось, что это будет короткое предварительное погружение.

Шхуну поставили на якорь и спустили шлюпку.

— Один из нас пойдет налево, — распорядился шеф. — И, главное, не терять друг друга из виду. Если через четверть часа мы не вернемся, остальные должны спуститься за нами.

После палящего зноя вода показалась упоительно прохладной. Профессора, увлекаемого вниз прикрепленным к поясу небольшим грузом, понесло течением к темневшему вдали травянистому склону. Это был, по-видимому, одиночный каменистый пик, который несложно обследовать со всех сторон. Ученый поразился богатству окружавшей его флоры. От малейшего завихрения воды повсюду колебались длинные узкие ленты; мельчайшие, закрученные водоросли покрывали все поверхности, словно мох или кудрявая шевелюра; на каменном карнизе, как на грядке какого-то подводного огорода, рос морской салат; из темной впадины устремлялись ввысь надменные волнистые ламинарии, а под ними угадывались целые луга морских трав...

За несколько метров от пика профессор обернулся и увидел, что его напарник начал обходить отвесную стену с противоположной стороны. Тогда он решил обследовать углубление, темневшее справа.

Ученый плавно скользил вдоль склона, без малейших усилий, едва шевеля ластами. Это было удивительно приятное ощущение, как на подводной прогулке, а не при научно-исследовательском погружении. Но вдруг профессор почувствовал, что его подхватило мощным течением и куда-то затягивает. Секунда растерянности — и он принялся изо всех сил поворачивать назад. Тщетно!

Борясь с невидимой силой, он старался разглядеть своего помощника, но тот уже был на довольно большом расстоянии от него. Внезапно профессор ударился лбом о каменный выступ и, почти потеряв сознание, почувствовал, как его внесло в какую-то узкую щель, перевернуло вниз головой, а затем покатило словно мяч. Порой ему удавалось зацепиться за шероховатости щели и на мгновение задержаться, но тотчас же течение снова подхватывало его и кружило, как сухой лист на ветру.

Придя в себя, он понял, что намертво застрял в расщелине и что только его голова попала в свободное темное пространство, куда изливался неистовый и непрерывный поток, струившийся по всему его телу.

«Заклинился!» — с ужасом подумал он.

Первым побуждением профессора было как можно скорее высвободиться, но, опомнившись, он решил сначала обдумать создавшееся положение. «Поспешностью можно все испортить...»

Допустим, что ему удастся открепиться. Что из этого может произойти? Не унесет ли его подводным током... куда? Как знать, что находится впереди? Каменный мешок? Впадина? Пещера? Да, вероятнее всего, подводная пещера.

Черт знает, что получилось!

Тут он заметил впереди и внизу смутное свечение. Профессор ощупал пояс. Как ни странно, электрический фонарик уцелел. Какое счастье, что его не сорвало!

Он включил свет. Брызнул яркий луч, и ученый замер от изумления. За стеклом водолазной маски перед ним раскрылось фантастическое зрелище.

Огромные панцирные рыбы, похожие на средневековых боевых коней, медленно проплывали взад и вперед, разевая беззубые пасти. Другие рыбы с длинными подвижными шеями лениво шевелили короткими толстыми плавниками, напоминавшими тюленьи ласты. У третьих рыб, с плоскими, как у тритонов, хвостами, на спине колыхалась вуаль в форме веера. Все они неторопливо скользили мимо ученого, заглатывая невидимый корм, доставляемый подводной рекой: планктон, мельчайшие водоросли, моллюсков. Когда какая-нибудь рыба поворачивалась, от взмаха ее хвоста во все стороны разлетались прозрачные медузы. Кое-где появлялись какие-то существа, нечто вроде громадных кальмаров, вытягивавшие грозные щупальца. На дне скакали большие плоские креветки и копошились диковинные тысяченожки.

Все выемки обнаженных камней кишели морскими ежами с острыми иглами, морскими звездами и губками. Иногда из-под обломков породы возникали животные причудливых форм — то края круглой раковины, то членистая лапа, то кольцо червя...

И все эти твари, питавшиеся тем, что приносило с собой подводное течение, были совершенно белые, молочно-белесого цвета, почти прозрачные и... безглазые.

Рыбы были слишком велики, чтобы пройти в узкую щель, где застрял человек, а мелкие животные — слишком слабы, чтобы преодолеть мощное течение. Они жили пленниками в этой чуть фосфоресцирующей тьме.

Профессор уже мысленно составлял их классификацию. «Но к какой же эпохе они относятся? К мезозойской или палеозойской эрам? А как они очутились тут?.. Наверно, в доисторической эпохе произошел какой-то катаклизм — обвал скалы или извержение подводного вулкана — в то время, когда они мирно дремали в этой пещере... Каким же образом они выжили?.. Конечно, пищу им приносит глубинное течение. Но оно питало лишь одно поколение, которое давным-давно погибло бы от старости, если только его не сожрали бы другие рыбы... Значит, там оказалось некоторое количество мужских и женских особей того или иного вида... Так образовался своего рода Ноев ковчег... Разумеется, многие экземпляры были либо съедены, если они были беззащитны, либо погибли естественной смертью, если то были хищники... Сколько же веков понадобилось им, чтобы приспособиться к жиз-

ни в темноте? Как давно они утратили свою нормальную окраску и перестали пользоваться зрением? Наверное, можно будет определить, сколько тысячелетий существует их темница, по толще слоя отбросов. Да, это надо установить, и когда я вернусь сюда с...»

Он вздрогнул от ужаса, и его размышления оборвались.

«Вернусь?.. А как отсюда выбраться?..»

Ведь он не знает, есть ли выход из этой щели, не разгадал тайны подводного течения, не подсчитал количества израсходованного кислорода!

Если верить часам, прошло всего десять минут с момента, когда он спрыгнул со шлюпки. Десять минут! Может ли это быть? Не повреждены ли часы? Однако секундная стрелка неуклонно обходила свой круг.

«Если они идут верно, значит, в моем распоряжении еще целых десять минут... Вряд ли расщелина очень длинная... Так что надо попытаться преодолеть течение...»

Наступила страшная минута. Едва он отделился от скалы, чтобы, сделав пол-оборота, выплыть головой вперед, как проход сузился, как это бывает в дурных снах. Казалось, выбраться из него невозможно. То ущемлялись баллоны, то воздухопроводящие трубки цеплялись за малейшие шероховатости. Течение будто нарочно усиливалось, чтобы отбрасывать пловца назад. Ему приходилось изо всех сил хвататься за все выступы, осторожно поворачиваться вокруг своей оси, изгибаться то так, то этак, чтобы продвигаться по узкой щели. Он то приподнимался и повисал на руках, что помогало преодолевать течение, но мешало высвободить застрявшую трубку, то на ощупь определял направление расщелины...

Борьба за жизнь — если она не переходит в панику — усиливает человеческие возможности и способности. Так было и на этот раз. В конце концов профессор заметил вдалеке свет... Затем коснулся водорослей... И выплыл из воронки. Но и тогда он все еще продолжал инстинктивно держаться за выступ скалы. Он едва дышал. Немыслимое напряжение сил исчерпало последний кислород, он почувствовал начинавшееся удушье...

Когда его нашли, он уже потерял сознание, хотя все еще цеплялся за скалу...

— Поймите, что это настоящие подводные Галапагосы, — твердил профессор. — Единственный известный заповедник исчезнувших видов морской фауны!..

А окружавшие его молодые люди с нескрываемой жалостью смотрели на своего шефа. Его только что отключили от аппарата искусственного дыхания и сейчас перевязывали раны. На голове у него уже белела повязка. Врач удалял из кровоточивших пальцев обломки раковин и колючки морских ежей. Руки и ноги профессора были покрыты порезами и ссадинами. Но восторг, переполнявший ученого, заглушал чувство боли.

— О, когда вы сами увидите это! — то и дело восклицал он.

И врач отвечал:

— Да, конечно, месье, конечно, они все увидят... Но сейчас вам надо успокоиться и хорошенько отдохнуть. Вы сильно расшибли голову... К тому же резкое охлаждение после такой жары... Видимо, произошло нарушение мозгового кровообращения... Надо отдохнуть, месье...

— Вы не понимаете, что ли? Я же говорю, что ВИДЕЛ это!.. ВИДЕЛ собственными глазами, ясно вам? Разве кто-нибудь усомнится в моих наблюдениях?

— Конечно, нет. Только вы лежите спокойно, месье...

— Я проведу туда своих парней... И они увидят...

— Непременно, месье... А теперь постарайтесь уснуть.

А неподалеку от перевязочного стола два ассистента вели тихий разговор:

— Скажите, когда искали там шефа, вы не почувствовали этого течения?

— Конечно, почувствовал — оно чуть не затянуло меня в какую-то воронку. Но я не сказал бы, что оно было таким уж сильным... По крайней мере, в том месте, где находился я.

— А расщелину эту видели?

— Боже мой, разумеется, видел! Но она показалась мне не настолько широкой, чтобы в нее мог пройти человек с аквалангом. Может быть, она очень густо заросла морской травой... По правде говоря, у меня не было намерения ее обследовать, да и в голову не приходило, что шеф втиснется в подобную скважину...

— Причем не по своему желанию, а его будто бы туда затянуло.

— Вот именно.

— Однако вы его искали около двадцати минут?

— Да, примерно так.

— Ну а какие же выводы можно сделать из этого случая?

Молодой человек поглядел на валявшееся на полу водолазное снаряжение профессора и пожал плечами. Кислородные баллоны походили на помятые молочные бидоны. Трубки были покрыты мелкими дырками. Пояс порван...

— Какие же могут быть выводы без проверки фактов?!

— А состояние шефа или его снаряжения ничего не доказывает?

— Сейчас трудно что-либо утверждать... Может быть, позднее удастся это выяснить.

Профессор упорно твердил свое:

— Ведь я же никогда не фантазировал... Они сами увидят все... своими глазами!..

А его любимый ученик, наблюдавший за перевязкой, думал о том, как иногда бывает трудно провести границу между действительностью и тем, как она воспроизводится в сознании человека...

Перевела с французского
В. ГИНЗБУРГ

ТЕОДОР СТАРДЖОН,
американский писатель

СКАЛЬПЕЛЬ ОККАМА

Фантастический рассказ

У Джо Триллинга был необычный способ добывать себе средства к существованию. Зарабатывал он неплохо, но, конечно, ничего похожего на те денежки, какие он мог бы огребать в большом городе, у него не было. Зато он жил в горах, в полумиле от живописной деревушки, на свежем воздухе, вокруг раскинулись рощи — сосна, береза и горный лавр. Конкурентов у него было немного, заказов он получал больше, чем мог выполнить. Жена и детишки всегда рядом. Образ жизни Джо вел полуночный: когда семейство укладывалось спать, он спокойно, без помех занимался своим делом. Короче, он был счастлив.

Однажды ночью, точнее — очень ранним утром, его спокойствие было нарушено. Тук-тук, тук... тук... Стучали в окно: точка-тире, тире... тире... Джо замер, узнав этот знакомый ему с детства сигнал. Он увидел лицо за окном и набрал полные легкие воздуха, готовясь издать радостный вопль, который, наверно, разбудил бы дремлющего постового пожарной команды в деревушке. Но палец, прижатый к губам, заставил остановиться, и он бесшумно выдохнул воздух. Палец поманил его. Джо круто повернулся, погасил горелку, глянул на шкалу манометра, записал что-то, выключил свет и бесшумно рванулся к двери. Выскользнув наружу, он осторожно прикрыл дверь и стал вглядываться в темноту.

— Карл!

— Тс-с!

Карл был недалеко, на опушке рощи. Джо подошел к нему, и они принялись дубасить друг друга и шепотом, потому что этого требовал Карл, обзывать последними словами. Это означало: «Я хочу к тебе прикоснуться, я люблю тебя». Какой-нибудь случайный наблюдатель не мог бы понять, что, собственно, тут происходило. Но они были мужчины и родные братья, поэтому колотили друг друга по рукам и по плечам и выражались самым непечатным образом, пока наконец и эти слова оказались недостаточны, чтобы выразить все, что их переполняло, и они просто стояли, широко улыбались и смотрели в глаза один другому. Потом Карл Триллинг мотнул головой в сторону дороги, и они пошли туда.

— Я не хочу, чтобы Хейзел услышала нас, — сказал Карл. — И вообще никто не должен знать о моем приезде. Садись в машину. Тут мы можем поговорить по душам. Честно говоря, я просто боюсь этого поганца.

— А-а... — протянул Джо. — Как поживает великий человек?

— Плохо. Но только речь идет о другом поганце. Великий человек просто богаче всех в мире, но я его не боюсь, особенно сейчас. Я говорю о Кливленде Уилере.

— Это кто еще такой?

Они уселись в машину.

— Это не моя. Взял напрокат, — сказал Карл. — Точнее, вторая прокатная машина сегодня. Прилетел на служебном самолете, сел в служебную машину, пересел в прокатную, а затем уже в эту. Теперь я

более или менее уверен, что меня не подслушивают. Вот тебе уже ответ на вопрос, кто такой Кливленд Уилер. А кроме того, человек у трона. Второе лицо. Многогранный гений. Акула-людоед.

— Второе лицо... — повторил Джо. — Старик, значит, сдает?

— Официально — строго секретно — показатель гемоглобина у него четыре. Это говорит вам что-нибудь, уважаемый доктор?

— Еще бы, дорогой доктор. Голодная анемия. Д-да-а, самый богатый человек в мире и умирает с голоду.

— Старость... упрямство... и еще одержимость... Так ты хочешь послушать про Уилера?

— Рассказывай.

— Счастливчик. Всем наделен от рождения. Медальный профиль. Мускулатура Микеланджело. Очень рано открыт наблюдательным директором начальной школы, направлен в частную школу, там повадился по утрам ходить в учительскую и рассказывать, что прочитал и о чем размышлял. Затем назначили отдельного учителя заниматься с ним, ходить с ним повсюду и все такое. В двенадцать лет — средняя школа, легкая атлетика, баскетбол, футбол, прыжки в воду — по всем видам высшие показатели. Вот так. Закончил он школу за три года, аттестат с отличием. Все учебники прочитывал в начале каждого семестра и больше уже их не раскрывал. Из всех привычек самой прочной у него была привычка преуспевать. В колледже все шло так же успешно. Он буквально глотал знания. Популярность огромная. Окончил, конечно, опять с самыми высокими баллами.

Джо Триллинг, который, как тяжело груженный вол, переползал с курса на курс в колледже и на медицинском факультете, завистливо пробормотал:

— Я видал двух-трех таких.

Карл мотнул головой.

— Да, Клив Уилер был уж так оборудован от природы. Он себя чувствовал как четырехсотсильный автомобиль среди малолитражек. Когда требовалось, он и мускулы свои пускал в ход, я хочу сказать — лез в драку самым настоящим образом. В общем, на все руки парень. Ну, конечно, работу ему искать не пришлось, мог выбирать любую карьеру. Поступил он в архитектурную фирму — там могли пригодиться его математические и технические знания, административные способности, представительность, знакомство с искусством. Конечно, быстро взлетел на самую верхушку и стал партнером. Мимоходом получил докторскую степень. Удачно женился.

— Счастливчик, черт, — сказал Джо.

— Да, счастливчик, конечно. Ты слушай. Уилер, значит, стал партнером, и дело свое он знал, однако одних знаний и таланта бывает недостаточно, чтобы оградить человека от жадности людской, от непроходимой глупости и избежать встречи с несчастьем или неудачей. А случилось вот что: два его партнера заключили незаконную сделку. Уилер почуял что-то неладное, пошел к ним, поговорил. Они сказали «да-да», а сами продолжали свои махинации, да такие, какие Уилер не мог даже себе и вообразить. Видишь ли, способности, чистое моральное воспитание и хорошее образование дают много, они только не избавляют от невинности. Клив Уилер был невинен как младенец.

В общем, катастрофа, которой опасался Клив, произошла, но все оказалось куда хуже, чем он предполагал. У таких делишек есть одна особенность — когда они вылезают на поверхность, то тянут за собой кучу других грязных дел. Фирма, конечно, разорилась. Клив Уилер ни разу за всю жизнь не терпел неудачи, так что в этом деле у него практики не было. Любой мало-мальски разумный человек вовремя понял бы, что надо уносить ноги. Но, я полагаю, такой ход даже не пришел Уилеру в голову.

Карл Триллинг внезапно расхохотался и затем продолжал:

— В одном из романов любопытно описаны лесной пожар и бегство животных, спасавшихся от него. Лисы и кролики бежали рядом друг с другом, совы летели при дневном свете, чтобы опередить пламя. Так вот там описан один жук, медленно ползущий по земле. Он натыкается на горящий участок, останавливается, шевелит усами и сворачивает в сторону — решает обойти пространство, охваченное пожаром, — тут Карл снова рассмеялся. — Вот в этом заключается то особое свойство, которое отличает Кливленда Уилера, помимо его мускулатуры, ума и всяческих талантов. Если бы ему пришлось оказаться на месте этого жука, он не отступил бы и не стал спасаться бегством: он обошел бы пожар стороной и продолжал бы идти вперед.

— Что же он сделал? — спросил Джо.

— Он не отступился от прогоревшей фирмы. Он использовал все, чем только располагал, — свой ум, свой авторитет, свою репутацию и все свое состояние. Он влез в долги и работал, работал... Спал не более четырех часов в сутки, но фирму все-таки спас. Очистил ее от всякой дряни, перестроил снизу доверху. А когда дело пошло на подъем, он потерял свою жену.

— Ты же сказал, что он удачно женился.

— Он женился на девушке, какие выходят замуж за преуспевающих молодцов. Я полагаю, она была в общем-то милая девушка, и, пожалуй, ее не следует осуждать, но она не привыкла к неудачам, как, впрочем, и он сам. Правда, он был в силах обойти пожар стороной. Он мог снять себе одну комнату, ездить по делам на автобусе. Она этого просто не умела, а потом, как всегда бывает с такими женщинами, где-то сбоку притаился отвергнутый претендент...

— Как он это перенес?

— Тяжело. Ведь он и женился так же, как и играл в футбол или сдавал экзамены, — с полной отдачей. Этот удар ему было труднее пережить, чем все остальные события. Но Клив Уилер не бросил своего дела. Его ничто не могло остановить, пока не были оплачены все счета до последнего цента. И все проценты. Он продолжал, пока чистая сумма всех активов не достигла той же цифры, какая была до того, когда его бывшие партнеры начали выедать ее сердцевину. И, едва закончив это, он бросил фирму. Понимаешь, послал ко всем чертям! Продал буквально за бесценок.

— Все-таки сорвался под конец?

Карл Триллинг насмешливо взглянул на брата.

— Сорвался? Смотря что под этим понимать... Ты в силах представить себе, что у Клива Уилера, может, и цель-то была — прийти к нулю? В конце концов, что такое успех? Человек принимает решение, чего ему достичь, и затем добивается этого.

— В таком случае, — задумчиво сказал Джо, — самоубийство тоже успех.

Карл долго и пристально смотрел на него.

— Справедливо, — сказал он и тоже задумался.

— А потом, — спросил Джо, — почему все-таки нуль?

— Я давно пытаюсь понять Клива Уилера, но под черепную крышку человеку не заглянешь. Не знаю, но догадываюсь. Он не хотел никому быть обязанным, не хотел оставаться даже в пустяковом долгу. Я бы сказал так — он хотел уйти, но уйти на своих собственных условиях.

— Дошло, — сказал Джо.

А Карл Триллинг глядел на него и думал. Самая славная черта у старины Джо — он умеет ждать. Сколько лет разлуки, почти никакой переписки, кроме поздравительных открыток ко дню рождения, и то не всегда, — и все же вот он здесь, рядом, такой же, как прежде, как будто мы и не разлучались. А я ведь и не приехал бы, если бы это не было так важно для меня, если бы не был уверен, что он мне поможет. Обо всем этом мы не сказали ни слова. Не нужно. Пусть я сорву какие-нибудь его планы — мне не надо об этом тревожиться. Он сам обо всем позаботится.

Вслух Карл сказал только:

— Я рад, что приехал, Джо.

— Правильно сделал, — ответил Джо, и этим было сказано все то, о чем думал Карл.

Карл улыбнулся, ударил Джо по плечу и продолжал рассказ:

— Короче, Уилер ушел. Проследить его путь в последующие годы не так-то легко. Он принимался за разные дела — и всегда за что-нибудь новое. Скажем, магазин самообслуживания — никаких стеллажей, никакой магнитофонной музыки, просто аккуратные штабеля открытых ящиков, из которых покупатель брал, что ему нужно, и помечал цену по ярлыку на ящике; карандаш висел тут же на шнурочке. Мороженое мясо, рыбу, яйца, продукты местного производства Уилер продавал по ценам всего на два процента выше оптовых. Покупатели честно соблюдали правила: во-первых, никто не мог быть уверенным, что кассир и контролер не знают всех цен, а во-вторых, обманывать, когда цены и без того так низки, было бы просто свинством. Накладные расходы были ничтожны — никаких лишних затрат на продавцов и подсобный персонал — ведь Уилер экономил тысячи человеко-часов, отменив разметку цен на всех штучных товарах; немудрено, что цены у него были вне всякой конкуренции. Но он продал этот магазин и принялся за другое. Он создал производство натуральных продуктов для грудных детей без консервирующих добавок, а потом продал и его и начал новое дело. Он, понимаешь ли, разработал рецептуру производства пластмассовой посуды, которую можно уничтожать сжиганием, причем воздух не загрязняется вредными газами. Это изобретение он запатентовал, а патент продал.

— Об этом я слышал. Правда, посуды самой еще не видел.

— Может быть, еще увидишь, — сказал Карл. — Во всяком случае, у него все это было налажено. Я не слышал ни об одной неудаче — за что бы он ни брался, у него все получалось.

— Похоже на омоложенное издание твоего уважаемого босса, великого человека.

— Ты не единственный, кто это понял. Мой босс не лишен слабостей, но деловое чутье ему никогда не отказывало. Он всегда был готов ухватить своими щупальцами любого подвернувшегося ему ценного человека, а Кливленда Уилера, насколько мне известно, он взял на прицел давно. Время от времени он делал ему предложения, не сомневаюсь, но тогда Клив Уилер еще не был готов работать на такого босса. Весь строй его характера требовал самостоятельности, а в прочно утвердившейся империи это невозможно.

— Кандидат в наследники, — сказал Джо.

— Именно, — подтвердил Карл. — Я знал, что ты поймешь, к чему я клоню, раньше, чем я закончу...

— Но ты все-таки закончи.

— Правильно. Понимаешь, мне нужна твоя помощь, а если ты не будешь знать всей истории, то по-настоящему помочь мне не сможешь...

— Давай выкладывай.

И Карл Триллинг принялся выкладывать:

— Уилер нашел себе девушку. Звали ее Клара Приета, родом из какого-то техасского городка. Она была дьявольски умна. И хороша собой необычайно. Так вот, ей понадобился Клив — сам Клив, а не то, что он мог ей дать. Она влюбилась в него, когда он сидел на очередном нуле. Они были радостью друг для друга каждый день и каждый час. Я полагаю, что примерно в это время Клив снова принялся за дела. Вскоре он купил маленький домик и машину, а затем вторую машину для Клары. Она не очень-то и хотела эту машину, но ему всегда казалось, что он слишком мало для нее делает. И Клив настоял на покупке. Однажды вечером они поехали в гости к друзьям — она прямо из дома, а он после делового дня из города, ведь машин у них было две. Домой они поехали тоже каждый в своей машине, Клара впереди. Она потеряла управление, и машина перевернулась на его глазах. Она умерла у него на руках.

— О господи.

— Да, вот такой счастливчик. Но это еще не все. Через неделю, где-то в центре города, он оказался у одного банка в самый момент его ограбления. Подцепил случайную пулю — пропахала ему затылок, пришлось неподвижно лежать семь месяцев — хватило времени обо всем подумать. Когда он вышел из больницы, ему сообщили, что его управляющий удрал на юг, прихватив все денежки. Все до цента.

— Что же он стал делать?

— Принялся работать и оплатил больничный счет.

Они долго сидели в машине, не зажигая света, и молчали. Потом Джо спросил:

— Интересно все-таки, о чем он думал в больнице?

Карл Триллинг ответил:

— Неважно, о чем он думал, важно, что решил. Клив вел чистую игру, упорно работал, был честен, лоялен и прямодушен; он был в отличной форме, он был умен. Когда он вышел из больницы, у него остались только два последних качества. Куда девались все остальные, один бог знает.

— И тогда он пошел работать на старика?

— Да. Уилер теперь вполне созрел для этого. Старик, как ты знаешь, стал современным мифом. Никто его не видит. Никто не в силах предугадать, что он прикажет через минуту. Кливленд Уилер укрылся в его тени и исчез для людей почти так же, как и сам босс. Старик всегда был затворником, а после появления Клива еще больше отдалился от людей. Впрочем, с ним это дело обычное — то долгие периоды полного покоя, а потом вдруг неожиданные выезды с рекламной шумихой, деловые встречи. Можно предположить, что какой-нибудь могучий гений из его подручных все это придумывает — кто может знать? Только люди, наиболее приближенные к нему, — Уилер, Эпстайн и я. Я лично ничего не знаю.

— А Эпстайн умер.

— Да, Эпстайн умер. Таким образом, остается один Уилер. Что касается меня, то я личный врач старика, а не Уилера, причем нет никаких гарантий, что когда-либо стану его лекарем.

Джо Триллинг пошевелил затекшими ногами и откинулся на спинку сиденья, задумчиво глядя в темноту, наполненную шепотом древесной листвы.

— Начинает проясняться, — пробормотал он. — Старик на излете, ты тоже легко можешь вылететь. Правда, к счастью, в другом направлении. Уилер останется один, без присмотра.

— Вот именно, и я до конца его не понял и не знаю, что он станет делать. Знаю одно, что в его руках будет сосредоточена такая власть, какой не обладает ни один человек на Земле. У него будет столько денег, что вряд ли он захочет дальше обогащаться. Масштабы его богатства будут превосходить все, что мы можем себе представить. Но меня тревожит другое: Уилер — это человек, которому жизнь, можно сказать, убедительно доказала, что быть добрым, сильным, великодушным, честным не очень-то выгодно. Возникает вопрос — куда именно толкнет его этот жизненный опыт? Если предположить, что за последние годы все больше решений исходило от него, можно попытаться экстраполировать, куда он направит свою энергию. Пока можно быть уверенным только в одном — ему будет удаваться все, что он задумает. Такая уж у него привычка.

— Короче, ты пытаешься уяснить себе, чего он хочет? Что может желать такой человек, как он?

— Я знал, что ты тот самый парень, который сейчас мне нужен, — сказал Карл, и в его голосе прозвучали чуть ли не счастливые нотки. — Именно так. Что касается меня лично, то работу я себе найду без малейшего труда. Был бы тут Эпстайн, все было бы проще. Но он мертв и сожжен.

— Сожжен?

— Да. Тебе это, конечно, неизвестно. Таковы инструкции старика. У нас много пишут о частных плавательных бассейнах с холодной и горячей водой, но ручаюсь, тебе никогда не доводилось слышать о человеке, у которого в нижнем этаже двухэтажного подвала имеется личный крематорий.

Джо развел руками:

— Конечно, если ты можешь в любую минуту вытащить из кармана два миллиарда долларов наличными, тебе легко получить все, что угодно.

Между прочим, а как насчет законности?

— А так, как ты сказал: все законно, если у тебя есть два миллиарда наличными... Все было как положено. Окружной медицинский эксперт прибыл и подписал все бумаги. Когда старик отдаст концы, он тоже приедет — это особо предусмотрено в завещании. Стоп! Ты не подумай, что я хочу бросить тень на эксперта. Он не был подкуплен. Тело Эпстайна он освидетельствовал самым строжайшим образом.

— Это все ясно. Тревожит тебя другое — что будет потом.

— Правильно. Что сделал старик за последние десять лет после появления Уилера и чем это отличается от предыдущего направления его деятельности? И в какой мере это различие следует приписать влиянию Уилера? Вот в чем нам надо разобраться, Джо, а отсюда мы можем уже экстраполировать, как Уилер намерен использовать величайшее экономическое могущество, которым когда-либо в мире обладал один человек.

— Об этом давай и поговорим, — сказал Джо, и на губах у него появилась тень улыбки.

Карл Триллинг знал характер брата и ответил ему таким же намеком на улыбку. Они еще долго разговаривали.

Крематорий в нижнем этаже двухэтажного подвала был построен в строго функциональном стиле: никаких ритуальных деталей, ничего такого, что могло бы вызвать эмоции. Мы располагаем подробным описанием всего, что произошло, когда после долгих-долгих ожиданий старик наконец умер. Все было сделано в строгом соответствии с его указаниями немедленно после того, как смерть его была медицински засвидетельствована, и до официального оповещения о случившемся... И вот с пугающим лязгом раскрылась квадратная пасть печи, и оттуда вырвались волна жара и сноп света того оттенка, какой у кузнецов в давние времена назывался соломенно-желтым. Простой, без всяких украшений гроб медленно вкатился внутрь, по его углам сразу вспыхнули язычки пламени, и дверки печи с грохотом захлопнулись.

Медицинский эксперт наклонился над маленьким столиком и поставил свою подпись в двух местах. Карл Триллинг и Кливленд Уилер сделали то же самое. Эксперт оторвал из блока копии документов, сложил их и положил в нагрудный карман. Он взглянул на квадратный проем печи с железными дверками, открыл было рот, снова закрыл его и пожал плечами.

— Всего хорошего, доктор, — сказал он, протягивая руку Триллингу.

— Всего доброго, доктор. Ругози ожидает вас за дверью, он вас проводит.

Молча пожав руку Кливленду Уилеру, эксперт ушел.

— Я понимаю, что он сейчас испытывает, — сказал Карл. — Что-то нужно было сказать. Что-нибудь запоминающееся — как-никак конец целой эпохи. Что-нибудь вроде: «Один маленький шаг человека...»

Кливленд Уилер улыбнулся:

— Если вы думаете, что процитировали первые слова астронавта после высадки на Луну, то сильно ошибаетесь. Первые слова он сказал на стремянке, выйдя из кабины, когда ткнул носком башмака лунный грунт. Он сказал: «Грунт здесь мягкий, я легко могу расшвыривать его башмаком». И мне это всегда нравилось гораздо больше, потому что было естественно, а не придумано и заучено заранее. Так и тут: эксперт попрощался, а вы ему сказали, что шофер ждет его за дверью. Мне это нравится больше, чем какие-либо торжественные слова. Я думаю, что тому человеку это тоже понравилось бы, — добавил Уилер, мотнув своим сильным, слегка раздвоенным подбородком в сторону излучающих жар черных дверок.

— Но он-то был **не совсем человек.**

— Говорят, — бросил Уилер с полуулыбкой и отвернулся, и в эту секунду Карл ощутил, что наступил решающий момент.

Он произнес нарочито бесстрастным голосом:

— Я сказал насчет **человека** в буквальном смысле этого слова, Уилер.

И тут не столь уж важным было, что именно сказал Карл. На это Уилер мог ответить еще одной полуулыбкой и промолчать. Но интонация и, пожалуй, само обращение — «Уилер»!.. У деловых людей всегда существует определенный ритуал. Для нескольких человек его уровня и ближайших подчиненных он был «Клив». Для нижестоящих он был «мистер Уилер» в глаза и просто «Уилер» за спиной. Но никто даже из равных ему никогда не решился бы назвать его в глаза «Уилер». Как бы там ни было, слова Карла заставили Кливленда Уилера отпустить дверную ручку, за которую он уже было взялся, и обернуться. Лицо его выражало любопытство и настороженность.

— Вы уж скажите мне, доктор, что все это значит.

— Я сделаю нечто большее. Идемте со мной, — ответил Карл и без лишних объяснений пошел к углу комнаты, за печью, предоставив Уилеру самому решать, идти ему за ним или нет.

Уилер пошел.

Дойдя до угла, Карл повернулся к нему.

— Если вы когда-нибудь кому-либо скажете о том, что сейчас увидите, я просто откажусь от всего. А если вы вздумаете вернуться сюда, вы не найдете здесь ничего, что подтвердило бы ваш рассказ.

Он вынул из-за пояса широкую, дюйма в четыре, стальную пластинку сложной формы и воткнул ее куда-то в шов между массивными камнями, из которых была сложена стена. Весь угловой участок стены начал бесшумно и тяжело подниматься вверх. Глядя на глыбу, можно было легко убедиться, что это настоящие камни и что обратно пробиться сквозь них, не зная секрета, было бы нелегкой задачей.

Карл пошел по коридору, по-прежнему не оглядываясь и предоставляя самому Уилеру решать, идти ему дальше или нет.

Уилер шел. Карл слышал его шаги позади и отметил с удовольствием, что, когда тяжелые блоки, шурша, опустились вниз и прочно сели на свое место, закрыв путь назад, Уилер, может быть, и оглянулся, но не остановился.

— Вы могли заметить, что сейчас мы шли вдоль боковой стены печи, — сказал Карл с интонацией гида. — А сейчас мы позади нее.

Он посторонился и пропустил Уилера вперед в маленькое помещение.

Задняя стенка печи была точно такая, как и передняя. На рельсах, входящих в печь, стояла тележка с уже знакомым гробом; углы его были обуглены, верх и бока мокрые; над гробом вился легкий парок. В глубине помещения на маленьком столике лежал небольшой черный чемодан.

Уилер не отводил взгляда от гроба, сохраняя внешне полное спокойствие. Карл прекрасно понимал, чего стоит Уилеру это самообладание.

— Я хочу, чтобы вы мне все объяснили, — сказал Уилер и рассмеялся. Смех его прозвучал вымученно. И Карл про себя отметил, что это первая неуверенность Уилера, какую он наблюдает.

— Сейчас я объясню.

Он щелкнул замком чемодана и раскрыл его. Внутри были различные инструменты, сверкающие хромом и сталью, и небольшие флаконы в кармашках.

— Когда кремируют, крышку не приколачивают, — весело сказал Карл и подсунул нож под один из углов. Затем он ловко ударил ладонью по рукоятке, и крышка гроба приоткрылась.

— Прислоните ее, пожалуйста, к стене позади вас.

Кливленд Уилер молча выполнил то, что ему было поручено, храня попрежнему спокойное выражение лица.

«Это мужчина, — подумал Карл, — настоящий мужчина...»

Они стояли по сторонам гроба, глядя на покойника.

— Здорово состарился, — произнес Уилер.

— Вы его не видели последние дни?

— Я его не видел в гробу, — сказал Уилер, — но за последний месяц я провел в одной с ним комнате боль-

ше, чем за все предыдущие годы. Конечно, каждая встреча продолжалась всего несколько минут... Ладно. Лучше расскажите мне об этой бутафорской печи.

— Она вовсе не бутафорская. Когда мы здесь все закончим, она отлично выполнит свое предназначение.

— Тогда к чему весь этот театр?

— А это все для медицинского эксперта. Бумаги, которые он подписал, пока что не больше чем липа. Вот когда мы закатим этот ящик назад в печь и включим ток, они станут совершенно законными.

— А почему не сожгли его сразу?

— Вы сейчас все узнаете...

Карл потянулся к гробу и распрямил скрещенные руки покойника. Они неподатливо разогнулись, и он прижал их к бокам. Затем он расстегнул пиджак, откинул его полы, расстегнул сорочку и раскрыл «молнию» на брюках. Покончив с этим, он поднял голову и встретился глазами с острым взглядом Уилера. Тот смотрел не на тело старика, а на него.

— У меня такое ощущение, — сказал Уилер, — что я до этой минуты никогда вас не видел.

Карл Триллинг ответил ему мысленно: «Зато видишь теперь». И подумал: «Спасибо, Джо, ты был совершенно прав. Ты нашел ответ на этот мучительный вопрос: «Как мне поступать?» Ты сказал тогда: «Говори его языком. Будь таким, как он, все время».

«Хорошенькое дело! Попробуй-ка быть таким, как он. Человеком без иллюзий (от них никакой пользы!) и без надежд (кому они нужны?), обладающим нерушимой привычкой преуспевать. Человеком, который может сказать: «Сегодня хорошая погода» — таким тоном, что все вокруг вскакивают по стойке «смирно» и отвечают: «Так точно, сэр!»

Вслух Карл ответил только:

— Вы были слишком заняты все время.

Он снял пиджак, сложил его, положил на столик рядом с инструментами. Надел хирургические перчатки и вынул из стерильного чехла скальпель.

— Некоторые падают в обморок, когда первый раз присутствуют при вскрытии.

Уилер натянуто улыбнулся.

— Я не умею падать в обморок.

Он действительно не упал в обморок: у него только вырвался подавленный возглас удивления.

— Так и знал, что вы удивитесь, — почти весело сказал Карл. — Если вас интересует... впрочем, он действительно мужского пола. Судя по всему, этот вид яйцеродный. Они млекопитающие, но откладывают яйца. Интересно было бы поглядеть на самку.

— До этого мгновения, — сказал Уилер деревянным голосом, словно загипнотизированный, — я думал — ваши слова, что он не человек, были просто фигурой речи.

— Нет, вы так не думали, — отрывисто бросил Карл.

Оставив слова висеть в воздухе, он ловко рассек скальпелем труп от грудины до низа живота. Неопытному человеку всегда нелегко это видеть. Трудно осознать, что труп ничего не чувствует. Карл ожидал, что Уилер содрогнется или ахнет, но тот только затаил дыхание.

— Чтобы разобраться во всех деталях, нам потребовались бы многие месяцы, — сказал Карл, искусно делая поперечный разрез в нижней части живота, — но одну вещь я хочу вам показать.

Ухватившись за ткань тела слева от крестообразного пересечения надрезов, он оттянул ее кверху и влево. Подкожные слои отделялись легко, вместе с жировым слоем. Они были не розовые, а беловато-зеленоватые. Теперь обнажились полосчатые мускулы на ребрах.

— Если бы вы прощупали его грудь, — сказал Карл, показывая пальцем на нетронутую правую сторону, — вы бы почувствовали совершенно нормальные ребра, как у человека. А теперь поглядите сюда.

Несколькими умелыми взмахами он отделил мускульные волокна от кости и поскоблил ребро — оно обнажилось, но Карл продолжал скоблить в промежутке между этим и следующим ребром, и сразу стало ясно, что ребра соединены между собой тонкой пластиной кости или хитина.

— Похоже на китовый ус, — сказал Карл. — Смотрите.

Он вырезал кусок и согнул его.

— Боже мой!

— А теперь посмотрите на это.

Карл взял хирургические ножницы и рассек грудину сверху вниз, затем сделал поперечный разрез по нижнему краю ребер. Поддев пальцы под этот разрез, он приоткрыл одну сторону грудной клетки, словно дверку. Обнажилась легочная ткань. Она была не розовая, не черно-коричневая, какая бывает у курильщиков, а желтая, цвета чистой серы.

— Метаболизм у него фантастический, — сказал Карл, устало распрямляя плечи. — Точнее, был фантастический. Он нуждался в кислороде, как и мы, но мог потреблять его только химически связанным в виде окиси углерода, окислов серы, а больше всего углекислого газа. Свободный кислород старик переносил с трудом. Пока он был молод, у него хватало сил проводить целые часы в воздушной среде, но с годами он все больше и больше времени вынужден был оставаться в привычной для него среде — это примерно похоже на смог. Так что его затворничество и редкое появление на людях вовсе не такой уж каприз, как считала публика.

— Но что он такое? Откуда?.. — спросил Уилер, растерянно показав рукой на труп.

— Я знаю об этом не больше вас. Прилетел каким-то образом откуда-то... Короче, пришел, увидел и... А теперь глядите.

Карл раскрыл вторую половину грудной клетки и отломал грудину: легочная ткань не была разделена на две части, на два легких, а занимала всю внутренность грудной клетки.

— У него одно сплошное легкое, хотя оно и делится на две доли.

— Верю вам на слово, — сказал Уилер внезапно охрипшим голосом. — Но что же это такое, черт возьми?

— Двуногое существо, лишенное перьев, как некогда охарактеризовал человека Платон. Я не знаю, что он такое. Я только знаю, что он существует, и решил, что вы тоже должны знать.

— Но вы уже знакомы с его анатомией, вы где-то это видели раньше, это совершенно очевидно.

— Правильно. Эпстайн.

— Эпстайн?

— Именно. Старику нужен же был какой-то посредник, который проводил бы помногу часов и с ним и с нами. Эпстайн был, можно сказать, его правой рукой. Он был вынужден дольше старика дышать нашей атмосферой, но в конце концов ему пришлось за это расплатиться. Он и умер от этого.

— Но почему же вы раньше об этом не сказали?

— Ну, прежде всего, потому, что мне дорога моя шкура. Я бы мог сказать — репутация, но «шкура» будет точнее. Я подписал контракт на работу в качестве личного врача. Ему действительно нужен был обычный земной врач — это тоже своего рода маскировка. Но лечил я его в основном по телефону и, как я теперь понимаю, больше для отвода глаз. Мне звонили от него и сообщали симптомы, я осторожно предлагал диагноз и назначал лечение. Вскоре мне снова звонили и сообщали, что больному стало лучше, и на этом все кончалось. Да что там, мне даже приносили на анализ кровь, мочу и тому подобное, и я их исследовал. Конечно, мне и в голову не приходило, что они не имели никакого отношения к старику, равно как и тот труп, об осмотре которого медицинский эксперт только подписал протокол.

— Какой еще труп?

Карл пожал плечами.

— Ему все было доступно и дозволено.

— Значит, медицинский эксперт осматривал не его? — Уилер показал рукой на гроб.

— Конечно, нет. У печи есть задние дверки. Фокус здесь простой. Этот гроб был в печи. А двойник — бог его знает, откуда он появился, только я тут ни при чем, клянусь вам, — лежал с той стороны в гробу, в ожидании медицинского эксперта. Когда мы там нажали кнопку, ток в печи выключился, гроб с двойником вкатился в печь, а этот был

вытолкнут из печи да еще полит водой. Я имел личные строго секретные инструкции, они касались как Эпстайна, так и самого босса. Мне было предписано после осмотра тела экспертом и кремации двойника вернуться сюда одному через час, убедившись, что никто за мной не следит, и нажать вторую кнопку с задней стороны печи, чтобы отправить этот гроб на кремацию. Мне было запрещено задавать вопросы, предпринимать какие-либо исследования и тем более кому-либо сообщать об этом. Это было типично для многих его распоряжений и также не поддавалось объяснению. — Он неожиданно рассмеялся. — Вы знаете, почему старик и Эпстайн тоже никогда никому не подавали руки? Вы, наверное, этого не замечали?

— Нет, но я полагал, что он просто боится заразы.

— Нормальная температура его тела была 47 градусов.

Уилер потрогал одну свою руку другой и ничего не сказал.

Когда Карл почувствовал, что молчание уже достаточно сгустилось, он весело спросил:

— Ну, босс, что мы будем делать дальше?

Кливленд Уилер медленно перевел взгляд с гроба на Карла, как бы с трудом отрываясь мыслями от покойника.

— Как вы меня назвали?

— А, это просто фигура речи, — улыбаясь, сказал Карл. — Я ведь, по существу, работаю на компанию, а компания — это вы. Приказы, которые я получил, будут выполнены до конца, когда я нажму эту кнопку. Других распоряжений у меня нет. Так что решать вам.

— Вы имеете в виду его? Что нам делать с ним? — переспросил Уилер, снова переведя взгляд на гроб.

— Да, именно. Либо мы его сейчас сожжем и обо всем забудем, либо вызовем сюда все правление и батальон ученых. Или перепугаем до смерти все население Земли — для этого достаточно только вызвать сюда репортеров. Вот это и надо вам решить. Меня лично тревожат более широкие проблемы.

— Да?

— Зачем он здесь появился? Что успел сделать? Чего добивался?..

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал Уилер, и в его голосе впервые прозвучало нечто похожее на неуверенность. — У вас было хоть немного времени обдумать все это, а я... — И он беспомощно развел руками.

— Я вас вполне понимаю, — мягко сказал Карл. — До этого момента я выступал наподобие платного лектора. Не собираюсь приводить вас в смущение комплиментами, но скажу: вряд ли найдется другой человек на свете, который смог бы проглотить все это так спокойно, как вы... Итак, пошли дальше. В математике есть метод построения графиков. Вы ставите в системе координат точку, отмечая этим значение определенной величины. Когда вы получаете другие значения, вы ставите вторую точку, затем третью. Располагая тремя точками и соединив их между собою линией, мы можем построить отрезок кривой. Лучше, конечно, когда точек больше, но трех уже достаточно. Построенная нами кривая обладает определенными характеристиками, и мы вправе продлить ее несколько дальше в предположении, что последующие данные подтвердят правильность нашего прогноза.

— Экстраполяция.

— Совершенно верно. Так вот, по оси «х» будем откладывать рост богатства нашего покойного босса, а по оси «у» — время. Кривая, которую мы получим, характеризует рост его богатств во времени, то есть рост его влияния.

— График получится высокий.

— Да, больше тридцати лет, — ответил Карл. — А теперь на этот график наложим другую кривую: изменения в состоянии среды обитания человека за те же тридцать лет, — он поднял руку, как бы предупреждая возражение. — Нет, я не собираюсь читать вам трактат по экологии. Будем называть это просто изменениями. Скажем так: повышение средней температуры в результате содержания CO_2 в атмосфере и так называемого тепличного эффекта. Вычертим кривую. Содержание тяжелых металлов, ртути и лития в органических тканях. Еще одна кривая. Затем построим кривые по хлористым углеводородам, по разрастанию водорослей под воздействием фосфатов, по частотности коронарных заболеваний... и наложим все эти кривые на тот же график.

— Я вижу, куда вы клоните, но такие статистические упражнения требуют осторожности. Не то, чего доброго, можно обнаружить зависимость роста дорожных происшествий от увеличения потребления алюминиевых банок и детских булавок с пластиковыми головками.

— Сколько угодно. Но я, кажется, избежал этой ловушки. Я просто хочу найти логичные ответы на два вопроса. Мне хочется найти объяснение некой весьма нелогичной ситуации. Первый вопрос такой: если все перемены на нашей планете — результат беспечности, то есть явления более или менее стихийного, почему же тогда беспечность идет обязательно во вред, а не на пользу среде, окружающей нас? Нет, нет, я обещал — никаких лекций по экологии! Спрошу иначе: почему вся эта беспечность помогает не сохранению среды, а именно переменам в ней?

Теперь второй вопрос: каково направление этих перемен? Вы, конечно, читали абстрактные мудрствования насчет «планетарной инженерии» — переделки других планет, чтобы приспособить их для жизни людей. А если предположить, что нашу Землю другие существа пытаются приспособить для себя? Скажем, им нужно больше воды, и они хотят расплавить полярные ледовые массивы с помощью тепличного эффекта? Хотят увеличить содержание окислов серы и уничтожить все формы морской жизни — от планктона до китов? Сократить численность человечества с помощью рака, эмфиземы легких, инфарктов и даже войн?

Оба, не сговариваясь, взглянули на безжизненное лицо лежавшего в гробу.

— Поглядите только, — тихо сказал Карл, — чем он занимался: уголь, нефть, нефтехимия, пищевая промышленность, рекламное дело — все это либо само изменяет среду, либо помогает тем, кто ее изменяет...

— Я вижу, вы не очень-то и вините его за это.

— Конечно. У него нашлись миллионы добровольных помощников.

— Но вы же не думаете, что он хотел искалечить целую планету только ради того, чтобы лишь ему одному было удобно жить на ней?

— Нет, не думаю. Тут мы подошли к главному, что я хочу сказать. Я не знаю, есть ли на Земле еще такие существа, как он и Эпстайн, но могу предположить: если происходящие сейчас перемены будут продолжаться — и ускоряться, тогда мы можем ожидать многих таких гостей.

— Чего же вы хотите? — спросил Уилер. — Мобилизовать человечество на борьбу против захватчиков?

— Ничего подобного. Я бы только медленно и без шумихи дал обратный ход всем переменам. Если наша планета в своем естественном состоянии непригодна для них, я бы постарался и сохранить ее такой. Не думаю, что нам придется изгонять их. Они просто не придут...

— Или попробуют добиться своего другим способом.

— Вряд ли, — сказал Карл. — Если бы они надеялись, что эскадры космических кораблей и всякие там супербомбы помогут им, они бы так и сделали. Нет, у них свой метод, и если он у нас не привел к успеху, они будут искать другую планету.

Уилер принялся сосредоточенно пощипывать нижнюю губу.

— Для этого ведь не так много нужно: ясное понимание цели, побольше денег и умная голова, чтобы с толком и прибылью пустить их в дело. Если угодно, они смогли бы даже терпеливо направить жизнь какого-либо человека по определенному сценарию — чтобы сформировать такого, какой им нужен.

И, не дав Уилеру ответить, Карл поднял кверху скальпель.

— Я попрошу вас сделать для меня одну вещь, — сказал он резко, с совсем иной, повелительной интонацией, типичной скорее для Уилера. —

Я хочу, чтобы это сделали вы, потому что мне противно, черт побери, оставаться единственным человеком на свете, на чью долю это выпало.

Наклонившись над изголовьем, он сделал поперечный разрез по верхней границе лба трупа от виска до виска. Затем, упершись локтями в боковые стенки гроба и сжав скальпель обеими руками, он проделал надрез от середины лба по переносице, носу, губам и подбородку до самого горла.

Распрямившись, он приказал:

— Положите руки на его щеки.

Уилер нахмурился на мгновенье, помедлил — с ним уже давненько никто так не разговаривал! — и повиновался.

— Теперь сильно прижмите ладони и сдвиньте руки.

Надрез слегка расширился, и вдруг кожа под руками подалась и легко соскользнула вниз. От неожиданности Уилер чуть не упал грудью на гроб, и лицо его оказалось в нескольких дюймах от страшного освежеванного лица трупа.

Подобно легким и почкам, глаза тоже сливались в один глаз, немного суженный посередине. Зрачок был овальный; длинная ось овала шла поперек. Кожа была бледно-лавандового цвета, сосуды на ней желтые, на месте носа дыра с лохматыми краями. Рот имел округленную форму, зубы неровные, беспорядочно расположенные, подбородок едва выделялся.

Уилер, не шевелясь, зажмурился; прошли одна-две секунды, пока он наконец отважно раскрыл глаза. Карл в два прыжка обежал вокруг гроба и одной рукой подхватил Уилера под грудь. Уилер на мгновенье тяжело повис на его руке, но тут же распрямился и отбросил руку.

— Вам не надо было заставлять меня это делать.

— Нет, надо было, — сказал Карл. — Вам хотелось бы быть единственным человеком на свете, который испытал все это и не мог бы даже никому рассказать.

И тут Уилер смог даже расхохотаться. А потом, оборвав смех, сказал:

— Нажмите эту кнопку.

— Давайте крышку.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Уилер послушно принес крышку, и они закрыли гроб.

Карл нажал кнопку, и гроб плавно скользнул в полыхающий жаром зев печи...

У Джо Триллинга был необычный способ добывать себе средства к существованию. Зарабатывал он неплохо, хотя, конечно, ничего похожего на те денежки, какие он мог бы огребать в большом городе, у него не было. Зато он жил в горах, в полумиле от живописной деревушки, на свежем воздухе, вокруг раскинулись рощи — сосна, береза и горный лавр... А главное — он был сам себе хозяин. Конкурентов у него почти не было.

А занимался Джо изготовлением анатомических муляжей различных частей человеческого тела. Главными потребителями были военные, но много заказов поступало и от медицинских учебных заведений, киностудий, а иногда и от частных лиц, причем в последнем случае Джо лишних вопросов не задавал. Он мог изготовить модель любого внутреннего органа, любой части тела. Он мог делать модели, неотличимые от натуры на глаз, на ощупь, по запаху и как угодно еще. Он мог изобразить гангренозную язву, от которой несло трупным запахом. Он мог делать уникальные экземпляры и целые партии. Короче, д-р Триллинг был в своем деле первым человеком в Штатах.

— Настоящим шедевром, — сказал Карл (в более благоприятной обстановке, чем при предыдущей встрече, уже днем, а не ночью, и с кружкой пива в руке), — была твоя выдумка с лицом. Первоклассная работа, черт побери.

— Ерунда. Вся сила была в твоей идее — заставить его положить руки на лицо.

— Не понял.

— Я тут как-то вспоминал об этом, — сказал Джо. — Ты, наверно, сам не отдавал себе отчета, какой это был блестящий ход. Устроить человеку такой спектакль само по себе умно, но заставить его прикоснуться к этому собственными руками — вот в чем блеснула гениальность. Как бы тебе объяснить... Ну вот, пожалуй, такой пример. Я еще совсем мальчишкой шел однажды из школы и схватился рукой за прут садовой решетки. А на пруте был плевок, обыкновенный плевок, — он показал ладонь правой руки и брезгливо отряхнул ее. — Сколько лет прошло с того дня, но я до сих пор не забыл этого ощущения. Годы не стерли его, никакое мыло, никакие щетки не смогли его соскоблить. И сидит это не в мозгу, не в психике, это не просто память о неприятном эпизоде. Мне кажется, существует какой-то запоминающий механизм в самих клетках, особенно в клетках рук. Он-то и работает... Это я все к тому, что Уилер, сколько ему ни суждено прожить, будет до конца дней своих ощущать, как кожа соскользнула с черепа мертвеца под его ладонями, и вспоминать, как он чуть не уткнулся носом в него. Нет, дорогой брат, гений ты, а не я.

— Брось. Ты знал, что делаешь, а я нет.

— Не заливай, — Джо откинулся назад в своем шезлонге так далеко, что сквозь дно своей кружки смог увидеть солнце.

Лениво следя, как поднимались в пиве пузырьки газа и вопреки законам перспективы увеличивались, удаляясь от него (просто потому, что ближе к поверхности жидкости они расширялись), он пробормотал:

— Карл...

— Да?

— Ты когда-нибудь слышал о «Бритве Оккама»[1]?

— Гм... Давно. Кажется, философский принцип какой-то. Или из логики? Постой-ка... Одну минуту... Вот так. Если даны следствие и ряд возможных причин, то наиболее вероятной, истинной причиной будет простейшая. Правильно?

— Не совсем точно, но довольно близко, — сказал Джо. — Гм-м... Ну так вот, ты и я знаем, что человеческая жадность и беспечность сами по себе вполне достаточны, чтобы разрушить нашу планету. Но мы считали, что для людей, подобных Кливу Уилеру, которые располагают реальными возможностями пресечь этот процесс, эти причины неубедительны, и сфабриковали для него инопланетянина, дышащего смогом. То есть он ничего не стал бы делать ради спасения мира, пока мы не подсунули ему довод, убедительный для него. Выдумали и подсунули.

— Да, но выдумали, оправдав этот довод всеми доступными данными... К чему ты, собственно говоря, клонишь?

— Так... Видишь ли, наша хитроумная афера в своем существе очень проста, потому что она сводит все к одной-единственной причине. «Бритва Оккама» этому и учит — сводит явления к простейшим причинам. Это я все к тому, что единственные причины, весьма вероятно, и есть истинные.

Карл со стуком поставил свою кружку.

— Черт возьми, я до этого не додумался! Слишком занят был. **А что, если мы оказались правы?**

Они глядели друг на друга совершенно потрясенные...

Перевел с английского Я. БЕРЛИН

[1] Оккама Уильям (род. ок. 1300 г. — умер ок. 1350 г.) — английский философ и богослов.

В этом рассказе автор применил игру слов, назвав хирургический скальпель Триллинга, раскрывающий перед Уилером якобы инопланетное происхождение его босса, «скальпелем Оккама».

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВ

СЛЕДУЮЩИЙ...

Фантастический рассказ

— Следующий!

Ноэл поднялся со стула и робко открыл дверь. Человек за столом окинул его быстрым взглядом.

— Профессия?

— Автомонтажник. Но могу работать и по смежным специальностям, — он замялся, — какие требуются...

— Возраст?

— Двадцать лет, — сказал Ноэл. — Я согласен на любые условия...

— Состояние здоровья?

— Группа «1А».

— Вам повезло, — сказал человек за столом. — Возьмите адрес, — и он положил на край стола перфорированную карточку.

Ноэл сделал два шага и дрожащей рукой взял ее.

Человек за столом нажал на невидимую кнопку, и в боковой стене комнаты открылась дверь.

— Прошу, — сказал он, выпроваживая Ноэла жестом.

— Спасибо, — сказал Ноэл, — я вам очень благодарен...

— Следующий, — сказал человек за столом в селектор.

Ноэл вышел на пустынную улицу и у ближайшего пункта автостопа нажал кнопку вызова.

Солнце. Ноэл зажмурился. Воздух. Ноэл несколько раз глубоко вздохнул. Счастье. Ноэл рассмеялся. Как повезло! Кто же мог знать, что именно сегодня, когда никаких надежд уже не оставалось, ему так повезет!

Ноэл повертел в руках карточку с адресом. Судя по расположению боковых отверстий, это было где-то в районе пригорода.

Бесшумно подкатил автокар. Ноэл сел на переднее сиденье и вложил карточку в маршрутный блок. Мигнул сигнал приема адреса, и автокар понесся по прямой как стрела улице.

Ноэл не ошибся, предполагая, что конечный пункт маршрута находится в пригородной зоне. Когда шоссе обогнуло засохший душный лес, автокар притормозил и свернул на узкую ленту ответвления. По всему чувствовалось, что дорога проложена не-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

давно. На обочине еще лежали редкие стволы выкорчеванных деревьев, и дорожное покрытие отливало неправдоподобной синевой. Опустив в кабине стекло, Ноэл подставил лицо свежему ветру.

Еще один поворот, и Ноэл понял, куда он едет. Вдали виднелось хрупкое строение из стекла и стали. Несколько корпусов стояли чуть поодаль и отражали зеркальными стенами яркий солнечный свет.

Вблизи многоэтажные корпуса сливались друг с другом бесчисленными переходами и казались одной непреодолимой стеной. Автокар плавно остановился у огромных дверей центрального входа. Теряясь в фонтанах солнечного света, Ноэл вышел и задрал голову. Прозрачное здание растворялось в небе, и у Ноэла потемнело в глазах. Двери распахнулись во всю ширину, пропуская его внутрь.

В просторном вестибюле было прохладно и еле заметно пахло новым пластиком. Подъехавший кибер терпеливо выяснил у Ноэла цель его посещения и попросил следовать за ним. Ноэл шел на негнущихся ногах по длинному коридору мимо комнат без обозначений и думал о будущем.

В самом конце коридора кибер остановился, указал Ноэлу на стул и скрылся за дверью. Ноэл не сел. Он стоял и пытался сосредоточиться перед последним испытанием.

Наконец дверь открылась, и кибер пригласил Ноэла войти. В светлом кабинете у окна за столом сидел человек.

— Профессия?

— Автомонтажник, — сказал Ноэл, — у меня диплом об окончании...

— Возраст? — прервал его человек.

— Двадцать лет, — сказал Ноэл.

— Нам не нужны автомонтажники, — сказал человек за столом, и кибер согласно кивнул головой.

— Но мне дали ваш адрес... — Ноэл умоляюще смотрел в сонные глаза сидящего за столом человека. — Я буду делать все, что от меня потребуется...

— Состояние здоровья?

— Группа «1А».

— Хорошо, — сказал человек за столом. — Нам нужен оператор процесса. Все инструкции получите у него, — он кивнул на кибера, — и дадите ему номер вашего личного счета.

— Спасибо, — сказал Ноэл, — я вам очень благодарен...

Кибер выехал из кабинета. Ноэл вышел вслед за ним и осторожно прикрыл за собой дверь. Свершилось.

Слушая монотонные наставления, Ноэл шел рядом с кибером по бесконечному коридору, и картины будущего проносились у него перед глазами с непостижимой быстротой. Теперь все зависело от него самого, а на себя самого он мог положиться.

— ...Для обеспечения заданной программы необходимо подключиться ко всем каналам связи и, настроившись на производственные параметры, следить за показаниями датчиков и экрана обзора. При появлении отклонений от требуемых параметров нужно провести корректировку по контрольным кривым, поставив тумблер в нейтральное положение. Добившись совпадения контрольных и производственных характеристик, необходимо перевести тумблер в положение «Цикл» и проверить степень совпадения...

В ангар они попали внезапно. Только что шли по коридору, а теперь перед Ноэлом в льющемся с потолка искусственном свете высилась исполинская многоярусная туша гудящего металла.

— Вот ваше место, — сказал кибер, указывая на кресло перед пультом. — Пока управление процессом осуществляется другой сменой, я вас проэкзаменую.

Ноэл занял место перед пультом и положил руку на тумблер. На экране обзора плыли, синхронно извиваясь, две кривые: белая и зеленая.

Кибер выдвинул из груди панель, подсоединился к пульту и стал манипулировать переключателями.

Кривые на экране обзора разошлись. Зеленая плыла как и прежде, а белая хаотически заметалась по экрану.

Ноэл переключил тумблер и ручкой настройки добился их совпадения.

— Удовлетворительно, — сказал кибер и снова задвигал переключателями.

Теперь Ноэл был внимательнее и настроился быстрее.

— Хорошо, — сказал кибер. — Но учтите: потери времени при настройке автоматически удлиняют продолжительность смены. При завершении цикла тумблер ставится в нейтральное положение и вас отключают от систем обслуживания.

— От каких систем обслуживания? — спросил Ноэл.

— Системы обслуживания подключаются для обеспечения непрерывности вашей работы и, следовательно, производственного процесса. Их будут менять каждые пятнадцать минут.

— Странно, — сказал Ноэл, — по-моему, на настройку выгоднее поставить оператора-кибера, а не меня...

— Нет, — сказал кибер, — это нерентабельно. Оператор-кибер сложнее в обслуживании.

— Вам виднее... А что производится в этом процессе?

— Все.

— Как все? — не понял Ноэл.

— Это универсальное производство, — ответил кибер. — Задача максимально полного и эффективного использования природного сырья требует единовременного производства всех предметов потребления. Вы разве не знаете об этом? Процесс доведен до абсолюта. Здесь производится все. Ваша смена начнется через час. Пока вы можете провести время в зале ожидания. Разумеется, все услуги бесплатно.

Ноэл больше не задавал вопросов. Час свободного времени в пустом зале ожидания тянулся нескончаемо долго, и, когда за ним приехал кибер, Ноэл обрадовался и, переодевшись в привезенную спецодежду, отправился в ангар.

Усадив его в кресло, кибер подключил к нему систему обслуживания, вид которой вызвал у Ноэла искреннее изумление. Теперь он сидел в конусообразном шлеме, опутанный тонкой паутиной серебристых проводов.

— Вы готовы? — спросил кибер.

— Готов, — ответил Ноэл и положил руки на пульт управления.

— Включаю в цикл, — сказал кибер.

На экране обзора поплыли две кривые: белая и зеленая. Ноэл смотрел на их плавное неторопливое движение и думал о том, что сделает, когда смена закончится и он вернется домой. Время шло.

Сзади раздался легкий шум, что-то двигалось, щелкало, гудело. Хотелось оглянуться, но Ноэл не отрываясь смотрел на экран.

«Меняют систему обслуживания, — подумал он, — кибер сказал, что их меняют каждые пятнадцать минут...»

Кривые на экране разошлись, и одна из них забилась, как в истерике. Ноэл мгновенно среагировал, и они снова поплыли в едином ритме.

Часов на пульте не было, и Ноэл стал считать подключения системы обслуживания. Но они подключались с такой однообразной периодичностью, что он сбился со счета.

Появилась усталость. Ноэл с трудом смотрел на экран, загипнотизированный постоянным движением, и уже не так быстро настраивался при расхождении кривых. Руки отяжелели и с трудом слушались его. Начали слезиться глаза. Казалось, время замедлилось, и вообще остановило свой бег. И вдруг экран погас.

Ноэл испугался, потом с облегчением вздохнул и поставил тумблер в нейтральное положение. Смена кончилась.

Он сидел в кресле, закрыв глаза и опустив безвольно руки. Сквозь усталость пробивались чьи-то сухие, безжизненные голоса, его освобождали от проводов, шлема, затем бесцеремонно подняли и поставили на ноги.

Ноэл открыл глаза. В ангаре тускло горел свет, вокруг суетились киберы. Он поискал взглядом того, кто его инструктировал, но не нашел.

Ноэла медленно вели по бесконечному коридору, и он со страхом ощущал непривычную слабость во всем теле. Ноги были как ватные, болела голова, и тупо кололо в боку.

«Это с непривычки», — подумал Ноэл и снова закрыл глаза.

У центрального подъезда стоял автокар. Ноэл бессильно упал на переднее сиденье, кибер предупредительно вставил в маршрутный блок перфорированную карточку, и автокар понесся в кромешной ночной темноте.

Ноэл заснул. Ему снились светлое чистое утро и дети, играющие в мяч. Ноэла среди них не было. Сначала они играли весело и все время смеялись, потом смеяться перестали и кидали мяч друг другу механически, а некоторые с недетским ожесточением.

Автокар затормозил и остановился. Ноэл проснулся. Шел дождь, горели тусклые фонари. Он с трудом вылез и побрел к подъезду своего дома. В дверях стоял кибер.

— Вы к кому?

— Я Ноэл, — сказал Ноэл, — я здесь живу.

— Ноэл. Комната № 1243. Опечатана. Номер вашего личного счета?

— Вот, — сказал Ноэл и достал из кармана пластиковую карточку. — Смотрите сами, я не помню.

Кибер сверил номер и отступил.

Ноэл вошел в подъезд. В пневмокапсулу лифта за ним протиснулся кибер. Ноэл безразлично на него посмотрел и ничего не сказал.

Перед дверью № 1243 Ноэл остановился. На ней висела серебристая пломба. Кибер объехал Ноэла и срезал ее. Ноэл открыл дверь. Включился свет.

На полу лежал толстый слой пыли. В комнате стоял ни с чем не сравнимый запах склепа. В углу валялась разбитая семейная гипнография.

— Боже мой, — сказал Ноэл, — что это?

— Консервация помещения была произведена по низшему разряду, — сказал кибер, невозмутимо въезжая в комнату. — За сорок лет пыль просочилась в установленных пределах. Претензии неуместны.

— За сорок лет... За какие сорок лет?

— За сорок лет вашего отсутствия, — сказал кибер.

— Так что же... — Ноэл с ужасом смотрел на следы кибера в многолетней пыли. — Меня не было сорок лет?!

— По моим данным: сорок лет, один месяц и два дня.

Ноэл прислонился к стене.

— Значит, мне теперь шестьдесят...

— Я не знаю, — сказал кибер, — у меня нет таких сведений. Может быть, и пятьдесят... Для шестидесяти лет вы неплохо сохранились. Конечно, вещи сохраняются лучше, но это и понятно, на них уходит столько человеческой энергии.

АЛЕКС ПАНШИН

СУДЬБА МИЛЬТОНА ГОМРАТА

Мильтон Гомрат был мусорщиком и проводил свои дни в мечтах о лучшей жизни. Опорожнив очередной бак в кузов грузовика, он погружался в сладкие грезы под аккомпанемент перемалывающей мусор машины. Он ненавидел грузовик, ненавидел свою убогую конуру и бесконечную вереницу однообразных серых дней. Грезились же ему иные возможные варианты жизни, и, поскольку на белом свете существовало многое, чем не обладал он, грезы его были прекрасны.

Любимой мечтой Мильтона стала та, которая заказана человеку, знающему своих родителей. Ведь Мильтона нашли в плетеной корзине на крыльце сиротского приюта, что и позволяло ему с раннего детства строить в воображении бесконечное множество своих величественных судеб и жизненных предназначений, вестником которых станут мать, дядя или кузен, явившиеся, чтобы забрать его в страну вечного лета, где ему и надлежало жить по праву рождения.

И вот однажды, когда он стоял у мусоросборочного грузовика, прямо перед ним внезапно появился худой нервный человечек, одетый в простой черный костюм.

— Мильтон Гомрат? — спросил человечек, и Мильтон кивнул в ответ.

— Я оперативный агент Центрального бюро вероятностей. Могу ли я переговорить с вами?

Мильтон опять кивнул. Пришелец, хотя и никак не походил на воображаемого в мечтах кузена, ни тем более на мать, знал, однако, наизусть те самые слова, которые Мильтон твердил себе каждый день с тех пор, как себя помнил.

— Я явился, дабы исправить ошибку в ткани вероятностей, — заявил человек. — Во младенчестве вас нечаянно перебросили из вашего измерения в это, что значительно сказалось на Существующей Реальности. Заставить вас отправиться со мной я не могу, но, если вы только согласитесь, я немедленно верну вас на ваше Настоящее Место в жизни.

— А куда? — поинтересовался Мильтон. — В такой же мир, как этот? — Он махнул рукой в сторону грузовика и улицы.

— О, что вы, отнюдь нет! Я зову вас в волшебный мир драконов, замков, рыцарей и всего такого прочего. А чтобы вам легче было сориентироваться, я уже нашел человека, который укажет вам ваше место и введет в курс дел.

— Я согласен! — заявил Мильтон.

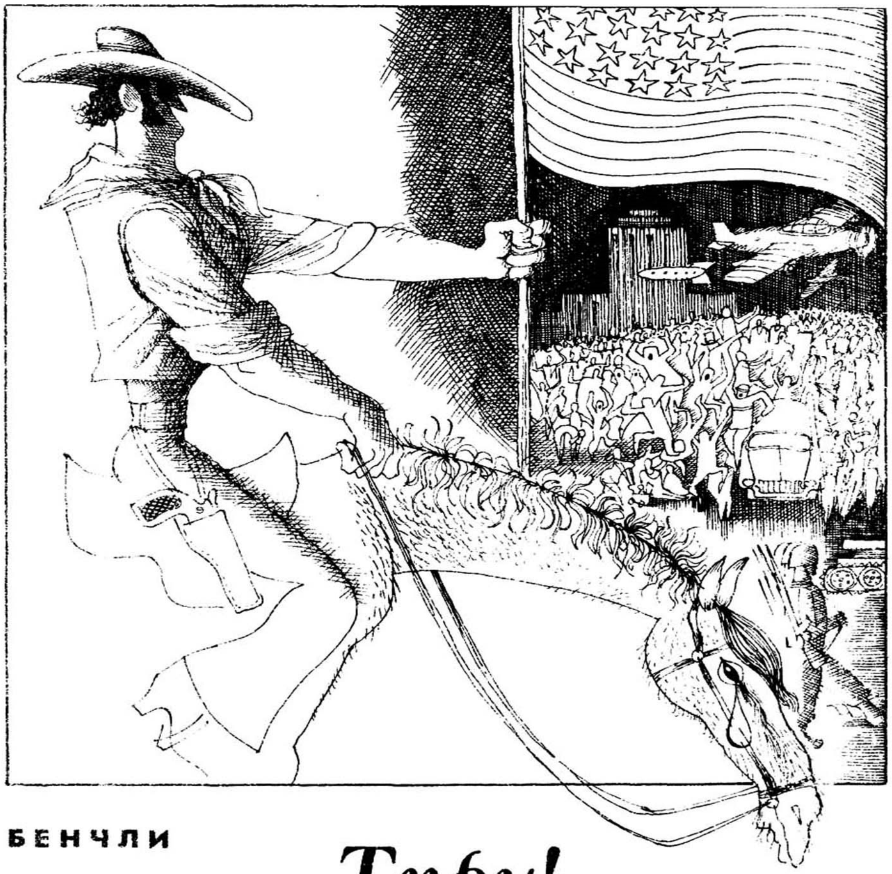
Не успел он договорить, как мир померк в его глазах, и, когда зрение вернулось к нему, он вместе со своим спутником очутился во дворе огромного замка. С одной стороны он увидел серые каменные строения, с другой — розарий, где пышно цвели красные, белые и желтые розы. Прямо перед ним стоял заросший бородой человек средних лет.

— Вот мы и на месте, — сказал спутник Мильтона. — Господа, Центральное бюро вероятностей выражает вам самую сердечную признательность. Поставив все на свои Настоящие Места, вы оказали нам неоценимую услугу.

С этими словами человек в черном исчез.

— Топай за мной, — буркнул бородач и зашел в ближайший к ним сарай, оказавшийся конюшней. — Спать можешь здесь, — кивнул он на груду соломы в углу. Затем показал Мильтону кучу навоза, вилы и тачку. — Это погрузи сюда и разбросай под розами в саду. Как сделаешь, найдется тебе еще и другая работенка.

Перевел с английского Ю. ЗАРАХОВИЧ



РОБЕРТ БЕНЧЛИ

Тпру!

Поль Ревер вскочил в седло.

— Лети стрелой, старушка Бесс, — прошептал он на ухо своей кобыле, и они понеслись вперед.

Но вдруг как бы в видении (да это и было видение) бесстрашному патриоту открылось будущее страны, которой он нес сейчас свободу.

Перед взором его предстали сто десять миллионов человек: мужчины в котелках, женщины в маленьких фетровых шляпках, толкающиеся в битком набитых трамваях по дороге на работу и обратно, все утро неправильно складывающие цифры, а после полудня неправильно их вычитающие и ровно в 12.30 делающие перерыв, чтобы проглотить сандвич.

Он увидел, как пятьдесят миллионов из них пытаются не дать другим шестидесяти миллионам делать то, что они хотят, и как шестьдесят миллионов пытаются помешать пятидесяти миллионам делать то, что хотят те. Он увидел, как все они платят налоги маленькой кучке из их же числа за то, что она из рук вон плохо правит ими. Он увидел, как десять тысяч толстых детей резвятся и нежатся на теплом песочке, пока десяти миллионам тощих детей приходится работать. И — то и дело — он видел, как пять миллионов юношей маршируют под аплодисменты миллионов старцев, чтобы отдать руки, ноги и жизни за ЧТО-ТО (а за ЧТО ИМЕННО — решат за них потом). И еще он увидел, как над всей этой картиной реет звездно-полосатый флаг, вьющийся в искусственном ветерке электровентилятора, установленного за кулисами.

Он резко дернул за поводья, и ему захотелось завопить:

— Тпру, Бесс! Скачи обратно в конюшню!

Перевел с английского
Ю. АЛЕКСАНДРОВ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

[1] Поль Ревер — герой войны за независимость США. В 1775 году он проскакал из Бостона в Лексингтон, чтобы предупредить колонистов о нападении английских войск.

ФРЕДЕРИК БРАУН

ЗЕМЛЯНЕ, ДАРЫ ПРИНОСЯЩИЕ

Дар Рай размышлял в одиночестве, когда снаружи донеслась мысль, соответствующая стуку в дверь. Мысленным усилием откатив дверь в сторону, Дар Рай сказал: «Входите, друг мой». Он мог, разумеется, передать слова телепатически, но при разговоре один на один звуковая речь более любезна.

В комнату вошел Эджон Хи.

— Вы сегодня засиделись, вождь, — сказал он.

— Да, Хи, ведь сегодня, через час, прибудет ракета с Земли, и я хочу это видеть собственными глазами. Да, я знаю, что она упадет в тысяче миль отсюда, если расчеты землян верны. Но, даже ошибись они и упади ракета на расстоянии, в два раза большем от нас, вспышка ядерного взрыва все равно будет видна. Я так долго ждал этого дня! Пусть на борту ракеты нет землян — все равно это первый контакт. Для них, во всяком случае. Наши телепаты уже многие столетия читают их мысли, но ведь физический контакт между Землей и Марсом произойдет только сегодня!

Хи удобно устроился в низком кресле.

— Это верно, — ответил он. — Правда, я не очень внимательно следил за последними сообщениями и не понял, зачем им понадобилось взрывать ядерный заряд. Я знаю, что они считают нашу планету необитаемой, но все же...

— Они будут наблюдать за взрывом в телескопы своей лунной обсерватории, чтобы составить спектрографический анализ и получить более точные данные об атмосфере и почве Марса. А затем еще несколько противостояний, и они прилетят к нам!

Марс ждал прихода людей. Вернее, не весь Марс, а то, что осталось от марсианской цивилизации, — маленький городок с населением около девятисот душ. Цивилизация Марса была намного старше земной, но она умирала. И марсиане ждали контакта с Землей, думая и о своем будущем, и о будущем землян. Ведь их цивилизация развивалась совсем не так, как на Голубой планете. Марсиане не создали техники, не накопили знаний в области точных наук. Но они овладели парапсихологическими свойствами мозга, о которых земляне лишь начали смутно догадываться. Марс многому мог научить Землю: телепатии, телекинезу, эмпатии... А Земля, надеялись марсиане, сможет с помощью науки и техники оживить их умирающую планету.

И вот сегодня Рай, вождь марсиан, и Хи, его помощник и близкий друг, подняли бокалы за будущее, а затем забрались на крышу самого высокого здания и ждали, устремив взоры на север, где должна была появиться ракета.

— Вон она грохнула, Вилли, — сказал Рог Эверетт, оторвавшись наконец от окуляра телескопа. — Теперь узнаем, что на Марсе к чему.

Он и Вилли Сантер обменялись торжественным рукопожатием по поводу исторического события.

— Надеюсь, мы там никого не убили, а, Рог? Мы попали точно?

— Можно считать, что да. Ракета отклонилась от цели не больше, чем на тысячу миль к югу. При запуске на пятьдесят миллионов миль это пустяки. Вилли, а как по-твоему, марсиане существуют?

С секунду подумав, Вилли уверенно ответил:

— Нет.

И был прав.

Перевел с английского Ю. ЗАХАРОВ

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ

Сражение

16 апреля 2260 года все было готово к штурму. Танковые части заняли позиции, на аэродромах сосредоточились эскадрильи гравилетов, с лязгом распахивались дверцы контейнеров с термоядерными бомбами...

Командующему доложили, что наконец-то прибыл один из высших Командиров противника с донесением.

— Проводите его сюда, — обрадовался Командующий.

Он шагнул навстречу вошедшему и крепко обнял его. Они были знакомы давно.

— Ну, какие вести? — спросил Командующий.

— К нам подошло танковое соединение Градова. Оно ударит в центре. А на правом фланге для усиления нам придана группа Зимина.

— А с воздуха? — спросил Командующий.

— Почти без изменений. Разве что еще две эскадрильи бомбардировщиков ждут в резерве.

— На тебя Центр возлагает особые надежды, — напомнил Командующий.

— Мои разведчики не подведут. Ждем твоего сигнала.

Командующий скользнул взглядом по телеэкранам. На одном из них виднелась в отдалении темная зубчатая полоса.

— Жаль леса. Взрывной волной его весь повалит...

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Командир. — Тесно стало в городах Южной полосы. Нужны новые места для расселения...

— Я провожу тебя, — сказал Командующий.

Они пошли вместе к взлетной площадке мимо минометных установок, где лежали тяжелые «чушки» с ядерной начинкой, мимо бронетранспортеров, на которых ринутся в пекло передовые части. Командир внимательно осматривал боевую технику, и Командующий, не выдержав, высказал затаенную мысль. Начал он с вопроса:

— Ты бывал в военных музеях древности на Земле?

— Бывал, конечно, — ответил Командир.

— Невольно сравниваю нашу военную технику с той, старой, особенно с техникой конца двадцатого века. Никак не могу отделаться от мысли, до чего же они похожи...

— Ну и что в этом особенного? Одно и то же назначение — сметать преграды на пути штурмовых отрядов, — пожал плечами Командир.

— Но тогда возникает вопрос — неужели за три столетия мы, люди, так мало изменились?

— Видимо. Может быть, это и хорошо. А ты как думаешь?..

...Командующий наблюдал из блиндажа, как справа горизонт начал расцветать оранжевыми цветами. Там медленно всходило большое светило этой негостеприимной планеты, которую прорезали в разных направлениях вулканические гряды. Все они сходились к единому центру — земляне назвали его Зоной активности. Колонии людей на планете разрастались, но вулканы периодически разрушали постройки, лава заливала лаборатории и поля.

Командующий бросил взгляд на часы и нажал кнопку на пульте. В светлеющее небо планеты вонзилась красная ракета...

В то же мгновение почва завибрировала под ногами. Это двинулись танки. Над ними пронеслись эскадрильи гравилетов.

На склоне горы, занятой противником, тоже показались танки. Столбы взрывов превратили рассвет в нестерпимо пылающий день. Термоядерные бомбы и мины ударили по зоне вулканической активности — точно в места, указанные сейсмологами. Одновременно с танков в пробуравленные скважины заливались растворы. Быстротвердеющие комья оседали на струях пара, опускались в багровое клокочущее варево. Отряды разведчиков на транспортерах, оборудованных многоканальными станциями наводки, следили за ходом операции, корректировали ее.

Штурм Зоны продолжался шесть с половиной часов, а подготовка к нему заняла несколько лет, и в ней участвовали ученые Земли, Луны, Марса и Венеры. Последний вулкан был укрощен.

Когда обе армии, действующие с двух противоположных сторон Зоны, соединились и Командующий встретился со своим другом, был уже полдень.

— Победа! — сказал Командующий, указывая на табло.

— Полная победа, все точки подавлены, — подхватил Командир, улыбаясь во весь рот. Он наклонился к Командующему и так, чтобы не слышали окружающие, сказал: — Надеюсь, теперь тебя уже не мучит вопрос, насколько изменились люди за три столетия?

Командующий покачал головой, упрямо выдвинул подбородок:

— Вопрос остался. И на него еще предстоит ответить...

— Да ведь это не так существенно, — с категоричностью, свойственной молодости, ответил Командир. — Да, кстати, кажется, в те времена слово «противник» обозначало нечто иное, чем сейчас

ЭДВАРД Д. ХОХ

ЗВЕРИНЕЦ

В августе — особенно когда близилось двадцать третье число — дети вели себя примерно. Ежегодно в этот день огромный серебристый звездолет с межпланетным зверинцем профессора Гуго приземлялся всего лишь на шесть часов на космодром неподалеку от Чикаго.

Уже задолго до рассвета там собиралась огромная шумная толпа. Взрослые и дети становились в очередь, сжимая в руке по заветному доллару. Всем не терпелось узнать, каких же новых диковинных существ привез в этот раз профессор Гуго.

Людям уже приходилось видеть трехногих созданий с Венеры, или тощих длинных марсианских обитателей, или даже змеевидных страшилищ откуда-нибудь еще подальше. Так и в этом году после того, как большой округлый корабль плавно опустился на землю, они снова увидели, как стенки его поползли вверх, обнаруживая знакомые зарешеченные секции. Очередь плотным кольцом, но на почтительном расстоянии окружила звездолет, а персонал Гуго собирал приготовленные доллары. Вскоре появился сам профессор в своей радужной накидке и в цилиндре.

— Земляне! — разнесся его голос, усиленный микрофоном. Толпа притихла. Он продолжал: — Земляне, сейчас вы увидите настоящее чудо! За единственный доллар! Малоизученное конепаучье население Каана, доставленное к вам с большими трудностями за миллионы космических миль! Подходите ближе! Смотрите на них! Изучайте их повадки! Вам будет что рассказать своим знакомым. Но спешите! Сеанс будет длиться лишь шесть часов.

И люди опасливо подошли еще ближе, дивясь и одновременно робея при виде диковинных существ, будто появившихся из кошмарного бреда: маленькие лошадеобразные животные, которые двигались, словно пауки, быстрыми прыжками, непрерывно и визгливо перекликаясь.

— Это и впрямь стоит доллара, — бросил один человек, продираясь прочь из толпы. — Сбегаю домой, приведу жену...

Наконец, когда время сеанса истекло, профессор Гуго снова взял микрофон.

— Земляне, мы улетаем. Но в следующем году в этот день мы вернемся! И если вам понравился нынешний наш зверинец, позвоните своим знакомым, живущим в других городах. Завтра мы садимся в Нью-Йорке. На будущей неделе побываем в Лондоне, Париже, Риме и Токио. Затем полетим дальше, к другим мирам! — И он помахал рукой на прощанье...

Земляне были в восторге — *этот зверинец оказался самым интересным...*

Прошло два месяца: миновали не одну планету. Наконец серебристый звездолет профессора Гуго сел среди знакомых скал Каана. Конепауки быстро попрыгали вон из своих клеток.

Профессор Гуго сказал слова прощания, и кааняне рассыпались в сотне направлений, разыскивая свои жилища среди скал.

В одной из пещер каанянка, обрадовавшись возвращению своего супруга и ребенка, крепко обняла их и воскликнула:

— Как долго вы путешествовали! Интересно ли вам было?

Супруг утвердительно кивнул:

— Малыш в восторге. Мы посетили восемь миров и увидели много всякой всячины.

Малыш взбежал по стене:

— Всего забавнее было на планете, называемой Землей. Существа там носят одежду поверх своих шкур! И ходят на двух ногах!

— Было не опасно? — встревожилась каанянка.

— Нисколько, — ответил супруг. — От них нас защищали решетки, и мы не выходили из корабля. В следующий раз тебе надо бы поехать с нами. Это и впрямь стоит девятнадцати коммоков.

Малыш согласно кивнул:

— *Этот земной зверинец оказался самым интересным!*

Перевел с английского ВЛ. ЕГОШКИН

ФРЕДЕРИК БРАУН

ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОТЕРЯНО

Освещение внутри металлического куба было неприятного зеленоватого оттенка, и от этого мертвенно-белая кожа существа, сидевшего за пультом управления, казалась светло-зеленой.

Единственный многофасетчатый глаз посредине лба неотрывно следил за полудюжиной циферблатов с тех пор, как корабль стартовал с Ксандора. Галактической расе, к которой принадлежал Кар-388-игрек, сон не был знаком. Жалость тоже. Достаточно было взглянуть на резкие, жесткие черты пониже единственного глаза...

Куб остановился в пространстве относительно выбранной цели. Кар протянул верхнюю правую руку и повернул переключатель стабилизатора. Потом встал, потянулся, разминая затекшие мышцы, и сообщил своему сотоварищу:

— Первая остановка. Звезда Икс-1035. У нее девять планет, но обитаема только третья. Будем надеяться, что здесь найдутся твари, пригодные, чтобы стать рабами.

Лал-16-зет тоже встал и потянулся.

— Будем надеяться, — отозвался он. — Успех на первой же остановке был бы чудом. Возможно, нам придется облететь тысячу планет.

Кар пожал плечами.

— Облетим и тысячу. Лунаки вымирают, и мы должны найти рабов: иначе, если шахты остановятся, мы погибнем.

Он нажал тумблер и включил экран.

— Мы над ночной стороной третьей планеты, — сказал Кар. — Под нами слой облаков. Перехожу на ручное управление.

Он заиграл тумблерами и через несколько минут вскрикнул:

— Взгляни на экраны, Лал! Огни расположены правильным рисунком — это город! Планета населена!

Лал сел к приборному щитку, управляющему орудием уничтожения. Теперь он тоже следил за стрелками указателей.

— Опасаться нечего. Вокруг города нет силового поля. Научные познания у этой расы еще примитивны. Мы можем уничтожить город одним выстрелом, если они нападут на нас.

— Хорошо, — произнес Кар. — Но не забывай, что мы здесь не для разрушения. Пока. Нам нужны образцы. Если они окажутся подходящими, наш флот придет сюда, заберет в рабство сколько нужно и уничтожит не только город, но и всю планету.

Куб легко опустился на поверхность планеты; Кар включил механизм, открывающий шлюзы.

Он вышел первым, за ним Лал.

— Смотри, — показал Кар. — Пара двуногих. Два глаза, две руки, похожи на лунаков, но меньше ростом. Ну вот и образцы!

Он поднял левую верхнюю руку, всеми тремя пальцами сжимавшую тонкий, обвитый проволокой стержень, и направил его сначала на одно существо, потом на другое. Аборигены застыли, словно окаменев.

— Они некрупные, — сказал Лал. — Я понесу одного, а ты другого. Изучим их в корабле, когда будем в космосе.

Кар оглядел сумеречную местность.

— Да, двоих достаточно. Кажется, один из них — самец, другой — самка. Ну пошли!..

Вскоре куб поднялся. Как только они вышли из атмосферы, Кар включил стабилизатор и присоединился к Лалу, уже начавшему проводить исследования.

— Живородящие, — сообщил Лал. — Пятипалые, пальцы способны к довольно тонким операциям. Но определим сначала главное — умственное развитие.

Кар достал спаренные головные обручи. Одну пару он протянул Лалу, и тот надел обруч на голову образца, другой — на свою собственную. Кар проделал то же самое.

Через несколько минут инопланетяне озадаченно уставились друг на друга.

— На семь пунктов ниже минимума! — произнес Кар. — Их нельзя обучить даже простейшим работам на шахтах. Они не способны воспринять элементарные команды. Ну что ж, оставим их хотя бы для Ксандорского музея... А теперь полетим к звезде Н-9333 — там три обитаемые планеты...

Дежурный редактор «Чикаго стар» стоял в наборном цехе, следя за тем, как готовятся страницы местных новостей. Дженкинс, дежурный метранпаж, вставлял набор.

— В восьмой колонке есть место еще для одной заметки, Пит, — сказал он. — Строк на тридцать петитом. Есть две подходящие. Какую дадим?

Редактор взглянул на заметки.

— О конвенции и о беглецах, да? Ладно, давайте о конвенции. Кому какое дело до того, что из зоопарка сбежала парочка обезьян?

Перевела с английского З. БОБЫРЬ

ВЛАДИМИР ПЕСТЕРЕВ

ПЕТРУШКА

Фантастический рассказ

Существует верное средство оживить настроение заскучавших гостей. Попробуйте завести беседу о неопознанных летающих объектах. Средство действует безошибочно... Так было и на этот раз. Когда же гости разошлись, жена, человек впечатлительный, вышла на балкон и стала пристально вглядываться в черное, усеянное блестящими звездами небо.

Наш родной город Тбилиси давно жил предчувствием осени. Дворники сжигали собранную в кучи жесткими проволочными метлами первую опавшую листву. Дым, мешаясь с сырым речным туманом, расползался по улицам. Искры от костров разлетались далеко в стороны...

Я уже засыпал, когда жена встревоженно вскрикнула. Недовольно ворча, я сунул ноги в домашние туфли.

— Что-то блестящее опустилось за горы, — прошептала она, поеживаясь то ли от страха, то ли от ночной сырости.

— Ну нельзя же быть такой впечатлительной, — взял я ее за руку. — Ложись спать, уже поздно...

...Наутро жена принялась убирать квартиру, а я, чтобы не мешать, взял большую, видавшую виды сумку и пошел на базар.

В торговом ряду зеленщиков крикливые женщины наперебой нахваливали свой товар. Окинув взглядом прилавок, я увидел сидящего в стороне молчаливого старика, который и не пытался привлечь к себе внимание, хотя лежавшая перед ним петрушка отличалась необычайной в жаркий день пышностью.

— Почем? — спросил я, тыча пальцем в небрежно скрученные пучки.

Старик окинул меня безразличным взглядом.

— Если хочешь, — ответил он, пожимая плечами, — бери даром.

— Послушай, дед, давай без шуток...

— Какие шутки! Понимаешь... — вдруг доверительно наклонился он через прилавок, — торговля, зелень, деньги для меня — тьфу. Жарко, понимаешь, пить очень хочется...

— Дед, — сообразил я, — сделаем так... Я беру три пучка петрушки. Бесплатно, конечно. Мы спускаемся в хинкальную и пьем по кружке пива, за мой, разумеется, счет.

Лицо старика просияло.

— Дорогой мой, — закричал он,— сразу видно, что ты давно живешь в Грузии. За твой счет, за мой счет, не имеет значения. Дочка, — обра-

тился он к стоящей рядом женщине, — а ну присмотри за вещами хорошего человека.

Он взял у меня сумку и сунул под прилавок.

Мы спустились в нижний ярус тбилисского базара, втиснулись в переполненную хинкальную, заказали по две кружки и с наслаждением окунули носы в прохладную пену. Первую кружку каждый из нас выпил молча. Отпив порядочный глоток из второй, старик вдруг поднял на меня глаза.

— Понимаешь, все видели, что я видел, но говорят, что ничего не видели. Смеются... Внук смеется, сосед смеется, а я ничего не могу понять. Вах, — сказал старик сердито, — жить невозможно, когда такое носишь вот здесь.

Он нервно постучал себя по седой голове.

— Так что же случилось? — не выдержал я.

— Э, долгая история...

И он действительно рассказал мне долгую и довольно странную историю.

...Был обыкновенный осенний вечер. Темнота еще не наступила, но от заборов уже пролегли длинные синие тени. Куры давно улеглись спать, но собаки возбужденно гремели цепями в предвкушении ночных прогулок.

И вдруг за рекой, огибающей западную окраину деревни, прозвучал взрыв и разбежался раскатами по затихшим улочкам. В курятниках с кудахтаньем взметнулись куры, подскочили и истошно залаяли собаки. Люди выскочили из домов.

Во двор старого Эквтиме Кекутия вбежал его внук Джото. Глаза мальчика были расширены от ужаса и восторга. Он долго не мог отдышаться, размахивал руками, часто моргал.

— Там, за рекой... — наконец выговорил он, — там, за рекой, приземлился космический корабль!

— Что?

— Корабль, говорю, самый настоящий космический корабль: светится изнутри, блестит, как серебро...

— Ох, парень, вырос ты, а в голове дури — хоть отбавляй.

Лицо мальчика приняло обиженное выражение.

— Вайме, дедушка, правду говорю. Корабль там, светится изнутри...

— Э-э-э, черт знает что! — проворчал в сердцах Эквтиме.

К реке бежали люди. Участковый милиционер Шалибашвили, застегивая на ходу китель, что-то кричал. Со всех сторон раздавались голоса:

— Кто, что за корабль?

— А вдруг из космоса?

— Не болтай ерунды...

— А если взорвется?

— Не мешало бы вооружиться: топоры, вилы, колья...

— Ты что, сдурел! Скажи лучше бабушке, чтобы присмотрела пяток кур для сациви.

— Вот он!

— Вайме!

...Корабль стоял прямой, стройный как стрела. Почва у его основания обуглилась.

Люди остановились как вкопанные. Стало непривычно тихо, лишь было слышно, как вечерний ветер позванивает песчинками о металлический корпус.

— Надо бы позвать Галактиона,— сказал чей-то неуверенный голос.

— Он чинит Гивико ботинки.

— Вах, для такого случая оторваться не может!

Проворный Джото побежал в сторону деревни.

...Старый Галактион чинил внуку ботинки. Рядом аккуратно лежал нехитрый сапожный инструмент. Поправив на носу очки в узкой металлической оправе, Галактион отложил ботинки в сторону и стал натирать кусочком смолы крепкую, скрученную бечевку. И в этот самый момент во двор вбежал Джото.

— Дедушка Галактион! — закричал он, запыхавшись. — Космический корабль! За рекой опустился, всю землю под собой сжег.

Не откладывая бечевки, Галактион покосился на Джото.

— Подожди, мальчик. Ты почему не здороваешься, когда приходишь в чужой дом?

— Здравствуйте, дедушка Галактион, — сказал Джото, стараясь выглядеть серьезным. И затем, запинаясь, глотая слова, затараторил вновь: — Корабль, понимаете, космический корабль, все люди нашей деревни уже там.

Но старый Галактион не дал ему договорить.

— Подожди, мальчик, — вздохнул он. — К чему такая спешка? Прилетел космический корабль — хорошо, землю под собой сжег — очень плохо! Из космоса? Нужно проверить. Люди собрались? Как можно... Что о нас подумают?.. Бросили все дела и побежали. Любопытство не украшает людей, поверь мне. Это очень большой порок!

Джото подергивался, слушая неторопливый монолог Галактиона, но перебить не решался.

— Но ведь корабль, понимаете, дедушка, — наконец не выдержал он. — В первый раз! Может быть, из космоса...

— В жизни всякое бывает, — спокойно заметил Галактион, вставляя просмоленную нить в сапожную иглу. — Конечно, можно всему придавать значение, но тогда долго не проживешь. Я слишком стар, чтобы сломя голову бежать к реке. Но если в твоем корабле кто-то есть, приводи сюда. Старый Галактион всегда гостю рад...

Джото сорвался с места. Подбегая к реке, он увидел, как из космического корабля вышли люди. Внешне они мало чем отличались от окружающих, впрочем, в вечернем свете разобрать было трудно. Шагах в десяти от жителей деревни пришельцы остановились. Стоящий впереди поднял руку.

— Мы прилетели из неизвестной вам системы трех солнц, где властвует тройное тяготение. Мы приветствуем вас и от души рады, что наша защитная система не улавливает духа враждебности.

— Что он говорит? — всколыхнулась толпа.

Вперед выступил участковый Шалибашвили. Он одернул мундир и сказал, предварительно откашлявшись:

— Э, дорогие гости, мы тоже приветствуем вас от имени наших жителей и руководства колхоза...

Он хотел что-то добавить, но запнулся, и лицо его приняло хитрое выражение, какое появлялось всегда, когда он разговаривал с провинившимися односельчанами.

— Кстати, а откуда вы знаете наш язык?

— Мы не знаем его, — бесстрастно ответил пришелец. — Мы телепатируем ваши мысли. Мне кажется, вас мучают сомнения. Кстати, кто такие шпионы?

Шалибашвили поперхнулся. Чтобы сгладить неловкость, к инопланетянам подошел Эквтиме Кекутия.

— Разговор, дорогие гости, можно потом продолжить. А пока пойдемте в деревню, в мой дом. Умоетесь с дороги, женщины накормят вас чем бог послал...

Пришельцы последовали за Эквтиме.

...Дом у Кекутия был старым, под стать хозяину. Он весь пропах дымом, луком, сушеной фасолью и многочисленными травами, крохотными вязанками, висящими под потолком.

Пришельцы сидели на старых венских стульях и незаметно оглядывались.

К Эквтиме пришли старики, ждали, храня торжественное молчание. Во дворе суетились люди. В курятниках ловили отчаянно орущих кур. Перед домом запылал старый, закопченный очаг. Джото с друзьями взяли лопаты и пошли откапывать марани [1].

...— Да, дорогие гости, — сказал Эквтиме, чтобы нарушить молчание, — вечереет, прохладно становится. Раньше я ничего этого не замечал, а сейчас ревматизм дает о себе знать. Возраст... А у вас, откуда вы прилетели, научились лечить эту проклятую болезнь?

Старики одобрительно закивали головами. Умеет Эквтиме поддержать разговор.

[1] Большой кувшин, в котором хранят вино.

Пришелец, сидевший ближе к Эквтиме, обернулся и протелепатировал, не раскрывая рта:

— У нас вообще нет болезней, разве что душевные...

— Душевные! — удивился Кекутия. — А что это за болезни?

Инопланетянин переглянулся с товарищами.

— Этого так просто не объяснишь. Впрочем, — он на мгновение задумался, — у вас есть, наверное, понятия скуки, тоски, печали?

— Э, — развел руками Эквтиме, — когда весной нужно сеять, летом поливать, а осенью убирать урожай, некогда думать о скуке. Какая может быть печаль, когда в твоем доме гость, когда внук вотвот принесет из сада вино!

...На лестнице послышались шаркающие шаги. На веранду поднялся старый Галактион, закончивший свою работу.

— Галактион, — встал навстречу хозяин, — прошу, генацвале... Это наши гости, они прилетели к нам издалека, из космоса...

Добродушно улыбаясь, Галактион обошел гостей, пожал всем руки.

— Это хорошо, что вы прилетели к нам, не обидели... Здесь вам понравится. И климат хороший, и люди — пожаловаться трудно. Одно только плохо, не держится у нас молодежь, в город уезжает. Не скажу, чтобы юноши были у нас избалованными, но в поле работать не хотят. Подавай им цивилизацию. Вот Шалибашвили, например, — показал Галактион на участкового. — У него три дочери. А за кого их замуж выдавать, когда почти все молодые люди бросили свои дома. А мы не мусульмане, чтобы брать сразу по нескольку жен.

Шалибашвили сокрушенно покачал головой. Все, кроме инопланетян, одобрительно заулыбались шутке Галактиона.

Тут Эквтиме заметил странную особенность пришельцев. Глядя на говорившего Галактиона, один из них стал удивительно похож на старика. То же лицо, то же выражение.

— Не удивляйтесь, — обратился инопланетянин к Кекутия. — Это телепатический настрой. Очень удобно, чтобы лучше узнать друг друга.

Хотя Эквтиме мало что понял, но лицо его приняло удивленное выражение. Точно таким же стало лицо пришельца из космоса.

«Ну и ну», — подумал Кекутия, ощутив легкий страх. Страх же отразился на лице собеседника.

— Ничего, вы скоро к этому привыкнете, — протелепатировал инопланетянин.

...Женщины накрыли на стол. Жареные куры, аппетитно пересыпанные петрушкой, лежали, задрав кверху короткие ножки. На глиняном блюде поблескивало сациви. Шашлык, снятый с вертелов, дымящейся горкой возвышался на деревянном подносе. Единственная хрустальная ваза была похожа на беседку, увитую виноградом. Яркие мячики помидоров вразброску лежали на столе. Все шло хорошо, пока не появилось вино. Тут пришельцы насторожились. Один из них сосредоточился и протелепатировал, ни к кому не обращаясь:

— Это яд!

Растерявшийся Эквтиме заморгал, протянул руку, хотел что-то сказать...

— Алкоголь, — бесстрастно добавил космический пришелец.

Эквтиме, на которого жалко было смотреть, выручил Галактион. Он спокойно встал, налил до краев свой стакан и молча выпил. Сел и как ни в чем не бывало тихо сказал:

— Я живу на свете восемьдесят четыре года, столько же моему другу Эквтиме. Никто меня не убедит, что в его доме подают плохое вино. Это напиток, дающий бодрость телу и радость мыслям. Налей мне еще, Эквтиме, я хочу произнести тост.

Облегченно вздохнувший Эквтиме налил гостям. Галактион встал.

— Друзья мои, — сказал он молодым, полным сил голосом. — Много событий, и радостных и печальных, прошло перед моим взором. Скажу откровенно, сегодняшний случай даже меня, старого Галактиона, взволновал и обрадовал. В моем роду я первый поднимаю стакан за представителей другой планеты. Гость, как говорили в старину, посланник божий, а наши гости в прямом смысле спустились с небес. И я хочу сказать им: добро пожаловать на нашу Землю, чувствуйте себя как дома...

Недоверчиво и вместе с тем боясь огорчить хозяев, пришельцы пригубили из стаканов.

...Прошло несколько часов и... о, чудо! Пришельцы пили вовсю, чокались и улыбались. И уже никому не казалось странным, что они говорят, не раскрывая рта.

— Меня зовут Тот, — сказал один из них.

— Меня зовут Тет, — добавил второй.

— Меня зовут Тут, — представился третий.

— Наша цивилизация намного старше вашей, — хлопал по плечу старого Эквтиме Тот.

— Дай бог вам здоровья! — отвечал Эквтиме.

— Мы научились бороться со старостью, — продолжал Тот.

— Ай, молодцы! — всплеснул руками Кекутия.

— Сколько тебе лет, восемьдесят четыре? Ты юноша... Моему младшему брату Туту — сто девяносто шесть...

— Вайме, загибаешь, парень, — улыбался Эквтиме.

— Мы не знаем, что такое твой ревматизм, но мы его в два счета вылечим.

— Вылечи, дорогой, мы в долгу не останемся...

— У нас есть все, понимаешь, все, но у нас нет ничего... Мы нищие...

Эквтиме молча налил в стаканы. Еще через некоторое время Тот, повиснув на плече хозяина, бормотал:

— Мы, конечно, можем преодолевать большие расстояния, читать чужие мысли, но у нас давнымдавно нет того, чем вы владеете с избытком. Вы не разучились радоваться общению, ценить дружбу и проявлять гостеприимство. У нас все это называется атавизмом... Вам светят звезды, а не научные объекты, вы дышите ветром, пашете землю и вдыхаете ее запах. Не утрачивайте всего этого, — вдруг всхлипнул Тот. — Поверьте, цивилизация таит в себе большие, непредвиденные опасности. С ней нужно быть очень осторожным...

— Понимаете, — перебил старшего брата Тут, — это... Впрочем, в вашем языке такого понятия нет. Мы с братьями разочаровались. У нас все предопределено, и брак тоже. И когда возлюбленную Тета отдавали Тоту, мою возлюбленную — Тету, а мне вообще рекомендовали подождать, мы взбунтовались. Плюнули на все и — фьюить...

Сказав это, Тут прочертил в воздухе замысловатую, зигзагообразную линию.

— Дай бог вам счастья! — снова налил в стаканы Эквтиме.

Выпили молча. Неожиданно поднялся участковый. Китель на нем расстегнулся, из-под него показалась бело-голубая майка с крупной надписью: «Динамо» — Тбилиси».

— Дорогие друзья, — вкрадчиво сказал Шалибашвили. — Если я правильно понял, на своей планете вы встретили серьезные препятствия, помешавшие вступить в счастливый брак. Уверяю, — воодушевился он, — у нас таких препятствий вы не встретите. Девушки здесь ничуть не хуже, чем в любом другом месте...

Старики неодобрительно закачали головами, однако пришельцы как будто заинтересовались.

— Давайте ваших девушек, — протелепатировал Тот, и братья согласно кивнули.

Участковый побежал за дочерьми. Они вошли через некоторое время, застенчиво улыбаясь, встали в дверях.

— Вот мои девочки, — взволнованно закричал Шалибашвили, вытирая пестрым платком разгорячен-

ное лицо. — Старшую зовут Этери, среднюю Натела, младшую Маринэ.

Девушки были хороши. У них были красивые лица, гладкие черные волосы и сильные руки, привычные к тяжелой крестьянской работе.

— С-согласны, — опустили головы Тот и Тет.

— Вах, конечно, согласны! — протелепатировал Тут.

— Сейчас и организуем помолвку, — засуетился счастливый милиционер. — А вы, дочки, идите. Здесь вам пока делать нечего.

— Джото, — обратился старый Галактион к мальчику. — А ну сбегай ко мне домой, сними со стены три серебряных кинжала и принеси сюда. И прихвати кувшин моего вина, пусть гости и его попробуют.

— Подождите, — остановил мальчика Тут. Сосредоточившись, он тронул какую-то кнопку на своем костюме, и на столе перед Галактионом, разбив стакан, появились и кувшин с вином, и три богато украшенных кинжала. Ничему не удивившийся старик собственноручно повязал инопланетянам древнее оружие.

— Это мой подарок женихам, — сказал он.

— Простите за шутку, — протелепатировал улыбающийся Тут. — Но это не ваше вино и не ваши кинжалы. Мы создали их сами, воплотили в материю ваши мысли.

— Это плохо, — сказал Галактион после некоторого раздумья.— Если вы можете из ничего делать вино, которое достается нам с великим трудом, значит, вам не придет в голову выращивать виноград, ухаживать за ним, вкладывать в него труд и тепло своего сердца. Нам это не подходит. Джото, принеси все же моего вина и мои кинжалы, — вздохнул Галактион.

...Помолвка придала пиршеству новые силы. Затянули свадебные песни, и громче всех подтягивал участковый. Эквтиме вторил ему дребезжащим тенорком, потом вдруг вскочил и бросился посреди комнаты выделывать отчаянные коленца зажигательного «лекури».

Джото снял со стены барабан и застучал по нему, убыстряя и без того сумасшедший ритм танца.

— Асса! — выкрикивал Эквтиме, и ему казалось, что в его дом вернулась молодость.

— Асса, — выкрикивал Галактион.

— Асса! — телепатировали Тот, Тет и Тут и, подчинись им ноги, сами бы пустились в дикий, безудержный пляс.

...Но всему приходит конец. Гостям из космоса пора было и отдохнуть. Эквтиме Кекутия деликатно выпроводил односельчан из своего дома. Те вышли во двор и, воодушевленные ночной прохладой, прекрасной погодой и выпитым вином, долго еще пели протяжные грузинские песни, которые уносились в темноту и, казалось, долетали до самых звезд. Звезды были близкими, крупными, мерцающими...

Пришельцам постелили в лучших комнатах, на лучших постелях. Сам же хозяин улегся во дворе под чинарой, укрывшись старой, но теплой буркой.

...Утром Эквтиме проснулся с радостным чувством. Еще бы! Именно в его доме остановились такие почетные гости. Довольный, он обошел двор, проверил скотину, посадил на цепь прибежавшую собаку. Увидев идущего по делам Галактиона, Кекутия окликнул его.

Галактион остановился, опершись на длинную суковатую палку, поздоровался.

— Хорошая погода, — сказал Эквтиме, стараясь скрыть гордость, — не огорчит моих гостей.

— Каких гостей? — удивился Галактион.

— Как каких? — вскинул брови Кекутия. — Из космоса...

Галактион недоверчиво покосился на приятеля, но ничего не сказал.

— По-моему, сосед, вчерашнее вино отбило у тебя память, — ехидно проговорил Эквтиме. — Вах, вах, а такие хорошие тосты произносил.

— Ни вчера, ни позавчера я не пил и тостов никаких не произносил, — невозмутимо ответил Галактион. — Ты что-то путаешь...

— Кто путает, я путаю? — не на шутку рассердился Кекутия. — Вчера за рекой приземлился космический корабль, но ты не видел его, ты чинил внуку ботинки. Потом, когда гости пришли ко мне, ты появился и принял участие в торжестве. У меня почти вся деревня собралась, и все знают, что именно в моем доме остановились инопланетяне. А ты не знаешь? Вайме, Галактион, что с тобой?

— Дай бог, чтобы они у тебя остановились, но я ничего не знаю.

— Вах!..

В этот момент Эквтиме увидел заспанного Джото, собравшегося спозаранку на рыбалку.

— Джото, — закричал старик, — подожди, внучек, скажи уважаемому Галактиону, кто ночует в нашем доме?

— В нашем доме? — зевнул Джото. — В нашем доме никто не ночует...

— Как не ночует, а инопланетяне?.. — взорвался старый Кекутия.

— Вайме, дедушка! — испуганно попятился Джото. — Мама сколько раз тебе говорила: не ходи к Шалибашвили телевизор смотреть, это вредно в твоем возрасте.

— Ух, я тебе...

И, уже не слушая никого, Эквтиме спешил через две ступеньки в комнаты, где, он это прекрасно помнил, вчера уложили спать Тота, Тета и Тута. Но в доме было пусто, лишь слабый ветер лениво раскачивал на окнах легкие, прозрачные занавески.

Затем Кекутия побежал к реке, но на том месте, где под блестящим корпусом космического корабля была ровным кругом выжжена земля, колыхалась жесткая осенняя трава. На шаги старика оглянулась коза с отвисшим выменем, посмотрела на него равнодушно и принялась вновь щипать скудную растительность.

Расстроенный, ничего не понимающий Эквтиме побежал в деревню. Сердце его сильно забилось, когда он увидел идущего навстречу Шалибашвили.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Почему вчера не приходил телевизор смотреть? — закричал участковый, размахивая пухлыми руками. — «Динамо» с «Араратом» играли. Какая была игра, вах, какая была игра...

Об инопланетянах милиционер не сказал ни слова...

...— И это все? — спросил я старика, допивая четвертую или пятую кружку пива.

— А разве этого мало? — печально ответил он.

— А как же ревматизм?

Старик лихо наклонился и коснулся рукой затоптанного пола хинкальной.

— Не болит! — сказал он потерянным голосом.

Мы поднялись по крутой лестнице. Я поблагодарил женщину, взял сумку.

— Бери петрушку, — протянул мне несколько пучков старик. — Вот какие дела...

Глядя в его погрустневшие глаза, я пожал ему руку. Она была твердой, такие руки бывают у крестьян, работающих мотыгой...

...Жена давно успела убрать квартиру, сидела на диване, вязала и одновременно читала какую-то статью о неопознанных летающих объектах. Чтобы не будоражить ее, я не стал передавать ей рассказ старика. Но на следующий день я еще раз решил зайти на базар. Эквтиме Кекутия среди зеленщиков не было. Заметив женщину, которая сторожила мою сумку, я приблизился к ней.

— А где старик, который торговал здесь вчера?

Женщина была явно не в духе.

— О каком старике спрашивает этот человек, я никого здесь не знаю...

— Ну как же, — удивился я, — мы с ним уходили, а вы присматривали за моей сумкой.

— Какой сумкой, кто присматривал? — проворчала женщина недовольно. — Послушайте, а вы случайно не пьяны?..

Всю дорогу домой меня мучило странное предчувствие. Едва войдя в комнату, я тут же спросил жену:

— А где зелень, которую я купил вчера?

Удивленная моим взволнованным видом, она молча указала на холодильник.

Я распахнул настежь дверцу и стал вываливать зелень на пол.

— Куда девалась петрушка? — нервно спрашивал я.

— Петрушка? — испуганно отвечала жена. — Но ведь ты не покупал никакой петрушки...

...Я долго еще рылся в зелени, не обращая внимания на встревоженное лицо жены. Я хорошо помнил пышные пучки, кудрявые и влажные. Лишь на некоторых веточках были слегка порыжевшие листочки...

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

ВА-БАНК

Фантастический рассказ

Строгая, скорее даже спартанская обстановка в кабинете гармонировала с характером ее хозяина: шеф компании Уэстерн любил повторять, что рабочее место администратора — та же кабина космического корабля — ничего лишнего. Чарлимерс подумал, что слова Джона Вильнертона вроде бы не расходились с делом. Пластиковые стены его кабинета были девственно чисты, ни один портрет, ни одна картина не оскверняли их. Комната была пуста — даже стулья, необходимые для совещаний, были утоплены в стене и появлялись, лишь повинуясь нажиму президентской кнопки.

Сидя на краешке стула перед столом, Чарлимерс молчал, не в силах отвести взгляд от массивного пресс-папье, поблескивающего в неживом свете потолочных панелей. Странно, он не мог определить на глаз металл, из которого было отлито это сооружение.

Теперь, когда главное было

Рисунок С. БАХВАЛОВА

сказано, Чарлимерса охватило полное безразличие.

Вильнертон перехватил взгляд Чарлимерса и как бы непроизвольно пододвинул пресс-папье поближе. Пауза затягивалась, становилась угрожающей.

— Компания не задумается выбросить вас, Джон Чарлимерс, можете не сомневаться,— сказал Вильнертон. — Но есть еще одно обстоятельство. Два года назад на ваш эксперимент была выделена довольно значительная сумма. Я спрашиваю: где эти деньги? Вы истратили их.

Чарлимерс наклонил голову.

— А результаты?.. Их нет, — продолжал шеф, все более распаляясь. — Но не думайте, что вам удастся обвести Уэстерн вокруг пальца. Вы ответите нам своим имуществом.

— Вы хотите конфисковать мое имущество? — вскинул голову Чарлимерс.

— Поразительная догадливость!

Чарлимерс побледнел, и смуглое лицо его приобрело синюшный оттенок.

— Об этом в контракте не сказано ни слова... — пробормотал он.

— Ошибаетесь, уважаемый, — отчеканил Джон Вильнертон. — В контракте сказано, что, получив на эксперимент известную сумму, вы беретесь не позднее чем через два года создать объект, «удовлетворяющий определенным требованиям, которые изложены в приложении, на восемнадцати страницах»... Верно?

— Верно.

— Ну а если условия контракта не выполнены, виновная сторона платит неустойку, коль скоро не оговорено противное. Это вам любой юрист подтвердит.

— Дайте мне еще два месяца, — тихо сказал Чарлимерс.

— Двое суток, и ни минуты больше. — Ответ Вильнертона прозвучал как приказ. — Мы имели глупость разрекламировать ваше детище, и нас осаждают клиенты. Итак, через сорок восемь часов к вам придет судебный исполнитель...

Едва тяжелая дверь захлопнулась за Чарлимерсом, на столе вспыхнул экран кофейного цвета, и Вильнертон в душе чертыхнулся.

— Тебе вредно нервничать, — пропела супруга, улыбнувшись. — За что ты так распекал бедного Чарлимерса? Я так и не поняла толком...

— Распекал? Да его спечь мало.

— А что он натворил? Ты же знаешь, я совсем не разбираюсь в этих ужасных роботах, с которыми вы возитесь...

— А, тебе неинтересно, — махнул рукой Вильнертон.

Он оберегал молодую жену от всяческих треволнений, связанных с деятельностью компании, а заодно и от тайн, которые могла выболтать легкомысленная женщина.

Два года тому назад профессор Джон Чарлимерс предложил шефу Уэстерн-компани любопытную идею. Лауреат Нобелевской премии был принят благосклонно. Вильнертон не без приятного волнения выслушал заманчивое предложение авторитетного ученого: в течение полутора-двух лет создать робота, способного воспринимать и проявлять эмоции.

Речь шла отнюдь не о том, чтобы механически воспроизводить улыбки, смех, слезы — подобные имитации представляли собой давно пройденный этап.

— Я хочу, — сказал Джон Чарлимерс, — создать робота, способного по-настоящему, как человек, страдать и восхищаться, тосковать и радоваться.

— Как же вы мыслите достичь этого? — спросил шеф, с интересом вглядываясь в энергичное лицо профессора.

— О, моя идея чрезвычайно проста, — ответил Чарлимерс. — По моим расчетам, — он похлопал по толстой виниловой папке, — начиная с некоторого порога, самоорганизующаяся система становится способной к эмоциям. Вся суть, собственно говоря, заключается в этом критическом пороге.

— Чем же он определяется, этот порог?

— В основном количеством накопленной информации. Ну а кроме того... — Чарлимерс замялся.

— Понимаю, понимаю, — улыбнулся шеф, — секрет изобретателя!.. Наведайтесь денька через два. Надеюсь, мне удастся заинтересовать вашим предложением акционеров.

Нечего и говорить, какие большие выгоды сулил компании робот, проект которого был предложен профессором Джоном Чарлимерсом.

Контракт был подписан, и машина завертелась...

Сотни тысяч были брошены на рекламу. «Новый взлет технической мысли! — захлебывались газеты. — Уэстерн-компани предлагает вам друга. Мыслями и чувствами он будет всегда с вами и никогда не изменит в отличие от человека...» «Ваш муж, сын или брат слишком долго не возвращается из космоса? Нет, он возвратился. Вот он стоит перед вами, скромный и элегантный, в лучшем в мире костюме фирмы «Ливинг и братья». Он разделит вашу печаль, и ваши слезы, и ваши радости» А одна газетка поместила на первой полосе фото очаровательной кинодивы с конвертом в руке, сопроводив его выразительной подписью: «Своими секретами я делюсь только со своим самым близким другом производства фирмы «Уэстерн», и далее следовал адрес компании, куда следовало обращаться читателю, возжелавшему приобрести позитронного друга.

В результате акции Уэстерн-компани резко подскочили. В течение нескольких месяцев на бирже царил ажиотаж. От цифр, обозначавших прибыли членов акционерного совета, рябило бы в глазах, если б эти цифры публиковались. Поток заявок на роботы Чарлимерса рос изо дня в день...

И вдруг, когда положенный срок был на исходе, последовало заявление профессора Чарлимерса. Оно прозвучало как гром среди ясного неба.

— Вероятно, в чем-то допущена ошибка, — сказал шефу Джон Чарлимерс. — Количество информации, накопленной роботом, давно превысило теоретический порог, а никакого проявления чувств не наблюдается...

Не мудрено, что эти слова вызвали у шефа столь бурную реакцию. Назревал грандиозный конфуз...

Джон Чарлимерс неподвижно сидел за лабораторным столом, спрятав лицо в ладони.

Итак, дело его жизни рушилось. Честолюбивые мечты и надежды — все летело в тартарары! Перед мысленным взором Чарлимерса проносились картины одна печальнее другой. Коттедж описывают за

долги... Гараж и «безан» идут туда же... Его кидают, чего доброго, за решетку... А жена с сынишкой... Что будет с ними?..

В коридоре послышались уверенные шаги, и в лабораторию вошел Чарли. Лучи закатного солнца, бившие в круглое окно, ярко освещали его плечистую фигуру.

«А все из-за него, — с внезапной злобой подумал Чарлимерс, глядя на свое детище. — Впрочем, смешно спрашивать с робота. Спрос — не с машины, а с конструктора».

— Добрый вечер, Отец, — сказал Чарли, подойдя к Чарлимерсу.

— Здравствуй, Чарли.

— Сегодняшняя программа накопления информации перевыполнена, — рокотал уверенный бас. — Сверх заданной вами программы усвоен двадцать второй том Британской энциклопедии, а также монография об особенностях языка древних ацтеков.

— Это уже не имеет значения, — махнул рукой Чарлимерс.

— Не понял, прошу повторить, — быстро проговорил робот и мигнул.

«Надо взять себя в руки», — сказал себе Чарлимерс.

— Ты молодец, Чарли, — ласково сказал профессор, глядя на робота.

— Жду задания.

— Ступай-ка и займись двадцать третьим томом.

«И что ему стоит, — подумал Чарлимерс, глядя в широкую спину удаляющегося белкового робота, — выразить, скажем, радость по поводу того, что я похвалил его! Но никакого подобия чувств нет и в помине».

Профессор тяжело поднялся и вышел из-за стола.

— Никакого подобия чувств... — вполголоса повторил он. — Гм, подобия...

«А может, и впрямь пойти по линии имитации? Кто там станет разбираться. А если кто-нибудь и обнаружит подделку, могущественная компания легко сумеет замять неприятность. Тогда будет все: и слава и деньги».

Но Чарлимерс тут же отверг эту мысль: шарлатаном он не был и не будет никогда.

Профессор долго и бесцельно бродил по огромной лаборатории, привычно пустынной (Чарлимерс работал без помощников, предпочитая манипуляторы), останавливался то у стеллажей, на которых покоились бесчисленные блоки хранения информации, то у волноводов, образующих диковинный букет, то у термостата, где выращивались белковые клетки памяти.

«А ведь Чарли по-своему привязан ко мне, — размышлял Чарлимерс. — Он, например, охотнее подходит ко мне, чем к кому бы то ни было другому. Так почему же он ни разу не проявит свои чувства, хотя бы в самой примитивной форме? Ведь он больше чем достаточно читал об эмоциях, свойственных человеку, и видел специально подобранные фильмы, которым несть числа».

У Джона всплыла в памяти его вчерашняя беседа с Чарли, после которой, собственно, он и решился на окончательное объяснение с Вильнертоном.

— Почему ты ни разу не выразишь радости или огорчения, Чарли? — спросил профессор.

— А к чему? — безмятежно ответил робот, поблескивая фотоэлементами.

— То есть как — к чему? — растерялся Чарлимерс.

— Выражение чувств отнимает слишком много энергии, — пояснил Чарли, — и поэтому оно излишне. Необходимо выдерживать принцип наименьшего действия.

«А может, он прав по-своему?» — продолжал размышлять профессор.

— Нет! — сказал Чарлимерс громко. — Но как докажешь это Чарли?

Можно, конечно, приказать. Но тогда вся великолепная логическая система робота окажется безнадежно испорченной. Нет, грубая команда здесь решительно не годится. Робот должен прийти к собственным эмоциям без чьей-либо помощи, самостоятельно. Или...

Остановившись у окна, Чарлимерс рассеянно глядел, как по двору торопливо снуют люди, с такой высоты сильно смахивающие на муравьев.

И тут профессору пришла мысль, от которой похолодело в груди. Сначала мысль показалась страшной, но чем больше Чарлимерс думал, тем сильнее убеждался, что это, пожалуй, единственный выход из тупика, в котором он очутился.

«Компания не намерена терпеть убытки», — шеф без обиняков заявил это сегодня утром. Итак... Да, решено. Анна по крайней мере получит страховку», — усмехнулся Чарлимерс.

— Как в беспроигрышной лотерее, — невесело сказал он, отходя от окна.

— Застрелился? — переспросил шеф, дыша в трубку видеофона. — Улизнул-таки, прохвост! Не сообщайте пока никому об этом... Что, что? В медицинский центр? Вы с ума сошли! Никаких медцентров, говорю я. У компании есть все, и свои врачи в том числе. Исполняйте приказ. Зарубите на носу: произошел несчастный случай. Вам ясно? Вот так.

— Пожалуйста сюда, миссис Чарлимерс. Не надо волноваться! Самое страшное позади. Нет, здесь у нас не больница, а так... Нечто вроде лазарета. Знаете, ведь сотрудников у нас не одна тысяча. Вот и бывают иногда разные несчастные случаи вроде как с вашим мужем. Как произошло? Но вам уже объяснял наш врач... Небрежно чистил пистолет... Ну, откуда же мне знать, миссис!.. Ведь я только сестра... Значит, вы не забыли, что сказал врач? Полный покой. Вам дается пять минут. Какое счастье, что пуля не задела аорту! Извольте вот в эту дверь.

С узкой железной койки на скромно одетую женщину глядел бледный, без кровинки Джон.

— Здравствуй, Анна, — попытался он улыбнуться. — Видишь, как меня угораздило...

— Не разговаривай, — замахала она руками. Затем, оглядевшись, придвинула белый, как и всё в этой комнатке, стул и опустилась возле мужа. — Тебе нужен полный покой.

— Ничего, — тихо сказал Джон, — теперь все позади. Вот если бы пуля прошла на два миллиметра левее... Тогда я уж имел бы полный покой.

— Как ты неосторожен, Джон. И почему ты мне никогда не говорил, что имеешь дело с огнестрельным оружием?

— Да так, не приходилось... Зато теперь мы будем богаты, Анна, очень богаты.

Анна вопросительно посмотрела на мужа.

— Мой опыт удался!.. — по-

яснил Чарлимерс, поймав ее недоумевающий взгляд.

Разговор утомил Чарлимерса, и он прикрыл веки. Не зная, о чем еще говорить, Анна собралась было уходить, но в это время послышался осторожный стук в дверь, и в палату вошел Чарли. Ловко балансируя подносом, он опустил его на тумбочку у изголовья Чарлимерса. На подносе среди золотистых бананов красовался букетик фиалок.

— Как чувствуешь себя, Отец? — спросил робот, и в голосе его Анна уловила неподдельное волнение...

ИНГВАР НИЛЬСЕН, норвежский писатель

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Фантастический рассказ

На третий день непрерывных поисков на экране нацеленного в хмурое небо локатора головной машины показалась точка. ЭВМ в фургоне службы информации молниеносно рассчитала координаты цели, и с платформы сопровождения снялся гравилет с Охотником на борту. Чтобы настичь цель, ему потребовалось всего семьдесят секунд. Нажимая на пуск биологического магнита, Охотник едва подавил охватившее его волнение: наступал величайший момент в его жизни.

Что-то мелькнуло в иллюминаторах правого борта, раздался легкий щелчок, и Охотник облегченно вздохнул: из раструба приемника к его ногам, уже упакованное в трикрон, упало то, ради чего была снаряжена вся их экспедиция.

Начальник колонны скомандовал возвращение. Гравилет совершил круг почета над вездеходом Адмирала и, круто набрав высоту, пронесся над лесом. Пролетая над третьей просекой, Пилот увидел внизу зеленую автогусеницу разведки.

— Они уже все знают! — крикнул он Охотнику и вывел ручку управления до отказа на себя.

Атаковали их на подлете к океану. Гравилет надзора незаметно подкрался снизу и уже выпустил присосы, чтобы, прилипнув к фюзеляжу, мгновенно прожечь в нем отверстие и пустить усыпляющий газ, но Охотнику вторично повезло за этот день: автоматическая противоабордажная защита сработала, несмотря на помехи, создаваемые нападающими, и чужая машина резко пошла вниз, к зеленым волнам.

Оставшаяся часть пути прошла без происшествий. Через восемь часов Охотник сидел в своем любимом баре «Три русалки» и, привычно потягивая виски с содовой, всем существом своим ощущал присутствие во внутреннем кармане куртки чека, на котором известным всему финансовому миру почерком было написано: «Один миллион кредитов».

...А еще через час перед владельцем знаменитого техасского ранчо поставили платиновое блюдо, накрытое крышкой. Сняв ее, хозяин ранчо уловил расширившимися в предвкушении чуда ноздрями неповторимый аромат: перед ним, окруженная изысканнейшим гарниром, розовея поджаристой корочкой, лежала, беспомощно раскинув обрубленные лапки, последняя на Земле куропатка.

Перевел с норвежского И. УСОВ

Рисунок Г. КОМАРОВА

АНДРЕЙ БАЛАБУХА

«ГЕНИАК»

— Спасибо, — Гранж улыбнулся. Улыбка у него была обворожительная. Брод тоже улыбнулся, но скупо, краешками губ.

— Пожалуй, это я должен благодарить вас за оказанную честь.

— Вы настолько верите в успех?

— Дело даже не в этом. Благодаря вам я попал в такую компанию... — Брод снова пробежал глазами лежащий перед ним список.

Список и в самом деле был внушительным. Двадцать семь Хортовских лауреатов, шесть Нобелевских...

— И все согласились?

— Не все. — Гранж непонимающе повел плечами. — Трое отказались.

— Почему?

— Брендон сказал, что не хочет рыть могилу самому себе. Кому понадобятся исследователи после рождения «Гениака»? Акоста отказался, не объясняя причин. Дорти заявил, что считает работы по цереброкопированию недостаточно отработанными, а потому не хочет рисковать своей головой.

Но как раз это-то Брода не смущало: цереброкопированием занимался институт Штамба, а в их работу он верил. Смущало Брода совсем другое... В целом же, надо отдать Гранжу должное, проект был задуман с размахом. Мощная электронно-вычислительная машина с объемом памяти, позволяющим вложить в нее чуть ли не всю информацию, накопленную со времен Адама. Но это только базовая память, мертвая, как библиотека конгресса. А затем — затем в памятные блоки методом цереброкопирования переносятся личности крупнейших ученых века. Первоначально они записываются каждая на отдельный блок, и только потом между ними постепенно возникают связи, объединяющие их в единое целое — «Гениак». Проект изящный. Но...

— Значит, остальные согласились... — повторил Брод. — Когда я буду вам нужен?

— Копирование — процесс сложный и длительный, а нам нужно обработать сорок семь объектов. (Как легко это у Гранжа получилось — «объектов»! Ведь каждый из них — человек...) Думаю, с вами мы займемся месяца через три. Точнее мы сообщим дополнительно.

— Только не позже, чем за три дня, — сказал Брод и поднялся из-за стола, протягивая Гранжу руку...

Сперва Гранж позвонил ему по телефону.

— Простите, что беспокою вас во время уик-энда, Брод. Помните, что вы сказали мне тогда, после копирования?

— Да, — ответил Брод. — Помню, конечно (Тогда, расставаясь с Гранжем, он не удержался и сказал: «Если у вас начнутся какие-либо... м-м... чудеса, сообщите, пожалуйста, мне. Хорошо?») Так что у вас случилось?

— Скажите, вы не смогли бы приехать к нам в Центр?

Брод подумал.

— В понедельник, в четыре часа вас устроит?

— Спасибо, Брод, я вам очень признателен!

И вот теперь они сидели друг против друга в кабинете Гранжа.

— Так что у вас случилось?

— Если бы я знал! Пока мы налаживали коммуникации между отдельными индивидуальностными блоками и подсоединяли их в базовой памяти, все шло очень хорошо. Месяц назад этот этап работы был закончен. И тогда мы поставили перед «Гениаком» первую проблему. Какую, не суть важно пока, тем паче что заказчик категорически против разглашения тайны заказа. Мы ожидали чего угодно, любого невероятного ответа. А получили...

— Получили?

— Мы сами не знаем, что получили. Вот уже месяц наши программисты пытаются расшифровать ответ, но ничего осмысленного получить пока не удалось. Понимаете, если бы «Гениак» ответил, что дважды два — пять, это могло бы быть или ошибкой, или открытием. Но когда он отвечает, что дважды два — крокодилий хвост ночью...

Брод улыбнулся.

— Неадекватность реакции. Все правильно.

— То есть?

— Я хочу сказать, что примерно так и должно было быть.

— Почему?

— Вы хотели создать сверхинтеллект, Гранж. А создали... Знаете, что вы создали? Сорок семь личностей в одной — это сверхшизофреник, Гранж!

— И вы знали это с самого начала?!

— Знал?.. Нет, пожалуй. Предполагал — это точнее.

— И все-таки молчали? — В голосе Гранжа прорвались какие-то хриплые ноты.

— Вы даже не представляете, как нужен ваш «Гениак» нам, психиатрам...

АЛЕКСАНДР СИЛЕЦКИЙ

ТАКАЯ РАБОТА...

Когда над лоджией его квартиры зависло летающее блюдце, Расстегаев решил, что это уж слишком.

«Это мои оппоненты, — подумал он. — Я знал, что они не отстанут, но такой пакости не ожидал. Ну, мы еще посмотрим!..»

Только сегодня в «Утренней газете» появилась статья Расстегаева, где он окончательно, официально и научно-компетентно разделался со всей этой летучей нечистью. Статья была строго аргументирована, все факты детально объяснены.

Конечно, сторонники НЛО должны были всполошиться.

Расстегаев ждал звонков, открыток, писем, телеграмм, визитов, наконец. Он был готов дать всем отпор. Но то, что он увидел... «До инфаркта хотят довести, — зло решил Расстегаев. — Уже прибегли к помощи гипнотизера».

Меж тем от блюдца к лоджии перекинулся мосток, и по нему не спеша, но деловито спустился некто.

«Как утверждают шарлатаны, гуманоид, — отметил Расстегаев про себя. — Недурная работа!»

— Философ Расстегаев? — уточнил гуманоид, ловко балансируя на перилах. — Основной специалист?

— Воспитанные люди здороваются прежде, — ухмыльнулся философ. — Ну, предположим, я. А дальше что?

— Вы свой долг исполнили, дружище, — произнес гуманоид, глядя на него не зло и не добродушно — в сущности, никак. — Собирайтесь. У нас времени в обрез.

— Ну, знаете! — задохнулся Расстегаев. — У всяких шуток должен быть предел. Я завтра же...

— Завтра — не надо, — глухо возразил гуманоид. — Вообще — не надо больше. Никогда. Вы все сделали отлично. Так что, идем?

Лицо Расстегаева неожиданно осветила дикая мученическая улыбка, и дрожащей рукой он быстро нашарил на столе чернильный бронзовый прибор — подарок сослуживцев ко дню рождения.

— Только троньте, — прохрипел философ. — Я не посмотрю...

— Дело ваше, — то ли с насмешкой, то ли с досадой отозвался гуманоид. — Зря вы так. Заботы лишние...

— Пошли вы к черту! — рявкнул Расстегаев.

Гуманоид повернулся и, ни слова более не говоря, взбежал по трапу. Люк захлопнулся, и блюдце улетело, бесшумно растворившись в воздухе, словно и не появлялось никогда.

«Травят, — с горечью подумал Расстегаев и носовым платком промокнул со лба пот. — Нет, я так дела не оставлю!..»

Он снял телефонную трубку, набрал номер и долго, ругаясь и вздыхая, рассказывал о происшедшем.

— Действительно, нехорошо, — согласился собеседник Расстегаева на том конце провода. — Так грубо, в лоб... Ну ладно, не волнуйтесь. Постараюсь быть полезен. Мои наилучшие пожелания!

Собеседник Расстегаева повесил трубку и на всякий случай придавил ее к аппарату рукой. Он знал, что в эту же секунду сработает аварийное реле и пространственный передатчик швырнет Расстегаева далеко за пределы солнечной системы. Попросту вернет домой. Потому что он свою миссию наконец выполнил. Пускай на время, но закрыл вопрос. Конечно, понятно: Расстегаев слишком вжился в роль, бедняга, всего предусмотреть нельзя. Ну ничего, отвыкнет. А сейчас — самое время работать...

КЛЕТКА

БЕРТРАМ ЧЕНДЛЕР,
американский писатель

Фантастический рассказ

Посадка на неизвестную планету была вызвана тем, что закапризничали приборы электронного контроля над генераторами и «Счастливую звезду» отнесло в неизведанный район Вселенной. В довершение беды при соприкосновении корабля с поверхностью планеты вышел из строя ядерный реактор, и капитан, приказав помощнику Хокинсу срочно эвакуировать пассажиров, остался с несколькими механиками на борту, пытаясь ликвидировать последствия аварии.

Едва Хокинс успел отвести людей на безопасное расстояние, как раздался мощный взрыв. На том месте, где только что возвышалась стройная «Счастливая звезда», зиял гигантский кратер...

С оставшихся в живых пассажиров и членов экипажа быстро сходил лоск цивилизации. Атмосфера планеты, пригодная для дыхания, оказалась удушливой и жаркой. С неба беспрерывно моросил теплый дождь. Воздух буквально кишел спорами грибов, которые великодушно не трогали живую плоть, но охотно пожирали одежду. В чуть меньшей степени грибам пришлись по вкусу металлические предметы.

Проблема добывания пищи разрешилась довольно скоро. Несколько добровольцев, вконец ошалев от голода, осмелились отведать сочных грибов, сплошь покрывавших стволы огромных папоротникообразных деревьев, и нашли их довольно питательными и вкусными. Когда выяснилось, что ни один из дегустаторов не собирается корчиться в страшных судорогах, грибы стали основным предметом рациона.

Люди основали постоянное поселение на вершине небольшого холма — гор на планете не было. Растительность на холме была менее густой, а почва не столь заболоченной. Вайи папоротникообразных деревьев пошли на постройку примитивных жилищ.

Не в силах отказаться от привычных форм общественного управления, поселенцы избрали совет под председательством корабельного доктора Бойле. Хокинс, к своему глубочайшему удивлению, был выбран простым членом совета — большинство пассажиров, очевидно, все еще считали его одним из основных виновников теперешнего бедственного положения.

Первое заседание состоялось в специально оборудованном шалаше. Чле-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

ны совета расселись по кругу. Председатель Бойле медленно поднялся на ноги. Хокинс криво усмехнулся — исполненной достоинства позе доктора, явно кичащегося своим высоким положением, никак не соответствовали грязные, всклокоченные седые волосы, неухоженная, нечесаная борода и полное отсутствие одежды.

— Леди и джентльмены, — начал Бойле. — Судьба избрала нас представителями человечества на этой заброшенной планете. Я предлагаю обсудить, каковы наши шансы на выживание — не как отдельных индивидуумов, но целой расы...

— Я хочу спросить у мистера Хокинса, есть ли надежда, что нас спасут? — выкрикнула с места одна из двух избранных в совет женщин, кокетливо одетая в юбочку из листьев.

— Ничтожная, — ответил Хокинс. — Перед посадкой мы успели послать сигнал о помощи, но от него мало толку — мы даже не знали координат. Более того, нет никакой уверенности, что кто-то нас услышал...

— Мисс Тэйлор, — обиженно прервал Хокинса доктор Бойле. — Позвольте напомнить вам, что меня выбрали председателем совета. Вы получите слово, когда я сочту нужным. Как многие из вас могли догадаться, — продолжал он, — эта планета находится в стадии развития, соответствующей примерно земному каменноугольному периоду. К тому времени, когда появятся более или менее разумные существа, наши потомки расселятся по всей планете. Мы должны обеспечить им максимально благоприятные условия существования. Мы оставим им наш язык...

— Плевать мне на язык, доктор! — оборвала его Мэри Харт, стройная блондинка небольшого роста с решительным лицом. — Меня прежде всего волнует именно вопрос о потомках. Я представляю в совете женщин, которые могут иметь детей. Здесь нас пятьдесят три человека, мужчин и женщин. Десять супружеских пар — их мы должны исключить. Остаются тридцать три человека, из которых двадцать — мужчины. Двадцать мужчин и тринадцать женщин. Предвижу серьезные осложнения на почве неизбежной ревности, жертвой которой может пасть любой из нас. Этого нельзя допустить.

— И что вы предлагаете, мисс Харт? — осведомился Бойле.

— Если двое мужчин воспылают страстью к одной и той же женщине, пусть они в честном бою решают, кто наиболее достоин этой чести.

— Ну что ж, своего рода естественный отбор... — пробормотал доктор.

На вершине холма была неглубокая впадина — естественная арена. Зрители расселись по краям. Роль рефери взял на себя доктор Бойле, который мог заодно оказать первую помощь участнику состязания. Главным призом была Мэри Харт.

Хокинс посмотрел на готовящихся к бою бородатых соперников. Он знал обоих: Феннет служил курсантом на «Счастливой звезде», а Клеменс — как минимум на семь лет старше Феннета — был коммивояжером.

— Имей мы чем побиться об заклад, я бы поставил на Клеменса, — заявил толстяк, расположившийся рядом с Хокинсом. — Сопляк курсант долго не продержится. Его поколение не умеет драться, а Клеменс знает все приемы кулачного боя.

— Феннет в лучшей форме, — отпарировал Хокинс. — Он ни минуты не сидел без дела, а Клеменс только объедался грибами и валялся на траве. Смотрите, какое у него брюхо!

— Здоровая упитанность еще никому не вредила, — обиженно ответил толстяк, поглаживая собственную выпуклость.

— Не кусаться, не выцарапывать глаза! — провозгласил рефери Бойле. — Пусть победит сильнейший!

Феннет вздрогнул, нерешительно шагнул вперед и ткнул кулаком в незащищенное лицо Клеменса. Удар получился несильный, но, видимо, болезненный. Клеменс прикоснулся к носу и с недоумением уставился на струившуюся по пальцам кровь. Осознав случившееся, он зарычал, как раненый бык, и прыгнул, намереваясь сокрушить противника одним махом...

Что-то заставило Хокинса поднять голову. Вряд ли его привлек какой-то звук — толпа ревела, как на финальном матче профессиональных боксеров. Что ж, людей было легко понять — впервые после гибели корабля они получили возможность поразвлечься. Однако, как было сказано, Хокинс поднял голову и... остолбенел. Над ареной парил вертолет. Какие-то неуловимые детали или особенности конструкции подсказали Хокинсу, что это не земная машина. Внезапно из блестящего полированного брюха вертолета выскользнула тусклая металлическая сеть и свалилась прямо на сцепившихся соперников, прихватив заодно рефери-доктора, Мэри Харт и подошедшую к ним поближе в азарте зрителя мисс Тэйлор. А когда Хокинс вскочил на ноги, чтобы помочь ей, сеть, словно живая, обвила его лодыжки и скрутила запястья...

Условия, в которых оказались пленники, выгодно отличались бы от покинутого ими мира, если бы не ненужная доброта и заботливость хозяев корабля. Клетка, где сидели трое мужчин, с замечательной точностью воспроизводила климатические условия планеты, где потерпела катастрофу «Счастливая звезда». Из отверстий в крыше беспрерывно просачивались капли до отвращения теплой воды, от которой не спасали два унылых папоротникообразных дерева. Дважды в день дверца клетки приоткрывалась, и пленникам давали грибы, точно такие же, как на покинутой планете.

Справа и слева стояли другие клетки. Справа сидела Мэри Харт, с которой мужчины могли обмениваться знаками, — материал, из которого были сделаны стены, оказался звуконепроницаемым. Соседнюю клетку слева занимало неведомое чудовище, напоминающее гигантского кальмара. По противоположной стороне широкого прохода виднелись другие клетки, но их обитателей нельзя было различить.

Хокинс, Бойле и Феннет сидели на мокром полу и глазели через толстое стекло на своих тюремщиков, которые, в свою очередь, рассматривали их.

— Если бы только они были гуманоидами, — вздохнул доктор. — Мы могли бы тогда попытаться установить контакт и доказать, что мы разумные существа.

— К сожалению, они не гуманоиды, — произнес Хокинс. — Впрочем, окажись мы на их месте, нас бы было трудновато убедить в том, что эти пивные бочонки с шестью щупальцами — братья по разуму... Попробуйте еще раз теорему Пифагора, — обратился он к курсанту.

Юноша без всякого энтузиазма соорудил на полу из веточек треугольник с квадратами на катетах и гипотенузе. Инопланетяне с видимым безразличием следили за манипуляциями Феннета плоскими безжизненными глазами.

— Давайте попробуем разобраться в создавшемся положении, — предложил доктор. — Итак, шестерых членов нашего сообщества на планете поймали в сеть. Вертолет доставил нас на разведывательный корабль, который, по-видимому, не превосходит по своим размерам межзвездные корабли землян. Нас посадили в этот зверинец. Вначале с нами обращались гуманно, часто давали грибы и воду. Затем двое наших тюремщиков засунули внутрь клетки шесты с сетями и выудили Клеменса и мисс Тэйлор. Больше мы их не видели. На следующий день от нас отсадили Мэри Харт...

— Неужели их подвергли вивисекции? — с трепетом спросил Феннет. — Я никогда не любил Клеменса, но...

— Боюсь, что наших соотечественников постигла самая печальная участь, — вздохнул Бойле. — Вскрытие позволило инопланетянам устано-

вить разницу между полами и классифицировать нас. К сожалению, вивисекция не дает возможности судить о развитии разума...

— Подлые твари! — не сдержался курсант.

— Я где-то читал, — припомнил Хокинс, — что история происхождения человека — это история животных, которые научились разводить огонь, использовать и изготовлять орудия труда...

— Так разведите огонь, — предложил доктор. — Сделайте для нас какие-нибудь орудия...

— Не валяйте дурака. Сами знаете, что у нас ничего нет. Даже вставных челюстей. Даже если... — Хокинс задумался. — Когда я служил курсантом на космических кораблях, нас обучали древним ремеслам: искусству плетения веревок и корзин. На пассажирских кораблях мы плели корзины, раскрашивали их в яркие цвета и продавали пассажирам как подлинные сувениры с погибшей планеты Арктурус.

— К чему вы клоните? — перебил доктор.

— Сейчас поймете. Я научу вас плести корзины, и инопланетяне поймут, что мы разумные существа.

— Возможно... — задумчиво пробормотал доктор. — Это может сработать. С другой стороны, не забывайте, что бобры строят весьма сложные домики, а некоторые птицы во время брачного ритуала сплетают гнезда для привлечения партнера...

Видимо, Главному Надсмотрщику тоже были известны животные, повадки которых напоминают брачные игры земных птиц. Через три дня лихорадочного плетения корзин, на которые ушла вся подстилка и вайи папоротников, трое мужчин были вознаграждены за труды — к ним подсадили Мэри Харт. Когда прошла счастливая истерика и Мэри узнала, чем вызвано переселение, она еще долго негодовала.

Хорошо, что Мэри с нами, подумал Хокинс, засыпая. Еще несколько дней одиночного заключения, и рассудок девушки мог помрачиться. С другой стороны, присутствие Мэри в одной клетке с ними накладывало на помощника определенные обязанности. Нужно внимательно следить за юным Феннетом. Да и Бойле нельзя оставлять без присмотра — старый козел!

Мэри завизжала.

Хокинс мгновенно очнулся, вскочил на ноги и подошел к девушке.

— Что случилось?

— Н-не знаю, — пролепетала Мэри. — Что-то маленькое, с острыми когтями... Оно пробежало по мне...

— О, — усмехнулся Хокинс, — это всего лишь Джо.

— Кто такой Джо? — с недоумением спросила девушка.

— Видимо, местный эквивалент мыши, — ответил проснувшийся доктор. — По ночам он вылезает из какой-то дырки в полу. Мы пытаемся его приручить...

— Вы хотите развести здесь такую гадость? — накинулась на мужчин Мэри. — Поймайте его как-нибудь и убейте. Немедленно!

— Завтра, — сказал Хокинс.

— Сейчас же! — завизжала Мэри.

— Завтра, — твердо пообещал Хокинс.

Поимка Джо оказалась нехитрым делом. Ловушку изготовили из двух плоских корзин, скрепленных наподобие створок раковины устрицы. Внутрь положили приманку — кусочек гриба. Коварно установленная распорка должна была свалиться после малейшего прикосновения к приманке. Хокинс, бодрствующий на отсыревшем ложе, услышал хлопок, подсказавший ему, что ловушка захлопнулась. Послышалось негодующее лопотание Джо, и крошечные коготки заскребли по стенке корзинки.

— Мы поймали Джо.

— Убейте его, чего вы ждете? — сонным голосом сказала девушка.

Но Джо не убили. Мужчины успели к нему привязаться. На рассвете Джо пересадили в маленькую клетку, которую смастерил изобретательный Хокинс. Даже Мэри оттаяла, увидев крошечный пушистый комочек разноцветного меха, без устали снующий по клетке и громко протестующий против лишения свободы. Мэри настояла на том, что только она будет кормить зверька, и ликующе захлопала в ладоши, когда нежные щупальца впервые нерешительно взяли кусочек гриба с ее ладони.

Три дня они не спускали глаз со своего любимца. На четвертый день в клетку вошли надсмотрщики, увели Хокинса и забрали Джо.

— Боюсь, что больше мы его не увидим, — произнес Бойле. — Его постигла та же участь...

— Они изготовят из него чучело и выставят в зоологическом музее, — мрачно высказался Феннет.

— Нет, — решительно заявила Мэри. — Они не посмеют!

— Посмеют, — горько усмехнулся доктор.

Внезапно дверца клетки распахнулась. Прежде чем пленники успели отступить в угол, раздался знакомый голос:

— Все в порядке. Это я.

В клетку вошел Хокинс. Он был чисто выбрит, а на щеках появился бронзовый загар. Ноги бывшего помощника капитана обтягивали брюки, сшитые из ярко-красной ткани.

— Выходите! — сказал он. — Наши хозяева искренне извиняются перед нами и предлагают более удобные апартаменты. Как только все будет готово, мы полетим за нашими соотечественниками.

— Постойте, Хокинс, не так быстро, — взмолился доктор. — Как они поняли, что мы разумные существа?

Лицо Хокинса потемнело.

— Только разумные существа способны сажать живых тварей в клетки!

Перевел с английского
А. САНИН

ВОЛЬФГАНГ КЁЛЕР (ГДР)

МУСОРЩИКИ

Между Марсом и Юпитером находится обширная область, заполненная космическими обломками, которую мы именуем астероидным поясом. Для объяснения этого феномена существуют различные гипотезы. Одна из них, например, истолковывает образование астероидов взрывом планеты...

Из центра Галактики через межзвездное пространство двигалась необычайная кавалькада: небольшой космический корабль увлекал за собою в гигантском силовом поле тысячи и тысячи обломков.

— Альфа, когда же мы наконец будем возвращаться?

Оба члена экипажа часами сидели в центральном посту управления и пересматривали галактические карты в поисках подходящей для их замысла звездной системы.

Командир корабля в пылу работы пропустил вопрос мимо ушей.

— Альфа, как далеко еще ты хочешь забраться в эту глушь? Мы ведь уже давно оставили позади все обитаемые центры. — Второй пилот, раздраженно отбросив навигационный атлас, снова обратился к командиру: — Может, все-таки будем держать курс на ближайшую к нам звезду?

Тот, к кому был обращен вопрос, молча смотрел на лежавшие перед ним таблицы.

— Хм, Бета, это было бы простейшим решением, но мы должны... Впрочем, ладно. Слишком уж невероятно, что здесь, в этой глуши, когда-либо пройдет космический корабль или тем более возникнет жизнь.

Закончив с расчетами, командир направился к пульту управления.

Корабль слегка содрогнулся: заработали двигатели торможения. Достигнув солнечной системы, космонавты начали поиски благоприятного места для размещения обломков, находившихся в силовом поле.

— Самым оптимальным мне кажется выбросить мусор между четвертой и пятой планетами, — сказал второй пилот, показывая командиру карту.

— Можно и здесь. Хотя, в сущности, безразлично, где мы оставим наш груз, ибо в этих местах так или иначе никакая жизнь развиваться не сможет. Но использование незаполненного пространства между двумя планетами прямо-таки напрашивается. Главное же, что весь этот мусор не будет больше препятствовать движению в центре нашей Галактики. Программируй выход на эту траекторию!

Несколькими часами позднее лавина хлама обрушилась в пространство между Марсом и Юпитером, а космический мусорщик повернул к центру Галактики.

Через несколько тысячелетий земной космический корабль «Геркулес» летел к Юпитеру, пересекая астероидный пояс.

В командном пункте царила лихорадочная деятельность. Бортовой компьютер работал без перерыва.

— Черт побери, из-за этого дерьма мы едва сдвинулись с места. Это настоящая мусорная свалка. Помойная яма вряд ли выглядела бы хуже.

— Не нервничай, капитан. Сюда следует вызвать мусоровоз, который отбуксирует весь этот хлам куда-нибудь подальше, в центр Галактики, — произнес штурман и снова обратил свои взоры к компьютеру.

Перевели с немецкого В. и И. СВИРСКИЕ

ЮРИЙ КИРИЛЛОВ, ВИКТОР АДАМЕНКО

ВНЕДРЕНИЕ

Название звездолета «Диоген-1» полностью отражало цель звездного путешествия. Древнегреческий мудрец, как известно, большую часть жизни занимался поисками человека. Его же космический тезка искал разумную жизнь во вселенной...

— Командир, — взволнованно сказал штурман, — данные спектрального анализа показали наличие органического вещества на планете Ромбус, вращающейся вокруг звезды альфа Орион.

«Неужели удача?!» — подумал командир.

— Пригласите ко мне, пожалуйста, членов Совета звездолета.

Картина, которую увидели астронавты, вызвала буйный восторг. В джунглях разгуливали огромные динозавры, а над ними парили птеродактили. Планета обитаема! Когда страсти улеглись, Совет принял решение о высадке на планету пяти членов экипажа во главе с командиром.

Разгуливающие и летающие ящеры указывали на то, что скорее всего на Ромбусе нет развитой цивилизации, разве что на планете живут дикари. Инструкция категорически запрещала вмешиваться в ход исторического процесса. Поэтому необходимо незаметно внедриться в среду аборигенов. Группа внедрения выглядела подобно настоящим дикарям: звериные шкуры на плечах, у каждого в руке дубинка. Много часов блуждали они по джунглям, прежде чем увидели первого аборигена. Увидев новоиспеченных дикарей, он бросился к ним с радостными возгласами. Нечленораздельная речь аборигена мгновенно была расшифрована астронавтами с помощью миниатюрных электронных устройств. По приглашению дикаря астронавты подошли к хижине, возле которой несколько его собратьев зажаривали на костре тушу кабана. Приветливо встретив незнакомцев, они жестами пригласили их на трапезу.

За несколько дней дружба между астронавтами и аборигенами настолько окрепла, что землянам трудно было найти причину, чтобы расстаться с дикарями. Наконец командиру «Диогена-1» пришлось объяснить дикарям, что они должны уйти за женами. Но они вернутся. В залог этого командир подарил вождю собственного изготовления кремневый нож... Операция «Внедрение» прошла успешно.

...Председатель Совета по проблеме обнаружения внеземных цивилизаций был очень доволен докладом командира звездолета «Диоген-1».

— Вы с честью выполнили задание, — сказал он. — И пусть вас не огорчает, что звездолет «Диоген-2», вылетевший после старта вашего корабля в противоположном направлении, побывал на планете Ромбус раньше. Теоретически давно было известно, что пространство искривлено. Следовательно, два звездолета, вылетевшие в диаметрально противоположных направлениях, могут встретиться в одной и той же точке пространства аналогично двум теплоходам, отправившимся в кругосветное путешествие вокруг Земли. «Диоген-2» оказался вблизи так называемой «черной дыры», где колоссально сконцентрирована масса и особенно велико искривление пространства. Поэтому траектория звездолета изменилась, и он опередил вас. Оба звездолета доставили важное подтверждение наличия разумной жизни на этой планете. Хочу познакомить вас с командиром звездолета «Диоген-2».

Капитаны обменялись дружескими улыбками, вызвавшими, однако, у обоих какие-то смутные ассоциации. Затем командир «Диогена-2» неуверенно положил на стол председателя Совета уже знакомый коллеге кремневый нож, доставленный им в качестве доказательства существования разума на планете Ромбус.

А. СЛАВЯНСКИЙ, В. СЛАВЯНСКИЙ

НАХОДКА

Он лежал на спине и смотрел в подернутое знойной дымкой безоблачное небо. Вставать было лень. Не хотелось возвращаться к раскопу, опять тащиться по раскаленному песку. Мысли медленно ворочались и были такими же мутными, как и небо над этим бескрайним морем барханов.

Взяв за хвост проползавшую мимо гюрзу, он без интереса смотрел, как та, с остервенением извиваясь, пыталась ужалить. Потом вяло отбросил змею.

— Сердитая какая... Ладно, ползи... Да и пора поработать. К приезду шефа надо хоть что-то успеть... Вообще-то шеф старик неплохой, но разнос может устроить запросто. И за эту прогулку в пески он бы по головке не погладил... Ну хватит, пошли!

Неожиданно легко поднявшись на ноги, он направился к лагерю, придерживаясь цепочки следов, оставленной им двумя часами раньше.

Еще издалека он заметил, что в раскопе царит оживление. Чем ближе он подходил, тем быстрее становился шаг. Когда он подбежал к краю раскопа и заглянул вниз, сразу стала понятна причина этого волнения. У края противоположной стенки, которая за время его отсутствия заметно отодвинулась, он увидел невероятных размеров челюсть, вооруженную прямыми страшными зубами. Она побурела от времени и местами была покрыта окаменевшей грязью многовековой давности.

С оглушительным воем упругие воздушные струи снимали породу пласт за пластом. Волнение присутствующих росло с каждой минутой. Когда же стало ясно, что найдена не отдельная деталь, а отлично сохранившийся экземпляр, наэлектризованная атмосфера надежды и ожидания разрядилась дружным «ура!».

Он с первого взгляда понял, что прежде ему не приходилось встречать ничего подобного. Тот, которого они раскопали, оказался действительно огромным, но выглядел каким-то угловатым и неуклюжим. Гигант лежал на брюхе, безвольно уткнувшись в землю своей единственной челюстью. Шея, мощная, длинная, начиналась на нижней части корпуса. Резкие изломы и утолщения придавали ей довольно экзотический вид.

Он спустился в раскоп. Челюсть была раза в два выше его. Улучив момент, когда на него никто не смотрел, он осторожно погладил рукой грубую, как наждак, поверхность.

«Да... — мелькнуло в голове. — Ведь когда-то подобные твари встречались повсюду. Их было полно не только на земле, но и на воде и под водой. Некоторые даже под землю умудрились проникнуть. А каких размеров они достигали... Были и такие, что этот гигант по сравнению с ними просто малютка. И ведь это ж сколько энергии требовалось, чтобы хоть на метр сдвинуть такую махину. Конечно, были они грубо сработаны, что называется «проба пера», но так или иначе природа сама начала с гигантов. В конце концов все они медленно, но верно исчезли с лица Земли. Что же послужило причиной? Не выдержали конкуренции, резкая перемена условий или что-то еще?.. Нет, все-таки шеф не прав, утверждая, что первые из них появились, когда эволюция органического мира уже прошла несколько этапов. Больше того, он уверен, что только благодаря этому появились вот такие чудовища, а потом и все мы».

И тут он понял, что смотрит на распластанное перед ним чудище с уважением и каким-то внутренним трепетом.

«Как-никак мой предок, пусть непрямой, но все же одно из звеньев в цепи развития. Гм, а, пожалуй, это и к лучшему, что их уже больше нет. Появись теперь такой пра-пра где-нибудь на улице... Представляю картинку!.. Нам здорово повезло: сегодняшняя находка, по всей вероятности, очень важна — будет, чем шефа порадовать...»

В этот момент раздался голос.

— Внимание, — как всегда, чуть нараспев говорил экспедиционный транслятор, — всем Роботам Интеллектуального Направления Автоматической Археологической Экспедиции собраться у палатки № 3 для получения исходной информации о найденном тяжелом экскаваторе. Повторяю, всем Роботам Интеллектуального Направления...,

РИН-12, стряхнув с ладоней кусочки ископаемой ржавчины, повернулся и быстрым шагом направился к третьей палатке.